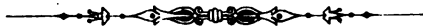

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

1882.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. МАЗЕПА. Монографія. Главы I—III.— Н. И. Костомарова . . .	1
II. САШКА. Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова	65
III. ГОЛЬ. Романъ. Часть первая, кн. I.— А. Михайлова	121
IV. ПРОВОЗВѢСТНИКИ ГУССИТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.— С. А. Венгерова	180
V. ВАЛЬТЕРЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ФОГЕЛЬВЕЙДЕ. Стихотвор.— Д. Н. Садовникова	208
VI. РАВНЕНІЕ «ПОДЪ-ОДНО». Изъ памятной книжки.— Г. И. Успенскаго	210
VII. ГЕРМАНСКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.— А. И. Герцена	239
VIII. ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА. Изъ Бодлера. Стихотвор.— Д. Л. Михайловскаго	253
IX. АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ. Очерки современнаго сеѣтанства. Гл. VIII—XII.— А. С. Пругавина	255
X. ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ, НАЧИНАЯ СЪ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА. I.— Н. П. Колюпанова	289
XI. АМЕРИКА ВЪ РОССІИ. Гл. I—III.— В. И. Немировича-Данченко	318
XII. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ РОССІИ. I.— В. В.	357
XIII. ПЯТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ТИФЛИСЪ.— В. Ф. Миллера	17
XIV. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВОПРОСОМЪ. I.— Н. С.	37
XV. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
«Долгъ». Соч. Самуэля Смайльса. Перев. съ англійскаго С. Майковой . — «Общепонятная гигиена». Д-ра медицины Ир. Скворцова . — «Памяти Пушкина». Виктора Острогорскаго . — «Въ тихомъ омутѣ». Разказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ. Н. И. Наумова . — «Запросы жизни». Романъ М. И. Красова (Л. Е. Оболенскаго).— Н.	61
«Сочиненія Н. К. Михайловскаго».— И. И. Иванюкова	79

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская
улица, въ домѣ Дреземейеръ.

Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи,
кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/64

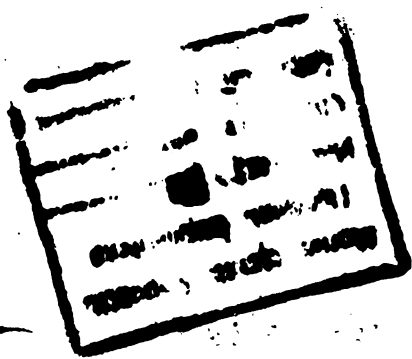
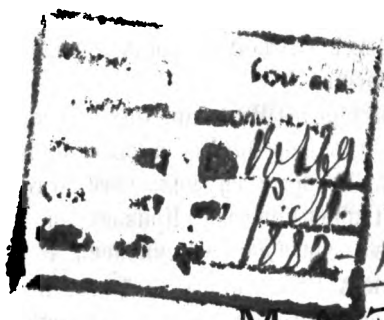
UNIV. OF CALIFORNIA
~~WITHDRAWN~~

AP50
R 875
v. 3:1
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. МАЗЕПА. Монографія. Главы I—III.—Н. И. Костомарова . . .	1
II. САШКА. Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова.	65
III. ГОЛЬ. Романъ. Часть первая, кн. I.—А. Михайлова.	121
IV. ПРОВОЗВѢСТНИКИ ГУССИТСКАГО ДВИЖЕНІЯ.—С. А. Венгерова.	180
V. ВАЛЬТЕРЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ФОГЕЛЬВЕЙДЕ. Стихотвор.—Д. Н. Садовникова.	208
VI. РАВНЕНІЕ «ПОДЪ-ОДНО». Изъ памятной книжки.—Г. И. Успенскаго.	210
VII. ГЕРМАНСКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.—А. И. Герцена.	239
VIII. ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА. Изъ Бодлера. Стихотвор.—Д. Л. Михайловскаго.	253
IX. АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ. Очерка современнаго сектантства. Гл. VIII—XII.—А. С. Пругавина.	255
X. ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССИИ, НАЧИНАЯ СЪ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА. I.—Н. П. Колюпанова.	289
XI. АМЕРИКА ВЪ РОССИИ. Гл. I—III.—В. И. Немировича-Данченко.	318
XII. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ РОССИИ. I.—В. В.	357
XIII. ПЯТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ТИФЛИСЪ.—В. Ф. Миллера.	17
XIV. ЗАМѢТКИ О РУССКОЙ И НѢМЕЦКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМЪ ВОПРОСОМЪ. I.—Н. С.	37
XV. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:	
«Долгъ». Соч. Самуэля Смайльса. Перев. съ англійскаго С. Майковой.—«Общепонятная гигиена». Д-ра медицины Ир. Скворцова.—«Памяти Пушкина». Виктора Острогорскаго.—«Въ тихомъ омутѣ». Разказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ. Н. И. Наумова.—«Запросы жизни». Романъ М. И. Красова (Л. Е. Оболенскаго).—Н.	61
«Сочиненія Н. К. Михайловскаго».—И. И. Иванюкова.	79

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
I. Новый годъ.—В. Г.	83
II. Интересы минуты. —снаго.	87
XVII. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ НЫНѢ ДѢЙСТВУЮЩАГО ПОЛОЖЕНІЯ О ГОРОДСКИХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БАНКАХЪ.—Оренбургскаго городского головы Н. А. Середы. .	121
XVIII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:	
Дебютъ новаго министерства. — Переѣзды въ дипломатіи. — Программа министра народнаго просвѣщенія. — Рѣчь министра торговли. — Театръ: «Odette» и «La fille d'un déporté». — Новости литературы: Этюдъ г. Ириарта объ итальянскихъ кондотьеры XV вѣка и «Маркъ Аврелій и ко-нець древняго міра» г. Ренана. — Обзоръ періодическихъ изданій. — W***	134
~~~~~	
<b>Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ Динненса. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—III . . . . .</b>	<b>3</b>
~~~~~	


М А З Е П А.

И С Т О Ч Н И К И.

При составленіи настоящей монографіи служили мнѣ матеріалами слѣдующіе источники:

1. Современные обрабатываемой эпохѣ письменные памятники, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ: главнымъ образомъ дѣла бывшаго Малороссійскаго Приказа, соединеннаго съ Приказомъ Посольскимъ. Это: а) Пріѣзды въ Москву гетманскихъ и запорожскихъ посланцевъ, ихъ распросныя рѣчи о текущихъ событіяхъ, происходившихъ въ малороссійскомъ краѣ, подвѣдомственномъ гетманскому управленію, официальные донесенія, привозимыя ими отъ гетмана, а также письма гетмана къ государственнымъ особамъ, прилагаемыя при официальныхъ донесеніяхъ, копии съ писемъ иноземныхъ, которыя присылались къ гетману, донесенія, поданныя гетману отъ лицъ, посланныхъ имъ съ порученіями, распросныя рѣчи и сказки, отобранныя отъ разныхъ лицъ въ малороссійскомъ краѣ, и всякаго рода извѣщенія, которыя гетманъ считалъ нужнымъ сообщать верховному правительству. б) Пріѣзды въ Москву изъ малороссійскаго края лицъ духовнаго званія и мѣщанъ изъ малороссійскихъ городовъ, обыкновенно являвшихся за полученіемъ жалованныхъ грамотъ и разныхъ царскихъ милостей. в) Отписки великороссійскихъ воеводъ, находившихся на царской службѣ въ малороссійскомъ краѣ. г) Пріѣзды изъ Москвы въ Малороссію къ гетману и въ Запорожскую Сѣчу царскихъ пословъ и гонцовъ съ царскими грамотами, даваемые имъ изъ Посольскаго Приказа Наказы, и статейные списки, представляемые въ тотъ же Приказъ ими по окончаніи порученія, съ разными свѣдѣніями, полученными во время пребыванія въ Малороссіи. Всѣ подлинныя письма и документы, принадлежавшіе къ этимъ дѣламъ, извлечены отсюда и составляютъ особый отдѣлъ, носящій названіе «Подлинники». Эти подлинники — самыя драгоценныя и любопытныя бумажки въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ собственно малороссійскихъ дѣлъ, то-есть дѣлъ бывшаго Малороссійскаго Приказа, служили мнѣ источниками при надобности и другія дѣла Посольскаго Приказа, хранящіеся въ томъ же Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, преиму-

щественно польскія и крымскія въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія съ Польшею и Крымомъ касались Малороссіи.

2. Дѣла Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Они сохраняются въ свиткахъ, но значительная часть ихъ переписана и внесена въ особыя рукописныя книги по годамъ. Тѣ, которыя служили мнѣ источниками, принадлежали также бывшему Малороссійскому Приказу, а потому иныя изъ нихъ, по своему содержанию, совершенно одинаковы съ тѣми, которыя хранятся въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ; но за то есть громадная масса такихъ дѣлъ, которыя сохранились исключительно въ Архивѣ Министерства Юстиціи, съ тою разницею, что подлинниковъ здѣсь несравненно менѣе.

3. Дѣла Государственнаго Архива, хранящіяся въ Санктъ-Петербургѣ подъ главнымъ вѣдѣніемъ канцлера. Дѣла, относящіяся къ царствованію Петра Великаго, а слѣдовательно къ описываемой мною эпохѣ, составляютъ особое собраніе подъ названіемъ «Кабинета». Они внесены въ особопереплетенныя книги. Здѣсь помѣщены черновые отпуски исходящихъ бумагъ, царскихъ указовъ, царскихъ писемъ, писемъ приближенныхъ къ царю особъ и всякихъ правительственныхъ распоряженій; здѣсь же помѣщены и входящія бумаги: донесенія и извѣщенія, посылаемыя верховному правительству. Кромѣ занесенныхъ въ Кабинетъ, письма нѣкоторыхъ современниковъ Петра Великаго и его сподвижниковъ, какъ напримѣръ Меншикова, Мазепы, Головина, Гольца и другихъ, сохраняются въ подлинникахъ въ особыхъ собраніяхъ.

4. Гисторія Свейской Войны. Это—журналъ, веденный по приказанію Петра Великаго во все продолженіе войны со Швеціей. Журналъ этотъ подъ тѣмъ же названіемъ былъ напечатанъ еще въ прошломъ столѣтіи, но я пользовался имъ въ старой рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ.

5. Рукописи Императорской Публичной Библіотеки. Собраніе польскихъ рукописей время Августъ II. Это сборники, такъ называемые «Sylvae regum», куда заносились документы, письма, рѣчи, описанія и пр.,—вообще все, что въ свое время могло возбуждать интересъ. Такіе сборники, встрѣчаемые въ изобиліи какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ польскихъ книгохранилищахъ и архивахъ, свидѣтельствуя о развитіи у поляковъ интереса къ дѣламъ своего края, служатъ драгоценными матеріалами для занимающихся исторіею Польши и странъ, имѣвшихъ съ Польшею сношенія, но собственно для избранной мною въ настоящемъ случаѣ эпохи польское собраніе рукописей Публичной Библіотеки представило не такъ много богатства, какъ при занятіяхъ другими эпохами малороссійской исторіи, что надобно приписать ходу политическихъ обстоятельствъ того времени.

6. «Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей». Годы 1846—1847 (разныя малорусскія лѣтописи, напечатанныя

тогда въ этомъ изданіи). Годы 1858, № 1, и 1859, № 1 (разные официальные документы и письма, извлеченные изъ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, между прочимъ дѣло Кочубея и Искры).

7. «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи». Томы III и IV, 1830 г. (законы и распоряженія правительства съ 1689 по 1712 годъ).

8. «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. IV.

9. «Письма фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева», 4 т., 1778—1789 гг.

10. «Древняя Русская Вивліоэика», т. XVI. (Сказаніе о взятіи Азова).

11. «Исторія Петра Великаго», соч. Устрялова. Томы I—IV, 1859—1863 гг. (Сочиненіе драгоцѣнное и до сихъ поръ незамѣнимое по множеству матеріаловъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ каждому тому.)

12. Первые *Русскія Вѣдомости*, 1703 г.

13. «Собраніе записокъ о Петрѣ Великомъ», составленное Туманскимъ, 8 томовъ. (Это, теперь уже рѣдкое, изданіе заключаетъ въ себѣ множество современныхъ актовъ и писемъ.)

14. Голикова, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 1788 г.

15. «Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго», Голикова же. Томы 7 и 8, изд. 1791 г., томъ XV, изд. 1795 г. (Здѣсь, особенно въ XV томѣ, есть много современныхъ матеріаловъ, изъ нихъ нѣкоторые встрѣтилъ я въ бумагахъ Государственнаго Архива, но другіе мнѣ извѣстны единственно по тексту, сообщенному въ этомъ изданіи.)

16. «Памятники Кіевской Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ», томы 3—4, изд. 1852 г. (Здѣсь встрѣчаются черты ранней дѣятельности Мазепы еще задолго до его гетманства.)

17. «Архивъ Юго-западной Россіи», часть III, т. II, о козакахъ, изд. 1852 г. (Здѣсь помѣщены документальные матеріалы, относящіеся къ біографіи знаменитаго въ свое время Палѣя и другихъ дѣятелей въ юго-западной Руси, а равно къ возстанію южнорусскаго народа противъ польскихъ пановъ, происходившему на правой сторонѣ Днѣпра въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія.)

18. «Zaluskiego Andr. Chrysost. Epistolarum historico-familiarium». Tom. I—IV in f. (Рѣдкая книга, гдѣ встрѣчаются подробности, относящіяся къ событіямъ, о которыхъ свѣдѣнія передаются въ предшествовавшемъ источникѣ.)

19. «Pamiętniki Chrysostoma Paska», изд. 1877 г. (Любопытныя для бытовой исторіи записки польскаго шляхтича второй половины XVII вѣка, въ которыхъ, между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія о молодыхъ лѣтахъ Мазепы во время его пребыванія въ Польшѣ.)

20. «Акты Западной Россіи», изданные Археографическою Комиссіею, томъ V, изд. 1853 г. (Здѣсь помѣщено нѣсколько актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи въ первыя двѣнадцать лѣтъ гетманства Мазепы.)

21. «Лѣтопись событій въ Юго-западной Россіи». Составилъ Самуиль Величко. Издана Кіевскою Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, томъ III, 1864 г. (Неутомимый собиратель письменныхъ историческихъ матеріаловъ и краснорѣчивый повѣствователь о судьбахъ южно-русскаго края въ XVII вѣкѣ, Самуиль Величко не можетъ быть изъятъ отъ справедливаго порицанія за свое суетное риторство и за крайній недостатокъ критическаго отношенія къ тѣмъ источникамъ, какіе у него были подъ рукою. Многіе считаютъ его умышленнымъ фальсификаторомъ и выдумщикомъ. Дѣйствительно, у него въ лѣтописи помѣщено не мало такихъ документовъ, которыхъ лживость очевидна. Но нельзя не обратить вниманія на то, что самъ авторъ лѣтописи въ своемъ предисловіи къ читателю заранѣе соглашается съ тѣмъ, кто скажетъ, что въ его лѣтописи есть невѣрности, и предоставляетъ читателю исправить ихъ, если читатель найдетъ другіе, болѣе достовѣрные, источники. Такая искренность побуждаетъ насъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ изложенію такихъ событій, которыя совершались въ болѣе близкое время къ написанію этой лѣтописи, когда авторъ могъ быть современникомъ и очевидцемъ излагаемыхъ событій, не подчиняясь слѣпо голосу другихъ, на письмѣ передававшихъ о нихъ свѣдѣнія потомкамъ. Въ III томѣ Лѣтописи Величка излагается исторія Малороссіи со вступленія на гетманство Мазепы до половины 1699 года. Авторъ, сообразно своему обычаю, принятому при составленіи первыхъ двухъ томовъ своей лѣтописи, и въ III томѣ посреди повѣствованія вмѣщаетъ письма и документы; изъ нихъ нѣкоторые извѣстны и по другимъ источникамъ, а потому нѣтъ никакихъ поводовъ подозрѣвать вообще невѣрность сообщаемыхъ въ III томѣ документовъ и думать, что они вымышлены самимъ авторомъ лѣтописи.)

22. «Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, Краткаго описанія Малороссіи и Собранія историческаго». Издана Кіевскою Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Изд. 1878 г. (Эта драгоценная лѣтопись, безспорно самая достовѣрнѣйшая изъ всѣхъ другихъ малороссійскихъ лѣтописей, была уже прежде напечатана въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» въ 1846 году, а теперь вновь переиздана, во-первыхъ потому, что первое изданіе вышло изъ продажи, во-вторыхъ потому, что отыскались новые списки этой лѣтописи съ нѣкоторыми отмѣнами противъ прежняго изданія. Эта лѣтопись, составленная очевидцемъ событій, о которыхъ шла рѣчь, прерывается 1702 годомъ. Извѣстія о событіяхъ дальнѣйшихъ годовъ, внесенныя въ первое изданіе, какъ неразрывная часть единого сочиненія, взяты изъ другой лѣтописи, напечатанной въ приложеніяхъ къ кіевскому изданію подъ названіемъ: «Краткое описаніе Малороссіи»,—и очевидно попадали въ Лѣтопись Самовидца случайно. Извѣстія эти по отношенію къ эпохѣ Мазепы вообще не важны. Что касается до загадочной личности Самовидца, то есть вѣроятіе пред-

полагать, что авторомъ этой лѣтописи былъ Ѳеодоръ Коробка. Это выводится вотъ изъ чего. Лѣтописецъ, упоминая подъ 1660 годомъ о бывшей въ Борисовѣ комиссіи, сообщаетъ, что онъ былъ тамъ съ козаками: «Въ Борисовѣ на початку року починается комиссія, на которую и насъ козаковъ затыгнуно, и былисмо» («Лѣт. Самов.», стр. 61). Но изъ дѣлъ этой комиссіи мы узнаемъ, что тамъ были: нѣжинскій полковникъ Золотаренко, Ѳеодоръ Коробка, Романъ Ракушка и 53 козака (Солов. «Ист. Рос.», т. XI, стр. 110). А такъ какъ о Василіѣ Золотаренкѣ и Романѣ Ракушкѣ («Лѣт. Самов.», стр. 108) тотъ же лѣтописецъ въ другихъ мѣстахъ своей лѣтописи говоритъ въ третьемъ лицѣ, то и дѣлается вѣроятнымъ, что находившійся на Борисовской комиссіи авторъ Лѣтописи Самовидца былъ Ѳеодоръ Коробка, если, разумѣется, не допускать, что авторомъ Лѣтописи Самовидца могъ быть кто-нибудь не изъ трехъ чиновныхъ, а изъ пятидесяти трехъ простыхъ рядовыхъ козаковъ, сопровождавшихъ посольство. Последнее едва ли вѣроятно.)

23. «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, о ея народѣ и о козакахъ, собрано и составлено чрезъ труды инженера генераль-маіора и кавалера Александра Ригельмана», 1785—1787 гг., изд. въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн.» и отдѣльно 1847 года. (Это сборное повѣствованіе событій малороссійскаго края, происходившихъ съ XVI по XVIII вѣкъ включительно, составлено трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ дѣятелемъ прошлаго столѣтія, однимъ изъ тѣхъ, которые, не задаваясь ни притязаніями на ученость, ни щегольствомъ краснорѣчія, имѣли въ виду только собрать и передать потомкамъ свѣдѣнія о томъ, что происходило въ ихъ краѣ съ ихъ предками. «Повѣствованіе» составляетъ четыре части, раздѣляемая на книги. Описываемая нами эпоха излагается въ III части, въ пятой книгѣ. Авторъ включаетъ въ свое повѣствованіе нѣкоторые письма и документы, не давая нигдѣ повода подвергать сомнѣнію сообщаемое имъ какъ документъ, какъ равно и подозрѣвать въ чемъ бы то ни было умышенное искаженіе историческихъ свѣдѣній.)

24. «Лѣтопись Григорія Грабянки собранная и самобитныхъ старожилъ свѣдѣтельствѣ утверженная року 1710». Изд. Кіевск. Времен. Комм. для разбора древнихъ актовъ. Изд. 1854. (Эта лѣтопись, одна изъ подробнѣйшихъ, излагаетъ эпоху Хмельницкаго и событія послѣдовавшаго времени, а о гетманствѣ Мазепы уже говоритъ при концѣ своемъ, сообщаетъ однако любопытныя свѣдѣнія о войнахъ съ бусурманами и о дѣйствіяхъ Палѣя, но съ 1700 года до измѣны Мазепы включительно ограничивается короткими и не важными извѣстіями.)

25. «Исторія Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталіи и взятія остальныхъ шведскихъ войскъ при Переволочнѣ включительно, сочиненная Теофаномъ Прокоповичемъ, бывшимъ архіепископомъ Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ». Изд. 1788 г. (Это сочиненіе, кромѣ извѣстій о современныхъ событіяхъ, писанныхъ человекомъ близко стоявшимъ къ Петру, любопытно и по вѣрной характеристикѣ личности Мазепы.)

26. «Otwinowskiego Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, od roku 1696 po rok 1728». Изд. 1849 г. (Въ ряду событій своего времени, совершавшихся въ Польшѣ въ царствованіе Августа II, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся Палѣя и возстанія южнорусскаго народа на правой сторонѣ Днѣпра, а также и личности Мазепы.)

27. «Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи». Выпускъ VI. 1877 года (сообщеніе о годѣ рожденія Мазепы).

28. «Черниговскаго Намѣстничества Топографическое Описаніе», составленное Шафонскимъ. Изд. 1851 г.

29. «Исторія Малой Россіи», Бантышъ-Каменскаго. Часть III. Отъ избранія Мазепы до уничтоженія гетманства. Изд. 1842 г.

30. «Исторія Россіи», С. Соловьева. Томы XIV и XV. Изд. 1864—1865 годовъ.

31. «Szujskiego Dzieje Polski», т. IV. Изд. 1866 года.

32. «Ambrożego Grabowskiego Starożytności Polckie», 2 tomu. 1840. (Въ числѣ матеріаловъ находится нѣсколько касающихся положенія козаковъ въ концѣ XVII вѣка.)

33. «Tagebuch des Generals Patrick Gordon während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen von Jahre 1655 bis 1660 und seiner Aufenthalt in Russland von Jahre 1661 bis 1699 zum erstenmale vollständig veröffentlicht der Fürst M. A. Obolensky und Dr. Posselt». Три тома, изд. 1849 и 1859 г. (Заключаетъ изложеніе событій избранія Мазепы и многихъ иныхъ, происходившихъ въ первые годы его гетманства.)

34. «Passages from the diary of Patrick Gordon». Изд. 1859 г. (Извлеченіе изъ того же дневника въ подлинникѣ.)

35. «The History of Peter the Great to which is prefixed a short general history of the cauntry from the rise of that monarchy, by Alexandre Gordon». I—II. 1755. (Авторъ былъ сынъ генерала Патрика Гордона, служившій Россіи, одинъ изъ сподвижниковъ Петра.)

36. Сочиненіе Густава Адлерфельда, одного изъ приближенныхъ къ Карлу XII особъ. Авторъ пробывъ вмѣстѣ съ своимъ королемъ отъ начала Сѣверной войны до Полтавской битвы, въ которой былъ убитъ. Какъ очевидецъ, онъ по приказанію своего государя велъ записки о военныхъ событіяхъ и, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ, какъ Мазепа передался къ шведскому королю и послѣдовалъ за нимъ: онъ довольно обстоятельно описалъ это замѣчательное событіе. Вообще его разсказъ, вездѣ простой и безпристрастный, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи этой эпохи. Послѣ смерти автора его сочиненіе продолжалъ племянникъ его, Карлъ-Максимиліанъ Адлерфельдъ, описавшій бѣгство Карла XII съ остатками своихъ силъ и Мазепы съ его соумышленниками черезъ степь въ Турцію. Это описаніе присоединено къ прежнему дневнику вмѣстѣ съ запискою о тѣхъ же событіяхъ, составленною Понятовскимъ, полякомъ, сторонникомъ шведскаго короля, вмѣстѣ съ послѣднимъ

бывшимъ съ Полтавскаго поля въ Турцію, и все издано подъ общимъ именемъ Густава Адлерфельда. Сочиненіе это было еще въ прошломъ столѣтіи переводимо со шведскаго на другіе европейскіе языки. Не зная пошведски, я пользовался переводами на французскій и нѣмецкій. Первый носитъ заглавіе: «Histoire militaire de Charles XII». 4 vol. Paris. 1741. Нѣмецкій переводъ называется такъ: «Leben Karls des Zwölften Königs von Schweden auf desselben Befehl beschrieben von Herrn Gustav von Adlerfeld königlichen Cammerherrn mit Anmerkungen erläutert und fortgesetzt, wie auch mit nöthigen Abrissen versehen». 1—3. Изд. 1742 года.

37. Сочиненіе Нордберга, бывшаго при королѣ Карлѣ XII лютеранскимъ пасторомъ и придворнымъ проповѣдникомъ. Онъ сопровождалъ короля во всѣхъ походахъ и былъ близкимъ очевидцемъ всѣхъ важнѣйшихъ событій, совершавшихся около воинственнаго государя. Послѣ полтавскаго пораженія онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими соотечественниками, чтобъ избѣжать плѣна отъ калмыковъ, угрожавшаго оставшимся на полѣ, добровольно отдался въ плѣнъ русскимъ. Авторъ составилъ описаніе дѣяній своего короля, котораго изобразилъ въ самомъ свѣтломъ образѣ—великодушнѣйшаго, неустрашимаго и справедливѣйшаго героя. Онъ кромѣ того горячій патриотъ, а потому быть-можетъ не вездѣ строго безпристрастенъ. Тѣмъ не менѣе это сочиненіе, излагая шагъ за шагомъ все движеніе Карла XII, проводившаго свое царствованіе въ военныхъ походахъ по чужимъ землямъ, составляетъ одинъ изъ первоклассныхъ источниковъ для обрабатываемой мною эпохи. Я пользовался французскимъ переводомъ этого сочиненія, который носитъ такое заглавіе: «Histoire de Charles XII». 4 volumes in 4°. La Haye. 1728 года.

38. Сочиненіе Фрикселя, шведскаго историка, написавшаго специальную историческую монографію о Карлѣ XII. Онъ пользовался приведенными выше современными записками Адлерфельда и Нордберга, но также и многими неизвѣстными намъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ стокгольмскихъ архивовъ. Сочиненіе это написано талантливо, добросовѣстно и безпристрастно. На основаніи архивныхъ источниковъ оно передаетъ намъ многое изъ отношеній Карла къ своимъ генераламъ, чего нѣтъ въ другихъ сочиненіяхъ. Авторъ никакъ не менѣе Нордберга патриотъ и любитъ личность Карла XII, но не увлекается этою личностію до того, чтобы не замѣчать ея недостатковъ. Я пользовался нѣмецкимъ переводомъ этого сочиненія, который изданъ подъ такимъ названіемъ: «Lebensgeschichte Karls XII». Th. 1—5. Braunschweig. 1861 года.

39. «Wahrhaftige Bericht von der Moscowiter unchristlichen und harten Verfahren gegen S. K. M. von Schweden hohe und niedrige Officiere, Bediente und Unterthanen». Stockholm. 1705 года. (Эта брошюра написана была въ то время, когда между воюющими сторонами начинались были переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ, не приведшіе, однако, къ успѣху. Тогда, въ качествѣ отмстки русскимъ за суровое отношеніе къ непріятелямъ,

приказано было развести изъ Стокгольма живших тамъ русскихъ плѣнниковъ по другимъ городамъ, подвергнувъ ихъ тамъ тюремнымъ стѣсненіямъ. Авторъ брошюры изображаетъ черными красками жестокость и безчеловѣчіе русскихъ надъ шведами и выставляетъ въ противоположность гуманное и снисходительное обращеніе шведовъ съ русскими плѣнниками.)

40. «Engels Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosacken». Изд. 1796 года. (Добросовѣстный трудъ замѣчательнаго по трудолюбію и дарованію плодовитаго нѣмецкаго ученаго, успѣвшаго въ непродолжительное время своей жизни составить исторію почти всѣхъ странъ восточной Европы. По исторіи Украины ему знакомы были преимущественно польско-латинскіе источники.)

41. *Русскій Архивъ*, изд. Бартеневымъ. 1863 года. (Путешествіе священника Лукьянова, сообщающаго свѣдѣнія о Палѣѣ.)

42. «Motleys the history of the life of Peter I emperor of Russia». V. 1—3. Изд. 1739 года.

43. Катифора, «Житіе Петра Великаго». 4 т. Русскій переводъ XVIII столѣтія.

44. Scherer, «Annales de la Petite Russie ou histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques d'Ukraine». 1—2 т. Изд. 1788 года.

45. «Schreiben eines proben Polacken an seines gleichen in Warschau worin er auf grossmächtigen Czaar so genannte freundliche Demonstration an die Republique Polen antwortet». 1704 года. (Протестъ противной Петру партіи въ Польшѣ въ эпоху перенесенія туда военныхъ дѣйствій.)

46. «Declaratio Sacrae Czaar. Majestatis quo jure et qua intentione exercitum suum in Poloniam introduxerit». Изд. 1705 года.

47. «Gründliche Relation desjenigen so zwischen denen Schweden und Moscovitern seit dem II Dec. vorigen bis zum 31 März lauffenden 1709 Jahres vorgegangen». Изд. 1709 года.

Полтавское пораженіе шведскихъ силъ, сдача остальнаго шведскаго войска подъ Переволочною и бѣгство короля въ Турцію подали поводъ къ появленію брошюрь, специально описывавшихъ эти громкія событія, надѣлавшія въ свое время величайшаго шума во всей Европѣ. Изъ такихъ брошюрь были у меня подъ руками:

48. «Umständliche Bericht der unglücklichen schwedischen Niederlage bey Pultawa den 27 Juni 1709». Изд. 1710 года.

49. «Ausführliche Relation von der den 27 Juni 1709 zwischen Ihre Czaar. Majestät und des Königes von Schweden Armee ohnweit Pultawa vorgefallenen Bataille». Изд. 1709 года.

50. «Vollständige Nachricht von den Siegreichen Treffen I. Gross. Czaar. Maj. gegen die schwedische Armee zwischen Pultawa und Potruka den 29 Juni 1709».

51. «Mars Moscoviticus oder das Moscovitische Kriegsglück wie es endlich S. Czaar. Maj. Petrum Alexiowitz statlich secundiret und nach der bey Pultawa erhaltenen herrlichen Victorie in Moscau eingeführt hat». Изд. 1710 года.

52. «Stettinisch Postzeitung von 17 Oktober mitbringend was von der Königlichen schwedischen Armee in Russland vorgefallen». 1708.

53. «Extract-schreiben an S. Czaar. Maj. des Feldmarschal Menschikow von der Niederlage den noch übrigen aus der Bataille bey Pultawa nach Turkey salwinten Truppen». 1709.

54. «Umständlicher, glaubwürdiger und ausführlicher Bericht der unglücklichen schwedischen Niederlage bey Pultawa den 27 Juni st. v. 1709, geschrieben aus Breslau anno 1710».

55. «Specification derer schwedische Truppen so an ihre Durchleucht dem Fürsten Menschikow der 30 Juni 1709 bey Perewoloczna als Kriegsgefangene sich ergeben haben». 1709.

56. «Словарь достопамятныхъ людей Русской земли», Бантышъ-Каменскаго. 8 томовъ. Изд. 1836—1847. (Здѣсь помѣщены біографическія свѣдѣнія о лицахъ, бывшихъ сподвижниками Петра Великаго и участниками въ Сѣверной войнѣ, между прочимъ, о самомъ Мазепѣ.)

57. «Volumina Legum». 1—8 т. (собрание польскихъ законовъ, между которыми есть относящіяся къ правобережной Украинѣ).

58. «Hermanns Geschichte des Russischen Staats». 4 томъ. Изд. 1849 г.

59. «Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи». Собралъ Л. Похилевичъ. Изд. 1864 года.

60. «Списокъ населенныхъ мѣстностей Россіи, изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ». Томы: 13-й (Екатеринославская губернія), 33-й (Полтавская), 41-й (Таврическая), 46-й (Харьковская), 47-й (Херсонская), 48-й (Черниговская).

61. «Украинскія народныя пѣсни», собранныя М. Максимовичемъ. Изд. 1834 года.

62. «Малорусскіе преданія и рассказы», собран. Драгомановымъ. Изд. 1876 года.

Долгомъ считаю засвидѣтельствовать свою глубокую признательность г. директору Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, барону Ф. А. Бюлеру, и, вообще, всѣмъ гг. начальствующимъ и служащимъ въ архивахъ, въ которыхъ я былъ допущенъ,—за доброе и обязательное вниманіе ко мнѣ во время моихъ занятій матеріалами для составленія настоящей монографіи.

ГЛАВА I.

Происхождение Мазепы.—Его юность.—Пребывание при польскихъ королевскомъ дворѣ.—Приключение съ Фальбовскими.—Переходъ Мазепы къ козакамъ.—Событія въ его жизни до избрания въ гетманы.—Избрание.—Укрощеніе своевольствъ.—Поступокъ съ имуществомъ Самойловича.—Постройка Новобогородска.—Недовольство запорожцевъ.—Преслѣдованіе сторонниковъ Самойловича.—Нерасположеніе гетмана къ митрополиту Четвертинскому, его племяннику и нѣкоторымъ старшинамъ.—Первый доносъ на гетмана.

По извѣстію, доставленному въ Археографическую Комиссію графомъ Брюэль-Плятеромъ, Иванъ Степановичъ Мазепа-Колединскій, шляхетнаго происхожденія герба Бончъ, родился въ 1629 г. ¹⁾). Сообщение это имѣетъ вѣсь: графъ Брюэль-Плятеръ—самъ владѣлецъ архива князей Вишневецкихъ и кромѣ того всегда находился въ сношеніяхъ съ другими польскими владѣльцами старинныхъ архивовъ; но это сообщеніе, не подтвержденное никакими современными свидѣтельствами, противорѣчитъ шведскимъ извѣстіямъ тѣхъ современниковъ, которые близко видѣли и знали Мазепу въ 1708 году; они говорятъ, что тогда было ему 64 года отъ рожденія, тогда какъ ему должно было быть 79 лѣтъ, еслибъ онъ родился въ 1629 году. Очень можетъ быть, что оба извѣстія не вполне точны, какъ это читатель замѣтитъ изъ нѣкоторыхъ чертъ его жизни.

По общему мнѣнію современниковъ, Мазепа былъ уроженцемъ изъ малороссійскаго края и увидѣлъ впервые божій свѣтъ въ селѣ Мазепинцахъ, лежащемъ недалеко отъ Бѣлой-Церкви, на рѣкѣ Каменкѣ. Это имѣніе пожаловано было въ 1572 году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепѣ-Колединскому, съ обязательствомъ отправлять за него службу по староству Бѣлоцерковскому ²⁾). Самъ Иванъ Степановичъ, будучи уже гетманомъ, сообщалъ въ Малороссійскій Приказъ, что у родителей его было двое дѣтей—сынъ и дочь, и отецъ отправилъ сына, т. е. его, Ивана Степановича, на воспитаніе ко двору Яна-Казимира, гдѣ онъ былъ «покоювымъ». Король послалъ его въ числѣ трехъ молодыхъ шляхтичей куда-то за границу для образованія на три года: король Янъ-Казимиръ имѣлъ обыкновеніе каждый годъ высылать съ этою

¹⁾ Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи, вып. VI, стр. 44.

²⁾ Пахилевича: „Описание Кіевской губерніи“, стр. 108.

цѣлью трехъ молодыхъ людей шляхетскаго званія на королевскій счетъ ³⁾). По возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ 1659 году, мы встрѣчаемъ Мазепу въ качествѣ королевскаго придворнаго съ важнымъ порученіемъ къ гетману козацкому Ивану Выговскому, а въ слѣдующихъ годахъ—къ гетманамъ Юрію Хмельницкому и (въ 1663 г.) къ Павлу Тетерѣ ⁴⁾). Видно, что хотя онъ былъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, но уже пользовался довѣріемъ короля, какъ человѣкъ умный и сметливый ⁵⁾). Несомнѣнно, въ то время онъ былъ вѣренъ польской власти. Вскорѣ съ нимъ случились событія, побудившія его удалиться отъ двора королевскаго и потомъ вовсе изъ Польши.

Разсказываютъ, что этотъ молодой человѣкъ, по своему времени отлично воспитанный, приобрѣлъ при королевскомъ дворѣ свѣтскій лоскъ и, притомъ одаренный красивою наружностью, имѣлъ способность нравиться женщинамъ; онъ завелъ тайную связь съ одной госпожей, но мужъ послѣдней, подмѣтивъ это, приказалъ схватить Мазепу, привязать къ лошадиному хвосту и пустить въ поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная къ господину изъ Украины, очутившись на волѣ, понеслась съ привязаннымъ къ ея хвосту человѣкомъ въ украинскія степи. Козаки нашли его полумертвымъ отъ боли и голода, привели въ чувство и онъ, оправившись, остался между козаками ⁶⁾). Другой историкъ, Стебельскій, разсказываетъ тотъ же анекдотъ, прибавляя, что господинъ, съ женою котораго былъ въ связи Мазепа, раздѣлъ его до-нага, облилъ дѣгтемъ, обсыпалъ пухомъ, посадилъ на дикую лошадь, привязавъ его къ ней веревками и пустилъ на произволь судьбы ⁶⁾). Подобное излагается и въ исторіи Отвиновскаго ^{**)}). Это разсказано подробнѣе и правдоподобнѣе

³⁾ *Otwimowski*: „Hist. Panowania Aug.“, т. II, стр. 169.

⁴⁾ Памятники Кіевской Комиссіи, томъ III, отд. 3, стр. 362 и 366; томъ IV, отд. 3, стр. 271.

⁵⁾ Еслибы Мазепѣ въ 1708 году было 64 года, то въ 1659 г. было бы ему не болѣе 15 лѣтъ: едва ли въ такомъ юномъ возрастѣ онъ могъ уже окончить трехлѣтнее образованіе за границею и получать отъ короля важныя порученія. Но еслибы ему тогда было уже 79 лѣтъ, то, принимая во вниманіе, что назадъ тому четыре года онъ заводилъ любовныя интриги,—кажутся странными такіе поступки въ подобномъ возрастѣ.

⁶⁾ *Симоновскій*: „Кратое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ“, стр. 116.

⁶⁾ *Бантышъ-Каменскій*: „Исторія Малой Россіи“, томъ III, примѣч. 7.

^{**)} Въ Бельзскомъ воеводствѣ Мазепа втерся къ женѣ своего сосѣда, который, поймавши Мазепу въ ночное время, обнажилъ его и приказалъ, прива-

въ запискахъ Паска, служившаго разомъ съ Мазепою при дворѣ Яна-Казимира и сообщающаго нѣсколько свѣдѣній о молодости Мазепы. По его извѣстіямъ, въ 1661 году Мазепа, находясь при королевскомъ дворѣ, оговорилъ передъ королемъ своего товарища Паска, будто послѣдній, по порученію короннаго войска, находившагося тогда во враждѣ съ королемъ, ѣздилъ къ войску литовскому подущать его противъ своего государя. Паска арестовали, разобрали дѣло, оправдали и король подарилъ ему 500 червонцевъ, а Мазепа былъ временно удаленъ отъ двора, но скоро опять былъ допущенъ. Въ слѣдующемъ 1662 году Пасекъ, не забывая причиненнаго ему оскорбленія и будучи навеселѣ, ударилъ Мазепу, а Мазепа схватился за оружіе. Бывшіе при этомъ свидѣтелями придворные не приняли сторону Мазепы, потому что не любили и не уважали его: онъ былъ «козагъ» и въ ихъ глазахъ «не слишкомъ-то благородный» (*nie bardzo nobilitowany*). Драка во дворцѣ, да еще въ преддверіи покоевъ, гдѣ находился тогда король, считалась большимъ преступленіемъ, но король, услышавши объ этомъ, сказалъ: «Клевета показывается больнѣе раны. Хорошо еще, что не столкнулись между собою гдѣ-нибудь на дорогѣ». Онъ призвалъ къ себѣ Паска и Мазепу, приказавъ имъ передъ своими глазами обняться и простить другъ другу взаимныя оскорбленія ⁷⁾. На слѣдующій 1663 годъ Мазепа вышелъ изъ Польши, по выраженію Паска, со срамомъ. Пасекъ описываетъ въ такомъ видѣ приключеніе съ чужою женой и ревнивымъ мужемъ. На Волыни была у Мазепы деревунка; по соудству съ нимъ жилъ въ своемъ имѣніи какой-то панъ, по фамиліи Фальбовскій. Проживая временно въ своей деревнѣ, Мазепа втерся въ домъ къ Фальбовскому, понравился женѣ его и сталъ бывать тамъ часто въ такое время, когда хозяина не было

завши къ столбу, высѣчь розгами, а потомъ съ ногъ до головы вымазать смолою и обсыпать пухомъ. Сдѣлавши изъ него чудовище, панъ посадилъ Мазепу на необученную лошадь спиною къ головѣ, а лицомъ къ хвосту, ноги же подвязалъ къ бокамъ лошади и въ такомъ видѣ пустилъ по большой дорогѣ. Съ наступленіемъ дня, лошадь принесла Мазепу въ мѣстечко, гдѣ происходила ярмарка. Было много наѣхавшаго русскаго народа. Увидавши Мазепу, всѣ подумали, что это ѣдетъ дьяволъ, и разбѣгались во всѣ стороны, а русскіе поны, вышедши на улицу, стали осѣнять его крестнымъ знаменіемъ. Въ это время лошадь, задѣвившись за возъ, споткнулась; Мазепа развязался и упалъ на землю. Освободившись отъ такой бани, онъ со стыда ушелъ за Днѣпръ и тамъ съ теченіемъ времени сталъ гетманомъ всей заднѣпровской стороны (*Otwi-nowski*, стр. 169).

⁷⁾ „Pamiętniki Paska“, стр. 133—209.

дома. Домашніе слуги донесли пану, что Мазепа и пани Фальбовская пересылаются между собою записками, а при свиданіи наединѣ бесѣдуютъ. Панъ Фальбовскій, не сказавши ничего женѣ, попрощался съ нею, какъ будто отправляясь куда-то далеко, и выѣхалъ со двора. Отѣхавши немного, онъ остановился на той дорогѣ, по которой, какъ ему донесли, Мазепа ѣздилъ къ женѣ его. Вдругъ бѣжитъ обычный посланецъ съ запиской отъ жены къ Мазепѣ: это былъ тотъ самый слуга, который открылъ пану о связи его жены съ Мазепою. Панъ Фальбовскій взялъ у слуги женину записку и прочиталъ въ ней любезное приглашеніе Мазепы, съ извѣщеніемъ, что мужъ уѣхалъ въ далекій путь. Фальбовскій возвратилъ записку посланцу и сказалъ: «Поѣзжай и проси отвѣта. Скажи, что пани приказала скорѣе!» Слуга поѣхалъ далѣе съ запискою, а панъ остался ждать на мѣстѣ, такъ какъ до Мазепина двора оттуда не было и двухъ миль. Исполнивши свое порученіе, посланецъ ворочался назадъ съ отвѣтною запискою Мазепы, въ которой было обѣщаніе пріѣхать тотчасъ. Не много прошло времени, какъ ѣдетъ и самъ Мазепа. Встрѣтились, повидались, какъ добрые знакомые. — «Куда ѣдете, ваша милость?» — спрашивалъ панъ Фальбовскій. — Мазепа назвалъ какое-то иное мѣсто. — «Ко мнѣ прошу заѣхать!» — сказалъ панъ Фальбовскій. — Мазепа отговаривался тѣмъ, что ему надобно спѣшить въ названное имъ мѣсто, и при этомъ замѣтилъ: — «Да вѣдь и вы, пане, я вижу, также куда-то ѣдете». — Тутъ панъ Фальбовскій хватаетъ Мазепу за шиворотъ, показываетъ его записку къ своей женѣ и говоритъ: — «А это что?» — Мазепа сталъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣрялъ, что ѣдетъ къ нему въ домъ въ его отсутствіе въ первый разъ. «Хлопъ! — сказалъ Фальбовскій слугѣ, который недавно возилъ къ Мазепѣ записку, — сколько разъ этотъ господинъ бывалъ въ моемъ домѣ безъ меня?» — Служитель отвѣчалъ: столько разъ, сколько у меня волосъ на головѣ. — Фальбовскій сказалъ Мазепѣ: — «Выбирай теперь себѣ родъ смерти». — Мазепа просилъ не убивать его и во всемъ признался. Фальбовскій приказалъ ему раздѣться до-нага, посадилъ на собственномъ конѣ безъ сѣдла, оборотивши лицомъ къ хвосту, а затылкомъ къ головѣ лошади, приказалъ связать ему руки назадъ, а ноги подвязать веревками подъ брюхо лошади, потомъ велѣлъ коня, пылкого по натурѣ, напугать крикомъ и ударами плети, да въ добавокъ произвести у него надъ самыми ушами нѣсколько выстрѣловъ. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой

тропинкѣ, которая шла зарослями посреди шиповника, дикихъ грушъ и терновыхъ кустовъ. Даже и тотъ, кто бы держалъ поводья въ рукахъ, долженъ былъ, ѣдучи по этой тропинкѣ, безпрестанно нагибаться и уклоняться отъ колючихъ растений, иначе могла задѣть его по головѣ вѣтка или разодрать платье; а какъ-то было, —говорить описатель, —голому, посаженному задомъ къ конской головѣ, сидѣть на конѣ, когда тотъ отъ испуга и боли летѣлъ, что есть духу!... Мазепу, когда онъ выѣхалъ изъ дому, провожало двое или трое служителей, но панъ Фальбовскій не пустилъ ихъ съ господиномъ, чтобъ они не могли спасти его. Конь донесъ Мазепу до воротъ его двора еле живого. Мазепа кричитъ, зоветъ сторожа: сторожь, слышавши голосъ хозяина, отворилъ было ворота, но какъ увидалъ на конѣ пугало, тотчасъ затворился и спрятался. Мазепа зоветъ дворню: дворня выглядываетъ изъ-за дверей и только крестится. Мазепа увѣряетъ людей, что онъ ихъ господинъ, но они ему не вѣрятъ, и съ большимъ трудомъ могъ онъ объясниться съ ними, пока его впустили во дворъ прозябшаго и исколотога до крови ⁸⁾).

Пасекъ, личный недоброжелатель Мазепы, говоритъ, что именно послѣ этого происшествія онъ покинулъ навсегда Польшу отъ стыда. Но Лѣтопись Величка, сообщающая между прочимъ, что Мазепа поступилъ ко двору Яна-Казимира уже послѣ того, какъ обучался въ Кіевѣ риторикѣ, а потомъ гдѣ-то философій, и при своихъ природныхъ способностяхъ получилъ всестороннее образование («яко былъ бѣглець во всякихъ рѣчахъ»), —говоритъ, что Мазепа оставилъ придворную службу тогда, когда король Янъ-Казимиръ предпринялъ походъ съ войскомъ на лѣвую сторону Украины подъ Глуховъ и на пути остановился въ Бѣлой-Церкви, слѣдовательно въ концѣ 1663 года. Здѣсь Мазепа отклонился отъ войска короля и остался при своемъ старомъ отцѣ, жившемъ въ своемъ имѣннѣ, въ селѣ Мазепинцахъ. Когда Павло Тетеря, считавшійся съ польской стороны козацкимъ гетманомъ, убѣжалъ въ Польшу, а козацкимъ предводителемъ сталъ Петро Дорошенко, Иванъ Степановичъ Мазепа присталъ къ нему и тотчасъ обратилъ на себя его вниманіе своими способностями и ловкостью («для своей ростропности и цекавости»). Сперва онъ сдѣланъ былъ ротмистромъ гетманской надворной компаніи, потомъ получилъ чинъ писаря ⁹⁾. Будучи у Дорошенка, Мазепа вступилъ въ бракъ съ

⁸⁾ Ibidem, стр. 213—214.

⁹⁾ Величко: „Лѣтопись“, т. II, стр. 342.

богатою вдовой Фридрикевичъ, у которой отъ перваго брака былъ сынъ по имени Крыштофъ. Бракъ этотъ совершился въ Корсунѣ. Намъ неизвѣстно, какое имя носила его жена по родителямъ, но она была близкая родственница прилуцкому полковнику Горленку.

Дальнѣйшія событія жизни этого человѣка—его первое прибытіе въ Переяславъ къ гетману Самойловичу въ качествѣ посла отъ Дорошенка, его посылка въ Турцію съ невольниками, когда онъ былъ схваченъ на дорогѣ запорожцами, его отправленіе въ Москву, гдѣ онъ, дѣйствуя во вредъ Дорошенку, счумѣлъ поддѣлаться въ довѣріе московскимъ боярамъ, его многолѣтнее пребываніе при гетманѣ Самойловичѣ сперва въ званіи товарища, потомъ въ чинѣ генеральнаго асаула, наконецъ его интриги, употребленныя имъ передъ всемогущимъ временщикомъ княземъ Василюмъ Васильевичемъ Голицынымъ для погубленія гетмана Самойловича,—все это изложено въ нашемъ сочиненіи «Руина», напечатанномъ въ *Вѣстникѣ Европы* въ 1879—1880 годахъ,—сочиненіи, котораго непосредственнымъ продолженіемъ должна признаваться настоящая монографія.

По изложеніи Самойловича (20 іюля 1687 года) назначенъ былъ день 25 іюля днемъ избранія новаго гетмана. Наканунѣ, 24 числа іюля, передъ вечеромъ, нѣсколько великорусскихъ полковъ и стрѣльцы, по приказу князя Голицына, двинулись на широкую ровную возвышенность, господствующую надъ рѣкою Коломакомъ близъ козацкаго стана. Они разбили царскій шатеръ во ста саженьяхъ отъ стана, поставили около шатра стулья и свамя, а передъ самимъ шатромъ—небольшой столикъ, покрытый ковромъ.

На другой день, 25 іюля, около 10 часовъ утра, вышелъ туда главнокомандующій князь Василій Васильевичъ Голицынъ съ боярами *), а за ними слѣдовали великорусскія ратныя силы разрядовъ Рязанскаго и Новгородскаго. Разомъ съ ними понесли «клеиноты» (знаки гетманскаго достоинства): бунчугъ, булаву и царское знамя. Толпы козаковъ—конныхъ въ 800 человѣкъ и пѣшихъ въ 1.200—приблизились къ шатру. Изъ нихъ вызвано

*) Алексѣемъ Сем. Шеннымъ, кн. Влад. Дмитр. Долгоруковымъ, Конст. Осип. Щербатовымъ, околичными: Венедиктомъ Андр. Зміевымъ и кн. Даниломъ Азаян. Барятинскимъ; думными дворянами: Иваномъ Юр. Левонтьевымъ и Аггеемъ Алексѣев. Шепелевымъ, стольникомъ кн. Бор. Евфим. Мышецкимъ, думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игн. Украинцевымъ и дьяками разрядовъ.

было нѣсколько знатнѣйшихъ чиновныхъ особъ и они, вслѣдъ за боярами, отправились въ походную церковь, куда понесли и гетманскіе «клейноты». Въ этой церкви совершено было архимандритомъ, протопопомъ и священниками непродолжительное молебствіе съ освященіемъ «клейнотовъ». Послѣ того всѣ вышли изъ церкви. Клейноты положены были на столѣ передъ шатромъ, поставили тамъ образъ Всемиловитиваго Спаса, положили крестъ и Евангеліе. Бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ сталъ на скамью и возвѣстилъ козакамъ, что по ихъ челобитью цари и великіе государи прислали свой милостивый указъ, чтобъ Ивану Самойловичу гетманомъ у нихъ не быть, а на его мѣсто избрать другаго, кого они, старшины, и все войско излюбятъ и вольными голосами выберутъ. Затѣмъ была прочтена дьякомъ царская грамота въ такомъ же смыслѣ.

Козаки крикнули:

— Рады за великихъ государей умирать и кровь свою проливать, и въ подданствѣ у нихъ желаемъ быть вѣчно.

— Козаки! — сказалъ Голицынъ, — по вашему извѣчному обычаю, изберите себѣ гетмана вольными голосами, объявите, кого желаете избрать гетманомъ.

Нѣсколько минутъ было тихо. Наконецъ, стоявшіе ближе произнесли имя Ивана Мазепы. Они, конечно, знали, что могущественный временщикъ расположенъ къ нему и желаетъ доставить ему гетманское достоинство. Имя это стало быстро произноситься и по задней толпѣ. Немногіе голоса произнесли было имя обознаго, Василя Борковскаго, но его тотчасъ заглушили крики: «Мазепа, Мазепа нехай буде гетманъ!» Мазепа, съ его изумительнымъ умѣньемъ влѣзая всѣмъ въ душу, успѣлъ уже расположить къ себѣ многихъ, независимо отъ того, что большая часть готова была признать его гетманомъ, зная, что того хочетъ Голицынъ.

Нѣсколько разъ князь Голицынъ повторялъ свой вопросъ и нѣсколько разъ, въ отвѣтъ ему, прогремѣло имя Ивана Мазепы. Затѣмъ думный дьякъ взошелъ на скамью и прочелъ прежде статьи, на которыхъ отдавался Московскому Государству гетманъ Богданъ Хмельницкій въ Переяславѣ: эти статьи составляли основной законъ, по которому край малороссійскій сдѣлался частью русской державы; потомъ прочитаны были новыя статьи: то были царскія рѣшенія на пункты въ челобитной, поданной передъ тѣмъ козаками. Объявлялось, что новоизбранный гетманъ со всѣми

старшинами долженъ будетъ подписать эти статьи и сообразно съ ними принести присягу на вѣрность. Обозный Борковскій, какъ знатнѣйшее по чину лицо послѣ гетмана, отвѣчалъ отъ имени цѣлаго козачества согласіемъ. Затѣмъ старшины подписали предложенныя статьи, а новоизбранный гетманъ передъ крестомъ и Евангеліемъ произнесъ присягу въ знакъ своего вступленія въ высокую должность ¹⁰⁾.

Послѣ этого совершался обрядъ, отправлявшійся при избраніи каждаго гетмана. Государевъ ближній бояринъ вручалъ Мазепѣ гетманскіе «клейноты» съ приличными изреченіями. По окончаніи обряда всѣ великоруссы двинулись въ свой станъ, а новоизбранный гетманъ провожалъ Голицына и прочихъ бояръ до половины дороги. Черезъ сутки послѣ того, 28 іюля, новый гетманъ угощалъ боярина, всѣхъ великорусскихъ начальныхъ лицъ и своихъ старшинъ. Много было тогда выпито съ произнесеніемъ заздравныхъ пожеланій, дано было пять залповъ изъ орудій, а по окончаніи пира одарили 15 знатныхъ особъ. 29 іюля выступилъ гетманъ съ козаками и двумя пѣшими великорусскими полками; сверхъ того съ нимъ отправился конный полкъ смоленской шляхты, который, для усмиренія возникшаго въ Малороссіи своевольства, долженъ былъ находиться при гетманѣ до тѣхъ поръ, пока гетманъ найдетъ возможнымъ отпустить его ¹¹⁾.

Всѣхъ новыхъ статей, составлявшихъ прибавленіе къ статьямъ гетмана Хмельницкаго, было 22. Большая часть ихъ повторяетъ то, что уже постановлялось при избраніи прежнихъ гетмановъ по челобитнымъ отъ козаковъ, всегда добивавшихся сохраненія своихъ вольностей—льготъ отъ всякихъ податей и повинностей, возлагаемыхъ исключительно на мѣщанъ и посполство, неподсудность воеводамъ, право владѣть имѣніями по жалованнымъ грамотамъ, право вольнаго избранія гетмана. Гетманъ не долженъ былъ смѣнять старшинъ безъ царскаго указа, хотя виновныхъ дозволялось ему казнить смертью по своимъ правамъ, донося о томъ государю. Число войскъ оставлялось на волю рады, но жалованье реестровымъ—по 30 золотыхъ рядовому козаку—полагалось только въ комплектѣ тридцати тысячъ. Подтверждалось также содержаніе полка въ 1.000 человекъ для укрощенія своевольныхъ, которые, оставя свои работы, назывались козаками и производили

¹⁰⁾ „Собр. Госуд. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 546.—*Gordon: Tagebuch*, т. II, стр. 190.

¹¹⁾ *Gordon*, т. II, стр. 191.

въ краѣ шатость и измѣну, а для охраненія гетманской особы въ Батуринѣ полагалось быть стрѣльцкому полку съ тѣмъ, чтобы гетманъ выдавалъ на содержаніе его хлѣбный запасъ. Козаки, въ своей челобитной, домогались и теперь, какъ бывало при прежнихъ избраніяхъ, дозволенія принимать иноземныхъ пословъ; но правительство отказало и при этомъ было присовокуплено: такъ какъ съ Польшею заключенъ уже вѣчный миръ, то гетманъ и старшины должны смотрѣть, чтобы жители малороссійскаго края довольствовались городами, отшедшими въ царскую сторону, и отнюдь не вступались бы въ тѣ города, которые оставлены по вѣчному мирному договору подъ властію польскаго короля; если-жъ бы съ польской стороны оказалась какая-нибудь противность, то гетманъ и старшины обязаны писать о томъ къ великимъ государямъ, но сами не должны нарушать мира съ поляками. Съ крымскимъ ханомъ русская держава находилась еще въ открытой войнѣ и потому малороссійскому правительству вмѣнялось въ обязанность по надобности посылать военныя силы противъ татаръ. Для удержанія татарскихъ набѣговъ положено было построить укрѣпленные городки на Днѣпрѣ противъ Кодака, на рѣкахъ: Самарѣ, Орели и на устьяхъ Берестовой и Орчика, а населять ихъ малороссійскими жителями. Выѣстъ съ тѣмъ, до окончанія войны съ Крымомъ, запрещалось запорожцамъ и всѣмъ малороссійскимъ жителямъ вести торговыя сношенія съ татарами¹²⁾. Старшины, въ своей челобитной, просили, чтобы имущество отрѣшеннаго Самойловича отдано было въ войсковую казну; но правительство рѣшило отдать туда только половину, а другую обратить въ казну великаго государя.

Гетманъ съ береговъ Коломака отправился къ Гадячу и тамъ появлялись къ нему владѣльцы маетностей и арендаторы съ жалобами на буйную чернь, которая многихъ торговцевъ и вообще зажиточныхъ людей ограбила, а иныхъ даже и умертвила. Открывалось, что къ такимъ своевольствамъ подучали посольство тѣ козаки, которые еще до избранія новаго гетмана тотчасъ по отрѣшеніи Самойловича ушли изъ обоза, стоявшаго на берегу Коломака. По гетманскому указу полковники и сотники въ своихъ вѣдомствахъ принялись ловить своевольныхъ, сажать ихъ въ тюрьмы и производить надъ ними розыски. Тогда въ разныхъ полкахъ эти розыски сопровождались большими жестокостями.

¹²⁾ „Собр. Госуд. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 543—558.

Тѣмъ, которые признаны были главными зачинщиками и возмутителями, ломали руки и ноги, другихъ казнили менѣе мучительною смертью—отрубали головы или вѣшали, у иныхъ въ наказаніе отнимали имущества, а нѣкоторыхъ, увлеченныхъ въ преступленіе по неразумѣнію, били палками, выражаясь, что изъ нихъ выбивали глупость¹³⁾. Наконецъ гетманъ разослалъ повсюду универсалъ, которымъ предоставлялъ каждому, кто потерпѣлъ отъ кого-либо оскорбленіе, искать на противникѣ судомъ, а не прибѣгать къ самоуправству¹⁴⁾.

Гетманъ изъ Гадяча, вмѣстѣ съ генеральными старшинами, прибылъ въ свой Батуринъ и оттуда отослалъ данный ему отрядъ смоленской шляхты, удержавши при себѣ только тѣхъ стрѣльцовъ, которые, по царской волѣ, назначались оберегать его особу.

Тогда произведенъ былъ осмотръ и раздѣлъ имущества низложеннаго Самойловича. Изъ Москвы пріѣхалъ царскій чиновникъ, который долженъ былъ забрать изъ этого имущества половину, слѣдующую въ казну. Не мало было этого имущества; оно, кромѣ денегъ, состояло въ металлической посудѣ, мужскихъ и женскихъ одеждахъ, украшенияхъ, мѣхахъ, оружіи, сбруѣ. Раздѣлъ длился нѣсколько недѣль. По свидѣтельству современника¹⁵⁾, иное еще и до раздѣла, а иное и послѣ раздѣла изъ этого имущества было самовольно похищено роднею гетмана и его слугами; нѣкоторые присвоили себѣ кое-что и съ дозволенія самого гетмана. Тогда оказались такія особы, которыя при прежнемъ гетманѣ находились почти въ нищетѣ, а при новомъ гетманѣ вдругъ явились владѣтелями состоянія въ нѣсколько тысячъ золотыхъ. Величко говоритъ, что самъ онъ лично зналъ такихъ и вспоминаетъ о двухъ: объ одномъ запорожцѣ, бывшемъ у гетмана покоевымъ, а о другомъ—цирюльникѣ. Такіе счастливыцы обогатились отъ крупицъ, падавшихъ къ нимъ изъ сокровищницы Самойловича, которая въ воображеніи современниковъ принимала баснословные размѣры. Не даромъ несчастнаго гетмана обвиняли въ алчности и грабительствѣ: обильны были его палаты и кладовыя всякаго рода драгоценными вещами, какъ показываетъ сохранившаяся опись; много было у него экипажей, лошадей, скота и стадъ. Половина, какъ говорятъ, не пошла ни въ царскую казну, ни въ войсковою скарбъ. Мазепа не установилъ особаго войсковаго «скарбника»

¹³⁾ *Величко*, т. III, стр. 54.

¹⁴⁾ „Лѣт. Самовидца“, изд. 1847 г., стр. 79.

¹⁵⁾ *Величко*, т. III, стр. 55.

для наблюденія вообще за войсковою казною, а старшины тоже не обратили тогда на этотъ важный вопросъ вниманія, предоставляя новому гетману завѣдывать войсковою казною по своему произволу, какъ бывало и при Самойловичѣ, даромъ-что послѣднему было поставлено это въ вину. У новаго гетмана были свои слуги, которымъ онъ довѣрялъ приходы и расходы и только въ опредѣленные сроки давалъ отчетъ собранію старшинъ и полковниковъ, но тѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно только одобряли поступки гетмана. Отъ этого выходило, что собственно съ гетманскими доходами обращались очень экономно, а войсковая казна тратилась не только на содержаніе охотнаго войска и на жалованье козакамъ, но и на частныя прихоти гетмана и его двора, а также и на всякіе подарки ¹⁶⁾). Чтобы расположить къ себѣ старшинъ, гетманъ, послѣ своего водворенія въ Батурипъ, учреждалъ чуть не каждый день пиры для старшинъ и полковниковъ и обдаривалъ гостей своихъ на счетъ Самойловичевой сокровищницы ¹⁷⁾). Самому князю Василю Васильевичу Голицыну, въ благодарность за оказанное покровительство при своемъ избраніи, Мазепа заплатилъ 10.000 руб. изъ того же источника ¹⁸⁾).

Вторая половина 1687 года проводилась въ веселыхъ пирахъ и празднествахъ въ Батурипъ, а съ ранней весны 1688 года принялись за построеніе городковъ сообразно статьѣ договора, утвержденнаго на избирательной радѣ. Важнѣйшій изъ этихъ городковъ на берегу Самары начать былъ въ мартѣ, а оконченъ къ августу того же года. Постройкою завѣдывалъ самъ гетманъ съ Леонтіемъ Романовичемъ Неплюевымъ и Григоріемъ Ивановичемъ Косаговымъ. Московское правительство думало производить эту постройку сгоняя на работу малороссійское посольство, но гетманъ нашелъ неудобнымъ отрывать народъ отъ лѣтнихъ работъ и предпочелъ исполнить это дѣло козаками по выбору изъ шести полковъ. Работою занято было до двадцати тысячъ рукъ. Городокъ этотъ былъ расположенъ на русской сторонѣ рѣки Самары, выше Вольнаго-Брода и ниже другаго *брода*, называемаго Песчанымъ *). Гетманъ доносилъ, что эта крѣпость будетъ «въ

¹⁶⁾ Ibid., стр. 56.

¹⁷⁾ Ibid., стр. 54.

¹⁸⁾ Записка *Голицына*, хранящаяся въ Государств. Архивѣ.

*) Крѣпость была въ „пошвѣ“ осьмнадцать сажень, высота вала до щита—2 сажени, щита—извнѣ поль-сажени, изнутри—въ сажонь; отъ городской стѣны до рва разстоянія 2 сажени, ровъ шириною въ 5 саж., глубиною—3 саж.; всей

окрестныхъ государствахъ явна и славна, великимъ государямъ къ чести, а неприятелямъ страхъ и разореніе»¹⁹⁾. Гетманъ, по царскому указу, приглашалъ универсалами охотниковъ—какъ изъ малороссіянь, такъ изъ великороссіянь—поселиться у новопостроенаго укрѣпленія; мѣста для поселенія отводились за крѣпостнымъ валомъ. Въ срединѣ городка построена была деревянная церковь во имя Живоноснаго Источника Пресвятыя Богородицы, отчего и городокъ названъ былъ Новобогородскомъ *). Воеводою оставленъ былъ Косаговъ съ тысячею ратныхъ людей, но вскорѣ замѣнилъ его Волконскій, а Косагову велѣно быть снова въ знакомомъ ему Запорожьѣ²⁰⁾.

Постройка городка на Самарѣ произвела волненіе между запорожцами. Мазепа это предвидѣлъ и потому, собираясь строить городокъ, старался недопускать объ этомъ вѣсти до Запорожья, но объ этомъ сообщилъ туда, бывший въ Москвѣ посланцемъ изъ Сѣчи, Лихопой²¹⁾. Тамъ сдѣлалось волненіе уже весной, и кошевой Григорій Сагайдачный писалъ гетману, что все Войско Низовое бьетъ челомъ великимъ государямъ, чтобы не строить городковъ въ державѣ войска низоваго, гдѣ у запорожцевъ есть достояніе—свои роци и пасѣки²²⁾. Гетманъ отвѣчалъ, что городокъ строится въ виду предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій противъ татаръ, какъ временное складочное мѣсто боевыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, а вовсе не съ тѣмъ чтобы постоянно занять край и наносить убытки запорожцамъ въ ихъ рыбныхъ и пчелиныхъ промыслахъ²³⁾. Для успокоенія кошевого, гетманъ послалъ ему въ даръ 1.000 червонныхъ²⁴⁾. Запорожское недовольство, какъ всегда бывало, ограничивалось только временными криками. Всегда искали запорожцы повода волноваться, но скоро и успокоивались. Важнѣе было то, что каждое волненіе въ Запорожьѣ легко и быстро отражалось въ гетманщинѣ.

городовой стѣны 376 саженой. Укрѣпленія были земляныя съ выводами (Донесеніе гетмана отъ 18 августа 1688 г., Арх. Ин. Дѣл.).

¹⁹⁾ Архивъ Ин. Дѣл., № 72.

*) Нынѣ Новомосковскъ. Завладѣея церкви происходила 23 апрѣля (въ пятницу на Святой недѣлѣ, когда празднуется Живоносный Источникъ), а освященіе церкви и крѣпости—1 августа.

²⁰⁾ Ibid., № 86.

²¹⁾ Ibid., № 37.

²²⁾ Ibid., № 55.

²³⁾ Ibid., № 70. Письмо Мазепы къ кошевому отъ 20 іюня.

²⁴⁾ Ibid., № 72.

Городовые козаки не имѣли такихъ причинъ быть недовольными постройкою городковъ на Самарѣ, какъ запорожцы, за то въ Украинѣ было не мало такихъ, которыхъ могли возбуждать запорожцы, постоянно шатавшіеся по гетманщинѣ. То были, какъ и въ прежнія времена, тяглые рабочіе люди, такъ-называемые мужики, самовольно «вбившіеся» въ козацкое званіе. На этотъ разъ такіе люди находились въ послѣднемъ крымскомъ походѣ и, ставши случайно козаками, не хотѣли отречься отъ козакаго званія и возвращаться въ мужицкое, а этого отъ нихъ требовало малороссійское правительство на томъ основаніи, что они, будучи зажиточнѣйшими, выбыли изъ мужицтва; въ мужицтвѣ же остались убогіе, на которыхъ исключительно падаютъ всѣ тягости, какія прежде несли вмѣстѣ съ ними и вышедшіе изъ тягла самовольно въ козаки. Кромѣ того, въ полкахъ Лубенскомъ и Миргородскомъ запорожцы возбуждали народъ къ ропоту за утѣсненіе отъ полковыхъ властей и гетманъ доносилъ, что можно опасаться бунта: По такимъ донесеніямъ, московское правительство указывало гетману дѣйствовать, если нужно будетъ, и оружіемъ для усмиренія запорожцевъ и укрощенія шатости въ Украинѣ, при содѣйствіи великороссійскихъ войскъ, а для охраненія гетманской особы въ Батуринѣ послало еще 300 ратныхъ людей къ прежнимъ семи стамъ ²⁵⁾). Но гетманъ сообразилъ, что извѣстіе о безпокойствахъ въ Малороссіи можетъ въ Москвѣ зародить мнѣніе о неумѣнни его самого держать въ повиновеніи управляемый край, и потому спѣшилъ извѣстить, что онъ уже исправилъ тѣ оскорбленія, которыя дѣлалъ народу бывший гетманъ *), водворилъ въ странѣ спокойствіе и самъ совершенно безопасенъ, особенно подъ охраненіемъ двухъ стрѣлцкихъ полковъ и охотныхъ козаковъ ^{**)}). Кошевой уже не противился царской волѣ ²⁶⁾), но въ Сѣчѣ все еще раздавались мятежные голоса, толковавшіе,

²⁵⁾ Ibid., № 61.

*) Въ томъ ихъ освобожденіи яко то мельницы козацкіе власнымъ ихъ издвигеніемъ строенные въ волномъ заживаню заховалемъ, десятины ичолинни и дани медовны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роковыи обычныи податки отпустилемъ при якомъ моемъ поступѣ не мѣють оны причины на мене роптати на мою владзу.

***) Надѣюсь же изъ малодушныхъ всякій в постоянствѣ найдоватися мусить, понеже зъ премилосердаго ихъ царскихъ величествъ призрѣнія зуполныхъ два полка московскихъ стрѣльцовъ при мнѣ зоставати будутъ и охотницкаго regimentу моего полеи конныи и пѣхотныи суть мнѣ надежны (Архивъ Ин. Дѣль., № 50).

²⁶⁾ Арх. Ин. Дѣль., № 63.

что лучше запорожцамъ мимо царской воли помириться съ Крымскою ордой и вести свободно торговлю съ Крымомъ²⁷⁾. Однако, толкуя о такомъ примиреніи съ крымцами, сѣчевики не прочь были и воевать противъ крымцевъ и досадовали, зачѣмъ Косаговъ не ведетъ ихъ на войну, какъ обѣщаль. «Насъ просто обманываютъ, — кричали запорожцы: — говорятъ, будто крѣпость построена для военнаго времени, а на войну не идутъ, и выходить, что ее построили только намъ въ досаду»²⁸⁾.

Изложивши Самойловича, Мазепа опасался оставшихся въ Малороссіи близкихъ его сторонниковъ. Ближе всѣхъ по родству съ отрѣшеннымъ гетманомъ былъ племянникъ Самойловича, Михайло Василевичъ Галицкій, бывший гадацкій полковникъ. Отставленный отъ полковническаго уряда, онъ проживаль въ слободѣ Михайловкѣ, въ Слободской Украинѣ. Не оставляль его тамъ въ покоѣ новый гетманъ, поднималь противъ него обвиненія за прежніе поступки по управленію полкомъ и, кромѣ того, за произнесеніе какихъ-то «плевосѣятельныхъ» словъ. Другой сторонникъ и пріятель бывшаго гетмана Самойловича былъ Леонцій Полуботокъ; и его возненавидѣль гетманъ и доносилъ въ Москву, что Полуботокъ тайно сносится съ крымскимъ ханомъ²⁹⁾. Не расположенъ былъ гетманъ и къ митрополиту Гедеону, бывшему въ дружжелюбныхъ отношеніяхъ къ Самойловичу, а еще болѣе къ его племяннику, князю Юрію Четвертинскому, жениху дочери Самойловича. Гетманъ боялся, чтобы вызванный въ Москву на житье князь Юрій не вредилъ ему, и писалъ къ своему покровителю князю Вас. Вас. Голицыну, будто до него дошли слухи, что Юрій Четвертинскій, живя въ столицѣ, говоритъ о гетманѣ непристойныя рѣчи, хвалится, что бывшаго гетмана опять поставитъ на гетманскій урядъ, а тотъ уже отомститъ своимъ недругамъ, — и въ малороссійскій край князь Юрій «озывается» къ своей бывшей невѣстѣ; приставъ, поставленный въ Москвѣ наблюдать надъ нимъ, ему ни въ чемъ не воспрещаетъ потому, что «всегда съ нимъ въ подпитіи»³⁰⁾. О самомъ митрополитѣ Гедеонѣ Мазепа писалъ, что это человѣкъ злобный и мстительный и гетманъ отъ него опасается тайныхъ и явныхъ враговъ. Будучи недоброжелателемъ Гедеона, гетманъ дружилъ съ архіепис-

²⁷⁾ Ibid., № 72.

²⁸⁾ Ibid., № 86.

²⁹⁾ Арх. Ин. Дѣль, 1658 г., № 27.

³⁰⁾ Ibid., № 98.

скопомъ Лазаремъ Барановичемъ, бывшимъ прежде въ ссорѣ съ Гедеономъ, и, при содѣйствіи гетмана, Лазарь выхлопоталъ возвращеніе себѣ трехъ протопопій, отобранныхъ Гедеономъ и присоединенныхъ къ Кіевской митрополіи, причемъ просилъ изъять его архіепископію отъ духовной зависимости кіевскому митрополиту и подчинить непосредственно московскому патріарху ³¹⁾). Въ письмѣ своемъ къ царямъ Лазарь жаловался на бывшаго гетмана и радовался, что съ избраніемъ новаго наступили лучшія времена *).

Гетманъ, въ своихъ донесеніяхъ, чернилъ не только такихъ лицъ, которыя были друзьями и приверженцами бывшаго гетмана, но набрасывалъ тѣнь и на другихъ, даже на такихъ, которыя прежде заодно съ нимъ содѣйствовали гибели Самойловича и которымъ наружно все еще онъ оказывалъ покровительство и благорасположеніе. Такъ, генеральному асаулу Войцѣ Сербину онъ далъ универсалъ на маестности въ селѣ Подлипноу, въ Нѣжинскомъ полку, а полковнику переяславскому Дмитрашкѣ Райчѣ—на село Березань, въ полку Переяславскомъ, и самъ ходатайствовалъ въ Малороссійскомъ Приказѣ о выдачѣ имъ жалованныхъ грамотъ по своимъ универсаламъ ³²⁾). Но тотъ же гетманъ тайно писалъ въ Москву о Войцѣ Сербинѣ, что онъ ему, гетману, не желателенъ ³³⁾, а о Дмитрашкѣ Райчѣ припоминалъ давнія дурныя дѣла его еще при Многогрѣшномъ и Бруховецкомъ, —представлялъ, что его ненавидятъ полчане за то, что, будучи волоскимъ уроженцемъ, ставитъ сотниками своихъ земляковъ, и всѣ полчане просятъ, чтобъ онъ не былъ у нихъ полковникомъ и не жилъ бы въ ихъ городѣ ³⁴⁾). По донесенію гетмана, Дмитрашку Райчу потребовали въ то время въ Великороссію. Когда гетманъ отправился на постройку Новобогородска, Дмитрашка, находясь въ Сѣвскѣ, жаловался князю Голицыну, что гетманъ дѣлаеть стѣс-

³¹⁾ Ibid., 1688 г. № 4; 1689 г., № 9.

*) „Возненавидѣнный бывшимъ гетманомъ утѣсненъ быхъ отъ него многими обидами, многими скорбями и несповѣдимыми печалями, утѣсненъ быхъ не просто, но какъ мертвый забвенъ и при жизни землею покровенъ явихся и что могло быть тяжелѣе, когда гетманъ запрещалъ мнѣ посылать предъ вашъ царскій престолъ письменныя челобитья, дабы я возмогъ пріяти милость и обрѣсти благодать; но Богъ, животворяй мертвыя, даровалъ такое улучшить время, о которомъ могу сказать: нынѣ время благоприятно и се нынѣ день спасенія!“ („Письма Лаз. Барановича“. Черниговъ. 229.)

³²⁾ Ibid., 1688 г., № 57.

³³⁾ Ibid., № 98.

³⁴⁾ Ibid., № 97.

ненія женѣ его, оставшейся въ Малороссіи, а гетманъ по этому поводу писалъ тому же князю Голицыну, что на Дмитрашку Райчу есть подозрѣніе въ измѣнническихъ замыслахъ и слѣдуетъ его препроводить къ войсковому суду. «Вы десять лѣтъ меня знаете, — писалъ Мазепа, — способенъ ли я кому-нибудь завидовать и чинить козни на чужое здорье! Я Дмитрашкѣ Райчѣ не врагъ, пусть бы онъ только не сѣялъ плевелъ, а то вотъ здѣсь, по его письмамъ, твердятъ, что его скоро приведутъ съ какимъ-то бояриномъ для принятія нѣкотораго чина»³⁵). Счель нужнымъ Мазепа набросить нѣкоторую тѣнь и на кievскаго полковника Солонину, хотя недавно передъ тѣмъ рѣшилъ въ его пользу споръ съ кievскимъ воеводой и кievо-печерскими старцами³⁶). Но вслѣдъ за тѣмъ онъ указывалъ на письмо Солонины къ гетману, въ которомъ тотъ просилъ защитить его отъ «Москвы». Солонина разумѣлъ здѣсь кievскаго воеводу, своего личнаго недоброжелателя, но Мазепа придалъ словамъ его болѣе общій смыслъ. «Странно, — замѣтилъ гетманъ, — какъ этотъ мужикъ дерзаетъ, тагъ писать»³⁷).

Такъ Мазепа дѣлалъ тайный вредъ своимъ соумышленникамъ по дѣлу низложенія Самойловича, — онъ ихъ опасался. Эти люди недавно испробовали, какъ возможно при посредствѣ низкопоклонничества предъ сильными московскаго міра свергать своихъ гетмановъ; могли они подумывать, нельзя ли и съ Мазепой то же сдѣлать, что сдѣлали съ Самойловичемъ. И Мазепа старался заранѣе скovyрнуть тѣхъ, отъ которыхъ могъ ожидать вредныхъ противъ себя интригъ; но, не зная навѣрное, удастся ли ему, не хотѣлъ допускать на себя упрековъ въ несправедливости. Поэтому онъ поступалъ двулично: однимъ и тѣмъ же явно покровительствовалъ, а тайно чернилъ доносами, на тотъ конецъ, чтобъ обезпечить за собою довѣріе въ Москвѣ, когда эти люди вздумаютъ вредить ему.

Въ Кіевѣ между тѣмъ появился первый письменный доносъ на самого гетмана, открывшій собою цѣлый рядъ доносовъ все въ одномъ и томъ же смыслѣ. Доносчикомъ былъ какой-то поппразстрига изъ Путивля. Въ его доносѣ было сказано, что гетманъ сносится тайно съ поляками, дружить съ ними и тайно покупаетъ себѣ въ Польшѣ маетности. Кіевскій воевода отправилъ доносчика съ товарищемъ въ Москву, а изъ Москвы ихъ

³⁵) Ibid., № 86.

³⁶) Ibid., № 84.

³⁷) Ibid., № 98.

препроводили въ Батуринъ къ гетману. «Мню,—писалъ Мазепа къ Голицыну, — что сіи оболгатели, по уговору особъ на мене враждующихъ, съ баснями послани суть». Сообщая, что онъ приказалъ посадить ихъ обоихъ подъ караулъ, гетманъ увѣрялъ князя Голицына въ своей простотѣ, незлобіи и неизмѣнной вѣрности престолу³⁸).

ГЛАВА II.

Приготовленія къ новому походу на Крымъ.—Извѣстія отъ турецкихъ христіанъ.—Архимандритъ Исаія.—Шакловитый у Мазепы.—Мнѣнія о гетманѣ въ Малороссіи.—Походъ въ степь.—Встрѣча съ татарами.—Возвращеніе.—Восхваленія и награды Голицыну.—Пріѣздъ Мазепы со старшинами въ столицу.—Переворотъ въ правленіи.—Гетманъ у Троицы.—Прибавочныя статьи.—Царскія милости.

Въ концѣ лѣта 1688 года, въ Москвѣ рѣшено было возобновить на слѣдующую весну войну съ бусурманами. Пришли отъ римскаго императора и отъ Венеціанской республики къ московскому правительству побудительныя призывы дѣйствовать сообща противъ турокъ. Извѣщали, что настаетъ время самое удобное побѣдить и искоренить бусурманъ и освободить отъ ихъ ига православныхъ христіанъ,—туркамъ приходится худо, со всѣхъ сторонъ потери и пораженія, на сѣверѣ въ Сербіи потеряли они Бѣлгородъ, а на югѣ—Селунъ и островъ Кандія завоеваны венеціанцами. Такой счастливой для христіанъ поры уже тысяча лѣтъ какъ не бывало¹). Въ Москву стали приходять обращенія прямо изъ восточно-православнаго міра, поработеннаго мусульманами. Отъ бывшаго константинопольскаго патріарха Діонисія, лишеннаго своего сана за дружбу съ Россіей, прибылъ архимандритъ Исаія. Онъ привезъ грамоту отъ имени всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, въ которой излагалось то же, что и въ грамотахъ римскаго императора и Венеціанской республики: наступило удобное время съ надеждою на успѣхъ ополчиться на невѣрныхъ,—они пришли въ крайнее безсиліе и сами говорятъ, что къ нимъ приближается конечная гибель. Но за то они съ неистовствомъ озлобились на православныхъ христіанъ въ Румеліи, Мореѣ, Болгаріи и Сербіи, причинили имъ много мукъ и поруганій, до трехъ тысячъ истребили, а несчетное множество свезли въ Азію и въ Египетъ на поселеніе; они, съ повелѣнія своего султана и своего великаго муфтія, намѣреваются разорить до основанія всѣ

³⁸) Ibid., № 98.

¹) „Соб. Госуд. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 589.

церкви и монастыри въ тѣхъ краяхъ, откуда выселили христіанъ, а оставшихся на прежнихъ мѣстахъ жительства — перебить и такимъ образомъ искоренить все христіанство. «Въ нашей странѣ нѣтъ ни города, ни мѣстечка, гдѣ бы не творились поруганія и разоренія церквамъ Божиимъ, посрамлены архіереи и іереи; крестъ оплёванъ, хулится и укоряется имя Христово; невѣрные все только говорятъ: еслибъ вашъ Исусъ былъ Богъ, не оставилъ бы онъ своихъ поклонниковъ въ нашихъ рукахъ въ неволю» ²⁾). Тотъ же архимандритъ Исаія привезъ грамоту отъ волоскаго (молдавскаго) господаря Щербана: тотъ совѣтовалъ отправить разомъ два войска — одно на Буджакъ сухопутьемъ, другое водою на Дунай, а для удержанія крымцевъ сосредоточить третье войско на Запорожьи; затѣмъ просилъ принять всѣхъ православныхъ христіанъ подъ царскую руку, увѣрялъ, что и онъ самъ, и сосѣдь его, владѣтель мультавскій (валахскій), съ подвластными странами, желаютъ поступить въ подданство московскому престолу ради единой вѣры и не замедлятъ выступить съ семидесятитысячнымъ войскомъ на помощь царскимъ силамъ ³⁾). Съ тѣмъ же архимандритомъ прислалъ грамоту и нареченный сербскій патріархъ Арсеній о томъ же, но дѣлалъ предостерегательныя внушенія насчетъ союза съ западнымъ христіанствомъ.

«Западныя державы, — писалъ онъ, — отняли у турокъ въ Венгрии и въ Моревѣ мѣстности, заселенныя православнымъ народомъ, но тотчасъ стали тамъ вводить унию и обращать православныя храмы въ костелы. Если повезетъ имъ счастье далѣе и они завоюютъ Цареградъ, то православныя христіане прійдутъ въ окончательную погибель и вѣра православная искоренится. Православныя христіане съ радостію отдадутся подъ власть великихъ государей россійскихъ, но не подъ власть папешниковъ».

Списки съ привезенныхъ Исаіею грамотъ посланы были на обсужденіе гетману Мазепѣ, и тотъ въ своей грамотѣ, посланной въ Москву, согласно съ сербскимъ патріархомъ, представлялъ также, что западные союзники только того и желаютъ, чтобъ искоренить восточное православіе, замѣнивъ его латинствомъ въ Царьградѣ и подвластныхъ ему областяхъ. «Въ томъ страхѣ правовѣрные христіане, яко духовныи, тако и мірскіи, обрѣтаючися, не имѣютъ иного прибѣжища, токмо великихъ государей» — выражался

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid., стр. 592.

Мазепа, вѣроятно, съ цѣлью сказать угодное верховной власти ⁴⁾). Гетманъ, по царскому повелѣнію, сообщилъ волоскому господарю, что, сообразно договору, заключенному царями съ польскимъ королемъ, войска обоихъ государствъ весною выступятъ на войну съ рѣшительною цѣлью освободить всѣхъ христіанъ отъ мусульманскаго ига ⁵⁾).

19 сентября въ Москвѣ былъ объявленъ царскій указъ всѣмъ служилымъ людямъ готовиться весною будущаго года въ походъ противъ крымцевъ ⁶⁾), а 28 сентября Мазепа сообщалъ, что малороссіане, услышавъ о предстоящей войнѣ, приняли это извѣстіе съ большою радостью и «ни въ комъ не объявится лѣности» ⁷⁾). Гетманъ совѣтовалъ выступить весною какъ можно ранѣе, а чтобы непріатели не сожгли въ степи сухой прошлогодней травы и не произвели степного пожара, затруднительнаго для русскихъ войскъ, необходимо самимъ выжечь степь осенью: тогда новая трава скоро и безпрепятственно начнетъ расти слѣдующею весною, и такъ русскія войска будутъ идти по самой первой весенней зелени, и для войска это будетъ здоровье, такъ какъ еще не начнутся тягостные лѣтніе жары и не успѣетъ явиться морозное повѣтріе, которое обыкновенно запорожцы, черезъ свои походы, заносятъ изъ Крыма. Тогда бусурманы будутъ лишены въ достаткѣ конскаго корма; а если у татаръ лошади не будутъ сыты, то татары отпора не дадутъ. Такой совѣтъ подавъ тогда гетманъ, и, быть-можетъ, еслибъ онъ былъ принятъ и исполненъ, то и предположенный походъ совершился бы удачно ⁸⁾).

Въ октябрѣ отправился къ гетману въ Батуринъ любимецъ царевны Софійи и князя Голицына, Шагловитый, съ милостивымъ словомъ къ гетману, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тайнымъ порученіемъ провѣдать о вѣрности самого гетмана и о степени расположенія и довѣрія къ нему подчиненныхъ малороссіанъ. Шагловитый сообщилъ въ Москву, что хотя въ поступкахъ гетмана не замѣчается наклонности къ измѣнѣ, но малороссіане его не любятъ, не довѣряютъ ему, твердятъ, что онъ весь душою полякъ и ведетъ тайныя переписки съ польскими панами ⁹⁾). Отъ та-

⁴⁾ Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., св. 20, № 89.

⁵⁾ Ibid., № 91.

⁶⁾ „Собр. Гос. Гр. и Дог.“, т. IV, стр. 587.

⁷⁾ Арх. Ин. Дѣлъ, 1688 г., № 96.

⁸⁾ Ibid окт. 20, № 99.

⁹⁾ Gordon, т. II, стр. 235.

нихъ извѣстій въ Москвѣ не поколебалось довѣріе къ гетману, — напротивъ, оно должно было въ то время укрѣпляться, потому что искренность его предостереженій насчетъ западныхъ державъ подтверждалась извѣстіями русскаго посла въ Вѣнѣ, Возницына, доносившаго секретно, что царское величество положительно хочетъ заключить миръ съ Турціей особо, безъ участія Россіи; то же сообщалось и о другомъ союзникѣ — польскомъ королѣ, хотя послѣдній положительно заявлялъ, что ни за что не станетъ мириться съ Турціей безъ согласія съ Россією¹⁰⁾.

Походъ открылся въ мартѣ 1689 года. Великороссійскихъ войскъ, выступившихъ въ поле было 112.000, подъ главнымъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына. Генераль Гордонъ совѣтовалъ въ походѣ держаться берега Днѣпра и черезъ каждые четыре перехода ставить крѣпости, а въ каждой изъ крѣпостей оставлять по нѣскольку сотъ человекъ. Такой способъ предлагался въ томъ соображеніи, чтобы русское войско могло имѣть пункты опоры для своего продовольствія и для помѣщенія раненыхъ, а непріятелю могло это возбудить страхъ, такъ какъ ему показалось бы, что у русскихъ очень великія силы¹¹⁾. Другія начальныя лица говорили, что лучше идти прямо степью къ Крыму. Главнокомандующій присталъ къ послѣднему мнѣнію, принявши впрочемъ кое-что изъ мнѣнія Гордонова: положили оставить у Самары часть войскъ подъ командою князя Ивана Федоровича Волынскаго, а со всеѣмъ остальнымъ идти въ походъ по лѣвому берегу Днѣпра быстрымъ шагомъ, чтобы не допустить татаръ произвести степной пожаръ. Гетмана тогда на совѣтъ не было; его совѣтъ, данный еще прошлаго года, о сожженіи сухой травы въ предшествовавшую осеннюю пору остался, какъ видно, безъ исполненія. Гетманъ, съ цѣлымъ своимъ regimentомъ присоединился къ главному войску около 20 апрѣля¹²⁾.

Слѣдуя далѣе по предназначенному направленію, 11-го мая соединенное войско достигло рѣки Каирки: оставалось еще четыре дня пути до Перекопа. Князь Голицынъ отрядилъ часть силъ своихъ къ Асланъ-Керменю у Днѣпра и двинулся съ цѣлымъ корпусомъ далѣе на Перекопъ. 14-го мая войско достигло Зеленой-Долины. Она была шириною въ десять верстъ, изобило-

¹⁰⁾ Устряловъ: „Ист. Петра Вел.“, т. II, стр. 217.

¹¹⁾ Gordon, т. II, стр. 249.

¹²⁾ Устряловъ: „Ист. Петра Вел.“, т. I, прилож. IX, стр. 361. Донесеніе Голицына.

вала водою и травою. Русскіе расположились станомъ. Здѣсь поиманный татаринъ показаль, что ханъ крымскій за день передъ тѣмъ сталъ у рѣки Каланчака, а его орда расположилась впереди, на Черной-Долинѣ ¹³⁾. Русскіе по этой вѣсти двинулись далѣе. На пространствѣ, отдѣляющемъ Черную-Долину отъ Зеленой, появился отрядъ орды: она шла отъ Бизигерменской дороги и наступала съ правой стороны на русское войско. Произошла битва, длившаяся отъ трехъ до четырехъ часовъ. Съ обѣихъ сторонъ не мало было убитыхъ и раненыхъ, но русскіе принудили татаръ отступить.

16 мая русскіе достигли Черной-Долины. Тутъ справа появился самъ ханъ со всѣми своими силами. Полился сильный дождь. До полудня перевѣсъ былъ на сторонѣ татаръ. Они съ чрезвычайною быстротой напали на аррьергардъ, загнали русскую конницу и пѣхоту въ обозъ, но пушечные выстрѣлы заставили ихъ отступить. Тогда татары обратились на лѣвое крыло русскаго войска, нанесли поражение двумъ слободскимъ полкамъ, перебивъ у нихъ много лошадей и людей, хотя и сами потерпѣли отъ ружейной и пушечной пальбы. Послѣ того уже татары не осмѣливались вступать въ бой и только издали показывали намѣреніе нападать, а съ наступленіемъ ночи совсѣмъ скрылись изъ вида. На другой день, 17 мая, русскіе подвинулись далѣе, но главнокомандующій приказаль ввести конницу въ обозъ, находя, что она не въ силахъ будетъ удержать напоръ непріятеля, когда онъ явится. Вскорѣ татары снова появились, не увидали конницы впереди обоза, а на пѣхоту нападать не осмѣлились и ушли къ Каланчаку. Русскіе послѣдовали за ними и къ вечеру достигли Каланчака. Тамъ нашли они достаточно травы и воды, но лѣса для дровъ не было. 20 мая русскіе дошли до Перекопа ¹⁴⁾.

Послѣдніе два дня перехода отъ Черной-Долины до Перекопа оказались чрезчуръ тягостными для русскаго войска. Князь Голицынъ, въ своемъ донесеніи, говоритъ, что отъ самой Каирки войска шли восемь дней безводною степью: вопреки извѣстію Гордона ¹⁵⁾, князь говоритъ, что въ обѣихъ долинахъ—Зеленой и Черной—воды вовсе не было, а въ Каланчагѣ вода была дурнаго свойства. Падали отъ безводья и лошади, и люди. Начинала

¹³⁾ *Gordon*, т. II, стр. 257.

¹⁴⁾ *Устряловъ*: „Ист. Петра Вел.“, т. I, примѣч. 95. Мѣсто изъ дневника Гордона, не вошедшее въ нѣмецкій переводъ Посселята.

¹⁵⁾ *Gordon*, т. II, стр. 257 и 258.

чувствоваться скудость и хлѣбныхъ запасовъ. Когда, наконецъ, русскіе добрались до Перекопа, то думали было сперва возводить шанцы и стали досматривать, откуда можно доставать воду и кормъ для лошадей. Оказалось, что всѣ поля были отравлены и выбиты, воды не доставало ни въ рѣкахъ, ни въ колодцахъ; съ правой стороны Перекопа было Черное море, съ лѣвой—Гнилое, но въ обоихъ вода соленая и для питья невозможная. Около Перекопа всѣ посадки и деревни были выжжены татарами¹⁶⁾. Собоображая, что долго стоять подъ Перекопомъ будетъ для войскъ слишкомъ затруднительно, князь Голицынъ попытался войти въ сношенія съ ханомъ: въ этомъ случаѣ онъ довѣрялъ плѣнному татарину, который показалъ, что ханъ желаетъ примириться. Но ханъ, черезъ присланнаго къ князю Голицыну своего кемань-мурзу Сулешова, изъявилъ готовность мириться не иначе, какъ на условіяхъ Бахчисарайскаго мира¹⁷⁾. Это побудило князя Голицына прервать и сношенія съ татарами, и военныя дѣйствія противъ нихъ. 21 мая русскіе стали отступать назадъ¹⁸⁾. Впослѣдствіи современники распускали слухи, будто князь Голицынъ, въ предшествовавшую тому ночь, взялъ съ хана взятку въ двѣ бочки золотыхъ¹⁹⁾.

Гетманъ Мазепа, какъ и прочіе военачальники, не участвовалъ въ намѣреніи главнокомандующаго мириться съ непріятелями, а когда князь Голицынъ послалъ къ нему Венедикта Зміева спросить: не будетъ ли отъ такого примиренія между козаками смуты,—Мазепа, съ своею обычной уклончивостію, не сталъ противорѣчить сильному временщику, но хотѣлъ всѣми возможными способами отстранить себя отъ участія въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго могъ ожидать со-временемъ непріятныхъ послѣдствій: онъ отвѣчалъ, что козаки скучаютъ, но измѣны отъ нихъ онъ не ожидаетъ.

На обратномъ пути цѣлыхъ восемь дней безпокоили отступавшихъ русскихъ татары, однако не причинили имъ большаго вреда. Русскіе болѣе терпѣли отъ безводья, пока имъ на облегченіе полился проливной дождь²⁰⁾. 12 іюня достигло войско до

¹⁶⁾ Устряловъ: „Ист. Петра Вел.“, т. I, прилож. IX, стр. 372. Донесеніе Голицына.

¹⁷⁾ Ibid.

¹⁸⁾ Ibid., прим. 95. Изъ дневника Гордона.

¹⁹⁾ Ibid., т. II, стр. 235.

²⁰⁾ Ibid., т. I, прим. 95. Изъ дневника Гордона.

Самары. 24 іюня Мазепа разстался съ главнокомандующимъ и съ береговъ Коломака повернулъ съ войскомъ своего регимента въ гетманщину²¹⁾. 27 іюня самъ Голицынъ распустилъ все свое войско и съ начальными людьми отправился въ столицу²²⁾. Сердечно преданная Голицыну, царевна Софія спѣшила передъ братьями-царями и передъ вельможами выставить подвиги своего любимца въ самомъ свѣтломъ видѣ. Самъ князь Голицынъ, въ своихъ донесеніяхъ, постоянно представлялъ ходъ дѣлъ въ войскѣ такъ, какъ будто русскіе одерживаютъ надъ непріятелемъ блистательныя побѣды одна за другою. 27 іюля, въ субботу, объявлена была похвала и царскія милости боярамъ - предводителямъ въ внутреннихъ дворцовыхъ покояхъ, а второстепеннымъ начальнымъ людямъ — на дворцовой лѣстницѣ. Бояре получили въ даръ кубки, кафтаны, вотчины, денежную придачу къ окладамъ жалованья; прочимъ, второстепеннымъ, давали ковши, матеріи на одежду, жаловали увеличеніемъ денежнаго оклада и обращеніемъ части числящихся за ними помѣстій въ вотчины; иностранцамъ, бывшимъ въ походѣ, пожалованы были серебряные кубки, соболи, матеріи на одежду и мѣсячное жалованье не въ зачетъ, въ видѣ подарка²³⁾. Имена убитыхъ выставлены были въ соборной церквѣ, дабы отцы, сыновья, братья и ближніе родственники имѣли всегда передъ глазами свидѣтельство о вѣрности и подвигахъ своихъ кровныхъ. Всѣмъ, участвовавшимъ въ походѣ, розданы были на память золотыя медали, разной величины, смотря по достоинству чина каждаго.

Слабоумнаго царя Іоанна сестрѣ не трудно было увѣрить, что ея любимецъ велъ дѣло блистательно; но не могла Софія заставить такъ же думать и талантливаго Петра, уже и безъ того озлобленнаго противъ сестры. Правда, 26 іюля, усиленные просьбы склонили его не пренятствовать объявленію милостей и наградъ; но когда на другой день полководцы и начальныя люди поѣхали въ Преображенское благодарить за царскія милости, Петръ не принялъ никого и тогда всѣ поняли, что уже близка гроза и наступить перемѣна въ правленіи. Гроза разразилась въ августѣ того же года. Начальникъ Стрѣлецкаго приказа, Шахловитый, сторонникъ Софіи, настраивалъ своихъ стрѣльцовъ противъ Петра, но двое изъ этихъ стрѣльцовъ, Мельновъ и Ладогинъ, прибравши

²¹⁾ *Gordon*, т. II, стр. 262.

²²⁾ *Ibid.*, стр. 263.

²³⁾ *Gordon*, т. II, стр. 266.

съ собою другихъ товарищей, убѣжали въ Преображенское и сообщили Петру, что на него и на его мать, царицу Наталью Кирилловну, замышляется убійство. Ночью съ 7-го на 8-е августа Петръ вскочилъ съ постели, едва успѣвъ обуться, въ одномъ бѣльѣ побѣжалъ въ конюшню, сѣлъ на верховую лошадь и ускакалъ въ лѣсъ; туда принесли ему платье и онъ, верхомъ на той же лошади, тотчасъ уѣхалъ въ Троицкій монастырь. На другой день къ нему прибыли мать, жена и нѣсколько ближнихъ бояръ, между которыми пользовался особымъ довѣріемъ Петра князь Борисъ Голицынъ²⁴⁾).

Когда въ столицѣ и ея окрестностяхъ происходили такія смуты, въ Москву пріѣхалъ гетманъ Мазепа съ старшинами, полковниками и съ большою свитой. Съ нимъ пріѣхали тогда генеральные старшины: обозный Борковскій, судья Савва Прокоповичъ, писарь Василий Кочубей, асаулъ Андрей Гамалѣя и бунчужный Евфимъ Лизогубъ; при каждомъ изъ этихъ старшинъ состояло по пяти козаковъ. Прибыли полковники: черниговскій — Лизогубъ, полтавскій — Федоръ Жученко, нѣжинскій — Степанъ Забѣла, миргородскій — Данило Апостоль и лубенскій — Леонтій Свѣчка. Съ каждымъ изъ нихъ былъ полковой писарь, а при нѣкоторыхъ еще и полковой судья. При особѣ полковника состояло по пяти козаковъ, а при полковомъ писарѣ и при полковомъ судьѣ — по два козака. Сверхъ того съ гетманомъ пріѣхало тогда въ Москву девять значныхъ войсковыхъ товарищей старшихъ^{*)}, шестнадцать значныхъ войсковыхъ товарищей *молодшихъ*^{**)} и восемь канцеляристовъ^{***)}. При каждомъ изъ этихъ лицъ было по козаку. Затѣмъ собственный штатъ гетмана состоялъ изъ восьми дворянъ гетманскихъ, близкихъ къ особѣ гетмана^{****)}; при каждомъ изъ нихъ также было по козаку. Дворовыхъ

²⁴⁾ Gordon, т. II, стр. 267 и 268. Устряловъ: „Ист. Петра В.“, т. II, стр. 61.

^{*)} Конст. Солонина, Дмитрашка Райча, Григ. Гамалѣя, Яв. Жураховскій, Ив. Лысенко, Степ. Гречаный, Андрей Дорошенко сотникъ сосницкій, Данило Лисицкій, Пав. Гердикъ — все бывшіе полковники и старшины.

^{**)} Ив. Забѣла, Пав. Полуботокъ, Дим. Горленко, Семень Савичъ, Мих. Гамалѣя, Ив. Мирвичъ, Дим. Зеленскій, Ив. Сулима, Фед. Григоровичъ, Конст. Ширкеевичъ, Юрій Кожуховскій, Вас. Забѣла (сынъ нѣжин. полковника), Ив. Иваненко (внукъ полт. полковника), Вас. Свѣчка (сынъ луб. полковника), Кондрать Тарененко (двоюродный братъ Дорошенка), Троф. Подтереба, Ив. Фалковскій.

^{***)} Вас. Чуйкевичъ, Петръ Иваненко, Лука Петровскій, Мих. Маковскій, Вас. Солонина, Пав. Андриенко, Александръ Мадурскій, Ив. Переводчикъ.

^{****)} Дим. Чечель, Андр. Михаловскій, Ив. Витвицкій, Клиимъ Довгополь, Вас. Лавриченко, Илья Сербинъ, Катъ, Илья Жаленко.

гетманскихъ людей было 70 человекъ, 50 драгунъ, 12 музыкантовъ, — всего при гетманѣ и при всѣхъ знатныхъ особахъ было 304 человекъ. Разомъ съ гетманомъ прибыло въ Москву и пять духовныхъ сановниковъ *)).

Встрѣчать ихъ высланъ былъ стремяннаго полка полковникъ-стольникъ Иванъ Циклеръ съ 500 конныхъ рейтаровъ и съ двумя ротами подъячихъ Малороссійскаго Приказа. Дьякъ Василій Бобынинъ пріѣхалъ съ царскою каретою для почетнаго гостя и отъ имени царей и царевны спросилъ гетмана о здоровьѣ. Гетманъ счелъ умѣстнымъ похвалить царскую карету и сказалъ: «благодарю Бога, что сподобилъ меня чести сѣсть въ царскую карету!» Гетмана ввезли въ Калужскія ворота, потомъ, черезъ плывучій мостъ, провезли въ Москворѣцкія ворота, а далѣе, слѣдуя Ильинскимъ крестцомъ, привезли на большой Посольскій дворъ, гдѣ назначено было ему помѣщеніе со всѣми прибывшими съ нимъ малороссіянами. Гетманъ не зналъ еще что происходитъ «наверху», не могъ предвидѣть скорого паденія власти Софійи и временщика, считалъ Голицына неизмѣнно могучимъ а потому, въ разговорахъ съ приставами (которые должны были о его рѣчахъ доносить князю Голицыну) расхваливалъ подвиги князя Василя Васильевича въ крымскомъ походѣ. «Никогда еще, — говорилъ Мазепа, — не бывало бусурманамъ такого страха, какъ отъ князя Василя Васильевича, ближняго боярина! Жаль, что за безводными и безкормными мѣстами не успѣли разорить Перекопа!... Но вѣдь въ древнихъ хроникахъ писано: персидскій царь Дарій приходилъ войною на Крымъ и войска у него было множество, а все-таки не могъ онъ взять Перекопа за безводіемъ и безкормицею и принужденъ былъ уйти, и зарокъ далъ, что не пойдетъ болѣе въ тотъ край!»

На другой день послѣ пріѣзда въ Москву, гетмана съ малороссіянами повезли во дворецъ для торжественнаго представленія. Думный дьякъ проговорилъ пышную рѣчь, восхвалилъ славные подвиги князя Василя Васильевича Голицына, нанесшаго бусурманамъ такое пораженіе, «какого они себѣ не чаяли, и такому подобнаго не слыхано». И гетману отдавалась похвала, какъ участнику побѣдоноснаго дѣла. Тогда гетману даны были отъ имени государей дары: серебряный рукомоийникъ съ лоханью, зо-

*) Игумень кирилловскій Инокентій, батуринскій—Дмитрій (впослѣдствіи Ростов. митроп. св.), іеромонахъ Іоаннъ Заруцкій и два мірскихъ священника.

лотой поясъ съ турецкими драгоценными камнями, золотая узда съ наперстью. Гетманъ и всѣ малороссіяне были у руки одного изъ государей, Іоанна Алексѣевича. Петра здѣсь не было. Потомъ гетманъ посѣтилъ патріарха Іоакима ²⁵⁾).

Съ мѣсяцъ послѣ того сидѣли малороссіяне съ своимъ гетманомъ въ большомъ Посольскомъ дворѣ, а тѣмъ временемъ въ столицѣ совершались великія дѣла. Пошла рѣшительная, послѣдняя борьба между братомъ и сестрою. Петръ изъ Троицкаго монастыря потребовалъ къ себѣ служилыхъ. Софія всѣми средствами старалась удерживать стрѣльцовъ отъ перехода къ Петру, а между тѣмъ пыталась посылать къ брату сначала бояръ, а потомъ патріарха, съ цѣлью какъ-нибудь уладить возникшій споръ. Все было напрасно,—и бояре, и патріархъ остались при Петрѣ у Троицы. Петръ далъ приказаніе всѣмъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ начальнымъ людямъ, подъ опасеніемъ смертной казни за ослушаніе, прибыть къ Троицѣ, взявши съ собою по десяти человѣкъ простыхъ рядовыхъ изъ каждаго полка, а вмѣстѣ съ ними должны были явиться къ государю московской гостиной сотни и всѣхъ московскихъ черныхъ сотенъ съ десятью тягльцами изъ каждой сотни и слободы ²⁶⁾). Всѣ повиновались. Тогда Петръ потребовалъ выдачи Шакловитаго и его сообщниковъ стрѣльцовъ, обвиняемыхъ въ злоумышленіи на жизнь Петра и его матери. Софія принуждена была уступить, потому что всѣ стрѣльцы уже перешли на сторону Петра. Шакловитаго выдали и казнили. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ не принималъ участія въ московскихъ смутахъ этихъ дней и запрятался въ свою подмосковную вотчину Медвѣдково; но послѣ выдачи Шакловитаго 7-го сентября отправился къ Петру вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ и другомъ Леонтіемъ Неплюевымъ, окольничимъ Венедиктомъ Зміевымъ, Григоріемъ Ивановымъ Косаговымъ и думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевымъ Украинцевымъ. Князь Голицынъ приготовился доказывать Петру свою невинность, но его не допустили ни до какихъ объясненій, а прямо объявили приговоръ, которымъ лишали его всѣхъ вотчинъ и назначили ему жить въ ссылкѣ въ Каргополѣ: виною ему поставлено было то, что онъ провозгласилъ самовольно царевну Софію верховною правительницею, тратилъ безплодно государственную казну и со-

²⁵⁾ Архивъ Министерства Юстиціи, вв. 51. Подробное описаніе пребыванія Мазепы въ Москвѣ въ 1689 году.

²⁶⁾ Gordon, т. II, стр. 270. Усмп.: „Истор. Петра Вел.“, т. II, стр. 651.

вершилъ два напрасныхъ похода въ Крымъ, ничего не сдѣлавши. Неплюева, за обиды, нанесенныя сѣвскимъ жителямъ во время своего управленія, за грабительства и разореніе Комарницкой волости, лишивъ всѣхъ имѣній, сослалъ въ Пустозерскъ. Зміева удалили въ его деревни, а Косагова и Украинцева оправдали²⁷⁾. Только вліянію любимца Петрова, князя Бориса Алексѣевича Голицына, обязанъ былъ падшій временщикъ тѣмъ, что не подвергся смертной казни. Впрочемъ, на другой годъ Каргополь былъ найденъ слишкомъ удобнымъ для такого преступника: его перевели въ Яренскъ, а еще черезъ годъ сослалъ въ Пустозерскъ, потомъ въ Пинегу, гдѣ онъ и умеръ въ крайней бѣдности, въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1713 году²⁸⁾.

Казалось бы, съ паденіемъ временщика должна была постигнуть неблагоприятная участь и гетмана Мазепу, который былъ возведенъ въ гетманскій санъ главнымъ образомъ по вліянію князя Василя Васильевича и съ той поры держался его милостями. Дѣйствительно, Мазепа уже тогда ожидалъ себѣ бѣды, а бывшіе съ нимъ малороссіяне совѣтовались между собою, кого теперь придется имъ избирать въ гетманы вмѣсто Мазепы: объ отрѣшеніи послѣдняго, казалось, не могло быть никакого сомнѣнія²⁹⁾. Волею-неволею по царскому приказу отправился Мазепа съ своею ассистенціею къ торжествующему царю Петру. 9 сентября, когда онъ, ѣдучи къ Троицѣ, доѣхалъ до села Воздвиженскаго, ему было прислано царское приказаніе остановиться и ждать, пока позовутъ его. Страшно, конечно, ему было ожидать этого зова. Но пришлось ему томиться ожиданіемъ недолго. На другой же день, 10-го сентября, его позвали. На Троицкомъ посадѣ малороссіяне встрѣтили великолѣпный шатеръ, поставленный для пріема ихъ гетмана. Въ тотъ же день, послѣ полудня, гетманъ былъ допущенъ къ царю. Онъ вошелъ, одѣтый въ богатый кафтанъ, окруженный старшинами; за нимъ козаки несли блестящіе дары; то были: золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, сабля въ дорогой оправѣ, стоившая 2.000 рублей, и 10 аршинъ золотнаго аксамиту для царской матери-царицы Натальи Кирилловны и для царицы Евдокии—золотныя ожерелья съ алмазами. Молодой царь, статный и красивый, сидѣлъ одѣтый въ бархатный кафтанъ, окруженный боярами, одѣтыми въ бай-

²⁷⁾ Gordon, т. II, стр. 280.

²⁸⁾ Устряловъ, II, примѣч. 20, стр. 344 и 345.

²⁹⁾ Gordon, т. II, стр. 283.

береговые кафтаны. Думный дьякъ Украинцевъ объявилъ гетману и всѣмъ старшинамъ похвалу за военные походы съ Голицынымъ. Такимъ образомъ давалось знать, что немилость царя къ Голицыну за его крымскій походъ не падаетъ на участниковъ этого похода—Мазепу и все войско запорожское, такъ какъ казаки въ этомъ походѣ исполняли только свой долгъ и не могли принимать отвѣтственности за ошибки главнаго предводителя. Думный дьякъ, проговоривши свою рѣчь, сказалъ гетману, что онъ можетъ теперь говорить къ великому государю, если имѣетъ нужду. Мазепа прежде всего замѣтилъ о трудности своего сана, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ старикъ, не можетъ похвалиться здоровьемъ, но онъ давалъ обѣщаніе служить царю вѣрно, до пролитія послѣдней капли крови, билъ челомъ, чтобы великій государь держалъ его всегда въ своей милости со всѣми старшинами и со всѣмъ народомъ малороссійскимъ. Рѣчь Мазепы, вполнѣ до насъ не дошедшая, понравилась Петру. Сверхъ ожиданія многихъ, онъ принялъ очень милостиво и ласково гетмана и всѣхъ старшинъ. Ласковый приѣмъ придалъ гетману смѣлости и онъ тутъ же подалъ государю челобитную, чернившую Василя Васильевича Голицына и товарища послѣдняго Леонтія Неплюева. Онъ доносилъ царю, что Леонтій Неплюевъ угрозами вынудилъ у него дать князю Голицыну отчасти изъ пожитковъ отрѣшеннаго гетмана Самойловича, а отчасти изъ собственнаго своего «имѣньшишка», которое по милости монаршей нажилъ на гетманскомъ урядѣ, 11.000 рублей червонцами и ефимками, болѣе трехъ пудовъ серебряной посуды, на 5.000 рублей драгоценныхъ вещей и три турецкихъ коня съ уборомъ³⁰⁾. Любопытна записка Мазепы, сохранившаяся въ дѣлахъ Государственнаго Архива, вмѣстѣ съ письмами царицы Софіи, показывающая, что Мазепа, послѣ своего избранія въ гетманы, заплатилъ князю Голицыну взятку за содѣйствіе^{*)}. Въ нравственныхъ правилахъ Ивана

³⁰⁾ Архивъ Ин. Дѣлъ, 1689 года, № 17.

^{*)} Прирекая обѣтница моя вашей княжей вельможности не могла чрезъ не малое время прійти въ належитое исполненіе, едно завсегдашними мойми около дѣлъ на новости уряду моего трудными заботами, другое затымъ же не можемъ наскоро приспособитися въ такую способность, явая бы до посланія была удобна. Теперь тую должность мою въ пилности належитой составивши, посылаю вашей княжой вельможности милостивому благодѣтелю моему въ червонныхъ золотыхъ пять тысячъ и осемь сотъ рублей въ копѣйкахъ три тысячи рублей и въ таларахъ битыхъ тысячу и двѣсти рублей всего десять тысячъ рублей. Якое мое приношеніе изволь ваша княжая вельможность принять

Степановича съ-молоду укоренилась черта, что онъ, замѣчая упадокъ той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущеніями и побужденіями, чтобы не содѣйствовать вреду падающей прежде благодѣтельной для него силы. Измѣна своимъ благодѣтелямъ не разъ уже выказывалась въ его жизни. Такъ онъ измѣнилъ Польшѣ, перешедши къ заклѣтому ея врагу Дорошенку; такъ онъ покинулъ Дорошенка, какъ только увидаль, что власть его колеблется; такъ, и еще беззащѣтнѣе, поступилъ онъ съ Самойловичемъ, пригрѣвшимъ его и поднявшимъ его на высоту старшинскаго званія. Такъ же поступалъ онъ теперь съ своимъ величайшимъ благодѣтелемъ, передъ которымъ еще недавно льстилъ и унижался. И ему на этотъ разъ удалось болѣе, чѣмъ всѣ прежніе разы. Онъ заслужилъ къ себѣ милость царя Петра. Вѣроятно, теперь ему помогла та природная враждебность, та способность всѣмъ нравиться съ перваго раза, — способность, которая живетъ съ человѣкомъ и съ нимъ умираетъ, оставляя мало слѣдовъ для потомковъ, задающихся изученіемъ историческаго лица. По единогласному свидѣтельству лично знавшихъ этого человѣка, ему была присуща въ высшей степени такая способность. Петру не представлялось ничего противъ этого человѣка. Если онъ слушался Голицына, то потому, что въ рукахъ Голицына была верховная власть. Избранъ былъ Мазепа въ гетманы по желанію всего войска запорожскаго вольными голосами, отъ старшинъ на него не было челобитныхъ, ничто не возбуждало къ нему царскаго неудовольства, а заявленіемъ о Голицынѣ и Неплюевѣ Мазепа отклонилъ отъ себя подозрѣніе крѣпкой солидарности съ Голицынымъ и его друзьями.

14-го сентября думный дьякъ предложилъ гетману и старшинамъ, не найдутъ ли они нужнымъ представить соображенія къ измѣненію чего-нибудь въ статьяхъ договора, составленнаго на коломацкой радѣ. Замѣчено было, что вопросъ объ арендахъ на этой радѣ остался нерѣшеннымъ, но и теперь оставляли его рѣшить голосамъ всего народа, которые будутъ отбираться по вопросамъ, разосланнымъ въ полки. Гетманъ находилъ необходимымъ произвести новую перепись всѣмъ козакамъ, чтобъ отдѣ-

милостиво и ховати мене въ милостивой отческой и благодѣтельской своей ласцѣ и заступленіи. О що покорно прошу обѣдючи то по себѣ донелѣ же жыти буду, же во всемъ желательнымъ и послушнымъ есмь работникомъ вашей княжей вельможности, о его же милостивую, отческую ласку истиннымъ всецѣлымъ усердіемъ и повольными услугами моими старатися буду.

лечь настоящихъ козаковъ отъ своевольныхъ мужиковъ, безпрестанно втирающихся въ козаки, а затѣмъ надобно будетъ строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались въ гозачество. Старшины старались не допускать въ козаки посполитыхъ, чтобы держать послѣднихъ у себя въ подданствѣ съ ихъ землею. Со старшинами за одно того же домогались всѣ войсковые товарищи, владѣвшіе маестностями. Мазепа, какъ полагъ по воспитанію, мирволилъ этому «панскому» направленію; но ему хотѣлось, чтобы «паны», то-есть владѣльцы маестностей, зависѣли отъ него, и потому обратилъ вниманіе правительства на то, что нѣкоторые малороссіане ѣздили въ Москву и тамъ хлопотывали себѣ маестности въ Малороссіи. Отсюда происходили,—какъ выражался гетманъ,—«трудности и неналежная доука». Тотъ, кто недавно получилъ грамоту въ Москвѣ, домогается отвода ему земли во владѣніе, сообразно жалованной грамотѣ, а тутъ явится кто-нибудь другой и докучаетъ гетману, указывая, что у него есть болѣе давнее право на владѣніе, сообразно гетманскому универсалу. На это представленіе гетману отвѣчали, что впередъ не будутъ выдавать жалованныхъ грамотъ на маестности безъ предварительныхъ гетманскихъ универсаловъ. Въ этотъ пріѣздъ гетмана въ Москву выдано было множество жалованныхъ грамотъ на маестности, и тогда, можно сказать, болѣе чѣмъ въ прежнія времена, положенъ былъ фундаментъ частнаго землевладѣнія въ Малороссіи и зачало будущаго малороссійскаго дворянства. Кромѣ общей жалованной грамоты всему малороссійскому народу на бывшія у каждаго лица поземельныя владѣнія³¹⁾, самому гетману Мазепѣ даны грамоты на села Острочъ и Ядловку въ Баришевскомъ повѣтѣ Переяславскаго полка, которыя гетманъ тогда же пожертвовалъ на содержаніе богадѣльни при Києво-Печерскомъ монастырѣ, на село Кочуровку въ Глуховскомъ повѣтѣ, гдѣ у гетмана былъ дворъ и водяная мельница на рѣкѣ Есмани, и на село Самбуръ въ Красненскомъ повѣтѣ. Всѣми этими маестностями владѣлъ Мазепа и прежде, въ званіи генеральнаго асаула, а теперь онѣ отдавались ему въ потомственное владѣніе. Еще прежде своего пріѣзда въ Москву исходатайствовалъ гетманъ утвержденіе своихъ универсаловъ: за генеральнымъ писаремъ Кочубеемъ села Диканьки и Ярославца, за генеральнымъ судьей Воеховичемъ двухъ селъ въ Полтавскомъ повѣтѣ, за

³¹⁾ Арх. Юст., кн. 51, лл. 199—220.

Михайломъ Гамалѣю на села въ Любецкомъ повѣтѣ, за генеральнымъ бунчужнымъ Евфимомъ Лизогубомъ сель: Погребки, Бишки и Крапивное съ мельницами на рѣкѣ Сеймѣ³²⁾, за ба-санскимъ сотникомъ Янковичемъ, нѣжинскимъ полковникомъ Степаномъ Забѣлою и охотничьими полковниками: Герасимомъ Василевичемъ, Яворскимъ, Кожуховскимъ и Новицкимъ—на пожалованныя имъ всѣмъ маестности³³⁾. Въ прїѣздъ Мазепы въ Москву, по гетманскому ходатайству, даны грамоты на маестности и многимъ другимъ лицамъ³⁴⁾.

Гетманъ покровительствовалъ тогда и литературнымъ трудамъ въ своемъ краѣ. По его рекомендаціи, еще до прїѣзда его въ Москву, привозили въ столицу старцы Кіево-Николаевского монастыря книгу Радивиловскаго «Вѣнецъ Христовъ», а старцы печерскіе—книгу «Вѣнецъ отъ цвѣтовъ духовнаго винограда печерскаго» для поднесенія ихъ государямъ³⁴⁾. Разомъ съ гетманомъ

³²⁾ Арх. Ин. Дѣль, 1688 г., №№ 76 и 115.

³³⁾ Ibid., 1689 г.; № 7.

³⁴⁾ Войсковому канцеляристу Василю Чуйкевичу на село Андриашевку, полтавскому полковнику Ѳедору Жученку на село Жуки, лубенскому полковнику Свѣчѣѣ на села Деймановку и Диватовку, Андрею Гамалѣю на село Середнюю Буду, Димитрію Зеленскому на мѣст. Константиновку, Павлу Герцику на село Стасовское, черниговскому полковнику Якову Лизогубу на село Слабино, полтавскому полковому судѣѣ Будкому на село Мартыновку, черниговскому полковому писарю Ивану Скоропадскому на село Выхвостово, нѣжинскому полковому писарю Ѳедору Завадскому на село Крупичъ-Поле, полковнику охотничьему Пашковскому на село Ромашки, другому—Андріенку на село Порохню, значному войсковому товарищу Димитрію Горленку на разныя села, войсковымъ товарищамъ Степану Гречаному, Данилу Лѣсницкому, Ивану Забѣлѣ, Максиму Ильяшенкѣ, Ивану Мировичу, Андрею Дорошенкѣ, Ивану Сулимѣ, Трофиму Полтеребѣ, конотопскому сотнику Кондыбѣ на разныя села, грунты и мельницы. Племянникъ Мазепы Обидовскій получилъ жалованную грамоту на званіе стольника и на имѣніе въ Рыльскомъ уѣздѣ, кіевскій полковникъ Григорій Карповичъ получилъ грамоту на села Семиполюе, Мостище и Рудню; Леонтій Полуботокъ, хотя ненавидимый Мазепою, получилъ по его универсалу грамоты на разныя села въ Черниговскомъ полку, въ Любецкомъ и Сосницкомъ повѣтахъ. Затѣмъ тогда же даны были жалованныя грамоты Лубенскаго полка обозному Димитрію Глуховцу на село Луку, Черниговскаго полка обозному Калинику на село Ивашково, лубенскому полковнику Свѣчѣѣ въ прибавку на два села въ Пиратинскомъ повѣтѣ, Ивану Лисенку на села Дягово и Осмины, войсковому товарищу бывшему кіевскому полковнику Солонинѣ на села Евлисну, Бонденки и Крехайло, охотничьимъ полковникамъ: Кожуховскому на село Загоровку и Яворскому на село Юдино, Саввѣ Прокоповичу на село Кудровку; войсковымъ товарищамъ: Черняку на село Гавринцы, Шнякѣвичу на село Шаболиново съ мельницами и озерами и другимъ лицамъ (Ibid., №№ 27, 31—37, 40, 47—49).

³⁴⁾ Ibid., 1688 г., № 60.

пріѣзжалъ въ столицу глуховской житель Аѳанасій Заруцкій съ книгою: «На похвалу великихъ государей». Онъ подавалъ Голицыну челобитную, гдѣ изъявлялъ желаніе потрудиться и впредь «въ начертаніи книжномъ къ прославленію престола ихъ царскихъ величествъ и его князя Голицына, чтобъ испытно чиномъ весь лѣтописецъ о родствѣ ихъ царскихъ величествъ написанъ былъ, дабы и въ настоящее время мудрымъ людямъ было что прочитать». Онъ заявлялъ, что до сихъ поръ онъ писалъ кратко, но теперь хотѣлъ бы написать подробнѣе, и просилъ снабдить его лѣтописями, потому что въ малороссійскомъ краѣ такихъ нельзя было найти ³⁵).

19-го сентября малороссіяне были отпущены изъ Москвы. На отпускъ гетману и старшинамъ надарили соболей, разныхъ пряностей и лакомствъ, вина, уксусу и проч.

ГЛАВА III.

Волевія въ Малороссіи въ отсутствіе гетмана.—Смута изъ Запорожья.—Писарь Сажка.—Сношенія запорожцевъ съ Польшею.—Атаманъ Лазука.—Подозрѣнія на Польшу.—Недрузи Мазепы въ Малороссійскомъ краѣ.—Леонтій Полуботокъ.—Михайло Василевичъ Галицкій.—Пасквиль на гетмана.—Подсылка Шумлянскаго.—Домарацкій.—Чернецъ Соломонъ.—Выдача ихъ и казнь.—Чаліенко и другіе враги гетмана.—Новый пасквиль.—Мать и сестра Мазепы.—Довѣріе и милость къ гетману московскаго правительства.

Поѣздка гетмана въ Москву не обошлась безъ нѣкоторыхъ смуть въ Малороссіи. Гетманъ, отъѣзжая въ столицу, поручилъ вмѣсто себя управленіе краемъ въ званіи наказнаго гетмана генеральному судѣ Вуеховичу, а для защиты рубежей гетманщины отъ татарскихъ вторженій разставилъ вдоль Днѣпра охотныхъ козаковъ и засеймскія сотни Нѣжинскаго полка, давши надъ тѣми и другими наказное начальство стародубскому полковнику Миклашевскому. Воялись татарь, но тревога наступила отъ своихъ, а не отъ чужихъ ¹). Гетманъ получилъ отъ Вуеховича извѣстіе, что въ Ромнахъ, въ Чернухахъ, въ Басани—въ Переяславскомъ полку, въ Кобылякахъ и Будищахъ—въ Полтавскомъ полку и во всѣхъ бережныхъ городкахъ пошли слухи, что гетмана задержать въ Москвѣ со старшинами, отпустятся назадъ только бывшіе съ ними незнатные люди; толковали даже, что «нѣкій иной чинъ имѣеть быти». Такіе слухи распростра-

³⁵) Ibid., 1688 г., № 63; 1689 г., № 30.

¹) „Лѣтопись Самовидца“, изд. 1878 г., стр. 177.

няли запорожцы, злобствовавшіе на гетмана за то, что онъ запретилъ малороссіянамъ ѣздить на Запорожье для торговли и лишилъ Запорожскую Сѣчь возможности получать хлѣбъ и другіе предметы продовольствія изъ Малороссіи. Запорожцы ошибались: такія стѣснительныя мѣры послѣдовали по волѣ московскаго правительства и гетманъ, будучи въ Москвѣ, ходатайствовалъ объ ихъ отмѣнѣ. Вуеховичъ писалъ, что трудно ему удерживать спокойствіе, люди его не слушаютъ, властей не уважаютъ и уходятъ въ разныя стороны: тѣ на Низъ въ степи, а тѣ къ Бугу и инымъ рѣчкамъ на правой сторонѣ Днѣпра. Изъ полковъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Лубенскаго поднимается пєспольство большими громадами на правый берегъ Днѣпра искать новоселья; иные же, — доносилъ Вуеховичъ, — думаютъ и нѣчто новое у себя зачать. Правобережная Украина повидимому начинала для малороссіянъ лѣваго берега дѣлаться такою же обѣтованною землей, какою лѣтъ пятнадцать тому назадъ казались для правобережной Украины лѣвобережная и слободскій край. «Что можемъ мы сдѣлать, — писалъ Вуеховичъ, — съ какими-нибудь нѣсколькими тысячами дворянъ (т. е. гетманской надворной команды) противъ большаго числа непослушныхъ! Не такъ страшны намъ невѣрные татары, какъ свои нехристи, которые страха Божія не имѣютъ и начальства не слушаютъ. Множество ихъ порывается на ту сторону Днѣпра искать себѣ житья, а запорожцы разглашаютъ, что татаръ бояться нечего, что татары намъ не враги и ханъ приказалъ отпустить на свободу всѣхъ, которыхъ татары недавно захватили на другомъ берегу Днѣпра, когда тѣ ходили за ягодами и за дровами». Вуеховичъ умолялъ гетмана послѣштить въ Украину и издать универсалъ къ народу; о томъ же доносили гетману генеральный хоружій Ломиковскій и стародубскій полковникъ Миклашевскій: послѣдній писалъ, что, находясь на стражѣ въ Днѣпровской пристани, онъ принужденъ былъ пропускать нѣсколько воевъ за Днѣпръ, потому что весь народъ ропталъ, почему не дозволяютъ ходить на Низъ за звѣриными и рыбными промыслами ²⁾).

Шатаніе съ мѣста на мѣсто, исканіе льготнаго житія на новосельяхъ было тогда въ нравахъ малороссійскаго народа не только въ гетманщинѣ, но и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ селились выходцы слобожане. Путивльскаго уѣзда слободы Терновой жители мало-

²⁾ Арх. Юст., кн. 51, стр. 220—248.

россияне, поверстанные службою къ сѣвскому воеводѣ, самовольно убѣжали со службы, забрали свои семьи и ушли въ село Корюговку, принадлежавшее Михайлу Гамалѣ. Владѣлецъ обзвиль у себя новопоселенцамъ льготы на 15 лѣтъ и такимъ образомъ переманилъ къ себѣ изъ Терновой слободы 40 дворовъ, а потомъ посылалъ дѣлать наѣзды на Терновую слободу, грабить и бить людей, чтобъ отъ такой тѣсноты переходили къ нему терновцы на житье *).

По возвращеніи домой, гетманъ узналъ, что вся смута въ народѣ исходитъ отъ запорожцевъ. Былъ на Запорожьѣ писарь, по имени или по прозвищу Сажка. Онъ сообщалъ въ Украину секретно гетману, что творится въ Сѣчѣ, и какъ запорожцы, подушаемые татарами, толкуютъ о томъ, что надобно вмѣстѣ съ ляхами и татарами воевать москалей *). Сажка извѣстилъ гетмана, что кошевой Гусака, хотя и противъ своего желанія, но по волѣ товариства, послалъ въ Варшаву къ польскому кофронному гетману Прокопа Лазуку съ товарищами Забіякою и Бисляковскимъ: они повезли «суплику» отъ войска низоваго запорожскаго съ жалобой, что Москва нарушаетъ ихъ вольности и хочетъ всѣхъ ихъ сдѣлать рабами своего московскаго царя и его бояръ *). Пусть,—обращались они въ своей супликѣ ко всей Рѣчи Посполитой,—пусть святой духъ освѣтитъ сердца вельможностей вашихъ и дастъ вамъ здравый совѣтъ **), а наше желаніе таково, чтобы оба народа—польскій и малороссійскій—соединились ***).

Обо всемъ этомъ гетманъ узналъ черезъ писаря Сажку и потомъ черезъ посланнаго нарочно въ Варшаву ловкаго кievскаго

*) Ibid. Довесеніе воеводы изъ Путивля отъ 9 октября.

*) Ibid., кн. 51, л. 248; кн. 59.

*) Awizy z Moskwy zachodzą, że jesteśmy już pod ręką y władzą carom moskiewskim y jego bojarom dumnym na wieczną niewolę, y na ucisk w poddaństwo od Jego Królewskiej Mości y Rzeczy Pospolitey oddaleni. Na co iak Zaporozie, tak y wszytek naród dziedziczny kozacki z niemałym bolem y żalem serdecznym narzekamy y musimy na to ciężko wzdychać, że przez to samo ręce y nogi sobie przewiazowali y pod iarzmem ich moskiewskim ięczyć już do tego samego przyjdzie, że moskale nas za nos wodzą y Zadnieprze posiadają y narod dziedziczny kozacki wypierają y zaniedług wykorzenia y nie tylko chcą imie kozackie zgubić, ale Zaporozie wykorzenić, a żeby my wolne woysko zaporozkie i wszytek narod kozacki byli im wiecznymi niewolnikami y widomie prawa nasze starynne kozackie kasują y wolności nasze y swobody dziadów naruszają.

**) Niech Duch święty oświeci serea wielmożności waszych y doda zdrowey rady.

**) Gdyby te narody obadwa złączyli (Арх. Ин. Дѣль, 1849 г., июнь, № 40. Арх. Юст., кн. 59).

торговца Ельца и сообщилъ въ Москву; но тамъ узнали о сношеніяхъ запорожцевъ съ Польшею и другимъ путемъ. Какой-то шляхтичъ Подольскій сообщилъ московскому резиденту Волкову о прибытіи запорожцевъ, замѣчая, что король польскій хоть и не приметъ запорожцевъ въ подданство, но будетъ радъ размо-лвѣ запорожцевъ съ царемъ и съ городовыми козаками, потому что король польскій, какъ и всѣ вообще поляки, недоволенъ уступкою Москвѣ областей, принадлежавшихъ прежде Рѣчи Посполитой ⁵⁾). Въ слѣдующемъ 1690 году Сажка извѣстилъ гетмана, что Прокопъ Лазука воротился отъ короля и привезъ королевскій подарокъ 200 червонцевъ для раздачи товариству ⁶⁾). Тогда гетманъ отправилъ въ Сѣчь ловкаго козака Василя Горбачевского, приказывая сойтись съ Прокопомъ Лазукою и вывѣдать отъ него, что ему говорили въ Польшѣ. Лазука открылся Горбачевскому и говорилъ: «Меня очень почетно приняли въ Польшѣ. Коронный гетманъ увѣщевалъ насъ служить королю, а король, отсылая черезъ меня 200 червонцевъ, общалъ еще прислать побольше черезъ посредство какихъ-то кievскихъ знатныхъ особъ, но пусть гетманъ не довѣряетъ ляхамъ. Изъ того, что я слышалъ отъ короннаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ, вижу, что они зла желаютъ нашей Украинѣ». Такое предостереженіе Лазуки скоро стало подтверждаться вѣстями, приходившими изъ Крыма, что ханъ намѣревается всѣми силами орды своей помогать полякамъ подчинить себѣ Украину, а лѣтомъ 1690 года ⁷⁾) Мазепа сообщилъ въ Приказъ, что турецкіе послы подали цесарскому величеству статьи о мирѣ и въ этихъ статьяхъ упоминается только о цесарской державѣ, да о польской Рѣчи Посполитой, да о Венеційской, а о царской державѣ нѣтъ и помина. Польскій король то и дѣло что пересылается съ крымскимъ ханомъ, который беретъ устроить примиреніе между Турціей и Польшею. «Я имѣю, — писалъ Мазепа, — вѣрную вѣдомость, что отъ цесарскаго величества и отъ польскаго короля великимъ государямъ царямъ никакого добра надѣяться не слѣдуетъ, а напротивъ можно опасаться военныхъ вредительствъ» ⁸⁾).

Такъ расплывались въ ничто пышныя ожиданія успѣховъ, которыхъ, казалось, можно было ждать отъ союза христіанскихъ

⁵⁾ Арх. Ин. Дѣль, 1849 г., № 40.

⁶⁾ Арх. Юст., кн. 62, л. 111.

⁷⁾ Арх. Ин. Дѣль, Подлинники, июль 1690 г.

⁸⁾ Арх. Юст., кн. 59.

державъ въ борьбѣ съ мусульманами. Союзники, вмѣсто того чтобы дѣйствовать поддерживая другъ друга, ковали ковы одинъ противъ другого и каждый по-одиначкѣ искалъ возможности помириться съ враждующею стороною съ выгодною для себя и въ ущербъ союзникамъ. Бдительный гетманъ, отлично понимавшій, что такое польское правительство, слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и въ пору указывалъ московскому правительству неискренность союза Польши съ Россіей и тѣмъ самымъ, оказывая ему услуги, располагалъ къ себѣ его довѣріе.

Между тѣмъ у гетмана были внутри края между старшинами враги, не терпѣвшіе его въ равной степени, какъ не терпѣлъ ихъ и онъ. Главными изъ нихъ продолжали быть Леонтій Полуботокъ и Михайло Василевичъ Галицкій. О Полуботкѣ доносилъ гетманъ, что онъ наговаривалъ кievскому воеводѣ, князю Ромодановскому, на гетмана, будто онъ, Мазепа, человекъ польской породы, посылаетъ въ Польшу къ сестрѣ своей старицу Липницкую для покупки маестностей и что войско запорожское этого гетмана не терпитъ и всѣмъ малороссіянамъ онъ непріятель. Ромодановскій подтвердилъ, что это сообщено было Полуботкомъ. Мазепа воспользовался челобитною, поданною на Полуботка нѣкоторыми перещаславцами, и испросилъ въ Приказѣ одобреніе смѣны его съ полковничьяго уряда, назначивъ вмѣсто его управлять Переяславскимъ полкомъ Ивана Лысенка ⁹⁾.

Съ другимъ недоброжелателемъ гетмана, Михайломъ Василевичемъ Галицкимъ, Мазепа связалъ дѣло о появившемся въ Кіевѣ подметномъ письмѣ.

9-го марта 1690 года въ Кіевѣ стрѣлецъ Евстратка въ Пятницкихъ воротахъ Печерскаго мѣстечка поднялъ письмо и принесъ его своему капитану, а послѣдній доставилъ это письмо царскому кievскому воеводѣ. Письмо это заключало въ себѣ предостереженіе отъ «злопрелестнаго» гетмана Мазепы. Оно выдавалось написаннымъ жителемъ правой стороны Днѣпра, уступленной Польшѣ. Припоминалось, какъ этотъ Мазепа когда-то людей православныхъ русскихъ—подольскихъ и волынскихъ—хваталъ и продавалъ бусурманамъ, обдиралъ въ церквахъ съ иконъ серебряные обклады и отдавалъ туркамъ, какъ послѣ того своего пана гетмана задалъ въ вѣчное безславіе и безчестіе и завладѣлъ его достояніемъ, съ котораго потомъ покупалъ сестрѣ своей маест-

⁹⁾ Ibid., т. 104. Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., № 32.

ности въ польскихъ владѣнiяхъ, а на остатокъ, что горше всего, стакался съ Голицынымъ, хотѣвшимъ жениться на царицѣ Софiи и изгнать съ престола и со свѣта царя Петра, съ тѣмъ и прiѣхалъ въ Москву, чтобъ, устранивши Петра, устроить на свой счетъ свадьбу Голицына съ Софiею. Они вмѣстѣ затѣвали «искоренить, погубить и въ ничто обратить престолъ отъ всѣхъ сияющей и страшный всѣмъ гонителямъ на благочестiе. Иные изъ соумышленниковъ уже приняли судъ, а его, который есть источникъ и начало пагубы, вы сохраняете на такомъ урядѣ, въ которомъ если перваго своего замысла и не учинить, то ужъ подлинно управляемый имъ край злою хитростию своею отдастъ въ нашу сторону, гдѣ всѣ церкви Божiи и людей вѣра благочестивая скончаются подъ игомъ польскимъ, и вашей власти упадокъ, и намъ кончину, и благочестiю православному конецъ учинить прелестникъ Мазепа. Доколѣ же вы этого злодѣя губителемъ будете держать? Ваше царское благочестiе промышляете какъ бы заграничныхъ враговъ побѣдить, а этого домашняго врага бережете на пагубу своему царству! У насъ въ коронѣ польской издавна такъ и ведется, что умышлявшихъ зло королю казнятъ смертiю и роды ихъ, сеймовыми конституцiями обезчещенные, пребываютъ вѣчно подъ банницею и только для того держутся, дабы другiе, видя постигшую ихъ отъ Бога и Рѣчи Посполитой пагубу, каялись и не погушались мыслить зла королю своему; сей же на ваше царское здоровье умышлялъ и ему какъ будто все прощено, и онъ ищетъ способа, какъ бы своего достигъ. Вотъ и Шумлянскiй нашъ унiать, а на самомъ дѣлѣ римлянинъ (папистъ) изъясняетъ желанiе поддаться подъ власть патрiарха московскаго, а все это для того, дабы, чрезъ свою волчью покорность вступивши подъ власть святительскую, могъ вмѣстѣ съ злодѣемъ гетманомъ учинить пагубу вашему престолу. Мы сердечно скорбимъ о такихъ измѣнническихъ видахъ противъ вашего престола и не желаемъ, чтобы цѣль оставался врагъ, чрезъ котораго пала бы стѣна благочестiя нашего, когда вы сами государь для того и миръ съ польскимъ королемъ постановили, чтобы сияло благочестiе». На оберткѣ этого подметнаго письма было написано, что воевода долженъ передать его самимъ государямъ а не иному кому для врученiя, потому что измѣнникъ, будучи въ Москвѣ, раздавалъ ближнимъ боярамъ многiя сокровища за то, чтобъ тѣ при всякомъ удобномъ случаѣ держали его сторону.

Письмо это было переслано въ Москву, а изъ Москвы отправлено въ Батуринъ съ дьякомъ Борисомъ Михайловымъ, которому приказано было увѣрить гетмана въ неизмѣнной къ нему царской милости. Въ Москвѣ подозрѣніе падало на нѣкоего старца Одорскаго, пріѣхавшаго въ Кіевъ къ митрополиту Гедeonу посвящаться въ санъ епископа мстиславскаго. Кіевскіе воеводы задержали его и взяли у него какіе-то листы польскаго и латинскаго письма, которые почему-то показались подозрительными и теперь отправлялись къ гетману.

Борисъ Михайловъ прибылъ въ Батуринъ 8 апрѣля. Приемъ ему былъ очень почетный. За пять верстъ отъ города встрѣчалъ его генеральный хоружій Ломиковскій. По прибытіи въ Батуринъ царскій посланецъ остановился на постояломъ дворѣ и гетманъ прислалъ за нимъ свою карету. На гетманскомъ дворѣ встрѣчали его генеральные старшины и 50 знатныхъ батуринскихъ обывателей, а самъ гетманъ стоялъ на крыльцѣ своего гетманскаго дома и поклонился ему до земли.

«У насъ, — сказалъ Мазепа, — такъ издавна ведется: какъ пріѣдетъ къ намъ лицо отъ царскаго пресвѣтлаго величества, то генеральные старшины сходятся и радуются, и на радости у гетмана бенкетуютъ, и тебя, Борисъ, намъ невозможно также не почтить».

Посланникъ извинился недомоганіемъ и уѣхалъ въ той же гетманской каретѣ въ свое помѣщеніе. Отложили свиданіе до будущаго времени. Въ назначенный для того день, Бориса Михайлова привезли снова. Мазепа встрѣтилъ его на крыльцѣ и ввелъ въ свои покои. Свиданіе съ царскимъ посланникомъ происходило наединѣ.

Соображаясь съ даннымъ наказомъ, Борисъ Михайловъ, вручивши Мазепѣ подметное письмо, говорилъ гетману:

«Кто бы могъ быть такимъ недругомъ, что подкинулъ письмо? Не Одорскій ли? Не взять ли бы его тотчасъ изъ Кіева и привезти въ Батуринъ на допросъ?»

Дьякъ сообщилъ гетману и другія подозрѣнія: на нѣкоего поляка Искрицкаго, недавно пріѣзжавшаго въ Малороссію и желавшаго видѣться съ гетманомъ, и на одного священника, который пріѣзжалъ въ Кіевъ просить благословенія у митрополита на постройку церкви въ Корсуни. «Этому попу, — сказалъ дьякъ, — не слѣдуетъ дозволять строить церкви въ Корсуни, а дать бы ему священническое мѣсто гдѣ-нибудь на лѣвой сторонѣ, для

того, чтобъ отвадить ѣздить къ намъ съ правой стороны и подговаривать жителей къ переселенію съ лѣвой стороны на правую».

Проглядѣвши поданное подметное письмо, гетманъ поднялъ глаза къ образамъ и произнесъ: «О, Пресвятая Богородица! Ты зриши мою убогую и грѣшную душу, Ты вѣси, какъ денно и ношно непрестанное имѣю попеченіе, какъ бы ихъ царскимъ величествамъ до конца живота услужить и за ихъ государственное здравіе кровь пролить. Мои злодѣи не спятъ и о здравіи моемъ нудятся: ищутъ, чѣмъ бы могли меня потянуть и погубить. На тебя, Богородица, моя надежда, что вѣрная и истинная служба великимъ государямъ и мое радѣніе до сего не допустятъ».

Затѣмъ гетманъ разсыпался въ клятвахъ и увѣреніяхъ въ томъ, что никогда не имѣлъ помышленія дѣлать какой-либо вредъ великимъ государямъ. «Письмо это,—говорилъ онъ,—написано не въ Польшѣ и не полякомъ. Это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи совсѣмъ нѣтъ. Думаю, это письмо написано здѣшними людьми, и притомъ не однимъ; въ двухъ мѣстахъ оно переправлено другимъ почеркомъ. Это сочинилъ какой-то малороссійскій уроженецъ лѣвой стороны Днѣпра, притомъ часто бывавшій въ Москвѣ. Подозрѣваю Михайла Василевича Галицкаго: природа у него такая, что влечетъ къ тому, чтобы другимъ дѣлать зло и въ людяхъ посѣвать смуту. Когда я былъ въ Москвѣ, онъ всякими способами старался привлечь царя на гнѣвъ противъ меня. Тогда онъ для себя самого добивался гетманства. И прежде, когда еще я былъ генеральнымъ асауломъ, онъ составилъ подметное письмо, въ которомъ написалъ, будто я гетманскаго сына Семена и дочь его, что была за бояриномъ Шереметевымъ, отравилъ и на самого гетмана болѣзнь глазную наслалъ; только бывшій гетманъ не поставилъ этого ни во что. Будучи гадящимъ полковникомъ, онъ самовольно сносился съ крымскими мурзами и бывшаго гетмана подбивалъ, чтобы тотъ надѣялся на дружбу крымцевъ, а на того же гетмана писалъ подметныя письма. Когда Михайла отъ полковничества отставили, онъ жилъ въ Москвѣ, а теперь услышалъ я, что его отпустили изъ Москвы въ свои маетности въ Лебединскомъ уѣздѣ. Думаю, напрасно ему дозволяютъ жить въ малороссійскомъ краѣ; будетъ изъ того вредъ: онъ уйдетъ либо на Донъ, либо въ Крымъ, либо въ Запорожье—и тамъ затѣетъ такое дѣло, что послѣ и слышать будетъ страшно. Пусть бы великіе государи приказали по-

скорѣе взять его изъ Лебединскаго уѣзда и привезти въ Москву. Есть у меня подозрѣніе, что въ написаніи подметнаго письма, вмѣстѣ съ Михайломъ, участниками были: Дмитрашко Райча и Полуботокъ. Въ подметномъ письмѣ есть выраженіе: «для милосердія Божія». Такое выраженіе въ обычаѣ у Дмитрашки Райчи въ письмахъ. Оба—и Дмитрашка Райча, и Полуботокъ—съ Михайломъ большіе друзья, а Полуботокъ ему еще и сродни».

Тутъ гетманъ постарался набросить вскользь подозрѣніе па Юрія Четвертинскаго. Мазена самъ, въ бытность свою въ Москвѣ, исходатайствовалъ этому человѣку возвращеніе въ малороссійскій край. Веротившись, князь Юрій Четвертинскій женился на прежней своей невѣстѣ, дочери несчастнаго Самойловича, жилъ въ своей маетности въ хуторѣ Дунаевцѣ и принялъ къ себѣ тещу, жену сосланнаго гетмана ¹⁰⁾. Мазепѣ это было не по-сердцу. Онъ навелъ рѣчь на князя Юрія и говорилъ:

«Вотъ еще этотъ князь Юрій Четвертинскій, пьяница, разсѣвааетъ въ народѣ худые слухи на мой счетъ. Онъ говорилъ батуриному попу Василю: «гдѣ прежде была вода, тамъ опять вода будетъ. Бывшему гетману уже есть царская милость; увидишь, что съ его злодѣями станется». Да тутъ же меня помянулъ; не тайно, а явно, знатнымъ особамъ говоритъ про меня худое, не зазрясь ни на кого. Живетъ онъ Юрій подъ моимъ урядомъ, а мнѣ унять его невозможно. Онъ пожалованъ стольничествомъ. Взять бы его съ женою къ Москвѣ, да и тещу его вывезти бы изъ малороссійскихъ городовъ и къ мужу отослать, потому что отъ нихъ умножается мнѣ зло. Взять ихъ отсюда есть пристойная причина: онъ—стольникъ и, находясь въ такомъ чинѣ, въ дальнихъ отъ Москвы малороссійскихъ городахъ ему волочиться не долѣетъ, а гетманской женѣ отъ мужа врознь жить неприлично».

На другой день было новое свиданіе гетмана съ дьякомъ. Борисъ, согласно съ даннымъ ему наказомъ, все-таки хотѣлъ подозрѣніе въ составленіи подметнаго письма свернуть на кого-нибудь изъ жителей польскихъ владѣній и говорилъ объ Искрицкомъ. Надобно знать, что еще прошлый годъ была къ гетману подсылка отъ львовскаго епископа Шумлянскаго, принявшаго унию. Пріѣзжая къ Мазепѣ, польскій шляхтичъ Доморацкій и привезъ отъ Шумлянскаго письмо такого содержанія, что всякъ, прочи-

¹⁰⁾ Арх. Ин. Дѣль, 1690 г., № 9.

тавши его, могъ подумать, что между униатскимъ архіереемъ и малороссійскимъ гетманомъ ведутся какія-то секретныя сношенія въ пользу Польши и въ ущербъ царской власти. Въ этомъ письмѣ говорилось о прежней посылкѣ къ гетману пана Искрицкаго *). Гетманъ тогда же сообщилъ объ этомъ въ Москву, подвергъ Доморацкаго пыткамъ и вмѣстѣ съ его пыточными рѣчами отправилъ въ Москву. Теперь Борисъ Михайловъ говорилъ:

— Вызвать бы тебѣ, гетманъ, этого Искрицкаго. Съ нимъ бы ты могъ разговориться и вывѣдать, кто къ тебѣ его посылалъ.

— У Искрицкаго, — говорилъ гетманъ, — здѣсь есть тестъ Павелъ Герцигъ. Искрицкій хотѣлъ сюда ѣхать, да воротился назадъ, можетъ-быть услышавши, что Доморацкій задержанъ. Я призову тестя его, Герцига, и скажу, чтобъ онъ зятя звалъ къ себѣ. Когда удастся мнѣ Искрицкаго заманить и онъ обличится въ связи съ Доморацкимъ, я прикажу его вывезти за городъ Кіевъ и повѣсить на дорогѣ въ польскіе города. Только напрасно искать составителя подметнаго письма въ польской сторонѣ, — и я, и всѣ старшины подлинно знаемъ, что письмо это написано Михайломъ Васильевымъ.

Въ это время пришло извѣстіе изъ Кіева о кончинѣ митрополита Гедеона. Царскій посланникъ зналъ, что гетманъ не любилъ покойника, но Мазепа передъ Борисомъ Михайловымъ, говоря о смерти Гедеона, прослезился и началъ расточать похвалы двумъ скончавшимся тогда іерархамъ: митрополиту Гедеону и московскому патриарху Іоакиму.

Уже прощаясь съ гетманомъ, царскій посланникъ дьякъ Борисъ Михайловъ попросилъ назадъ подметное письмо, которое привозилось гетману для показа. Дьякъ объяснялъ, что это письмо нужно для сыска воровъ въ государевомъ приказѣ. Мазепа увидалъ недовѣріе къ себѣ, измѣнился въ лицѣ, выслалъ прочь бывшихъ тамъ и, оставшись съ Борисомъ Михайловымъ наединѣ, говорилъ:

— Очень меня печалитъ то, что во мнѣ сомнѣваются! Иначе для чего бы это письмо брать назадъ отъ меня? Зачѣмъ хотятъ хранить такія клеветы и сплетни про меня? Изъ этого я

*) Ваша милость уже имѣешь вѣдомость отъ пана Искрицкаго, но Искрицкій насъ еще ни о чемъ не извѣщаетъ, чему мы удивляемся. Авось либо новый посланецъ нашъ, вручитель настоящаго письма, будетъ счастливей и принесетъ намъ добрыя вѣсти и пр.

догадываюсь, что письму этому вѣрятъ и о моей головѣ стануть мыслить!

Борисъ Михайловъ увѣрялъ гетмана въ неизмѣнной къ нему милости обоихъ государей и объяснялъ, что подметное письмо требуется обратно вовсе не ради какой-то осторожности отъ гетмана, а для сыска воровъ.

Гетманъ позвалъ генеральнаго писаря Кочубея и сказалъ:

— Се ще менѣ щепя въ сердце влѣзла! Борисъ просить листъ назадъ.

— Что съ нимъ будете дѣлать? Развѣ въ наказѣ у тебя написано, что взять его назадъ?—спросилъ посланца Кочубей.

— Въ наказѣ того писать не доводится, — сказалъ Борисъ Михайловъ, — а мнѣ приказано словесно привезти назадъ письмо.

Кочубей по приказу гетмана принесъ царскую грамоту, гдѣ было сказано, чтобы вѣрить Борису во всемъ, что у него въ наказѣ написано. Прочтена была грамота. Гетманъ произнесъ:

— Видишь, вѣрить тому, что въ наказѣ написано, а того, чтобы письмо назадъ отдавать—не написано, и потому намъ отдать письма нельзя. Такія письма подираются и сжигаются, а я, гетманъ, до ихъ государскаго указа, то письмо сохраню въ цѣлости для подлиннаго свидѣтельства и сыска и учну до самой крайней вѣдомости доискиваться, а тебѣ того письма не отдамъ.

Въ разговорѣ съ Борисомъ Михайловымъ, Мазепа сознавался, что его многіе не любятъ и считаютъ полякомъ, способнымъ измѣнить царской державѣ. «Зазрять мнѣ, — говорилъ онъ, — что я когда-то въ молодости былъ покоёвымъ у прежняго польскаго короля Яна-Казимира и что у меня въ Польшѣ есть сестреница (сестра). Оттого чають у меня доброжелательство къ польской сторонѣ. Точно, меня въ молодыхъ лѣтахъ отецъ отправилъ ко двору Яна-Казимира, только этого не слѣдуетъ мнѣ ставить въ подозрѣніе. Лучше же было, что я научался обращенію съ людьми вблизи королевской особы, а не гдѣ-нибудь въ корчмахъ, предаваясь всякимъ безобразіямъ. Хоть и былъ я при польскомъ королѣ, однако послѣ, по моей прямой совѣсти, перешелъ на сю сторону Днѣпра и тутъ получилъ себѣ милости и всякое добро, и дослужился до гетманскаго чина, и съ нимъ до всякаго довольства и почета у ихъ царскихъ величествъ, а не у польскаго короля. Теперь вотъ, по милости ихъ царскихъ величествъ, я мало чѣмъ меньше польскаго короля. Чего же мнѣ еще желать? Пржегіе гетманы помышляли иначе и за то себѣ воспріали, а я

то имѣю непрестанно въ своей памяти. А что моя сестра остается въ Польшѣ, такъ это потому, что она обжила тамъ и возвращается ей сюда не зачѣмъ. Вѣдь и кромѣ меня, гетмана, у многихъ изъ нашихъ старшинъ есть сродники въ Польшѣ: у обоннаго Борковскаго, на примѣръ, тамъ родной братъ... На нихъ, однако, позора за то нѣтъ. И меня подозрѣвать не слѣдуетъ, будто я доброжелательствую болѣе польской сторонѣ.

— Я,—замѣтилъ Борисъ Михайловъ,—о тебѣ такихъ рѣчей не слыхалъ, да и говорить никто не посмѣетъ. Объяви, гетманъ, именно, кто о тебѣ такія рѣчи говорилъ.

— Я вѣдь говорилъ,—отвѣчалъ гетманъ,—объ этомъ только очищая себя отъ подозрѣній, а не на доводъ противъ кого бы то ни было, и объявлять о такихъ людяхъ не зачѣмъ. Вотъ только что нехорошо: нынѣшніе малороссійскіе люди ѣздятъ въ Москву и живутъ по столицѣ въ разныхъ мѣстахъ, а особаго двора малороссійскаго не имѣютъ, по своей волѣ вездѣ бродятъ изъ улицы въ улицу, иные покумилась и посватались съ вашими людьми всякихъ чиновъ и отъ нихъ-то идутъ всякіе поговоры и непристойныя слова, и если на Москвѣ впредь учинится какое воровство, или подметное письмо явится, о томъ никакими способами разыскать будетъ невозможно. Пусть бы великіе государи изволили указать особый дворъ для малороссіянъ, какъ уже было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

11 апрѣля гетманъ отправилъ Бориса Михайлова съ большимъ почетомъ, самъ провожалъ его до кареты, а генеральные старшины, хоружіе и асаулъ проводили его за пять верстъ отъ Батурина.

Попытка гетмана заманить Искрицкаго, какъ говорилъ гетманъ дьягу, не удалась. Посланный челядникъ добрался до имѣнія Искрицкаго и подалъ ему письмо будто бы отъ Доморацкаго. Но Искрицкій смекнулъ хитрость и сказалъ: «А гдѣ Доморацкій? Знаемъ мы васъ, крашенныя лисицы! Не будь мирнаго договора, зналъ бы я куда дѣтъ тебя листоношу!» И прогнанъ былъ челядникъ, и вернулся ни съ чѣмъ¹¹⁾.

Между тѣмъ въ Польшѣ появилось отъ Мазепы такое же загадочное лицо, какимъ являлись изъ Польши въ Малороссію къ Мазепѣ Доморацкій и Искрицкій. Это былъ челоуѣкъ средняго роста, тощій, блѣднолицый, съ клинообразною бородкой, съ длин-

¹¹⁾ Арх. Юст., кн. 59, л. 159 и далѣе.

ными усами, въ чернеческой одеждѣ. Съ виду казалось ему лѣтъ около сорока. Онъ называлъ себя инокомъ Соломономъ ¹²⁾. Онъ прїѣзжалъ въ Польшу два раза. Первый разъ—въ концѣ 1689 года; тогда онъ привезъ и подалъ польскому королю въ Жолквѣ письмо гетмана Мазепы, будто бы писанное во время возвращенія изъ похода къ Перекопу и порученное этому чернецу, бывшему въ крымскомъ походѣ съ образомъ Всемиловитоваго Спаса. Въ этомъ письмѣ гетманъ жаловался на утѣсненія, терпимыя малороссіянами отъ Москвы, желалъ воссоединить снова Украину съ Рѣчью Посполитою, обѣщалъ расположить къ этому козаковъ, просилъ королевской протекціи и заявлялъ, что съ нимъ въ замыслѣ татары ¹³⁾. Король не вполне повѣрилъ подлинности этого письма, задержалъ чернеца, отправилъ въ Креховскій монастырь недалеко отъ Жолквы, а немного времени спустя приказалъ отпустить его и выдать ему проѣзжій листъ на обратный путь въ Украину, какъ человѣку будто бы бродившему за собираніемъ милостыни. Весною 1690 года Соломонъ явился снова въ Польшу и направлялся прямо въ Варшаву. Не доѣзжая польской столицы, нанялъ онъ какого-то студента и вмѣстѣ съ нимъ составилъ «воровскія» письма къ королю и къ коронному гетману будто отъ имени Мазепы съ такимъ же, какъ и въ прежнемъ письмѣ, желательствомъ прїязни и подданства Польской Коронѣ отъ войска запорожскаго и отъ всего малороссійскаго народа. Студентъ, котораго подговорилъ на это Соломонъ, прежде служилъ «хлопцемъ» у какого-то итальянца, а потомъ училъ дѣтей у хозяина того дома, куда присталъ Соломонъ. Послѣ составленія фальшиваго письма, чернецъ остался пьянствовать въ Солкѣ, а студентъ уѣхалъ впередъ въ Варшаву, явился къ королю и донесъ объ обманѣ. Скоро вслѣдъ за студентомъ прибылъ въ Варшаву чернецъ Соломонъ и подалъ королю письмо, будто бы отъ малороссійскаго гетмана, уже переписанное на-бѣло. Но король былъ уже предупрежденъ, приказалъ тотчасъ позвать студента и дать ему очную ставку съ Соломономъ. Студентъ обличалъ плутовство черневыми отпусками письма, написанными его рукою. Присмотрѣвшись въ лицо чернецу, король узналъ въ немъ того самаго, который уже прїѣзжалъ къ нему съ подобнымъ письмомъ и представлялся въ Жолквѣ въ прошломъ году. Соломонъ сна-

¹²⁾ Арх. Ин. Дѣл.—Дѣла польскія 1690 года.

¹³⁾ Устряловъ: „Ист. Петра Вел.“, т. I, прилож. 10, стр. 483.

чала запирался и вывертывался; но когда ему пригрозили пыткой, то сознался, что оба раза подавалъ королю отъ гетмана Мазепы фальшивыя письма и дѣлалъ это самовольно, желая какъ-нибудь поселить раздоръ и смятеніе ¹⁴⁾). Послѣ того, когда Соломона содержали подъ карауломъ, онъ, думая какъ-нибудь вернуться, вымыслилъ еще два письма отъ Мазепы—одно къ королю, другое къ Шумлянскому, въ которыхъ излагалось удивленіе, почему посланный чернецъ Соломонъ не возвращается ¹⁵⁾). Король на этотъ разъ еще менѣе могъ поддаться обману послѣ того, какъ этотъ чернецъ былъ уже уличенъ студентомъ въ составленіи фальшиваго письма. Припугнутый угрозами пытки, Соломонъ указалъ на фальшивыя печати, выдаваемые за Мазепины, зарытыя имъ въ саду ¹⁶⁾). Король приказалъ содержать чернеца Соломона подъ крѣпкимъ карауломъ въ двойныхъ кандалахъ и увѣдомить о томъ московское правительство и гетмана Мазепу. Король сообщилъ Мазепѣ, что изъ показаній, данныхъ Соломономъ, оказывалось, что онъ былъ родомъ изъ Бродъ, служилъ у Дорошенка, потомъ ушелъ въ Москву и поступилъ тамъ въ духовное званіе. Въ то время, какъ самъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ находился во вторичномъ крымскомъ походѣ, сынъ князя, управлявшій Москвою, посылалъ Соломона къ бывшему гетману Самойловичу и тотъ будто участвовалъ въ замыслѣ составить фальшивыя письма отъ имени Мазепы къ польскому королю ¹⁷⁾).

Когда Мазепѣ доставлены были копіи съ показаній Соломона, онъ изъявилъ недовѣріе въ ихъ подлинности и совѣтовалъ московскому правительству вытребовать Соломона въ Москву чрезъ особаго гонца въ Польшу ¹⁸⁾). О томъ же Мазепа писалъ къ коронному гетману польскому, домогаясь отсылки Соломона въ Москву ¹⁹⁾). Гетманъ настаивалъ на обвиненіяхъ Михайла Васильевича Галицкаго и притягивалъ къ дѣлу нѣкоего Аванасія Озерянскаго, служившаго по разнымъ порученіямъ у Михайла Васильевича и жившаго у послѣдняго въ Москвѣ. Арестованный въ Ахтыркѣ или Лебединѣ, Озерянскій былъ доставленъ въ Батурино

¹⁴⁾ Арх. Юст., кн. 59. Арх. Ин. Дѣлъ, 1690 г., № 29.

¹⁵⁾ Устряловъ: „Ист. Петра Вел.“, т. I, прилож. X, стр. 479 и 480.

¹⁶⁾ Ibid., стр. 485.

¹⁷⁾ Ibid., стр. 483—485.

¹⁸⁾ Арх. Юстиціи, кн. 59.

¹⁹⁾ Ibid., кн. 62, л. 27.

и тамъ выдавалъ за неоспоримую истину, что чернецъ Соломонъ высланъ былъ въ Польшу Михайломъ Василевичемъ ²⁰⁾). По настоянію гетмана еще 24 апрѣля велѣно было препроводить Михайла Василевича въ Москву съ женою и дѣтьми ²¹⁾), но, по осмотру врача, Михайло Василевичъ оказался страждущимъ меланхоліею и былъ оставленъ въ слободѣ Михайловкѣ до зимняго пути ²²⁾). Мазепа не давалъ ему покоя: по гетманскому прошенію послѣдовалъ 10 октября указъ Шереметеву непремѣнно взять Михайла Василевича и доставить въ Москву. Не помогло Михайлу Василевичу обращеніе къ новоизбранному послѣ Гедсона кievскому митрополиту Варлааму Ясинскому съ просьбою примирить его съ гетманомъ, который заподозрѣваетъ его безъ всякихъ основаній въ слаганіи фальшивыхъ писемъ. Гетманъ, съ обычнымъ ему видомъ мягкосердечія, увѣрялъ митрополита, что онъ радъ все сдѣлать для Михайла Василевича, но не смѣетъ безъ царскаго указа, а между тѣмъ продолжалъ посылать въ Приказъ просьбы о непремѣнномъ арестованіи Михайла Василевича. 30 ноября Шереметевъ арестовалъ Михайла Василевича и его повезли въ Москву вмѣстѣ съ дѣтьми, оставивши однако въ имѣніи большую жену владѣльца. Такъ какъ все предшествовавшее лѣто шли толки о Михайлѣ Василевичѣ и можно было предвидѣть, что какъ бы онъ ни отписывался, а все-таки его повезутъ въ Москву, то Леонтій Полуботокъ, благопріятель и родственникъ Михайла Василевича, опасаясь, чтобы по настоянію Мазепы не арестовали и его, рѣшился предупредить бѣду отважнымъ шагомъ: въ іюль 1690 года онъ самъ побѣжалъ въ Москву, думая добиться личнаго представленія царю Петру и подать ему на письмѣ обвиненіе противъ гетмана. Царь Петръ не допустилъ его къ своей особѣ ²³⁾), а приказнымъ путемъ Полуботку трудно было выиграть свое дѣло, потому что обвиненія противъ гетмана онъ не основывалъ ни на какихъ неоспоримыхъ доказательствахъ. 23 іюля его отправили за карауломъ въ Малороссію, поручили гетману держать его въ своей маестности и гетману «учинилась отъ того великая, стыдная печаль» ²⁴⁾).

²⁰⁾ Ibid., кн. 59, л. 201. Арх. Ин. Дѣлъ, іюль 1690 г.

²¹⁾ Арх. Юстиціи, кн. 59, л. 104.

²²⁾ Ibid., л. 325.

²³⁾ Gordon, т. II, стр. 310.

²⁴⁾ Госуд. Арх. Кабинетныя дѣла, отдѣлъ II, кн. 53.

Въ Москвѣ не имѣли никакого повода принимать на вѣру доносы враговъ гетмана, тѣмъ болѣе, когда Мазепа сильно себя выгораживалъ заранѣе тѣмъ; что домогался, чтобы Соломона препроводили не къ нему, а въ Москву. Но въ Москвѣ, въ обращеніи съ малороссіянами, давно уже усвоили способъ держаться, какъ говорится, себѣ на умѣ, поэтому не удивительно, что Михайло Василевичъ, привезенный въ столицу въ концѣ 1690 г., тотчасъ же въ началѣ 1691 года отпущенъ былъ въ свою маестность Михайловку²⁵⁾, а за поведеніемъ гетмана думный дякъ Украинцевъ секретно поручилъ наблюдать генеральному писарю Кочубею²⁶⁾.

Соломонъ сидѣлъ въ кандалахъ въ Польшѣ, а Доморацкій въ Москвѣ. Московскіе бояре обратились къ жившему постоянно въ царской столицѣ польскому резиденту Довмонту и требовали выдачи Соломона. Въ сентябрѣ 1691 года польскій гонецъ Янъ Окраса передалъ въ подлинникѣ составныя письма и поддѣльныя печати, взятая у Соломона, а затѣмъ, по королевскому приказанію, выданъ былъ и Соломонъ, въ замѣнъ котораго бояре выдали Доморацкаго, сообщая, что король долженъ приказать казнить его смертію, а вмѣстѣ съ тѣмъ произвести розыскъ надъ Шумлянскимъ и учинить ему наказаніе²⁷⁾. Объ этомъ униатскомъ епископѣ Шумлянскомъ въ Москву приходили жалобы отъ кievскаго митрополита Варлаама въ томъ, что Шумлянскій при живомъ митрополитѣ именуетъ себя кievскимъ митрополитомъ и самовольно присвоиваетъ себѣ въ польскихъ владѣніяхъ маестности, принадлежащія кievской митрополіи²⁸⁾.

Выданнаго поляками Соломона отпразднвали для казни изъ Москвы въ Батуринъ съ царскимъ гонцомъ Языковымъ. Мазепа, относительно Соломона, показалъ себя сдержанно: онъ объявилъ, что безъ совѣта со всѣми полковниками не станетъ его казнить: такъ издавна ведется по войсковымъ обычаямъ. Мазепа увѣрялъ, что вообще не желаетъ никого казнить смертію и самъ будетъ за своего злодѣя и клеветника просить милосердія у великихъ государей.

Удерживая на время Языкова, Мазепа послалъ созвать старшинъ и полковниковъ для суда надъ преступникомъ. Этотъ пре-

²⁵⁾ Арх. Юст., кн. 59.

²⁶⁾ Госуд. Арх. Кабин. дѣла, отд. II, кн. 53.

²⁷⁾ Арх. Ин. Дѣл. Польскія дѣла, связка 146.

²⁸⁾ Арх. Ин. Дѣл., 1691 г., № 11.

тупникъ, какъ оказалось, назывался въ мірѣ Семень Троцкій; по лишеніи монашескаго сана преданъ былъ мірскому войсковому суду подъ именемъ разстриги Сеньки. Царскій гонецъ приездъ Мазепѣ самую пріятную новость: Михайло Василевичъ, по казанію на него самого Сеньки, привезенъ въ Москву, жестоко пытанъ и осужденъ на ссылку въ Сибирь²⁹⁾.

Съѣхавшіеся старшины и полковники подвергли розыску Сеньку Троцкаго.

— Помни страшный судъ Божій и смертный часъ свой, — говорили ему, — скажи правду. Кромѣ Мишки Васильева, кто еще былъ съ тобою въ соумышленіи?

— Я уже все сказалъ на Москвѣ, — отвѣчалъ подсудимый, — никакихъ не было соучастниковъ. Еслибы кто въ семь дѣлъ былъ со мною, я бы еще въ Москвѣ все сказалъ, — не стерпѣлъ бы такихъ жестокихъ пытокъ съ огня.

Его приговорили къ смертной казни. Тогда царскій гонецъ сказалъ:

— Итакъ, мнѣ остается казнить его тотчасъ.

— Казнить его тотчасъ нельзя, — возразилъ гетманъ, — мы о немъ къ великимъ государямъ писали. Подождемъ царскаго указа. Еще надобно дать преступнику время покаяться, да и людей собрать побольше, чтобы всѣ видѣли казнь его. Не дурно было бы повезти его по всѣмъ городамъ, чтобы народъ вездѣ его увидѣлъ. Мишку же Василевича надобно заслать на вѣчное житіе въ самые дальные сибирскіе города... Скорбно мнѣ то, что злые люди изъ малороссійскихъ жителей клеветуютъ на меня, будто я служу великимъ государямъ неправдою, будто думаю измѣнить и передаться польскому королю въ подданство. Сокрушаюсь, когда я слышу объ этомъ. На прежнихъ гетмановъ такихъ навітовъ не было, какъ на меня.

До полученія царскаго указа Сеньку Троцкаго держали въ тюрьмѣ. Царской милости не послѣдовало. Сеньку казнили смертію 7 октября 1692 года.

Гетманъ былъ доволенъ, что ему удалось уничтожить одно изъ злѣйшихъ враговъ своихъ, Махайла Василевича, но ему хотѣлось также утопить Леонтія Полуботка и сына послѣдняго, Павла. Гетманъ говорилъ Языкову:

²⁹⁾ Ibid., 1692 г., № 24.

«Говорилъ намъ миргородскій полковникъ Данило Апостола: какъ мы съ старшинами ѣхали къ Троицѣ по указу государя Петра, Павелъ Полуботокъ догналъ на дорогѣ ѣхавшаго въ каретѣ Апостола и сказалъ, что былъ у Михайла Василевича и тотъ едва ли не исполнить давнишняго намѣренія своего снять съ плечь голову гетману. Дѣло выходитъ такъ: если зналъ Павелъ Полуботокъ про такой замыселъ, то и отецъ его, Леонтій, навѣрное зналъ. Явно показывается злоба ихъ обоихъ ко мнѣ: они знали объ умыслѣ на жизнь своего властителя и не предостерегли его»³⁰⁾.

Войсковою судъ рѣшилъ обоихъ Полуботковъ лишить маестностей и держать подъ стражей³¹⁾.

Дѣло чернеца Соломона осталось неразъясненнымъ и загадочнымъ. Устряловъ, въ своей «Исторіи Петра Великаго», склоняется къ такому мнѣнію, что Мазепа въ самомъ дѣлѣ тайно посылалъ въ Польшу этого чернеца. Но на это нѣтъ никакихъ основаній. Невозможно, чтобы Мазепа, довѣривши Соломону такое страшное для себя дѣло, самъ потомъ добивался, чтобы Соломона выдали въ Москву и допрашивали его тамъ, а не въ Батуринѣ. Не слѣдуетъ допускать тайной измѣны въ 1690 году на томъ только основаніи, что этотъ человѣкъ оказался измѣнникомъ черезъ 18 лѣтъ. Обстоятельства позже были совсѣмъ иныя, чѣмъ раннія. Мазепа дѣйствительно былъ истый полякъ по своему польскому воспитанію и шляхетскому происхожденію, но, разъ отступивши отъ Польши къ козачеству, онъ сдѣлался гетманомъ, получилъ въ козачествѣ такую высокую степень, которая ставила его, какъ онъ самъ о себѣ выражался, мало-меньше польскаго короля; обласканный московскимъ правительствомъ, не имѣя притомъ повода опасаться прекращенія къ себѣ довѣрія, Мазепа ничѣмъ не могъ быть побуждаемъ къ измѣнѣ: польская сторона не была могущественна, а московская слишкомъ слаба. Мазепа не былъ еще тайнымъ врагомъ русскаго царя и русскои державы, потому что это не представляло ему никакихъ выгодъ. Былъ ли кѣмъ-нибудь подосланъ Соломонъ, или же по собственному побужденію составилъ подлогъ, это остается неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что у насъ въ рукахъ не было допросовъ, сдѣланныхъ ему въ Москвѣ, и очной ставки съ Михайломъ Василевичемъ. Во всякомъ

³⁰⁾ Арх. Юст., кн. 66, лис. 157, 168 и 170.

³¹⁾ Арх. Ин. Дѣлъ, 1692 г., № 24.

мучаѣ нѣтъ причины не допускать вѣроятности того, что вы-
 явлено причиною появленія этого чернеца, именно интриги Ми-
 хайла Василевича, который также ненавидѣлъ Мазепу, какъ и
 Мазепа его, преслѣдуя упорнѣе, чѣмъ кого бы то ни было изъ
 вояхъ недоброжелателей. По настоянію Мазепы, въ Сибирскій
 приказъ данъ былъ царскій указъ—сосланнаго въ Сибирь Мишку
 Васильева беречь строже, «какъ чловѣка вельми коварнаго и
 опаснаго изобрѣтателя козней»³²). Все имущество осужденнаго
 было отписано на гетмана³³). Но сынъ сосланнаго, Данило, упро-
 силъ возвратить ему движимое отцовское имущество, хотя сло-
 воу Михайловку отдали племяннику гетмана Обидовскому. Ма-
 зепа былъ недоволенъ и этой милостію къ сыну своего лютаго
 врага³⁴). Тѣмъ не менѣе послѣдній нашелъ себѣ въ Москвѣ на-
 столько покровительства, что могъ упросить, чтобъ его родителя
 не отправляли въ Красноярскъ, дыбы не дать ему тамъ умереть
 отъ голода, а оставили на житьѣ въ Tobольскѣ³⁵).

Бромъ такихъ крупныхъ враговъ, какъ Михайло Василевичъ
 Полуботки, гетману досаждали другія не столько важныя лица:
 такъ, въ началѣ 1690 года, глуховской сотникъ доносилъ съв-
 скому воеводѣ, что въ городъ Глуховъ прїѣзжалъ изъ Сѣвска
 полковникъ Соболевъ, съ тремя рейтарами, и въ ратушѣ, въ собра-
 ніи товариства, произносилъ непристойныя рѣчи о гетманѣ и
 о великихъ государяхъ, говоря такъ: «худо великіе государи
 владѣютъ, что служилымъ людямъ волокиту чинять; соберемся и
 побьемъ гетмана, а другаго поставимъ». Произведено было слѣд-
 ствіе. Соболевъ запирался въ худыхъ рѣчахъ о государяхъ, а
 въ рѣчахъ о гетманѣ сознался, говоря, что произнесъ это въ
 пьяномъ видѣ, и за это козаки били его по щекамъ. Соболева
 указано было съвскому воеводѣ казнить смертію, «чтобъ инымъ
 непостояннымъ людямъ неповадно было такихъ лукавыхъ и воз-
 мутительныхъ словъ изрыгать»³⁶). Двое изъ ходившихъ по го-
 родскимъ и сельскимъ ярмаркамъ торгашей: одинъ — москвичъ
 Кадашевской слободы, другой—калужанинъ, говорили: «гетману
 не долго быть на урядѣ; скоро пришлютъ изъ Москвы бывшего
 гетмана на его мѣсто, затѣмъ что малороссійскій народъ не толь-

³²) Арх. Юст., вн. 67, лис. 103.

³³) Арх. Ин. Дѣль, 1693 г., февраль, № 1.

³⁴) Арх. Юст., вн. 66, лис. 799.

³⁵) Ibid., вн. 67, листъ 103.

³⁶) Арх. Ин. Дѣль, 1690 г., опр. № 27.

ко не хочет имѣть Мазепу у себя гетманомъ, но желалъ бы, чтобъ имя его здѣсь не воспоминалось». Индукторъ, собиравшій на границѣ торговыя пошлины, услыхалъ это и донесъ. Обвиняемые на допросѣ, учиненномъ надъ ними въ Сѣвскѣ, заперлись и ихъ посадили только въ тюрьму³⁷⁾. Явился еще врагомъ гетмана нѣкто Михайло Чалиенко. Родомъ онъ былъ изъ Черкасъ, немалое время находился въ татарской неволѣ, послѣ освобожденія явился въ Кіевъ и подалъ доносъ на гетмана въ такомъ же смыслѣ, какъ подавались и прежніе доносы: гетманъ по прирдѣ полякъ и желаетъ отступить отъ державы великихъ государей подъ польскую власть; въ этихъ видахъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ заранѣе маетности въ польскихъ владѣніяхъ и просилъ зятя своего Войнаровскаго, земскаго старосту владимирскаго, сесть людей въ селѣ Мазепичахъ (Мазепинцахъ), гдѣ родился Мазепа. Доносчика было приказано наказать кнудомъ и сослать въ Архангельскъ; но Чалиенко убѣждалъ оттуда, скитался и въ 1693 году былъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Лукою схваченъ въ малороссійскомъ городѣ Воронежѣ тамошнимъ сотникомъ и отправленъ въ Батуринъ³⁸⁾. Царскимъ указомъ отъ 2 іюня велѣно было казнить его смертію³⁹⁾. Мазепа, неумолимый къ такимъ врагамъ, которыхъ опасался, зная, что за ними есть въ Москвѣ протекція, склоненъ былъ показывать великодушіе къ врагамъ неважнымъ и малосильнымъ. Онъ ходатайствовалъ о милосердіи Чалиенку. «Самъ я человекъ грѣшный, — писалъ онъ, — и вѣрю, что Господь наипаче прощаетъ грѣхи тѣмъ, которые прощаютъ другимъ причиненныя имъ досады». Московское правительство отозвалось, что опасно оставлять въ живыхъ такихъ, которые могутъ убѣжать въ польскую сторону или пристать къ врагамъ, въ случаѣ непріятельскаго вторженія⁴⁰⁾. Въ Москвѣ какой-то малороссіянинъ Порваницкій распространялъ о гетманѣ худые слухи и, хотя, когда его схватили, онъ подъ пыткою показалъ, что болталъ въ пьяномъ видѣ, однако его отправили въ Батуринъ для совершенія надъ нимъ казни⁴¹⁾.

Недавно еще московское правительство возмущено было паскви-лемъ въ подметномъ письмѣ, поднятѣмъ великорусскимъ ратнымъ

³⁷⁾ Ibid., 1689 г., № 56.

³⁸⁾ Арх. Юст., в.н. 66, лис. 970 и 985.

³⁹⁾ Арх. Ин. Дѣлъ, 1693 г., № 39.

⁴⁰⁾ Арх. Юст., в.н. 66, лис. 985.

⁴¹⁾ Ibid., лис. 905 и 1031.

человѣкомъ. Вскорѣ, въ 1691 году, явился въ Кіевѣ другой пасквиль на гетмана. Его принесла въ кіевскій Фроловскій дѣвичій монастырь неизвѣстная монахиня съ польскихъ владѣній. Въ этомъ новомъ пасквилѣ говорилось почти то же, что и въ прежнемъ: что Мазепа нѣкогда продавалъ бусурманамъ христіанъ въ рабство, что достигши гетманскаго сана злоумышлялъ, вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ, на жизнь царя Петра, что у него есть тайная мысль отдать Малороссію Польшѣ, съ цѣлью истребленія православныхъ церквей и православной вѣры, и что, подготавлиаясь къ этому исподволь, онъ покупаетъ для сестры своей маестности въ польскихъ владѣніяхъ. Митрополитъ при трехъ игуменахъ допрашивалъ игуменью Фроловскаго монастыря и сестеръ ея, не доискавшись, кто такая была неизвѣстная монахиня, доставившая въ монастырь письмо, отправилъ ихъ въ Батуринъ. Гетманъ также ничего отъ нихъ не допросился и поручилъ матери своей, игуменѣ кіевскаго Печерскаго дѣвичьяго монастыря Магдалинѣ, произвести какимъ-нибудь путемъ дознаніе—кто такая была эта неизвѣстная монахиня. Мать Мазепы отправила доверенную монахиню Липницкую въ Полонскій дѣвичій монастырь, находившійся въ польскомъ владѣніи. Липницкая прѣвѣдала, что то была уставщица того же монастыря и что еще прежде она сообщила своей игуменѣ, будто нашла это письмо на дорогѣ въ верхнемъ городѣ Кіевѣ противъ двора воеводскаго и отнесла во Фроловскій монастырь безъ намѣренія вредить гетману. Уставщица, снова спрошенная въ присутствіи Липницкой, во всемъ заперлась ⁴²). Этотъ пасквиль не могъ повредить гетману, какъ и прежній, но Мазепа не мало тревожился такими выходками противъ себя и такъ изъяснялся въ своихъ отпискахъ въ Приказъ, обращенныхъ къ лицу государей: «Истинно радѣтельная служба моя не точію въ нерадѣтельство, но и въ злое клятвопреступничество превращается. Тяжко уязвленъ есмь непрестанными болѣзнями, сокрушилось и изсохлось сердце мое. Идѣже бы мнѣ безъ таковыхъ напрасствъ и козней свободнымъ разумишкомъ мыслити и простирати начинанія о належащихъ въ предбудущія времена службахъ и радѣніяхъ, которыя бы къ угожденію вамъ и къ охраненію вольностей православнаго російскаго народа не лежали, тутъ утѣсняетъ мя всегда скорбь, печаль, плачь и воздыханіе, отчего неточію плоть моя немоществуетъ, но

⁴²) Арх. Ин. Дѣлъ, 1691 г., ноябрь, № 64.

и малый разумишко мой пришелъ въ притупленіе и духъ мой едва держится во мнѣ» ⁴³⁾).

Московское правительство не только угождало гетману, показывая недоверіе ко всѣмъ обвиненіямъ, такъ обильно сыпавшимся противъ него, но оказывало милости роднымъ его и всѣмъ за кого онъ ходатайствовалъ. Сестра гетмана, о которой ширѣчь въ подметномъ письмѣ, была прежде замужемъ за Обидовскимъ: отъ этого ея брака былъ сынъ, служившій при Мазепѣ въ козачествѣ, сдѣланный впоследствии нѣжинскимъ полковникомъ и по ходатайству дядюшки-гетмана пожалованный вотчинникомъ. Эта сестра гетмана, послѣ смерти перваго мужа, вышла вторично замужъ за нѣкоего Витуславскаго, отъ котораго имѣла дочь Маріанну, потомъ въ третій разъ вышла за поляка Войнаровскаго, отъ котораго имѣла сына уже подростка, по имени Андрея, любимца гетмана. Между нею и ея третьимъ мужемъ произошла разладъ и она пріѣхала въ Кіевъ къ своей матери, игуменьѣ Магдалинѣ. Игуменья тотчасъ представила ее царскому кіевскому воеводѣ князю Ромодановскому и тогда писала къ своему сыну гетману:

«Теперь-то пристойно враговъ нашихъ обличить, зачѣмъ лаютъ они, будто мать твоя высылаетъ сестрѣ твоей въ Польшу казну, а сестра твоя покупаетъ тамъ для тебя маестности. Спросить бы сестру твою, да и челядь, хотя бы подъ страхомъ огненной пытки, какія тамъ такія новокупленные маестности».

Гетманъ, не считая возможнымъ ѣхать въ Кіевъ для продолжительнаго свиданія съ сестрою, просилъ московское правительство дозволить послѣдней пріѣхать къ нему въ Батуринъ. На это послѣдовало разрѣшеніе указомъ 18 декабря 1691 года ⁴⁴⁾. Сестра оставалась у гетмана въ Батуринѣ до октября 1692 года и Мазепа испросилъ у московскаго правительства разрѣшеніе сестрѣ своей на безпрепятственный пріѣздъ въ царскія владѣнія для свиданія съ матерью-игуменьею, съ братомъ-гетманомъ и сыномъ Обидовскимъ. «У меня, — замѣчалъ Мазепа, — въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго родства кромѣ сестры и мы другъ къ другу сердечною разжигаемся любовью; при томъ она исповѣданія восточнаго и желаетъ почаще поклоняться кіевской святынѣ» ⁴⁵⁾. Впослѣдствіи, зимою 1694 года, эта сестра Мазепы жаловалась

⁴³⁾ Арх. Юстиціи, в. 59, л. 1380.

⁴⁴⁾ Ibid., в. 62, л. 434—436.

⁴⁵⁾ Ibid., в. 66, л. 300.

рату, что мужъ ея Войнаровскій, будучи самъ римско-католическаго исповѣданія, сталъ побуждать ее измѣнить православію; не допускалъ къ ней православныхъ духовныхъ съ требамі; поэтому она не хочетъ жить съ мужемъ и проситъ дозволенія всегда переселиться въ Кіевъ къ матери своей, игуменьѣ Магалинѣ, и принять иноческій ангельскій образъ. Мазепа не рѣшался самъ разрѣшить ей этого, а испросилъ разрѣшенія у царя черезъ племянника своего Обидовскаго; сестра его пріѣхала въ Кіевъ съ двумя падчерицами, дочерьми Войнаровскаго отъ перваго брака ⁴⁶). Спустя недолго послѣ того, Мазепа сообщалъ, что Войнаровскій изъ польскихъ краевъ требовалъ возвращенія къ себѣ жены своей, но она скончалась въ кіевскомъ монастырѣ ⁴⁷).

По ходатайству гетмана, избранный новый митрополитъ кіевскій Варлаамъ Ясинскій получилъ право именоваться экзархомъ московскаго патріарха и подтвержденіе прежнихъ грамотъ Софійскому митрополитскому собору на маестности ⁴⁸). Мѣсто архимандрита печерскаго послѣ Ясинскаго заступилъ бывший генеральный судья Вуеховичъ. Безсемейный и безродный, онъ, чувствуя уже подходящую старость, счелъ за лучшее искать пристанища въ стѣнахъ святой обители и, пользуясь своимъ званіемъ генеральнаго старшины, безъ всякаго полагаемаго монастырскими уставами искуса, оставивъ свой судейскій столъ, прямо сталъ высокопреподобнымъ отцомъ, а гетманъ, по его постриженіи, исходатайствовалъ оставленіе за нимъ его прежнихъ маестностей. При этомъ гетманъ не обошелся безъ того, чтобъ и себя выставить: «не хочу, — писалъ онъ, — поступать такъ, какъ бывало поступалъ прежній гетманъ въ такихъ случаяхъ, что себѣ все забиралъ» ⁴⁹).

По ходатайству гетмана, получили жалованныя грамоты на монастырскія владѣнія: игумень Кіево-Николаевскаго монастыря Досифъ Бровокскій ⁵⁰), Межигорскаго монастыря Иродіонъ Журавскій, которому подтверждены были ставропигіальныя грамоты греческихъ патріарховъ, Братскаго монастыря ректоръ Гавріиль и больничнаго монастыря при Печерской лаврѣ игумень Іезекииль,

⁴⁶) Ibid., кн. 74, л. 658 и 667.

⁴⁷) Ibid., кн. 75, л. 398—404.

⁴⁸) Арх. Ин. Дѣль, 1690 г., № 46.

⁴⁹) Арх. Юст., кн. 66, л. 660.

⁵⁰) На село Тростенцово, село Бортичи, деревню Труханову, озеро Долобское и перевозъ черезъ Днѣпръ.

которымъ посланы были богослужебныя одежды, утварь и обиходная царская милостыня, а кievскаго дѣвичьяго Михайловскаго монастыря игуменья Агаеія получила жалованную грамоту на дачу земель съ землями, садами и прудами ⁵⁰⁾. Выпрашивая отъ московскаго правительства милости монастырямъ, гетманъ перещекинецъ воздвигалъ на собственный счетъ храмы въ этихъ же монастыряхъ. Въ 1690 году построена была его иждивеніемъ соборная церковь въ Николаевскомъ монастырѣ, а въ 1693 году воздвигнута Богоявленская каменная церковь въ Братскомъ монастырѣ и сооруженъ старый каменный академическій корпусъ (см. *Кiev. Мѣсяцесловг.* Пахилевича: «Монастыри гор. Кіева»).

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

⁵⁰⁾ Арх. Ин. Дѣлъ, 1691 г., № 52.

„САШКА“

ПОЭМА МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА.

(Предисловіе П. А. Висковатаго.)

Предпринявъ лѣтомъ 1881 года путешествіе съ цѣлю повидать мѣста, связанныя съ памятью о дорогомъ поэтѣ нашемъ, я побывалъ и въ Пензенской губерніи, въ селѣ Тарханахъ, гдѣ провелъ дѣтство свое Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ и гдѣ лежитъ прахъ его. Управляющій Тарханами, Петръ Николаевичъ Журавлевъ, далъ мнѣ возможность собрать все, что на мѣстѣ сохранилось еще изъ воспоминаній о Михаилѣ Юрьевичѣ. По его указанію, поѣхалъ я въ Пензу къ Владиміру Харлампіевичу Хохрякову, чрезъ посредство коего, въ свое время, были доставлены тѣ рукописи поэта, которыя и теперь хранятся въ Публичной библіотекѣ и принадлежали двоюродному брату Лермонтова, товарищу дѣтства его, Якову Павловичу Шанъ-Гирею. Г. Хохряковъ обязательно указалъ мнѣ на нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ у себя рукописи Михаила Юрьевича. Благодаря этимъ указаніямъ, мнѣ удалось отыскать у Ивана Алексѣевича П—ина еще неизвѣстную *въ полномъ* своемъ составѣ поэму «Сашка». Досталась она г-ну П. отъ отца его, служившаго землемѣромъ у Павла Петровича Шанъ-Гирея. (Отрывки изъ названной поэмы впервые были напечатаны П. А. Ефремовымъ въ «Библиографическихъ запискахъ» за 1861 годъ, стр. 556. Г. Ефремовъ взялъ эти отрывки изъ пріобрѣтеннаго имъ «списка съ черновой тетради Михаила Юрьевича Лермонтова». Тогда еще не было извѣстно, что оригиналъ этого списка находится въ Публичной библіотекѣ. Тамъ въ разныхъ мѣстахъ тетрадей поэта, учившагося тогда въ «Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ», находятся наброски стихотвореній, которые теперь оказываются отрывками цѣлой поэмы, что не зналъ еще г. Ефремовъ, когда напечаталъ ихъ во II томѣ «Сочиненій Лермонтова», изд. 1880 года (стр. 420 и 618). Всѣ эти отрывки, которые я тщательно просматривалъ въ Публичной библіотекѣ, г. Ефремовъ относитъ, не безъ основанія, къ 1833 году, потому что къ этому году относится и тетрадь «по географіи», въ которой находятся наброски. Но эти наброски представляютъ лишь одинъ изъ первыхъ попытокъ и въ предлагаемой нами поэмѣ являются или въ исправленномъ видѣ, или же отдѣльные стихи совершенно выкинуты. Надо предполагать, что поэма, отъ коей сохранилась первая глава

и только начало второй, писана около 1836 г., или же въ это время по-этомъ переправлялась. Онъ прїѣзжалъ тогда въ Тарханы. Во всякомъ случаѣ она писана гораздо позднѣе выхода Лермонтова изъ Московскаго университета, что было въ 1832 году, потому что въ припискѣ къ I главѣ поэмы поэтъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ университетѣ (см. строфы 118 и 119). Интересно, что Лермонтовъ съ большой симпатіей говоритъ о Полежаевѣ, исторія коего (см. Герцена «Былое и думы», т. I, глава VII), вѣроятно, жила между студентами университета. Она случилась въ 1826 году. Несчастный Полежаевъ еще въ 1833 году украдкою видѣлся съ товарищами въ Москвѣ, куда поэтъ явился безъ разрѣшенія начальства, за что, какъ солдатъ дезертиръ, былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ наказанію «шпирутенами», что, къ счастью, не было приведено въ исполненіе. Поэма Полежаева «Сашка» ходила по рукамъ въ рукописи и ее хорошо знали. На нее и на судьбу автора ея указываетъ и Лермонтовъ, говоря о своей поэмѣ:

«... «Сашка»—старое названье!

Но «Сашка» тотъ печати не выдалъ

И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньи» (строфа 33).

Можно подумать даже, что Лермонтовъ писалъ свою поэму еще и послѣ смерти Полежаева, въ 1838 году, потому что въ строфѣ 3-й, въ самомъ началѣ поэмы, онъ какъ будто говоритъ о Полежаевѣ какъ о мертвомъ:

Онъ былъ мой другъ. Ужь нѣтъ такихъ друзей...

Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!

Пусть тихо спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,

Нетронута никѣмъ, какъ дружба наша,

Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.

Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,

Но съ твердостью... Тайственная дума

Еще блуждала на челѣ твоемъ,

Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;

И то, что ты сказалъ передъ кончиной,

Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый, и т. д.

Но эта строфа и слѣдующая за нею почти цѣликомъ вошли въ извѣстное стихотвореніе «Памяти А. Ив. Одоевскаго» въ 1839 году и наврядъ ли онѣ относились къ Полежаеву, а скорѣй къ воображаемому «Сашкѣ», прототипу самого Лермонтова, который любилъ это имя и во многихъ твореніяхъ автобіографическаго содержанія употреблялъ его. Такъ, напримѣръ, именемъ Саши называетъ онъ маленькаго Арбенина во второй неоконченной своей повѣсти *); поэма «Сашка» тоже отчасти носить

*) См. „М. Ю. Лермонтовъ. Дѣтство и первая юность“. *Русская Мысль* 1881 года, кн. X, стр. 12. Сравни также, что говоритъ Шестаковъ: „Юношескія произведенія Лермонтова“ (*Русскій Вѣстникъ* 1857 г., № 10).

автобіографическій характеръ, какъ и все написанное Лермонтовымъ. Что же касается того, что вышеуказанный стихъ изъ поэмы «Сашка» перенесенъ въ стихотвореніе «На смерть Одоевского», то такіе переносы Лермонтовъ дѣлалъ часто. Перенесъ же онъ въ это же стихотвореніе—«Памяти Одоевского»—еще и другія строки, которыя въ 1832 году онъ относилъ къ себѣ:

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ. Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни, шумный,
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ! **).

Задуманная Лермонтовымъ поэма во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторую связь съ «Сашкою» Полежаева: кромѣ того, что самъ поэтъ сближаетъ обѣ поэмы, многія картины не лишены взаимнаго сходства.) Это, и самое названіе, ввело въ заблужденіе и Публичную бібліотеку или вѣрнѣе—одного изъ служащихъ тамъ. Печатаемая нынѣ поэма, по разсказу лица, мнѣ ее представившаго, была отнесена въ канцелярію Императорской Публичной бібліотеки, съ предложеніемъ приобрести ее. Однако же поэма не была принята и принесшему ее объявили, что это произведеніе—не Лермонтова, а Полежаева.

(Извѣстно, что «Сашка» Полежаева отличается весьма сильно характеромъ эротическимъ и потому къ печати неудобнѣе. Герценъ несправедливо придаетъ этой поэмі значеніе какъ бы политическое. Въ «Сашкѣ» Лермонтова меньше неудобныхъ къ печати мѣстъ. (Я счелъ нужнымъ ихъ выпустить и вездѣ, гдѣ есть пропуски, отмѣтилъ таковыя точками.) Если редакція журнала найдетъ возможнымъ напечатать все, то я за это не отвѣтственъ.

Въ поэмі много прекрасныхъ мѣстъ и она представляетъ не безынтересный вкладъ въ литературу нашу, помогая уразумѣть нѣкоторыя черты Лермонтовскаго характера. О поэтическомъ достоинствѣ пуская читателя судятъ сами,—комментаріи излишни.

Пав. Висковатый.

Отъ редакціи: «Когда дѣло идетъ о такихъ поэтахъ и писателяхъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ и, въ особенности, Пушкинъ и Лермонтовъ, то каждая строка написанная ихъ рукою принадлежитъ потомству и должна быть сохранена для него.....» (В. Бѣлинскій. Томъ VIII, стр. 309—310). Относя эти слова къ содержанію помѣщаемаго произведенія, редакція, тѣмъ не менѣе, нашла необходимымъ пропустить нѣсколько строкъ, которыя и замѣнены точками.

**) Лермонтовъ, начертивъ эти строки въ письмѣ, предпосылаетъ имъ: «tout fini—j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours qui von suivre seront vides de sensation» („Письмо VIII, Соч. Лерм.“, изд. 1880 г., т. I, стр. 519).

I.

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалогъ,—все пиши
 Ему про казни, цѣпи, да изгнанья,
 Про темныя волненія души,
 И только слышишь муки да страданья.
 Такія вещи очень хороши
 Тому, кто мало спитъ, кто думать любить,
 Кто дни свои воспоминаемъ губить.
 Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
 Но видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
 Но нынче я не тотъ ужь, какъ бывало,—
 Пою смѣясь.—Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
 Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
 Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
 Но я за то ни мало не сердился
 И ностуналъ не лучше въ свой чередъ;
 Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
 Когда же весель, счастливъ—глазъ не кажетъ.
 Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
 Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ *ты*;
 Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
 И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ друзей...
 Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
 Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
 Не тронута никѣмъ, какъ дружба наша,
 Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
 Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
 Но съ твердостью. Тайнственная дума
 Еще блуждала на челѣ твоемъ,
 Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
 И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
 Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И былъ ли то привѣтъ странѣ родной,
 Названье ли оставленнаго друга,
 Или тоска по жизни молодой,
 Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга, —
 Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
 Наполнить сердце, жившее такъ много
 И такъ недолго съ смутною тревогой?
 Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
 И нынѣ можетъ, долженъ рассказать
 Твои мечты, дѣла и приключенья—
 Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
 Кто-бъ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
 Разумникъ ли, шалунъ ли молодой, —
 Картина будетъ; это—только рама!
 Отъ правилъ утвержденныхъ стариной
 Не отступлю, —я уважаю строго
 Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
 Не правда-ль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
 Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ, —
 О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ
 И самъ лишь ѣсть и пьеть, да давить мухъ?

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ и потому
 Я врагъ Невѣ и невскому туману.
 Тамъ (я весь міръ въ свидѣтели возьму)
 Веселье вредно русскому карману,
 Занятія вредны русскому уму.
 Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
 Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
 Москва—не то: покуда я живу,
 Блянусь, друзья, не разлюбить Москву.
 Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
 Былъ боленъ отъ любви и любострастья.

VII.

Москва, Москва!... люблю тебя какъ сынъ,
 Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
 Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
 И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
 Напрасно думалъ чуждый властелинъ
 Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
 Помѣриться главою и—обманомъ
 Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
 Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
 Вселенная замолгла... Величавый,
 Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.

VIII.

Ты живъ!... Ты живъ и каждый камень твой—
 Завѣтное преданье поколѣній.
 Бывало я у башни угловой
 Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
 Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
 И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
 Басатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
 Кружатся, вьются, чуждые людей.
 И я, такъ полный волею страстей,
 Завидовалъ ихъ жизни безъизвѣстной,
 Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ—Боже сохрани!—
 И не мечтатель. За полетомъ птицы
 Я не гонюсь, хотя въ былые дни
 Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
 Ну, муза,—ну, скорѣе,—разверни
 Запаханый листокъ свой подорожный!
 Не завирайся,—тутъ зомль безбожный...
 Куда теперъ намъ ѣхать изъ Кремля?
 Воротъ вѣдь много, велика земля!
 Куда?—«На Прѣсню погоняй, извощикъ!»—
 «Старуха, прочь!... Сворачивай, разнощикъ!»

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
 Какъ щить варяжскій, иль сыръ голландскій.
 Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
 Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
 Спокойствія рачитель на часахъ
 У будки пробудился, восклицая
 «Кто ѣдетъ?»—«Муза!»—«Что за чортъ! Какая?»
 Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
 Бѣлѣтъ мостъ, по сторонамъ сады
 Подъ инеемъ пушистымъ спять унылы;
 Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодець,
 Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
 Держась за нихъ, бредеть—и вотъ конецъ
 Периламъ.—«Все направо!»—Заскрипѣли
 Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
 По мрамору... Лачуги, цѣпью длинной
 Мелькая мимо, кланяются чинно...
 Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
 «Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глубока!...
 Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише
 И платье подними какъ можно выше».

XII.

Калитка—скрипъ... Дворъ темень. По доскамъ
 Идти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
 И лѣстница; но снѣгомъ по мѣстамъ
 Занесена. Дрожащія ступени
 Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
 Возшли. Толкнули дверь—и свѣтъ огарка
 Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
 Прищурясь, угрождаетъ путь гостямъ
 И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
 Но, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
 Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы взойдемъ:
 Вы знаете, для музы и поэта,
 Какъ для хромага бѣса, каждый домъ
 Имѣеть входъ особый; ни секрета,
 Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
 У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
 Сидѣли двѣ... дѣвицы—не дѣвицы...
 Красавицы... названье тутъ какъ разъ!...
 Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
 Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
 Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
 Раскладывали карты и гадали
 О будущемъ и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
 Надежды,—то, что мы и всѣ видали.
 Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
 И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
 Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
 Въ углу переднемъ фольга образовъ
 Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
 И верба, наклоненная надъ ними,
 Блистала вдругъ листьями золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ (красавицъ) не вполнѣ
 Была прекрасна, но за то другая...
 О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
 И то заснувъ—о небесахъ мечтая!
 Слегка головку преклонивъ къ стѣнѣ
 И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
 Она сидѣла нѣсколько небрежно.
 Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
 Изъ устъ ея пустое «нѣтъ», или «да»
 Едва скользило, если предсказанья
 Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйлива, мила,
 Какъ польская затѣйливая панна;
 Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
 Базался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
 Она-бъ на судъ неправедный пошла
 Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
 Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ.
 Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
 Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жи^{дъ},
 А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
 И жи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы—варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
 Ея отецъ служилъ у насъ шпиономъ
 И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
 Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастионамъ,
 Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
 И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
 Несчастный жи^{дъ},—онъ умеръ не подъ палкой!»
 Его жена пять мѣсяцевъ спустя
 Произвела на Божій свѣтъ дитя,
 Хорошенькую Тирзу. Имя это
 Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
 Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая
 Прохажимъ не замѣчена,—ни зла,
 Ни гордой добродѣтели не зная.
 Но часъ насталъ,—пора любви пришла.
 Какой-то смертный ей сказалъ два слова:
 Она въ объятія божества земнаго
 Упала; но, увы, прошло дней шесть,
 Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоѣсть;
 И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
 Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались какъ туманъ.
 Свобода стала ей всего дороже.
 Обманомъ сердце платить за обманъ
 (Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже).
 Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
 Изображался рѣзко. Не наемный
 Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томной;
 Покрыты свѣтлой влагой иногда,
 Они блуждали: то въ порой звѣзда
 По небесамъ блуждаетъ,—и, конечно,
 Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX.

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
 Какою-то веселостью недужной...
 (Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!)
 Волной вставала грудь, и пламень южный
 Въ ланитахъ рдѣлъ, и бѣлый полукругъ
 Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
 Головка поднималась, развивался
 Душистый локонъ и на ликъ младой
 Лоснясь катился черною струей;
 И ножка, разрѣзвась, не знала плѣна,
 Безстыдно обнажаясь до колѣна.

XXI.

Когда шалунья навзничъ на кровать,
 Шутя, смѣясь, роскошно упадала,
 Поспору, мудрено ее понять,—
 Она сама себя не понимала,—
 Ей было трудно сердце приковать,
 Какъ баловня ребенка. Надо было
 Кому-нибудь съ невѣдомою силой
 Явиться и привѣтливой душой
 Его согрѣть... Явился ли герой,
 Или вотще остался ожидаемъ,
 Все это мы со-временемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
 Чтобъ выполнить начатую картину.
 Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
 Но души ихъ сливались въ едину
 И мысли ихъ встрѣчались во всемъ.
 О, еслибъ знали, сколько въ этомъ званьи
 Сердцецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
 Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ.
 Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
 Увы, друзья, а наведите справки,
 Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
 Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
 Когда она смѣялась или шла,
 Дрожали сладострасно; не краснѣя,
 Она на жертву прелести несла,
 Свои красы. Широко и неловко
 На ней сидѣла юбка; но плутовка
 Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
 Ласкать умѣла бойко, горячо
 И, хитро передразнивая чувства,
 Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшею... *) Но я
 Желалъ бы дать другое ей названье:
 Скажу, при этомъ имени, друзья,
 Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
 Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
 И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
 По жиламъ сердца. Я тогда печалень,
 Сердить, — молчу, или браню весь домъ,
 И радъ прибить за слово чубукомъ.
 Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
 В(арюшу) здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

*) Въ подлинникѣ имени не вставлено, а только стоятъ точки.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
 Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
 Живой водой печали окропленъ,
 Какъ трупъ давно остывшаго вампира,
 Грозя перстомъ, поднялся молча онъ,
 И мысль къ нему прикована... Ужели
 Въ моей груди изгладить не успѣли
 Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ—
 Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
 Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
 Получше ихъ видалъ я послѣ много.

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
 Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
 Но перваго восторга чудный звукъ
 Въ груди не умираетъ,—и порою,
 Сквозь облако заботъ, когда недугъ
 Мой слабый умъ томить неугомонно,
 Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
 Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумить
 И бродятъ облака,—звѣзда горитъ
 Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
 И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей сальной свѣчой
 Красавицы раздумавшись сидѣли,
 И заставляя ихъ вздрагивать порой
 Унылый свистъ играющей метели.
 И какъ и вамъ, читатель милый мой,
 Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
 Условнаго, залаяла собака
 И у калитки брякнуло кольцо.
 Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
 Параша потянулась и зѣвнула
 Такъ, что едва не уронила стула.

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
 Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
 Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
 Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
 Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
 Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
 Сняла Параша плащъ, потомъ другою
 Страхнула иней съ шелковыхъ кудрей
 Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
 Все нравится, что молодо, красиво,
 И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
 Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ.
 На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
 И галстукъ надушонъ былъ какъ на балѣ.
 Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
 Но блѣдностью казались покрыты
 Его чело и нѣжныя ланиты
 (Не знаю, мукъ иль бурь послѣднихъ слѣдъ,
 Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ)—
 И на устахъ его, опаснѣй жала
 Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
 Въ кругу хорошемъ, то-есть въ модномъ свѣтѣ,
 Онъ обжился, что часть своихъ ночей
 Онъ убивалъ бесплодно на паркетѣ
 И что другую тратилъ не умнѣй...
 Въ глазахъ его открытыхъ, по печальныхъ,
 Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
 Презрѣнье, гордость; хоть онъ былъ не гордъ,
 Какъ глухой турокъ, иль богатый лордъ,
 Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
 Онъ почиталъ умнѣ очень многихъ.

XXXI.

Борьба рождает гордость. Воевать
 Съ людскими предрасудками труднѣе,
 Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
 Иль со штыкомъ на вражьей батарее
 За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...
 Клянусь, имѣть великій надо геній,
 Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣждений,
 Какъ сбросилъ бы я платье, еслибъ вдругъ
 Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
 Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
 Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость?... Pardon, ^{сейчасъ!}...
 Разсѣянность... Mesieurs, рекомендую:
 Герой мой, другъ мой—Сашка!... Жаль для насъ,
 Что случай свелъ въ минуту васъ такую
 И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
 Ему твердилъ, что эти посѣщенья
 О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
 Я говорилъ,—онъ слушалъ, онъ былъ весь
 Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!...
 И я нашель, что мнѣ его исправить
 Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
 Свой галстукъ... «Сашка»—старое названье!
 Но «Сашка» тотъ печати не видалъ
 И незрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ.
 Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
 Другаго имя,—дурно-ль, хорошо ли,
 Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
 Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
 Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
 Спросилъ: «Гдѣ Тирза?»—«Дома».—«Что-жь не видѣо
 Ея?»—«Уснула».—«Какъ ей спать не стыдно!»

XXXIV.

И онъ поспѣшно входитъ въ тотъ покой,
 Гдѣ часто съ Тирзой пламенные ночи
 Онъ проводилъ... Все полно тишиной
 И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
 Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
 И на стеклѣ въ узоры ледяные
 Блещетъ искры, блески огневые,
 И голубымъ сіяніемъ стѣна
 Игриво и свѣтло озарена.
 И онъ—не мѣсяцъ, но мой Сашка—слышитъ,
 Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышетъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ,—его рука
 Понала въ стѣну; протянулъ другую,—
 Ощупалъ тихо кончикъ башмака.
 Схватилъ потомъ и ножку, но кабую?!...
 Такъ миньютюрна, такъ нѣжна, мягка
 Базалась эта ножка, что невольно
 Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.

.....

XXXVI.

Блаженная минута!... Загипѣлъ
 Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей.
 Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
 И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
 Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣлъ
 Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
 И жизнь, и чувствами играя,
 Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
 Какъ ты, одинъ съ свободою моею
 Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга,—
 Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

«Судьба вчера свела случайно насъ,
 Случайно завтра разведетъ навѣчно,—
 Не все-ль равно, что годъ, что день, что часъ,
 Лишь только-бъ я провелъ его безопасно?...»
 И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
 Съ своей жидовки и не зналъ, казалось,
 Что рѣзвое созданье притворялось.
 Межь тѣмъ почла за нужное она
 Проснуться и была удивлена,
 Какъ надлежало... Страхъ и удивленье
 Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
 Она спросила: «Кто вы?»—«Я, твой Саша!»—
 «Неужто?... Видишь, баловникъ какой!
 Ступай, давно тамъ ждетъ тебя Параша!...
 Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
 Я отомщу». И за руку схватила
 Его проворно и... и укусила,
 Хотя это былъ скорѣе поцѣлуй.
 Да, мерзкій критикъ, что ты ни толкуй,
 А есть уста, которыя украдкой
 Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!...

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
 То вѣрно-бъ свой престоль украсилъ ею,—
 У ногъ ея и царство, и законъ,
 И славу позабылъ бы... Я не смѣю
 Васъ увѣрять затѣмъ, что не рождень
 Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,
 Какъ люди цѣнять вещи на престолѣ;
 Но знаю только то, что Сашка мой
 За цѣлый мiръ не отдалъ бы порой
 Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
 Достойные любой восточной сказки.

XL.

«Откуда ты?»—«Не спрашивай, мой другъ!
 Я былъ на балѣ!»—«Что это такое?»—
 «Невѣжда милый!—говоръ, шумъ и стукъ,
 Толпа глупцовъ, веселье городское,—
 Наружный блескъ, обманчивый недугъ.
 Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
 Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
 Кто ловить душу, кто пять тысячъ душъ...
 Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
 И какъ ни уважаю добродѣтель,
 А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
 Его слова еврейка поглощала.
 Сначала показалась ей смѣшна
 Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
 Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
 Могла-бъ кружиться ловко предъ толпою,
 Терзать мужчинъ надменной красотой,
 Въ высокія смотрѣться зеркала
 И уязвлять, но не желая зла,
 Соперницъ гордо презирать и въ свѣтѣ
 Блистать, да ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
 Такъ жметъ къ вѣткѣ, бурю ожидая.
 Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
 Уста полузакрытыя, пылая,
 Шептали что-то. Съ головы до ногъ
 Она горѣла.....

 Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье—
 И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
 Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
 И только раздавались иногда
 Сверчка ночнаго жалобныя трели;
 Да мышъ въ тѣни роднаго уголка
 Скреблась въ обои старыя прилежно.
 Моя чета, раскинувшись небрежно,
 Покоилась, не думая о томъ,
 Что небеса грозили близкимъ днемъ,
 Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
 Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
 И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
 Какая мысль мнѣ странная пришла:
 Что если-бъ ты, откинувъ предрасудки,—
 Она его тутъ крѣпко обняла,—
 Что если-бъ ты, мой милый, мой безцѣнный,
 Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
 То завтра, или даже въ день иной
 Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.
 Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
 А отказать въ бездѣлицѣ безбожно».

XLV.

— «Пожалуй!—отвѣчалъ ей Саша. Онъ
 Изъ словъ ея разслушалъ половину,—
 Его влонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
 Какъ птица влонить слабую тростину.
 Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
 Съ бессонницей. Въ теченье длинной ночи
 Бывало безпокойно бродять очи
 И жжетъ подушка влажное чело.
 Душа груститъ о томъ, что ужъ прошло,
 Блуждая въ мирѣ вымысла безъ пищи,
 Какъ лазорони, а по-русски—нищій...

XLVI.

И жадный червь ее грызеть,—грызеть,
 Я думаю, тотъ самый, что когда-то
 Терзалъ Саула; но порой и тотъ
 Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
 Какъ ангела таинственный полетъ,
 Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
 И опускались пламенные вѣжды,
 Съ гармоніей сливалася мечта,
 И злобный духъ бѣжалъ какъ отъ креста.
 Но этихъ звуковъ нѣтъ ужъ въ поднебесной,—
 Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
 Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильный
 Другаго,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
 Случайно уцѣлѣвшая и сильно
 Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
 Свѣтили ей двоюродные братья,
 Хотъ носятъ шлейфы огненного платья,
 Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
 Вліянье благотворное на насъ...
 А дай сойтись, такъ заварится каша,—
 Въ кулачки и... прощай планета наша.

XLVIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
 Какъ ангеловъ вечернія лампы.
 Прійдетъ конецъ воздушной ихъ игры,
 Печальная разгадка сей шарады...
 Люблю я съ колокольни, иль съ горы,
 Когда земля молчитъ и небо чисто,
 Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой,—
 И мнится, что межъ ними и землей
 Есть путь давно измѣренный душой,—
 И мнится, будто на главу поэта
 Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Пріятный сонъ!
 Покойной ночи! Вы-жь, читатель милый,
 Пожалуйте,—иначе принужденъ
 Я буду вывести васъ отсюда силой...
 Романъ, впередъ!... Не хочеть?—Ну, такъ онъ
 Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ покуда,
 Хочу я рассказать, кто онъ, откуда,
 Кто мать его была, и кто отецъ,
 Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ,
 Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
 Кто былъ его лакей и кто учитель.

L.

Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
 Иванъ Ильичъ N. N—овъ, мужъ дородный,
 Богатаго отца любимый сынъ.
 Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природный
 И, что ума полезнѣй, важный чинъ.
 Съ четырнадцати лѣтъ служилъ и съ миромъ
 Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
 А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
 Былъ человекъ, и слѣдственно уменъ.
 Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
 Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
 Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья.
 Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ;
 Ни на кого не обращалъ вниманья
 И не носилъ приличія веригъ.
 Однако же предъ знатью горделивой
 Умѣлъ онъ гнутья скромно и учтиво.
 Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
 Неумолимо требовалъ поклонъ;
 А кланяться закону иль вельможѣ—
 Считалось тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, за то и самъ
 Почтительность вознаграждалъ улыбкой
 И, ревностный хотя угодникъ дамъ,
 Женился, по словамъ его, ошибкой.
 Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
 Открыть, а знаю только (не соврать бы),
 Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы
 И что печаль его была одна
 Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
 По мнѣ они большіе эгоисты,—
 Все женъ винять, какъ будто сами чисты.

LIII *).

Благодари меня, о женскій полъ!
 Я—Демосеенъ твой: за твою свободу
 Я радъ шумѣть; я непомярно золъ
 На всю, на всю рогатую породу!
 Кто власть имъ далъ?... Возстаньте,—часъ пришелъ!
 Я поднимаю зпамя возмущенья.
 Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
 Конецъ всему есть! Беззаботно явно
 Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
 Понять меня, я знаю, вамъ легко,
 Вѣдь въ нашихъ жилахъ—кровь, не молого,
 Ну, и краснѣть умѣете ужъ кстати
 Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи...

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
 По старому обычаю. Безъ лести
 Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
 По правиламъ тогдашней старой чести.
 Проказница-жь жена, не утаю,
 Читать любила нѣжные романы,

*) Эта строфа, а также строфы 63, 69, 82, 83, 84 и 108 въ подлинникѣ Лермонтовымъ зачеркнуты.

Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
 Въ бесѣдѣ темной сидя до утра.
 А мѣсяцъ и романы до добра
 Не доведутъ,—отъ нихъ мечты родятся...
 А искушенью только-бъ подобраться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
 И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлюю.
 Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
 А не на камень. Чувствамъ и веселью
 Базенныхъ не назначено дорогъ.
 Но въ брачной жизни Марья Николавна
 Была, какъ надо, ласкова, исправна.
 Но, говорятъ,—хоть можетъ-быть и лгутъ,—
 Что долгъ супруга—только лишній трудъ.
 Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
 Будъ сказано) какъ вывѣски для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
 На самой на горѣ, противъ собора.
 При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ
 И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
 Какъ инвалидъ съ георгиевскимъ крестомъ.
 Но нѣкогда съ кудрявыми главами
 Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
 Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
 Какъ клѣтка между нихъ висѣлъ балконъ
 И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
 Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ
 Пестрѣли разноцвѣтныя клеѣнки
 И люстры отражались въ зеркалахъ,
 Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки.

Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
 Одна другой несносиѣ, а далѣ
 Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
 Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?... Дуракъ!»
 А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»
 И ласково, хозяйкой принимаемъ,
 Черезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
 Налѣво, то-есть къ западу, рядами
 Блистали кровли, трубы и потомъ
 Межъ ними церковь съ круглыми главами,
 И кое-гдѣ въ тѣни ограды, днемъ,
 Уютный дворъ, обсаженный рябиной,
 Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,
 Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
 Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ,
 Румяная крестьянка—дочь природы,
 Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX.

Подъ глинистой утесистой горой,
 Унизированной лачужками направо,
 Катилася широкой пеленой
 Родная Волга, ровно, величаво...
 У пристани двойною чередой
 Плоты и барки какъ табунъ тѣснились
 И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
 Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
 Натянутый *). Краснѣющій закатъ
 Изъ-за горы кидалъ свой лучъ прощальный
 На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальній.

*) Вариантъ: Сырою мглой объять,
 Виднѣлся дальній берегъ и бѣлѣли
 Вкругъ островъ края песчаной мели.

LX.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
 Между судовъ перебѣгалъ порою;
 Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ пловцовъ —
 Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
 И Марья Николавна, хотъ суровъ
 Базался вечеръ, день былъ на закатѣ,
 Накинувъ шаль, или капотъ на ватѣ,
 Съ французской книгой, часто, сѣвъ къ окну,
 Слѣдила взоромъ сизую волну,
 Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
 Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой
 И все не тѣсны были ей корсеты.
 Ея-ль сложенье было въ томъ виной,
 Или его не молодыя лѣты?...
 Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
 Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
 Законнаго: хотъ правомъ дворянина
 Онъ пользовался часто, но дѣтей,
 Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
 Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
 Страхась съ своей деревней породниться.

LXII.

Бакая радость въ мысли: я отецъ!
 И въ той же мысли сколько муки тайной —
 Оставить въ мѣрѣ слѣдъ и наконецъ
 Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно, —
 Злодѣемъ потому, что жизнь — вѣнецъ
 Терновый, тяжкій, — такъ по крайней мѣрѣ
 Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
 Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
 Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
 Но, исключая два-три дня, да дѣтство,
 Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удрученъ,
 Я прежде много плакалъ и слезами
 Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
 Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
 Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
 Въ немъ родились бури, какъ въ пустынь,
 Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
 Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
 Одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ...
 Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
 Лежатъ кремни—и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично было-бъ мнѣ молчать о томъ,
 Но я привыкъ идти противъ приличій
 И, говоря всеобщимъ языкомъ,
 Не жду похвалъ.—Поэтъ породы птичей,
 Любовникъ розъ надъ розовымъ кустомъ
 Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
 О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
 Прошу хоть разъ спросить у соловья.
 Онъ вамъ отвѣтитъ пѣснью... Такъ и я
 Пишу, что мыслю, что придется,
 И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Два года миновало. Третій годъ
 Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
 Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
 Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
 У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
 Былъ восхищенъ и три дня были пьяны
 Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
 А между тѣмъ печально у воротъ
 Всю ночь собаки выли на-пролетъ,
 И, что страшнѣе этого, ребѣнокъ
 Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
 Который много счастья общаетъ.
 И про меня сказали точно такъ,
 А правда-ль это вышло?—Небо знаетъ!
 Бъ тому же полуночный вой собакъ
 И страшный шумъ на чердачѣ высокомъ—
 Примѣты злыя; но, не бывъ пророкомъ
 Я только покачаю головой.
 Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной
 И для премудрыхъ»,—какъ же мнѣ поэту
 Не вѣрить вмѣстѣ тайнамъ и Гамлету?...

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
 Живые глазки, бѣлыя ручонки
 И русый волосъ, вьющійся кольцомъ—
 Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
 Рубашечкой смѣнились на немъ;
 И, первыя проказы начиная,
 Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
 Года неслись, а Саша росъ и въ пять
 Добро и зло онъ началъ понимать;
 Но, вѣрно, по враждебному влеченю,
 Имѣлъ большую склонность къ разрушеню.

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ—
 Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто сѣченъ,
 А слава Богу вышелъ человекъ:
 Не стыдъ семьѣ, не тупь, не изувѣченъ.
 Понятъ были низки въ старый вѣкъ...
 Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
 И желчнаго сложенъ,—предъ судьбою,
 Передъ бичомъ язвительной молвы
 Онъ не склонялъ и послѣ головы.
 Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
 И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!... Но чѣмъ теплѣе кровь,
 Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
 Всѣ чувства—злоба, гордость и любовь,
 Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ.
 Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
 Встрѣчаясь съ нѣжнымъ паненкой; отъ взгляда
 Онъ вздрагивалъ, какъ будто-бъ капля яда
 Лилась по жиламъ. Это можетъ-быть
 Смѣшно,—что-жь дѣлать!—онъ не могъ любить,
 Какъ любить всѣ гостинны собачки
 За лакомства—побои и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
 Его родную съ пѣньемъ уложили.
 Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
 Читалъ большую книгу, что кадили
 И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
 Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньи,
 И что когда послѣднее лобзанье
 Ему велѣли матери отдать,
 То сталъ онъ громко плакать и кричать,
 И что отецъ, ни мало съ нимъ не споря,
 Велѣлъ его посѣчь... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
 И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
 До времени отвыкнувъ отъ игры,
 Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ
 И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
 Онъ началъ думать, строить мнръ воздушный
 И въ немъ терялся мыслею послушной.
 Таковъ средь океана островокъ:
 Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
 Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
 Цвѣты-жь на немъ незнаемы увянутъ...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
 Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
 Они такъ часто спорили съ душой
 И отравили лучшихъ дней безпечность.
 Они летали надъ его главой,
 Какъ царская корона; но безъ власти
 Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
 Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
 Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
 Достойной жертвы,—и въ пустынь свѣта
 На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, еслибъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
 Въ вечерній часъ сливаться съ облагами,
 Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
 И долго упиваться ихъ рѣчами,
 И обнимать ихъ перси, какъ супругъ,—
 Въ глуши степенъ дышать со всей природой
 Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
 О, еслибъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
 Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!...
 Но, къ счастью, для васъ, читатель милый,
 Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
 Характеръ Саши выставить наружу
 И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
 Скорѣй судьей молчаньемъ я принужу
 Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
 Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
 Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!...
 Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
 Былъ Саша,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
 Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
 Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
 Marquis de Tess. Педантъ полузабавный,
 Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
 И потому бралъ деньги преисправно.
 Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
 Онъ сочинялъ сонеты, хотъ порою
 По часу бился съ риемою одною;
 Но коламбуровъ полный лексиконъ,
 Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ
 И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
 Не размышлялъ, что кстати, что не кстати.

LXXVI.

Его отецъ богатый былъ маркизь,
 Но жертвой сталъ народнаго волненья:
 На фонарѣ однажды онъ повисъ,
 Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
 Приятель нашъ, парижскій Адонисъ,
 Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
 Не поклонился гордой гильотинѣ:
 Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
 И натошагъ отправился въ походъ,
 И, наконецъ, едва живой отъ муки,
 Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его рассказъ
 Про сборища народья, про шумный
 Напоръ страстей и про послѣдній часъ
 Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
 Парижскою толпою много разъ
 Носилося его воображенье:
 Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
 Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный миллионъ
 Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
 И, въ недостатокъ хлѣба или злата,
 Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
 Прелестная на звучныя ступени
 Выходила женщина... Слѣды заботъ,
 Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызений
 Видѣлись на лицѣ ея. Народъ
 Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
 Посыпались на плечи молодя;
 Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
 Склонилася на плаху... О, Творецъ!
 Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!...
 И голова отторгнута отъ шеи...

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
 И загремѣла жадная сѣкира...
 И ты, поэтъ, высокаго чела
 Не уберегъ! Твоя живая лира
 Напрасно по вселенной разнесла
 Все, все, что ты считалъ своей душою—
 Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
 Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
 Не отомстивъ, и творческую грудь
 Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
 Не посѣтилъ—и ты погибъ бесплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
 Бѣ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и ничтожныхъ.
 Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
 Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
 Никто не вышелъ съ твердою душой,—
 Межъ тѣмъ какъ въ тайнѣ взоръ Наполеона
 Ужь зрѣлъ ступени будущаго трона...
 Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
 Но истина—не въ модѣ, а писать
 О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
 Смѣшно, тѣмъ болѣе о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Въ тому же и совсѣмъ не моралистъ, —
 Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
 Я палачу не дамъ похвальный листъ
 И клеветой героя не унижу, —
 Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
 Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
 Хоть похвалы порою и достоенъ,
 Но отъ камильницъ дыма и свѣчей
 Не каждому здоровилось, ей-ей!
 И, длиннымъ одамъ внемля, по-неволѣ
 Зѣвалъ кто въ комнатѣ, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
 Отнести свой трупъ въ пустыню и высокій
 Бурганъ надъ нимъ насыпать и любви
 Символь ненарушимый—одинокій
 Поставить крестъ: быть-можетъ изъ дали,
 Когда туманъ протянется въ долину
 И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
 Гостеприимный нищій пѣшеходъ
 Его заманить. Медленно придетъ
 И, отряхнувши посохъ безнадежный,
 Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
 Людей и небо, время и природу, —
 И проклянетъ грозы безсильный вой
 И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
 Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачь людской?
 На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
 Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,
 И звѣрь и огонь, и вѣтеръ и земля—
 Раздѣлять прахъ мой и душа моя
 Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиромъ,
 Сольется и развѣется надъ міромъ!...

LXXXIV.

Пускай отъ сердца полного тоской
 И желчью тайныхъ, тщетныхъ сожалѣній,
 Подобно чашѣ ядомъ налитой,
 Слѣдовъ не остается... Безъ волненій,
 Я, выпивъ ядъ по каплѣ, ни одной
 Не уронилъ; но люди не видали
 Въ моемъ лицѣ ни страха, ни печали,
 И говорили хладно: онъ привыкъ.
 И съ той поры я облилъ свой языкъ
 Тѣмъ самымъ ядомъ, а по праву мести
 Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ, —
 Вновь обратимся къ нашему герою.
 До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
 Житейскихъ и невинною душою
 Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
 Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
 Грамматикъ, географій и теорій
 Всѣхъ философовъ міра. Пять системъ
 Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
 Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
 «*Monsieur, c'est mon affaire*» — такъ мнѣ угодно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ, —
 Разсѣянно въ тетрадяхъ надъ строками
 Его рука чертила здѣсь и тамъ
 Какой-то женскій профиль и очами,
 Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
 Онъ долго на него взиралъ и нѣжно
 Вдыхалъ онъ и хранилъ его прилежно
 Между листовъ, какъ тайный милый владъ,
 Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
 Такъ прячутъ иногда сухую травку,
 Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто-жь она? Что пользы ей вскружить
 Неопытную голову, впервые
 Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
 И взволновать надежды огневая?
 Къ чему?... Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
 Идя во слѣдъ извѣстнаго Фоблаза.
 Его любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
 Чиста,—тепла, какъ небо южныхъ странъ...
 Ему-ль платить обманомъ за обманъ?...
 Но кто она?—Не модная вертушка,
 А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
 Онъ привыкалъ,—скажу вамъ подъ секретомъ,
 Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ,—
 Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ
 Когда луна бросала томный свѣтъ
 На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
 И съ шепотомъ толпа домашнихъ грацій
 Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
 Онъ догонялъ ихъ пошутить порой.
 Его невинность,—вы поймите сами,—
 Вѣдь не могла расти съ его годами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну:
 Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
 Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
 Но я, друзья, покой вамъ не нарушу
 И на портретъ накинута пелену.
 Её любилъ мой Саша той любовью,
 Которая по жиламъ съ юной кровью
 Течетъ огнемъ, влопочетъ и кипитъ;
 Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
 Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться,—
 Вѣдь надобно-жь на что-нибудь рѣшиться.

XС.

И мудрено-ль? Четырнадцать лѣтъ
 Я самъ страдалъ отъ каждой женской ножки,
 За каждую отдалъ бы цѣлый свѣтъ,
 Я цѣловалъ слѣды ихъ по дорожкѣ.
 Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
 И алыхъ устъ горячее дыханье
 Во мнѣ рождали чудное желанье;
 Я трепеталъ, когда моя рука
 Атласныхъ плечъ касалася слегка,
 Но лишь въ мечтахъ я видѣлъ безъ покрова
 Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново....

XСI.

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ,
 Молчить весь день и часто бредить ночь;
 По корридору бродить и грустить
 И ждать, чтобъ показалась Евы дочь,
 Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
 Онъ принялъ, иногда улыбкой хладной
 Отвѣтствовалъ на взоръ ея отраднѣй
 И чувства подавлялъ онъ какъ раба.
 Но съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!...
 Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
 И положилъ съ Маврушей объясниться.

XСII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
 По мостовой, широкими клубами,
 Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
 Ложилася на крышахъ полосами
 И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
 Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли; даже
 Волна катилась медленнѣй и глаже.
 Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
 Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
 И размышлялъ о тайнѣ единенья
 Двухъ душъ, — предметъ достойный размышленья!

XCVI.

Упалъ (прости невинность!), какъ змѣя
 Маврушу вѣрно обнялъ онъ руками,
 То холодѣя, то какъ жаръ горя,
 Неистово впился въ неѣ устами
 И—обезумѣлъ... Небо и земля
 Слились въ туманъ. Мавруша простонала
 И улыбнулась; какъ волна вставала
 И упала грудь, и томный взоръ,
 Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
 Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета,
 Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

XCVII.

Теперь, друзья, скажите на-прямикъ,
 Кого винить?... По-миѣ всего прекраснѣй
 Сложить весь грѣхъ на чорта,—онъ привыкъ
 Къ напраслину; къ тому же безопаснѣй
 Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
 Итакъ, замѣтимъ мы, что духъ незримый,
 Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
 Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
 Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
 И, слѣдуя пустѣйшему капризу,
 Бидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

XCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
 На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
 Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
 Являлась къ Сашѣ дѣва молодая;
 Задувъ лампаду, трепетной рукой
 Держась за спинку шаткую кровати,
 Она искала жаркихъ тамъ объятій.

.....

Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
 И съ жгучимъ поцѣлуемъ онъ сливался.

ХСІХ.

Базалось, рогъ забылъ о нихъ; но разъ,—
 Не помню я, въ который день недѣли,—
 Ужь пролетѣлъ давно свиданья часъ;
 А Саша все одинъ былъ на постели.
 Онъ сѣлъ къ огню въ раздумьи. Тихо гасъ
 На блѣдномъ сводѣ мѣсяць серебристый
 И неподвижно бахромой волнистой
 Вокругъ его висѣли облака.
 Дремало все, лишь въ окнахъ иногда
 Являлся свѣтъ, и силуэтъ, объятый
 Тьмой ночи, изъ картинъ Рембрандта взятой.

С.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
 И исчезалъ. На площади пустынной,
 Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
 Лежала тѣнь отъ колокольни длинной
 И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
 Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
 И вы-бъ сказали—поступь райской пери
 Послышалась. Невольно нашъ герой
 Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
 Стояла дѣва, опустивши очи,
 Блѣднѣе той луны—царицы ночи...

СІ.

И онъ узналъ Маврушу. Но—Творецъ!—
 Какъ измѣнилось нѣжное созданье!
 Базалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,
 А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
 Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
 Подходить и холодными ругами
 Хватаетъ руку Саши, и устами
 Прижалась къ ней, и слезы потевли
 Все больше, больше и, казалось, жгли
 Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины—
 Раскаянья преступной Магдалины?

СП.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
 Что дышетъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
 Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ
 И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
 Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
 Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы,
 И слышишь близость чудной тайной силы,
 Которой въ мірѣ вѣруеть лишь тотъ,
 Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живетъ,
 Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
 Чтобъ гонимъ глупцы его назвали.

СПІ.

И долго молча плакала она.
 Разсыпавшись на кругленькія плечи,
 Ея власы бѣжали какъ волна.
 Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
 Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
 Блуждали на губахъ ея; но звуки
 Яснѣ были словъ... И голосъ муки
 Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
 Бѣ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
 И не щадилъ ни вѣжностей, ни ласки,
 Чтобъ поскорѣ осушить ей глазки.

СІУ.

Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
 Ты молода, любима,—гдѣ-жъ страданье?
 Въ твоихъ глазахъ—мой міръ, вся жизнь моя,
 И рай земной—въ одномъ твоёмъ лобзаньѣ...
 Быть-можетъ, злобу хитрую тая,
 Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
 Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,
 Французъ давно не годенъ никуда...
 Ну, полно! Слезы прочь и сядь сюда!»

CV:

«Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
 Пренебрегла опасность, наказанье,
 Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только видѣть васъ,
 Поцѣловать вамъ руку на прощанье
 И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
 Не отвергайте бѣдную,—довольно
 Ужь я терплю,—за что же?... Сердце вольно.
 Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
 Завистливыхъ... Все Васька вашъ, злодѣй,—
 Черезъ него я гибну... Все готово!
 Молю... о, виньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI.

«Для вашего отца впервые я
 Забыла стыдъ,—гдѣ у рабы защита?
 Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
 Прошла недѣля,—бѣдная забыта...
 А все любить другаго ей нельзя.
 Вчера меня обидными словами
 Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами?—
 Раба, игрушка!... Точно, день, два, три
 Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!...»
 Тутъ начались слезы, восклицанья,
 Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

«Ахъ, баринъ, баринъ, вижу я, понять
 Не хочешь ты тоски моей сердечной!...
 Прощай,—тебя мнѣ больше не видать,
 За то ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
 Виновны оба, мнѣ-жь должно страдать.
 Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи,—
 Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!...
 Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
 На дальній хуторъ, гдѣ Маврушу ждуть
 Страданья, мужъ съ косматою бородою...
 А ты?—Вздохнешь и слюбишься съ другою!»

СVIII.

Она замолгла. Точно такъ, или нѣтъ
 Изгнанница младая говорила,
 Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
 Достаточна губительная сила,
 Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
 И тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту—
 Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
 Не вѣры я ищу, — я не пророкъ,
 Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
 Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки
 И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки!

СIX.

Она замолгла, но не Саша: онъ
 Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ:
 «Злодѣй! Тиранъ!» — и тысячу именъ,
 Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ
 Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
 Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
 Уже готовъ былъ юноша развратный
 Въ послѣдній разъ,

 какъ вдругъ, — о, Провидѣнье! —

СХ.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
 Стеклою двери обѣ половины
 И ночника лучъ блѣдный озарилъ
 Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
 Базалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ, —
 Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ, —
 Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
 «Eh bien monsieur, que vois-je?» — «Ah, c'est vous!»
 «Pourquoi ce bruit? — Que faites vous donc?» — «.....»
 И молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
 Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

СХІ.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань Кавказскихъ горъ,
 Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
 Не распростаясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
 Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
 Не могъ унять волненья сердца. «Вздоръ,—
 Шепталъ онъ,—вздоръ: любовь—не жизнь!» Но утро,
 Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
 Ужь начало заглядывать въ окно,
 Какъ милый гость, ожидаемый давно,
 А на дворѣ, унылый и догучный,
 Раздался колокольчигъ однозвучный.

СХІІ.

Къ огню въ волненьи Саша подбѣжалъ:
 Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
 Вотъ сѣлъ ямщикъ и возжи подобралъ;
 Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?»—
 «Готово».—Вотъ садится... Онъ узналъ:
 Она!... Въ чепцѣ, платкомъ огутавъ шею,
 Съ обычною улыбкою своею,
 Ему кивнула тихо головой
 И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
 Взвился. «Пошелъ!»... Колесы застучали
 И въ мигъ... Но что намъ до чужой печали?

СХІІІ.

Давно-ль?... Но дѣтство Саши протекло.
 Я рассказалъ, что знать вамъ было нужно...
 Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
 И быть иначе,—нѣжностью наружной
 Обманывать онъ почиталъ за зло,
 За низость,—но правдивой мести знаки
 Онъ не щадилъ (хотя-бъ дошло до драки),
 И потому родитель, расчитавъ,
 Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
 Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
 Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

СХІV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
 Старухѣ - теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
 Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
 Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
 Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
 Которыя, страшась святаго брака,
 Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака
 И потому въ сомнѣннѣ ждуть, да ждуть,
 Покуда ихъ на вистъ не позовутъ.
 Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
 За картами клеветуютъ и желтѣютъ.

СХV.

Но иногда какой-нибудь лакей
 Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
 Имѣя входъ къ владычицѣ своей
 Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
 Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
 Служанку, то-есть грѣетъ одѣяло,
 Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
 Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣлъ,
 Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ,
 Но долженъ знать?... Онъ долженъ быть свидѣтель,
 Какъ сладко спитъ сѣдая добродѣтель.

СХVІ.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
 Гдѣ много приобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
 Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
 Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
 Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ—
 Двусмысленная вещь; что добрый малый—
 Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
 Что умный—и забавнѣй, и сносноѣй,
 Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
 И потому (считая только явныхъ)
 Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

СХVII.

И списокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
 На двухъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
 Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
 Обернутой атласомъ, какъ прилично,
 Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
 Любилъ онъ заговоры злобы тайной
 Разстроить словомъ, будто бы случайно;
 Любилъ враговъ внезапно удивлять,
 На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
 Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
 Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

СХVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
 Наскуча все твердить азы да буки,
 И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
 Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
 Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
 Твои каедры, залы, корридоры,
 Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
 О Богъ, о вселенной и о томъ,
 Какъ пить: съ водой, иль просто голый ромъ,—
 Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
 Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

СХIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
 По мостовой валить народъ ученый.
 Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
 Кто въ грязной лужѣ, Ваххомъ упоенный;
 Но всё равно задумчивы, безъ словъ
 Текутъ... Пришли, шумять... Профессоръ длинный
 Напрасно входитъ, кланяся чинно.
 Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—шумять;
 Уходить,—второе хуже. Сущій адъ!...
 По сердцу Сашѣ жизнь была такая
 И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

СХХ.

Пропустимъ года два... Я не хочу
 Въ одинъ приемъ свою докончить повѣсть.
 Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
 И потому моя спокойна совѣсть,
 Хоть, признаюся, много пропущу
 Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
 Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
 Не заключенъ и не спѣша впередъ,
 Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
 Я снова обращу вниманье ваше
 На тѣ года, потраченные Сашей...

СХХІ.

Теперь героевъ разбудить пора,
 Пора привести въ порядокъ ихъ одежды.
 Вы вспомните, какъ сладостно вчера
 Въ объятяхъ нѣги и живой надежды
 Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
 Я не могу удерживать серьезно,
 И потому она проснулась поздно...
 Растрепанные волосы назадъ
 Рукой откинувъ и на свой нарядъ
 Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
 Она довольно долго позѣвала.

СХХІІ.

На ней измято было все и грудь
 Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
 Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
 И кудри безъ особенныхъ стараній
 На головѣ гребенкою заткнуть;
 Потомъ сорочку скинула, небрежно
 Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный...
 Опять свѣжа, какъ персигъ молодой,
 И, на плеча капоть накинувъ свой,
 Плѣнительна безпечной наготою,
 Она подходитъ къ нашему герою.

СХХІІІ.

Садится въ изголовьи и потомъ
 На соннаго студенной влагой плещеть.
 Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
 И видитъ, что пора: свѣтелка блещеть,
 Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
 Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
 Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
 Упругій снѣгъ на улицѣ хруститъ,
 Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
 И въ городѣ, что мнѣ всегда досадно,
 Колокола трезвонять безпощадно...

СХХІV.

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
 Какъ небеса лазурны!... Торопливо
 Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
 Атласный галстукъ повязалъ лѣнливо,
 Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
 Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
 Изобличалъ его... Но, между нами,
 Сказать тихонько: это—не порокъ.
 У нашихъ дамъ найдти-бъ его я могъ,
 Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
 Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

СХХV.

Изъ комнаты выходить нашъ герой
 И, пробираясь длиннымъ корридоромъ,
 Онъ видитъ Катерину предъ собой,
 Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
 И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
 Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
 Кровать; на ней, закрыта.....,
 Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.
 Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо
 И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
 Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

СХХVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
 Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далѣ.
 Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
 Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
 Замѣтятъ ли невинный маскарадъ?
 Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
 Зачѣмъ толпу не наказать случайно
 Презрѣнемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
 И что молва?—Глупцовъ крикливый судъ,
 Боварный шепотъ злой старухи, или
 Два-три намека въ польскомъ иль кадрили!

СХХVII.

Ужь Саша дома. Бѣ теткѣ входитъ онъ,
 Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
 «Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
 Я-бъ не рѣшился на такую скуку,
 Хотя бы мнѣ давали миллионъ.
 Какъ ваши зубы?... А Фиделька гдѣ же?
 Она являться стала что-то рѣже.
 Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,—увы,
 Какая жалость!... Знаете ли вы,
 На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
 Которая несетъ погибель свѣту?...

СХХVIII.

«И подѣломъ, вѣдь новый магазинъ
 Открылся на Бузнецкомъ,—не угодно-ль
 Вамъ посмотрѣть?... Тамъ есть Мишель Abine,
 Monsieur Dupré, Durand, французъ природный,
 Теперь купецъ, а бывший дворянинъ;
 Тамъ есть мадамъ Argand; тамъ есть субретка
 Fancaux—плутовка, смуглая кокетка!
 Вся молодежь вокругъ ея вертится.
 Ей-Богу, все равно мнѣ, что случится!
 И по одной значительной причинѣ
 Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

СХХІХ.

«Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
 Онъ пусть, какъ голова француза,—малость
 Истратился; но это мнѣ урокъ—
 Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!»
 И, притворясь печальнымъ, сколько могъ,
 Шалунъ склонился къ теткѣ, два три раза
 Вздохнулъ, чтобъ удалась его проказа.
 Тихонько ларчикъ отперевъ, она
 Заботливо дорылася до дна
 И вынула три бѣленькихъ бумажки.
 И... вы легко поймете радость Сашки.

СХХХ.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
 То у дверей съ недвижностью примѣрной,
 Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
 Стоялъ арапъ *), его служитель вѣрный.
 Покрывать какъ лакомъ былъ чугунный цвѣтъ
 Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
 И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
 Когда смѣялся онъ или говорилъ,
 Невольный страхъ на душу наводилъ,
 И въ голосъ его, инымъ казалось,
 Надменностью безсильной отзывалось.

СХХХІ.

Союзъ довольно странный заключенъ.
 Межъ имъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры
 Базались таинственны, какъ сонъ;
 Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
 Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
 Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
 Восточныхъ словъ былъ страстный обожатель
 И потому «Зефиромъ» нареченъ
 Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
 Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
 Всѣ восхищались этой скверной рожей!

*) Арапъ этотъ былъ слугою въ домѣ Л., близкихъ друзей Лермонтова. Онъ его очень любилъ и въ одномъ изъ писемъ упоминаетъ о немъ, какъ о другѣ своемъ («Соч. Лерм.», т. I, стр. 509).

СХХХІІ.

«Зефиру» Сашка что-то прошептала.
 Зефиръ кивнулъ гурчавой головою,
 Блеснувъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
 Изъ бѣлой ручки черною рукою;
 Онъ долго у дверей еще стоялъ
 И говорилъ все время, по несчастью,
 На языкѣ чужомъ и тайной страстью
 Одушевленъ казался. Между тѣмъ,
 Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
 Герой печальный моего разказа
 Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

СХХХІІІ.

И, наконецъ, онъ подалъ знакъ рукою
 И тотъ исчезъ, быстрѣй китайской тѣни.
 Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
 Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
 Домашній духъ (по-русски домовой);
 Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
 Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,
 Добро и зло. Ему была законъ
 Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
 Что кромѣ Саши въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
 Никто, никто не думалъ о «Зефирѣ».

СХХХІV.

Однако были дни давнымъ-давно,
 Когда и онъ на берегу Гвинеи
 Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
 И ожерелье красное на шеѣ,
 И мало ли?... О, тамъ онъ былъ звѣно
 Въ цѣпи семей счастливыхъ!... Тамъ пустыня
 Осталась неприступна, какъ святыня.
 И пальмы тамъ растутъ до облаговъ,
 И пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ.
 Тамъ жгутъ лобзанья и пронизаютъ очи
 И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

СХХХУ.

Но родина и вольность будто сонъ
 Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
 Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
 Для дикаря все было непонятно—
 Блестящихъ городовъ и шумъ, и звонъ.
 Такъ облачко оторвано грозою,
 Бродя одно подъ твердью голубою,
 Буда пристать не знаетъ; для него
 Все чуждо—солнце, миръ и шумъ его.
 Ему обидно общее веселье,—
 Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

СХХХVI.

О, я люблю густыя облака,
 Когда они толпятся надъ горою,
 Какъ на хребтѣ стальнаго шишака
 Колеблющія перья! Предъ грозою
 Въ одеждахъ золотыхъ издалека
 Они текутъ безмолвнымъ караваномъ
 И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
 Обнявшись, свившись, будто куча змѣй
 Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
 Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уносить:
 Буда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спросить?

СХХХVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
 Какъ отъ любви поэта безнадежной,
 Какъ отъ мечты, которой никогда
 Онъ не отерылъ вниманью дружбы нѣжной.
 И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
 Промчалася неслышно между нами,
 Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,—
 Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
 Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
 И, не разгадавъ глупою толпою,
 Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою!

СXXXVIII.

И миръ твоимъ костямъ! Онъ сгніють,
 Покрытыя одеждою военной...
 И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
 И зябнешь ты, какъ часовой безсмѣнный.
 Но что же дѣлать?—Жди, авось придуть,
 Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
 Какъ знать, земля до молодыхъ объятій
 Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
 Буда умчался ты?... Какой вѣнецъ
 На головѣ твоей? И весель ли какъ прежде?
 Ты любишь насъ и вѣришь ли надеждѣ?

СXXXIX.

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
 Я подносилъ пріятельскую чашу—
 Какая буря въ даль умчала васъ?
 Какая цѣль убила юность вашу?
 Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
 На алтарѣ моемъ. Желанья славы
 Какъ призракъ разлетѣлися. Вы правы,
 Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
 Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
 Ущелій и свободы, и, не зная
 Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

СXL.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
 Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
 Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
 И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
 Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
 Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
 Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
 Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
 Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
 И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
 Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

СХLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
 За неземной границей міра?—Смутный,
 Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
 Названья и числа; гдѣ, неприютны,
 Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
 Зброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
 Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
 Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
 Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
 Хоть между тѣмъ (пожалуй, кляться стану)
 Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

СХLII.

О, суета! И вотъ вамъ полубогъ—
 Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
 Землей и моремъ,—всѣмъ, чѣмъ только могъ,—
 Не въ силахъ онъ прожить три дня не вѣвши.
 Но полно! Злобный бѣсъ меня завелъ
 Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
 Пожалуй, кто-нибудь, шпионъ ничтожный,
 Мои слова прославить, и тогда
 Нельзя креститься будетъ безъ стыда
 И по-неволѣ станешь лицемѣрить,
 Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

СХLIII.

Блаженъ, кто вѣритъ счастьемъ и любви,
 Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ,—
 Онъ долготѣнъ будетъ на земли
 И для сыновъ останется урокомъ!
 Блаженъ, кто думы гордыя свои
 Умѣлъ смирать предъ гордою толпою
 И кто грѣховъ тяжелою цѣною
 Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
 Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ алмазъ!
 Блаженъ, кто не склонялъ чела младаго
 Какъ подлый рабъ предъ идоломъ другаго!

СXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
 Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
 Играющихъ и шепчущихъ листовъ,—
 Подъ кровомъ скалъ, откуда влючь студеный
 По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
 Струей гремячей прыгаетъ, сверкая,
 И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
 Стоитъ, какъ призракъ поздней порой,
 Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
 Трещитъ вдали и мракъ между вѣтвями
 Отсюду смотреть черными очами!

СXLV.

Блаженъ, кто посреди большихъ степей
 Межъ дикими воспитанъ табунами,
 Кто приученъ былъ на хребтѣ коней,
 Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
 Златая облака, отъ раннихъ дней
 Носиться,—кто главою припавъ на гриву,
 Летя, подобно сумрачному диву,
 Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
 Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
 Копытомъ звонкимъ и впередъ землею
 Упрюгой былъ видаемъ съ быстротою.

СXLVI.

Блаженъ!... Его душа всегда полна
 Поэзіей природы звуковъ чистыхъ;
 Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
 Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
 Не вылянетъ до время сѣдина;
 Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
 Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
 И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
 Съ больною грудью и больной душой,
 И не рѣшится отъ одной лишь скуки
 Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

СXLVІІ.

Или, трудясь, какъ глупая овца,
 Въ рядахъ дворянства съ робкимъ униженьемъ,
 Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,—
 Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
 И покланяться нѣмцамъ до конца...
 И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?—
 Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
 Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
 Отчизну и картофель?... Вотъ народъ:
 За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служить,
 Слабѣйшихъ давить, бьютъ его—не тужить!

СXLVІІІ.

Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ баронъ!
 Профессоръ важный—каждый ихъ сапожникъ!
 Кричить, шумить... Но что-жь?—Онъ не рождень
 Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
 Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
 Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
 Гдѣ-бъ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
 Боторые съ ихъ грозными дѣлами
 Унесены забвенія волнами...

СXLІХ.

Бто недоволенъ выходкой моею,
 Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
 Съ листомъ въ рукахъ, съ аравою друзей,
 И, вѣруя ихъ опытному вздору,
 Печатастъ анаѣему, злодѣй!...
 Я кончилъ... такъ! Дописана страница.
 Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
 Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
 Тѣмъ болѣе терпѣнью и.. стихамъ,
 Боторые давно ужь не звучали
 И вдругъ съ пера Богъ знаетъ какъ упали!...

КОНЕЦЪ 1-Й ГЛАВЫ.

ГЛАВА II.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
 Испытывать читателей терпѣнне,
 И потому примусь за свой рассказъ
 Безъ предисловія.—Сладкое смятенье
 Въ душѣ моей, и я, какъ въ первый разъ,
 Ловлю прыгунью риѣму и, потѣя,
 Въ досадѣ призываю Асмодея.
 Какъ будто снова Богъ переселилъ
 Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,—
 Когда не зналъ я, что на слово младость
 Есть риѣма: *гадость*, а не только *радость*!

II.

Давно когда-то за Москвой-рѣкой,
 На Пятницкой, у самаго канала,
 Заросшаго негодною травой,
 Былъ домъ угольный; жизнь тогда играла
 Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
 Внизу живетъ съ беззубой половиной
 Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
 Обвѣшаны, какъ инеемъ, кругомъ
 Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
 И временемъ, и окна краской бѣлой
 Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
 На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
 Исчерченный; но часъ ихъ не пришолъ,—
 Они гнѣютъ незримо, лишь порою
 Скользятъ по нимъ играющій эоль,
 Или еще крыло жильца развалинъ—
 Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
 Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ.
 Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣтъ:
 Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
 Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
 До рубежа отчизны драгоцѣнной?
 Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ присталъ
 И русскій Богъ очистилъ храмъ священный...
 Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ
 И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
 Онъ озарилъ имъ путь въ степи морозной—
 И степь ихъ поглотила, и о томъ,
 Кто намъ грозилъ и плѣномъ, и стыдомъ,
 Кто надъ землей промчался какъ комета,
 Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ свѣта.

V.

И старый домъ, куда привелъ я васъ,
 Его паденья также былъ свидѣтель.
 На изрѣзкахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
 Черты карандаша, стихъ. Посѣтитель
 Въ нихъ ищетъ мысли—и бесплодный часъ
 Проводить... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
 Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
 Какъ надписи нагробныя, онѣ
 Рисуются узоромъ по стѣнѣ,—
 Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
 Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ—
 Безъ рукъ, безъ ногъ, съ 'отбитыми носами—
 Лежать въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
 Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
 Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
 Въ помергшихъ рамахъ и глядятъ сурово
 И, мнится, обвинительное слово
 Изъ мертвыхъ устъ ихъ низлетитъ,—увы!
 О, еслибъ этотъ домъ знавали вы
 Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
 О, еслибъ время было въ нашей волѣ!...

VII.

Бывало только утренней зарей
 Освѣтятся главы церквей золотыя,
 И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
 Дворецъ царей и стѣны вѣковья,
 Отражены зеркальною волной;
 Бывало только прачка молодая
 Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
 Выходить и сквозь утренній морозъ
 Раздастся первый стукъ колесъ,—
 А графскій домъ ужъ полонъ суетою
 И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ ширь горой,
 Смѣются гости и бренчатъ стаканы.
 Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
 Блочечетъ и шипитъ струей румяной,
 И отъ крыльца каретъ недвижный строй
 Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
 Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
 Брасавицы, столицы лучшей цвѣтъ,
 Мелькаютъ... Вотъ учтивый: силуэтъ
 Рисуется, вотъ шепотъ удивленья,
 Улыбка, взгляды, вздохи, изъясненья...

IX.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
 Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
 Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
 У зеркала.

Здѣсь рукопись обрывается.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. Л. Голицыну.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

На дворѣ стояла пасмурная и холодная петербургская осень. Былъ первый часъ ночи.

Въ эту пору въ Захолустной улицѣ весной и лѣтомъ все населеніе обыкновенно выбиралось къ воротамъ, въ воздухѣ слышались звуки гармоникъ, пѣсень и говора. Осенью же и зимой здѣсь почти всегда бывала невозмутимая тишина и царствовалъ непроглядный мракъ. Обыватели въ эти часы осенью и зимой имѣли обыкновеніе спать, а уличные масляные фонари ради экономіи гасились. Но на этотъ разъ на улицѣ слышались шаги и говоръ людей. Эти люди выходили небольшими группами изъ недавно отстроеннаго, чуть ли не наканунѣ докрашеннаго, дома мелкаго чиновника Андрея Ивановича Орлова. Самъ этотъ домъ рѣзко выдѣлялся изъ окружавшаго его мрака: его окна были довольно ярко освѣщены и онъ казался иллюминированнымъ среди другихъ домовъ, окутанныхъ тьмою. Выходившіе изъ него люди, возбужденные весело проведеннымъ вечеромъ, сытною закуской и впечатлѣніями новоселья, шумно и оживленно продолжали свои толки на улицѣ. Всѣ разговоры вертѣлись около событія минувшаго дня, около торжественнаго пира, заданнаго друзьямъ и пріятелямъ семьей Орлова.

— Могу сказать, на славу справилъ Андрей Ивановичъ новоселье, лицомъ въ грязь не ударилъ,—весело говорилъ мужской

голосъ въ одной изъ группъ, вышедшихъ изъ дома.—Вотъ ужь что называется: знай нашихъ! Я, признаюсь откровенно, даже и не ожидалъ отъ него такого гостепрѣимства и хлѣбосольтва. Онъ вѣдь скопидомъ, копѣйку припрятать любить, а тутъ вдругъ, на-поди, какъ раскошелился! Молодецъ, право, молодецъ!

— Отчего же и не попить, сударь мой, когда дѣлишки идутъ, какъ по маслу?—замѣтилъ другой голосъ нѣсколько наставительнымъ и степеннымъ тономъ.—Теперь вѣдь, осмѣлюсь вамъ доложить, имъ фортуна, такъ сказать, улыбается. Семья встала на обѣ ноги, а это, сударь мой, дѣло великое, вольность духу даетъ. Человѣкъ безъ обезпеченія это, если можно такъ выразиться, червь, пресмыкающійся на распутіи жизни, а человекъ съ деньгами...

— Нѣтъ, если я на кого дивился, такъ это на Марью Федоровну,—съ оживленіемъ перебилъ его первый собесѣдникъ.—Вѣдь просто неузнаваемой сдѣлалась, ей-богу! Весела, шутить, смѣется, просто... не та женщина. Прежде всегда такая суровая, рѣзкая была, а сегодня, точно родному, жала мнѣ руку и говоритъ: «спасибо вамъ, что порадовались нашей радости», а у самой, знаете, слезы на глазахъ, голосъ обрывается отъ волненія... Совсѣмъ преобразилась!

— Еще бы не преобразиться, когда добилась своего!—вмѣшался въ разговоръ третій мужчина.—Теперь вѣдь только купцу Пахомову долгъ уплатить и конецъ,—ликуй и веселись!... Богатство, батенька, хотъ кого преобразить. И мы съ вами колесомъ бы по улицѣ прошлись, еслибы...

— Не даромъ, сударь мой, не даромъ все это благолѣпіе досталось,—заговорилъ второй собесѣдникъ.—Самъ, осмѣлюсь вамъ доложить, свидѣтелемъ былъ, какъ все это слаживалось, созидалось. Не добдали, не досыпали, чтобы только деньжонки на домишко сколотить. Земля-то эта съ какой-то лачужкой на курьихъ ножкахъ, какъ сами изволите, вѣроятно, знать, къ нимъ по наслѣдству перешла, а на новый-то домъ у нихъ, смѣю вамъ доложить, гроша не было. Ну, такъ вотъ-съ, и пришлось тутъ изворачиваться, чтобы гнѣздышко себѣ теплое свить. По копѣечкѣ, сударь мой, по копѣечкѣ приходилось капиталецъ-то сколачивать. Это я ужь доподлинно знаю. Слава Богу, свои люди!... И къ чести ихъ надо приписать то, сударь вы мой, что все они сколотили трудомъ и экономіей, а не путями неправедными, не какими-нибудь подвохами. Нечего сказать, люди солидные, трудящіеся,

обстоятельные!... Правда, немножко съ душкомъ, кланяться не любитьъ, съ гордецей,—ну, да, вѣдь, государи мои, тоже и униженіе иногда паче гордости...

Старческій голосъ на минуту смолкъ, послышалось щелканье табакерки, втягиванье носомъ табуку, потомъ тотъ же голосъ заговорилъ снова:

— А вы, осмѣлюсь васъ спросить, полюбопытствовали ли, вотъ, заглянуть, какъ у нихъ въ домѣ все хозяйственно устроено? Это, я вамъ скажу, просто на-диво!

— Еще бы,—воскликнулъ первый собесѣдникъ.—Вѣдь они чуть не десять лѣтъ его планъ-то обдумывали. То то, то другое, бывало, придумываютъ. Знаете, я иногда думалъ, что Андрей Ивановичъ и Марья Ѳедоровна съ ума сойдутъ отъ этой мысли о домѣ,—право! Вѣдь къ нимъ, бывало, придти нельзя,—сейчасъ планъ тащутъ, совѣтуются. Бывало, и смѣхъ, и горе...

Собесѣдники начали вспоминать всѣ мелкія подробности, касавшіяся приготовленій Орловыхъ къ постройкѣ дома. Орловъ, отправляясь въ должность, развозилъ по дорогѣ въ салазкахъ или на телѣжечкѣ сливки, чтобы сколотить лишній грошъ. Его жена сама стирала по ночамъ бѣлье на свою семью, тайкомъ мыла дома полы, чтобы только не платить педеньщицѣ. Ихъ старшая дочь шила, не разгибая спины, чужое бѣлье, убила лучшіе годы первой молодости на эту работу, чтобы пополнить необходимую для постройки сумму денегъ. Даже старый дѣдъ, отецъ Орлова, и тотъ, бывало, тащить домой съ улицы щепки, говоря, что «дрова-то денегъ стоятъ», или захватываетъ на дорогѣ кирпичъ, разсуждая, что «при постройкѣ-то и кирпичокъ пригодится». Всѣ эти мелочи были вполнѣ извѣстны друзьямъ и пріятелямъ Орловыхъ; онѣ были извѣстны всей Захолустной улицѣ, говорившей въ теченіе шести-семи лѣтъ о томъ, что «Орловы-то новый домъ собираются строить». Среди этихъ воспоминаній проскальзывали смѣшныя анекдоты. Ходили слухи, что будто бы Орлова иногда, закутавшись въ тулупъ, дежурила по ночамъ у воротъ своей старой лачуги за дворника, такъ какъ держать дворника было не по средствамъ. Толковали также, что Орловъ отправлялся въ должность, ради экономіи, въ старыхъ опоркахъ, а хорошіе сапоги носилъ подъ мышкой завернутыми въ бумагу и надѣвалъ ихъ гдѣ-то подъ воротами, неподалеку отъ мѣста своего служенія. Вообще захолустенцы, не всегда имѣвшіе возможность прочесть даже «Пчелку», самостоятельно слагали удивительныя легенды

про все и обо всѣхъ, про своихъ сосѣдей и про общественныхъ дѣятелей, про захолустенскіе скандалы и про историческія событія. Эта черта была одной изъ характернѣйшихъ чертъ захолустенской жизни. Воспоминаніе и анекдоты объ Орловыхъ сопровождались благодушнымъ смѣхомъ.

Въ группѣ женщинъ, выходившихъ изъ новаго дома, проскальзывали иногда и другія нотки.

— Жаль только, что теперь, даже и при всемъ ихъ достаткѣ, ихъ Анна Андреевна не выйдетъ замужъ,—не безъ ехидства соболѣзновалъ чей-то женскій сладенькій и нѣжный голосокъ. — Она, конечно, и молода еще, и не такъ чтобы очень дурна собою, но очень уже она отоцала и осунулась,—прозрачная совсѣмъ какая-то стала...

— Она, я думаю, уже и не мечтаетъ о замужствѣ,—сухо проговорила другая женщина.—Всѣ они теперь для Мити живутъ, въ немъ всѣ ихъ надежды на будущее и Анна Андреевна любить его болѣе всѣхъ.

— Да, да... Но что ни говорите, ангель мой, а все же чужой жизнью жить нельзя, — заспорила первая изъ собесѣдницъ. — Видѣли, какіе бантики Анна Андреевна сегодня нашла? Это, значитъ, правится еще хочеть. Такъ, ни съ того, ни съ сего, дѣвушка бантиковъ не нашьпелеть... Это ужь вѣрно, душа моя! Она, конечно, не говоритъ о своемъ желаніи выйти замужъ, потому это и смѣшно, и неприлично, но вы прислушайтесь, какимъ тономъ она смѣется, когда замѣчаетъ: «мое время уже прошло»,—вѣдь тутъ слезы, слезы, душечка, слышатся!... Нѣтъ, нѣтъ, у меня сердце надрывается, когда я гляжу на нее. Она тоже внесла свою лепту на постройку этого дома, тоже ночей не досыпала надъ работой, а плоды достанутся другимъ. Еще что выйдетъ изъ мальчика,—ахъ, это вопросъ! Наконецъ, онъ женится,—захочеть ли тогда его жена держать у себя Анну Андреевну?

— Ну, до женитьбы Мити еще далеко,—возразили болтливой барынь.

— Ахъ, не говорите, не говорите, мой ангель!—загорячилась она.—Дѣти нынче такъ быстро растутъ, время такъ скоро летитъ. Не успѣешь оглянуться, глядишь—мальчикъ и выростетъ... Что-то вотъ тогда будетъ?

Въ послѣдней группѣ, вышедшей изъ дому, тонъ разговоровъ былъ нѣсколько раздражительный и эти разговоры касались уже

не Орловыхъ. Запоздавшіе гости, очевидно, только-что встали изъ-за ломбернаго стола и были сильно возбуждены игрою, заставившею ихъ за счетомъ выигрышей и проигрышей забыть все на свѣтѣ. Одинъ изъ игроковъ простился и пошелъ налѣво, а двое свернули вмѣстѣ направо.

— Вѣчно затянется этотъ проклятый преферансъ!—сердито ворчалъ одинъ изъ нихъ. — Въ сущности, никогда садиться не слѣдуетъ, если ужъ не удалось сѣсть во-время. Сядешь поздно, торопишься и по-неволѣ дѣлаешь ошибку за ошибкой.

— Ну, вы не скажите этого,—спокойно возразилъ другой.— Ошибки не отъ того дѣлаются, что торопишься. Нѣтъ, какъ не повезеть, такъ человекъ и растеряется, ажитируется, неровно ведетъ игру и самъ въ петлю лѣзетъ: тутъ рискнетъ,—глядишь, безъ одной въ семи остался; тамъ поприжметъ, — смотришь, смаралъ за семь пикъ, а игра-то при своемъ ходѣ была восемь, да еще безкозырная-съ... Я, впрочемъ, давно отъучилъ себя отъ этого: везетъ или не везетъ, а континенцію духа сохраняю и не тороплюсь, не мечусь изъ одной крайности въ другую, — веду себѣ игру вольготно и ровно...

— Да вамъ хорошо было не торопиться,—вы вонъ тутъ же въ улицѣ живете, а мнѣ на Пески съ Бугорковъ тащиться, — перебилъ его проигравшійся господинъ.

— На Пески... Извощика возьмите—вотъ и конецъ! А у меня дѣла-съ, дѣла... Извощика не наймешь ихъ кончить,—серьезно и съ особеннымъ удареніемъ отвѣтилъ второй.

— Ну да, извощика! Скоро у васъ, въ этой труппѣ, същещь его,—возразилъ первый.

— А вотъ, слышите, колеса дребезжать?—произнесъ второй, прислушиваясь.—Ручаюсь, что порожнякъ. Нанимайте!

Дѣйствительно, легкое дребезжанье колесъ становилось все слышнѣе и слышнѣе и въ темнотѣ начали смутно вырисовываться очертанія лошади и дрожекъ. Господинъ, отправлявшійся на Пески, громко крикнулъ: «извощикъ!» Отвѣта не послѣдовало.

— Спать, каналья!—проговорилъ онъ раздражительно.—Его зовутъ, ему кричать, а онъ спитъ на своей гитарѣ и ухомъ не ведеть... И какъ это имъ позволяетъ полиція спать во время ѣзды. Ни за чѣмъ она у насъ не смотритъ. Именнымъ указомъ запретилъ бы это безобразіе. Ну, долго ли задавить кого-нибудь? Накоонецъ, самого, бестію, могутъ соннаго обобратъ и ужокошить... Ночнымъ разбоемъ нынче конца нѣтъ, точно въ Азіи какой-нибудь жи-

вемъ... Слышали, вонъ, говорятъ, еще какіе-то «труболеты» появились... Чортъ знаетъ что такое!

Господинъ наѣхавшійся въ извозчику и ткнулъ его тростью.

— Ты что же это, братецъ, не отвликаешься, когда господа тебя зовутъ? — проговорилъ онъ шипящимъ тономъ, едва сдерживая свой гнѣвъ.

— Не трожь, домой ѣду! — полусонно отвѣтилъ возница.

— Какъ домой ѣдешь? Какъ домой ѣдешь? — загорячился господинъ. — Ты обязанъ везти, когда тебя господа нанимаютъ. Это твоя обязанность, на то ты и извозчикъ...

— Говорятъ: домой ѣду! Чего присталъ? — рѣзко отвѣтилъ извозчикъ, совсѣмъ очнувшись, и сильно стегнулъ по лошади.

Господинъ неожиданно остался одинъ на срединѣ улицы.

— Ска-атина, ска-ат-тина! — выразительно крикнулъ онъ въ догонку извозчику. — Въ части еще, видно, не бывалъ! Не знаешь, съ кѣмъ говоришь! Я... тебя... ракалю...

Въ воздухѣ послышалась не попадающая въ лексиконы, вслѣдствіе своей общеизвѣстности, брань. Въ то же время откуда-то послышался голосъ:

— Покойной ночи, Петръ Петровичъ! Я вотъ и дома. На дняхъ какъ-нибудь встрѣтимся, дамъ вамъ реваншъ. Отыграетесь.

Раздраженный господинъ, ничего не отвѣтивъ на любезность пріятеля, крупными шагами зашагалъ по срединѣ улицы.

Затѣмъ гдѣ-то щелкнула калитка. Вдали послышались чьи-то веселыя восклицанія: «прощайте, прощайте! Бъ намъ заходите!» Потомъ около дома Орловыхъ раздался скрипъ отворявшихся воротъ и снова задрезжали дрожки, въѣзжавшіе теперь на извозничій дворъ. Извозчикъ, въѣхавъ во дворъ, заперъ снова ворота, распрягъ лошадь, увелъ ее въ конюшню, убралъ дрожки подъ навѣсъ, продолжая все время ворчать что-то себѣ подъ носъ про сердитаго барина, какъ ворчитъ собака, когда ее случайно задѣнутъ во время отдыха. Окончивъ работу, мужикъ прошелъ на сѣноваль, снялъ верхнюю одежду, потянулся, почесался, сладко зѣвая, закурилъ трубку и легъ. Въ домѣ Орловыхъ между тѣмъ одинъ за другимъ погасли огни и въ немъ, повидимому, всѣ уснули. Вся Захолустная улица затихла и погрузилась во мракъ.

На колокольнѣ ближайшей церкви пробило два.

До разсвѣта было еще далеко и ночь, казалось, дѣлалась все темнѣе и темнѣе. Небо все болѣе и болѣе заволакивалось

тяжелыми черными тучами и мракъ становился непрогляднымъ. Только на извоищьемъ дворѣ подлѣ дома Орловыхъ мелькали по временамъ сперва изрѣдка, потомъ все чаще и чаще, точно золотыя змѣйки, какія-то странныя полоски свѣта сквозъ щели сѣновала. Иногда этотъ мимолетный, какъ молнія, свѣтъ смѣнялся легкими струйками дыма между досокъ, потомъ снова проскальзывалъ какими-то красными язычками сквозъ этотъ дымовъ. Наконецъ, и огонь, и дымъ слились мало-по-малу виѣстѣ, весь сѣноваль понемногу точно закурился и вдругъ уже изъ-подъ самой его крыши высунулись громадныя огненные языки и, перегнувшись черезъ ея навѣсъ, облизули ее всю, достигнувъ до крыши Орловскаго дома.

— Горимъ, горимъ! — стономъ пронеслось по извоищьему двору.

Черезъ минуту этотъ крикъ уже повторялся, какъ эхо, на дворѣ Орловскаго дома. Еще минута—и вся Захолустная улица проснулась, пришла въ смятеніе, огласилась отчаянными воплями:

— Пожаръ, пожаръ!

Въ непроглядной тѣмѣ осенней ночи красныя огненные языки уже змѣились по одной сторонѣ крыши новаго дома, охватывая съ яростью одну доску за другую. Смолистый свѣжій лѣсъ, масляная краска—все это трещало и шипѣло, какъ бы вступая въ ожесточенную борьбу на жизнь и смерть съ огнемъ. Въ окнахъ тѣхъ комнатъ, гдѣ уже горѣло, на огненномъ фонѣ замелькали черныя фигуры людей; въ окнахъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ еще царствовала тѣма, стали проноситься, какъ страшныя призраки, людскія тѣни со свѣчами въ рукахъ. Это напоминало китайскій фонарь. На улицѣ и на дворахъ обоихъ горѣвшихъ домовъ уже металась, толкалась и кричала толпа постороннихъ людей въ ночныхъ нарядахъ, съ растрепанными волосами. Но никто еще не зналъ, за что взяться, никто еще не могъ дать себѣ отчета, зачѣмъ онъ мечется изъ угла въ уголъ. Всѣ сознавали, что надо что-то дѣлать, что-то спасать и отстаивать, но что именно—этого никто еще не могъ сообразить. Надъ всѣми остальными чувствами брало покуда верхъ одно чувство страха. Полуодѣтыя женщины съ узлами, кадушками и стульями въ рукахъ стремительно выбѣгали изъ домовъ и неслись черезъ улицу, сваливая на противоположной сторонѣ въ общія кучи весь спасаемый скарбъ. Спасалось не то, что было особенно цѣнно, а то, что попадалось подъ руки. Спасаемыя вещи тутъ же не-

осторожно разбивались или ломались. Бѣгавшимъ людямъ попадались подѣ ноги перепуганныя куры. Онѣ растерялись, подобно людямъ, и озабоченно бѣгали, немного распустивъ крылья, изъ угла въ уголъ, толкались именно на томъ мѣстѣ, гдѣ всего больше было давки и суматохи, и кудахтали, и кричали, то присѣдая къ землѣ, то немного вспархивая на воздухъ. На обоихъ дворахъ раздавалось ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, лай и завыванье собакъ. Одна изъ собакъ, привязанная на извозничьемъ дворѣ цѣпью къ своей будкѣ, металась въ бѣшеномъ отчаяніи; она рвалась впередъ, поднималась на заднія лапы, мотала головой и неистово лаяла на каждого прохожаго, точно яростно и злобно взывая о помощи къ не обращающимъ на нее вниманія людямъ. По двору Орловскаго дома бѣгала коренастая и дюжая женщина въ одной юбкѣ и ночной кофтѣ съ неистовымъ воплемъ: «Выведите, отцы родные, коровушку! Коровушку выведите!... Охъ, смерть моя пришла, смерть! Моченьки моей больше нѣтъ, голубчики! Все сгорить, все!» Это была сама хозяйка дома, совершенно растерявшаяся отъ ужаса и отчаянія. Въ то же время на крышѣ новаго дома, осыпaeмый искрами, въ развѣвавшемся по вѣтру халатѣ, появился хозяинъ дома съ блѣднымъ лицомъ, съ вежлооченными волосами, крича изо всей силы: «Воды, воды давайте сюда!...» Невысокій ростомъ, исхудалый и тщедушный, онъ, озаренный среди тьмы отблескомъ пожара, казался какимъ-то страшнымъ фантастическимъ призракомъ, явившимся на безумный бой съ огнемъ. Онъ пытался съ неестественною силой отодрать топоромъ горѣвшія доски, разобрать крышу, спасти еще то, что уже безвозвратно пожиралось пламенемъ. Кто-то кричалъ ему: «Сходите, сходите!... Вы сами сгорите!» Но онъ ничего не слышалъ, ничего не понималъ; онъ сознавалъ только одно то, что огонь истребляетъ его гнѣздо. Въ эту минуту въ концѣ улицы послышались дикія гиканья, быстрый конскій топотъ, громъ колесъ. Въ толпѣ разомъ, точно широкой облегчающей вздохъ, пронеслось:

— Пожарные, пожарные ѣдутъ!

И вдругъ всѣмъ точно легче стало.

На улицѣ начали раздаваться ироническія замѣчанія, что пожарные вѣчно запоздаютъ: «Ишь, поторопились: еще полъ-улицы не сгорѣло, а они ужъ и тутъ!» Кто-то ядовито ораторствовалъ о томъ, какъ воруютъ эти люди, сваливая цѣнныя вещи въ бочки: «Серебро если тамъ или образа въ ризахъ—все туда со-

пругъ!» Какая-то старушонка въ свою очередь тономъ причитаний плаксиво рассказывала, что «они, голубчики, какъ на войну, на пожаръ-то ѣдутъ: и съ женами прощаются, и въ грѣхахъ каются, и ежели котораго убьютъ на пожарѣ, тому все на томъ свѣтѣ отпустится, потому мученическую кончину приялъ». Какой-то молодой фабричный, услышавъ рассказъ старушонки, серьезнымъ тономъ спросилъ ее: «А ты, бабушка, на тотъ свѣтъ-то, вѣрно, къ мужу на побывку ѣдила?» Къ пожарнымъ бочкамъ и линейкамъ уже примостились полуголые, поднятые съ постелей, ребятишки, наслаждаясь возможностью прокатиться. Еще вѣскольго минутъ—и вода начала борьбу съ огнемъ. Загремѣли топоры, зазвенѣли разбиваемыя окна. Тушеніе пожара приняло правильный ходъ.

На другой сторонѣ улицы противъ горѣвшихъ домовъ, окруженный толпой зрителей, стоялъ и ораторствовалъ господинъ почтенныхъ лѣтъ во фризовой коричневой шинели, накинутаю поверхъ халата, въ фуражкѣ съ кокардой и съ орденомъ на шеѣ.

— Я позже всѣхъ отъ нихъ вышелъ, — рассказывалъ онъ любопытнымъ слушателямъ.—Преферансъ затянулся и пришлось позже всѣхъ уйти, а дома дѣла, работа... Засидѣлся я, вдругъ слышу кричать: «пожаръ, пожаръ!» Накинулъ я шинель, взялъ фуражку, вышелъ изъ дому, гляжу: домъ Орловыхъ горитъ! Просто глазамъ своимъ не повѣрилъ: часъ тому назадъ веселились, ликовали и вдругъ!...

— Какже, новоселье справляли, — слышалось въ толпѣ.— Вчера еще утромъ Орлиха говорила въ мясной лавкѣ.

— Да, вчера новоселье, а завтра съ сумой, — замѣтилъ другой голосъ изъ толпы.

— Ну, не съ сумой, — сказалъ господинъ съ орденомъ на шеѣ:— Андрей Ивановичъ служить... Но, конечно, несчастье большое, неожиданный пассажъ...

— Благосостояніе людское—это муравейникъ, — степенно и неторопливо произнесъ стоявшій около почтеннаго оратора старикъ, тоже во фризовой зеленой шинели и въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ.— Долгимъ трудомъ создается онъ, этотъ муравейникъ, тысячами муравьевъ все прилаживается, щепочка по щепочкѣ, песчинка по песчинкѣ. Но вотъ прошелъ мимо прохожій, задѣлъ за муравьиную кучу ногой—и все рухнуло, все развалилось, сотни муравьевъ раздавлены, сотни ихъ гнѣздышекъ разорены, приходится разгребать разрушенное, отыскивать по-

страдавшихъ, вытаскивать мертвыхъ, воздвигать все снова, прилаживать, хлопотать... А прохожій, можетъ-быть, прошелъ и не замѣтилъ, что онъ совершилъ, какое горе внесъ въ муравейникъ, потому что онъ не злодѣй, не злоумышленникъ, а только орудіе иной силы.

— Это извощикъ поджога, извощикъ!—замѣтилъ кто-то въ толпѣ, нетерпѣливо перебивая плавную и наставительную рѣчь старика.

— Да, мнѣ уже рассказали объ этомъ,—серьезно отвѣтилъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—Я такъ и думалъ. Я и извощика этого видѣлъ своими глазами. Вышли мы, какъ я сказалъ, отъ Орловыхъ позже всѣхъ гостей, мой партнеръ отправлялся на Пески и сталъ звать проѣзжавшаго по улицѣ извощика, а тотъ ѣхалъ на квартиру и не сѣ согласился его везти. Они еще крупно побранились и мнѣ показалось, что извощикъ былъ подъ хмѣлькомъ.

— Да, да, пьяненькій былъ,—заговорилъ кто-то въ толпѣ.— Это вѣрно!

— Ужь, конечно,—подхватилъ другой голосъ,— на ночь на квартиру ѣхалъ, такъ въ головѣ безпремѣнно было, безъ этого нельзя, потому тамъ въ кабагѣ али въ трактирѣ залилъ, день-то весь ѣдимши.

— Ну, да!... А пріѣхалъ домой, легъ съ трубкой и заснулъ,—объяснялъ кто-то процессъ поджога.— И самъ сгорѣлъ: должно-быть, задохнулся отъ дыму и сгорѣлъ.

— Вѣчно отъ этихъ трубокъ несчастье! Вотъ человѣкъ отъ одной неосторожности и себя погубилъ, и другимъ несчастье принесъ,—размышлялъ съ глубокомысленнымъ видомъ господинъ съ орденомъ на шеѣ.—А я еще, признаюсь, посмѣялся, когда онъ не повезъ моего знакомаго пріятеля,—посмѣялся, что тотъ такъ сердится. И вотъ ужъ не могъ подумать, что отъ этого паршиваго мужичонки столько горя будетъ.

— Не отъ мужичонки, не отъ мужичонки, — проговорилъ тѣмъ же степеннымъ и наставительнымъ тономъ старикъ въ плюшевомъ картузѣ.— Мужичонко—это тотъ прохожій, который, самъ того не зная, задѣваетъ на ходу ногой за муравиную гучу, это то слѣпое орудіе, которое держитъ въ своихъ рукахъ Онъ, невѣдомый и непостижимый, обуздывающій нашу гордыню, научающій насъ смиренію и доказывающій суетность нашихъ замысловъ. Самъ этотъ мужичонко тутъ не при чемъ.

— Такъ, значить, вы не согласны, что извоцигъ поджогъ?—
всмѣшливо произнесъ господинъ съ орденомъ.—Отрицаете оче-
видный фактъ! Вѣдь всѣ говорятъ...

— Да какъ же не извоцигъ? Конечно, извоцигъ!—загово-
рили разомъ голоса въ толпѣ.—Вонъ его и тѣло нашли, уголь-
глемъ сдѣлался и не разберешь, что человѣкъ былъ. Съ него
се и началось, а то съ кого же?

— А вы все-таки не согласны?—съ ироніей сказалъ солид-
ный чиновникъ.—Такъ кто же это, по вашему мнѣнію, пожаръ-
ю произвелъ?

Старикъ усмѣхнулся и коротко произнесъ:

— Богъ!

Толпа вдругъ точно разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ
при этомъ отвѣтѣ и голоса окружавшихъ старика людей заго-
ворили какимъ-то холоднымъ, равнодушнымъ тономъ:

— Это что говорить! Конечно, безъ Бога волосъ съ головы
не упадетъ... Все отъ Бога... Безъ Бога ни до порога...

Кто-то даже замѣтилъ:

— А все же на Бога надѣйся, а самъ не плошай!

Старикъ неторопливо обернулся къ произнесшему эту послед-
нюю фразу и спокойно спросилъ его:

— Что же ты-то оплошалъ, Дементій, когда жена у тебя
отъ испуга, что собака залаяла и бросилась на нее, умерла по-
слѣ родовъ? Въ Бога-то больше бы вѣрили, тогда бы и не при-
ходилось плошать, а знали бы, что захочетъ Онъ — и отъ од-
ного лая собачьяго умрешь, не захочетъ — и бѣшенная собака
мимо тебя пройдетъ, не тронувъ тебя. А у васъ все одна пѣсня:
кого злые люди сгубили, другаго собака заѣла, третьяго изво-
цигъ поджогъ... Ну, и отбивайтесь отъ нихъ, высматривайте,
откуда бѣда идетъ, стройте муравьиныя кучи, а Онъ... вотъ
теперь повернетъ вѣтеръ вправо—вправо все сгоритъ, повернетъ
вѣтеръ влѣво—влѣво все огнемъ смететъ, усмирить стихію—и,
какъ свѣча, догорятъ эти дома и потухнутъ.

Старикъ повернулся, не обращая вниманія ни на кого, и на-
правился вдоль по улицѣ, медленно пробираясь сквозь толпу.

— Поврежденный, какъ есть поврежденный!—сказалъ кто-то.

— Это, кажется, отставной учитель Лампадовъ?—спросилъ
господинъ съ орденомъ.

— Онъ самый и есть. Мохомъ, почитай, поросъ. Какъ сычъ,
сидитъ у себя да часы мастерить да чинить, ровно настоящій

часовщикъ. Диво, какъ это онъ вышелъ сюда. Развѣ только, что Орловы-то сродственники приходится, такъ потому прибрелъ по-смотреть.

Молоденькій офицерикъ въ это время привелъ солдатъ и, разставляя ихъ около спасеннаго скарба, съ озабоченнымъ видомъ, строгимъ тономъ приказывалъ не допускать къ вещамъ никого чужаго.

— Батюшка, ваше благородіе, да кто же тутъ чужой-то? — протестовала противъ этого приказанія какая-то старушонка, копошившаяся среди хлама. — Здѣсь, почитай, что всѣ свои, захолустенскіе. Какіе же это такіе чужіе-то тутъ могутъ быть! Слава тебѣ Господи, всѣ сколько годовъ вмѣстѣ живемъ.

Какой-то молодой мастеровой, какъ видно, не мало поработавшій на пожарѣ и проходившій въ эту минуту мимо старушонки, отирая рукавомъ рубахи покрытое копотью и потомъ лицо, крикнулъ на ходу шутливымъ тономъ:

— Ай да тетка Матрена, не давай захолустенскихъ въ обиду!

Черезъ минуту тотъ же молодой голосъ гдѣ-то уже довольно далеко беззаботно пѣлъ:

«Вдоль да по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ
Сизый селезень плыветъ...»

Пожаръ между тѣмъ ужъ окончательно утихъ и толпа начала рѣдѣть. Занималось сѣрое утро.

II.

На противоположной сторонѣ улицы, въ томъ мѣстѣ около стараго забора, куда сваливали спасаемыя вещи, на грудѣ перинъ и подушекъ, среди разнаго кухоннаго хлама и домашней рухляди, сидѣлъ, скорчившись отъ холода, ребенокъ. Это былъ семилѣтній мальчикъ. На немъ была надѣта только сорочка, какія носятъ дѣвочки, съ короткими рукавчиками, съ открытымъ воротомъ. Онъ не плакалъ, но сжимался отъ страха и холода, расширенными глазами смотря на горячіе дома, на толкотню народа. Нѣсколько минутъ тому назадъ сестра подняла его съ постели и передала матери, та опять передала его кому-то, его протаскивали сквозь дымъ на улицу, опустили на грудѣ перинъ у забора и, сказавъ: «сиди!» — ушли прочь. Съ нимъ поступили какъ съ вещью. Все это было похоже на страшный сонъ; мальчикъ, казалось, не могъ никакъ очнуться отъ этого сна. Онъ не по-

нилъ, долго ли онъ просидѣлъ такъ, прежде чѣмъ его замѣтили какія-то двѣ женщины, едва не навалившія на него груды изнаго тряпья.

— Митревна, да вѣдь это Митя Орлихинскій! — воскликнула одна изъ нихъ. — Смотри-ка, смотри, въ одной рубашончкѣ, голубчикѣ! Орлиха-то совсѣмъ, видно, голову потеряла: о коровѣ заботь, а сынъ въ одной рубашонкѣ на холоду, какъ чурка, валяется!

— Потеряешь голову, какъ послѣднее добро горить, — отвѣтила другая женщина. — Только продохнули немного и, на-поди, него опять рѣшились! Домъ-то, Кузьминишна, сама, чай, знаешь, еще Пахомову заложень, а теперь и долгъ на шеѣ, и дохода нѣтъ.

— А Анна-то Андреевна куда дѣвалась? Ее бы отыскать, — сказала Кузьминишна.

— Дѣдку повела! Приключилось съ нимъ что-то, съ испугу, — отвѣтила Митревна. — Сама видѣла, какъ волокомъ его поволокли. И руки, и ноги отнялись... Вотъ ужъ справедливо горится, что бѣда не приходитъ одна.

Кузьминишна въ это время уже успѣла стащить съ себя большой платокъ и закутать въ него ребенка. Ребенокъ былъ довольно великъ и плотень, но она все-таки подняла его на руки.

— Ты куда же его берешь? — спросила Митревна.

— Да къ намъ на квартиру отнесу. Все въ теплѣ побудеть, — не здѣсь же ему погибать! — отвѣчала Кузьминишна. — Чай, и Орлиха къ намъ переберется на время. Комната у насъ пустуетъ ужъ которую недѣлю. Другой комнаты въ улицѣ теперь нѣтъ морозней.

Кузьминишна потащила ребенка, ласково приговаривая ему:

— Ишь ты, родимый, охолодѣлъ какъ! Ножонки, какъ ледъ, колодныя...

На ходу она плотнѣе укутывала его въ платокъ и торопясь дотащить до своего жилища, продолжая на ходу говорить. Не прошло и пяти минутъ, какъ ребенокъ былъ внесень черезъ рядъ темныхъ каморокъ съ старыми ширмами и пестрыми занавѣсками у кроватей въ большую, почти пустую комнату и положень на постель.

— Ну, спи, голубчикъ, спи, пока мать да сестра придутъ, — говорила ему Кузьминишна. — Тоже мать съ ногъ сбилась. Коровушку-то вывести не могла.

— А буренушка тоже сгорѣла?—прошепталь мальчикъ.

— Не знаю, родной, не знаю! Вотъ побѣгу помогать, — тоже свои люди! Слава Богу, не первый годъ въ одной улицѣ живемъ.

Кузьминишна провела по головкѣ мальчика шершавой, грубою рукой и скрылась.

Онъ остался одинъ въ темной комнатѣ. Ему не спалось. Теперь передъ нимъ еще ярче, чѣмъ за минуту передъ тѣмъ, рисовалась картина пожара. Въ его ушахъ звенѣли голоса толпы, крики матери о коровѣ, мычанье бѣднаго животнаго, и ему стало такъ жаль буренушку, этого друга дома, поившаго всю семью молокомъ, служившаго предметомъ постоянныхъ толковъ и заботъ для семьи, часто проводившей вечера въ разговорахъ о томъ, что стоитъ и что даетъ эта буренушка. И мать, и отецъ мальчугана называли ее «доброю коровой». «И Барбоска, вѣрно, тоже сгорѣла», промелькнула вдругъ мысль въ головѣ мальчика и ему стало еще тяжелѣе при этой мысли, чѣмъ при мысли о сгорѣвшей буренушкѣ. Барбоска была совсѣмъ простой дворняжкой, лохматой, неуклюжей, грязной: у нея даже имени не было, потому что «барбоска» и «собака» для жителей Захолустной улицы были равнозначущими названіями. Когда барбоска шесть лѣтъ тому назадъ пристала къ старой лачугѣ Орлихи, никто и не позаботился объ ея кличкѣ. «Какая-то барбоска пристала ко двору», сказали въ домѣ и больше не беспокоились о ней. Барбоска сама прокармливала себя; гдѣ-то около помойной ямы появлялись у нея другія маленькія барбоски, потомъ онѣ разбѣгались, а старая барбоска оставалась вѣрна Орлихинскому Митѣ. Онъ и спалъ иногда съ ней, и дралъ ее за косматые уши, и ѣздилъ на ней верхомъ. Господи, какъ ему стало ее жаль теперь! Слезы даже навернулись ему на глаза, когда въ его воображеніи такъ ярко, ярко нарисовалась картина пожара, слышались мычанье буренушки и вой барбоски, таковъ протяжный, жалобный вой, точно зывающій о помощи. Но помощи нѣтъ ни откуда, — люди таскаютъ какую-то рухлядь, перины, сундуки, стулья, всѣ мечутся, какъ угорѣлые. А пламя все ярче и ярче разгорается: вотъ красные огненные языки поднялись къ самому небу, вотъ они разрослись въ ширину, добрались до того дома, куда отнесенъ Кузьминишной Орлихинскій Митя, начинаетъ добираться до его постели—и душно, и жарко становится ему, а гдѣ-то такъ близко близко уже не воетъ, а слабо взвизгиваетъ барбоска...

Митя открылъ глаза: комната, наполненная всевозможнымъ опаленнымъ скарбомъ, была озарена яркимъ утреннимъ солнцемъ. Тутъ были и поломанные столы и стулья, и подмоченныя перины, и подушки въ грязныхъ наволочкахъ, и нигуда негодныя картонки отъ шляпъ. Все это лежало въ кучѣ, было наворочено одно на другое, беспорядочно, кое-какъ, издавало неприятный запахъ гари. Среди этого хаоса копошились люди — и мать мальчугана, и Кузьминишна, и Митревна, разбираясь среди спасеннаго скарба, точно тряпичники, разгребаящія сорную яму. Но ни эти вещи, ни эти люди не завладѣли вниманіемъ Мити: прежде всего онъ увидѣлъ и услышалъ, что недалеко отъ него около разбирающихъ вещи людей виляетъ хвостомъ и слегка радостно взвизгиваетъ его барбоска.

— Цыцъ! — тихо, но строго прикрикивала на нее мать Мити, грозя ей пальцемъ. — Мальчишку еще разбудить, — поясняла она Кузьминишнѣ. — И такъ напугался да назябся родной.

— Ужь какъ не напугаться-то, какъ не назябнуться-то было, — также тихо проговорила Кузьминишна. — Подошла это я съ узломъ, чтобы все на перины свалить, и чуть его не задавила: сидитъ онъ это, скорчившись, голубчикъ, таращить глазенки и ни духу, ни послушанія отъ него, ровно застылъ онъ.

Она уже въ десятый разъ рассказывала всѣмъ и каждому, дома и на улицѣ, какъ она спасла Орлихинскаго Митю.

— Забыла, забыла совсѣмъ о немъ, — отвѣтила Орлова. — Голову потеряла, дура окаянная! Добро спасаю, а свое дитя бросила. А для кого и коплю все, для кого и бьюсь, какъ не для него?

— Да ужь что говорить, единственный наслѣдникъ! — согласилась Кузьминишна. — Для него живете.

— Истинно, видитъ Богъ, для него, — со вздохомъ сказала Орлова. — Намъ что съ Андреемъ Ивановичемъ? — Немного ужь нужно: шесть досокъ да земли клочокъ — вотъ и все! Его поднять хочется.

И такой мягкостью, такой лаской звучали теперь голоса этихъ женщинъ, что Митя не узнавалъ ихъ. Онъ еще не слышалъ, чтобы его мать или Кузьминишна говорили когда-нибудь такимъ тономъ. У здоровой, плотной и коренастой Орлихи было всегда столько хлопотъ и по дому, и по кухнѣ, и съ коровой, что ей было вовсе не до нѣжностей. Иногда она даже очень грубо кричала сыну: «чего подъ ноги суешься!» — и давала ему шлепка по мягкой части тѣла. Правда, потомъ, когда онъ долго ревѣлъ,

она широкою рукой смазывала его по головѣ и на ходу, возясь съ ухватами и горшками, совала ему кусокъ пирога, отрывисто говоря: «Ну, на, ѣшь!» Этимъ и оканчивалась ласка и примиреніе. Кузьминишна, мѣщанка-торговка старымъ платьемъ, та обыкновенно еще грубѣе относилась вообще ко всѣмъ ребятишкамъ Захолустной улицы, а въ ихъ числѣ и къ Митѣ. Тащась съ ворохомъ стараго платья и съ узлами въ рукахъ, когда дѣти играли на немощенной и пыльной улицѣ въ бабки, она постоянно ворчала на нихъ:

— У, пострѣлята, чтобъ васъ не было! Еще подшибете бабками. Намеднись тоже курицу зашибли и виноватаго не нашлось. Пропasti-то на васъ нѣтъ!

Кузьминишна дѣлала при этомъ грозное лицо, а дѣти отвѣчали ей насмѣшками и криками:

— Стараго платья продать! Стараго платья продать!...

На эти крики Кузьминишна только плевала съ раздраженіемъ и призывала на дѣтей «холеру» и «моръ».

Барбоска первая замѣтила пробужденіе Орлихинскаго Мити, подбѣжала, съ визгомъ виляя хвостомъ, къ сѣвшему на постели мальчику, поднялась на заднія лапы, положила переднія на перину и лизнула мальчугана прямо въ лицо. Онъ размѣялся и, схвативъ ее за лохматые уши, притянулъ ее къ себѣ:

— Мамка, и буренушка не сгорѣла?—громко спросилъ онъ.

— Ишь воевода проснулся! — проговорила шутливо Кузьминишна. — Молока, видно, захотѣлъ. Теперь, братъ, не до молога ужъ, все погорѣло!

— Ну, вставай, вставай! Сейчасъ чай будемъ пить, — сказала мать и подошла къ нему.

Она наклонилась надъ нимъ, прижала его голову къ своей широкой груди и вдругъ горько разрыдалась. Съ усиленіемъ и долго подавляемыя слезы лились теперь неудержимо. Она все утро бодрилась, даже старалась шутить, но теперь напускная бодрость вдругъ исчезла и горе прорвалось наружу. Мальчикъ никогда не видѣлъ прежде, чтобъ его мать когда-нибудь плакала, и смутился и оробѣлъ.

— Мамка, все у насъ сгорѣло? — совсѣмъ упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Все, голубчикъ, все!—отвѣтила она, рыдая.

— Полно, голубушка, Марья Федоровна, убиваться, — ласково замѣтила ей Кузьминишна. — Богъ взялъ, Богъ и дастъ.

— Да, да, на Него только и надежда, — отвѣтила Орлова, хлипявая. — Сама знаю, что грѣхъ роптать, а не могу... Легче ють стало, какъ поплакала.

Она быстро стала отирать слезы и поспѣшила снова приняться а разборку вещей. Ей, казалось, хотѣлось забыть, заглушить юе горе среди работы, среди движенія, среди физическихъ усий. Она какъ будто сердилась на свое малодушіе, какъ будто тѣдилась его. До этой поры люди знали ее, какъ непоколебимовердую, выносливую и гордую женщину, ни на что не роптавпую, никому не жаловавшуюся на свою судьбу, какъ бы ни приодилось плохо.

— Да ты скажи, буренушка-то сгорѣла? — снова раздался юпросъ мальчика.

— Не сгорѣла, не сгорѣла, вставай только! — отрывисто отѣтила мать, глотая слезы. — Прибрать вотъ все надо, устроиться... Теперь работы-то по горло, — не до разговоровъ...

Играя съ собачонкой, мальчикъ сталъ одѣваться. Онъ вовсе еще не сознавалъ размѣровъ постигшаго его семью несчастья. Женщины снова усердно занялись разборкой и уборкой спасенной рухляди. Марья Ѳедоровна дѣлала свое дѣло порывисто, торопливо, точно на кого-то или на что-то сердилась. Но иногда, вытащивъ какое-нибудь испачканное грязью, совсѣмъ еще мокрое, полуобгорѣвшее платье и встряхнувъ его, она вдругъ опускала его на полъ, точно ей не подъ силу было его удержать, и закрывала руками лицо, заливаясь слезами. Кузьминишна и Митревна переглядывались между собою и, вздыхая, сочувственно качали головами, точно говоря: «убивается о своемъ добрѣ, голубушка!» Иногда Кузьминишна была не въ силахъ сохранить молчаніе и спрашивала:

— Да неужто это то крепрашелевое платье, что ты, голубка, къ именинамъ-то дѣлала?

— Оно, оно! — со слезами отвѣчала Марья Ѳедоровна.

— Господи, тряпка тряпкой стало! — вздыхала Кузьминишна. — Куда теперь годится!...

Марья Ѳедоровна безнадежно махала рукой, какъ бы говоря этимъ жестомъ, чтобы не растравляли ее рань. И безъ разговоровъ было тяжело. Но эти минуты слабости быстро проходили и Орлова еще энергичнѣе принималась за дѣло, сдвинувъ брови и поджавъ губы. Не даромъ же говорили про нее обыватели Захолустной улицы: «король-баба!» А ужъ они ли не знали ее:

Орлиха выросла въ Захолустной улицѣ, замужъ здѣсь вышла и вотъ давно уже матерью сдѣлалась, а все изъ Захолустной улицы не выѣзжаетъ.

Исторія Орловыхъ была простая, будничная исторія той голи, которая носитъ названіе въ обществѣ «мелкаго чиновничества» и «канцелярскихъ крысъ» на жаргонѣ захолустенскихъ обывателей. Дитя промотавшейся и обнищавшей помѣщицкѣй семьи, образованная по-старинному, то-есть почти совсѣмъ не образованная, и оставшаяся чуть не безъ куска хлѣба на мостовой послѣ смерти отца и матери, Марья Ѳедоровна очень молодою дѣвушкой вышла замужъ за Андрея Ивановича Орлова, молоденькаго мелкаго канцеляриста, едва сводившаго концы съ концами. Молодые люди страстно любили другъ друга и потому въ будущее не заглядывали, а захолустенскіе обыватели, смотря сочувственно на браки вообще, говорили:

— Отчего дѣвкѣ было и не выйти, благо добрый человѣкъ навернулся. Все равно съ голоду помирать бы пришлось.

Долго бились молодые супруги съ нуждой, бились, какъ бьются сотни и тысячи подобныхъ людей, дабавляя къ жалованью кое-какіе гроши частною работою. Андрей Ивановичъ, маленькій, худенькій и сдержанный человѣкъ, не имѣлъ никакихъ особенныхъ знаній, никакихъ талантовъ, никакихъ протекцій, но это былъ покорный рабочій волъ, готовый безропотно просиживать цѣлые дни и ночи надъ перепиской бумагъ, не разгибая спины. Его считали добрымъ, честнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ и только. Никто не видѣлъ въ немъ ничего оригинальнаго, ничего характернаго; онъ былъ неразговорчивъ въ обществѣ; онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды своихъ юныхъ товарищей, игралъ такъ же, какъ они, на гитарѣ и такъ же, какъ многіе изъ нихъ, сантиментально пережилъ эпоху своего высшаго блаженства, эпоху первой и послѣдней любви, кончившейся свадьбой и удвоеніемъ работы. Марья Ѳедоровна была одной изъ тѣхъ бойкихъ русскихъ женщинъ, отъ которыхъ вѣтъ здоровьемъ и силой. Хорошо ли ее воспитали и обучили, это было трудно опредѣлить сразу; но что ее хорошо выкормили, это было видно при первомъ взглядѣ на нее. Узкіе лифы и корсеты не сдавливали этой полной груди и этой широкой талии, а плотныя и загорѣлыя руки, повидимому, привыкли не столько къ ношенію перчатокъ, сколько къ работѣ. Она умѣла не только работать, но умѣла и искать работу, не тяготилась обходить десятки ма-

газиновъ, чтобы только запастись заказами. Въ ея бойкомъ умѣ въявно роились новые планы, новыя мечты о заработкахъ и доходахъ. Однимъ изъ этихъ плановъ было приобрѣтеніе коровы и она съумѣла откладывать по грошамъ, чтобы купить корову и начать продавать молоко и сливки.

По ея же мысли, ея мужъ и она стали дѣлать свѣтильни для лампадъ, игрушки для вербъ, фонарики для ёлокъ. Она часто, смѣясь, говаривала, что еслибъ у нея было десять рукъ, такъ ей и того было бы мало. Она отбивалась отъ нужды, какъ отъ врага и хитраго врага, стараясь обмануть его или застать врасплохъ. Она не допивала и не доѣдала, чтобы отложить на черный день грошъ—этотъ вѣрный признакъ побѣды надъ нуждой. Но, къ несчастію, нужда отвѣчала ей болѣзнями и смертью дѣтей, пожирая эти отложенные гроши. Эта борьба длилась не годъ, не два: Андрей Ивановичъ успѣлъ высохнуть и получить геморроидальный цвѣтъ лица, Марья Ѳедоровна успѣла потерять красоту и свѣжесть молодости, сильно огрубѣвъ среди черной работы, какъ вдругъ судьба сжалилась надъ ними: имъ достался въ наслѣдство клочъ земли почти съ разваливавшимся домомъ. Это случилось какъ разъ во время рожденія Мити и Орловы увидали въ этомъ предзнаменованіе. Они переѣхали въ свой домъ и всѣ ихъ помыслы направились теперь къ одной мысли—къ постройкѣ новаго дома. Въ старой лачугѣ можно было прожить недолго, такъ какъ она грозила полнымъ разрушеніемъ, продать же мѣсто—это значило идти противъ самого Бога. Развѣ не самъ Богъ ниспослалъ эту землю на долю Мити? Развѣ могло это сдѣлаться такъ, случайно? Да, наконецъ, какое свѣтлое будущее ждетъ ихъ, когда они построятъ домъ, отдадутъ понемногу долги, сдѣланные при его постройкѣ, начнутъ получать доходъ съ жильцовъ! Эти мечты и планы спасли ихъ еще на шесть-на семь лѣтъ отъ отчаянья, уже начинавшаго овладѣвать ими въ бесплодной борьбѣ съ нищетой. Они точно снова ожили и воскресли отъ надеждъ на свѣтлое будущее и вся Захолустная улица была заинтересована ихъ проектами.

— А Орловы-то новый домъ собираются строить!

Эта фраза говорила и повторялась на всѣ лады и къ чести захолустенцевъ надо сказать, что къ ней всегда прибавлялось доброе пожеланіе съ замѣчаніемъ:

— Ну, да и побились же они!

И вдругъ всё эти мечты рухнули разомъ: впереди снова стоялъ призракъ прежней нужды, прежней борьбы безъ прежней бодрости, безъ прежней силы. Нужно было имѣть такую силу воли, какою была надѣлена Орлова, чтобы не пасть сразу подъ этимъ ударомъ судьбы среди всѣхъ этихъ обломковъ и обрывковъ всего домашняго скарба, скопленнаго въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ. Орлова пересиливала свое горе съ упорствомъ гордой женщины, никогда никому не кланявшейся, никогда ни передъ кѣмъ не хныгавшей, никогда ни къ кому не ходившей за совѣтомъ и за помощью. Чего это стоило ей, знала только она сама.

III.

— Ума не приложу, гдѣ мы свои головы приклонимъ, говорила въ своей семьѣ Орлова чуть не каждый день послѣ пожара. — И при покойныхъ родителяхъ въ своемъ домѣ жила, и вотъ въ эти семь лѣтъ къ своему углу опять пристроилась, а теперь ходи, ищи себѣ пріюта... Кажется, въ дворницкой конурѣ приткнулась бы теперь, только бы знать, что это собственный уголъ, а не чужой, не наемный...

Этотъ вопросъ—вопросъ о наймѣ новой квартиры—сдѣлался для Орловыхъ злобой дня. Оставаться въ комнатѣ, занятой по неволѣ на время, было слишкомъ тяжело для семьи, привыкшей жить осѣдло, своимъ хозяйствомъ. Но какую нанять квартиру?—Этотъ вопросъ обсуждался всѣми членами семьи ежедневно, вызывая разныя соображенія, разные расчеты. Устроиться хотѣлось и поудобнѣе, и подешевле. При маленькой квартирѣ нечего было и думать найти помѣщеніе для коровы, а продать корову значило лишиться извѣстнаго дохода. Опытъ же прошлыхъ лѣтъ показывалъ, насколько выгодна продажа молока и сливокъ. Взять квартиру побольше однимъ было невыгодно. Приходилось остановиться на мысли нанять комнаты три и двѣ отдать жильцамъ.

— Можетъ-быть, попадутся и смиренныя, только бы бабъ не пришлось пускать, а то сплетенъ, да пересудовъ, да дрызгъ не оберешься,—разсуждала Орлова.

Этотъ планъ и рѣшились привести въ исполненіе. Вопросъ, гдѣ нанять квартиру, даже и не обсуждался,—такъ привыкла семья къ Захолустной улицѣ. Выѣхать изъ Захолустной улицы ей казалось просто невыносимымъ, такъ какъ тутъ и она всѣхъ

чала, и ее всё знали. У́ехать отсюда значило у́ехать на чужую сторону, покинуть родину. Орловы, подобно всѣмъ захолустенцамъ, когда имъ приходилось ходить въ Гостиный дворъ или на Невскій проспектъ, говорили, что они ходили «въ городъ», точно они жили не въ городѣ, а гдѣ-то въ пригородной деревнѣ. Подходящая квартира въ Захолустной улицѣ нашлась. Она была не особенно казиста, но теперь было не до заботъ о вѣшности. «Не до поживы, а были бы живы», говорила, вздыхая, Орлова. Квартира имѣла одно достоинство, но оно было самое важное, — она была дешева, такъ какъ помѣщалась въ полуразвалившемся домѣ и ея окна касались земли. Это былъ не подвалъ, но первый этажъ вросшаго въ землю дома. Семья стѣснилась въ одной комнатѣ, раздѣленной на двѣ части драпировкою, и въ кухнѣ. Въ двѣ лучшія комнаты нашлись скоро посторонніе жильцы изъ холостыхъ сослуживцевъ Орлова. За драпировкою устроили постель для «дѣдки», съ трудомъ подымавшегося съ мѣста, и примостили у стѣны дощечки для Мити. Въ другой половинѣ комнаты на диванѣ спала Анна Андреевна. Въ кухнѣ была спальня Марьи Федоровны и Андрея Ивановича. Вздохи и слезы Марьи Федоровны нѣсколько утихли, покуда семья жила на бивуакахъ, покуда нужно было хлопотать о приобрѣтеніи разныхъ грошей и о наймѣ своего угла да скрывать отъ чужихъ людей свое горе; но теперь, когда пришлось снова обставлять свой уголъ и приниматься за хозяйство, горе опять охватило сердце бѣдной женщины и вырывалось наружу. Въ своей семьѣ, въ своихъ четырехъ стѣнахъ она не стыдилась своихъ слезъ. Разставляя мебель, Орлова замѣчала, что «вотъ тутъ хорошо бы диванчикъ поставить», и вдругъ ей вспоминался ихъ за-ново обитый пестрымъ ситцемъ диванъ, сгорѣвшій въ новомъ домѣ, и у нея перехватывало голову. Порой вдругъ встрѣчалась надобность въ какой-нибудь кочергѣ или сковородникѣ, а между тѣмъ этихъ вещей не находилось, и въ умѣ домовитой хозяйки болѣзненно повторялась, какъ удары молота, мысль: «и все было, все было, и ничего теперь нѣтъ». Иногда подъ влияніемъ этихъ думъ въ сердцѣ Орловой стала появляться какая-то смиренная, безотвѣтная покорность Провидѣнію; порою это горячее сердце вдругъ начинало волноваться, протестовать, съ языка срывался ропотъ на Бога, на лицъ появлялось выраженіе озлобленія и ожесточенія.

— Красть не умѣли, оттого и нищими стали, а крали бы, такъ капиталъ бы былъ, — срывалось у нея съ языка въ эти ми-

нуты раздраженія.—Какъ посмотришь на свѣтъ да на людей, такъ и увидишь, кто живетъ-то припѣваючи: одни христопродавцы да кровопійцы. Съ ближняго шкуру сдерутъ,—ну, имъ и не холодно!

Эта неровность, появившаяся въ ея характерѣ, отзывалась иногда на домашнихъ—на мужѣ, на дочери, на сынѣ. Эти люди частенько слышали, что они только подъ ноги суются, что они только обувь треплютъ, что они только и знаютъ, что ѣсть, когда въ домѣ всего въ обрѣзъ. Иногда же они видѣли слезы Марьи Федоровны и слышали, какъ она говорила:

— Хоть бы прибралъ меня Господь,—сама себѣ въ тягость стала, всѣхъ пилю, всѣхъ поѣдомъ ѣмъ, точно ржа желѣзо, когда только въ мирѣ да въ согласіи все и счастье осталось.

Дѣйствительно, никогда она еще не бывала такою несправедливою къ ближнимъ и никогда не ощущала такъ болѣзненно малѣйшей несправедливости, нанесенной имъ ею же самою.

Никто не понималъ, не угадывалъ чутьемъ этого такъ отчетливо и ясно, какъ Анна Андреевна. Эта незамужница, какъ ее прозвали чуть ли не съ шестнадцатилѣтняго возраста, сильно поблѣднѣвшая, сильно похудѣвшая за послѣднее время, дошла до той степени нервной впечатлительности, когда люди просыпаются ночью отъ заглушаемыхъ рыданій, раздающихся въ другой комнатѣ, когда по одному рѣзкому жесту, по мимолетному выраженію лица угадываются цѣлыя драмы, совершающіяся въ чужой душѣ, когда человѣкъ начинаетъ жить вѣчно на-сторожѣ, чутко прислушиваясь къ чему-то, мугливо ожидая чего-то, точно вотъ-вотъ сейчасъ должно случиться какое-то несчастье. Анна Андреевна, угадывая все, что переживала мать, стихла еще больше прежняго, работала еще усерднѣе, чѣмъ когда-нибудь, сносила все еще безропотнѣе, чѣмъ въ былые дни. Она, казалось, даже не замѣчала, что иногда ея рука сама собою переставала шить, а глаза устремлялись безсмысленно въ одну точку, что иногда ея работа дѣлалась мокрою отъ капавшихъ на эту работу слезъ.

Это настроеніе семьи, походившее на настроеніе близкихъ родныхъ, возвратившихся въ опустѣвшій домъ послѣ похоронъ любимого человѣка, дѣлалось еще безотраднѣе вслѣдствіе присутствія въ домѣ больного дѣдки. Параличъ, разбившій во время пожара престарѣлаго отставнаго служаку изъ «сдаточныхъ», дотянувшего до офицерскаго званія, почти лишилъ его возможности

правлять одною ногой и одною рукой и сильно повліялъ на его душевныя способности. Старикъ говорилъ невнятно, перезабылъ все происходящее вокругъ него и помнилъ только отдаленную старину. Всѣ давно умершіе его сверстники и сослуживцы представлялись ему живыми и онъ то собирался къ нимъ въ гости, то приказывалъ пригласить ихъ къ нему. Бредъ всегда производить тяжелое впечатлѣніе, наполняя душу непонятнымъ, таинственнымъ и, можетъ-быть, отчасти суевѣрнымъ страхомъ. Здѣсь же этотъ бредъ дѣйствовалъ еще тяжелѣе, раздаваясь по цѣлымъ днямъ среди могильной тишины, среди мертваго безмолвія, среди тоскливо настроенныхъ людей. Семья было не до особенныхъ заботъ за старикомъ, когда нужно было думать о насущномъ хлѣбѣ: самъ Андрей Ивановичъ, сдѣлавшійся еще болѣе молчаливымъ и сосредоточеннымъ, почти не бывавшій дома, работалъ, какъ волъ, оставался иногда въ должности по цѣлымъ суткамъ, ради лишняго заработка дежуря за другихъ, переписывая за другихъ бумаги; Марья Федоровна металась изъ угла въ уголь, вся поглощенная приведеніемъ въ порядокъ хозяйства и домашнею обыденною работой; Анна Андреевна шила, не разгибая спины, молча, безропотно и покорно. Старикъ иногда просто становился въ тягость этимъ людямъ своею косноязычною болтовней, своими безумными выходками, нерѣдко переходившими въ буйство. Но у него, къ счастью, нашелся слушатель и товарищъ.

Митя сильно присмирѣлъ послѣ пожара: испугъ, произведенный этимъ несчастіемъ, раздражительность матери, тоскливо настроеніе сестры, тишина въ домѣ—все это повліяло на ребенка подавляющимъ образомъ и онъ какъ будто немного захирѣлъ. Его теперь рѣже отпускали на улицу, у него не было простора дома, онъ не могъ зазывать къ себѣ пріятелей, такъ какъ они мѣшали, совались подъ ноги и пачкали полы, а Марья Федоровна теперь опять сама мыла полы. И мальчикъ началъ мало-по-малу засиживаться подлѣ дѣдки. Дѣдъ по цѣлымъ часамъ, не умолкая, рассказывалъ внуку про Аракчеева, про двѣнадцатый годъ, про четырнадцатое декабря, про наводненіе, про холеру, про все, что въ прошломъ выдѣлялось, какъ яркія пятна, на сѣренькомъ фонѣ однообразной, будничной жизни старика. Это были не то дѣйствительныя воспоминанія бывалаго человѣка, не то полуфантастическія легенды, сотканныя по канвѣ пережитыхъ историческихъ событій. Передъ мальчикомъ открывался новый міръ,

таинственный, завлекательный и широкій, вовсе не похожій на будничную жизнь Захолустной улицы. Ребенокъ иногда словно застывалъ, когда полусумашедшій старикъ, съ огромной, косматой, сѣдою головой, торопясь и не договаривая фразъ, сильно жестикулируя и свергая глазами, описывалъ битвы и бунты, отрывисто выкригивая глухимъ голосомъ:

— Пли! Пифъ-пафъ!... Бей ихъ! Баць-баць!...

По тѣлу ребенка пробѣгала дрожь, глазенки расширились и онъ съ открытымъ ртомъ, смотря на эту всклокоченную, сѣдую голову, видѣлъ яркія, страшныя картины, переживалъ всѣ ужасы этихъ новыхъ для него сценъ,—сценъ давно прошедшей старины. Массы людей, проходящихъ сквозь строй на смерть, тысячи труповъ на полѣ сраженія, горящая со всѣхъ концовъ Москва, бунтующій на площади народъ, мрачныя висѣлицы съ качающимися подъ ними трупами, смоленные гробы на телѣгахъ, тянувшихся вереницей къ кладбищу, могучій царь, во весь ростъ стоящій въ коляскѣ и громовымъ голосомъ повелѣвающій народу: «На колѣни, молитесь!»—все это, какъ въ калейдоскопѣ, проходило въ его воображеніи. А зимнія сумерки постепенно все сгущались и сгущались крутомъ, наполняя комнату тьмою, и при слабомъ свѣтѣ теплящейся у образа лампы и эта комната, и ея драпировка, и образъ дѣда—все принимало какія-то странныя, неясныя и измѣнчивыя формы, и ребенку становилось и хорошо, и жутко. Бывало, стоило въ это время чему-нибудь упасть въ комнату кому-нибудь стукнуть въ окно или крикнуть на улицѣ, и у ребенка мгновенно сбѣгала краска съ лица,—ему становилось такъ холодно, такъ страшно...

Въ эти минуты мать не могла дозваться его къ ужину и махала рукой.

— Старый да малый одно и то же!—говорила она въ этихъ случаяхъ и была, въ сущности, рада, что сынъ не треплетъ дѣромъ сапогъ, а дѣдъ не отрываетъ никого отъ дѣла.

Иногда дѣдъ бывалъ не въ духѣ, не въ ударѣ, и сурово молчалъ или собирался переѣзжать и начиналъ ругаться. Въ семьѣ всѣ боялись этихъ припадковъ раздраженія, такъ какъ старикъ уже не разъ отъ брани начиналъ переходить къ дракѣ въ припадкѣ сумасшествія. Какой-то инстинктъ научилъ Митю являться въ эти минуты успокоителемъ старика. Мальчуганъ очень серьезно отыскивалъ какой-нибудь листъ печатной бумаги и направлялся къ дѣду.

— Слушай, я газету тебѣ буду читать,—говорилъ онъ, поджавиваясь къ дѣду и развертывая передъ собой бумагу.

— Что пишутъ-то?—отрывисто спрашивалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

— Наши турокъ побили,—пояснялъ мальчикъ.—Большое, большое сраженіе было. Турокъ было много, много, а нашихъ мало, мало. Вотъ наши бросились на нихъ и побили ихъ...

— Это наши-то?—спрашивалъ болѣе спокойнымъ тономъ заинтересованный новостью дѣдъ.

— Наши,—подтверждалъ мальчуганъ.

— Ну да, наши, извѣстно, молодцы. Всегда побьютъ,—замѣчалъ старикъ, окончательно успокоиваясь.—А что про императора Александра Павловича-то пишутъ?

— А вотъ погоди, я поищу,—отвѣчалъ Митя и съ серьезнымъ видомъ переворачивалъ листъ.—За границу уѣхалъ, пишутъ,—замѣчалъ онъ.

— Ну, Госнодь съ нимъ, пусть покатается,—добродушно говорилъ старикъ.—Онъ не въ первый разъ за границу уѣзжаетъ. Въ двѣнадцатомъ году, когда мы выгнали Наполеона изъ Москвы, нашъ императоръ Александръ Павловичъ...

Дѣдъ начиналъ длинный разговоръ про покойнаго императора уже семьѣ нечего было опасаться, что онъ забурлитъ снова.

— Врутъ другъ другу, что на умъ взбредеть!—замѣчала съ смѣшкой Орлова, слыша ихъ бесѣду.

Чѣмъ чаще повторялись эти бесѣды, тѣмъ изобрѣтательнѣе становился Митя. У него сильно начала работать фантазія и для него уже ничего не стоило придумать какую угодно длинную исторію для успокоенія старика,—разказы этого старика дали такой обильный матеріалъ для воображенія ребенка. Съ каждымъ днемъ Митя дѣлался все болѣе и болѣе сосредоточеннымъ и исполнялъ свою роль успокоителя съ невозмутимой серьезностью зрѣлаго человѣка, утѣшающаго ребенка. Онъ давалъ волю своему воображенію и въ то же время сознавалъ, что онъ выдумываетъ, изобрѣтаетъ съ цѣлью успокоить старика. Иногда никуда уже не выходившему изъ-за своей драпировки дѣду приходила поздно вечеромъ фантазія покататься и онъ начиналъ на всю квартиру кричать глухимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Извощикъ!... Извощикъ!

Митя безмолвно поднимался съ мѣста и направлялся за драпировку.

— Подаю-сь!—громко произносилъ онъ и обращался къ мнимой лошади.—Тпру, тпру... Чего не стоишь? Видишь, баринъ кататься хочет...

Начинался продолжительный торгъ и, наконецъ, возница объявлялъ:

— Ужь такъ и быть, садитесь!—и, подергивая невидимыми возжами, приговаривалъ:—Ну, ну, пошла! Баринъ на чаекъ прибавить! Баринъ у насъ добрый!...

Ѣзда продолжалась иногда довольно долго; возница все понукалъ и понукалъ свою воображаемую клячонку; старикъ дышалъ все ровнѣе и ровнѣе. Наконецъ, Митя, серьезный и спокойный, важно заложивъ, какъ взрослый, руки за спину, на цыпочкахъ выходилъ изъ-за драпировки и тихо объявлялъ:

— Заснул!

Всѣ смѣялись надъ старымъ да малымъ, потѣшающими другъ друга сказками да игрушками, и оставляли ихъ въ покоѣ, отдаваясь неотложнымъ заботамъ о кускѣ насущнаго хлѣба. Нужда чувствовалась слишкомъ сильно послѣ полного довольства и этимъ людямъ некогда было прислушиваться къ такимъ пустягамъ, какъ рассказы Мити дѣду о томъ, что сдѣлаетъ онъ, Митя, сдѣлавшись генераломъ вмѣсто Аракчеева, хотя этотъ рассказъ объ отпущеніи всѣхъ солдатъ на волю, о раздачѣ всѣмъ бѣднымъ людямъ хлѣба, о наказаніи всѣхъ, кто притѣсняетъ народъ, былъ, можетъ-быть, не безынтересенъ и довольно остроуменъ для ребенка. Не менѣе грандіозная картина развивалась въ рассказѣ мальчугана о томъ, какія почести ему окажутъ за то, что онъ облагодѣтельствуетъ всѣхъ. Рассказывая объ этихъ почестяхъ, мальчуганъ захлебывался отъ восторга и сверкалъ глазенками.

— На бѣломъ конѣ я приѣду, вотъ какъ Георгій Побѣдоносецъ ѣздитъ,—говорилъ онъ,—и всѣ, всѣ станутъ на колѣнки...

Дѣдъ слушалъ его, опустивъ на грудь голову, и бормоталъ тихо:

— Да, да, на бѣломъ конѣ и всѣ на колѣняхъ стоять... Нѣтъ, вотъ миѣ такъ не привелось, не привелось!...

— Да ты же со мной будешь, я же твой внукъ! Ты впереди всѣхъ, подлѣ меня,—утѣшалъ его Митя, воодушевленный любовью къ дѣду.—Ты всегда, всегда со мной будешь!

И онъ цѣловалъ старика.

Иногда картины, пронесившіяся въ воображеніи ребенка, дѣлались такими широкими и яркими, что мальчигъ не находилъ

словъ для ихъ изображенія и молчаливо углублялся въ свои фантазіи, уже не дѣлясь ими даже съ дѣдомъ. Онъ дѣлялся не только генераломъ вмѣсто Арагчеева, но генераломъ надъ всѣми генералами, выше всѣхъ, выше всѣхъ генераловъ, и оказывалъ благодѣянія не однимъ солдатамъ и бѣднымъ, а всѣмъ, всѣмъ; ему оказывались самыя невѣроятныя почести, ему кланялись въ землю, передъ нимъ стояли на колѣняхъ, ему цѣловали руки. Среди этихъ яркихъ грезъ о благодѣяніяхъ и почестяхъ являлись и злобныя мысли о мщеніи, о пыткахъ, о казняхъ. «А хриstopродавца Пахомова казнить буду», мысленно заключалъ Митя и въ его умѣ возникали картины самыхъ страшныхъ пытокъ и казней, о какихъ онъ зналъ. Онъ вытягивалъ изъ Пахомова шнуръ, онъ вырѣзалъ изъ его спины ремни, онъ рвалъ ему ноздри, онъ сжигалъ его живымъ. Въ эти минуты грудь его поднималась высоко, глазенки становились темными и мрачными и поблѣднѣвшія губы шептали: «Такъ тебѣ и надо, хриstopродавецъ!» Граница между фантазіей и дѣйствительностью исчезала и Митя не могъ дать себѣ отчета, казнилъ ли онъ Пахомова или только собирается еще казнить его.

Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе отличалъ мальчуганъ, что онъ придумываетъ для успокоенія дѣда и во что глубоко наивно вѣритъ самъ. Рассказывать дѣду о небывалыхъ событіяхъ сдѣлалось для него уже насущною потребностью. Онъ мало-по-малу сталъ даже горячо отстаивать правдивость и реальность своихъ грезъ. Анна Андреевна, инстинктивно начинавшая съ тревогой прислушиваться къ болтовнѣ ребенка, замѣтила ему разъ:

— Что это ты какъ выдумывать научился, Митя! Это не-корошо!

— Что я выдумываю? Я ничего не выдумываю!—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же не выдумываешь? Говоришь, что будешь генераломъ,—начала она.

— И буду генераломъ, и буду!—настойчиво перебилъ онъ ее запальчивымъ тономъ.

— Ну да, будешь!—съ улыбкой проговорила она.

— А чѣмъ же я буду? Чѣмъ? Ну, говори, говори!—горячо спрашивалъ онъ.

Она затруднялась отвѣтить: ей было тяжело думать, тяжело высказывать, что и онъ будетъ такимъ же бѣднымъ чиновни-

комъ, какъ его отецъ. Она сама такъ страстно желала видѣть его генераломъ.

— А вотъ и не можешь сказать, и не можешь!—загорячился еще болѣе мальчикъ.—Язычокъ-то, небось, прикусила! А я знаю, что я буду генераломъ и всѣхъ спасу, и Пахомова казнить буду и... и... Вотъ ты увидишь, ты увидишь!...

Онъ едва переводилъ духъ отъ волненія.

— Полно, полно, что ты злишься-то!—остановила она его.—У насъ нынче говорить ни съ кѣмъ нельзя,—всѣ злятся...

Мальчуганъ нахмурилъ брови и молча ушелъ къ дѣду, не то сконфузившись, не то сердясь на сестру.

И вдругъ новая неожиданность внесла переѣну въ эту жизнь.

На дворѣ стоялъ уже декабрь, разсвѣтало поздно и старшіе члены семьи Орловыхъ вставали при огнѣ. Самъ Орловъ уходилъ въ должность натоцагъ, его жена и дочь принимались за работу и только около десяти часовъ садились пить кофейныя переварки, когда уже просыпались Митя и дѣдка. Въ одно такое утро Митя проснулся позже обыкновеннаго и вышелъ въ кухню, когда кофейникъ уже стоялъ на столѣ.

— А дѣдка проснулся?—спросила его мать.

— Нѣтъ еще, спитъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, умойся да и буди его... Бѣда тоже, какъ заспится,—обратилась Марья Федоровна къ дочери.—Я ужь сколько разъ замѣчала, что какъ онъ переспитъ, такъ потомъ и блажить весь день. А проснется рано, такъ потомъ днемъ и дремлетъ...

Ребенокъ умылся, прочиталъ утреннюю молитву, поцѣловалъ мать и сестру и пошелъ будить дѣда. Черезъ двѣ-три минуты онъ вернулся обратно въ кухню и объявилъ, что дѣдка крѣпко-крѣпко спитъ.

— А самъ озябъ, холодный такой,—добавилъ мальчуганъ.

Сами не сознавая отчего, мать и дочь встревожились.

— Аня, поди, побуди его,—сказала Орлова.—Нехорошо это, что такъ спитъ.

Анна Андреевна встала и пошла къ дѣду.

— Мама,—вдругъ раздался ей голосъ изъ комнаты.—Мама, идите сюда!

Орлова быстро направилась на зовъ дочери, торопливо зашла за драпировку и не успѣла еще ничего спросить, какъ услышала тихій шепотъ дочери:

— Умеръ!...

— Да что ты!—воскликнула Марья Федоровна.

Она рванулась къ постели старика, схватила его руку, пощупала его лобъ и, точно подкошенная, опустилась на стулъ. Трупъ старика успѣлъ уже и остыть. Анна Андреевна стояла неподвижно, съ опущенной на грудь головой, не выпуская изъ рукъ мертвой руки дѣда.

Семья, въ сущности, въ тайнѣ давно уже ждала этой смерти и все-таки эта смерть никому ненужнаго, всѣхъ тяготившаго человѣка явилась страшною неожиданностью. Обѣ женщины растерялись.

— Голубушка ты моя, что же мы дѣлать-то будемъ? Дѣлать-то что будемъ?—тихо произнесла Марья Федоровна, какъ бы очнувшись.—Ничѣмъ ничего у насъ нѣтъ... Продохнуть не успѣли, собраться съ силами еще не могли... Живъ былъ—тяготились, что живеть, умеръ...

У Марьи Федоровны перехватило голосъ и она вдругъ смолкла, заливаясь горькими слезами. Анна Андреевна тихо подошла къ ней и обняла ее. Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Мать и дочь плакали, не говоря ни слова. Наконецъ, Орлова встала, отерла слезы и подавленнымъ голосомъ проговорила:

— Надо же обмытъ, положить на столъ, распорядиться...

Она бросила взглядъ на покойника.

— Точно спать, точно спать, родной! И не знаетъ, не вѣдаетъ, что кругомъ творится, что вотъ плачемъ мы...

Она опять не договорила своей мысли. Ей было тяжело вымолвить громко то, что она чувствовала, сознаться, что она плачетъ не о немъ, а о томъ, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ на похороны, что имъ въ тягость эти похороны, что они подоспѣли не во-время. Анна Андреевна безъ словъ угадывала эту мысль и точно камень какой давилъ ей сердце.

Не прошло и четверти часа, какъ вся семья пришла въ движеніе, началось обмыванье покойника, перенесеніе его на столъ, отрывочные толки, невольныя слезы, навертывавшіяся на глаза. Митя спрашивалъ, проснется ли дѣда или не проснется, увезутъ ли его тоже въ гробу хоронить, какъ хоронили одного изъ ихъ сосѣдей.

Въ хлопотахъ и бѣготнѣ Марья Федоровна еще кое-какъ бодрилась, но во время первой панихиды снова разрыдалась.

— Полно, голубушка Марья Федоровна, полно,—съ участіемъ уговаривала ее Митревна.—Слезами не пособишь горю. Тебѣ

себя надо беречь,—тоже свалишься, такъ не сладко будетъ... Оно, конечно, тяжело: продохнуть не успѣла еще, а тутъ шуточное ли дѣло какіе расходы.

— Богъ съ ними, съ расходами,—отвѣтила Марья Федоровна.—Онъ-то... тоже не чужой былъ... И горе, и радости вмѣстѣ...

— Ну, онъ-то ужь не жилецъ былъ на свѣтѣ,—отвѣтила Митревна,—въ тягость и себѣ, и другимъ былъ... Онъ-то что!... Вотъ какъ собьешься-то съ деньгами...

Марья Федоровна ничего не отвѣтила. Въ корридорѣ она услышала разговоръ двухъ сосѣдокъ.

— Ну, чего имъ о старикѣ-то убиваться,—говорила одна.—Давно, поди, только и ждали его смерти. Плачутъ, извѣстно, о томъ, что хоронить нечѣмъ. Тоже жилъ—всѣхъ тяготилъ, умеръ—родныхъ по міру пустилъ.

— А сами виноваты, въ больницу бы отправили во-время, такъ теперъ и хоронили бы на больничный счетъ,—отвѣтила другая.—Такъ нѣтъ, все по-старому хочется жить, какъ госпо-дамъ.

— Ужь какіе господа, когда, поди, ѣсть нечего!

— Ну, я вотъ это-то и говорю. А у нихъ все гоноръ. Какъ можно родного человѣка въ больницу изъ своего угла везти!—А ужь какъ денегъ нѣтъ, такъ родной-неродной, а приходится съ рукъ сбывать лишній ротъ.

— Что говорить, что говорить! Теперъ, поди, и спокаялись, плачутъ, да поздно,—дѣла-то ужь не поправишь! Локоть близокъ, а не укусишь,—согласилась первая изъ собесѣдницъ.

Марья Федоровна какъ будто застыла на своемъ мѣстѣ. Передъ нею точно впервые вдругъ выяснилось вполне новое положеніе ея семьи. Ее какъ будто кто пришибъ, придавилъ, приизилъ. Утромъ она, увидавъ мертваго дѣда, плакала о недостаткѣ денегъ, а не о немъ, и это ей было такъ больно, что она мысленно даже упрекала себя въ безчувствіи. Теперъ она видѣла, что и посторонніе люди знаютъ ея мысли и понимаютъ, что иначе она не можетъ смотрѣть на свое горе. Не то бѣда, что умеръ родной, близкій человѣкъ, а то, что на его похороны нужно дѣлать расходы. Тутъ не до нѣжныхъ родственныхъ чувствъ, когда нужно думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Не для такой голи, какъ она, эта роскошь.

Орлова вернулась въ свою квартиру понурая, на себя непохожая.

— Мама, посмотрите, Митя-то все на столѣ около дѣда сидитъ,—сказала ей дочь. И увести нельзя... «Я,—говорить,—съ нимъ посижу...»

— Одинъ голубчикъ только и жалѣеть старика,—тихо отвѣтила мать съ тяжелымъ вздохомъ.

Анна Андреевна вскинула на нее вопросительный взглядъ.

— Да, да, Аня, только онъ и жалѣеть,—повторила мать.

— А мы?—спросила дочь.

— Гдѣ ужъ намъ,—усмѣхнулась горькой улыбкой мать.— Голь мы перекатная, вотъ мы что, а не люди,—нѣтъ... Были людьми, а теперь не люди... Денегъ намъ жалъ, а не человѣка... Въ самомъ дѣлѣ, умереть вздумалъ не во-время, семью раззоряетъ, въ больницу не пристроился... Гдѣ ужъ тутъ жалѣть его! А и станешь жалѣть, Аня, такъ люди не повѣрятъ.

Анна Андреевна печально опустила на грудь голову. Онѣ прошли въ комнату къ покойнику. На столѣ около трупа сидѣлъ Митя, подмостивъ подъ ноги табуретъ.

— А я, мама, съ дѣдкой,—сказалъ мальчуганъ.

— Сиди, голубчикъ, сиди,—сказала она, погладивъ его по головѣ.— Онъ хоть за тебя помолится,—чистая ты еще душа!...

IV.

На вечернюю панихиду явился Феопемпъ Григорьевичъ Лампадовъ. Онъ былъ одѣтъ въ свой будничный коричневый сюртукъ, очень просторный и длинный, съ воротникомъ въ видѣ хомута, какіе были въ модѣ еще въ двадцатыхъ годахъ. Его шея была повязана бѣлымъ высогимъ и туго накрахмаленнымъ галстухомъ. Онъ имѣлъ видъ торжественный и серьезный. Марья Феодоровна встрѣтила его, какъ встрѣчаютъ почетнаго посѣтителя, не особенно охотно приходящаго въ гости.

Старикъ Лампадовъ приходился ей двоюроднымъ дядей и не только пользовался ея уваженіемъ, но и позволялъ себѣ нерѣдко читать ей наставленія, какъ онъ ихъ читалъ всемъ и каждому, не разбирая званій и возрастовъ своихъ слушателей, если эти слушатели были ему даже незнакомы. Она всплакнула, рассказывая ему, какъ умеръ дѣдка, въ какомъ они находятся положеніи, какъ они потеряли голову, не зная, на какія средства устроить похороны. Старикъ слушалъ ее внимательно и серьезно, тихо покачивая въ раздумьи головой. Наконецъ, онъ проговорилъ:

— Всегда говорилъ тебѣ и теперь повторю: «Марѳа, Марѳа, печешься о многомъ!» Не надо было дома строить. Плохъ былъ старый уголь да все же жить было можно, пока совѣмъ не развалился бы. Ну, а развалился бы, продали бы мѣсто. А то разбогатѣть хотѣлось, расширяться, когда нужно было думать, какъ бы концы съ концами свести.

— Да вѣдь у меня сынъ растетъ! Для него думала уголь теплый, гнѣздышко ухитить,—сказала Марья Ѳедоровна въ свое оправданіе.

— Сыну еще не уголь теплый, не гнѣздышко приготовить нужно, а научить его человѣкомъ быть!—строго отвѣтилъ Лампадовъ.—Гнѣздо онъ и самъ совѣтъ, а человѣкомъ, хоть ты ему дворцы построй, не будетъ, если его не сдѣлаютъ взрослые человѣкомъ. Ты всегда была женщиной умной, доброй и честной, но суетности въ тебѣ всегда было много, и суетность тебя губить. Ты видишь, какъ я живу, какъ моя сестра живетъ: о чемъ мы заботимся?—чтобы зла никому не сдѣлать и больше ни о чемъ. Вотъ я чуть не тридцать лѣтъ одинъ сюртукъ ношу, а ты спроси, кто Лампадова не уважаетъ, кто про Лампадова злое слово скажетъ?—Никто. А если и скажутъ, такъ я же имъ прямо въ глаза взгляну, а не они мнѣ.

— Не у всѣхъ, дядя, на такую жизнь силъ хватить!—отвѣтила Марья Ѳедоровна.

— Силъ не хватить, силъ не хватить!—повторилъ Лампадовъ съ упрекомъ.—А ты внимай въ жизнь, да лишняго горя себѣ изъ всякихъ пустяковъ не дѣлай, вотъ и хватить силъ, чтобы такъ жить. У васъ все горе: придетъ мысль, что съ вами черезъ годъ будетъ—горе; на именины гостей нельзя звать—горе... Вонъ теперь читальщиковъ нанимаете, панихиды служите, а денегъ мало,—ну, какъ же не горе?...

— Да какъ же, дядя, не горе, вѣдь это такъ ужъ постановлено!—сказала Марья Ѳедоровна.

— Кѣмъ постановлено?—спросилъ Лампадовъ.—Въ Евангеліи, что-ли, ты вычитала, чтобы читальщиковъ къ покойнику нанимать да непременно по двѣ панихиды въ день служить надо?

Марья Ѳедоровна взволновалась и даже обидѣлась.

— Значить ужъ мы такіе нищіе, что намъ и за душу покойника молиться не слѣдуетъ?—возразила она.

— Кто тебѣ мѣшаетъ молиться? Молиться и безъ читальщиковъ, и безъ панихидъ можно,—отвѣтилъ Лампадовъ.—Да ста-

ригъ и не нуждается въ нашихъ молитвахъ, зла онъ не сдѣлалъ никому и безъ твоихъ молитвъ Богъ знаетъ, чего онъ достоинъ. Ты это и сама знаешь, а дѣлаешь все такъ, а не иначе, потому что что сосѣди скажутъ... У васъ вѣдь всегда не убѣжденъе, не вѣра, а сосѣди на первомъ планѣ...

Лампадовъ вдругъ оборвалъ рѣчь, неторопливо растегнулъ сюртукъ, вынулъ изъ бокового кармана деньги и подалъ ихъ Марьѣ Федоровнѣ.

— Кстати, сестра сама не могла придти,—у одной больной сидитъ,—такъ просила передать тебѣ деньги на похороны,—проговорилъ онъ.

Марья Федоровна вздохнула широкимъ вздохомъ и со слезами на глазахъ начала благодарить старика.

— Что-жь ты благодаришь, развѣ тебя сестра хоронитъ?—съ добродушной улыбкой сказалъ старикъ.—Это дѣдкѣ на похороны, такъ ужь пусть онъ съ сестрой и считается благодарностями на томъ свѣтѣ.

Старикъ неторопливо застегнулся снова и ровною поступью прошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Митя находился около трупа. Лампадовъ подошелъ къ самому столу и, поднявъ съ лица покойника простыню, сталъ всматриваться въ черты его лица.

Митя заговорилъ, какъ обмывали, какъ клали на столъ дѣдку:

— За ноги и за голову взяли, а онъ и не просыпается, и понесли на столъ съ постели, подложили полѣно подъ голову, а онъ и ничего, хоть и жестко; все спитъ.

Лампадовъ, положивъ полную, мягкую руку на голову ребенка, безмолвно слушалъ его болтовню.

— И жаль тебѣ, что его увезутъ?—наконецъ спросилъ онъ.

— Жаль,—отвѣтилъ мальчуганъ.—Онъ и теперь вотъ ничего не рассказываетъ, а все спитъ... Я сижу, сижу, а онъ спитъ все...

— Мы всѣ такъ уснемъ,—задумчиво сказалъ Лампадовъ.—Надо же и отдохнуть когда-нибудь. Вотъ онъ хворалъ, сердился, плакалъ, а теперь отъ всего отдохнетъ. И чѣмъ больше работаетъ человекъ, тѣмъ слаще онъ отдохнетъ. Вотъ, знаешь, какъ вашъ братъ,—съ улыбкой обратилъ лицо Лампадовъ къ ребенку,—тогда и спитъ хорошо, когда набѣгается и напрыгается въволю...

Обративъ взглядъ на ребенка, онъ уже не спускалъ съ него глазъ и по мѣрѣ того, какъ онъ всматривался въ это почти

прозрачное, блѣдное личико съ воспаленными золотушными глазами, его лицо, за минуту озаренное мягкой старческой улыбкой, дѣлалось все серьезнѣе и печальнѣе. Наконецъ, онъ пожалъ плечами, тяжело вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу и проворчалъ:

— Не вѣдаютъ, что творять!

Въ эту минуту въ кухнѣ слышались шаги нѣсколькихъ прошедшихъ лицъ, раздавался мужской голосъ: «можно начинать панихиду?» Лампадовъ снялъ Митю со стола и отошелъ съ нимъ въ сторону. Въ комнату вошли священникъ, дьячокъ и нѣсколько человекъ посѣтителей. Началась панихида. Лампадовъ стоялъ въ углу съ опущенною на грудь головой и придерживалъ около себя Митю, опустивъ на его плечо лѣвую руку. Старикъ не крестился, не шевелился и какъ будто застылъ въ своей задумчивой позѣ, придерживая одною рукой ребенка и держа въ другой зажженную свѣчу. Когда панихида кончилась, онъ тяжело вздохнулъ, загасилъ свѣчу и прошелъ въ кухню съ Митей. Посѣтители стали расходиться. Когда семья Орловыхъ осталась одна, Лампадовъ обратился къ Марьѣ Федоровнѣ:

— Ты знаешь, я только затѣмъ и прихожу, чтобы браниться, — сказалъ онъ ей.

— Да брани, голубчикъ дядя, брани, если стою, — отвѣтила она. — Дура я, потерявшая голову!

— Стоишь! — проговорилъ Лампадовъ. — Ты для кого живешь-то, для кого это бьешься и хлопочешь?... Для него? — спросилъ онъ, указывая на ребенка. — А ты смотрѣла на него, видѣла его?

Марья Федоровна въ недоумѣннн взглянула на сына.

— Хорошъ? — спросилъ Лампадовъ, поднимая рукой за подбородокъ голову мальчика. — Въ лицѣ ни кровинки, глаза золотушные, волосенки — и тѣ больные. Ахъ, Марья, Марья, о чемъ ты только думаешь!

Марья Федоровна взволновалась, точно она впервые увидала своего любимца, неразлучно жившаго съ ней изо-дня въ день. На ея глаза навернулись слезы.

— Гдѣ же быть здоровью въ этомъ углѣ, при этой нуждѣ! — заговорила она.

— Хуже нужда бываетъ, а дѣти остаются здоровыми, — перебилъ ее неторопливо Лампадовъ. — А ты держишь мальчика дома, чтобъ онъ сапогъ не трепалъ, — такъ пусть онъ лучше босой бѣгаетъ на чистомъ воздухѣ, чѣмъ блеяетъ здѣсь въ сапогахъ. Ты ребятишекъ отъ него гонишь, чтобы полъ не затоптали, — такъ

пусть они лучше полъ затопчуть, чѣмъ оставлять его стариться
одиноко въ дѣтскіе годы.

— Да развѣ я запрещаю? — воскликнула Марья Федоровна,
дѣйствительно, никогда не запрещавшая Митѣ бѣгать по улицамъ
или приглашать къ себѣ товарищей.

— Знаю я, какъ ты не запрещаешь! — сказалъ Лампадовъ. —
Сегодня попрекнешь, что сапоги треплеть, завтра ругнешь маль-
ника, что грязи натаскали товарищи, а тамъ сына по головкѣ
погладишь, что умница онъ, все дома одинъ сидитъ смирнѣхонь-
ко... Видишь, какой схимонахъ вышелъ!... Присылай его хоть ко
мнѣ: у меня тамъ хозяйскіе ребяташки гору строятъ; ну, да и у
меня въ клѣтушкѣ понемногу учиться начнетъ. Игра да ученье —
вотъ все, что нужно ребенку... А ты вѣдь все о сапогахъ ду-
маешь... У него еще свои подошвы не обтрепались...

Лампадовъ всталъ и началъ прощаться. Марья Федоровна
расцѣловалась съ нимъ, а Анна Андреевна поцѣловала его руку.
Орлова спросила его, будетъ ли онъ на похоронахъ. Лампадовъ
махнулъ рукой.

— Не люблю я въ эти ямы заглядывать, куда самого скоро
упрячуть! — отвѣтилъ онъ.

Анна Андреевна пошла провожать его до воротъ. На про-
щаньи онъ сказалъ ей:

— Митю-то не возите на кладбище. Рано ему смотрѣть, какъ
людей въ землю закапываютъ. И такъ онъ у васъ старичкомъ
смотреть. Пришлите ко мнѣ на этотъ день, а то и завтра от-
правьте. Старикъ-то разложится, такъ это тоже не веселое зрѣ-
лище для ребенка и для здоровья этотъ смрадъ не Богъ знаетъ
какъ полезенъ.

Анна Андреевна еще разъ почтительно поцѣловала руку ста-
рика и остановилась у воротъ, смотря вслѣдъ ему. Онъ шелъ
ровною, твердою, степенно поступью, опустивъ голову на грудь
и грузно опираясь на толстую трость. Что-то величавое и серь-
езное было во всей этой фигурѣ, въ каждомъ ея движеніи. Ста-
рикъ былъ точно вылитъ изъ бронзы и могъ служить натурой
для превосходной статуи стараго атлета. Анна Андреевна неволь-
но задумалась о немъ и въ ея головѣ мелькнула мысль: «вотъ-
то счастливецъ!»

Дѣйствительно, если кто могъ себя назвать счастливцемъ,
такъ это именно Феопемптъ Григорьевичъ Лампадовъ, хотя это
было странное счастье, — счастье, быть-можетъ, нисколько не-

похожее на идеалъ счастья сотенъ и тысячъ людей. Лампадовъ былъ когда-то учителемъ русскаго языка и математики. Поповичъ по рожденію, воспитывавшійся въ доброй семьѣ, кончившій свое образованіе въ университетѣ, онъ, рано оставшись круглыми сиротой, жилъ вѣчно трудомъ—перепиской, уроками, литературными трудами, не занимая никакого особенно виднаго мѣста въ официальномъ мѣрѣ. У него былъ недюжинный умъ, серьезное образованіе, большая начитанность и знаніе жизни. Онъ самъ говорилъ про себя: «всему опыту меня научилъ; бывало, тамъ щелкнуть, тутъ оборвутъ,—ну, и научился наукѣ жить». И точно бѣдность его научила быть нетребовательнымъ; горько окончившееся увлеченіе молодости—любовь къ одной изъ важныхъ ученицъ—научило его «не соваться съ суконнымъ рыломъ въ вѣтряный рядъ»; пребываніе гувернеромъ въ аристократическихъ домахъ привило къ нему извѣстный тактъ и извѣстный лоскъ; чтеніе книгъ и столкновеніе съ передовыми людьми его времени развили въ немъ любовь къ мысленію. Мало-по-малу изъ него выработался вполне законченный типъ учителя и ученаго. Онъ не написалъ никакихъ ученыхъ изслѣдованій, но онъ былъ въ полномъ смыслѣ кабинетный ученый, нѣсколько склонный къ отвлеченностямъ, немного педантъ, человѣкъ мало способный къ разговору и очень падкій до дидактизма. Сдержанность, холодность, дидактизмъ прежде всего бросались въ глаза при встрѣчѣ съ нимъ; но подъ этой ледяною оболочкой билось младенческое, искреннее, доброе и впечатлительное сердце. Онъ до старости способенъ былъ плакать надъ книгой, носить ежегодно вѣнки на могилу разлученной съ нимъ въ юности дѣвушки, пригрѣвать перваго попавшагося ребенка, любоваться красивымъ пейзажемъ, вечерними облаками, залитыми лучами солнца, и восхищаться тихою поэзіей такихъ произведеній, какъ «Сельское кладбище» Грея. Окружающіе люди, уважая его за честность, за правдивость, за строгую жизнь, иногда подозрѣвали въ немъ черствость, такъ какъ онъ равнодушно выслушивалъ большую часть людскихъ жалобъ. Кто зналъ его ближе, тотъ зналъ источникъ этого равнодушія: Лампадовъ никогда не могъ понять, какъ можно жаловаться на то, что нѣтъ денегъ, чтобы сшить къ празднику новое платье, на то, что нѣтъ средствъ справить именины, на то, что невозможно отложить гроша на черный день, на то, что обманулъ другъ или притѣснилъ врагъ. Онъ самъ тамъ привыкъ ограничивать свои потребности, что былъ всегда доволенъ своимъ

положеніемъ; онъ такъ много видѣлъ и дурныхъ друзей, и злыхъ враговъ, что не требовалъ въ отношеніи себя отъ людей больше того, что они могли дать. Про него говорили, что «можно ему быть покойнымъ, когда успѣлъ кое-что и на черный день отложить». Онъ лаконически отвѣчалъ на это: «работали бы столько, сколько я работалъ, да тратили бы столько, сколько и тратилъ, и у нихъ было бы что-нибудь скоплено». Почувствовавъ, что ему тяжело ходить на уроки, что его память стала менѣе тверда, что его утомляютъ продолжительныя занятія въ классахъ, онъ отказался отъ этого рода занятій и занялся своимъ любимымъ дѣломъ—часовымъ мастерствомъ. Онъ не только любилъ это дѣло, какъ развлеченіе или какъ могущую дать хлѣбъ работу, — онъ подробно изслѣдовалъ вопросъ о часовомъ производствѣ, онъ задумывался надъ часами, философствовалъ во время работы надъ ними. Для него не было большаго наслажденія, какъ починка старинныхъ часовъ, которыхъ не могли починить настоящіе часовщики. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ немного маниакъ, одинъ изъ специалистовъ, думающихъ, что міръ давно бы рухнулъ, еслибы не было именно ихъ специальности. Не даромъ же люди, слушавшіе его всегда серьезно, начинали улыбаться, когда онъ заговаривалъ о часахъ, то-есть садился на своего любимаго конька. Онъ нанималъ двѣ комнаты съ переднею, кухнею и двумя ходами, параднымъ и грязнымъ; жилъ съ своею сестрой и старою служанкой «изъ благородныхъ» или, какъ онъ называлъ ее, домоправительницей. Но сестра, оставшаяся съ дѣтства на его попеченіи, воспитанная въ институтѣ, вышедшая по страсти замужъ, овдовѣвшая и чуть не сошедшая съ ума отъ потери любимаго мужа, почти никогда не бывала дома.

Ольга Григорьевна была, пожалуй, еще болѣе оригинальною личностію, чѣмъ ея братъ. Онъ сиднемъ сидѣлъ дома и философствовалъ надъ часами; она пропадала по цѣлымъ недѣлямъ, вочуя отъ однихъ родныхъ мужа къ другимъ, являясь то въ салонахъ богачей и знати, то въ жалкихъ конурахъ бѣдняковъ и простолюдиновъ. У нея былъ неразлучный съ нею ридикюль, куда опускались кусочки сахара, бисквиты и фрукты въ домахъ богатой родни и откуда выгружались эти же сладости въ домахъ бѣдныхъ крестниковъ и посаженныхъ дѣтей. У нея было два черныхъ платья, одно шелковое, другое шерстяное, иногда надѣвавшаяся одно на другое: въ первомъ она являлась у богачей, во второмъ—у бѣдняковъ. Эти скитанія по домамъ родныхъ

и знакомыхъ начались только послѣ смерти мужа Ольги Григорьевны и, можетъ-быть, только при помощи ихъ ей удалось залѣчить въ своемъ сердцѣ рану, нанесенную этою смертью. Оставаться долго дома Ольга Григорьевна просто боялась, — ей нужно было жить среди людей, ихъ радостями и горемъ, чтобы забыть, что для нея самой въ жизни не осталось уже ничего, кромѣ могилы. Эту скитальческую жизнь можно бы было назвать жизнью приживалки или салопницы, еслибъ эта женщина не отличалась сильнымъ умомъ, изумительною прямою и безграничною добротою. Ее встрѣчали вездѣ съ распростертыми объятіями, такъ какъ у богатой родни ее въ шутку звали «нашимъ тайнымъ совѣтникомъ», а у бѣдныхъ родственниковъ «нашей матушкой-благодѣтельницаей». Она жила душа въ душу съ братомъ и расходилась съ нимъ только въ одномъ: онъ равнодушно выслушивалъ иногда даже серьезные жалобы людей, она же волновалась даже и тогда, когда ей жаловались на пустяги. Это обстоятельство вызвало безконечные споры и пренія между братомъ и сестрой.

— Да чего ты волнуешься, Ольга?—говаривалъ онъ ей.— Плачутся люди, что лишняго платья нѣтъ, а ты тревогу бьешь! У тебя-то у самой есть лишнее платье? Нужно оно тебѣ?

— Миѣ не нужно, да вѣдь не обо миѣ и рѣчь идетъ,—возражала она.—А они привыкли къ этому, они не могутъ обойтись безъ этого. Что же, мы съ тобой передѣлывать ихъ будемъ?

— Ну, а если способны о пустякахъ плакать, такъ и пусть плачутъ.

— А ты вотъ который день голову ломаешь, какъ эти часишки дрянные починить, и тоже тужишь о пустякахъ, такъ и надъ тобой смѣяться надо?

— Ну, выдумала сравненье!—сердился братъ.

— Да разумѣется, что такъ! Ну, не можешь починить и брось. Никому ни тепло, ни холодно не будетъ, если эти часишки такъ и останутся безъ починки. А нѣтъ, это для тебя важный вопросъ. Изстрадался, поди, отъ этого великаго несчастія! Ну, а для нихъ важный вопросъ платье. У всякаго свои слабости и если ихъ можно удовлетворить—ну, и надо удовлетворить.

— Ну да, вотъ погоди, кому-нибудь каменный домъ захочется выстроить и плакать онъ будетъ, что не можетъ этого сдѣлать, ты и начни помогать при постройкѣ этого дома.

— И стала бы, еслибы могла! — рѣшительно отвѣчала сестра.—И еслибы всѣмъ захотѣлось имѣть каменные дома и всѣмъ и помочь было можно, тогда и счастлива я была бы...

— Маремьяна старица обо всемъ мірѣ печалится,—ворчалъ рать сквозь зубы.

— Глупый, глупый!—уже со смѣхомъ произносила сестра.—самъ первый павлиномъ распустилъ бы хвостъ, еслибы весь іръ благодѣтельствовать могъ. Туда же бранится, что глупымъ лабостямъ потакаю, а самъ пять лѣтъ въ институтъ мнѣ конфекты таскалъ, ходя въ заплатаанныхъ сапогахъ...

— Дуракъ былъ тогда!

— А теперь поумнѣлъ вѣрно, такъ оттого и сталъ таскать фяники въ карманахъ для уличныхъ ребятишекъ,—продолжала бличать его сестра.

Старикъ махалъ рукой.

— Отстань ты, съ тобой не сговоришь!... Привыкла по го-
тямъ-то тараторить,—сквозь зубы бормоталъ онъ.

Она подсаживалась къ нему и серьезно уже произносила, отронувшись до его плеча:

— Нѣтъ, старина, дѣло-то не въ новомъ платьѣ, а у лю-
дей серьезное горе. Ты часы-то оставь,—они не убѣгутъ,—а по-
голкуемъ, какъ бы помочь людямъ. Дрянные они людишки, глу-
пые они людишки, да вѣдь они и еще хуже да глупѣе стануть,
если имъ не помочь.

Братъ покорно оставлялъ часы и начиналось совѣщаніе о по-
лощи ближнимъ совѣтомъ, деньгами, протекціей. Протекціей?—Да,
странно сказать, но эти старики сѣумѣли себя поставить такъ,
что имъ рѣдко отказывали тѣ люди, съ которыми они были близ-
ки: она—по родственнымъ связямъ своего покойнаго мужа, онъ—
въ качествѣ бывшаго гувернера и учителя въ аристократическихъ
семьяхъ. Этому не мало дивились бѣдняки, окружавшіе ихъ. Но
братъ и сестра, говоря о вліятельныхъ лицахъ, шутливо за-
бѣчали на это:

— Еще бы они намъ уваженія не оказывали! Тоже не мало
ны ихъ за уши и за вихры въ дѣтствѣ дирали, оттого они и
въ генералы вышли.

Драли ли они этихъ генераловъ за вихры и за уши въ дѣт-
ствѣ и въ юности—это неизвѣстно, но вѣрно то, что эти гене-
ралы сохраняли въ душѣ сознаніе, что искреннюю любовь, чест-
ныя наставленія, разумные совѣты и прямые, твердые упреки

они слышали въ лучшіе годы жизни, быть-можетъ, только отъ этихъ людей.

Когда Митѣ объявили на слѣдующій день, что его отведутъ ночевать къ отцу крестному, то-есть къ Лампадову, мальчикъ не заплакалъ, не заупрямился, такъ какъ онъ въ послѣднее время привыкъ безропотно покоряться всему. Но онъ какъ будто удивился, что его уводятъ именно къ Лампадову. Мальчикъ даже и не помнилъ, когда онъ посѣщалъ крестнаго отца. Отношенія семьи Орловыхъ къ старику были нѣсколько странны. Орловы уважали его, но какъ будто побаивались и не особенно долюбливали выслушивать его наставленія. Особенно въ послѣдніе годы Лампадовъ рѣзко нападалъ на Марью Ѳедоровну за ея хлопоты о постройкѣ дома, пророча ей, что она запутается въ дѣлахъ и вмѣсто барышей наживетъ неоплатные долги и окончательно раззорится. Онъ просто совѣтовалъ ей жить, покуда можно, въ старомъ домишкѣ, а потомъ продать землю, когда жить въ разваливающейся лачугѣ не будетъ возможности. При этомъ съ своею ответственною ему откровенностью онъ замѣчалъ, что очень жаль, что надъ ней главы нѣтъ, что Андрей Ивановичъ пляшетъ по ея дудкѣ. Марья Ѳедоровна возражала ему, что она все рассчитала, все взвѣсила, что барыши будутъ несомнѣнные, на что Лампадовъ спокойно возражалъ ей:

— То-то и худо, что ты все считаешь да рассчитываешь то, чего еще нѣтъ; а ты лучше пользуйся тѣмъ, что есть, чтобы, погнавшись за большимъ, не потерять и малаго.

Эти замѣчанія, расколаживавшія увлеченія Марьи Ѳедоровны, раздражали ее и она старалась избѣгать старика. Не могла она съ нимъ тѣсно сблизиться отчасти уже и потому, что она сама была изъ числа людей, дающихъ совѣты, а не изъ числа людей, просящихъ совѣтовъ. Ей точно обиду наносили, когда давали совѣты или дѣлали замѣчанія. Лампадовъ же безъ замѣчаній не могъ обойтись. Правда, старикъ Лампадовъ и его сестра были первыми людьми, сунувшими Марьѣ Ѳедоровнѣ нѣсколько десятковъ рублей послѣ пожара, но Лампадовъ не удержался и тутъ, чтобы не замѣтить Марьѣ Ѳедоровнѣ насчетъ того, что онъ ей говорилъ прежде.

— Ты-то вотъ только все считала да рассчитывала,—замѣтилъ онъ,—а у Бога-то и итоги были давно ужъ подведены.

Марья Ѳедоровна даже вспылила и упрекнула за это старика, замѣтивъ, что «лежачаго-то ужъ нечего бить».

Но три мѣсяца нужды значительно надломили Марью Федоровну, лишили ее самоувѣренности, отняли у нея почти всѣ надежды, и когда Лампадовъ сказалъ, чтобы къ нему прислали Митю, она сильно обрадовалась.

— Хотя бы онъ пригрѣлъ нашего голубчика, — разсуждала она вечеромъ, сидя съ мужемъ и Анной Андреевной въ кухнѣ. — Тоже вѣдь не чужой ему мальчуганъ, внучатый племянникъ и сынъ крестный. У старика и связи есть, и деньги, должно-быть, водятся, — все что-нибудь можетъ сдѣлать при жизни и послѣ смерти чѣмъ-нибудь наградить.

Провожая Митю, она замѣтила ребенку:

— Ты веди себя хорошо, не трогай тамъ чего-нибудь, не разсерди дядю, а то онъ любить тебя не будетъ!

Митя покорно обѣщалъ исполнить всѣ наставленія и шелъ къ Лампадову не безъ тайнаго страха. Ему почему-то казалось, что онъ идетъ къ важному, важному барину. Лампадовъ встрѣтилъ его привѣтливо и замѣтилъ Аннѣ Андреевнѣ:

— Умница, что выхлопотала освобожденіе узника изъ темницы. Я ужь думалъ, что не отпустить.

— Отчего же не отпустить, — сказала она, цѣлуя его руку.

— Ну, да у васъ меня не долюбиваютъ, — отвѣтилъ старикъ. — По головкѣ не умѣю гладить за глупости. Впрочемъ, теперь времена перемѣнились. Домовъ строить больше не будутъ. Вотъ ты только уговорила бы мать продать землю. Расквитались бы съ долгами и зажили бы хоть не сладко, да безъ заботъ о долгѣ, безъ глупыхъ мечтаній сдѣлать изъ гроша рубль.

Потомъ онъ круто перевелъ разговоръ на Митю. Мальчика пора начать исподволь учить. Чѣмъ раньше онъ кончитъ курсъ въ гимназій, тѣмъ лучше. Выйдетъ изъ университета, тогда можно похлопотать и о мѣстѣ.

— Пока я живъ, все это легко сдѣлать, — слава тебѣ, Господи, влиятельный тоже человекъ, — съ усмѣшкой закончилъ онъ и обратился къ Митѣ: — Да ты что, молодецъ, присмирѣлъ? У меня, братъ, ходить и бѣгать не запрещено... Вонъ, гляди, тамъ сколько добра!

Онъ указалъ Митѣ на лежавшія на столѣ гравюры. Митя уже давно искоса разсматривалъ комнаты Лампадова и удивлялся ихъ роскоши. Онъ вспомнилъ рассказы покойнаго дѣда о дворцахъ и теперь ему показалось, что онъ попалъ во дворецъ.

Дѣйствительно, небольшая квартирка Лампадова должна была поразить мальчугана. Здѣсь было все завѣтное, что приобрѣталось Лампадовымъ и его сестрой въ теченіе долгой жизни. Старинная дорогая мебель карельской березы съ бронзовыми украшеніями, обитая желтымъ штофомъ, и мебель краснаго дерева съ красной штофной обивкой—это было наслѣдіе сестры Лампадова послѣ мужа. Бронзовые столовые часы со вставками изъ севрскаго фарфора; столовые же часы, сдѣланные изъ чернаго дерева въ видѣ саркофага, стоящаго на львиныхъ бронзовыхъ лапахъ и увѣнчаннаго бронзовымъ сфинксомъ—это были двѣ дорогія вещи, подаренныя Лампадову извѣстнымъ любителемъ часовъ графомъ Апраксинымъ. Масса бронзовыхъ подсвѣчниковъ; подставокъ подъ карманные часы, пепельницъ, чернилицъ и тому подобныхъ столовыхъ украшеній—загромождала всѣ столы и этажерки. На стѣнахъ красовались въ разнообразныхъ рамахъ картины, писанныя масляными красками, акварелью или карандашомъ. Полы были застланы старинными коврами съ затѣйливыми пестрыми узорами, верблюдами, львами, арабами и пальмами. Митя никогда не видалъ ничего подобнаго: его даже не могло поразить то обстоятельство, что всѣ эти вещи были точно свалены въ кучу, нагромождены одна на другую, заставлены другъ другомъ, какъ въ лавкѣ антикварія. Онъ думалъ, что это такъ и должно стоять во дворцѣ, какимъ ему казались комнаты дяди.

Когда ушла Анна Андреевна и Лампадовъ, стараясь развлечь еще дичившагося ребенка, началъ показывать ему всѣ свои сокровища, Митя разинулъ ротъ отъ удивленія и съ широко открытыми глазами замиралъ въ нѣмомъ восторгѣ. Еще бы! Изъ стѣнныхъ часовъ передъ нимъ выскочила куклушка и начала кукловать; передъ нимъ поставлена была табакерка и изъ нея раздалась звуки вальса; ему были показаны карманные часы и они вдругъ начали играть какую-то арію, когда Лампадовъ надавилъ на пружину. Мальчуганъ приходилъ въ восхищеніе, хлопалъ въ ладоши, смѣялся, прыгалъ, кричалъ, какъ дикарь, увидавшій блестящія бездѣлушки, и засыпалъ хозяина вопросами:

— А это что? Это тоже музыку играетъ? Это съ птичкой часы? У васъ такихъ много игрушекъ?

Но въ комнатѣ былъ еще другой ребенокъ, убѣленный сѣдинами, съ глубокими морщинами на лбу. Этотъ ребенокъ, Феопемитъ Григорьевичъ Лампадовъ, былъ не менѣе счастливъ, чѣмъ Митя. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ, показывая свои со-

провища, онъ мало-по-малу забывалъ, съ кѣмъ онъ говорить, и выдавался своимъ воспоминаніямъ.

— Вотъ эту табакерку подарила мнѣ княгиня Марья Андреевна Русова, когда я приготовилъ ея Сашу къ экзаменамъ. Что за мальчигъ былъ, что за мальчигъ! Способный, красавецъ собой, честная душа. И какъ учился! Сразу все, бывало, схватить, уяснить себѣ. Ну, и пошелъ бы далеко, еслибы захотѣлъ. Да что ему чины,—онъ и безъ нихъ въ общемъ почетъ находится, и безъ нихъ честнѣйшимъ человѣкомъ считается. Слава Богу, душой не кривилъ, совѣсти не продавалъ. И до сѣдыхъ волосъ остался тѣмъ же—прямымъ, добрымъ и мягкимъ человѣкомъ, а то же и горе видѣлъ, и терпѣлъ за правду не мало... Вотъ ты когда-нибудь увидишь его. Это мой лучший другъ и тебя онъ полюбитъ.

— А въ этихъ часахъ есть музыка? — перебилъ старика Митя.

— Нѣтъ, эти безъ музыки, — отвѣтилъ съ улыбкой старикъ. — Но эти часы мнѣ дороги потому, что ихъ носилъ въ дѣтствѣ одинъ изъ моихъ учениговъ. Когда мы разставались, онъ подарилъ мнѣ ихъ на память. Вотъ такой же, какъ ты, маленькій былъ, когда мнѣ сдали его на руки, а теперь у самого у него дѣти чуть не выше меня.

И старикъ снова пустился въ рассказы, погрузился въ воспоминанія. Митя не все понималъ, что говорилъ старикъ. Но черезъ долгіе годы ему казалось, что все слышанное имъ отъ Лампадова онъ слышалъ именно въ этотъ вечеръ,—слышалъ и понималъ тогда же. Это, конечно, было въ дѣйствительности далеко не такъ: рассказы, воспоминанія и поученія Лампадова Митѣ пришлось слышать въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ его памяти ярче всего уцѣлѣлъ именно этотъ вечеръ и ему казалось, что именно тогда передъ нимъ вылился весь этотъ старикъ и сѣумѣлъ запечатлѣть въ дѣтскомъ умѣ все, что говорилось имъ. Особенно памятнымъ остались въ умѣ Мити разговоры Лампадова о часахъ, хотя эти разговоры, вѣроятно, происходили въ болѣе поздніе годы,—происходили урывками, въ разное время; но въ умѣ Мити они слились въ одное цѣлое. Это были оригинальные разговоры.

— Часы, братъ, вещь интересная, — говорилъ старикъ. — Долго бились люди, чтобъ усовершенствовать способъ измѣрять время. Въ древности для этой цѣли пользовались солнцемъ, пескомъ, водою. Ты видалъ ли когда-нибудь солнечные, песочные

или водяные часы? Нѣтъ?—Ну, вотъ, погоди, я тебѣ это все покажу. Оно интересно. Ихъ устроить было не трудно, да въности въ нихъ не было, вотъ люди и бились надъ изобрѣтеніемъ вѣрныхъ часовъ. За много тысячъ лѣтъ были извѣстны часы за двѣ тысячи лѣтъ были уже водяные часы съ компасами, все-таки настоящихъ, нынѣшнихъ, часовъ изобрѣсти никакъ не могли. Только лѣтъ за шестьсотъ или за семьсотъ до насъ вдругъ появились и въ Европѣ, и у сарацинъ колесные часы и стали красоваться на всѣхъ городскихъ башняхъ, на монастырскихъ колокольняхъ. Это были большіе, грубо сдѣланные и далеко не совершенные часы. Прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ изобрѣли карманные часы въ Нюренбергѣ, отчего и прозвали ихъ нюренбергскими ящиками. И когда станешь всматриваться въ исторію открытій въ этой области, то изумляешься, какъ люди въ разныхъ концахъ свѣта въ одно и то же время стремились къ одному и тому же, открывая одно и то же. Вотъ нѣмцы и англичане до сихъ поръ спорять, кто открылъ часы съ маятникомъ, нѣмецъ ли Гуигенсъ, или англичанинъ Гаррикъ. Тоже и открытіе пружины въ часахъ приписываютъ и Гуигенсу, и англичанину Гуку. Это въ области открытій почти всегда такъ бываетъ: долго, долго люди добиваются чего-нибудь и вдругъ нѣсколько человѣкъ разомъ дѣлаютъ одно и то же открытіе. Мысли о нововведеніяхъ всегда въ воздухѣ носятся и ужь кто что и дѣлай, а нововведеній этихъ не остановишь, не устранишь. Да, да, все это вещи интересныя, наводящія на серьезныя мысли, — продолжалъ старикъ. — И сами часы стоятъ вниманія по своему устройству. Многіе мудрецы сравнивали жизнь людей и обществъ съ механизмомъ въ родѣ часоваго механизма. Въ людяхъ въ обществѣ—это колеса и винтики; тутъ есть и свои пружины, и цѣпочки, и маятники, и гири, и чья-нибудь рука заводитъ эти часы, и они идутъ, идутъ безостановочно. Но чтобы они шли вѣрно, мало заводитъ ихъ осторожно и аккуратно, — надо знать ихъ механизмъ, изучить его до мельчайшихъ подробностей и чѣмъ лучше изучилъ человѣкъ этотъ механизмъ, тѣмъ полезнѣе можетъ онъ быть обществу. Попортится механизмъ ихъ — и знающій человѣкъ можетъ сейчасъ сказать, почему онъ попортился гдѣ средства починить его. Для этого надо изучать жизнь, людей, исторію. Это—великое дѣло.

Если впоследствии воспоминанія Мити, по какому-то странному капризу, обманывали его, подсказывая ему съ одной сто

оны, что все это онъ услышалъ отъ Лампадова именно въ тотъ вечеръ, услышалъ и понялъ своимъ дѣтскимъ умомъ, то, съ другой стороны, онъ никогда не могъ дать себѣ отчета, какъ и когда въ заснулъ въ тотъ вечеръ на мягкомъ штофномъ диванѣ, теплокрытый шелковымъ одѣяломъ. А онъ уснулъ крѣпко и сладко, идя во снѣ себя во дворцѣ, среди блеска и роскоши, не греившихся ему до той поры и въ мечтахъ даже тогда, когда онъ представлялъ себя генераломъ надъ всѣми генералами. Онъ спалъ какъ крѣпко, что даже не слыхалъ, какъ вошла въ комнату довольно полная женщина средняго роста, какъ она поздоровалась съ Лампадовымъ, какъ Лампадовъ, взявъ со стола свѣчу, поджегъ ее къ дивану и, освѣщая лицо спящаго ребенка, сказалъ:

— Ты вотъ все пропадаешь, сестра, а намъ въ это время испѣли ребенка подкинуть. Смотри!

Она наклонила свою сѣдую голову, свое румяное старческое лицо и начала пристально разсматривать лицо ребенка.

— Да его мѣсяцъ мясомъ не кормили!—воскликнула она.

Лампадовъ пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Домъ за то хотѣли ему построить!

Она опять наклонилась надъ ребенкомъ.

— А хорошее, умное личишко, съ большимъ лбомъ,—прорыворила она.—Я его давно не видала. Началъ формироваться.

Она наклонилась и поцѣловала ребенка.

— Ну, ну, разбудишь еще и расплачется!—замѣтилъ Лампадовъ.

— Отъ этого, братъ, не плачутъ,—тихо отвѣтила она, смотря на ребенка, улыбавагося во снѣ.—А лишній сладкій сонъ приснится, такъ что-жь?—на яву-то уже, кажется, у него было мало свѣтлыхъ грезъ...

У.

Мартовское солнце свѣтило довольно ярко; на дворѣ стоялъ легкій морозъ, но на солнечной сторонѣ улицъ уже таяло. Въ воздухъ начинало слышнѣе раздаваться чирганье птицъ, а кѣнды вѣтвей на деревьяхъ въ садахъ, какъ казалось издали, начинали окрашиваться въ зеленоватые или красноватые оттѣнки. Наступала весна. На дворѣ того дома, гдѣ жилъ Лампадовъ, ребятишки съ громкими криками и смѣхомъ катались съ устроенной для нихъ ледяной горы, уже успѣвшей сильно растаять и близившейся къ полному разрушенію. Среди нихъ былъ и Митя,

успѣвшій за послѣднее время сдѣлаться порядочнымъ буяномъ и забіякой; но онъ на этотъ разъ мало принималъ участія въ игрѣ и смотрѣлъ опять какъ-то вяло и сонно. Лампадовъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ противъ окна за починкою дорогихъ карманныхъ часовъ и изрѣдка взглядывалъ въ окно на играющихъ дѣтей, задумчиво слушая рассказы Анны Андреевны. Она сидѣла сбоку у стола и была не весела. Слѣды недавнихъ слезъ ясно виднѣлись на ея глазахъ.

— Такъ ты говоришь, что тетка Дарья умерла?—проговорилъ Лампадовъ, продолжая только-что начатый разговоръ. — Давно была она больна?

— Пять мѣсяцевъ хворала,—отвѣтила Анна Андреевна.—Вы знаете, что мама съ ней была давно въ ссорѣ и даже не знала, гдѣ живетъ тетка Дарья. Только вчера насъ и извѣстили, что она умираетъ.

— Ссорятся все, ссорятся, а въ бѣдности только и счастья что миръ съ близкими,—вскользь замѣтилъ Лампадовъ.—Нищета самая горькая легка, когда всѣ дружны между собою, когда знаешь, что одинъ за другаго жизнь готовъ отдать. А они голодаютъ да еще другъ друга загрызть хотятъ... Ссора-то изъ чего вышла?

Анна Андреевна печально вздохнула.

— Не вчера это началось!—сказала она, слегка махнувъ рукой. — Ужъ когда тетка Дарья и Митю крестила, такъ наши и тогда съ ней не въ ладахъ были. И крестить-то ее позвали потому только, что мама, сами знаете, чужимъ да богатымъ кланяться не любить. Съ самаго замужства тетки Дарьи папа и мама на нее уже сердились. Вы, можетъ-быть, знаете, что она за Прозорова замужъ-то вышла противъ воли всѣхъ. Прозоровъ былъ чуть не моложе ея, только началъ служить, ничего не имѣлъ,—ну, а характеръ у него былъ непокорный, гордый. Съ первыхъ же дней недостатки начались, а тамъ, дальше да больше, пошли дѣти и совсѣмъ ѣсть стало нечего. Страшную нужду терпѣли. Самъ-то съ горя попить немного началъ. Тетка въ поденную работу ходить стала. Дошли до того, что воровать началъ мужъ-то...

Лампадовъ поднялъ отъ работы глаза.

— Воровать?—спросилъ онъ.

— Да. У насъ разъ кострюли пропали. Переполошились мы всѣ. Извѣстное дѣло, страхъ напалъ, что воры въ домѣ были.

А въ это время тетка Дарья неподалеку отъ насъ жила въ подвалѣ и ея ребятишки къ намъ къ окнамъ кухни ходили. Лѣтомъ дѣло было. Вотъ только разъ дѣти дня три не были. Вдругъ опять приходятъ. Мать даетъ имъ, что отъ стола осталось, и говоритъ: «чего долго не были?» А старшенькая дѣвочка, глупенькая еще была, и говоритъ: «А у насъ супъ валили, говядину покупали!» Мать-то и спрашиваетъ: «Видно, отецъ денегъ раздобылъ?» Дѣвочка и скажи: «Папка костюлюи продалъ и говядины намъ купилъ». — «Какія костюлюи?—спросила мать. — Развѣ у васъ были костюлюи?» — «Нѣтъ, — говоритъ дѣвочка, — у насъ не было костюлюи. Папка чужія плодалъ». Мать такъ руками и всплеснула...

— Бѣдныя дѣтишки!—проговорилъ Лампадовъ.

— Конечно, мы ничего не сказали никому, — продолжала Анна Андреевна. — Къ тому же ребятокъ-то такъ жаль, такъ жаль было. «А тепель, — сказала дѣвочка, — папка умилать собиается!» «Какъ умирать собирается?—спросила мать. — «А такъ собиается, — отвѣтила дѣвочка. — Умелеть бы, говолить, да и конецъ!..» Точно насъ ножомъ по сердцу тогда эти самыя слова рѣзнули... А тамъ не прошло и мѣсяца, какъ онъ наложилъ на себя руки. Господи! надо было посмотрѣть на тетку Дарью, вотъ - то она плакала!.. Тутъ-то мама и сдѣлала дурное дѣло, — со вздохомъ проговорила Анна Андреевна. — Сама теперь это понимаетъ да поздно.

— Что же она сдѣлала, Аннушка?—ласково спросилъ Лампадовъ, отложивъ въ сторону часы и опустивъ на колѣни руки.

— Тетка-то Дарья стала убиваться, а мама и замѣтила ей: «Ужь чего жалѣть, коли онъ ни васъ, ни своей души не пожалѣлъ. О такихъ-то и плакать грѣшно», продолжала рассказывать Анна Андреевна. — Тетка замѣтила ей, что нужно бы побыть на его мѣстѣ, да тогда и судить его, и что она никогда и въ мысляхъ-то не попрекнетъ его за самоубійство, потому что онъ хоть и покончилъ самъ съ собою и бросилъ семью, а, можетъ-быть, любви къ семьѣ въ немъ было во сто разъ больше, чѣмъ въ тѣхъ, кто рукъ на себя не накладываетъ... Вы, дядя, маму-то знаете? Она — добрая, только сердце у нея горячее, на слова она рѣзка; иной разъ и сама не рада, что вспылить, — вспылить и Богъ знаетъ чего ни наговорить. Вотъ и тутъ вскипятилась она да и говоритъ: «Ну да, нечего сказать, хорошій былъ человекъ! Слава Богу, что еще умеръ - то раньше, чѣмъ подъ судъ попалъ. За воровство-то тоже по головкѣ не глядятъ. Ужь

это послѣднее дѣло—воровство-то». Ну, и пошло у нихъ, и пошло... Много времени мы о теткѣ и не слыхали ничего, точно въ воду капуча... А вчера вечеромъ вдругъ пришли намъ сказать, что она умираетъ. Мы такъ и ахнули...

Затѣмъ Анна Андреевна начала описывать, какъ жила сестра ея отца. Въ сыромъ, полутемномъ подвалѣ, въ углу жалась бѣдная женщина въ послѣднее время съ пятерыми дѣтьми. Спали всѣ въ повалку на полу. Тутъ же спалъ простой рабочій людъ, поденщицы, отставные солдаты, нищие. Грязь, духота, пьянство, развратъ—всего тутъ было. Тетка ходила стирать бѣлье поденно. Дѣти оставались дома и почти не могли выходить за неимѣниемъ теплой одежды. Въ январѣ съ теткой сдѣлалось что-то въ родѣ паралича. Ее не приняли никуда въ больницу и она лежала больная въ подвальномъ углу. Сожители ея по квартирѣ продали всѣ ея платья, чтобы кое-какъ прокормить ее. Ребятишекъ посылали собирать щепки, нищенствовать. Они услуживали всѣмъ, бѣгали въ лавки и въ кабаки, только бы имѣть право на уголь и ѣду. Доставалось на ихъ долю не мало и щелчковъ. Особенно отозвалось это на одномъ изъ дѣтей, на Алешѣ. Какою-то блаженненькій онъ сталъ. Только наканунѣ смерти нашла тетку Дарью одна женщина, знавшая, что она близкая родственница Орловымъ. Эта женщина и извѣстила Орловыхъ о положеніи тетки Дарьи. Они застали ее почти нагую, почти полумертвую. Успѣли только призвать священника, какъ она и умерла.

— И это туда-то вы таскали Митю?—съ унрекомъ сказалъ Лампадовъ.—Ночью въ подвальный вертепъ къ умирающей женщинѣ тащить ребенка... Нечего сказать, умно.

— Она вѣдь крестила съ вами Митю,—сказала Анна Андреевна тихо, какъ бы желая оправдать свою мать.

— Такъ что же? Крестила или не крестила, впечатлѣннѣе-то страшное должно было все-таки отразиться на мальчуганѣ,—сказалъ Лампадовъ.—Вотъ посмотри, какой онъ опять кислятиной смотреть. Еще бы опять безъ сна ночь, опять страшная картина смерти... и еще при какой обстановкѣ! Доведете вы его когда-нибудь до падучей этими испугами...

— Я совѣтовала мамѣ не водить его,—печально отвѣтила Анна Андреевна.—Но мама такъ взволновалась. Совѣсть у нея заговорила. Не знала она, что дѣлать. Казалось ей, что надо свести Митю къ матери крестной, чтобы та его благословила. Вы бы не узнали просто вчера маму! На десять лѣтъ измѣнилась...

Лампадовъ махнулъ рукой.

— Знаю я это!—проговорилъ онъ.—Поѣдомъ ѣдятъ человѣка и жизни, а умереть онъ—струсаятъ, каются, молятся, надуть вѣять и себя, и людей, и Бога, стараясь умыть себѣ руки, подобно Пилату.

Наступило короткое молчаніе.

— Мама сегодня рѣшилась мѣсто наше продать,—робко сказала Анна Андреевна.—«Оно,—говорить,—намъ всё несчастья приноситъ. Изъ-за этой мечты построить домъ я и съ теткой Дарьей разошлась; не о помощи роднымъ думала, а объ обогащеніи себя. Еслибы не сколачивала грошей на домъ, могла бы что-нибудь брать и близкимъ, поддержала бы ее. И дѣдка бы жилъ, еслибы не этотъ проклятый домъ. Съ него все и началось».

Лампадовъ грустно улыбался.

— Снявши голову, по волосамъ плачутъ,—замѣтилъ онъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Анна Андреевна только вздохнула.

— Теперь у насъ столпотвореніе вавилонское,—сказала она.—Дѣтей къ себѣ погуда взяли. Что съ ними дѣлать, куда пристроить? Положимъ, старшая дѣвочка, Настя, можетъ у насъ жить, я ее научу грамотѣ, шить. Она даже помогать можетъ. Дѣвочка шустрая и понятливая. А другія?...

— Въ пріюты надо куда-нибудь пристроить,—сказалъ Лампадовъ.—Я похлопочу.

Анна Андреевна вдругъ радостно оживилась и даже слегка покраснѣла. Она отчасти именно за тѣмъ и пришла къ старику, чтобы просить его пристроить дѣтей.

— Пожалуйста, голубчикъ, дядя, похлопочите! Вѣкъ Бога помилуй будемъ! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—быстро заговорила она.—Ихъ нельзя у насъ держать; никакъ нельзя...

— Еще бы! Сколько лишнихъ ртовъ!—сказалъ Лампадовъ.

— Не то, не то, дядя!—воскликнула она живо.—Хлѣба бы какъ-нибудь достало. Я стану больше работать. У себя урѣжемъ... Но нельзя ихъ оставить, никакъ нельзя: ихъ мало что отмыть надо, мало что они опоршивѣли, ихъ опасно держать вмѣстѣ съ дѣтей... Ахъ, дядя, еслибы вы знали, родной, чего насмотрѣлись эти дѣти! Сегодня слышу я, спрашиваетъ маленькій Боля Мити: «а твой тятка бьетъ твою мамку?» Митя удивился, и онъ ему сталъ рассказывать, что у нихъ тамъ, въ подвалѣ, какой-то солдатъ свою полюбовницу каждую ночь, каждую ночь

билъ... Такъ и сказалъ «полюбовницу». Да это еще что!... У нея такія слова есть, что стыдно и повторить...

И Анна Андреевна конфузиво, съ потупленными глазами, начала рассказывать, чего насмотрѣлись дѣти тетקי Дарьи въ повалѣ. Никакая житейская грязь не была для нихъ тайною. Имъ нельзя было удивить какими-нибудь пороками или развратомъ. Они насмотрѣлись на все, говорили обо всемъ громко, называли все своими именами. Каждая ихъ фраза, каждое слово заставляла краснѣть.

— И точно волчата между собою грызутся изъ-за куска хлѣба!— со вздохомъ закончила Анна Андреевна рассказъ объ этихъ дѣтяхъ.

Потомъ она пояснила, что ея мать взяла ихъ, такъ какъ они все же родныя, близкія родныя; но оставить ихъ у себя,—когда Митя еще такой маленькій, — всѣ въ семьѣ понимали, что это невозможно. Это значило губить Митю. Его опасно было оставлять съ ними даже на время. Анна Андреевна договорилась наконецъ до главной цѣли своего посѣщенія къ Лампадову. Слезамъ на глазахъ она стала просить старика пріютить на время Митю.

— Я знаю, дядя, что онъ васъ стѣснить, что вамъ не въ село съ нимъ возиться, — говорила она тихо. — Но, ей-богу, не беспокоила бы я васъ, еслибы не боялась за него. Мы не тамъ растили его; онъ не такой, какъ эти дѣти. Не барчонокъ онъ, — нѣтъ; но и не такой, какъ они, — не испорченный еще. Конечно, я знаю, что вамъ тяжело...

— Ничего ты, Аннушка, не знаешь!— нетерпѣливо перебила ее Лампадовъ.— Никакихъ тутъ тягостей и стѣсненій нѣтъ. Ну нужно, чтобъ онъ погостилъ у меня, и пусть погостить... вотъ надо похлопотать о тѣхъ-то ребятишкахъ. Эта потрудная задача. Четверыхъ сразу пристроить тоже не шутка. Ну да, авось устрою...

Анна Андреевна начала изливаться въ благодарностяхъ. Лампадовъ нѣсколько нетерпѣливо махнулъ рукой и быстро перебила ея изліянія.

— А вотъ ты настаивай, чтобы мать землю продала да о Паховомъ раздѣлалась скорѣй, — сказалъ онъ.— Вѣдь это пекло на шеѣ; надѣли ее и не замѣчаете, какъ она затягивается. Проценты-то растутъ, а вы и не замѣчаете, во что этотъ долгъ обращается... Математики тоже!

— Да ужь это рѣшено, — отвѣтила Анна Андреевна. — Мать и плачетъ, и тужить о землѣ, а все же рѣшилась кончить это дѣло. Призракъ это одинъ и мечта пустая, что у насъ земля есть... Только тяжело на мать смотрѣть, вѣдь у нея всѣ надежды были на эту землю; а теперь въ домѣ точно покойникъ, точно покойникъ!

Анна Андреевна встала и стала прощаться съ Лампадовымъ. Онъ проводилъ ее до сѣней и ласково погладилъ по головѣ, когда она цѣловала его руку на прощаньи.

— Добрая ты дѣвушка, — проговорилъ онъ. — Заходи какъ-нибудь поболтать да душу отвести. У васъ-то ужь очень невесело тамъ.

Онъ угадалъ. Въ домѣ Орловыхъ было точно невесело. Марья Федоровна, рѣшившись продать землю, казалось, дорогогаго покойника хоронила. Съ продажей этой земли она хоронила свои послѣднія несбывшіяся мечты и надежды. Эта земля для нея была тѣмъ-то въ родѣ лотерейнаго билета въ рукахъ бѣдняка. Всѣ нужды, всѣ недостатки переносились тверже и спокойнѣе при мысли, что вотъ построится домъ на этой землѣ, начнетъ приносить онъ доходъ, выплатится понемногу долгъ, а тамъ и начнется безпечальное житье въ своемъ углѣ съ доходами отъ отдачи квартиру. Цѣлые вечера въ былые дни проводились надъ счетомъ будущихъ расходовъ и приходоу; расходы высчитывались въ самомъ уменьшенномъ видѣ, а доходы доводились до maximum'a; по этимъ расчетамъ кредиторы непремѣнно любезно отсрочивали до послѣдней крайности платежи, а всякіе должники и плательщики оказывались невообразимо аккуратными и точными. Это была извѣстная ариеметика бѣдняковъ, старающихся обмануть себя розовыми мечтами. Ее только и знаютъ тѣ, кому приходилось вынести на своихъ плечахъ тяжелый гнетъ бѣдности, кто, голодая сегодня, старался убѣдить себя, что завтра его трудъ начнетъ оплачиваться щедрѣе, что завтра плата за трудъ будетъ выдаваться аккуратнѣе, что, — однимъ словомъ... что нужно только переждать, пережить до завтра. По этой ариеметикѣ всегда выходитъ такъ, что на долю рассчитывающаго выпадетъ въ лотереѣ непремѣнно главный выигрышъ. Пусть этотъ выигрышъ одинъ на сто тысячъ билетовъ, но каждый бѣднякъ, взявшій въ лотерею билетъ, все-таки твердо убѣжденъ, что именно онъ выиграетъ этотъ призъ. Но судьба въ послѣднее время дала слишкомъ много толчковъ и щелчковъ Марьѣ Федоровнѣ, чтобъ

она могла продолжать еще ждать и надѣяться. Обманувшаяся въ своихъ надеждахъ женщина перешла теперь въ другую крайность и приписывала всё несчастья только этой «проклятой землѣ». Безъ этой земли они жили бы тихо и мирно, отложили бы грошъ на черный день, не потеряли бы на пожаръ всего, не видѣли бы разбитаго параличомъ дѣда, не пришлось бы имъ такъ скоро хоронить его. Даже смерть своихъ двоихъ дѣтей, умершихъ года два-три тому назадъ, Марья Ѳедоровна приписывала этой землѣ: о домѣ она думала, а не о дѣтяхъ; брошенными росли, потому и умерли; вотъ и Митя захирѣлъ, потому что и на него мало вниманія обращали. А тетка Дарья? Развѣ Орловы могли бы такъ забыть и бросить ее, еслибы не эти волненія по постройкѣ дома, не этотъ пожаръ, не смерть дѣдки, не разореніе?... Нѣтъ, тетка Дарья только потому и погибла, что они объ однихъ своихъ интересахъ думали, одни свои барыши считали. Это былъ періодъ покаянія и бичеванія себя.

— Всё потому, что выше Бога хотимъ быть!—говорила Марья Ѳедоровна съ горечью.

Но рядомъ съ этимъ начинала пробиваться все замѣтнѣе и замѣтнѣе другая струйка, другой потокъ идей. Вотъ еслибъ Андрей Ивановичъ хоть немного больше получалъ содержанія, тогда было бы все хорошо.

— Жалованье-то какое даютъ, курамъ на смѣхъ,—говорила раздражительно Марья Ѳедоровна. — Они бы хоть то подумали, что на это жалованье квартиру нанять да одѣться только и можно. Что-жь, съ голода, что ли, умирать или воздухомъ питаться? При царѣ-горохѣ назначили жалованье это, когда все вдесятеро дешевле было, и ни гроша не прибавляютъ. Видно, хотятъ, чтобы чиновники-то на большихъ дорогахъ грабили или рѣзали людей. Люди на государевой службѣ состоятъ, царю служатъ, чины имѣютъ, горбъ гнутъ, а какой-нибудь швейцаръ или камердинеръ у министра больше получаетъ, чѣмъ они. Посадила бы я ихъ на наше мѣсто хоть на годъ,—увидали бы тогда, каково намъ живется.

Бѣдную женщину душила злоба; ея рѣчи становились крайне рѣзкими и желчными.

— Нѣтъ, надо, видно, точно съ живаго и съ мертваго драть, тогда только и выбьешься изъ нужды,—говорила она.—И дураки тѣ, которые не берутъ!

— И радъ бы взять, да кто дастъ?— замѣтилъ ей какъ-то вскользь Андрей Ивановичъ.

— Кто дастъ, кто дастъ?... Вотъ Ѳедору Матвѣвичу дадутъ,— отвѣтила Орлова.

— Парамоновъ-то въ справочномъ столѣ служить,— пояснилъ мужъ.— Тамъ послѣдній писаришка какъ сыръ въ маслѣ катается. У нихъ что ни справка— то доходъ. Послѣдній мужичонко изъ грязной тряпицы деньги выворачиваетъ. А у насъ въ столѣ развѣ наводятъ справки? Мы и просителей-то въ годъ въ лицо ни разу не увидимъ.

— Да, инымъ людямъ счастье!— со вздохомъ замѣтила Марья Ѳедоровна.

— Отчего же и не валить счастьемъ, если во-время позвалъ директорскаго камердинера сынишку окрестить?— отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.— Не дома намъ строить надо было, а связями запасться. Такъ-то вѣрнѣе бы было!

Въ голосѣ Андрея Ивановича зазвучала сухая рѣзкость. Марья Ѳедоровна даже изумилась и какъ будто струсила,— такъ непривыченъ былъ для нея этотъ тонъ мужа.

— У насъ все фанаберіи какія-то,— настойчиво продолжалъ Андрей Ивановичъ еще болѣе сухо, еще болѣе рѣзко.— Съ фанаберіями далеко не уйдешь. Много о себѣ думали,— изъ благородныхъ тоже, изъ дворянъ! Когда къ намъ нужные люди идутъ сами, мы ихъ приласкать не умѣемъ, случаемъ не умѣемъ пользоваться. Что намъ они?— Мы и безъ ихъ помощи проживемъ! Чиновные мы люди, такъ гдѣ ужъ намъ съ какой-нибудь крѣпостной челядью компанію водить!...

Марья Ѳедоровна слушала, какъ провинившаяся, эти упреки съ опущенною головою. Она сознавала, что мужъ намекаетъ на ея неумѣнье приласкать нужныхъ людей. Она знала даже, про какой именно случай онъ говоритъ, и не возражала, не оправдывалась.

— Къ намъ идутъ, бѣлье шить отдаютъ, а мы знакомства не умѣемъ завязать,— беспощадно продолжалъ Андрей Ивановичъ пояснять свою мысль, точно не замѣчая смущенія жены.— Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, знакомство завязывать съ первой встрѣчной крѣпостной дѣвкой. У насъ мужъ— чиновникъ, у насъ родные все изъ дворянъ, помѣщиками тоже сами когда-то были, крѣпостныхъ полторы души имѣли,— такъ мы и безъ знакомства съ холопами въ люди выйдемъ! А чья это горничная-то?— Самой директорши!

Можетъ-быть, эта холопка-то больше самого директора значить. Этого мы и знать не хотимъ!

Марья Федоровна заплакала, — тихо, безмолвно заплакала, — и находя словъ для оправданія себя. Дѣйствительно, она сознавала теперь, что она была виновата: нѣсколько недѣль тому назадъ къ нимъ заходила заказать себѣ бѣлье дворовая дѣвушка, состоявшая при женѣ директора горничною. Бѣлье было шито на этомъ все дѣло и кончилось, несмотря на особенную любовь разбитной дѣвушки, приглашавшей къ себѣ въ гости «компанію водить» и Марью Федоровну, и Анну Андреевну. Тогда Марья Федоровна даже и не подумала о возможности знакомства съ этою горничною. Еще бы! Марья Федоровна вообще не долюбливала «бабья» и почти не имѣла знакомыхъ женщинъ даже въ своемъ чиновническомъ кругу. Съ чего же она вдругъ стала бы водить знакомство съ крѣпостной служанкой?... У нихъ, у Орловыхъ, собирались все-таки благородные люди, чиновники, и вдругъ среди нихъ появилась бы крѣпостная дѣвушка. Самъ Андрей Ивановичъ тогда не возражалъ ничего женѣ и только вскользь замѣтилъ: «она директоршей вертить». Это было сказано мellowкомъ, не въ видѣ какого-нибудь совѣта, а просто какъ характеристика этой шустрой особы. Теперь было не то: Андрей Ивановичъ видѣлъ съ одной стороны, что ихъ положеніе все ухудшается, а съ другой — и самъ замѣтилъ, и слышалъ толки товарищей, что его сослуживецъ Федоръ Матвѣевичъ Парамоновъ ловкую штуку устроилъ, пригласилъ въ крестные отцы къ своему сыну камердинера директора. Это обстоятельство невольно напомнило ему о горничной жены директора. Не мало пользы могла бы она принести, еслибъ ее приласкали. Марья Федоровна и съумѣла сдѣлать этого. Онъ разсердился на жену. Впрочемъ его раздраженіе длилось не долго: у него были спѣшныя дѣла сотни мелкихъ служебныхъ заботъ, — думать о томъ, что было безвозвратно упущено, было некогда. Но Марья Федоровна услуживалась не такъ легко. Упреки мужа подняли въ ней цѣлый рядъ думъ и размышленій: еслибъ эта горничная была облакаными, они могли бы черезъ нее добиться перевода Андрея Ивановича на болѣе выгодное мѣсто; можетъ-быть, эта горничная заходила къ нимъ съ заказомъ бѣлья не проста; такъ бы она не зашла къ нимъ, еслибъ у нея не было другихъ цѣлей, такъ какъ швей много. Но что же ей было нужно отъ нихъ? Она спрашивала что-то о племянникѣ Андрея Ивановича, Васѣ: въ

ему вели эти распросы? Или это она такъ спрашивала о немъ въ цѣли?... Всѣ эти думы и вопросы не давали Марьѣ Ѳедоровнѣ покоя въ теченіе нѣсколькихъ дней. Она ходила въ какой-то ревогъ и, наконецъ, на что-то рѣшилась.

Одѣвшись однажды утромъ въ самое нарядное платье, она вышла изъ дому, сказавъ Аннѣ Андреевнѣ, что идетъ по дѣлу. Дочери показалось нѣсколько страннымъ, что мать не сказала ей, по какому именно дѣлу она идетъ. Секретовъ и тайнъ между матерью и дочерью не было, а тутъ вдругъ мать такъ принялась и ушла, не сказавъ, куда идетъ. Прошло болѣе трехъ часовъ прежде ея возвращенія. Анна Андреевна начинала уже беспокоиться, какъ вдругъ раздались шаги матери и передъ Анной Андреевнѣ появилось сіяющее лицо Марьи Ѳедоровны. Давно Марья не смотрѣла такъ весело.

— Работу, Аннушка, достала, — сказала она, бросивъ на столъ зеленую и снимая шляпку. — Надо будетъ пофасонистѣе все шить.

— Отъ кого? — спросила Анна Андреевна.

— Отъ Лизаветы Михайловны, — отвѣтила мать. — Попеняла ей, что она насъ забыла, наврала, что сама все больна была и вырваться не могла ради болѣзни и смерти тетки Дарьи. Ну, повѣрила, затарантила... Вотъ ужъ бойка на языкъ-то, такъ и выплеть, такъ и сыплеть словами. Просто слушать устанешь...

Анна Андреевна смотрѣла на мать въ недоумѣніи.

— Да про какую Лизавету Михайловну вы говорите? — спросила она.

— Да про камеръ-юнгферу генеральши! Помнишь, что бѣлье-то отдавала шить да все къ себѣ звала насъ? — отвѣтила Марья Ѳедоровна.

— Гдѣ вы ее встрѣтили?

— Да не встрѣтила, а говорю тебѣ — у нея была... Обрадовалась, не знала куда посадить, кофеемъ угощала, завтрагомъ... И все-то это у нихъ господское: и серебро, и хрусталь, и столовое бѣлье. Такъ и помыкаютъ всѣмъ, какъ своимъ... Она къ намъ въ воскресенье завернетъ въ гости. Спрашивала опять про Васю. Я удивилась, что она Васю знаетъ и такъ имъ интересуется, а она, видишь ли, встрѣчала Васю-то съ нашимъ отцомъ, разузнала, что онъ Андрею Ивановичу родной племянникъ, братчинъ сынъ, и что служить въ министерствѣ финансовъ. Сдается мнѣ что-то, что она нарочитъ познакомиться съ Васей... Что-жь, онъ человѣкъ молодой, холостой, одинокій, а она дѣвушка хоро-

шая, добрая и, поди, кое-что скоплено. Да ужь какъ не скопимъ при такомъ житьѣ-то: вѣдь она у генерала съ цѣлой семьей служить—и съ матерью, и съ братьями, и съ тетками. Какъ ест саранча, ей-богу! Со всѣхъ сторонъ домъ генеральскій облѣпили. Такъ тутъ можно на приданое скопить. Тоже Васѣ и въ его мистертвѣ черезъ ея генеральшу могутъ повышение дать,—вѣдь у нихъ тамъ у всѣхъ связи, у генераловъ-то...

Марья Ѳедоровна говорила быстро, оживленно.

-- Но развѣ Вася рѣшится жениться на крѣпостной горничной?—сказала Анна Андреевна.

— Не горничная, а камеръ-юнгфера!—сказала Марья Ѳедоровна.—Она иначе себя и не называетъ. Ну, да это что!... Да по другому вѣдомству она. Кто узнаеть? Конечно, съ улицы сталъ бы ему ее сватать, можетъ-быть, и отказался бы, по молодости лѣтъ, а то нашъ отецъ можетъ ему все это объяснить, какі она такія протекціи имѣеть. Тоже мальчигъ на линію черезъ не можетъ выйти. Лбомъ-то своимъ да спиною, матушка, тоже и многого добьется. Вонъ отецъ-то нашъ всю жизнь горбъ гнетъ а гдѣ это наши капиталы-то да чины? Отъ кого это намъ почетъ да уваженіе?... Нѣтъ, ужь правду говоритъ пословица: что твое чести, коли нечего ѣсть! Прежде-то я и сама, вотъ какъ ты рассуждала, а теперь познала все это, прошла эту науку-то..

— Да честная ли она хоть дѣвушка-то?—спросила Анна Андреевна.

— Ну, это темная вода, Аня,—отвѣтила Марья Ѳедоровна.—Да тутъ и не въ этомъ дѣло. Ужь, конечно, если Вася женится на ней, такъ изъ расчета, значить и нужно хлопотать только чтобы не обочли...

— Ну, ужь такъ-то лучше и не жениться, безъ любви-то..

— И съ любовью-то тоже не радость; скоро что-то эта любовь проходитъ, какъ любишь на голодное брюхо...

Анна Андреевна промолчала.

Вечеромъ пришелъ изъ должности Андрей Ивановичъ. Марья Ѳедоровна быстро сообщила ему новость. Онъ выслушалъ весь ея рассказъ молча, внимательно, не раздвигая сдвинутыхъ бровей. Когда она кончила, онъ коротко и сухо замѣтилъ:

— Ну, слава Богу, хоть разъ умнаго совѣта послушалась

Эти слова были послѣднею каплей, переполнившю чашу го речи въ сердцѣ Марьи Ѳедоровны. Смотри на ея оживленное и бодрое лицо, никто и не подозрѣвалъ, что таилось у нея на сердцѣ!

въ этотъ день. Услышавъ слова мужа, она вдругъ поблѣднѣла и заговорила быстро, со слезами въ голосѣ:

— Грѣхъ тебѣ, отецъ, грѣхъ такъ говорить! Не въ первый разъ, не въ послѣдній я умнаго совѣта послушалась! Все я дѣлала, что могла, что умѣла. Не мнѣ рассказывать, какъ я бѣгала, — сама видѣла, что и не допивала, и не доѣдала, и не досыпала, чтобъ изъ нужды семью вытащить, чтобы тебѣ помочь. Дармоѣдкой нельзя назвать...

— Да кто же говорить, — замѣтилъ было Андрей Ивановичъ, не ожидавшій такого оборота бесѣды, но Марья Феодоровна не дала ему кончить.

— Нѣтъ, ужъ если за все, за все, что дѣлаю, да еще попрекать будутъ, — свои близкіе попрекать будутъ, — такъ лучше и не жить! — почти рыдая, проговорила она. — Все у меня наболѣло, всякій суставчикъ ноетъ, такъ еще новаго горя не доставало, чтобы свои же люди говорили, что я не хочу имъ помочь, что я отъ чего-нибудь отказываюсь. Да еслибы мнѣ сказали, что для васъ я по грязи должна ползать, въ ногахъ у людей валиваться, я и тогда ни слова бы не сказала напротивъ... А ты говоришь: въ первый разъ умнаго совѣта послушалась! Что-жь, значитъ я не слушалась тебя когда-нибудь, спорила съ тобой, привередничала, какъ другія жены?...

— Полно, мать, полно! — тихо сказалъ Андрей Ивановичъ и въ его голосѣ послышались и мягкость, и грусть.

— Изстрадалась я за это время, изстрадалась! — продолжала она, рыдая. — И видитъ Господь Богъ, что одного только прошу я, чтобъ Онъ прибралъ меня поскорѣе! Пошло какъ все подъ гору, такъ и конца края не видно: тутъ нужда, тамъ потеря, въ семьѣ разладъ, добраго слова не слышно; сегодня ты попрекнешь, завтра, глядишь, дѣти корить стануть, а ужъ тогда лучше и не жить, лучше и не жить...

Анна Андреевна, захлебываясь отъ слезъ, молча и не слышно вышла изъ кухни.

— Маша, голубушка, оба мы изстрадались, оба! — совѣмъ ласково проговорилъ Андрей Ивановичъ. — Ты тутъ плакала, а у меня тамъ буквы да строчки передъ глазами прыгали. Не отъ радости тоже, не отъ радости! Ты думаешь мнѣ-то легко? Молчу я только, такъ что же говорить-то? Кто пособить? Чѣмъ пособить? А иногда вотъ молчишь, а въ душѣ-то точно кто-то сидитъ да нашептываетъ: «Покончи, покончи все разомъ».

— Андрей Ивановичъ, Христось съ тобой!—воскликнула испуганно Марья Федоровна.—Грѣхъ-то какой!

— Грѣхъ не грѣхъ, а вонъ и у тебя сорвалось, что только о смерти и молишь Бога... Видно, тоже отъ радости да отъ счастья...

— Прошли онѣ, видно, радости-то!

— Вотъ то-то и есть, что прошли... И онѣ прошли, и все прошло, и ждать больше нечего...

Послѣ многихъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня пожара, мужъ и жена впервые снова бесѣдовали теперь между собой, какъ бесѣдовали они когда-то въ вечерніе часы. Но, Господи, какая пропасть отдѣляла тѣ вечера отъ этого вечера! Тогда у нихъ были радужныя надежды, живые толки, веселыя шутки. Теперь они изливали другъ передъ другомъ все, что перестрадали они въ эти страшные мѣсяцы бѣды и горя и что они старались тщательно, упорно скрыть другъ отъ друга, бессознательно, инстинктивно щадя и въ то же время невольно терзая одинъ другаго. Только одно общее было между тѣми вечерами и этимъ вечеромъ—это ихъ простая, искренняя привязанность другъ къ другу, къ дѣтямъ. Эта привязанность еще не была погуба убита, не погибла подъ всѣми развалинами былаго счастья. Мужъ рассказалъ женѣ, какъ оскорбленъ и униженъ онъ былъ еще сегодня, попросивъ у начальства перевода на лучшее мѣсто и получивъ грубый отказъ. Она въ свою очередь передала мужу, какъ мучилась она въ теченіе трехъ дней, стараясь переломить себя, чтобы «поклониться кошкѣ въ ножки». Онъ жаловался на то, что его не поощряютъ,—что если онъ и не считаетъ себя очень большимъ умомъ, то все же онъ признаетъ себя лучшимъ работникомъ и честнымъ чиновникомъ; но видно не рвеніе и честность нужны начальству, а протекція и низкопоклонство. Она роптала на то, что ей впервые пришлось унижаться передъ этой барской барыней, что ей хотѣлось всегда добиться всего честнымъ трудомъ,—своимъ трудомъ, а не заискиваньемъ Богъ знаетъ передъ кѣмъ,—что она сегодня какъ на горячихъ угольяхъ сидѣла въ людской съ лакеями и съ поварами за кофе.

— Безъ васъ, говорить, знаютъ, кто чего достоинъ,—разсказывалъ Андрей Ивановичъ про отвѣтъ, данный ему начальствомъ.—А кто это знаетъ-то? Они, начальники, что ли? Такъ ничего они не знаютъ, ничего не видятъ, а пляшутъ подъ чью-нибудь дудку. Однимъ секретарь ворочаетъ, другимъ камердинеръ, третьимъ любовница. И такъ все идетъ: есть протекція—лилуй

и веселись, нѣтъ протекціи — поколѣвай въ неизвѣстности... Тутъ по-неволѣ съ горя-то махнешь на все рукой да либо запьешь, либо руки на себя наложишь...

— Ироды, Ироды проклятые! — шептала Марья Ѳедоровна. — Не даромъ хамы-то ихъ носъ поднимають да свысока смотрять на насъ... Ты бы послушалъ, какъ они о чиновникахъ-то говорятъ, точно чиновники-то не царю, а имъ, хамову отродью, служатъ...

— Знаю я ихъ! Слава Богу, на первомъ мѣстѣ тоже сидятъ у многихъ изъ нашихъ...

— Да что говорить, что говорить! Станешь принимать ихъ да кланяться имъ, какъ животы подведетъ...

— Не сладко оно только, — ой, какъ не сладко!

— Да ужь что и говорить. Ты ему поклонись, да жди, когда онъ надъ тобой наломается. Даромъ хамъ тебѣ не услужить...

Мужъ и жена чутьемъ угадали теперь, почему онъ такъ рѣзко отвѣтилъ ей на ея радостную новость и почему она такъ быстро перешла отъ этой радости къ истерическимъ рыданіямъ.

Анна Андреевна и дѣти покойной сестры Дарьи, давно уже уснули крѣпкимъ сномъ, а въ кухнѣ все еще продолжалась бесѣда мужа и жены; они выплакали все наболѣвшее на душѣ и словно имъ стало легче, точно они помолодѣли, точно имъ нужно было снова громко высказать другъ другу, что если они и были несчастны, то несчастье все-таки покуда пощадило одно изъ ихъ совровищъ — ихъ супружескую любовь, ихъ семейное согласіе.

— Ну, а на меня-то ты не сердисься? — спрашивалъ жену ласковымъ шепотомъ Андрей Ивановичъ.

— Я и не сердилась, больно мнѣ только было, подъ сердце точно что подкатилось, — отвѣчала она также тихо.

У Орловыхъ точно отлегло отъ сердца. Имъ казалось, что гроза, разразившаяся надъ ихъ семьей во время пожара въ ихъ домѣ и не перестававшая бушевать надъ ними въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, вдругъ улеглась, утихла. Впереди не предвидѣлось никакого новаго счастья, никакихъ новыхъ радостей; но они чувствовали, что для нихъ хотя на время настаетъ затишье. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они точно избѣгали другъ друга, точно не были мужемъ и женой, точно боялись приласкать одинъ другаго. Теперь все словно выяснилось между ними и у нихъ опять явилась потребность, явилась возможность дѣлиться между собой и горемъ, и радостями.

А. Михайловъ.

Провозвѣстники гусситскаго движенія *).

Миличъ.—Матвѣй изъ Янова.—Іоаннъ Гуссъ.—Іеронимъ Пражскій.

Печать необыкновенной нравственной глубины, составляющая отличительный признакъ гусситства, или вѣрнѣе не всего гусситства вообще, а только наиболѣе полного и послѣдовательнаго выраженія его, таборитства,—эта печать прежде всего должна была отразиться на идеяхъ и принципахъ, провозглашенныхъ движеніемъ. И дѣйствительно, мы дальше увидимъ, что чего-нибудь выдающагося теоретическою новизной въ идеалахъ таборитства нѣтъ. Но за то по глубинѣ страстнаго стремленія къ истинѣ, по жгучести желанія воплотить слово въ дѣло,—словомъ, по силѣ нравственнаго чувства табориты, за исключеніемъ первыхъ христіанъ, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго во всей всемірной исторіи.

Такая же печать глубокаго нравственнаго убѣжденія и необыкновенной нравственной силы лежитъ и на дѣятеляхъ движенія, на Гуссѣ, Іеронимѣ Пражскомъ и ихъ предшественникахъ—Миличѣ и другихъ. Конечно, эти люди замѣчательны и своими интеллектуальными качествами: Миличъ въ умственномъ отношеніи былъ человѣкъ очень выдающійся; Гуссъ принадлежалъ къ лучшимъ богословамъ своего времени; Іеронимъ обладалъ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, что даже католическіе епископы, по-истинѣ «засмердѣвшіе» въ грѣхѣ, не могли устоять противъ обаянія его слова. Но все-таки не ученость и не краснорѣчіе выдвигаютъ Гусса и Іеронима въ первые ряды человѣчества. Такихъ богослововъ и ораторовъ исторія можетъ насчитать не одного. Но

* Отрывокъ изъ этюда о гусситахъ и таборитахъ (*Русская Мысль* 1881 г., кн. XII).

за то по нравственному своему совершенству, по готовности положить душу за проповѣдуемые идеалы—и Гуссъ, и Иеронимъ стоять почти одиногими въ исторіи, такъ какъ, къ сожалѣнію, почти нѣтъ примѣровъ, чтобы люди первостепенной силы интеллекта стояли бы на такомъ же уровнѣ нравственной высоты.

I.

Гуссъ не былъ первымъ проявленіемъ нравственнаго протеста чеховъ. Въ Чехіи никогда не было затеряно истинное пониманіе проповѣди Великаго Учителя, потому что, какъ и болгаре, чехи приняли христіанство не по принужденію и не изъ политической необходимости. Когда въ 845 году четырнадцать воеводъ вмѣстѣ съ своими дружинами, въ расчетѣ на милости нѣмецкаго короля Людовика, приняли христіанство, народъ не пошелъ за ними, а остался вѣрнъ старымъ языческимъ вѣрованіямъ. Но нравственная евангельская проповѣдь Кирилла и Меодія имѣла необыкновенно быстрый успѣхъ. Священное Писаніе объяснялось народу не на мертвомъ языкѣ древнихъ латынянъ, но на его же родномъ нарѣчій, и потому находило доступъ въ его сердце. Потому также у чеховъ было несравненно больше истиннаго пониманія религіи любви, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ, служившихъ Христу съ остервенѣніемъ язычниковъ. Что же удивительнаго, что развратъ служителей Того, кто проповѣдывалъ на горѣ, такъ болѣзненно отозвался въ народномъ чувствѣ и задолго до Гусса вызываетъ протестъ! Гуссъ завершилъ цѣлую полосу подготовительнаго движенія. Еще въ срединѣ XIV столѣтія, т. е. при первыхъ всплескахъ мутной волны развращенности духовенства, въ Чехіи противъ этого уже раздается карающее слово. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ богомилскомъ движеніи, мы видимъ ту *быстроту протеста*, которая такъ сильно противорѣчитъ представленію многихъ историковъ и публицистовъ относительно славянъ, какъ олицетворенія нравственной неподвижности.

По странной случайности, первымъ изъ ряда проповѣдниковъ, подготовившихъ почву для принциповъ Табора, былъ нѣмецъ Конрадъ Вальдгаузеръ, родомъ изъ Австріи. Но то, что проповѣдь его нашла себѣ отзвукъ только въ Чехіи, даетъ намъ право считать его чешскимъ дѣятелемъ и находить въ успѣхѣ его проповѣди черты для характеристики чешскаго народа.

Конрадъ появляется въ Прагѣ около половины XIV столѣтія и начинаетъ громить роскошь и развратъ пражскаго населенія.

Онъ возстаетъ противъ пышности въ одеждѣ, противъ извѣженности и тщеславія. Но всего тяжелѣе грома его замѣчательнаго краснорѣчія падаютъ на клириковъ. «Если кто любитъ своего сына или свою дочь, пусть не отдаетъ ихъ къ монахамъ,—говоритъ онъ своимъ прихожанамъ:—тамъ ихъ совратятъ и собьютъ съ пути истины». Въ особенности сильно нападаетъ онъ на орденъ нищенствующихъ монаховъ. «Еслибы основатели ордена могли посмотрѣть на свое твореніе,—говорилъ онъ,—они бы пришли въ ужасъ. Но имъ бы не дали высказать своего негодованія,—развратные, себялюбивые, тщеславные монахи побили бы ихъ камнями» *). Самой церкви Вальдгаузерь не трогалъ,—онъ только желалъ «исправленія нравовъ въ духѣ первыхъ временъ христіанства» **).

Въ 1364 году Вальдгаузерь умираетъ. На смѣну ему является чистокровный славянинъ—Миличъ изъ Кромерижа, въ Моравіи. Это былъ человекъ въ высшей степени замѣчательный, одна изъ самыхъ нравственныхъ личностей въ исторіи. Въ одно и то же время онъ соединялъ въ себѣ необыкновенную нравственную чистоту и изумительныя умственныя дарованія. Глубинѣ его теологическихъ познаній удивлялся самый знаменитый чешскій схоластикъ того времени, Адальбертъ Ранконисъ изъ Ерицина, бывшій ректоръ Парижскаго университета, въ удивленіи говорившій, что Миличъ въ одинъ часъ разрабатываетъ сюжетъ, на который знаменитѣйшіе ученые употребляютъ цѣлый мѣсяць ***). Не въ этомъ, однако же, заключается значеніе Милича. Значеніе его заключается въ той готовности, съ которою онъ отдалъ всю свою жизнь на служеніе тому, что онъ считалъ истиной. Отказавшись отъ богатаго прихода, отъ почетнаго и высокаго положенія при дворѣ Барла IV, Миличъ посвящаетъ всѣ свои таланты, всѣ свои познанія, все свое изумительное краснорѣчіе на борьбу съ развращенностью городского населенія и духовенства, становившеюся день ото дня наглѣе и безстыднѣе. Развращенность эта приняла въ умѣ Милича конкретную форму наступленія царства антихриста и противъ него-то онъ предпринимаетъ ожесточенную борьбу. Въ Миличѣ было столько нравственной силы, въ немъ накопилось столько негодованія противъ зла, онъ такъ страстно желалъ лучшихъ порядковъ, что каждый день проповѣдывалъ по два, по три

*) *Jordan*: «Die Vorläufer des Hussitenthums in Böhmen», стр. 15.

**) *Ibid.*, стр. 16.

***) *Palazky*: «Geschichte von Böhmen», Band. III, Abth. I, примѣчаніе 166.

часа на одну и ту же тему и постоянно находилъ новыя краски, новыя примѣры, новыя тексты, такъ что всякій разъ тысячи стекавшихся со всѣхъ сторонъ слушателей выходили одинаково потрясенные. И не только однимъ словомъ дѣйствовалъ Миличъ, — вся его прагматическая жизнь тоже была посвящена насажденію правды и любви къ ближнему. «Со всякимъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, — пишетъ современникъ его Матвѣй изъ Янова, — онъ былъ одинаково любвеобиленъ и кротокъ; никто не уходилъ отъ него безъ утѣшенія. Это былъ второй пророкъ Илья. Онъ постоянно истязалъ свое тѣло постомъ, побоями и покаяніемъ. Его готовность служить благу народа, его неустанная дѣятельность въ этомъ смыслѣ превосходила человѣческія силы, противорѣчила человѣческой натурѣ. Безъ перерыва выслушивалъ онъ на исповѣди, посѣщалъ больныхъ и заключенныхъ, обращалъ на путь истинный колеблющихся и грѣшниковъ» *). Дѣйствіе его карающаго краснорѣчія было настолько неотразимо, что противъ него не устояли даже проститутки. Сотнями оставляли онѣ свое ремесло, такъ что вскорѣ опустѣлъ самый оживленный притонъ ихъ, такъ-называемая «Малая Венеція» (по-чешски «Benatky») и на мѣстѣ ея Миличъ выстроилъ пріютъ для раскаявшихся женщинъ, которому далъ названіе «Іерусалимъ». На устройство «Іерусалима» онъ истратилъ все, что имѣлъ, и продалъ даже самое драгоценное свое достояніе — книги. Когда и этого не хватило, онъ сталъ выпрашивать деньги у богатыхъ пражанъ, и когда вмѣсто содѣйствія встрѣчалъ насмѣшки, онъ съ кротостью, которая никогда его не покидала, принимался за новые поиски **).

Понятно, что такой человѣкъ не останавливался ни передъ чѣмъ, когда дѣло шло о томъ, чтобъ обнаружить истину. Онъ разъ публично обозвалъ антихристомъ самого императора. Удивительно ли послѣ этого, что онъ всею силой своего уничтожающаго краснорѣчія бичуетъ невѣжество, лѣность и развратъ духовенства, причемъ не дѣлаетъ исключенія для лицъ стоящихъ во главѣ церкви. Патеры сразу сообразили, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Если злоба у нихъ кипѣла противъ Вальдгаузера, то по отношенію къ Миличу дѣло этимъ не ограничивается. На него пишутъ грозный доносъ папѣ и тотъ вызываетъ къ себѣ на допросъ неумѣреннаго проповѣдника. Обрадовались пражскіе кано-

*) Denis: «Huss et les guerres hussites», стр. 20.

***) Jordan, стр. 34.

ники, когда Миличъ послушался и отправился сначала въ Римъ, а потомъ въ Авиньонъ. «Jam Milicius cremabitur», то-есть скоро сожгутъ Милича, злорадно объявляли патеры съ церковныхъ кафедръ. Миличъ какъ бы самъ старался о томъ, чтобы предсказаніе это сбылось. Прибывши въ Римъ, онъ и въ этомъ всемірномъ центрѣ разврата принимается проповѣдывать объ истинѣ и добрѣ.

«Когда я потерялъ надежду увидѣть господина нашего папу въ Римѣ,—пишетъ онъ,—я рѣшился отправиться въ Авиньонъ. Тѣмъ временемъ духъ воспрянулъ во мнѣ, такъ что я не былъ въ силахъ не сказать себѣ: иди и прибей извѣщеніе къ дверямъ церкви Св. Петра, какъ ты это всегда дѣлалъ въ Прагѣ, когда хотѣлъ о чемъ-нибудь проповѣдывать. Напиши въ этомъ извѣщеніи, что ты хочешь проповѣдывать о томъ, что пришелъ антихристъ. Увѣщевай затѣмъ духовенство и народъ, чтобы они молились за господина нашего папу и за господина нашего императора, дабы внушилъ имъ Господь внести порядокъ въ церковь, такъ чтобы правовѣрные могли бы вполне служить Создателю. И рѣчь, которую ты скажешь, напиши сейчасъ же на бумагѣ, чтобы нельзя было извратить ея смыслъ, чтобы всѣ заговорили о затрогиваемомъ въ немъ предметѣ, чтобы злые пришли въ ужасъ, а добрые стали бы еще болѣе усердными слугами Господними» *).

Все это Миличъ привелъ въ исполненіе и еслибы не заступничество нѣкоторыхъ знатныхъ римлянъ, ему бы пришлось плохо. Изъ Рима онъ отправился въ Авиньонъ, но тутъ онъ заболѣлъ и умеръ, къ великой радости всѣхъ тѣхъ, съ которыхъ онъ съ такою неустрашимостью сорвалъ маску и выставилъ на общественное позорище.

Миличъ сдѣлалъ шагъ впередъ въ сравненіи съ Вальдгаузеромъ. Онъ несравненно болѣе расширилъ число недовольныхъ современными порядками: Вальдгаузеръ проповѣдывалъ по-нѣмецки и слушателями его, слѣдовательно, являлось только городское населеніе Праги; Миличъ же проповѣдывалъ по-чешски и потому слова его раскатистымъ эхомъ пронеслись по всей Чехіи. Но болѣе всего шагъ впередъ, о которомъ мы говорили, заключается въ жгучести проповѣди Милича. Вальдгаузеръ каралъ не указывая такъ опредѣленно на причины, не говоря такъ опредѣленно

*) Ibid., стр. 23.

къ истинныхъ виновникамъ развращенія нравовъ. Вальдгаузера жесткіе каноники конечно ненавидѣли, но для Милича они требовали костра. Въ проповѣди Милича патеры видѣли приближеніе къ той чертѣ, за которою слово переходитъ въ дѣло.

Еще дальше Милича пошелъ Матвѣй изъ Янова. Значеніе о, какъ практическаго дѣятеля, не велико. Онъ проповѣдывалъ, мало, и притомъ рѣчь его не отличалась тою огненностью, которая въ состояніи наэлектризовать толпу. За то огромно его значеніе какъ теоретика, какъ катехизатора нравственныхъ стремленій, одушевлявшихъ чеховъ. Теоретически Гуссъ не пошелъ дальше Матвѣя изъ Янова и многія сочиненія Матвѣя были приписаны Гуссу. Какъ мыслящій умъ, Матвѣй стоялъ выше Гусса. Большинство своихъ положеній Гуссъ взялъ у него цѣликомъ, между прочимъ знаменитое причащеніе подъ двумя видами. Сочиненія Матвѣя интересны какъ программа, которую табориты гонимы были выполнять до мелочей.

Источникъ зла Матвѣй видитъ въ забвеніи слова Божьяго. Люди замѣнили ученіе Спасителя тысячею мелочей, которыя отнимали вниманіе вѣрующихъ отъ высшихъ истинъ христіанства. Они поставили рядъ посредствующихъ звѣньевъ между вѣрующими и Богомъ, что противорѣчитъ ученію Христа. Всю вообще запутанную средневѣковую католическую догматику Матвѣй заменяетъ однимъ положеніемъ—подражаніемъ Иисусу Христу. Изъ него проистекаютъ тѣ немногія *regulae*, которыя вполне достаточны, по его мнѣнію, чтобы стать истиннымъ христіаниномъ. Они состоятъ въ любви къ Богу и ближнимъ, въ смиреніи и самозабвеніи.

Новаго въ ученіи Матвѣя было то, что основа христіанства есть Св. Писаніе и что не нужно посредствующихъ звѣньевъ между Богомъ и вѣрующимъ, и этимъ Матвѣй больше чѣмъ на 25 лѣтъ раньше Лютера провозгласилъ главные принципы реформации. Остальные принципы Матвѣя—любовь къ ближнимъ, смиреніе и самозабвеніе—не были, конечно, новы и, вѣроятно, не разъ произносились съ кафедры тѣми же самыми лицомъ, проповѣдниковъ которыхъ сражался длинный рядъ чешскихъ нравственныхъ проповѣдниковъ. Но нова была твердая рѣшимость дѣйствительно дѣлать любовь къ ближнему краеугольнымъ камнемъ общественной и индивидуальной жизни. Ново было страстное желаніе воцарить первые вѣка христіанства и положить Евангеліе въ основаніе всѣхъ общественныхъ отношеній. Табориты, до мелочей

точные послѣдователи Матвѣя изъ Янова, знамениты не теоретическими заслугами, не умственной реформою; они знамениты какъ единственные, полные практическіе выразители проповѣди Великаго Учителя, какъ христіане, не оставшіеся ими только имени, какъ люди, желавшіе основною чертой человѣческой природы сдѣлать не любовь къ себѣ, а любовь къ другимъ.

Матвѣемъ изъ Янова не ограничивается рядъ предшественниковъ Гусса. Одновременно съ нимъ, въ его духѣ и направленіи, пишутъ Тома Штитный, Матвѣй изъ Кривога, Янъ изъ Рава, Вацлавъ Роле, Войтехъ Ранко, Янъ изъ Штегна и другіе. Для насъ интересно не самое ученіе этихъ проповѣдниковъ, различающееся отъ ученія Матвѣя, но большое число ихъ. Оно и казывается, какъ назрѣлъ протестъ, какъ необходима была буря которая разсѣяла бы душившіе всѣхъ міазмы.

II.

Мы уже видѣли, что самый рѣзкій, самый пламенный изъ предшественниковъ Гусса—Миличъ—былъ искренній католикъ и совершенно не касался догматовъ церкви. Онъ былъ не доволенъ только выполненіемъ ихъ, чего, конечно, было совершенно достаточно, чтобы возбудить въ членахъ клира живѣйшее желаніе слышать его. Если народъ толпами стекался на проповѣди Милича, то не потому, что онъ въ нихъ возвѣщалъ какія-нибудь новыя истины, проводилъ какія-нибудь новыя идеи, — нѣтъ, Миличъ говорилъ о вещахъ старыхъ какъ міръ. Но за то чувствовалось, что говоритъ человекъ изъ самой глубины глубоко-честнаго сердца, что онъ душу свою положитъ за правду и истину, а не фарисейски лицемерно мѣрять, подобно латино-нѣмецкимъ каноникамъ. Проповѣдь Милича относилась собственно не къ догмату, а къ христіанской дисциплинѣ, т. е. къ истинно-нравственной жизни.

Этотъ же отличительный признакъ, т. е. слабое догматическое значеніе и высоко-нравственное, носить на себѣ и проповѣдь Гусса, чѣмъ и отличается отъ проповѣди Лютера, Каммина, Цвингли и ближайшаго предшественника своего—Виклефа.

«Виклефъ былъ догматикъ, Гуссомъ же владѣла одна мысль—исполнить вѣрно нравственный законъ христіанства. Трудно найти въ исторіи человека, который съ такой безусловною правдивостью осуществлялъ своею жизнью заповѣди Евангелія. Онъ подражалъ Творцу христіанства и въ томъ, что его ученіе не имѣло

рактическаго догматическаго формуль, а было полно живаго нравственнаго наставленія. Онъ не отличался ни необыкновенною ясностью, ни гениемъ первокласснаго писателя или проповѣдника: его сочиненія, его проповѣди не стоятъ выше средняго уровня произведеній тогдашняго схоластическаго богословія. Та умительная сила обаянія, которое Гуссъ производилъ на весь родъ чешскій, истекала единственно изъ нравственнаго вѣнча его личности и нравственнаго значенія его проповѣди. Онъ не въ силахъ былъ доказать догматически несостоятельность папскихъ притязаній; но его убѣдила ихъ нравственная возможность. Таковъ складъ ума у этого человѣка: путаясь въ оковахъ схоластики, которая всецѣло господствовала въ тогдешней наукѣ, онъ теоретически недоумѣваетъ надъ спорными вопросами, но выводитъ каждый изъ нихъ на нравственную почву («тутъ уже прямо разрѣшаетъ» *).

Только-что приведенная характеристика, принадлежащая Гильфердингу, чрезвычайно вѣрно и мѣтко намѣчаетъ умственный и душевный обликъ Гусса. Его дѣйствительно нельзя назвать реформаторомъ католицизма, такъ какъ онъ самъ никогда изъ лона католицизма не хотѣлъ уходить. Всѣ его старанія сводятся не къ теоретическому пересозданію современнаго ему положенія церкви, а лишь къ тому, чтобъ уничтожить формальное отношеніе къ Библии. И правъ профес. Гёфлеръ, когда, разбирая идеи Гусса, замѣчаетъ: «Научная точка зрѣнія (то-есть въ данномъ случаѣ догматическая) для Гусса—вещь второстепенная, а на первомъ мѣстѣ у него стоитъ моральная» **). Гёфлеръ дѣлаетъ свое замѣчаніе иронически, вполне убѣжденный, что, показывая слабое богословское значеніе Гусса, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ и истинное значеніе вообще. Мы не станемъ здѣсь пускаться въ полемику съ почтеннымъ профессоромъ, который въ своихъ трудахъ по гусситству блестяще доказалъ, что большой умъ, недюжинный талантъ и обширная ученость могутъ идти рука объ руку съ самою поразительною нравственною тупостью. Для насъ въ личности Гёфлера важно совпаденіе его взгляда на дѣятельность Гусса со взглядомъ Гильфердинга. Гильфердингъ и Гёфлеръ—это въ полномъ смыслѣ слова два полюса. Одинъ—ярый славянофилъ, другой—изступленный противникъ всего славянскаго вообще и

*) Гильфердингъ: «Гуссъ». *Зара* 1870 г., № 10, стр. 4.

**) «Fontes rerum Austriacarum», Band. I, Abth. VI, стр. 319.

чешскаго въ частности; одинъ восторженно относится къ личной дѣятельности Гусса, а другой всеми неправдами старается рѣвничать его. И если тѣмъ не менѣе оба они согласны въ томъ, что опорный пунктъ Гусса—нравственная точка зрѣнія, то, значить только такое впечатлѣніе можно вынести изъ знакомства съ жизнью и сочиненіями великаго чеха. Въ предыдущей статьѣ мы привели рѣзкіе отзывы о церковныхъ неурядицахъ знаменитаго ректора Парижскаго университета, Жерсона *). Теоретически онъ былъ не менѣе рѣзокъ въ обличеніи, чѣмъ Гуссъ. И все-таки Жерсонъ считался гордостью католичества: «другаго Жерсона нѣтъ во всѣхъ христіанствѣхъ», говорили про него на Констанцскомъ соборѣ, а Гуссъ за то же самое осудили на смерть, причемъ Жерсонъ же былъ въ числѣ тѣхъ, которые настойчиво требовали примѣрной казни для еретика. Не теорія, значить, привела Гусса къ мученической кончинѣ, а стремленіе провести въ дѣйствительность идеалы доброты и правды.

Но, конечно, самое сильное доказательство того, что значеніе Гусса не догматическое, а чисто-нравственное, что его нельзя считать реформаторомъ на ряду съ Лютеромъ, на примѣръ, это взгляды самого Гусса на свою дѣятельность. Лютеръ открыто шелъ противъ католическаго ученія; онъ зналъ, что онъ—«еретикъ» съ точки зрѣнія римской курии, что онъ разрываетъ съ католичествомъ и создаетъ новое раздѣленіе въ христіанствѣ. Ничего подобнаго Гуссъ не подозревалъ за собою Гуссъ. Съ самаго начала своей дѣятельности онъ считалъ себя правовѣрнымъ католикомъ и съ недоумѣніемъ отвергалъ обвиненіе въ еретичествѣ. За нѣсколько дней до отъѣзда въ Констанць, Гуссъ прибываетъ къ стѣнамъ архіепископскаго дворца посланіе къ пражанамъ, въ которомъ объявляетъ о своей готовности предстать предъ соборомъ и вместе прочимъ говорить: «Вы всѣ, которые въ противность всякой справедливости, обвиняете меня въ еретичествѣ, явитесь открыто предъ архіепископомъ (пражскимъ) и тамъ безъ страха говорите, какъ вы отъ меня слышали еретичества; и если я буду уличенъ въ какомъ-нибудь заблужденіи (v kterem bludu) или еретичествѣ, согласенъ потерпѣть наказаніе, полагающееся еретикамъ и заблуждающимся» **). Никто не явился, и тогда Гуссъ запасается смѣло

*) *Русская Мысль*, 1881 года, кн. XII: „Причины гусситско-таборитскаго движенія“, стр. 188.

**) *Petri de Mladenovec: «Historia de fatis et actis M. Johannis Huss». Constantinaciae*, стр. 117.

ельствомъ епископа Николая, удостовѣряющимъ (не совсѣмъ ясно съ мнѣніемъ большинства пражскаго духовенства), что своихъ проповѣдяхъ Гуссъ ничему еретическому не училъ и вообще епископъ изъ многихъ бесѣдъ съ нимъ вывелъ заключение о немъ, какъ о вѣрномъ и истинномъ католикѣ ¹⁾).

Желаніе имѣть подобное свидѣтельство можно еще объяснить желаніемъ за свою безопасность. Но вотъ, на примѣръ, предъ интимное письмо Гусса къ друзьямъ, писанное изъ Нюрнберга. Съ восхищеніемъ рассказываетъ онъ въ немъ, какъ онъ извѣдалъ о своихъ догматическихъ мнѣніяхъ съ нѣмецкими папами и какъ тѣ въ его мнѣніяхъ ничего еретическаго не нашли ²⁾. Все время своего пребыванія въ Констанцѣ Гуссъ съ самымъ искреннимъ отчаяніемъ сокрушался о томъ, что соборъ видитъ въ немъ еретика, какъ мы увидимъ дальше. Это отчаяніе было вызвано страхомъ смерти, — нѣтъ, Гуссъ дѣйствительно сталъ себя правовѣрнымъ католикомъ. «Я хотѣлъ бы лучше умереть, чѣмъ впасть хотя бы въ малѣйшее отступленіе», говоритъ онъ духовнымъ слѣдователямъ ³⁾. Наконецъ, предъ самою смертью своею, въ виду зажженнаго костра, Гуссъ продолжаетъ защищать себя отъ обвиненія въ еретичествѣ, говоритъ, что умираетъ невинный, что единственное намѣреніе его было отвратить людей отъ грѣха ⁴⁾, что онъ умираетъ оклеветанный ложными свидѣтелями. И дѣйствительно, если присмотрѣться къ постановленію собора о главномъ *догматическомъ* пунктѣ ученія Гусса, окажется, что его осудили вполне неправильно и что, слѣдовательно, даже съ узко-догматической точки зрѣнія Гуссъ не могъ быть названъ еретикомъ.

15 июня (1415 г.) въ общемъ собраніи собора осуждено причащеніе подъ обоими видами и въ изданной по этому случаю грамотѣ сказано, что «хотя причащеніе подъ обоими видами, хлѣба вина, установлено Иисусомъ Христомъ и оправдано примѣромъ апостоловъ и всей первоначальной церкви, но послѣ вышло изъ употребленія; въ отношеніи къ мірянамъ *образовался похвальнѣйшій обычай*, котораго никто не смѣетъ преступить» ⁵⁾).

Выходитъ, что настоящими-то еретиками были католическіе

¹⁾ Ibid., стр. 119.

²⁾ Ibid., стр. 127.

³⁾ Ibid., стр. 137.

⁴⁾ Ibid., стр. 323.

⁵⁾ *Вильбасовъ, В. А.*: «Чехъ Янъ Гуссъ, изъ Гуссина». С.-Пб. 1869 г.

установители разграниченія мірянъ и духовныхъ въ обрядѣ, проторымъ, кажется, уже всѣ должны быть равны.

Итакъ, значеніе Гусса — не въ «еретичествѣ» его, не умственномъ протестѣ противъ безобразія католичества. Въ мірное значеніе его основано на глубинѣ его нравственнаго чувства, на непоколебимомъ стремленіи держать въ строгомъ отвѣтствіи слово и дѣло, вообще на всемъ ансамблѣ нравственной личности великаго чеха. Обаяніе этой личности было тако велико, что даже іезуитская недобросовѣстность не рѣшала что-нибудь тутъ убавить. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, одинъ изъ историковъ гусситскаго движенія, іезуитъ Бальбинъ, о Гуссѣ: «поведеніе строгое и безукоризненное, по свидѣтельству самихъ завистниковъ славы его; чудная гибкость характера; кротость и привѣтливость ко всѣмъ, безъ различія званій» *).

Въ особенности была замѣчательна кротость Гусса и вполне правъ Denis, называя его одною «изъ обаятельнѣйшихъ (les plus séduisantes) личностей въ исторіи» **). Но, на ряду съ этою обыкновенною мягкостью сердца, Гуссъ обладалъ не менѣе замѣчательною твердостью воли. Подробныя біографіи Гусса перенасынены безчисленными примѣрами нравственнаго величія знаменитаго проповѣдника. Мы не станемъ здѣсь останавливаться на нихъ и возьмемъ только для иллюстраціи поведеніе Гусса при отправленіи въ Констанць и во время пребыванія въ этомъ городѣ.

Уже съ самаго начала своей борьбы съ неурядицею Гуссъ зналъ, чѣмъ пахнетъ такая борьба. Еще въ 1412 году, за нѣсколько года до Констанцскаго собора, когда страсти враговъ его еще были такъ распалены, онъ съ твердостью говорилъ: «я не ослышусь даже въ виду костра». Въ письмѣ къ ректору Прагскаго университета онъ заявляетъ: «Никакія дурныя послѣдствія каковы бы они ни были, не могутъ заставить меня свернуть съ пути истины. Если я дѣйствительно хочу вести жизнь по примѣру Христа, то необходимо, чтобъ я пострадалъ во имя Его». Что значать для меня богатства міра? Что значитъ униженіе? Смиренно перенесенное, оно только очищаетъ, освѣщаетъ лучезарнымъ блескомъ (истинныхъ) дѣтей Божіихъ. И что такое наконецъ, смерть,—что такое, если меня лишатъ этой жалости

*) Новиковъ: «Гуссъ и Лютеръ», т. I, стр. 5.

**) Denis, стр. 102.

ни? Я встрѣчу бодро свою кончину, потому что вовсе не желаю жить въ этомъ развращенномъ вѣкѣ». Затѣмъ Гуссъ въ пламенныхъ выраженіяхъ рисуется распущенность духовенства и въ заключение восклицаетъ: «Горе мнѣ, если я не буду проповѣдывать противъ подобнаго нечестія! Горе мнѣ, если я не разольюсь слезахъ, если я не буду писать противъ него!» *).

Чѣмъ ожесточеннѣе становилась борьба Гусса съ духовенствомъ, тѣмъ менѣе дѣлалъ онъ себѣ иллюзіи насчетъ ожидаемой его участи. Конечно, онъ могъ не отправляться въ Конанцъ, а въ Чехіи могущественно пробудившееся стремленіе къ формѣ доставило-бъ ему личную безопасность. Но такое поведеніе казалось Гуссу недостойнымъ великой идеи нравственнаго воззванія, представителемъ которой онъ выступилъ, и, не внимая увѣщаніямъ многочисленныхъ друзей своихъ, онъ рѣшается явиться въ самую пасть разъяреннаго чудовища—на соборъ епископскихъ епископовъ, которыхъ онъ предлагалъ лишить ихъ родовъ. Гуссъ твердо зналъ, чего ему ждать отъ собора. Въ письмѣ къ ученику своему, магистру Мартину, писанномъ предъ выѣздомъ, онъ дѣлаетъ формальное завѣщаніе, въ которомъ распоряжается своимъ маленькимъ имуществомъ—книгами вещами своими. Письмо было запечатано и на обложкѣ Гуссъ написалъ надпись: «Прошу тебя, не открывай этого письма, пока получишь извѣстія о моей смерти» **).

Пражанамъ онъ писалъ: «Братья возлюбленные, пребывайте въ истинѣ, уповайте на милосердіе Божіе. Я отправляюсь безъ охранительной грамоты (она была выдана Гуссу позже) въ среду многочисленныхъ и злѣйшихъ враговъ моихъ. Свѣтлѣе солнца окажется правда, когда они возстанутъ на меня обвинителями. Число ихъ увеличится число лжесвидѣтельствовавшихъ на Иисуса. Они выйдутъ изъ среды епископовъ и магистратовъ, князей міра сего и пресеевъ. Но я твердо уповаю на всемогущаго Бога, что Онъ, въ силу своего обѣтованія и ради пламенной вашей молитвы, дастъ мнѣ уста и премудрость, которымъ не возмогутъ они противиться, Духа Святаго, да пребываю въ истинѣ, дабы адскія врата не могли разлучить насъ. Онъ дастъ мнѣ силу противъ всѣхъ испушеній и мучительной смерти. Если казнь моя должна про-

*) *Bonnechose*: «Les réformateurs avant la Réforme. Jean et le Concile de Constance», т. I, стр. 131.

**) *Petri de Mladenovec*, стр. 122.

славить Бога, да ниспослетъ Онъ мнѣ ее скорѣе и да укрѣпитъ меня противъ ужасовъ смерти» *).

Грамота чрезъ нѣсколько времени, когда Гуссъ уже былъ в пути, была ему выдана, но все-таки всѣ были убѣждены, что онъ не воротится, и всѣми силами старались удержать его в Чехии. Не только близкіе друзья, какъ, наприм., Иеронимъ Прагскій, но и совсѣмъ незнакомые люди, знавшіе его только по проповѣдямъ въ Виолеемской часовнѣ, предостерегали его. «Не возвратится тебѣ», — пророчески говорилъ ему простой сапожникъ, Андрей, по прозванью Полякъ **).

Но не таковъ былъ Гуссъ, чтобъ отступиться отъ того, что считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ.

Если огромная готовность къ самопожертвованію выразилась уже въ твердомъ намѣреніи Гусса отправиться въ Констанцъ, то еще поразительнѣе, и можетъ-быть даже безпримѣрно въ исторіи, поведеніе великаго чеха послѣ того, какъ онъ предсталъ предъ соборомъ. Что дѣйствительно нравственный ригоризмъ Гусса достигаетъ поразительной высоты, читатель увидитъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Но раньше мы желали бы подчеркнуть одно обстоятельство, которое крайне важно для полной оцѣнки нравственнаго величія Гусса и сильно подрѣпляетъ насъ въ рѣшности придать образу дѣйствій знаменитаго дѣятеля эпитетъ «безпримѣрнаго»: *Гуссъ не былъ фанатикомъ*. Много мученическихъ смертей знаетъ хроника людскихъ мерзостей, но большинство этихъ мучениковъ, соглашаясь на страданія, находились въ состояніи необыкновеннаго экстаза. Гуссъ же ни на минуту не выходитъ изъ нормальнаго состоянія и, проявляя геройское величіе духа, не перестаетъ быть обыкновеннымъ смертнымъ. Въ немъ нѣтъ того «небеснаго» просвѣтленія, которое придаетъ христіанскимъ мученикамъ совершенно особый характеръ, лишенный по учительности для средняго человѣка. Геройство людей, которымъ часто съ дѣтства слышатся хоры ангеловъ, предсказывающихъ имъ вѣчную славу, если они пострадаютъ, не перестаетъ, конечно, быть геройствомъ, несмотря на свой экзальтированный галлюцинаціонный характеръ. Но развѣ не слѣдуетъ поставить выше такого болѣзненного геройства спокойное геройство чело-вѣка вполне нормальнаго, который боится смерти, не ищетъ е

*) Приводимъ это письмо въ переводѣ Новикова. У Петра Младеновича стр. 123—125.

***) «Documenta mag. Joannis Huss, edidit Palaszy. Praga. 1869.

и вообще волнуется чувствами «міра сего»? А именно такимъ былъ Гуссъ. Спору нѣтъ, онъ надѣялся на вѣчное блаженство, но ему совсѣмъ не хотѣлось умирать; если онъ и шелъ на мѣсто казни радостно, то все-таки наплывъ «земныхъ» чувствъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, былъ въ немъ очень силенъ въ послѣдніе часы жизни. Но это-то именно и увеличиваетъ цѣну его *мормального геройства*.

Высказывая такой взглядъ на нравственный обликъ Гусса, мы сильно отступаемъ отъ пріемовъ всѣхъ поклонниковъ Гусса. Если противники его дѣятельности, какъ, напр., Гёфлеръ, въ жеманіи унижить значеніе великаго провозвѣстника реформации, нерѣдко прибѣгаютъ къ извращенію фактовъ, то и апологеты его слишкомъ односторонне выставляютъ Гусса какимъ-то ангеломъ во плоти. Эта односторонность должна возбуждать тѣмъ большую досаду, что она совершенно излишня и, по нашему глубокому убѣжденію, только ослабляетъ ореолъ Гусса, который великъ именно человѣчностью и простотою своего геройства. Какой же Гуссъ ангелъ во плоти, когда онъ такъ энергически отстаиваетъ себя на соборѣ, уличаетъ во лжи враговъ своихъ, путаетъ показанія свидѣтелей, горько жалуется на вѣроломство Сигизмунда и громитъ своихъ противниковъ? Но лучшимъ доказательствомъ того, что Гуссъ даже въ послѣдніе часы своей жизни, когда «небесное», всепрощающее чувство всего скорѣе можетъ овладѣть осужденнымъ на смерть, — лучшимъ доказательствомъ, говоримъ мы, что даже въ эти торжественныя минуты Гуссъ не переставалъ быть *человѣкомъ*, — могутъ служить слѣдующія два несомнѣнные историческія свидѣтельства, почему-то почти совсѣмъ не затронутыя въ біографіяхъ Гусса. Мы говоримъ о двухъ однородныхъ показаніяхъ Ульриха Рейхенталя и неизвѣстнаго автора небольшого трактата: «*Relatio coaevi de sententia et morte M. Joannis Huss*». Ульрихъ фонъ-Рейхенталь, гражданинъ города Констанца, былъ членомъ собора и оставилъ послѣ себя знаменитую хронику, причисляемую къ лучшимъ первоисточникамъ средневѣковой исторіи. Свѣдѣнія его безпристрастны и ими пользуются историки самыхъ разнообразныхъ направленій. И вотъ что мы читаемъ у него о тѣхъ минутахъ, когда соборъ, произнесши приговоръ надъ Гуссомъ, приказалъ разстричь его и снять съ него священническія одежды: «Къ нему подошли архіепископъ миланскій, два епископа и др., сняли съ него священническія одежды, а онъ осыпалъ ихъ насмѣшками за это (*Do macht er ein ges-*

rött daraus)» *). Еще определеннѣе говоритъ неизвѣстный авторъ вышеназваннаго трактата: «Когда епископы приступили къ деградаци и не сразу могли согласиться относительно порядка совершенія его, Гуссъ воскликнулъ: *«Видь вотъ сколько ословъ, а между тѣмъ не могутъ сговориться относительно наносимаго мнѣ поношенія»* (Ecce tot asini nec possunt in ista blasphemia concordare)» **). Нѣтъ основанія предполагать, что оба хрониста сговорились писать одно и то же. Но предположимъ даже, что въ словахъ ихъ есть извѣстная доля преувеличенія, — во всякомъ случаѣ, однако же, ясно изъ приведенныхъ двухъ показаній, что Гуссъ иронически относился къ обряду, что въ немъ хватило столько «земныхъ» чувствъ, чтобы насмѣхаться, хотя можетъ-быть и не въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ приведено выше. Впрочемъ если даже взять самое восторженное описаніе смерти Гусса (Петра Младеновица), то и изъ него ясно обиліе «земныхъ» чувствъ въ Гуссѣ предъ казнью. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ мало въ немъ «небесной» покорности и сколько полемическаго такъ-сказать жара. Ему читаютъ приговоръ, а онъ неоднократно прерываетъ его протестаціями, такъ что епископы приходятъ въ неописанную ярость; затѣмъ надъ нимъ, какъ надъ еретикомъ, совершаются разные поносительные обряды, а онъ (на этотъ разъ уже по показаніямъ самого Петра Младеновица) на это говоритъ, что точно такимъ же образомъ Пилать поступалъ со Спасителемъ; наконецъ соборъ поручаетъ его душу дьяволу, на что Гуссъ быстро отвѣчаетъ: «а я поручаю ее Иисусу Христу». Словомъ, ни на минуту Гуссъ не перестаетъ обнаруживать самое оживленное возбужденіе. И это-то, повторяемъ, намъ въ высшей степени драгоцѣнно. Что знаменательнаго въ томъ, если ангелъ во плоти геройски ведетъ себя? Вотъ если *человѣкъ*, въ полномъ обладаніи нормальнаго разсудка, въ полномъ обладаніи физическихъ и моральныхъ силъ, съ бьющеюся во всѣхъ жилахъ и нервахъ жизнью, — если такой нормальный человѣкъ ведетъ себя какъ величайшіе герои легендъ и мифовъ, такъ это дѣйствительно имѣетъ первостепенное нравственное значеніе и выдвигаетъ такую личность въ первые ряды человѣчества.

Да, Гуссъ былъ человѣкъ отъ міра сего. Но это ему не мѣшало съ негодованіемъ отвергать всякіе компромиссы, которые

*) *Ulrich von Richenthal*, стр. 403.

**) «*Relatio coaevi*», стр. 308.

могли бы спасти ему жизнь. Тутъ-то онъ и проявилъ тотъ необыкновенный ригоризмъ, который, кажется, даетъ намъ полное право называть его поведеніе безпримѣрнымъ въ исторіи. Отъ него требовали въ сущности самой незначительной уступки, — требовали, чтобъ онъ отрекся отъ тѣхъ пунктовъ, которые возвелъ на него обвинительный актъ. Такое требованіе было очень легко исполнить, потому что Гуссъ призналъ обвинительный актъ клеветой. «Въ такомъ случаѣ ты не погрѣшишь противъ своей совѣсти, если отречешься отъ того, въ чемъ тебя неправильно обвиняютъ», — убѣждалъ его императоръ Сигизмундъ. Но Гуссъ не соглашался: онъ говорилъ, что ему не отъ чего *отречься*; онъ просто считаетъ обвинительный актъ гнусною ложью.

Соборъ началъ съ Гуссомъ послѣдніе переговоры. Ему предложена была формула отреченія, въ которой сдѣлана уступка самолюбію Гусса, являющаяся новою преградой, противопоставленной его совѣсти. «Хотя мнѣ приписываютъ многое, что никогда мнѣ и въ голову не приходило, — такъ гласить эта формула, — тѣмъ не менѣе подчиняюсь смиренно повелѣнію, приговору и наказанію собора, во всѣхъ справедливыхъ или ложныхъ обвиненіяхъ, возведенныхъ на меня свидѣтелями и извлеченныхъ изъ книгъ моихъ, отдаю себя въ полное распоряженіе собора, готовъ принести отреченіе полное и съ покорностью принять наказаніе, которое онъ разсудитъ за благо наложить на меня». Гуссъ долго готовился къ отвѣту, предлагалъ себѣ всѣ возможные сомнѣнія и въ безпристрастномъ судѣ своей совѣсти рѣшился подписать себѣ приговоръ. Отвѣтъ его ясный, полный, систематическій. Онъ торжественно отказывается отъ всякаго отреченія: 1) чтобы не измѣнить Богу и совѣсти, отступая отъ истинъ хранимыхъ, 2) чтобы не сдѣлаться клятвопреступникомъ, принимая на себя обвиненія ложныя, 3) наконецъ, чтобы не соблазнить народа, который столько лѣтъ внималъ его проповѣди. «Пусть лучше повѣсится мнѣ на шею жерновъ осельскій и потону въ пучинѣ морской. Я люблю истину и ненавижу неправду» *).

Епископамъ ригоризмъ Гусса казался какимъ-то полнымъ безуміемъ и ничему, кромѣ еретическаго «упорства», они не могли его приписать. Но такъ какъ есть надежда сломить всякое упорство, то наиболѣе нравственные члены собора предпринимаютъ цѣлый рядъ попытокъ уговорить Гусса отбросить свою щепетильность.

*) Новиковъ, т. I, стр. 158.

Хроники полны подробностей этой борьбы съ «упорствомъ» (*regitancia*) Гусса. Описавъ одну рѣшительную попытку уговорить магистра, кончившуюся полнѣйшею неудачей, выше цитированный анонимный хронистъ прибавляетъ: «тѣмъ не менѣе, имѣя къ нему состраданіе и желая его удержать отъ ошибки, непосредственно предъ рѣшительнымъ засѣданіемъ, многіе господа кардиналы вмѣстѣ съ многими другими прелатами и докторами всѣхъ странъ приказали привести его къ себѣ еще разъ, и еще разъ всевозможными способами уговаривали его отречься, но ничего достигнуть не могли» ¹⁾. Вечеромъ того же дня Сигизмундъ послалъ въ темницу Гусса для увѣщанія его баварскаго герцога, рейнскаго пфальцграфа и трехъ чешскихъ дворянъ ²⁾. Этимъ свѣтскимъ людямъ удалось такъ же мало сдѣлать, какъ и ихъ духовнымъ предшественникамъ. Гуссъ стоялъ на своемъ, что ему не отъ чего отречься. «Знайте, — говорилъ онъ въ тотъ же день своему другу и покровителю, чешскому рыцарю Іоанну изъ Хлума, который сопровождалъ его отъ самой Праги и употреблялъ всѣ усилія, чтобы спасти жизнь великаго проповѣдника, — знайте, еслибъ я сознавалъ за собою, что я писалъ или проповѣдывалъ противъ закона и противъ священной матери-церкви что-нибудь такое, что заключаетъ въ себѣ ересь, я бы смиренно отрекся, Богъ тому свидѣтель» ³⁾.

Наступило послѣднее по дѣлу Гусса засѣданіе 6 іюля. Опять начались безконечныя увѣщанія. Но такъ какъ они по-прежнему ничѣмъ не кончились, то былъ постановленъ приговоръ. Приступили къ разстриженію, причемъ трудно уже сосчитать, въ который разъ епископы въ послѣдній разъ уговаривали его къ отреченію. Онъ со слезами, раздирающимъ голосомъ, сказалъ присутствующимъ: «Вотъ эти епископы убѣждаютъ меня къ всенародному отреченію. Еслибы дѣло шло только о человѣческой славѣ, они не тратили бы словъ по-пустому. Но теперь я стою предъ лицомъ Господа Бога, готовлюсь предстать на судъ неумытнѣй и не могу измѣнить своей совѣсти и посрамить его исповѣданіе, ибо я не сознаю въ себѣ заблужденій, отъ которыхъ принуждаютъ меня отречься. Я всегда думалъ, писалъ и утверждалъ противное. Какими глазами взгляну на небо, какъ подниму чело свое на все народное множество, когда по винѣ

¹⁾ «*Relatio coaevi*», стр. 307.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Petri de Mladenovec*, стр. 281.

моей поколеблются многолѣтнія его убѣжденія? *Соблазнить ли мнѣ столько душъ, столько совѣстей, напитанныхъ чистѣйшимъ ученіемъ евангельскимъ? О, никогда не воздамъ чести тлѣнной храминѣ тѣла моего паче многихъ душъ христіанскихъ!* *)).

Уже тогда, когда все было готово къ чудовищной казни, когда Гуссъ, одѣтый въ шутовской колпакъ ересіарха, стоялъ привязанный къ позорному столбу и нетерпѣливый палачъ ждалъ сигнала зажечь нагроможденные въ огромномъ количествѣ дрова и солому, на площади вдругъ появился приближенный короля Сигизмунда (*magescalcus imperii*), Гоппе фонъ-Поппенгеймъ, и сталъ уговаривать Гусса спасти свою жизнь и отказаться отъ своего ученія. Но Гуссъ, обратившись къ нему, отвѣтилъ: «Богъ свидѣтель, что я никогда не проповѣдывалъ того, что ложно, съ помощью ложныхъ свидѣтелей, мнѣ было приписано. Единственное, что вытекаетъ изъ моей проповѣди, изъ моихъ сочиненій и изъ моихъ дѣйствій—это то, что я хотѣлъ отвлечь людей отъ грѣховъ. И за эту евангельскую, истинную правду, о которой я училъ, писалъ и проповѣдывалъ, основываясь на словахъ святыхъ учителей, я радостно сегодня желаю умереть» **).

Итакъ, даже въ послѣднія минуты своей жизни, Гуссъ не говоритъ; подобно христіанскимъ мученикамъ, объ ожидающей его небесной наградѣ, а единственно о томъ, что онъ не еретикъ и не желаетъ «соблазнить столько душъ», жадно внимавшихъ его проповѣди. Что касается того, что онъ «радостно» желалъ умереть,—того, что онъ, какъ мы сейчасъ узнаемъ, шелъ на смерть какъ на «радостный пиръ», это опять - таки не значитъ, что Гуссъ, подобно христіанскимъ мученикамъ, самъ желалъ оставить земную юдоль, чтобы насладиться небеснымъ блаженствомъ. Такого желанія Гуссъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ нигдѣ не высказываетъ. Напротивъ того, ему очень хотѣлось жить,—онъ плакалъ о томъ, что оставляетъ свое дѣло неоконченнымъ, ему жаль было разстаться съ друзьями, съ Виолеемскою часовней (въ ней онъ произносилъ свои проповѣди), которую больше не увидитъ» ***). Но любовь къ правдѣ преодолѣла въ немъ любовь къ жизни.

*) *Ibid*, стр. 285—86. Приводимъ это мѣсто въ переводѣ г. Новикова, т. I, стр. 173.

**) *Petri de Mladenovec*, стр. 289.

**) *Denis*, стр. 157.

Послѣ отвѣта, даннаго Гопше фонъ-Поппенгейму, ничто уже, конечно, не могло задержать казни. «Ломая руки» (*manus concutientes*), отошелъ посланецъ короля отъ костра и палачъ зажегъ, обливая смолою дрова. Гуссъ запѣлъ священный гимнъ. Но вотъ до лица его достигли густые клубы дыма. Пѣснь прекратилась, хотя нѣкоторое время зрители еще видѣли, какъ беззвучно двигались губы ересіарха, очевидно, доканчивая начатый гимнъ.

Героическое спокойствіе, ясное величіе, съ которыми умеръ Гуссъ, не могли не произвести потрясающаго впечатлѣнія даже на злѣйшихъ враговъ его. Вотъ что пишетъ Эней Сильвій Пикколомини (впослѣдствіи папа Пій II) о смерти Гусса и его ученика, Иеронима Пражскаго, сожженнаго черезъ годъ послѣ Гусса:

«Съ необычайно твердымъ духомъ встрѣтили они оба смерть. Они сѣвши къ костру, точно на званый пиръ какой-нибудь, ни однимъ словомъ не обнаруживши волненія. Когда они стали горѣть, они запѣли пѣснь, которую прекратили только пламенъ и дымъ огня. Ни о комъ изъ мудрецовъ древности не читаемы, чтобъ они такъ мужественно, такъ стойко, такъ радостно встрѣтили смерть, какъ эти перенесли пламя костра» *).

Отзывъ Энея Сильвія могъ бы, собственно, сильнѣе всѣхъ другихъ доводовъ доказать читателю, что поведение Гусса дѣйствительно безпримѣрно въ исторіи. Ужь если одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ римскаго духовенства, и притомъ человѣкъ принадлежащій къ числу самыхъ знаменитыхъ историковъ своего времени, проводя параллель между Гуссомъ и мудрецами древности, пальму нравственнаго превосходства отдаетъ чешскому проповѣднику, то значитъ рѣшительно никакого другаго вывода изъ такого сравненія сдѣлать нельзя, не погрѣшивши самымъ вопіющимъ образомъ противъ истины. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ ограничиться отзывомъ Энея Сильвія, потому что онъ не отмѣтилъ одной черты, крайне важной для полной оцѣнки нравственнаго величія Гусса. Дѣло вотъ въ чемъ. Припомните только, во имя чего умирали или готовы были умереть «мудрецы древности», или христіанскіе мученики, или, наконецъ, болѣе позднія жертвы людской гнусности, Галилей, напримѣръ. Отъ всѣхъ этихъ людей требовали полнаго отреченія отъ своего нравственнаго я,—требовали, чтобъ они признали ложью весь нравственный міръ свой, всѣ свои идеалы и стремленія. Такимъ требова-

*) *Aeneasse Silvii*: «O Založení Země České», стр. 132.

нѣмъ ихъ ставили вотъ въ какое положеніе: либо смерть за вѣрность своимъ убѣжденіямъ, либо жизнь, купленная измѣною, купленная цѣною потерянной чести. Какимъ позоромъ покрылъ бы Сократъ свои сѣдины, еслибы для спасенія жизни отказался на судѣ отъ своего ученія! Какую гнусность совершалъ всякій христіанинъ, отрекавшійся отъ Христа и соглашавшійся поклоняться идоламъ! Наконецъ, какимъ жалкимъ трусомъ, какимъ нравственнымъ ничтожествомъ признала бы исторія Галилея, еслибы въ рѣшительную минуту сила духа не восторжествовала въ немъ надъ слабостью плоти!

Никакой такой тяжелой дилеммы не заключало въ себѣ положеніе Гусса. Мы уже знаемъ, какъ ничтожны были требованія собора, какъ мягка была формула «отреченія», предложенная Гуссу. Мы, наконецъ, знаемъ, что онъ вполне былъ убѣжденъ, что умираетъ «оклеветанный»,—слѣдовательно, своимъ «отреченіемъ» онъ не совершилъ бы никакого ренегатства. И тѣмъ не менѣе такой рѣзкій ригоризмъ, такое отвращеніе даже отъ тѣни компромисса! Какъ же его послѣ этого не поставить во главѣ всѣхъ мучениковъ человѣческой мысли?

III.

Поразительна также душевная красота другаго первостепеннаго дѣятеля гусситскаго движенія—Иеронима Пражскаго. Великія эпохи рождаютъ великіе характеры и нарушаютъ экономію природы въ распредѣленіи выдающихся личностей. Только этимъ можно себѣ объяснить тотъ капризъ исторіи, по которому Гуссъ и Иеронимъ оказались ближайшими современниками, между тѣмъ какъ даже раздѣленные столѣтнимъ промежуткомъ они вполне оправдали бы идеализмъ тѣхъ наблюдателей исторической жизни, которые утверждаютъ, что уже не такъ омерзителенъ родъ людской, что идеальныя стороны все-таки составляютъ значительную составную часть человѣческаго характера. Одна такая личность, какъ Гуссъ или Иеронимъ, на цѣлое столѣтіе пошлости, и рѣзкость послѣдняго значительно ослаблена.

Оба принадлежащіе къ благороднѣйшимъ личностямъ челоѣчества, Гуссъ и Иеронимъ были однако же не очень похожи другъ на друга характеромъ. Въ Иеронимѣ было несравненно больше страсти, онъ былъ гораздо нетерпѣливѣе въ стремленіи къ истинѣ и потому поведеніе его не такъ цѣльно, какъ образъ дѣйствій

Гусса. Страстность, разлитая по всему существу Иеронима, сдѣлала его блестяще Гусса. Его бурное краснорѣчіе потрясаетъ злѣйшихъ враговъ его; противъ пламеннаго одушевленія его не устоялъ въ первыя минуты непосредственнаго впечатлѣнія даже Констанцскій соборъ, только-что осудившій Гусса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него были минуты слабости духа, почти неизвѣстной Гуссу, и потому въ общемъ образъ Гусса поразительнѣе и величественнѣе.

Ученостью Иеронимъ превосходилъ Гусса, принадлежавшаго къ числу самыхъ выдававшихся богослововъ своего времени. Но безъ покойная натура его, гнавшая его изъ Праги въ Оксфордъ, изъ Оксфорда въ Парижъ, изъ Парижа въ Кельнъ, изъ Кельна въ Гейдельбергъ, Пештъ, Вѣну, забрасывавшая его то въ полужыцескую Литву, то въ православную Русь, то, наконецъ, въ отдаленный Иерусалимъ, побуждавшая его всюду заводить ожесточеннѣйшіе диспуты, кончавшіеся всегда тѣмъ, что онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ,—эта жизнь странствующаго рыцаря правды не дала ему возможности обстоятельно изложить свои мысли въ такихъ трактатахъ, какіе оставилъ по себѣ Гуссъ. Но за то онъ съ помощью своего пламеннаго слова разносилъ по всей Европѣ идею нравственнаго обновленія и протеста противъ католической распущенности. Поэтому въ тотъ самый моментъ, когда его захватили въ Констанцѣ, участь его была рѣшена. Нашлось достаточное количество свидѣтелей, въ умахъ которыхъ слишкомъ живо запечатлѣлась бурная проповѣдь Гуссова друга (необходимости разсѣять миазмы, заразившіе нравственную атмосферу католическаго міра).

Когда Гуссъ собирался въ Констанцъ, Иеронимъ его отговаривалъ, говоря, что поѣздка дурно кончится. Но потомъ самъ и потерпѣлъ и безъ всякой охранительной грамоты отправился въ сопровожденіи только одного ученика своего *) въ Констанцъ, куда его никто не призывалъ. Дурные слухи, ходившіе насчетъ участи ожидающей Гусса, заставили Иеронима сознать безразсудность своего шага, но было поздно. Изъ самаго-то города ему удалось выбраться благополучно, но вскорѣ его настигла погоня, посланная соборомъ, и онъ былъ обратно отведенъ въ Констанцъ, гдѣ и брошенъ въ смрадную, омерзительную тюрьму.

Черезъ нѣсколько дней онъ былъ приведенъ въ залу монастыря миноритовъ, гдѣ собрались наиболѣе блестящіе члены со-

*) «Хроника Рихенталя», стр. 401.

бора. Со всѣхъ сторонъ накинудись на него обвинители. Всѣ тѣ знаменитые богословы, которые, несмотря на свою ученость, были побѣждены Иеронимомъ во время его странствій по университетамъ Европы, теперь чувствовали свою силу и поставили ему въ упрекъ даже его философскія мнѣнія въ великомъ схоластическомъ спорѣ о номинализмѣ и реализмѣ. Иеронимъ не потерялся и всѣмъ противникамъ отвѣчалъ съ обычною своею убѣдительною. Тѣмъ только оставалось разразиться гнѣвнымъ крикомъ: «въ огонь его, въ огонь!»—«Если вамъ пріятна моя смерть,— отвѣтилъ Иеронимъ,—то да совершится воля Господня» ¹⁾). Вечеромъ того же дня извѣстный уже намъ повѣствователь судьбы Гусса—Петръ Младеновиць—подобрался къ окошку тюрьмы Иеронима и сказалъ ему: «Укрѣпи свою душу, вспомни истину, о которой ты такъ хорошо говорилъ, когда ты былъ свободенъ и на рукахъ твоихъ не было кандаловъ. Другъ мой, учитель мой, не останись предъ тѣмъ, чтобъ умереть за правду!»—«Не останюсь,—отвѣтилъ Иеронимъ.—Я высказалъ членамъ собора много вещей, касающихся истины, и буду стоять на нихъ» ²⁾).

Члены собора достолюдинымъ образомъ отплатили Иерониму за выказанную имъ твердость духа. Онъ былъ переведенъ въ другую тюрьму, еще болѣе смрадную и омерзительную. Здѣсь его привязали къ столбу, сковавъ кромѣ того шею, руки и ноги тяжелыми цѣпями. Два дня простоялъ такимъ образомъ великій неподвижникъ истины, получая въ пищу скудную порцію хлѣба и воды ³⁾). Движимый состраданіемъ, тюремщикъ извѣстилъ Петра Младеновица о положеніи друга. Младеновицу удалось нѣсколько ослабить суровость обращенія съ Иеронимомъ, но тѣмъ не менѣе послѣдній на 11-й день заключенія тяжело заболѣлъ, такъ что онъ причащался уже св. таинъ; однако онъ выздоровѣлъ. Суровость заточенія была нѣсколько ослаблена послѣ этого, но все-таки друзьямъ Иеронима не удалось достигъ того, чтобы съ него сняли оковы и перевели бы его въ болѣе свѣтлое и здоровое помѣщеніе. Цѣлый годъ провелъ онъ въ этой отвратительной ямѣ, пока смерть не избавила его отъ смрада ея ⁴⁾).

Суровое заточеніе было для Иеронима болѣе тяжелымъ испытаніемъ, чѣмъ для всякаго другаго. Всю жизнь привыкъ онъ

¹⁾ *Bonnechose*, т. I, стр. 267.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *L. Krummel*: „Geschichte der Böhmischen Reformation im XV Jahrhundert“. Gotta. 1866, стр. 507.

⁴⁾ *Ibidem*.

странствовать, переѣзжать изъ одного города въ другой, изъ одной страны въ другую, и вдругъ одиночество въ четырехъ мокрыхъ стѣнахъ, покрытыхъ плѣсенью, еле-освѣщенныхъ тусклымъ свѣтомъ, съ трудомъ пробивающимся чрезъ узенькое окошечко. Вес организмъ его былъ потрясенъ, ноги покрылись незаживающими ранами *).

Надломили на время эти тѣлесныя страданія мощный духъ Иеронима. Онъ согласился отречься отъ своихъ идей, признат еретическими сочиненія Виллефа и Гусса, а также правильности приговора надъ послѣднимъ. Большинство членовъ собора было очень довольны этимъ, потому что сожженіе Гусса произвело страшное негодованіе въ Чехіи и усиливать озлобленіе сожженіемъ Иеронима было нерасчетливо.

Но недолго продолжалось смиренное настроеніе Иеронима. Мужественный духъ снова проснулся въ немъ, онъ устыдился своей слабости и снова предсталъ предъ соборомъ во всемъ своемъ нравственномъ величїи. Призванный въ торжественное засѣданіе собора для оправданія, онъ вмѣсто этого обратился къ прелатамъ съ пламенными словами укоризны и восторженной апологіей Виллефа и Гусса. При этомъ онъ обнаружилъ столько учености, что собраніе, вмѣщавшее въ себѣ знаменитѣйшихъ ерудитовъ того времени, было поражено глубокимъ удивленіемъ и всѣмъ захотѣло спасти гениальнаго проповѣдника. Необыкновенное впечатлѣніе которое Иеронимъ производилъ даже на самыхъ ревностныхъ католиковъ, ярко выразилось въ извѣстномъ письмѣ Поджіо Браціолини къ Аретину. Поджіо, знаменитый историкъ, присутствовалъ на засѣданіяхъ собора, когда происходилъ судъ надъ Иеронимомъ, и былъ очевидцемъ его сожженія. Онъ былъ страшно потрясенъ всемъ ансамблемъ личности Иеронима и въ интимномъ письмѣ къ прїятелю своему, писателю Аретину, далъ полный просторъ своему восторгу. Дальнѣйшее изложеніе основано главнымъ образомъ на этомъ письмѣ **).

Въ безмолвномъ удивленіи слушалъ соборъ бурную импровизацію Иеронима. Это была въ полномъ смыслѣ слова импровизація. Уже цѣлый годъ сидѣлъ Иеронимъ въ своей смрадной ямѣ, не имѣя возможности ни съ кѣмъ обмѣняться мыслями, не видя ни

*) Подробности заимствованы у католическаго писателя *Теобальда* („Bellum Hussitarum“).

**) Мы пользовались чешскимъ переводомъ письма *Поджіо*, приложеннаго къ вышецитированному чешскому переводу *Энея Сильвія*, стр. 15.

ной книги. И тѣмъ не менѣе вся его многочасовая рѣчь, ни на одну минуту впрочемъ не утомившая слушателей, была полна самыхъ разнообразныхъ доказательствъ и цитатъ, почерпнутыхъ у философовъ древности, и у отцовъ церкви, и изъ Свящ. Писанія, и изъ сочиненій правовѣрныхъ богослововъ. «Можно было подумать, что онъ весь годъ своего заключенія провелъ въ полномъ спокойствіи и только и дѣлалъ, что сидѣлъ надъ книгами», свидѣтельствуеетъ намъ Поджіо.

Но не къ спасенію своей жизни направлялъ Иеронимъ свою деятельность и свое потрясающее краснорѣчіе. Напротивъ того, онъ самъ подписалъ себѣ эту рѣчью смертный приговоръ, сдѣлавъ въ ней такія признанія, которыя, при всемъ искреннемъ желаніи многихъ членовъ собора спасти геніальнаго чеха, ни къ чему другому какъ къ костру его привести не могли. Вотъ что говорилъ онъ въ заключеніе: «Я зналъ Гусса съ самаго дѣтства его и не знаю за нимъ ни одного дурнаго поступка. Это былъ прекрасный человѣкъ, праведникъ, святой. Осужденный, несмотря на свою невинность, онъ подобно пророку Іліи изъ пламени поднялся на небо и оттуда онъ призоветъ своихъ судей предъ престоломъ Христа. И я тоже готовъ умереть. Я не отступлю предъ казнью, которую готовятъ мнѣ враги мои» *).

Въ собраніи произошло движеніе. Удивленіе, возбужденное первою половиною рѣчи, въ которой онъ такъ блестяще и убѣдительно отстаивалъ свои идеи, стало смѣняться гнѣвнымъ возбужденіемъ. Иеронимъ не обратилъ на него никакого вниманія. «Изъ всѣхъ грѣховъ, совершенныхъ мною въ продолженіе моей жизни,—продолжалъ онъ,—ни одинъ не тяготѣетъ такъ сильно надъ мною и не возбуждаетъ во мнѣ такого жгучаго раскаянія, какъ тотъ, когда я призналъ правильнымъ приговоръ, постановленный противъ Виглефа и святаго мученика Іоанна Гусса, моего учителя и друга. Да, отъ всей души раскаиваюсь я и съ отвращеніемъ говорю, что, отказываясь отъ ученія Гусса, я поступалъ такъ подъ гнуснымъ, позорнымъ страхомъ смерти. Обращаюсь теперь съ глубокою мольбою къ Богу, да проститъ Онъ мнѣ этотъ самый тяжкій изъ всѣхъ грѣховъ моихъ!» Затѣмъ онъ обращается изъ обвиняемаго въ обвинителя:

«Не потому осудили вы Виглефа и Гусса, что они потрясли ученія церкви, но только потому, что они обнаружили безобразія,

*) Ibid., стр. 145.

творимыя духовенствомъ, потому что они обличали корыстолюбивую пышность, чванство и другіе пороки прелатовъ и простыхъ священниковъ. Всѣ эти обвиненія, которыя остались неопровергнутыми, я ихъ раздѣляю и провозглашаю вмѣстѣ съ Виклефомъ и Гуссомъ».

Собраніе затрепетало отъ гнѣва: «Онъ самъ подписываетъ себѣ приговоръ!... Не нужно болѣе никакихъ доказательствъ! Мы сами теперь убѣдились, что онъ — упорнѣйшій еретикъ».

— Что же, — отвѣтилъ Іеронимъ, — вы думаете, я боюсь смерти? Вѣдь вы уже продержали меня въ кандалахъ цѣлый годъ въ ужасной тюрьмѣ, которая страшнѣе самой смерти, вы обращались со мною хуже, чѣмъ съ туркомъ, евреемъ, язычникомъ. Живое тѣло сгнило на костяхъ моихъ. Но я не жалуясь, впрочемъ, потому что недостойно человѣка съ сердцемъ жаловаться *)).

Снова раздались яростные крики, направленные противъ дерзкаго. Іеронимъ далъ имъ утихнуть и продолжалъ свою рѣчь: «Голосъ его, — говоритъ Поджіо, — былъ ясенъ, звученъ и проникалъ до глубины души; жесты его были проникнуты благородствомъ и достоинствомъ. Съ блѣднымъ лицомъ, но мужественнымъ сердцемъ, стоялъ онъ одинъ среди толпы враговъ своихъ, презирая смерть и прямо идя ей на встрѣчу, такъ что его можно было назвать вторымъ Катономъ. Когда возраженія становились слишкомъ страстными, онъ просилъ собраніе принять во вниманіе, что говоритъ человѣкъ, которому въ послѣдній разъ въ жизни дано высказаться».

«Признаюсь, — говоритъ далѣе Поджіо, — что никогда еще не видѣлъ я и не знавалъ человѣка, который такъ сильно приближился бы къ краснорѣчію древнихъ ораторовъ, которыхъ мы такъ прославляемъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что дѣло шло о жизни или смерти. По-истинѣ поразительно было, какъ изящно и краснорѣчиво, какъ удачно и убѣдительно, съ какимъ радостнымъ лицомъ и яснымъ голосомъ, и какъ мужественно и смѣло отвѣчалъ Іеронимъ врагамъ своимъ **).

«Онъ самъ себѣ подписалъ приговоръ!» — говорили члены собора одинъ другому. Іеронима отвели обратно въ темницу, гдѣ сковали еще тяжелѣе прежняго: ноги, руки, шея, локти были заключены въ желѣзо***).

*) *Bonneschose*, т. II, стр. 145.

***) *Podgio*.

****) *Ibid*, стр. 146.

Четыре дня было дано ему на размышленіе. Въ теченіе этого времени къ нему въ темницу приходили епископы и кардиналы, ищевая его отречься. «Развѣ вы врагъ самому себѣ?» — говорили они узнику. — «А вы думаете, — гнѣвно отвѣчалъ онъ имъ, — жизнь до того мнѣ дорога, что ради нея я пожертвую истиной? Развѣ вы не епископы, не кардиналы? Забыли вы, что ли, что Христосъ сказалъ: «кто не отрекается отъ себя ради Меня, тотъ Меня недостойнъ»?... Прочь, искушители!» *).

Послѣднимъ къ сподвижнику Гусса пришелъ съ увѣщаніями кардиналъ изъ Флоренціи. «Иеронимъ, — сказалъ онъ ему, — вы чрезвычайно ученый, котораго Богъ щедро одарилъ способностями: не потребляйте ихъ на погибель себѣ, употребите ихъ на пользу церкви. Соборъ чувствуетъ къ вамъ жалость изъ-за необыкновенныхъ талантовъ вашихъ и хотѣлъ бы васъ отворотить отъ истины. Вы имѣете право на очень почетное положеніе и оказали могущественныя услуги церкви, еслибы хотѣли обратиться на защиту истины, подобно св. Петру или Павлу. Церковь не настолько жестока, чтобъ отказать вамъ въ прощеніи, если вы будете достойны его, и я общаю вамъ всевозможныя милости, если будетъ доказано, что въ васъ нѣтъ болѣе упорства и заблужденія. Поразмыслите хорошенько, пока еще есть время, пощадите свою жизнь» **).

Но все это ни къ чему не привело. Подобно Гуссу, Иеронимъ считалъ себя еретикомъ и говорилъ, что пока его Св. Никейскій соборъ не убѣдитъ въ ложности его идей, онъ считаетъ пошлѣннымъ отречься. Приведенный въ послѣднее (для него) заведеніе собора, онъ заявилъ: «Ты, Боже всемогущій, и вы, меня слушающіе, будьте свидѣтелями: клянусь, что я вѣрю во всѣ догматы католической вѣры въ томъ видѣ, какъ ихъ сохраняютъ и признаетъ церковь; но я отказываюсь признать справедливымъ осужденіе праведныхъ и святыхъ проповѣдниковъ, которыхъ вы несправедливо осудили за то, что они обнаружили безобразіе вашего образа жизни. Во имя этого я готовъ умереть».

Вслѣдъ за тѣмъ онъ опять съ такимъ огромнымъ знаніемъ и такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ сталъ развивать свои мысли, что множество прелатовъ подошли къ нему и предложили болѣе мягкую форму отреченія. Но и это ни къ чему не привело, — Иеро-

*) *Bonnehose*, т. II, стр. 149.

**) *Ibidem*.

нимъ былъ твердь ¹⁾). Когда послѣ обвинительной рѣчи епископ города Лоди ему предоставлено было послѣднее слово, онъ снова горячо доказывалъ, что онъ—искренній католикъ; но онъ повтѣряетъ, что съ отвращеніемъ вспоминаетъ подписанное имъ одобреніе приговора надъ Гуссомъ. «Я далъ это одобреніе только подъ страхомъ огня, пламя котораго такъ ужасно. Я беру обратно свое преступное согласіе».

Теперь уже все было кончено. Соборъ видѣлъ, что имѣетъ дѣло съ «упорнымъ еретикомъ». «Онъ возвратился къ своему прежнему ученію, какъ песь на свою блевотину,—гласить приговоръ,—поэтому св. соборъ постановляетъ, чтобы онъ, подобно бесплодной и сгнившей вѣтви, былъ вырванъ изъ вертограда» ²⁾

Какъ и Гуссу, Іерониму былъ надѣтъ колпакъ, разрисованный фигурами пляшущихъ чертей, причемъ онъ, какъ и Гуссъ, проговорилъ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, умершій за меня бѣднаго, былъ за меня увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ. Не слѣдуетъ ли, значить, и мнѣ радостно носить во имя Его эту корону» ³⁾). Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ преданъ въ руки палачей, которые повели его къ мѣсту казни. «Радостно и охотно шелъ онъ на казнь,—говоритъ Поджіо,—не страшась огня и не боясь мукъ огненной смерти. Никто изъ стойковъ не встрѣтилъ своего конца съ такимъ твердымъ духомъ и спокойнымъ сердцемъ» ⁴⁾

Пришедши на мѣсто казни, онъ палъ на колѣни, помолился и затѣмъ самъ раздѣлся. Нижнюю часть тѣла его закутали въ бѣлый платокъ, затѣмъ мокрыми веревками и цѣпью привязали къ столбу и почти до самаго горла обложили дровами и соломой. Изъ состраданія палачъ хотѣлъ зажечь костеръ сзади, такъ чтобы Іеронимъ не видѣлъ, но тотъ крикнулъ: «Впередъ ступай, предъ моими глазами зажги! Еслибъ я боялся смерти, я бы вовсе не явился въ Констанць, куда меня никто не звалъ». Когда костеръ загорѣлся, онъ громко воскликнулъ по-латыни: «Тебѣ, о Господи, поручаю я духъ свой», а затѣмъ, когда огненные языки достигли его лица, по-чешски: «Помилуй мя, Боже, и прости прегрѣшенія мои, ибо Ты знаешь, что я искренно любилъ правду». Больше ничего нельзя было разобрать, хотя губы ересіарха продолжали еще шевелиться.

¹⁾ Ibid., стр. 52.

²⁾ *Bonneschese*, т. II, стр. 158.

³⁾ *Krummel*, стр. 568.

⁴⁾ *Podgio*, стр. 335.

«Такимъ-то образомъ этотъ превосходный человѣкъ (если только отбросить его религіозныя идеи) окончилъ свою жизнь. Я присутствовалъ при его смерти; я точно наблюдалъ все подробно. Если онъ даже дѣйствовалъ подъ вліяніемъ заблужденія или упорства, то во всякомъ случаѣ умеръ онъ какъ мудрецъ. Онъ такъ стойко допустилъ Муцій сгорѣть своей рукѣ, какъ этотъ сему тѣлу своему. Не такъ покорно выпилъ Сократъ кубокъ съ ядомъ, какъ этотъ далъ огню спалить себя» ¹⁾).

Смерть Іеронима поразила современниковъ больше смерти Гусса. Самые ревностные католики были огорчены. «О гибели его плакали многіе ученые люди, — говоритъ Ульрихъ фонъ-Рихенталь въ своей «Хроникѣ», — ибо онъ былъ еще ученѣе Гусса» ²⁾. Въ рисункахъ, иллюстрирующихъ одинъ изъ списковъ Рихентальской «Хроники»; фигура Іеронима представлена гораздо величественнѣе фигуры Гусса ³⁾. Спокойное величіе послѣдняго, лишнее внѣшняго блеска, производило на конкретныя умы католиковъ меньшее впечатлѣніе, чѣмъ бурное самоотверженіе Іеронима, увлекавшее просто силой своей страстности.

Но зачѣмъ, впрочемъ, проводить параллели: и Гуссъ, и Іеронимъ принадлежатъ къ грандіознѣйшимъ личностямъ человѣчества. И только близорукая нравственная тупость католическаго духовенства могла предполагать, что смерть Гусса, которая, по совершенно вѣрному замѣчанію г. Пыпина, можетъ быть названа однимъ изъ безчестнѣйшихъ дѣйствій во всемірной исторіи и однимъ изъ высочайшихъ свидѣтельствъ силы убѣжденія и человѣческаго достоинства» ⁴⁾, — что послѣдовавшая за ней геройская смерть Іеронима, даже на враговъ его произведшая неотрапимое впечатлѣніе, — только полное игнорированіе нравственныхъ стимуловъ человѣческой природы, говоримъ мы, могло предполагать, что эти мученическія смерти устрашаютъ, остановятъ чешское реформаціонное движеніе. 6 іюля 1415 года былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ Констанцскаго собора надъ Гуссомъ, 30 мая 1416 года надъ Іеронимомъ, а уже пять лѣтъ спустя пылали по Чехіи католическіе монастыри и народъ далеко шагнулъ за скромныя требованія своихъ первоучителей.

С. Венгеровъ.

¹⁾ Ibid.

²⁾ *Ulr. v. Richenthal*, стр. 405.

³⁾ Констанцскій соборъ 1414—1418. Изданіе Импер. Рус. Археолог. Общества. Спб. 1874 г. Ср. табл. 21, 22 и 23.

⁴⁾ *Пыпинъ*, изд. 2, т. II, стр. 845.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде *).

(ЛЕГЕНДА.)

Умеръ славный Фогельвейде...
Жизнь на небо отлетѣла;
Въ старомъ Вюрцбургскомъ аббатствѣ
Онъ оставилъ только тѣло.

Завѣщалъ онъ все монахамъ,
Съ уговоромъ, чтобъ кормили,
Каждый полдень, птицъ окрестныхъ
На его они могилѣ.

«У крылатыхъ менестрѣлей
Самъ учился я когда-то;
Пусть кормленье пташекъ будетъ
Фогельвейдова уплата».

Такъ пѣвецъ любви скончался.
Завѣщанье соблюдая,
На могилу ежедневно
Вольныхъ птицъ скликалась стая.

Каждый день на кровли, стѣны
И на башенные шпицы
Окрыленныхъ менестрѣлей
Собирались вереницы.

На вѣтвистой старой липѣ
Засѣдало ихъ собранье,
На дворѣ, могильномъ камнѣ
И могильномъ изваяньи.

*) Нѣмецкій народный пѣвецъ среднихъ вѣковъ.

На оконныхъ переплетахъ,
 На дверяхъ, зимой и лѣтомъ,
 Птицы хоромъ распѣвали
 Пѣсни, пѣтыя поэтомъ.

Это было нѣчто въ родѣ
 Поэтическаго спора
 Молодой пѣвучей брати
 Возлѣ стараго собора.

Всюду имя Фогельвейде
 Птицы въ пѣсняхъ повторяли;
 Всюду имя Фогельвейде,
 Распѣвая, прославляли.

Но аббатъ сказалъ однажды:
 «Чѣмъ бросать какимъ-то птахамъ,
 Лучше хлѣба больше выдать
 Голодающимъ монахамъ...»

Съ той поры на шумный завтракъ
 Не спускалась птичья стая,
 Надъ могилой Фогельвейде
 Въ ясный полдень пролетая.

Съ той поры, крича нестройно,
 Тщетно птицы тучей вились
 Надъ оградой монастырской,—
 Угощенья не добились...

Время сгладило на камнѣ
 Монастырскомъ начертанье,
 Гдѣ схороненъ Фогельвейде,
 Говорить одно преданье.

Но до сей поры всѣ птицы,
 Пролетая надъ соборомъ,
 Эту старую легенду
 Повторяютъ дружнымъ хоромъ.

Дмитрій Садовниковъ

Равненіе «подъ-одно» *).

(изъ памятной книжки.)

I.

Разсказъ бурмистра, весь проникнутый восторженнымъ поклоненіемъ стараго раба крѣпостному праву и крѣпостнымъ порядкамъ, хотя и вѣялъ по-временамъ непривѣтливимъ, могильнымъ холодомъ непривѣтливаго прошлаго, но я слушалъ его съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, такъ какъ чувствовалъ, что, благодаря этому крѣпостному панегирику, темная для меня деревенская дѣйствительность понемногу начинаетъ выясняться. Нѣтъ спора, что взгляды старика на современные порядки и непорядки, на современное положеніе народа вообще, исключительно съ «хозяйственной» точки зрѣнія, съ точки зрѣнія разстройства *земледѣльчески-хозяйственной* организаціи деревни, — нѣтъ спора, что взгляды эти узки, ограниченны, но ихъ опредѣленность и подлинность, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ, невольно овладѣвали моимъ вниманіемъ, такъ какъ давали возможность хотя что-нибудь уяснить себѣ въ многосложной, исполненной загадокъ, картинѣ народной жизни. Не говоря о томъ, что, благодаря разсказу бурмистра, я могъ понять тѣ безчисленныя темныя деревенскія мелочи, которыя становятся въ тупикъ всякаго не деревенскаго жителя, выражаясь, напр., въ такихъ мнѣніяхъ, какъ то, что «некому смотрѣть за мужикомъ», или что «надо

*) Настоящій отрывокъ есть продолженіе и окончаніе разсказа «Старикъ», напечатаннаго въ XI кн. *Русской Мысли* 1881 года. — Хотя редакція журнала и не полнѣ согласна съ нѣкоторыми изъ выводовъ, дѣлаемыхъ уважаемыхъ авторомъ, тѣмъ не менѣе она сочла долгомъ помѣстить на страницахъ своего журнала произведеніе, проникнутое присущими его автору глубокимъ сочувствіемъ интересамъ и нуждамъ народа и несомнѣннымъ знаніемъ народной жизни.

Ред.

драть мужика за то, что онъ косить въ сапогахъ, а не въ лап-
тяхъ», и т. д., — не говоря, повторяю, объ этихъ мелочахъ, даже
крупные, — не говорю вопросы, а именно загадки народной жизни, —
загадки, загадываемыя ею почти ежеминутно, — и тѣ какъ будто
получили возможность быть разгаданными, и все благодаря тому
же разсказу стараго крѣпостника.

Чтобы читатель могъ и самъ лично убѣдиться въ томъ, ка-
кую услугу оказалъ намъ старшій бурмистръ, приведемъ нѣко-
торыя изъ этихъ загадокъ, а потомъ попробуемъ разгадать ихъ
на основаніи мнѣній и взглядовъ бурмистра. Далеко ходить за
этими загадками намъ не приходится, такъ какъ если у насъ
съ вами, читатель, есть на столѣ два-три журнала, да если къ
тому же мы имѣемъ привычку ежедневно просматривать по нѣ-
скольку газетъ, такъ загадокъ этихъ у насъ съ вами ежеднев-
но, какъ говорится, полны руки, дѣвать некуда... Возьмемъ для
начала хоть такое явленіе, какъ прошлогодній голодъ.

Осенью прошлаго года во всѣхъ почти поволжскихъ губерніяхъ
оказался страшный неурожай: хлѣбъ тотчасъ послѣ уборки достигъ
огромной цѣны, почти двухъ рублей за пудъ, а спустя мѣсяць
сталъ дороже двухъ рублей. Печеный хлѣбъ въ Самарѣ, Сара-
товѣ, этихъ житницахъ Россіи, началъ продаваться по небыва-
лой цѣнѣ — 4 и 5 коп. фунтъ. Неурожай и голодъ очевидны.
Люди, принимающіе близко къ сердцу народное горе, писали кор-
респонденціи въ газеты, переполненныя ужасающихъ подробностей:
то вы читаете, что въ такой-то деревнѣ вдова-крестьянка
повѣсилась отъ голода; то вамъ разсказываютъ о цѣлыхъ де-
ревняхъ, голодающихъ сплошь. Корреспондентъ посѣщаетъ жили-
ща крестьянъ и въ каждомъ изъ нихъ находитъ истомленныхъ,
опухшихъ людей, которые ничего не ѣли вторыя и третьи сут-
ки. Хлѣбъ, присылаемый изъ голодныхъ мѣстъ въ редакціи га-
зетъ, потрясаетъ своимъ ужаснымъ видомъ. Появляются описа-
нія такихъ пищевыхъ изобрѣтеній, отъ которыхъ волосъ стано-
вится дыбомъ: одинъ мужикъ на глазахъ корреспондента ѣлъ
чуть не осиновое полѣно; вѣвникомъ онъ вымелъ амбаръ, въ ко-
торомъ не было ничего, кромѣ куриного помету, прибавилъ туда
лебеды, сѣна, соломы, осиновой коры и все сіе, замѣсивъ, по-
ставилъ въ печь (которая очень часто бываетъ совершенно не-
топленая, такъ какъ дровъ купить не на что). Но и этой пи-
щи (!), — прибавляетъ корреспондентъ, — едва ли хватитъ семей-
ству, состоящему изъ семи душъ. Къ описаніямъ такихъ ужас-

ныхъ съѣстныхъ припасовъ прибавлялось обыкновенно, «что скотъ проданъ за безцѣнокъ; коровы продавались за одинъ рубль и много два; жеребята двухлѣтніе покупались за 50 коп., телята по гривеннику, а лошадей отдавали почти даромъ». Подъ впечатлѣніемъ этихъ ужасовъ самый языкъ корреспонденцій какъ бы озвѣринѣлся, такъ какъ о людяхъ начали писать только какъ о голодныхъ ртахъ; вмѣсто слова: «человѣкъ», стали писать: «ѣдокъ». Въ семьѣ столько-то «ѣдоковъ». Иногда писалось: «столько-то тротвѣ». Одни ужасы слѣдовали за другими... А въ то же время такіе совершенно непреложные, неопровержимые факты, какъ «голодь» и «неурожай», начали осложняться новымъ неожиданнымъ и совершенно загадочнымъ элементомъ, а именно: хлѣбъ, который *тотчасъ послѣ урожая* стоилъ 2 р. пудъ, началъ дешеветъ. «Что это значить?»—вопрошаетъ недоумѣвающий читатель. А между тѣмъ что ни день, то цѣна хлѣба ниже, да ниже. Въ августѣ она была два рубля, въ январѣ—около полутора, въ февралѣ—еще меньше, а въ мартѣ—90 коп. Что за чудо? Откуда такая благодать? Въ самое обыкновенное, болѣе или менѣе урожайное, время всегда хлѣбъ дорожаетъ къ веснѣ, потому что какъ бы его ни было много, а его съѣдятъ за зиму, къ веснѣ его останется меньше и цѣна ему будетъ дороже. Тутъ же происходитъ что-то невѣроятное. Хлѣба *не могло* быть потому, что неурожай полный, видимый, ясный для всѣхъ и каждаго. Опухшіе мужики—не фантазія, а фактъ, удостовѣренный свѣдущими и добросовѣстными людьми. Кромѣ того, изъ этого неурожая сравнительно самая большая часть собраннаго зерна куплена—таки иностранными торговцами и увезена за границу. Хлѣба, стало-быть, осталось въ обращеніи ничтожная часть, да и изъ этой ничтожной части приобрѣтено земствами голодающихъ мѣстъ тоже масса хлѣба, крайне по размѣрамъ недостаточная для самаго умѣреннаго прокормленія населенія. Но хотя земство и не могло приобрѣсти столько, сколько требовалось, все-таки оно приобрѣло столько, сколько было можно. Этотъ приобрѣтенный земствомъ хлѣбъ долженъ быть съѣденъ народомъ. Хлѣба нѣтъ—очевидно, а хлѣбъ все дешевле, да дешевле... Къ маю мѣсяцу, когда обыкновенно хлѣбъ ужасно дорогъ, онъ оказывается по 80 коп. пудъ, въ іюнѣ—70 коп. Что за чудеса! Откуда взялся хлѣбъ? Если предположить, что его навезли изъ другихъ урожайныхъ мѣстъ, то, не говоря ужъ о затрудненіяхъ перевозки весной въ распутицу,—затрудненіяхъ, прямо ложащихся на цѣну хлѣба и увеличивающихъ её, весной

обыкновенно вездѣ хлѣбъ дорожаетъ, вездѣ его мало, да наконецъ тамъ, гдѣ хлѣба было бы много, онъ, *навѣрное*, ужь проданъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на мѣстѣ,—проданъ туда же и тѣмъ же лицамъ, какъ и прежде,—израсходованъ, какъ расходвался всегда. Во всякомъ случаѣ, еслибы хлѣбъ и оказался привознымъ, то цѣна ему никакъ не могла упасть, онъ не могъ подешевѣть никоимъ образомъ. Разъ на такой огромной территоріи, какъ Россія, оказывается такое пустое, безхлѣбное мѣсто, какъ голодающее Поволжье, какой бы гдѣ бы то ни былъ урожай, распределенный равномерно въ урожайныхъ и неурожайныхъ мѣстахъ, долженъ бы былъ *вездѣ* повысить цѣну хлѣба, такъ какъ его стало бы меньше даже и въ урожайныхъ мѣстахъ и, стало-быть, вездѣ хлѣбъ долженъ бы дорожать къ веснѣ, т. е. по мѣрѣ того, какъ его съѣдаютъ; а между тѣмъ, подивитесь, хлѣбъ начинаетъ дешеветь и что ближе къ веснѣ, то больше, и притомъ гдѣ же?—въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ осенью люди ѣли кору, гдѣ баба повѣсилась съ голоду, гдѣ продавали ребятъ... А хлѣбъ все дешевле, да дешевле... И въ концѣ концовъ недоумѣвающій читатель газетъ пораженъ такимъ извѣстіемъ, опубликованнымъ въ одномъ изъ весеннихъ нумеровъ любой газеты: «Крестьянинъ такой-то, выѣхавъ на базаръ продавать хлѣбъ, былъ несказанно изумленъ, узнавъ, что цѣна хлѣба упала съ 2 руб. до 70 коп. за пудъ. Возвратившись домой съ непроданнымъ хлѣбомъ, онъ затосковалъ и въ ночь съ такого-то числа на такое-то повѣсился въ ригѣ на возжахъ подъ самымъ переметомъ».

Господи Боже нашъ!—воскликаетъ читатель, у котораго всѣ эти извѣстія съ самой осени ложились камнемъ на душу, — да что-жь все это означаетъ? То женщина вѣшается, потому что хлѣбъ 2 рубля, то мужикъ вѣшается, потому что онъ 70 коп. Что же будетъ, если, вмѣсто голода, Господь пошлетъ урожай, хлѣбъ упадетъ въ цѣнѣ, спустится до 25 коп.? Если вѣшаются отъ дешевизны, какъ и отъ дороговизны, то при хорошемъ урожаѣ должна развиться сущая эпидемія самоубійствъ: начать топиться, накладывать на себя руки... А урожай, какъ на грѣхъ, тутъ и есть. «Небывалые всходы!» «Зерно дало 14 колосьевъ по 80 зеренъ!» «Съ десятины получилось до 200 пуд. чистаго хлѣба!» Читаешь и не знаешь—радоваться или плакать. И дѣйствительно, несмотря на огромный небывалый урожай, уже слышится голоса: «Едва ли крестьянинъ улучшить свое благосостояніе... Дешевизна хлѣба при дороговизнѣ скотины... Самая плохая лошадь на

Покровской ярмаркѣ продавалась не менѣ ста рублей, теленокъ 12—15 руб., корова—40—60 руб.», и т. д. Чувствуете вы, что въ видѣ огромнаго урожая надвигается какая-то новая бѣда. «Буди воля твоя!» — говорите вы со вздохомъ и все-таки въ концѣ концовъ не можете понять, откуда взялся хлѣбъ, когда былъ неурожай, и почему этотъ таинственный хлѣбъ началъ дѣшевѣть къ веснѣ вопреки всякимъ вѣроятіямъ.

Это загадка номеръ первый.

Не трудно намъ отыскать и загадку номеръ второй и третій. Развертываемъ книжку журнала и читаемъ статью—«Санитарное состояніе русской деревни». По словамъ автора, основаннымъ на самыхъ точныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ земскими управами, смертность въ нашихъ деревняхъ, благодаря невозможнымъ гигиеническимъ условіямъ, возрасла за послѣднее десятилѣтіе до огромныхъ размѣровъ. Цифры рожденій и смертности, выведенныя авторомъ за десятилѣтній періодъ времени, по-истинѣ поражающія. Напр. въ такомъ-то селеніи, за такой-то періодъ времени число рожденій было 133, а число умершихъ—154, и такъ далѣе цѣлыя страницы ужасающихъ цифръ. Умираетъ больше, чѣмъ родится—дѣло очевидное, и доказано авторомъ до того неопровержимо, что, читая статьи, представляешь поле, усѣянное костями, по которому медленно ходитъ становой, подобно Руслану, изумленный этими «мертвыми костями»,—становой, недоумѣвающий, съ кого же получать ему подати. Причиною такого опустошенія выставляется дурное питаніе, а причиною дурнаго питанія—недостаточность земельныхъ надѣловъ... Но, думаемъ, читатель, если причина—въ малоземельи, то вѣдь по нашимъ общиннымъ порядкамъ земля убылыхъ душъ разлагается на живущихъ. Страшна и ужасна такая ужасная смертность, но остающіеся въ живыхъ, получая больше земли послѣ покойниковъ, могутъ улучшить свое благосостояніе хотя на время... Не тутъ-то было!

Вотъ другая статья—«Объ отхожихъ промыслахъ»—доказываетъ, что, и помимо смертности, малоземелье гонитъ народъ изъ деревень... Массы брошенныхъ земель встрѣчаются повсюду. Избы съ заколоченными окнами и воротами свидѣтельствуютъ, что человѣку, поставленному въ невозможность существованія, оставалось одно—бросить все и уйти, куда глаза глядятъ... Затѣмъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ земскими управами, приводится рядъ цифръ, изъ которыхъ видно, что отхожіе промыслы обезлюживаютъ деревню хуже чѣмъ дифтеритъ, хуже чѣмъ смерт-

ность, непропорциональная рождаемости... Корень таких выселений из деревень лежит, по словам автора, в малоземельи, недостаточности надѣловъ, не обеспечивающихъ самаго элементарнаго пропитанія. «Вѣдь остается же кому-нибудь земля-то, брошенная умершими и ушедшими въ отхожіи промыслы? Кому-жь она достается?» — ломаетъ голову недоумѣвающей читатель и рѣшительно теряетъ всякую способность опредѣлительно отвѣтить на вопросъ, когда третья статья «о переселеніи» доказываетъ ему, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ земскими управами, что, опустошенная смертностью, дифтеритомъ, сибирскою язвой и отхожими промыслами, деревня, — деревня съ забитыми воротами и окнами, — высылаетъ ежегодно цѣлыя толпы переселенцевъ. «Цѣлыми вереницами, — пишетъ корреспондентъ, — тянутся черезъ нашъ городъ переселенцы, направляясь въ Сибирь, въ Тобольскую губернію... Партія переселенцевъ въ 300 человекъ при ста подводкахъ прослѣдовала черезъ нашъ городъ...»

Эти извѣстія являются на ряду съ извѣстіями объ опустошительной смертности и объ отхожихъ промыслахъ. Смертность опустошаетъ, отхожіе промыслы опустошаютъ, земель остается много пустыхъ, — зачѣмъ же еще искать этихъ земель за тысячи верстъ? На этотъ разъ оказывается, что переселяются отъ густоты... Какъ такъ? Люди мрутъ, какъ мухи, санитарныя и гигиеническія условія безбожны — и вдругъ оказывается какая-то густота? Но густота на-лицо. Свѣдѣнія, доставленные изъ достоверныхъ источниковъ, удостовѣряютъ, что рождаемость превышаетъ смертность: такъ, за десятилѣтній періодъ времени въ такой-то мѣстности умерло 7 человекъ, а родилось 127; въ такой-то никто не умеръ, а народилось видимо-невидимо... Въ концѣ концовъ за десятилѣтній періодъ времени густота населенія увеличилась до такой степени, что на каждую дѣйствительную, а не ревизскую, душу не хватаетъ и по $\frac{1}{4}$ десятины во всѣхъ трехъ поляхъ, и вотъ этотъ-то излишекъ населенія, въ полномъ смыслѣ слова обреченный на голодную смерть дома, и ищетъ новыхъ мѣстъ... Откуда же, — спрашиваетъ читатель, — у этихъ нищихъ явилось сто подводъ, на которыхъ они проѣхали черезъ городъ N, какъ сообщаетъ корреспондентъ? Если имъ самимъ нечѣмъ было прокормиться, то какъ же могли они приобрести скотину, телѣги и т. д.? Наконецъ, чтобы быть кое-какъ сытымъ въ теченіе полугода, необходимаго на дорогу до Тобольской или Томской губерніи, и то необходимо имѣть средства не маленькія... Но положимъ, что у нихъ нѣтъ

никакихъ средствъ, что они нищѣ, — какая же польза нищему тащиться за 3—4 тысячи верстъ, изъ знакомыхъ мѣстъ въ незнакомыя? Вѣдь въ Томской губерніи если ему и дадутъ землю, то избу, лошадь и множество хозяйственныхъ принадлежностей, необходимыхъ для того, чтобы земля кормила человѣка, онъ долженъ купить. На что же, на какія средства онъ купить? Посмотрите вотъ на нищаго, который у васъ подъ окномъ проситъ милостыню, — много ли вы сдѣлаете ему пользы, если возьмете его въ томъ видѣ, какъ онъ есть, да на собственные средства перенесете куда-нибудь, тысячь за шесть верстъ, въ самую благодатворенную природу, — много ли ему отъ этого будетъ лучше?...

Нѣтъ, думаетъ читатель, есть и тутъ, въ этомъ дѣлѣ, что-то тайное, какая-то загадка... Конечно, смертность и убыль населенія, а съ другой стороны приростъ послѣдняго, при малоземельи, имѣютъ вліяніе, но... Но вотъ получается новый номеръ газеты, въ которомъ сказано: «Черезъ нашъ городъ прослѣдовала партія переселенцевъ изъ ...ской губерніи. Въ числѣ 30-ти семей, пробирающихся въ Томскую губернію, находилось двѣ семьи весьма зажиточныхъ крестьянъ, а одинъ изъ нихъ имѣлъ на родинѣ болѣе 100 десятинъ собственной земли, пятнадцать головъ рогатаго скота, 10 лошадей. Имущество его вѣло на шести подводахъ, причемъ лошади были собственностью крестьянина...» Итакъ, что же долженъ вывести изъ всего этого недоумѣвающій читатель? Народъ мретъ отъ малоземелья, но остающаяся послѣ умершихъ земля неизвѣстно куда дѣвается. Народъ бросаетъ землю — и опять эта земля, брошенная, никому не приноситъ добра. Мретъ, бросаетъ, — стало-быть пустыня остается? — Нѣтъ, не пустыня, а, напротивъ, необыкновенная густота, — до такой степени необыкновенная густота, что на дѣйствительную душу приходится едва по $\frac{1}{4}$ десятины, чего недостаточно для прокормленія даже въ теченіе мѣсяца... И вотъ массы этого бѣднаго, нищаго народа пускаются въ путь за нѣсколькими тысячами верстъ на *своихъ* лошадяхъ, на *своихъ* харчахъ, которыхъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ потребуется этимъ неимущимъ не менѣе какъ на 200 руб. на человѣка и скотину... Но мужика, переселяющагося отъ 100 десятинъ собственной земли — читателю ужъ ровно нечѣмъ объяснить: ни смертность, ни приростъ, ни малоземелье, ни дифтеритъ, ни кровавый поносъ, ни что другое, никакія цифры, хотя бы самыя достовѣрныя — тутъ не помогаютъ. Богачъ-мужикъ прѣтъ въ невѣдомую даль вопреки

сыкихъ увѣреній и доказательствъ — и окончательно сбиваетъ съ толку читателя...

Такихъ загадокъ мы могли бы привести великое множество, слибъ и безъ того не чувствовали неудовольствія, которое долженъ испытывать всякій человѣкъ, болѣе или менѣе озабоченный народнымъ дѣломъ, читая написанное нами. — «Такъ что же, — слышится намъ негодующій вопросъ недовольнаго читателя, — неужели ю-вашему все, что пишется о народныхъ несчастіяхъ, вздоръ и чепуха? Неужели все это — пустыя фразы и ложь? И, наконецъ, возможно ли издѣваться надъ народными несчастіями, когда я самъ, собственными своими глазами...», и т. д. — Нѣтъ, — отвѣчаю я, — все, что пишутъ о народныхъ бѣдствіяхъ, — все это сущая правда. Не только бываетъ то, что пишутъ, а ежедневно, ежеминутно въ деревнѣ случаются такія возмутительныя вещи, которыя могутъ привести нервнаго человѣка въ содроганіе, и крайне жаль, что такія вещи пишутся только въ экстренныхъ случаяхъ, высыпаютъ на божій свѣтъ только въ такія исключительныя минуты, какъ всенародныя бѣдствія, въ-родѣ поголовнаго мора или поголовнаго неурожая. Все это — и подлинность малоземелья, и подлинность голодовокъ, и подлинность необычайной смертности — признаю; я признаю полную возможность самоубійствъ съ голоду, признаю достовѣрность описанной корреспондентомъ невозможной пищи (наконецъ, я самъ видѣлъ эту пищу и помимо корреспондента); словомъ, все это я считаю совершенно вѣрнымъ, правильнымъ, достойнымъ сочувствія, гнѣва, скорби, помощи, — и все-таки чувствую, что во всемъ этомъ полчищѣ ужасовъ есть еще-что то, что неприятно отравляетъ искренность скорби, искренность рыданій о народной массѣ... Есть въ этой массѣ достовѣрнѣйшихъ бѣдствій какая-то черта, которая воспитываетъ во мнѣ какія-то враждебныя побужденія, рождаетъ какія-то недобрыя мысли относительно той же самой народной массы, которыя мѣшаютъ *только* сочувствовать, *только* любить, *только* вѣрить... Почему-то, одновременно со скорбью, съ жолчнымъ упрекомъ интеллигенціи (ужь за-одно съ другими будемъ подразумѣвать подъ этимъ словомъ обыкновенное козлище отпущенія — земство) — рождается желаніе какого-то инстинктивнаго движенія кулакомъ въ эту же самую народную массу... Чувствуется, что тутъ, въ ней же, есть какая-то неправда, язва, червоточина... Начинаютъ даже рисоваться такія «народныя» морды, которымъ весьма бы желательна даже сибирская язва...

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ люди сочувствуютъ молчать, глотаютъ, такъ сказать, эти дурныя, невѣдомо откуда рождающіяся, побужденія. Бывало сочувствуешь-сочувствуешь голоду, и дифтериту, и малоземелью, и опять голоду, а на душѣ не только не ощущается подобающаго гнѣва, не только не пробуждается энергіи, необходимой для подвига, для борьбы, а приказать—только апатія, оскомины досады... И изъ борьбы эти двухъ душевныхъ настроеній, одно другому мѣшающихъ, все выходило какое-нибудь мертвенно-блѣдное умозаключеніе: председателемъ училищнаго совѣта не предводителя надо, а председателя земской управы,—или что-нибудь въ этомъ же мертвенно-блѣдномъ смыслѣ... Находясь вотъ въ такомъ душевномъ, такъ же мертвенно-блѣдномъ, состояніи, я бы, признаюсь, не могъ дать отвѣта на предлагаемыя жизнью загадки съ тою твердостью и прямою, на которую подвинулъ меня рассказъ бурмистра. теперь, еслибы читатель сдѣлалъ мнѣ подробный допросъ, я могъ, кажется, сказать ему что-нибудь простое и понятное.

II.

Предположимъ, что лицо, желающее вести бесѣду о крестьянскихъ вопросахъ деревенской жизни, нашлось, что лицо это, искренно сочувствуя народу, проникнуто искреннѣйшимъ благоговѣніемъ къ «обиженному землевладѣнію» и искреннѣйшимъ негодованіемъ противъ такъ-называемой интеллигенціи,—и, вотъ, между нами начинается разговоръ.

— Откуда,—вопрашаетъ меня воображаемый собесѣдникъ,—взялся хлѣбъ, когда былъ неурожай, и почему этотъ хлѣбъ такъ дешевѣлъ, вмѣсто того, чтобы подорожать?...

— Хлѣбъ, милостивый государь, былъ тамъ же и взялъ оттуда же, гдѣ былъ и голодъ. Въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ люди умирали съ голоду, ѣли кору, пухли и т. д.—и въ тѣхъ же самыхъ деревняхъ были люди, которые не умирали съ голоду а напротивъ—поправлялись и толстѣли; въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ были люди, которые продавали лошадь за рубль се ребромъ—и были другіе люди, которые ее покупали за этотъ самый рубль и которые теперь продаютъ ее назадъ за сорокъ или пятьдесятъ рублей...

— При общинномъ землевладѣніи?—съ негодованіемъ (какъ мнѣ кажется) перебиваетъ меня воображаемый собесѣдникъ.

И какъ мнѣ ни трудно огорчить вопрошателя, но, скрѣпя сердце, я говорю:

— При общинномъ... Увы, при общинномъ землевладѣніи!

— Въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ?

— Въ однѣхъ и тѣхъ же.

— А смертность?

— Точно то же и со смертностью: мрутъ больные, голодные, удородные, а отъѣвшіеся—здравы и невредимы... Одни мрутъ, какъ мухи, а другіе толстѣютъ, какъ борова.

— Въ однѣхъ и тѣхъ же деревняхъ?

— Въ однѣхъ и тѣхъ же.

— И при общинномъ землевладѣніи?

— При общинномъ...

Лицо воображаемаго собесѣдника моего вспыхнуло яркою краской негодованія... Онъ, какъ мнѣ кажется, готовъ былъ отвернуться отъ меня, прекратить разговоръ; но оскорбленіе, которое нанесъ я ему своими отвѣтами, до того взволновало его, что, творачиваясь и негодуя, онъ гнѣвно задаетъ мнѣ, такъ-сказать «въ упоръ», такой вопросъ:

— Такъ вы что же... вы думаете, что хлѣбъ былъ припрятанъ у однѣхъ въ то время, когда другимъ нечего было ѣсть?...

Слово «припрятанъ», признаюсь, коробитъ меня. Я былъ бы очень доволенъ, еслибы собесѣдникъ мой не произносилъ такого грубаго слова, требующаго отъ меня не менѣе грубаго, жестокаго отвѣта, но дѣлать было нечего, и, собравшись съ силами, я рѣшаюсь произнести ужасное слово:

— Увы,—говорю я, содрогаясь,—припрятанъ!

Сказавъ это, я чувствую, что морозъ пробѣжалъ у меня по жѣ. Я самъ до такой степени потрясенъ этимъ словомъ, что два я выговорилъ его, какъ у меня является непреодолимое желаніе «поправиться», сказать что-нибудь другое, помягче; но, вопреки усиліямъ, слышу, хотя и самъ не вѣрю, что я опять, подобно ворону Эдгара Поэ, прокаркалъ:

— Припрятанъ!...

Опять хотѣлъ поправиться—и опять прокаркалъ:

— Увы, припрятанъ! Увы...

— При общинномъ землевладѣніи?—весь багровый отъ негодованія, вопрошаетъ воображаемый собесѣдникъ, видимо желая, чтобъ я очувствовался, опомнился.

Но я, какъ безчувственный истуканъ, не могу ни придумать ни вымолвить чего-нибудь иного, кромѣ того же грубаго отвѣта

— При общинномъ землевладѣніи, — говорю я и, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить непріятное впечатлѣніе моей грубости прибавляю: — Увы, увy, увy!

Но воображаемый собесѣдникъ уже не глядитъ на меня, — онъ не хочетъ на меня смотрѣть и не говорить со мною... Это меня задѣваетъ за живое. За что такая немилость? И почему такъ высокомерное нежеланіе видѣть и знать правду текущей минуты? Не обращая поэтому вниманія на надутыя негодованіемъ щеки собесѣдника и не заботясь особенно о томъ, слушаетъ онъ меня или нѣтъ, я, собственно для того, чтобы доказать, что у меня нѣтъ личной причины распускать дурныя вѣсти о народѣ, рѣшаюсь сказать воображаемому собесѣднику слѣдующее:

Если вы, — говорю я ему, — печалуетесь о народѣ съ цѣлю выработать для себя пригодную для народнаго блага нравственную задачу или, говоря еще проще, хотите не даромъ ѣсть хлѣбъ выработываемый народными руками, — то вамъ нечего бояться негодовать на неизбѣжное и рѣшительно вредно успокаивать на такихъ дѣленіяхъ русскаго общества, какъ такія три группы: народъ, община, деревня — одно; кулаки, грабители — другое; ничего не дѣлающая интеллигенція — третье. Такое дѣленіе, хотя и вполне опредѣленное, суживаетъ вашу задачу и вашу работу и приучаетъ какъ къ неосновательному негодованію, такъ къ неменѣе неосновательнымъ надеждамъ. Въ виду неосновательности такого дѣленія общества, приведу слѣдующій примѣръ.

Нынѣшнею весной нужда заставила одного крестьянина изъ деревни, въ которой я живу, продать сѣно. Крестьянинъ это бѣдный; онъ еще молодой парень, лѣтъ девятнадцати. Зимой онъ превращается въ газетчика, и вы, бывая въ Петербургѣ, навѣрнo видали, какъ онъ, гдѣ-нибудь на углу Владимірской и Невскаго подпрыгивая на обледѣлой панели и постукивая отъ холода голыми руками, предлагалъ вамъ номерокъ газеты, рекомендуя обратить вниманіе на замѣчательный процессъ. Весною газетчикъ снимаетъ съ себя форменную шапку и идетъ въ деревню пахать. Здѣсь на рукахъ его и почти только его трудами живетъ старикъ-отецъ человекъ большой, почти не слѣзающій съ печи, старуха-мать и двое малолѣтнихъ дѣтей — сестра и братъ... Быстро исчезаетъ зимній заработокъ (хотя прошлую зимой газетчикъ былъ доволенъ) — и бѣднякъ поднимается на хитрости. Онъ продаетъ сѣно

враго еще нѣтъ, своему сосѣду, у котораго есть лишніе три
 ковыхъ. Сосѣдъ, въ виду того, что сѣна въ дѣйствительно-
 не существуетъ и не извѣстно, какой будетъ урожай, даетъ
 стичку самую ничтожную цѣну (именно по 8 коп. пудъ). Га-
 зетчикъ продаетъ именно этому сосѣду, а не кому-нибудь другому,
 тому, что именно этому сосѣду «подходить» его участокъ, а
 кому-нибудь другому, и на этомъ же основаніи сосѣдъ поку-
 ть... Въ маѣ мѣсяцѣ начинаетъ чуть-чуть обрисовываться
 жай травъ. На дворѣ холодно, вѣтры, дождей нѣтъ. Сѣна
 нимаются плохіе, — стало-быть, впереди виднѣется хорошая
 на... И вотъ къ этому сосѣду идетъ другой, у котораго есть
 карманѣ не три, а шесть рѣблей, — идетъ потому, что ему
 «подходить», и предлагаетъ за сѣно не восемь, а двѣнадцать
 пѣекъ... А такъ какъ мужикъ, купившій у газетчика, тоже не
 сачъ и всегда нуждается въ деньгахъ, то и продаетъ сѣно
 ему другому сосѣду, а этотъ, убѣдившись въ іюнѣ мѣсяцѣ,
 сѣна будетъ мало, что часть скота придется продать и что
 мать сѣно теперь же выгодно, — гораздо выгоднѣе, чѣмъ посте-
 нно стравливать его скотинѣ, которую все-таки придется про-
 за-дешево, — продаетъ это сѣно третьему сосѣду, которому
 покупка также «подходить» и который уже прикупилъ у
 гихъ... И такъ далѣе продажа того же самаго сѣна идетъ изъ
 въ руки до тѣхъ поръ, пока въ іюлѣ не налетятъ скупщики-
 нциалысты и не купятъ всего, закупленнаго мѣстными жителями у
 стныхъ жителей по частямъ, сѣна. Въ концѣ концовъ сѣно, про-
 шное и перепроданное чрезъ десяткіи рукъ, является въ Петербургѣ
 сѣнномъ рынкѣ у Ивана Предтечи и продается по 85 к. сереб.
 пудъ. Къ этому надо прибавить слѣдующее: специалистъ-скуп-
 къ, покупая у «крестьянъ» перекупленное сѣно, ставитъ усло-
 въ—доставить его въ такое-то мѣсто. Съ такимъ же условіемъ
 гнаетъ и третій сосѣдъ у втораго, второй у перваго, а пер-
 й у газетчика. Газетчикъ, продавая несуществовавшее еще
 ю, обѣщався и обязався вывезти его въ такое-то мѣсто, и это
 вательство газетчика первый покупатель сосѣдъ перепродалъ
 прому, второй—третьему, а третій—специалисту. Настаетъ осень.
 но скошено, сложено въ копны и необходимо его вывозить.
 у газетчика нѣтъ лошади. А такъ какъ специалистъ-скуп-
 къ ждать не будетъ и такъ какъ онъ можетъ перевезть на
 ой счетъ, а потомъ взыскать, при помощи волостнаго суда, съ
 по «третьяго» сосѣда, у котораго онъ перекупилъ газетчиково

сѣно, то этотъ третій понуждаетъ вывозить сѣно второго сосѣда, второй сосѣдъ—перваго, а первый идетъ къ газетчику и говоритъ: «Ты что-жь, Митрофанъ, не вывозишь? Али мнѣ отвѣчать за тебя? Али мнѣ самому везти?... Изъ чего-жь мнѣ не брать-то? Я самъ только-что четыре копѣйки пользы взялъ и свои деньги... Обязался, такъ вези,—все же ты не четыре, а все семь копѣекъ пользы получилъ». То же самое говоритъ и третій сосѣдъ второму, а второй—первому. Всѣ они получили тоже по четыре копѣйки пользы. Да и специалистъ - скупщикъ тоже получилъ только четыре копѣйки, несмотря на то, что продаетъ по восьми гривенъ. Сосчитайте въ самомъ дѣлѣ, чрезъ сколько рукъ прошло сѣно?—Такимъ образомъ оказывается, что газетчикъ въ сущности получилъ больше всѣхъ. Въ случаѣ неисполненія обязательства, то - есть недоставки, взысканіе обрушится на него, и взысканіе это можетъ въ конецъ раззорить его, такъ какъ специалистъ-скупщикъ можетъ нанять перевозчиковъ по какой угодно цѣнѣ. И вотъ онъ, чтобы не раззориться до конца, чтобы избѣжать суда, самъ идетъ къ четвертому сосѣду и нанимаетъ его вывезти сѣно. И этотъ четвертый, «видя нужду», беретъ съ газетчика только четыре копѣйки,—беретъ, жалѣя его, по-божески, такъ какъ съ скупщика могъ бы взять и больше; а такъ какъ у газетчика денегъ нѣтъ, то, видя его нужду, соглашается взять въ уплату теленка, цѣна которому полтора рубля. Теленокъ ему «подходить», онъ выпинаваетъ его и продаетъ за тринадцать рублей телятникамъ... Спрашивается: гдѣ во всей этой исторіи кулакъ-злодѣй и гдѣ народъ, котораго кулакъ грабитъ? Предположимъ, что мы съ вами имѣемъ право искоренять зло и прямо возьмемся за истребленіе кулаковъ; прежде всего сажаемъ въ острогъ специалиста - скупщика, но по разслѣдованію дѣла находимъ, что онъ невиновенъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ получилъ барыша только четыре коп.,—то же, что и газетчикъ,—и въ свое оправданіе говоритъ: «пить-ѣсть тоже надо». Затѣмъ точно также получили по четыре копѣйки и всѣ четыре сосѣда, и самъ газетчикъ тоже получилъ четыре, по примѣру прочихъ,—такъ что если мы «возьмемся» за сѣннаго специалиста, то съ тою же строгостью должны взяться и за того мужика, у котораго онъ купилъ, потомъ за второго и за перваго сосѣдей... И если мы будемъ строги и справедливы до конца, то должны отобрать отъ газетчика тѣ три рубля, которые онъ выручилъ за продажу несуществовавшего сѣна, и оставить его такимъ обра-

ь безъ всякихъ средствъ къ жизни... Положимъ, что сѣно анется при немъ; но что-жь онъ съ нимъ сдѣлаетъ? Не са- ду же ему ѣсть его... Такимъ образомъ, будучи строги и вѣдливы, мы въ конецъ уничтожимъ газетчика, а между тѣмъ въ неправда, заключающаяся во всемъ этомъ, явная: газетчикъ, рчивъ по нуждѣ за пятьдесятъ пудовъ сѣна четыре рубля, существующей цѣнѣ въ восемь гривенъ потерялъ *своихъ соб- нныхъ* денегъ тридцать шесть рублей, сосѣдъ *потерялъ* руб- двадцать пять, второй сосѣдъ — рублей пятнадцать и т. д., — они *потеряли*, и всѣ они думаютъ, что нажился *только* ѣдъ, — всѣ они видятъ у сосѣда тотъ самый барышъ, который довало бы получить «мнѣ», а не ему, и всѣ они чувствуютъ авильность, разстройство. Всѣ они угнетены и всѣ угне- ть... А общинное землевладѣніе стоитъ твердо, непоколебимо, нится въ томъ самомъ видѣ и въ томъ самомъ смыслѣ, какъ жалось испоконъ вѣка... Мало того, общинное землевладѣ- , стоитъ нерушимо и непоколебимо, а въ то же время надъ ѣ и независимо отъ него возникаетъ такое явленіе. Пред- вьте вы себѣ на мѣстѣ газетчика — человѣка кроткаго, роб- о и забитаго — другой, болѣе впечатлительный и живой типъ. рчивъ за сѣно и за телушгу четыре копѣйки чистаго ба- ша, онъ проѣлъ ихъ, остался безъ всего и съ завистью ви- ѣ, что сосѣдъ, который на его сѣнѣ нажилъ тоже четыре ѣйки, купилъ на нихъ валенки и новый подхомутникъ, — ви- ѣ, что другой сосѣдъ, перекупившій, кромѣ газетчикова сѣна, оскутигъ у другаго, такого же горемыки, и нажившій съ ихъ тоже копѣйки по четыре, купилъ корову, — третій, на же перекупленное сѣно, съ прибавкой сѣна третьяго горемыки, ядилъ дочь такой франтихой, что къ ней нельзя подступиться , несчастному газетчику, у котораго на ногахъ лапти и ѣ ни пиджака, ни часовъ, — и, наконецъ, самый послѣдній об- атель его сѣна, специалистъ-сѣнникъ, не только разгуливаетъ къ нимъ въ великолѣпныхъ сапогахъ, не только щеголяетъ брянными часами, не только всегда при деньгахъ, дающихъ возможность щеголять и покорять всѣхъ дѣвушекъ, но и мо презрительно смотреть на газетчика, прямо не желаетъ нимъ водить компанію, прямо, однимъ своимъ видомъ, дока- аетъ газетчику, что между ними неизмѣримая разница, что —небо и земля... Глядитъ, глядитъ такой горемыка на этотъ цетворенный результатъ своего раззоренія и иной разъ поже-

ласть поровняться съ нимъ, продать лошадь, управскій овесъ данный на посѣвъ, купить пиджагъ и часы и такъ же развязи щелкаетъ орѣхи на посидѣлкахъ... Но это можетъ продолжаться недолго. Часы куплены, а ѣсть фактически нечего, и дѣвица, за которой ухаживаетъ бѣднякъ, притворяющійся богачомъ, отличить видитъ и понимаетъ это, а потому и не склоняется. Рано ли, поздно ли, а необходимо продать и пиджагъ, и часы, какъ необходимо было продать сѣно. Идутъ года, горемыка терпитъ и видитъ, что изъ рукъ у него все что-то уходитъ: ушло сѣно, ушла телушка лошади, управскій овесъ, часы, пиджагъ,—все уходитъ куда-то къ сосѣду, къ другому, къ третьему. Но онъ прощаетъ первому изъ нихъ, потому что тотъ не много взялъ, всего одинъ подхомутникъ; за то онъ косится на втораго, почти сердитъ на третьяго, къ дочери котораго нельзя приступить, и ужь окончательно ненавидитъ послѣднее пристанище своихъ барышей—специалиста-сѣнника, франта, богача, туза, аристократа. Онъ - то очевидно, и грабитъ всѣхъ; въ этомъ ему сочувствуютъ и сосѣди,—всѣ видятъ центръ, въ которомъ сосредоточились ихъ барыши, и всѣ, только не въ одинаковой мѣрѣ, энергично думаютъ: «вотъ этихъ-то грабителей надо бы извести!»—«Ишь награбилъ, обобралъ всѣхъ и уѣхалъ!»—«Только на гармоніи подлець играетъ, да дѣвокъ портитъ, а добро-то—мое, «и мое», «и мое», «и мое», и вообще—наше!...» И вотъ изъ глубины этой неправды возникаетъ мысль «о своемъ средствіи» противъ зла, такъ какъ правды не сыщешь... Специалистъ-сѣнникъ только-что было собрался на утро отваливать съ нагруженными барками въ Питеръ, только-что было завалился спать на душистомъ сѣнѣ, послѣ послѣдней гулянки въ хороводѣ, глядь—потянуло откуда-то дымкомъ, побѣжалъ по сѣну огонекъ... «Пожаръ!» Въ сосѣдней церкви бьютъ набатъ, мужики бѣгутъ съ крючьями и ведрами, а въ сторонѣ, гдѣ потемнѣй, стоитъ какой-то босой человѣкъ и, растирая на ладони крошки табаку, поглядываетъ на пожарище и шепчетъ про себя: «Оно такъ-то, пожалуй-что, поприятнѣе будетъ—своимъ-то средствіемъ... Пожалуй-что эдакъ-то попревосходнѣй будетъ... Эво, эво какъ!... Такъ-то лучше, поровнѣй выйдетъ между прочимъ... А то ишь ты, другъ любезный, выдумалъ!...» Кто не знаетъ примѣровъ примѣненія «своего средствія» именно въ такомъ видѣ?... Конечно, о нихъ не разговариваютъ въ народѣ, а просто дѣлаютъ молча; но это ничуть не мѣшаетъ «средствіямъ» оставаться почти безъ всякихъ

результатовъ, такъ какъ немедленно послѣ того, какъ «выжгутъ» какого-нибудь грабителя, на его мѣсто является другой, — является самъ собой, изъ той же самой разстроенной среды, — является неизбежно, даже противъ воли, если хотите. Выжгутъ живорѣза, но этимъ не помогутъ газетчику, — ему все-таки надо продать сѣно за грошъ; онъ навяжетъ его сосѣду только дешевле, сосѣдъ тоже навяжетъ другому сосѣду, и въ концѣ концовъ выйдетъ либо одинъ живорѣзъ, у котораго сѣно это скопится и который волея-неволей долженъ везти его въ Питеръ самъ (притомъ онъ сразу богатѣетъ вдвое), либо нѣсколько мелкихъ перекупщиковъ, которые сразу образуютъ въ деревнѣ нѣсколько побогатѣвшихъ на чужой счетъ перекупщиковъ сосѣдей... Искоренимъ мы ихъ — и, быть-можетъ, все сѣно деревни скопится у газетчика, къ нему привалитъ счастье, часы, пиджакъ и т. д., но «живорѣзъ» въ той или другой формѣ все-таки будетъ, потому что онъ есть результатъ общаго расстройства деревенскаго организма, онъ есть цвѣтъ, корень котораго въ землѣ, въ глубинѣ всей совокупности условій народной жизни. Если я вамъ скажу, что вотъ эта рѣдка росла корнемъ вверхъ, вы мнѣ не повѣрите, а когда дѣло касается народной жизни, вы (я обращаюсь къ воображаемому собесѣднику) именно упорно настаиваете на этой несообразности, т. е. начинаете доказывать, что гнусныя явленія въ родѣ кулачества растутъ корнемъ вверхъ наружу и не получаютъ соковъ изъ земли, изъ почвы, изъ народа. И я не спорю, что эти дурныя явленія занесены сюда, какъ вѣтеръ заноситъ крапивное сѣмя; но я говорю, что земля, на которую занесено крапивное сѣмя, питаетъ и раститъ его, и сколько бы вы ни поступали съ этою крапивою «своимъ средствѣмъ», на тотъ матеръ, какъ я рассказалъ выше, крапива будетъ расти только гуще, толще, сильнѣе. До тѣхъ поръ, покуда соки, питающіе крапиву, не уйдутъ на другое, на питаніе какого-нибудь полезнаго растенія, — крапиву не вырубить топоромъ и она не засохнетъ добровольно... Вотъ въ томъ-то, чтобы люди не были поставлены въ необходимость дѣйствовать такими топорными средствами, какъ то, которое употреблено было для искорененія сѣнника, — убѣждаться въ бесплодности этихъ «средствій», — въ томъ, чтобы газетчикъ сполина получалъ свои восемь гривенъ за пудъ сѣна, чтобы онъ не злился на сосѣдей, а сосѣди не наживались на его счетъ, — въ этомъ-то и заключается задача образованнаго человѣка, человѣка знающаго, откуда несется крапивное сѣмя, а также и то, что почва,

земля податлива и къ добрымъ, и къ худымъ сѣменамъ. Между тѣмъ сложность переживаемой народомъ минуты, — сложность, слѣдовательно, лежащихъ на васъ, образованномъ человѣкѣ, обязанностей (если вы хотите не даромъ ѣсть хлѣбъ), — умалется и какъ-то обезцвѣчивается, во-первыхъ, слишкомъ несообразными надеждами, возлагаемыми на общинное землевладѣніе, и, во-вторыхъ, слишкомъ обезцвѣченнымъ представленіемъ понятія «народъ». Въ послѣднее время слово «народъ» стало представляться такою же почти коллективной однородностью, какъ, на примѣръ, «овесъ», или «сѣно», или икра... Народъ—это что-то одномысленное, какая-то масса, гдѣ всѣ частицы и во всемъ совершенно равны другъ другу, одномысленны, одинаковы даже въ нравственныхъ побужденіяхъ. Рассказываютъ, что міряне прибили мірянина, который помогъ вдовѣ въ то время, какъ всѣ прочіе его сосѣди не могли этого сдѣлать. «Не смѣй дѣлать добро, когда мы всѣ не можемъ сдѣлать того же!» Если это правда, то коллективная однородность деревни хуже аракеевскихъ казармъ... Но намъ кажется, что это невѣрно и что такое ни съ чѣмъ несообразное равеніе вытекаетъ изъ слишкомъ неразсудительнаго поклоненія предъ общиннымъ землевладѣніемъ, а главнымъ образомъ предъ ритуаломъ распредѣленія общинныхъ земель. Это распредѣленіе также сдѣлалось предметомъ неумѣренной идолопоклоненія и неумѣренныхъ надеждъ. Предъ ритуаломъ распредѣленія земель и угодій по душамъ и т. д. стали ступшеваться всѣ другія человѣческія стороны деревенской жизни: нѣтъ ни восхода, ни заката солнечнаго, нѣтъ ни бабъ, ни дѣвокъ, ни свиданій, ни пѣсенъ,—все исчезло предъ межевыми знаками и межевыми ямами. Народъ только и дѣлаетъ, что говоритъ о принципахъ обычнаго права, да о межевыхъ знакахъ; съ дѣтскихъ лѣтъ крестьянинъ яко бы только и думаетъ что о колышкахъ, столбикахъ, о дѣлежѣ луговъ и т. д., и т. д. Деревенскіе люди если сходятся поговорить, то говорятъ непременно о высшей межевой справедливости. Иной разъ кажется, что всѣ деревни наши населены кандидатами на судебныя должности, штудирующими Пахмана или Якушкина. Пишутъ цѣлые романы, въ которыхъ авторы воодушевляются планами генеральнаго межеванія, купчими крѣпостями и нотаріальными актами. Я понимаю, что въ жизни образованнаго человѣка бываютъ минуты отчаянія, когда онъ теряетъ голову; теряетъ вѣру и радъ ухватиться «за что-нибудь», радъ увидѣть, что есть на свѣтѣ что-нибудь справед-

ливое, что можно влюбиться въ какую-нибудь жердь, какъ памятникъ справедливѣйшаго мірскаго поступка; но при всемъ томъ нельзя не видѣть, что это неумѣренное поклоненіе совершенству распредѣленія земельныхъ средствъ существованія, — совершенству уравненія *источниковъ* существованія, яко бы проникающаго съ неизмѣнною послѣдовательностью и во всѣ другія общественныя отношенія деревенскихъ людей, — безпрестанно ставитъ человѣка, желающаго служить народу, въ самое нелѣпое и безмысленное положеніе. Напримѣръ: голодъ, народъ голоденъ, ему необходима помощь. Помощь распредѣляется согласно правильности распредѣленія земли, — правильности, доведенной до совершенства. На дѣлѣ же оказывается, что при такомъ-то совершенно правильномъ распредѣленіи помощь вся оказывается въ рукахъ богачей деревенскихъ, а у несчастныхъ газетчиковъ ничего не оказывается. Газетчики помирають, а сосѣди — первый, второй и третій — получаютъ по препорціи, причеиъ больше всѣхъ получаетъ тотъ, у кого по богатству есть еще прошлогодній хлѣбъ и который на получаемую помощь дѣлаетъ оборотъ. Таковую раздачу вы основываете на общинномъ ручательствѣ, полагая, что здѣсь всѣ другъ за друга, а на дѣлѣ такая раздача заставляетъ даже припрятывать хлѣбъ, у кого онъ есть, чтобы даромъ не отвѣчать понапрасну за такихъ людей, какъ газетчикъ. Да, наконецъ, самаго поверхностнаго взгляда на современную деревню достаточно для того, чтобы не подводить «подъ одно» всѣхъ деревенскихъ жителей и всѣ деревенскія мнѣнія и желанія. Основывать однородность деревенскихъ интересовъ на общинномъ землевладѣніи такъ же несправедливо, какъ еслибы на основаніи общиннаго владѣнія петербургскимъ водопроводомъ, изъ котораго вода равномерно распредѣлена по всѣмъ жилищамъ, отъ дворца до лачуги за Нарвскою заставой, и притомъ совершенно одинаковая вода, то-есть какъ во дворцѣ, такъ и въ лачугѣ вода эта одного цвѣта, свойства, вкуса, идетъ изъ одного и того же источника, по совершенно одинаковымъ трубамъ и распредѣляется каждому по надобности его, — еслибы, повторяю, на одинаковости и правильности распредѣленія воды я основалъ одинаковость цѣлей, желаній, стремленій, хотя бы только до известной степени, между всѣми тысячами людей, населяющихъ тысячи квартиръ съ одинаково проведенною водой, или вздумалъ бы на основаніи того, что вода распредѣлена между всѣми на основаніи потребностей каждаго, «сколько кому надо», — вздумалъ бы

представить себѣ, что и средства обывателей распредѣляются такъ же равномерно и притомъ «сколько кому надо», — то едва ли бы съ моей стороны въ этомъ не было ошибки. А между тѣмъ на основаніи общиннаго землевладѣнія строятся именно такого рода фактази; правильность и точность межевыхъ отношеній переносятся въ отношенія нравственныя; равеніе *средствъ* къ жизни продолжается, совершенно произвольно, и въ сферѣ нравственныхъ отношеній до того, что, будто бы, нельзя помочь вдовѣ отдѣльноты «міра» и что «за такія дѣла» міръ колотитъ благотворителемъ до полусмерти... Нѣтъ сомнѣнія, у деревни есть общіе интересы — такіе, которые сплачиваютъ деревню и дѣлаютъ ее «какъ одинъ человѣкъ». Но если народъ единять вѣсти и слухи о землѣ, нужда въ землѣ, лугахъ и вообще потребности и заботы о *средствахъ* жизни, — если во имя такихъ потребностей онъ думаетъ и поступаетъ однородно, всѣ какъ одинъ, такъ вѣдь и Петербургъ возстанетъ *весь*, какъ одинъ человѣкъ, если я запроу водопроводъ, да и Москва возликуетъ, — вся Москва, отъ дворца до Грачовки, — если я объявлю, что «будетъ водопроводъ»... И все-таки, дѣлаясь въ этихъ случаяхъ какъ одинъ человѣкъ, ни Петербургъ, ни Москва не спасаютъ себя отъ тѣхъ общественныхъ разъединеній, которыя существуютъ въ нихъ сію минуту. Деревенская жизнь вступаетъ въ совершенно *новый* фазисъ, становится въ совершенно *новыя* условія, подъ совершенно новыми вліянія и давленія, для которыхъ *не было прецедентовъ* никогда съ основанія Руси (напримѣръ, желѣзныя дороги), — вліянія и давленія могущественнѣйшія, имѣющія за собою прошлое ничуть не менѣе давнее, чѣмъ общинное землевладѣніе, имѣющее за собою страшную силу новизны, любопытства, соблазна, вліяній и давленій, разлагающихъ личное чувство на личныя удобства и блага. Возникаютъ, благодаря этимъ вліяніямъ и давленіямъ, совершенно новыя явленія, явленія огромнаго разстройства всего организма, а вы (я продолжаю обращаться къ воображаемому собесѣднику) упорно не желаете вникнуть во всю глубину этого разстройства, отворачиваетесь отъ нихъ, отдѣльваетесь отъ нихъ небрежнымъ выраженіемъ: «все кулаки!», — потому что вы яко бы до такой степени «влюблены» въ народъ, что не можете переносить грубаго съ нимъ обращенія... Въ межевыхъ ямахъ и столбахъ (которыя въ дѣйствительности только одни остаются въ полномъ вашемъ распоряженіи, такъ какъ во всемъ прочемъ вы, какъ говорится, пикнуть не смѣете) — вы видите и спасе-

іе, и блестящее будущее, и прочее, и прочее. Но межевые столбы были всегда, во всѣ дни и годы русской жизни, а *кроме ихъ* чего-чего не произошло въ этой жизни! И помѣшали ли сія великолѣпныя ямы какому бы то ни было злодѣйскому давленію?... Правда, вы скажете, что иногда народъ справлялся своимъ «средствіемъ». А я спрошу: «Справился ли?»—Вы говорите: «И теперь пробуждается».—А я спрашиваю: «Какъ именно?»—«Бить на-малъ». — «Кого?»—«Да родителей даже колотить... Сынъ колотить родителя потому, что родитель глупъ, а сынъ уменъ; родитель не понимаетъ, а сынъ понялъ...»—Я спрашиваю опять: «За что-жь родителя-то бить? Развѣ родитель виноватъ? Не глупъ ли этотъ просвѣщенный сынъ? И потомъ: драка—развѣ это «средствіе»? Вспомните «покойный» Великій Новгородъ: тамъ ли мордобитіе, какъ «средствіе» для рѣшенія общественныхъ вопросовъ, не было возведено на высшую степень? Тамъ ли драка не была разработана такъ же совершенно, какъ, на примѣръ, въ настоящее время электричество?... Бывали тамъ, милостивый государь, столь великолѣпныя мордобитія, что, по словамъ народной пѣсни, бывало иногда

„Набито мужичья—что непогодою!“

То-есть такъ бывало набито (для рѣшенія общественныхъ вопросовъ), что мужичье, какъ снѣгъ послѣ вьюги, «набито» было въ подворотняхъ, въ ямахъ, въ оврагахъ, висѣло на заборахъ, на перилахъ мостовъ, валялось кучами, сугробами, — и что-жь вышло въ концѣ концовъ?... Ужь не будемъ вспоминать, какъ пришла Москва, какъ она дала, говоря простымъ слогомъ, «мѣща» и какъ въ концѣ концовъ отъ многовѣковой драки не осталось рѣшительно никакихъ слѣдовъ. Поглядите теперь на этотъ Римъ русскій... На пустомъ мѣстѣ стоитъ памятникъ, смыслъ котораго извѣстенъ въ точности только сторожу и почти неизвѣстенъ народу, а противъ памятника, на другомъ берегу великаго Волхова, и тоже на пустомъ мѣстѣ, стоятъ два мѣшка со снѣтками. Снѣтки продаются по 2 руб. 30 коп. пудъ, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, и все сіе соединено великолѣпнымъ гранитнымъ мостомъ, тоже пустымъ, построеннымъ герцогомъ Вюртембергскимъ. Говорятъ, правда, что иногда по ночамъ, при свѣтѣ мѣсяца, Волховъ начинаетъ роптать, вспоминаетъ, будто бы, старину и притомъ вполне согласно съ тѣмъ, какъ объ этомъ сказано въ учебникѣ Иловайскаго, излагая свои историческія свѣдѣнія стихами. Очень вѣроятно, что что-нибудь подобное и бываетъ,

только для этого необходимо хорошо вытвердить учебникъ г. Илювайскаго, такъ какъ дѣйствительность едва ли вдохновить Волховъ даже ночью.

Говоря это, я вижу, что воображаемый мой собесѣдникъ весьма недоволенъ шутивнымъ тономъ, который я позволяю себѣ принять, говоря о такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ «народъ» и «общинное землевладѣніе». Кромѣ того, я вижу, что, несмотря на всѣ мои разглагольствованія, воображаемый собесѣдникъ рѣшительно не внемлетъ мнѣ и слово «припрятанъ» мучить его точь-въ-точь такъ же сильно, какъ и въ началѣ моихъ разглагольствованій. Въ виду этого, я вновь возвращусь къ самому корню дѣла.

III.

Въ шестидесятыхъ годахъ, говорю я, въ виду крестьянской реформы, вопросъ объ общинномъ землевладѣніи былъ поставленъ едва ли не въ той же степени серьезно, какъ и въ настоящее время. Всѣ мы помнимъ жаркіе дебаты въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ и въ журналистикѣ. Но тогдашняя постановка вопроса имѣла, какъ намъ кажется, то важное отличие отъ нынѣшней «влюбленности» въ этотъ вопросъ, что цѣлю его постановки было уясненіе практическаго значенія общины въ виду практическаго значенія реформы. Огромное, практически, т. е. на дѣлѣ, возможное улучшение народнаго быта, стоявшее тогда у всѣхъ передъ глазами и даже зависѣвшее отъ этихъ «всѣхъ», должно было, при разработкѣ вопроса объ общинѣ, сосредоточивать вниманіе заинтересованныхъ въ ней лицъ также только на ея дѣйствительно-практическихъ, для дѣйствительнаго дѣла нужныхъ и пригодныхъ сторонахъ. Правда, и въ настоящее время народная жизнь требуетъ не мало точно также практическихъ, совершенно ясныхъ и необходимыхъ улучшеній, — правда, и теперь она могла бы сосредоточить общественное вниманіе на дѣйствительномъ, нужномъ и трудномъ дѣлѣ; но такъ какъ въ настоящее время, по словамъ одного моего знакомаго купца: «Никому — ничего — нельзя» (трехцвѣтное знамя), то и не мудрено, что вниманіе къ народной жизни, остановленной въ своемъ правильномъ теченіи, ушло въ несущественныя мелочи и въ нихъ стало искать какого-либо пристанища своей мысли... Только полная невозможность какого-нибудь серьезнаго,

правдиваго дѣла можетъ заставитьъ человѣка восхищаться проявленіями общиннаго начала въ томъ, что вотъ эти два крестьянина выпили каждый по отдѣльной рюмѣ, закусили *однимъ* щипцомъ и т. д. Въ шестидесятыхъ годахъ можно было дѣлать дѣло взаправду, въ самомъ дѣлѣ, а отъ этого и общинное начало въ крестьянской жизни разсматривалось также съ той стороны, которая взаправду нужна, которая взаправду заслуживаетъ вниманія. Въ этомъ отношеніи несомнѣнныя достоинства общины были, если читатель помнитъ, выяснены со стороны ихъ *естественной* выгоды и справедливости. Слово *естественной* я подчеркиваю особенно, особенно обращаю на него вниманіе читателя, такъ какъ слово это означаетъ, что, несмотря ни на какія мѣропріятія, ни на какія усилія разрушить общину, она будетъ существовать—при извѣстныхъ условіяхъ—непремѣнно. Она выгодна, она справедлива и, что бы вы ни дѣлали съ ней, она, опять-таки при извѣстныхъ условіяхъ, непремѣнно должна существовать, — что всѣ мѣропріятія къ ея разрушенію будутъ только напрасною, бесплодною, разрушительною тратой народныхъ силъ,—словомъ, что община должна при извѣстныхъ условіяхъ образоваться такъ же естественно, такъ же *сама собою*, какъ хлѣбное зерно, посаженное въ землю, само собою выроститъ колосъ и тотъ же хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что десять, двадцать человѣкъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія объ общинѣ, — положимъ, разночинцевъ, оставшихся безъ мѣстъ приказныхъ (которыхъ, кстати сказать, и то бы слѣдовало устроить по-божески),—словомъ, людей не читавшихъ ни одной статьи о передѣлахъ и межевыхъ ямахъ,—поставлены въ необходимость жить крестьянствомъ, то-есть своими руками добывать хлѣбъ непосредственно изъ земли,—не изъ лавки за деньги, а изъ земли, вотъ изъ этого участка, отведеннаго казной. Предположимъ, что казна этимъ людямъ отвела участокъ во столько-то десятинъ и сказала: «Вотъ вамъ земля, за которую вы платите столько-то съ десятины. Представьте себѣ, что эти двадцать человѣкъ — люди самые разнохарактерные: одинъ—верзила-почталіонъ, который на кулачномъ бою убивалъ человѣка съ одного удара на-повалъ; другой—слабосильный дьячокъ, съ головокруженіемъ отъ пьянства; этотъ—холостой, а этотъ—съ кучей ребятъ. Представьте себѣ, что они, какъ люди неопытные, раздѣлили землю поровну. «Насъ десять человѣкъ»,—стало-быть, раздѣлимъ на десять, и кончено... И вотъ

они раздѣлили, хотя и это трудно предположить, потому что при дѣлежѣ немедленно же, *сейчасъ* же, въ ту же минуту, какъ только предстала надобность дѣлить, у всѣхъ несомнѣнно должна была родиться мысль о качествѣ земли. Но предположимъ, что они раздѣлились на равные участки и знать другъ друга не хотятъ. Почталіонъ выбралъ для себя живописный холмъ,—ему понравился видъ; онъ вытянулся во весь ростъ и заплѣлъ: «Быть можетъ на ха-алмѣ нѣмомъ...» Но вотъ ему понадобилось ведро воды. Пошелъ онъ за водой и видитъ, что дьячокъ лучше его распорядился, помѣстившись у рѣчки: «вода тутъ и есть»,—а почталіону приходится таскать ее на свой холмъ Богъ знаетъ откуда. Вѣдь, какъ-никакъ, надо заводить огородъ, а огородъ надо поливать. Ну-ка, если придется не одно, а сто ведеръ перетаскать въ сутки, вѣдь это заболитъ, пожалуй, хребетъ-то. И вотъ почталіонъ говоритъ: «Нѣтъ, точно, что холмъ живописенъ, и видъ есть, а надо, чтобы дьячокъ подвинулся, пустилъ меня къ водѣ... Дьячокъ не пускаетъ. Начинаются ссоры, брань, но въ концѣ концовъ, послѣ тысячи недоразумѣній, *естественно* и неизбежно должно выйти рѣшеніе, чтобы всѣ становили свои избы къ водѣ. Вода всѣмъ нужна, всѣмъ нужны огороды, всѣ мы платимъ за десятину однѣ и тѣ же деньги,—почему же дьячокъ будетъ имѣть воду близко отъ огорода, а я, почталіонъ, далеко? Есть ли тутъ какая-нибудь справедливость? Покуда я буду мучиться—таскать воду на свой холмъ, дьячокъ успѣетъ полить огородъ и приняться убирать сѣно, въ то время какъ мое сѣно будетъ лежать и гнить. Итакъ, «всѣ избы у рѣчки и всѣ огороды ближе къ водѣ»... Рѣшеніе это, хотя послѣ недоразумѣній и дракъ, какъ видите, неизбежно, *естественно-выгодно* и вытекаетъ не изъ общиннаго «духа» (котораго у нашихъ поселенцевъ-разночинцевъ никогда не было), а изъ личной выгоды и личнаго удобства. Рѣшивъ вопросъ объ огородахъ и водѣ, поселенцы, ничего непонимающіе въ деревенскихъ дѣлахъ, однако думаютъ, что землю слѣдуетъ раздѣлить по участкамъ: вотъ это—почталіону, это—дьячку и т. д.,—прямо отъ избъ, по линіи до конца участка; вода общая, а земля каждому отдѣльно. Но и тутъ немедленно возникаютъ недоразумѣнія: у почталіона оказываются на участкѣ три старыхъ пня, а у дьячка все равно; кромѣ почталіона, недоволенъ дѣлежомъ и третій поселенецъ, бывший кондукторъ. На его участкѣ оказалось больше половины песку, на которомъ не уродится даже репейникъ, а у сосѣда-

почталіона, напротивъ, земля жирная, какъ зернистая игра. И вотъ возникаетъ вопросъ о болѣе правильномъ дѣлежѣ,—дѣлежѣ на хорошіе, средніе и плохіе участки, а этихъ послѣднихъ—по кушамъ, по дворамъ; но тутъ оказывается, что почталіону хорошій участокъ достался слишкомъ далеко, а худой близко,—а дьячку хорошая подъ самымъ домомъ, да и худая не далеко. Это опять неправильно: дьячокъ будетъ работать почти около дома, а я, почталіонъ, буду терять время на переѣзды съ хорошей на худую,—очевидно, что нужно, чтобъ и дьячокъ терялъ время на переѣзды. Такимъ образомъ *само собой*, совершенно естественно, возникаетъ вопросъ о дѣлежѣ еще болѣе точномъ,—разстояніе между участками должно быть одинаковое: если у меня хорошая земля у двора, то худая должна быть далеко, у другаго далеко хорошая, а худая близко и т. д. Итакъ, все выходитъ само собой, естественно рождается въ сознаниіи поселенцевъ, которые совершенно и понятія не имѣютъ объ общинѣ. Но положимъ, что нашелся между ними такой поселенецъ, который ни за что не согласенъ на всѣ эти естественныя мѣры. Онъ хочетъ жить самъ по себѣ, одинъ; онъ отдѣлилъ себѣ участокъ и говоритъ: «знать никого не хочу!» Онъ начинаетъ строить домъ: 120 бревенъ, необходимыя по малой мѣрѣ на самую первобытную избу, онъ долженъ вывозить изъ лѣсу по крайней мѣрѣ 60 дней; столько же, если не больше, онъ тратитъ времени на рубку избы, не имѣя времени на то, чтобы пахать, сѣять, жать, и все время оставаясь подъ открытымъ небомъ. Онъ хочетъ загородить свой участокъ отъ всѣхъ сосѣдей, но на одну только десятину ему нужно жердей (принимая окружность десятины въ 320 сажень и полагая на каждую сажень только по три жердины) 960 штукъ, да 320 столбовъ, къ которымъ онѣ должны быть привязаны, итого 1.280 штукъ мелкаго лѣса. Но такъ какъ у него не одна десятина, а самое малое четыре, то, чтобъ огородить эти четыре десятины, ему потребуется, по вышеприведенному расчету, 3.680 штукъ мелкаго лѣсу. Но кромѣ этого, отдѣлившись отъ сосѣдей, онъ долженъ подумать и о другихъ загородахъ. Скотина можетъ зайти въ огородъ, поэтому нужна новая загородъ, поперечная, на что потребуется еще 150 жердей; затѣмъ оказывается необходимымъ огородить и всѣ три поля, чтобы скотина не могла зайти ни въ рожь, ни въ овесь, и на эти загороди кладите по малой мѣрѣ 1.500 жердей; всего же для такого умника потребуется никакъ не меньше 6.600

штукъ мелкаго лѣса. Во - первыхъ, это—опустошеніе, за которое его такъ же похваляютъ, какъ и за то, еслибъ онъ отавилъ сосѣдей безъ воды, а во - вторыхъ — на вырубку и вывозку такого количества лѣсу должна уйти масса времени... Такимъ образомъ отдѣльно жить отъ сосѣдей, не обращать на нихъ вниманія — дѣлается рѣшительно невозможнымъ. *Волей-неволей* надобно имъ поклониться и волей-неволей все должны поклоняться всѣмъ. Всѣ строить избы для всѣхъ. Мы видѣли, что строится каждый самъ, одинъ, надобно употребитъ 60 дней на вывозку лѣса. При общинномъ же трудѣ и помощъ лѣсъ вывозится въ 3 дня (поселенцевъ 20 чел.) и такимъ образомъ въ 60 дней будетъ лѣсъ у всѣхъ, причемъ для всякаго *будетъ легче* сдѣлать это дѣло. И опять естественная выгода. Точно такъ же и загороди. Въ нихъ не оказывается надобности если будетъ общее пастбище, и вотъ—общіе луга. Словомъ, межевая точность и справедливость рождаются въ сознаніи этихъ людей, не имѣющихъ понятія объ общинѣ, само собою, совершенно естественно и даже противъ воли. Въ шестидесятыхъ годахъ и доказывалась естественность этого порядка,—говорилось, что разрушить этотъ порядокъ нельзя, какъ нельзя ждать, что если просуну палку въ воду, то въ водѣ останется послѣ этого дыра. Какія-бъ искусственныя мѣры ни употреблялись для разрушенія этого порядка, ничего не будетъ кромѣ затрудненія, напрасной потери рабочихъ силъ, времени, напраснаго недовольства. Этой практической стороны общиннаго землевладѣнія, по нашему мнѣнію, совершенно достаточно для того, чтобы дорожить возможностью существованія такихъ порядковъ у насъ въ Руси. Но можно ли думать, что эти порядки переработаютъ порядки совершенно другіе, которые налегаютъ на деревню, и можно ли надежду на эту переработку видѣть во всѣхъ вышеупомянутыхъ межевыхъ достоинствахъ, а главное—можно ли эти межевыя достоинства произвольно распространять и на личныя отношенія общественниковъ, на ихъ характеры и нравственныя особенности и міросозерцаніе?—Нѣтъ, не въ этихъ межевыхъ совершенствахъ, вытекающихъ изъ побужденій личной выгоды, лежитъ устойчивость и своеобразность міросозерцанія народныхъ массъ, а въ свойствахъ ихъ труда,—въ свойствахъ не столько землевладѣнія, сколько земледѣлія,—въ той своеобразности трудового года, который не похожъ на трудовой годъ барина, фабричнаго, купца и т. д. Вы говорите: «несмотря ни на какія дав-

внѣ и историческія безобразія, крестьянинъ нашъ *устоялъ*, и т. д.». Я же говорю: нѣтъ такого крестьянина, въ какой бы странѣ онъ ни былъ, который бы не устоялъ противъ всевозможныхъ историческихъ давленій, если только онъ продолжаетъ быть тѣмъ, что называется крестьяниномъ, т. е. земледѣльцемъ. Возьмите хоть крестьянина французскаго. Онъ ли не долженъ былъ почувствоваться послѣ всѣхъ этихъ передрэгъ и революцій? Но онъ точь-въ-точь такой же равнодушный къ разглагольствованіямъ Гамбетты человѣкъ, какъ и его прадѣдушка былъ равнодушенъ къ разглагольствованіямъ Руссо. Ему некогда (до сихъ поръ онъ не досужился!) узнать какъ слѣдуетъ, за что пропалъ Людовикъ XVI, какъ забрался на престолъ Наполеонъ I, куда запропастился Наполеонъ III... У него былъ недосугъ по хозяйству: то телятъ доили, то навозъ возили на пашню. Словомъ, «устоялъ» и остался точь-въ-точь въ томъ самомъ видѣ, какъ стоялъ его тыщелѣтній предокъ. А общиннаго землевладѣнія нѣтъ и межевыя крѣпости стоятъ совсѣмъ по-другому. Отчего же онъ устоялъ и такъ упорно сохранилъ свой крестьянскій типъ?—Оттого, что устояло волице красное на небѣ,—оттого, что устояла вотъ эта рѣчка, устояла эта земля, устояла рожь, овесъ и ленъ,—оттого, что устояли вѣтры, дожди и грозы,—оттого, что устояли засухи, падежи, градобитія, урожаи и голодухи,—устояли зима, лѣто, весна и осень. Словомъ, оттого, что устояли всѣ условія его труда,—условія, отъ которыхъ онъ въ зависимости, которыя складываютъ его мысль, опредѣляютъ его заботу, его горе, его радость. Не въ *землевладѣніи*, а въ *земледѣліи* лежатъ типическія черты нашего народа, его непоколебимое терпѣніе, покорность судьбѣ, чистота его помысловъ, не знающихъ, что такое выдумка. Въ однородности земледѣльческаго труда, которымъ на Русской землѣ живутъ милліоны, лежитъ и однородность народнаго міросозерцанія, однородность народнаго типа, однородность народныхъ желаній. Милліоны людей живутъ въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ труда; всѣ они одинаково зависятъ отъ этого солнца, отъ этого дождя, отъ этого града и т. д.; всѣ они понимаютъ другъ друга, понимаютъ печали и радости, хотя не думаютъ, чтобы всѣ и во всемъ были «подъ одно». Надъ правильнымъ дѣлежомъ земли, надъ одинаковыми условіями труда есть счастье, сила, умъ, талантъ, съ которыми ничего не сдѣлаешь «силой», которыхъ не испоренишь, но которые проявляются на одномъ и томъ же дѣлѣ, на земледѣліи, которые учатъ незнающаго, даютъ примѣръ, об-

рацикъ лучшаго. Возьмемъ примѣръ: рядомъ живутъ два крестыянина; одинъ богатѣетъ съ каждымъ годомъ, другой съ каждымъ годомъ отстаетъ отъ него, но этотъ отстающій знаетъ, что со съѣдъ его богатѣетъ потому, что сильнѣй его, потому, что ловчѣе работаетъ, что онъ встаетъ до свѣту, что на его полосу палъ дождь, когда не палъ на другія... Но это неравенство для него понятно, не возбуждаетъ ненависти, не можетъ возбуждать, — онъ знаетъ, что будь онъ силенъ такъ же, какъ сосѣдъ, и случись съ нимъ то же, что съ сосѣдомъ, — и онъ бы сталъ богатѣть. Это понятное неравенство. Тутъ все понятно, тутъ можно поучиться перенять. Въ крайнемъ случаѣ только можно вздохнуть отъ зависти, но поступить съ такимъ богачомъ «своимъ средствѣмъ» не придетъ никому въ голову, и тѣмъ паче не придетъ въ голову избить этого богача за то, что онъ помогъ вдовѣ. У насъ и у богача, и у бѣдняка — средства равны, трудъ одинаковъ, однимъ и тѣмъ же процессомъ мы достаемъ хлѣбъ, но неодинаковы таланты, сила, дарованія, счастье... Если же въ деревнѣ, съ одной стороны, возникаетъ мысль о «своемъ средствѣ» и если, съ другой стороны, является потребность идти въ переселеніе человѣку, у котораго «своей земли сто десятинъ», — то очевидно, что въ народной средѣ произошло огромное разстройство, и притомъ именно въ однородности труда, въ *однородности средствъ* къ существованію. Крестьянинъ, переселяющійся съ насиженнаго мѣста, бросающій родную сторону и идущій на чужбину въ невѣдомую даль, есть родовитый аристократъ пашни. Общинные порядки, межевыя ямы и столбы — все это осталось такъ же, какъ и было на его родинѣ, но стала пропадать та понятливость и безгрѣшность (даже и въ жестокости) отношеній сосѣдскихъ и домашнихъ, въ которыхъ онъ выросъ и помимо которыхъ онъ ничего не понимаетъ. Онъ прѣтъ за тридевять земель, чтобы начинать сызнова, съ земли, чтобы совѣтоваться только съ нею, съ солнцемъ и съ небомъ, чтобы, только слушаясь ихъ, имѣть безгрѣшное право приказывать домашнимъ то-то и то-то, взыскивать, требовать, хвалить и миловать. Отъ керасиновой лампы онъ идетъ къ лучинѣ, отъ полусапожекъ, въ которыхъ стали щеголять снохи, къ лаптямъ, отъ ситцевыхъ платьевъ — къ домотканному холсту, — словомъ, онъ желаетъ реставрировать весь понятный и въ мельчайшихъ подробностяхъ зависимый отъ безгрѣшнаго труда — земледѣлія — порядокъ. Въ этомъ порядкѣ, основанномъ на трудѣ, въ которомъ «нѣтъ грѣха», онъ обрѣтаетъ и свое достоинство,

свое спокойствіе духа, и свои права гнѣва, милости, доброты. Нѣтъ не понимаетъ, а если и понимаетъ, то ненавидитъ этого сосѣда - шаромыжника, который понялъ духъ вѣка, сталъ скучить и перепродавать овесъ и, благодаря грѣхомъ наживаемому богатству, затмѣваетъ его, природнаго крестьянина, богатѣющаго только праведнымъ путемъ, только по волѣ Божіей, дающей авантъ, силу, счастье... Нѣтъ возможности быть ему и добрымъ, привести душу на добромъ дѣлѣ, помогая вотъ этому газетчику... Паромыги, какъ мы видѣли, довели газетчика до мысли о «своихъ средствѣхъ», помutilи понятную разницу между богатымъ крестьяниномъ и бѣднымъ, сдѣлали ее непонятною, неправильною, ебожескою, и научили злымъ мыслямъ. Не поможетъ онъ газетчику потому, что газетчикъ обиженъ, золь и нарочитъ сдѣлать адость (не мало, вѣдь, разжилось сосѣдей на его счетъ). Не желая приставать къ шаромыгамъ и невинно терпѣть отъ разореннаго бѣдняка, этотъ аристократъ пашни снимается съ мѣста и идетъ за тридевять земель... Да и вообще идетъ на переселеніе не круглый бѣднякъ, — надо имѣть хоть какія-нибудь средства, чтобы пройти тысячу верстъ и начать жить сызнова... Нищій, перенесенный на воздушномъ шарѣ за тридевять земель, какъ и останется нищимъ, если ему не помочь... А вѣдь переселенцамъ не помогаютъ ни орудіями, ни скотомъ, а они идутъ. Это значитъ, что стало худо, неловко жить чистому крестьянину-земледѣльцу, — неловко потому, что оказалось необходимымъ и возможнымъ наживать деньги грѣхомъ, — не земледѣльческимъ только трудомъ, а разными иными способами, и, пользуясь своимъ крестьянскимъ сосѣдствомъ и крестьянскимъ положеніемъ, употреблять неправильно нажитыя деньги на еще большее разстройство своихъ сосѣдей. Словомъ, въ настоящее время, въ самой маленькой деревнѣ, какъ и въ такомъ громадномъ верзилѣ, какъ Лондонъ, становится возможнымъ жить не своимъ, а чужимъ трудомъ. Отъ этихъ не порядковъ обиженные ими хотятъ отдѣлаться «своими средствами»; а такъ какъ эти «средствія» могутъ, въ концѣ концовъ, послѣ дальнихъ окольныхъ путей, привести къ тому, что можно и должно сдѣлать теперь, и притомъ просто, спокойно, безъ всякихъ новгородскихъ пріемовъ, — то воображаемый мною слушатель значительно воодушевилъ бы себя и укрѣпилъ свою энергію въ народномъ дѣлѣ, еслибы сосредоточилъ свое безпристрастное вниманіе именно на огромности общественныхъ не порядковъ деревни, вмѣсто того, чтобы возлагать неосновательныя

надежды на межевыя ямы и общинное землевладѣніе: оно нуждается въ защитѣ, пока выгодно. Оно не обороняетъ отъ неприятели, — до того не обороняетъ, что какіе-нибудь живорѣзы не рочно «вкупаются» въ общество деревни, чтобы свободнѣе опустошать его. Изъ этого уже видно, до какой степени запутаны современныя деревенскія отношенія и какъ горько думать, что они ничѣмъ, кромѣ «своихъ средствъ», распутаны не будутъ.

Г. Успенскій.

Германскій путешественникъ *).

Вошедши въ гостиную, я увидѣлъ незнакомаго человѣка, котораго тотчасъ счелъ за иностранца, ибо нѣсколько молодыхъ людей безпрестанно выказывали ему себя, безпрестанно тормозили его. (У насъ свой манеръ принимать иностранцевъ, нѣчто въ томъ родѣ, какъ слѣпцы принимаютъ лошадь въ лѣтній день.) Онъ былъ пожилой человѣкъ, средняго роста, худой и плѣшистый. Молочный свѣтъ ламны, покрытой тусклымъ колпакомъ, придавалъ что-то восковое его блѣдному лицу, которое, несмотря на лѣта, было такъ нѣжно, такъ бѣло, какъ видимъ на хорошихъ бюстахъ изъ каррарскаго мрамора. Сѣрые глаза его блестяли, какъ у молодаго человѣка; ротъ дѣлалъ нѣчто въ родѣ улыбки, которая съ перваго взгляда могла показаться за добродушіе, но въ которой второй взглядъ видѣлъ насмѣшку; а смотря далѣе, казалось, что ея совсѣмъ нѣтъ и что этотъ ротъ не можетъ улыбаться. Вообще лицо его было чрезвычайно холодное; но въ этомъ холодѣ видѣлся огонь, какъ въ холодномъ реверберѣ лампы... «Кто это?»—Мнѣ отвѣтили нѣмецкою фамиліей, которую я тутъ же забылъ.

Говорили о французской литературѣ, метали наружу все, что есть въ головѣ. Незнакомецъ молчалъ, играя эмалевою цѣпочкой отъ часовъ, и рѣшительно не показывалъ ни согласія, ни противорѣчія. Когда необходимость заставила и его сказать что-нибудь, онъ сказалъ, что чрезвычайно отсталъ, что мало читаетъ,—что ему надоѣло вездѣ въ литературѣ видѣть эгоизмъ и мистификаціи,—что тѣ, которые должны бы были писать, которыхъ голосъ звученъ и силенъ, молчатъ, подавленные толпою публицистовъ.

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. XII, стр. 47—49.

— Неужели?—сказалъ кто-то, готовя что-то.

— Это не тезисъ,—продолжалъ незнакомецъ, перебивая его,—который я стану защищать; я не осмѣлюсь бороться съ такими защитниками нашего вѣка, хотя бы чувствовалъ въ себѣ всѣ силы Ринальдо, и потому не трудитесь снимать ваши *шелковыя* перчатки,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

Защитники вѣка успокоились, разговоръ потухалъ, и Корина (хозяйка дома) требовала отъ германца, чтобъ онъ что-нибудь разсказалъ.

— Что же вамъ разсказать?... Я былъ въ 1791 году въ Парижѣ и въ 1815 г. въ Италиі, шатался весь этотъ промежутокъ по родинѣ и теперь, простившись навсегда съ Европой, ѣду на Востокъ отдохнуть отъ нея. Много великихъ событій было у меня передъ глазами, со многими великими людьми сталкивался я..

Его перебили:

— Ради Бога, встрѣчу съ великимъ человѣкомъ,—близости ихъ какъ-то поднимаетъ насъ!

— Извольте, я возьму на себя роль Карла Нодье, который такъ подробно разсказываетъ всѣ встрѣчи свои съ двухлѣтняго возраста Молча подвинулись мы ближе, и вотъ его разсказъ.

Я родился во Франкфуртѣ, но, — прибавилъ онъ съ зломъ улыбкой, — *foi d'honnête homme*, ни родства, ни знакомства съ Шарлемъ Дири не имѣлъ. Семейныя обстоятельства принудили мою мать оставить мужа и ѣхать со мною на свою родину—въ Парижъ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ, а христіанству—1788. Это переселеніе сдѣлало во мнѣ чрезвычайный переворотъ: Франкфуртъ доселѣ имѣеть что-то ганзеатическое (?): кривыя улицы, печальные дома и рынки, рынки и конторы. Его германскій характеръ, съ своими мрачными церквами и безобразною ратушей, съ своими факторіями и *Judengasse*, отдѣлялъ его тогда еще болѣе отъ Франціи. И вдругъ изъ этого тихаго, смирнаго города, который каждое воскресенье въ праздничномъ кафтанѣ ходитъ въ церковь, внимательно слушаетъ проповѣдь и каждую субботу свѣряетъ свои приходо-расходныя книги,—изъ тихаго и смирнаго дома моего родителя я попалъ въ Парижъ... Что тогда было въ Парижѣ—вы знаете. Родственникъ, у котораго мы жили, былъ главою какого-то клуба, котораго члены безпрестанно толклись у него въ домѣ съ яростными взглядами, съ напудренными париками на головѣ и съ ужасными рѣчами на устахъ. Я съ тре-

потомъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ они попираютъ ногами все святое, все прошедшее, и какъ низвергаютъ зданіе, подъ крышей котораго живутъ... Революція усиливалась; 1792 годъ проглядывалъ какъ-то сквозь туманъ *assemblée nationale*, и отецъ мой желалъ, чтобъ я воротился. Онъ даже просилъ своего пріятели, также германца, снабдить меня деньгами и, какъ можно скорѣе, выслать. Но этотъ пріятель былъ не кто иной какъ Анахарсисъ Клоодъ, который поступилъ совсѣмъ на-изнанку: требовалъ, чтобъ я остался, и обѣщалъ меня везти знакомить съ великимъ человѣкомъ, который, по его мнѣнію, опередилъ всѣхъ и не только отвергаетъ всякаго рода гражданское устройство, но даже право собственности. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ великій человѣкъ—Эбертъ. Брауншвейгскій между тѣмъ издалъ свой смѣшной манифестъ, на который ему отвѣчали еще болѣе смѣшнымъ. Выжившій изъ лѣтъ старикъ бранился съ дерзкимъ мальчишкой. Иностранцамъ было опасно оставаться и еще опаснѣе ѣхать. Напрасно просилъ я безумнаго Клоода, онъ и слушать не хотѣлъ; онъ говорилъ, что одинъ врагъ рода человѣческаго можетъ теперь думать объ отъѣздѣ,—что кто ѣдетъ, тотъ агентъ Питта и Кобурга, ставилъ себя въ примѣръ и, гордо показывая засаленное платье свое, прибавлялъ: «Ты знаешь, какъ я былъ богатъ? Все отдалъ человѣчеству и всѣмъ для него пожертвую. А ты хочешь бѣжать... Стыдись! Взгляни хоть на Сенъ-Жюста: онъ не старѣе тебя, а какъ пламенно принимается онъ работать *pour la république, une et indivisible, pour l'émanicipation du genre humain*. Онъ будетъ великій филантропъ... Впрочемъ, ежели хочешь ѣхать, я первый выдамъ тебя: надобно очистить родъ человѣческій отъ слабыхъ». И все это говорилъ онъ не шутя, а съ полнымъ убѣжденіемъ. Послѣднее замѣчаніе показало мнѣ, что надлежитъ дѣйствовать рѣшительно, и я всѣми неправдами, обманывая и подкупая, нашелъ средство бѣжать въ союзную армію. Жаль мнѣ было оставить Парижъ; я не въ состояніи былъ его покинуть явно, оффиціально, и потому душевно былъ радъ, что разстался съ нимъ *sans adieux*, тайкомъ ночью. Разумѣется, не безъ приключеній достигъ я цѣли бѣгства, и ежелибъ я былъ настоящій нѣмецъ, то поставилъ бы себѣ за святѣйшую обязанность издать на скверной бумагѣ и еще сквернѣйшею печатью: *Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung Anno 1792 nach Christigeburt*,—но я не настоящій нѣмецъ.

— Voilà vos chiens de Brunswick!—сказалъ мнѣ альзасецъ, проводивши меня къ пикетамъ.

Я очутился на родинѣ, потому что родина моя вздумала очутиться въ Альзасѣ. Половину цѣпи занимали прусскіе солдаты и половину австрійскіе. Я до того отвыкъ отъ ихъ физиономіи, до того привыкъ къ живымъ, одушевленнымъ французамъ, что смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на длинныя, растянутыя, неуклюжія лица австрійцевъ съ ихъ свинцовыми глазами, съ ихъ усами свѣтлѣе щекъ и съ ихъ мундирами свѣтлѣе усовъ. Должно ли дивиться, что они поразили лэди Морганъ въ Италіи, гдѣ насмѣшливая судьба перемѣшала ихъ съ воронными головами итальянцевъ, въ которыхъ видна какая-то артистическая отдѣлка? Прибавьте, что они стояли по колѣна въ грязи, оттого что не хотѣли переступить за лужу, что ни одинъ мускулъ не двигался на ихъ лицѣ, что ихъ рты были полуоткрыты, что это все дурно-сдѣланныя и облитыя грязью статуи командора изъ Донъ-Жуана... Съ другой стороны, пруссаки съ карими глазами, съ римскимъ носомъ и коротенькою трубкой, которую нельзя отдѣлать отъ ихъ лица, не испортивъ его, такъ какъ нельзя отдѣлать ушей, щекъ и проч. У нихъ что-то глубокомысленное снаружи и совершенное отсутствіе мыслей, кромѣ повиновенія фельдфебелю, внутри; по крайней мѣрѣ, эти двигались, говорили.

Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ меня отправили къ дежурному генералу, удостовѣрившись, кто я, откуда, зачѣмъ, куда... Но не было никакой надежды ѣхать далѣе, ибо всѣ лошади были взяты арміей. Это было то самое критическое время, когда новый Готфридъ увидѣлъ, что онъ затѣмъ только пришелъ во Францію, чтобъ увеличить ея торжество. Надобно было провести нѣсколько дней въ несчастномъ войскѣ, которое страдало и отъ дождей, и отъ голода, и отъ стыда.

На другой день пригласилъ меня къ себѣ одинъ владѣтельный князь, вѣроятно, желая знать, какіе новые ужасы сдѣлали парижскіе антропофаги. Онъ занималъ небольшой домъ въ близлежащемъ городѣ, и я ввечеру отправился къ нему. Въ залѣ было нѣсколько полковниковъ: какъ всѣ нѣмецкіе полковники, они были съ сѣдыми усами и съ сигарами въ зубахъ,—и нѣсколько адъютантовъ, которые все еще не сомнѣвались, что имъ придется попировать въ Palais Royal и тамъ оставить и свой здоровый цвѣтъ лица, и способность краснѣть, которая только и осталась

у нашего юношества. Вездѣ мундиры, шпоры, сабли. Наконецъ, взошелъ невоенный.

— Вѣрно, Шатобрианъ,—сказалъ кто-то мнѣ на ухо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,— Шатобрианъ только тогда ѣздитъ во Францію за неприятелемъ, когда ses amis les ennemis бьютъ его соотечественниковъ.

Это былъ мужчина хорошаго роста, довольно толстый, съ гордымъ видомъ, въ которомъ выражалось спокойствіе и глубокое чувство собственнаго достоинства,—величіе и сила въ правильныхъ чертахъ лица, въ возвышенномъ челѣ. Всякій человекъ, однажды взглянувъ на него, видѣлъ, что онъ ему не товарищъ,—такъ подавляла, утѣшала его наружность; его взоръ не протягивалъ вамъ руки на дружбу, но заставлялъ васъ быть его вассаломъ, прощалъ вамъ вашу ничтожность. Большіе глаза блистали, но блистали такъ, какъ у Наполеона, намѣкая издали на обширность души. Эти глаза были осѣнены густыми бровями, въ которыхъ я замѣтилъ именно Омировское движеніе. Всѣ манеры показывали свѣтскаго человѣка и аристократа; но печать германизма ясно обнаруживалась въ особыхъ приемахъ, которые мы называемъ steif. Вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, вставали, кланялись, признавали его власть. Онъ принималъ знаки уваженія, какъ законную дань, то-есть съ тою деликатностью, которая еще выше подымаетъ его и еще ниже роняетъ ихъ. Я не спускалъ съ него глазъ. Онъ сѣлъ возлѣ герцогова сына, долго говорилъ съ нимъ и наконецъ, обращаясь къ намъ, сказалъ, придавая особую важность своимъ словамъ:

— Нынче поутру только вѣзжаю въ лагерь, вижу какого-то генерала верхомъ. Судите о моемъ удивленіи, когда, подѣзжая, узнаю короля прусскаго. Его величество ѣхалъ прямо ко мнѣ. «Чья это карета?»—спросилъ его величество лаконическимъ образомъ.—«Герцога Веймарскаго...»

Онъ продолжалъ говорить, но я не продолжалъ слушать, удивляясь, какъ Зевсова голова попала на плечи къ веймарскому дипломату, и завелъ рѣчь съ сидѣвшимъ возлѣ меня эмигрантомъ. Эмигрантъ этотъ былъ военный и, несмотря на бивачную жизнь, нашелъ средство одѣться по-бальному. Онъ со слезами меня спрашивалъ о судьбахъ Парижа, — не всего Парижа, а Faubourg Saint Germain,—и со слезами мнѣ рассказывалъ о чувствахъ, наполнившихъ его душу, когда онъ нынче утромъ видѣлъ, что, несмотря на проливной дождь, одинъ изъ принцевъ

крови ѣхалъ верхомъ съ прусскимъ королемъ въ одномъ легкомъ плащѣ. Мнѣ онъ показался до того смѣшонъ, что я забылъ на минуту дипломата и съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ важный разговоръ о ничтожныхъ предметахъ. Но вдругъ подозвалъ меня герцоговъ сынъ и, подводя къ своему сосѣду, сказалъ, что я изъ Парижа и могу рассказать самыя новыя новости. Онъ взглянулъ своимъ страннымъ взглядомъ и мнѣ показалось, что онъ меня придавилъ ногой.

— Правда ли, что генераль Лафайеттъ разсорился съ якобинцами, отсталъ отъ нихъ и теперь соединяется съ королемъ?

— Лафайеттъ, — отвѣчалъ я, — никогда не принадлежалъ къ клубу якобинцевъ. Впрочемъ, несмотря на его ненависть къ бѣшенымъ республиканцамъ, онъ, я думаю, не будетъ ренегатомъ...

— То-есть не образумится и не воротится къ законной власти, хотите вы сказать?

Я закусилъ губы и извинился привычкою къ jargon révolutionnaire.

— Что несчастный король?

— Все еще содержится. Скоро будетъ публичный процессъ его.

— Для меня удивительно, какъ шайка безумныхъ мечтателей, какой-нибудь клубъ якобинцевъ, забрала такую волю, несмотря на, омерзение, съ которымъ смотритъ на нихъ нація...

— Жаль, очень жаль, что эти беспорядки такъ долго продолжаются, — сказалъ онъ, обращаясь къ герцогову сыну. — Я собирался ѣхать во Францію, но я хотѣлъ видѣть Францію — блестящую и пышную монархію, процвѣтающую столько столѣтій, хотѣлъ видѣть тронъ, подъ лиліями котораго возникли великіе гении и великая литература, а не развалины его, подъ которыми уничтожилось все великое, — не второе нашествіе варваровъ. Мое счастье, что успѣлъ насладиться Италіей, — и она начинаетъ перенимать у французовъ. Можетъ-быть еще съѣзжу туда, чтобы взглянуть на страну изящнаго прежде, нежели ее убьютъ и исковеркаютъ. Впрочемъ, увидите, горячка эта недолго будетъ продолжаться, и ежели сами французы не образумятся, ихъ образумятъ.

Послѣднее слово онъ произнесъ отдѣльно, и маленькая улыбка, и маленькій огонь въ глазахъ показали, какъ герцоговъ сынъ доволенъ былъ этимъ комплиментомъ.

Кто не знаетъ ужасную откровенность военныхъ, особенно германскихъ? Ихъ изрубленные лица, ихъ прострѣленные груди

даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за герцоговымъ сыномъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ. Въ наружности его были видны и пять-шесть кампаній, и жизнь, проведенная съ 11 лѣтъ на бивуакахъ и въ лагеряхъ, и независимость, которая такъ идетъ къ воину,—словомъ, въ немъ было немного Циттена и немного Блюхера.

— Если и проучать ихъ, такъ, вѣрно, не теперь, — сказалъ онъ съ вольностью казармъ, которую породила, можетъ, самая дисциплина ихъ. — Дивлюсь я на эту кампанію: не приготовивъ ничего, бросили насъ осенью въ непріятельскую землю, — увѣрили, что насъ примутъ съ распростертыми объятіями, а намъ скоро придется умереть съ голода, потонуть въ грязи и быть выгнанными безъ малѣйшей славы. Хоть бы ужъ идти назадъ, пока есть время... Скорѣе голову положу на полъ битвы, нежели перенести стыдъ такой кампаніи... — И онъ жалъ рукой эфесъ сабли и какъ будто радовался, что высказалъ эти слова, давно тяготившія его грудь.

— Счастье намъ худо благопріятствовало, — отвѣчалъ дипломатъ, — но не совсѣмъ такъ отвернулось, какъ думаетъ г. полковникъ. И наша теперешняя жизнь, исполненная недостатковъ и лишеній, послужитъ намъ пріятнымъ воспоминаніемъ, — въ ней есть своя поэзія... Знаете, чѣмъ утѣшался любимецъ Людовика Святаго въ плѣну, когда всѣ унывали? «*Nous en parlerons devant les dames*», говорилъ онъ.

Герцоговъ сынъ поблагодарилъ взглядомъ, но неумолимый полковникъ не сдался.

— Хорошо утѣшенье! — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, гордо улыбаясь и сжимая до того свою сигару, что дымъ пошелъ изъ двадцати мѣстъ. — Боюсь одного, что не *мы*, а *они* будутъ разсказывать нашимъ дамамъ объ этой кампаніи.

Въ лицѣ его тогда было столько гордости, даже восторга (ибо не одни художники умѣютъ восторгаться), что я увидѣлъ въ немъ соперника дипломату.

— Охота намъ говорить о войнѣ, о политикѣ, — подхватилъ дипломатъ, видя непреклонность воина. — Когда бывало среди монихъ занятій въ Италіи мнѣ попадались газеты, я видѣлъ себя столь чуждымъ этому міру, что не могъ найти никакой занимательности: это что-то такое временное, переменное и потомъ совершенная принадлежность нѣсколькихъ особъ, коимъ Провидѣніе вручило судь-

бы міра, такъ что стыдно вмѣшиваться безъ призыва. И теперь я далеко отъ всѣхъ политическихъ предметовъ и такъ спокойно занимаюсь, какъ въ своемъ веймарскомъ кабинетѣ.

— А чѣмъ вы теперь занимаетесь? — спросилъ герцоговъ сынъ, силясь скрыть радость, что разговоръ о войнѣ окончился.

— Въ особенности теоріей цвѣтовъ. Я уже имѣлъ счастье излагать ее свѣтлѣйшему братцу вашему, и онъ былъ доволенъ. Теперь я дѣлаю чертежи.

Удивительный человѣкъ, думалъ я: въ 1792 году въ арміи, которую бьютъ, среди колоссальныхъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не понимаетъ,—занимается физикою! Я видѣлъ, что онъ не дипломатъ и не могъ догадаться.

— Кто это?—спросилъ я у герцогова адъютанта.

— Про кого вы спрашиваете?—сказалъ съ удивленіемъ адъютантъ.

— Вотъ про этого высокаго мужчину, который теперь всталъ, во фракѣ.

— Неужели вы не знаете?—Это Гёте!

— Гёте, сочинитель «Гёца»?

— Да, да.

— Вольфгангъ Гёте, сочинитель «Гёца», «Вертера»?!!

Я обернулся, но онъ былъ уже въ дверяхъ и я не могъ посмотрѣть на Гёте, какъ на Гёте. Вотъ вамъ моя встрѣча!

— Вы послѣ его не видали?—спросила Корина.

— Одинъ разъ,—отвѣчалъ онъ.—Нѣсколько недѣль спустя въ какомъ-то городѣ давали его пьесу. Я забылъ ея названіе; помню только, что это—фарсъ надъ революціей, маленькая насмѣшка надъ огромнымъ явленіемъ, которое все имѣло въ себѣ, кромѣ смѣшнаго. Тогда уже вполне обозначился грозный характеръ переворота и вся мощность его. Разбитое войско возвращалось домой, въ Германію; палачъ ждалъ вѣнчанную главу. Испуганная, печальная публика не смѣялась. И, по-правдѣ, насмѣшка была натянута.

Гёте сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ веймарскимъ, сердился, досадовалъ,—Гёте былъ весь авторъ. Я издали смотрѣлъ на него и отъ всей души жалѣлъ, что этотъ великій человѣкъ, развившій цѣлый міръ высокихъ идей,—этотъ поэтъ, удивившій весь міръ,—испытываетъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Печальныя мысли заняли меня до того, что я содрогнулся, услы-

шавъ, что меня кто-то взялъ за руку. Обернувшись, я увидѣлъ полковника, съ которымъ встрѣтился у герцогова сына. Онъ былъ совершенно тотъ же, какъ и тамъ,—съ тѣмъ же гордымъ видомъ, съ тѣмъ же независимымъ лицомъ. Я замѣтилъ одну перемену: лѣвая рука его была въ перевязѣ.

— Есть же люди, которые находятъ улыбку тамъ, гдѣ всѣ плачутъ, — сказалъ онъ, пожимая плечами и съ негодованіемъ крутя сѣдой усъ свой.— Неужели это право великаго человѣка?— прибавилъ онъ, помолчавъ.

Я взглянулъ на него, взглянулъ на Гёте, хотѣлъ сказать очень много и молча пожалъ его руку.

Тутъ онъ остановился, глаза его прищурились, онъ закусилъ нижнюю губу. Казалось, сцена эта со всею точностью повторилась въ его головѣ и онъ чувствовалъ все то, что чувствовалъ за сорокъ лѣтъ.

— Vous êtes ennemi juré de Goethe,—сказала Юрина.

— Вы принадлежите къ партіи Менцеля, — прибавилъ спекулятивный философъ, другъ Юрины.

— Я готовъ преклонить колѣна передъ творцомъ «Фауста», — возразилъ германецъ.

— Но рассказъ вашъ, — продолжалъ обиженный философъ, заявленный обожатель Гёте,—рассказъ вашъ набросилъ на этого мощнаго генія какую-то тѣнь. Я не понимаю, кто можетъ имѣть право требовать отъ человѣка, сдѣлавшаго такъ много, чтобъ онъ былъ политикомъ... Онъ самъ сказалъ вамъ, что все это казалось ему слишкомъ временнымъ. И зачѣмъ ему было выступать дѣятелемъ въ мірѣ политическомъ, когда онъ былъ царемъ въ другомъ мірѣ—мірѣ поэзіи и искусства? Неужели вы не можете себя представить художника, поэта, безъ того, чтобъ онъ не былъ политикомъ,—вы, германецъ?

Путешественникъ во время своего разсказа мало-по-малу одушевлялся. Теперь, слушая философа, онъ принялъ опять свою ледяную маску.

— Я вамъ разсказалъ фактъ. Случай показалъ мнѣ Гёте такъ. Не политики, а симпатіи всему великому требую я отъ генія. Великій человѣкъ живетъ общею жизнью человѣчества; онъ не можетъ быть холоденъ къ судьбамъ міра, къ колоссальнымъ обстоятельствамъ; онъ не можетъ не понимать событій современныхъ,—они должны на него дѣйствовать; въ какой бы то формѣ ни было. Сверхъ того, всеобъемлемости человѣку не дано,—на-

напрасно стремились къ ней Дидро и Вольтеръ. И что можетъ быть изящнѣе жизни нѣкоторыхъ людей, посвятившихъ всѣ дни свои одному предмету,—жизнь Винкельмана, на примѣръ? Посмотрите на это германское дерево, пересаженное на благодатную почву Италіи, на этого грека въ XVIII столѣтіи, на эту жизнь въ музеумѣ и въ свѣтлой, ясной области изящнаго! Надобно имѣть очень дурную душу, то-есть совсѣмъ души не имѣть, чтобы не придти въ восторгъ отъ его жизни. Скажу болѣе: я люблю Гоффмана въ питейномъ домѣ, но ненавижу пуще всего мистификацію и эгоизмъ—все равно въ Гёте или въ Гюго. Ужели онъ вамъ нравится придворнымъ поэтомъ, по заказу составляющимъ оды на пріѣзды и отъѣзды, сочиняющимъ прологи и маскарадныя стихи?

— Вы забываете, что Гёте жилъ въ Германіи, гдѣ доселѣ сохранилось то патріархальное отношеніе между властителемъ и народомъ, которое служило основою феодализму,—отношеніе, которое съ одной стороны заставляло поэта воспѣвать добраго отца семейства, а короля—искать мѣста для *скромнаго ордена* своего на груди поэта; поэта—праздновать своей лирой торжество властителя, а властителя—иллюминовать свой городъ въ день рожденія поэта.

— Извините, я, право, вижу какую-то либеральную аггіе репсée въ вашихъ словахъ.

— Напрасно вы принимаете меня за карбонара. Повѣрьте, мое сердце умѣетъ биться за Ларошъ Жакелли, бѣшенаго вандейца,—умѣетъ сочувствовать старику Малербу, склоняющему главу свою на плаху... Они откровенно одушевлены были любовью къ монархіи; они—герои, въ нихъ нѣтъ мистификаціи. Отчего всѣ до сихъ поръ съ восхищеніемъ читаютъ переписку Вольтера съ Екатериной II?—Оттого, что всякій видитъ, что они поняли другъ друга, отдали справедливость, любили другъ друга,—оттого, что душа Екатерины была обширна, какъ ея царство, и душа Вольтера сочувствовала своему вѣку. И отчего же никто не читаетъ стиховъ Гёте на пріѣзды и отъѣзды, разрѣшенія отъ бремени, выздоровленія и т. д.?

— Я не знаю по-русски, но я много слышалъ о вашемъ Державинѣ, и именно о томъ чувствѣ искренней преданности, которая доводитъ его до высочайшаго идеализированія Екатерины. Не зная Державина, я понимаю чувство одушевленія его, понимаю истинность его восторга. Но этой-то истинности и нѣтъ въ Гёте,

и нѣтъ въ большей части его сочиненій; онъ *пародируетъ*, онъ а сценѣ театра при свѣтѣ лампъ, а не на свѣтѣ жизни при свѣтѣ солнца.... Лафатеръ, увидѣвъ въ первый разъ Гёте, смогъ удержаться; чтобы не сказать: «Я полагалъ, что у васъ всѣмъ не такия черты лица». А Лафатеръ рѣдко ошибался. зная Гёте, онъ вѣрилъ, что каждая строка его отъ души, и по- тому построилъ въ фантазиі его черты и не нашелъ ихъ въ лицѣ его, ибо ихъ не было и въ душѣ у Гёте. Въ немъ не было ничего восточнаго, несмотря на то, что онъ, насилуя свой ощущенный геній, написалъ: «Der West-Ostliche-Diwan», который агъ и дышетъ запахомъ Аллаха, стихами Саади и Низама. втъ, кто вѣренъ себѣ, и на челѣ, и на устахъ, и во взорѣ всить отпечатокъ того, чѣмъ полны его сочиненія.... Какъ сто останавливался я въ Веймарѣ передъ бюстомъ Шиллера. Главнѣйшій Данненеръ (?) отвердилъ, такъ сказать, прелестную орму, въ которой обитала прелестная душа. И нѣтъ возможности Шиллера представить себѣ иначе.

— Читайте Гётеву автографію—и вы увидите, что вся жизнь го протекла въ непрерывныхъ занятіяхъ; тамъ увидите, что въ пренебрегалъ толпою, — для чего же ему было мистифици- ваться?

— Да, да, надобно читать этотъ драгоценный комментарий къ го сочиненіямъ, эту огромную исповѣдь эгоизма. Тамъ Гёте весь; амъ вы увидите, что его «я» поглощаетъ все бытіе; тамъ онъ амъ признается вамъ, какъ въ 1804 году онъ мистифицировалъ me Staël, а она его... О, уморительный документъ пустоты ашего вѣка!... Въмѣсто симпатіи генія, таланта, славы, этотъ ервый мужчина своего вѣка съ этой первой женщиной встрѣча- тся въ маскахъ, обманываютъ другъ друга. Одинъ представля- гь изъ себя мрачнаго поэта Тевтоніи, мечтающаго о высшемъ ірѣ, а въ душѣ смѣется. Другая представляетъ чувствительное рдце, плачетъ о политическихъ событіяхъ, страхъ жалѣеть ѣ убитыхъ, придаетъ себѣ видъ отчаянія—и еще болѣе смѣется ѣ душѣ... И какъ безжалостно Гёте приводитъ за кулисы этой омедіи! Удивляюсь генію этого человѣка, но любить его не могу.

— Когда Гёте возвратился изъ Италіи, онъ былъ однажды въ мьшомъ обществѣ и, какъ, разумѣется, въ аристократическомъ іществѣ; тамъ собиралъ онъ похвалы и расточалъ свои раз- газы, придавая огромную важность всѣмъ словамъ своимъ и ѣмъ поступкамъ. Тутъ же въ углу сидѣлъ задумчиво кто-то;

долго и внимательно смотрѣлъ онъ на Гёте своими голубыми глазами, въ которыхъ такъ ярко было написано, что этотъ мловѣкъ не принадлежитъ землѣ и что душа его груститъ по другому міру, который создала святая мечта, чистое вдохновеніе. Онъ любилъ его за «Вертера» и за «Берлихингена»; онъ нарочито пришелъ, чтобъ увидѣть его и познакомиться съ нимъ. Этотъ кто то всталъ наконецъ и сказалъ: «съ нимъ мы никогда не сойдемся!» — И знаете ли, что этотъ кто-то былъ не кто иной, как Шиллеръ?

— Но вспомните, что они послѣ сдѣлались неразрывными друзьями и любили другъ друга.

— Не вѣрю. Гёте подавилъ своимъ гениемъ и авторитетомъ кроткаго Шиллера, но они не могли искренно любить другъ друга. Я вамъ уже сказалъ, что я готовъ преклонить колѣна предъ творцомъ «Фауста», такъ же, какъ готовъ раззнакомиться съ тайнымъ совѣтникомъ Гёте, который пишетъ комедіи въ день Лейпцигской битвы и не занимается біографіей человѣчества, безпрерывно занимаясь своею біографіей.

— Въ заключеніе возвращусь къ страшному обвиненію, которое вамъ угодно было сдѣлать послѣ моего разсказа. Чтобъ требовалъ отъ Гёте политики, и особенно въ наше время, когда все дышетъ посредственностью, все идетъ къ ней, — въ нашъ вѣкъ, который похожъ на Пасхаля, — не на Пасхаля всегда, — слишкомъ много чести, — а на Пасхаля въ тѣ минуты, когда онъ принималъ Христову вѣру, потому что не отвергалъ ея.

— Англійскій корсаръ увезъ съ собою на Белерофонъ дѣлательное начало нашего вѣка и хорошо сдѣлалъ, — бронзовый бюстъ доставался въ позорныя руки; Гудзонъ Ловъ худо гармонировалъ съ нашими стѣнами подъ мраморъ, съ нашими бюстами изъ гипса; для того бюста океанъ и подземный огонь образовали пьедесталь.

Sagt wo sind die Vortreflechen hin, wo find' ich die Säng'er,
Die mit dem lebenden Wort horchende Völker entzückt?...

Doch, noch leben die Säng'er, nur fehlen die Thaten die Lyr
Freudig zu wecken...

Schiller.

Гёте понялъ ничтожность вѣка, но не могъ стать выше его; онъ самъ осудилъ и вѣкъ, и себя, сказавъ: «Древніе искали фактъ, а мы эффектъ; древніе представляли ужасное, а мы ужасно представляемъ», — тутъ все выражено. Мы восторгаемся для того, чтобы печатать восторги; мы чувствуемъ для того, чтобъ изъ

чувства строить журнальныя статейки; живемъ для того, чтобы писать отрывки нашей жизни, какъ будто дѣйствовать есть что-нибудь низшее, а писать—цѣль человѣка на землѣ; словомъ, *мы слишкомъ авторы, чтобы быть людьми*. Знаете ли, какъ генералъ Ламаркъ называлъ нынѣшнее состояніе Франціи? — *hutte dans la boue*.

— Вѣрите ли вы въ совершенствованіе человѣка?

— А вѣрите ли вы, что вся природа есть переходъ, исполненный страданія? — спросилъ германецъ, быстро взглянувъ на философа.

Философъ улыбнулся.

Разговоръ прекратился. Въ горницѣ было душно и я вышелъ на балконъ. Мѣсяцъ свѣтилъ всѣмъ лицомъ своимъ и небольшою вѣтерокъ освѣжалъ прохладой и обливалъ запахомъ воздушныхъ жасминовъ. Это была одна изъ тѣхъ пяти или шести ночей, когда можно въ Москвѣ быть на воздухѣ, не проклиная ея сѣверной широты. Что за человѣкъ, — думалъ я, —этотъ нѣмецъ? Нисколько не похожъ онъ на *blasés* нынѣшняго вѣка, которые сыплютъ насмѣшки и рѣзкія сужденія, чтобы обратить на себя вниманіе, ругаютъ нынѣшій вѣкъ и всѣхъ великихъ людей, всѣмъ недовольны, давая чувствовать, что у нихъ построены въ головѣ какой-то пантеонъ для всего человѣчества, въ то время, какъ у нихъ ничего не построено въ головѣ. Отъ него не вѣяло морознымъ холодомъ этихъ людей... Онъ самъ перервалъ мои мысли, выйдя на балконъ. Мнѣ весьма хотѣлось поговорить съ нимъ; но онъ, кажется, вышелъ именно для того, чтобы быть одному и не говорить ни слова. Отложивъ деликатность въ сторону, я сказалъ ему: «Строго осудили вы нашъ вѣкъ, и я откровенно скажу вамъ, что не могу во всемъ согласиться съ вами. Какой необъятный шагъ сдѣлало человѣчество послѣ Наполеона!»

Онъ молчалъ, и еще болѣе я замѣтилъ, что онъ все вниманіе обратилъ на луну. Наконецъ онъ вздохнулъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Я теперь вспомнилъ прелестную ночь, одну изъ самыхъ святыхъ минутъ моей жизни. Года два тому назадъ я жилъ въ Венеціи. Въ мірѣ много земель и городовъ, но *одна Италия и одна Венеція!* Я былъ на балу у эрцгерцога; онъ давалъ его, помнится, по случаю взятія Варшавы. Придворный балъ вездѣ скученъ. Ложный свѣтъ воска и ложная радость людей нагнали на меня чрезвычайную тоску—и я ушелъ. Что это за

ночь была! Вы меня извините, — нынѣшній вечеръ одно блѣдно-подражаніе, даже не похожее; я упивался и луною, и воздухомъ и видомъ. Левъ Святаго Марка убить; но его вдова, красавица Венеція, *saga la boignose* (?), все еще такъ же прелестна и такъ же сладострастно плещется въ волнахъ Адриатики. Я бросился въ гондолѣ къ лагунамъ. Вы, вѣрно, знаете, что тамъ доселѣ встрѣчаются *gondolieri*, которые поютъ стансы изъ Тассо и Аріосто; одинъ тутъ, другой тамъ—далеко... Прежде это бывало часто, теперь Италія начинаетъ забывать своихъ поэтовъ. Но въ эту ночь счастье улыбнулось мнѣ. Издали раздался простой кантъ, усиливался болѣе и болѣе, и я ясно слышалъ три послѣдніе стиха, — они остались у меня въ памяти:

*Dormi Italia imbricata, e non ti pesa,
Ch' ora di questa gente, ora di quello
Che già serve ti fu, sei fatta ancella...*

Еще далѣе отвѣчали съ другой гондолы слѣдующимъ стансомъ и слабый голосъ, стелясь по волнамъ и смѣшиваясь, и переплетаясь съ ихъ плескомъ, выражалъ и просьбу, и упрекъ. Эта ночь никогда не изгладится изъ моей памяти».

Теперь пришла моя очередь молчать, и я молчалъ.

— Но что же будетъ далѣе?—сказалъ я наконецъ.

— Знаете ли вы, чѣмъ кончилъ лордъ Гамильтонъ, проведя цѣлую жизнь въ отыскиваніи идеала изящнаго между кусками мрамора и натянутыми холстами?

— Тѣмъ, что нашелъ его въ живой ирландкѣ.

— Вы отвѣчали за меня, — сказалъ онъ, уходя съ балкона.

Крутицкія казармы.

1834 г., декабрь.

(Переписано въ Вяткѣ

1836 г. іюня 20)

Вечерняя дума.

(изъ БОДЛЕРА.)

Вотъ вечеръ наступилъ, предтеча преступленья;
Пришелъ онъ крадучись. Темнѣеть неба сводъ...
Грабитель, воръ ночной дрожить отъ нетерпѣнья
И, въ звѣря превратясь, глухой полночи ждетъ.

О, вечеръ, сладостный для тѣхъ, кто за работой
Провелъ свой день, трудясь руками иль умомъ,—
Желанный часъ для тѣхъ, кто удрученъ заботой,
Истерзанъ горестью и мнить забыться сномъ!

Но въ этотъ самый часъ покоя, облегченья,
Рой темныхъ демоновъ изъ сумрака встаетъ;
Для нихъ теперь пришла минута пробужденья
И въ сѣти ихъ бѣжитъ незанятый народъ.

Всѣ двери отворивъ для оргій безобразныхъ,
Въ свой соблазнительный облекшись нарядъ,
Въ широкихъ улицахъ и въ закоулкахъ грязныхъ
Зажегъ свои огни ликующій развратъ.

Онъ нагло пристаеъ къ добычѣ проходящей,
Онъ сторожить ее вблизи своей норы,
Чтобъ выкупать ее въ своей грязи смердящей,
Прикрытой блѣстками красивой мишуры.

То тутъ, то тамъ порой оркестра слышенъ грохотъ,
Въ трактирахъ—суетня, въ мабильяхъ—кутерьма,
Въ харчевняхъ, кабакахъ—веселье, пьяный хохоть,
И золотомъ звенять игарные дома.

Душа, замкни свой слухъ отъ криковъ бѣснованья,
Уединись, уйди отъ этихъ оргій прочь!
О, въ этотъ тѣмный часъ сильнѣй больныхъ страданья,
Ихъ давить и томить безжалостная ночь!...

Ихъ стопами теперь наполнены больницы...
Не всё болящiе дотянуть до утра
И многихъ понесутъ на кладбище столицы
Съ ихъ безпокойнаго предсмертнаго одра...

Не всё на собственной скончаются постели,
Не всё въ кругу родныхъ или друзей умрутъ, —
Вѣдь многие изъ нихъ пріюта не имѣли, —
Лишь въ безднѣ общей всѣмъ они его найдутъ.

Д. Михаловскій.

Алчущіе и жаждущіе правды.

Очерки современнаго сектантства.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

VIII*).

Шевелино.

Прихотливыми зигзагами извивается рѣчка Повѣдь. По зеленымъ холмистымъ берегамъ ея раскинулись поля, луга и рощи. В одномъ изъ такихъ холмовъ, вся въ зелени, ютится маленькая деревенька Шевелино. Въ ней всего-на-все тридцать дворовъ; въ этихъ тридцати дворахъ живетъ 88 душъ мужскаго и 67 душъ женскаго пола. Отъ уѣзднаго города и вмѣстѣ станции желѣзной дороги Шевелино отстоитъ на разстояніи тридцати верстъ и отъ приходской церкви въ 9 верстахъ. Крестьяне деревни Шевелина—временно-обязанные помѣщика Львова. До Львова, въ теченіе долгаго времени, ими владѣлъ Сабуровъ, поэтому и до сихъ поръ весь Шевелинскій районъ слыветъ среди крестьянъ подъ именемъ «Сабуровщины», Сабуровской вотчины.

Считая необходимымъ дать читателю хотя нѣкоторое представленіе объ условіяхъ экономической жизни шевелинскихъ крестьянъ, я приведу здѣсь нѣсколько данныхъ относительно ихъ наделовъ, посѣвовъ, заработковъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ данныхъ, собранныхъ въ 1879 году тверскимъ статистическимъ комитетомъ для «Описанія населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи».

Количество земли въ десятинахъ: а) надѣльной, б) собственной всего селенія и в) отдѣльныхъ лицъ.

Усадебной.	Пахатной.	Сѣнокосной.	Выгонной.	Лѣсной.	Всего удобной земли.	Неудобной.
а) 8	168	183	—	10	369	—
б) —	—	—	—	—	217	—
в) —	—	—	—	—	48	—

*) Русская Мысль 1881 г., кн. XII.

Отдѣльно собственную землю (в) имѣютъ 6 домохозяевъ, изъ коихъ одинъ—17 десятинъ, трое—по 7 десятинъ и двое—по 5 десятинъ. Почва пахатной земли—супесчаная и суглинистая. Окладныхъ душъ мужскаго пола считается 83. Размѣръ надѣла на душу не превышаетъ четырехъ съ половиною десятинъ; на дворъ приходится 12 десятинъ.

Что касается разнаго рода платежей, то шевелинскимъ крестьянамъ приходится платить:

Государственныхъ податей	186 р. 87 в.
Оброчныхъ и выкупныхъ платежей	590 » 40 »
Земскихъ повинностей	42 » — »
Мірскихъ повинностей	48 » 88 »

Всего 868 р. 15 в.

Такимъ образомъ съ каждой окладной души приходится въ годъ около 10 рублей 50 копѣекъ.

Скотомъ шевелинскіе крестьяне, сравнительно, довольно богаты. Такъ, во время нашего пребыванія тамъ, у нихъ было лошадей—61, коровъ—60, нетелей и телятъ—15, овецъ—60. Стало-быть, среднимъ числомъ, на каждый дворъ приходится по двѣ лошади и по двѣ коровы.

Посѣвъ и урожай въ четвертяхъ, за исключеніемъ сѣмянъ: а) на надѣлѣ, б) на собственной землѣ.									
Р ж и.		Я ч м е н я .		О в с а .		К а р т о ф е л я .		Л ь н а .	
Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.
а) 61	183	20	80	102	306	30	120	5	12
б) 16	48	—	—	32	96	—	—	—	—

Сѣна шевелинскіе крестьяне накашиваютъ до 5.000 пудовъ на надѣлѣ и 1.500 пудовъ на собственной землѣ.

Изъ общаго числа домохозяевъ нуждаются въ покупномъ хлѣбѣ 10 человекъ. Среднимъ счетомъ они покупаютъ въ годъ 20 четвертей хлѣба, на сумму 140 рублей.

Изъ числа принадлежащихъ къ селенію лицъ въ 1878 годъ находилось въ отлучкѣ по паспортамъ и билетамъ: на годъ—13 мужчинъ и 1 женщина, на полгода—21 мужчина и на срокъ менѣе полгода—2 мужчинъ и 2 женщины. Если эти цифры были вполне точны для 1878 года, то слѣдуетъ признать, что

за послѣдніе годы общее число отлучающихся изъ Шевелина на заработки еще болѣе возросло. Женщины идутъ въ услуженіе; мужчины для каменотесныхъ работъ отправляются въ Петербургъ и лишь немногіе въ Москву. Въ числѣ обывателей деревни Шевелина насчитывается грамотныхъ 20 человекъ мужчинъ и 2 женщины. По отзыву лицъ, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями Тверской губерніи, слѣдуетъ признать, что населеніе деревни Шевелина въ экономическомъ отношеніи стоитъ нѣсколько выше средняго уровня, существующаго для крестьянскаго хозяйства Тверской губерніи.

Чтобы ближе быть къ Сютаеву и его семейству, чтобы чаще видѣться съ нимъ и удобнѣе наблюдать отношенія, установившіяся между сютаевцами и остальнымъ населеніемъ,—я оставилъ Повѣдь и переѣхалъ въ Шевелино. Василий Кирилловъ устроилъ меня въ сосѣдствѣ съ собою, въ большой, просторной избѣ, хозяинъ которой, богатый мужикъ, жилъ постоянно въ Питерѣ вмѣстѣ съ женою, а дома оставалась его мать, старуха, да маленькая дочка, лѣтъ тринадцати, да племянница, сирота, невѣста. Все это были добрые, простые, душевные люди.

Воспользовавшись первымъ праздничнымъ днемъ, я отправился къ Василью Кириллову.

IX.

Въ семьѣ Сютаева.

Изба Василья Кириллова—самая обыкновенная, ничѣмъ не выдѣляющаяся изъ ряда другихъ крестьянскихъ избъ: старая, приземистая, темно-бревенчатая, въ три окна на улицу. Внутри избы на всемъ лежитъ печать опрятности: печь выбѣлена; полъ, стѣны, лавки, столъ — все это чисто вымыто, выскоблено. Въ переднемъ углу видна полка, «божница», на которой вмѣсто образовъ лежитъ нѣсколько книгъ. Тѣмъ не менѣе въ избѣ есть образъ Спасителя, но онъ виситъ не въ углу, какъ это принято у православныхъ, а среди стѣны, точно обыкновенная картина.

Семейство Сютаева состоитъ изъ жены его, Марѣи Андреевны, и сыновей: Михаила, Дмитрія и Ивана. Михаилъ и Дмитрій женаты и имѣютъ дѣтей: у перваго ихъ двое, у втораго—четверо. Оба они, во время моего пребыванія въ Шевелинѣ, были въ отлучкѣ, въ Питерѣ, на работѣ; дома оставались ихъ жены и дѣти. О до-

чери Сютаява, Домнѣ, я уже говорилъ; говорилъ и о младшемъ сынѣ его, Иванѣ.

Жена Сютаява, еще ярѣпкая старуха, всегда чисто одѣта съ симпатичнымъ, благообразнымъ и умнымъ лицомъ. Старшая молодуха, жена Михаила, Любовь, наиболѣе словоохотливая и бойкая изъ всего женскаго персонала. Жена Дмитрія, Дарья, за урядная, толстая баба съ добродушно-простоватымъ выраженіемъ лица. Дѣти—все мелкота: старшему, если не ошибаюсь, девяти лѣтъ. По случаю дождя всѣ они толпились въ избѣ, играя рѣзвясь на полу.

Невольно бросилось въ глаза, невольно поразило меня мягкое любовное отношеніе всѣхъ членовъ семьи между собою; съ дѣтьми же всѣ какъ-то особенно ласковы, какъ-то особенно кротки и любовны. У всѣхъ такія открытыя лица, такія смѣлыя, громкія рѣчи, такое непринужденное обращеніе. Какъ-то сразу чувствуется, что въ этой семьѣ, несмотря на многочисленность ея членовъ, царитъ миръ, царитъ прочная взаимная любовь, безъ какого-либо давящаго авторитета «большака», безъ ехидства свердловъ, безъ забитости невѣстокъ.

Сютаява не было дома, — онъ ушелъ провѣдать скотъ. Глядя на играющихъ дѣтей, я спросилъ старшую молодуху:

— Это все внуки Василья? Твои дѣти и племянники?

— Да, по человѣчески такъ, — отвѣтила она, — внуки, племянники, — люди всяко зовутъ, всякихъ кличекъ надавали, — а по Божьи — всѣ братья и сестры.

Въ избу вошелъ какой-то мужикъ, — какъ послѣ оказалось, соседъ Сютаява, — волосатый, дыганскаго типа, черныи какъ жугъ. Его костюмъ свидѣтельствовалъ о достаткѣ: на немъ была суконная поддевка, рубаха изъ хорошаго ситца и смазные сапоги. Вошелъ онъ, перекрестился на образъ и, неуклюже мотнувъ головой по направленію сидѣвшихъ на лавкѣ, проговорилъ:

— Здорово!

— Здравствуй, — отвѣчала Любовь. — Садись, такъ гость будешь, — и тотчасъ же добавила: — все здоровкаемся, все — «здорово, здорово», говоримъ, а сами все немощны.

— Какъ немощны?... Чѣмъ? — спросилъ я.

— Духомъ, духомъ немощны. Бабы здоровы были, не такъ бы жили, не такъ бы поступали другъ съ дружкой.

Пухлый мальчуганъ, въ одной рубашонкѣ, съ круглымъ лицомъ и пухлыми толстыми ножками, съ свѣтлыми, ясными глазами.

ами, подобрался ко мнѣ и началъ теребить мое платье, смѣясь выкрикивая что-то дѣтскимъ, лигующимъ, звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ.

— Не крещеный! — проговорилъ черный мужикъ, обращаясь о мнѣ и указывая на мальчугана.

— Правда, не крещеный? — обратился я къ молодухѣ. (Жена Сютаева хлопотала съ самоваромъ.)

— Вѣрно, не крещеный... Тебѣ на-диво? Не видалъ, чай, не крещеныхъ-то, а?... А у насъ только двое крещеныхъ-то, а то всѣ не крещены.

Ребенокъ точно понималъ, что рѣчь идетъ о немъ: онъ весь ялялъ, подпрыгивалъ, хихикалъ, стучалъ ручонками о мое платье и, казалось, заливался отъ восторга.

— Отчего же вы не крестите?

— Полагаемъ, какъ быть все равно: што крестить, што нѣтъ. Будто какъ понапрасну крестить-то... Мы вотъ всѣ крестились, а грѣхъ творимъ все равно что не крещеные. Крещеніе, сказано, покаяніе. «Покайтесь и креститесь». А нешто ребенокъ можетъ покаяться? Спаситель-то вишь тридцати лѣтъ крестился. Выростеть, въ умъ войдетъ, познаетъ, — ну, и окрестится.

— Что же познаетъ-то?

— Истину... А то што же?... Истину познаетъ.

— Какъ же онъ познаетъ?

— Родители должны научать, отецъ съ матерью... Безъ наученья ничего не выйдетъ.

Черный мужикъ отстаивалъ крещеніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у православныхъ. Отъ крещенія онъ перешелъ къ покаянію и причащенію и началъ горячо доказывать особенную, настоятельную необходимость этихъ двухъ таинствъ. Въ это время Сютаевъ вернулся домой; онъ также принялъ участіе въ общемъ разговорѣ. Съ первыхъ же словъ Василій Кирилловъ повернулъ споръ на свою любимую тему.

— Я каждую минуту каюсь, въ чемъ согрѣшу, — говорилъ черный мужикъ, отстаивая свою мысль. — Ежели обижу кого, каюсь.

— Да ты не видишь обиденія-то, — возражалъ Сютаевъ. — Полосу свою панешь, а самъ думаешь, какъ бы другую прихватить...

— Ангелы прегрѣшаютъ... Я говорю: грѣшны.

— Ты говоришь: грѣшенъ, а во грѣхахъ не признаешься, отъ грѣховъ не отстаешь... И опять же ты по-старому свою лѣнію ведешь: опять по-старому папешь, по-старому дѣлишь, торгуешь,—ну, и выходить, што ты, стало-быть, фарисей.

— Ты за меня не будешь отвѣчать.

— Нѣтъ, буду, буду отвѣчать!... Все будемъ другъ за друга ку отвѣчать... А ты этого не зналъ?

— Чрезъ покаяніе Богъ грѣшниковъ пріемлетъ... Мало ли мы грѣха творимъ?... Каяться надо, исповѣдываться передъ Господомъ,—ну, тогда насъ Богъ и проститъ.

— Нѣ-ѣтъ, другъ милой, врѣ-ёшь!... Тогда Богъ проститъ, когда у насъ любовь будетъ, когда у насъ едино сердце будетъ, едина душа, когда все будетъ мѣстное, общее,—тогда Богъ проститъ.

И, помолчавъ немного, онъ снова обратился къ сосѣду:

— Признаешься ли въ любви жить, а?... Замковъ не надо?... Подъ замками-то небось у тебя украли?

— Ну, украли,—што-жь такое?

— Ну, а тогда воровъ не будетъ,—слышишь?—когда мы обчую-то жисть устроимъ, когда въ любви-то будемъ жить... А теперь у насъ раздоръ, во всѣхъ злоба, обманъ, суды, неправда...

— Не судите, сказано, да не судими будете,—внушительно произнесъ сосѣдъ и видимо остался доволенъ собой: ему, вѣроятно, казалось, что онъ попалъ какъ разъ въ самое большое мѣсто своего соперника.

Но Сютаевъ оказался неуязвимымъ.

— Опять не то!—кричалъ онъ.—Не то, не то!... Должно всю вселенную судить, всю!... Спаситель пришелъ—всю вселенную осудилъ... Апостолы пришли—всю вселенную осудили.

— Не мы же... Намъ далече до Спасителя.

— А што онъ сказалъ?—«Идите за мной!»... Што этто означаетъ, а? Какъ ты полагаешь?... *Его* слѣдомъ надо идти: Онъ всю вселенную осудилъ—и мы можемъ судить; Онъ проповѣдывалъ—и намъ надо то же дѣлать; Онъ страдалъ за добро, за проповѣдь—и намъ надо страдать... Да, пора Господу Богу служить,—пора, пора, пора! Пришло время. Надо намъ обманъ побѣждать...

На столѣ появился самоваръ, который по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, а отчасти и по формѣ, какъ нельзя болѣе напоминалъ собою тѣ паровые котлы, какіе можно встрѣтить на

фабрикахъ или заводахъ. Марѳа привнесла что-то въ родѣ яичницы, корчажку съ топленнымъ молокомъ и нѣсколько кусочковъ сахара. Начались угощенія—радушныя, задушевыя.

Черный мужикъ, который давно уже какъ-то особенно пристально и пытливо поглядывалъ на меня, воспользовавшись перерывомъ въ спорѣ, подошелъ ко мнѣ и началъ съ вопроса: кто я такой, откуда и зачѣмъ именно пріѣхалъ,—бывалъ ли я въ Петербургѣ, и т. д. Покончивъ этотъ опросъ, онъ принялъ нѣсколько таинственный видъ и началъ:

— А што, хочу я тебя спросить, о еeneralъ Пашковѣ слышалъ?

— Слышалъ.

— Можетъ и видать доводилось?

— Видалъ... А что?

— Такъ, ничего... Можетъ ты самъ и есть еeneralъ Пашковъ?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что г. Пашковъ пользуется большою извѣстностью среди нашего сектантскаго населенія. Этому главнымъ образомъ содѣйствуетъ разсылка имъ повсюду разныхъ книжекъ, въ родѣ «Любимыхъ стиховъ» и т. п., затѣмъ публичность его бесѣдъ. Газетныя толки объ этихъ бесѣдахъ и проповѣдяхъ также много способствовали его извѣстности. Сектанты, отправляясь въ Петербургъ на заработки или по торговымъ дѣламъ, обыкновенно считаютъ своею обязанностью побывать на проповѣди Пашкова. Говорятъ, онъ не только охотно помогаетъ сектантамъ *), которые обратятся къ нему съ просьбой о помощи, но даже раздаетъ деньги и тѣмъ изъ нихъ, которые совсѣмъ не просятъ объ этомъ. «Любимые стихи» и другія подобныя книжки, распространяемыя Пашковымъ, мнѣ приходилось встрѣчать среди молоканъ, сютаевцевъ, хлыстовъ, монтанъ, послѣдователей «деснаго братства» и т. д.; я встрѣчалъ ихъ въ Тверской губерніи, въ Самарской, въ Саратовской, въ Нижегородской и въ Тамбовской, и притомъ въ самыхъ далекихъ и заолустныхъ углахъ этихъ мѣстностей. По слухамъ и по разсказамъ самихъ сектантовъ, эти книжки можно найти и на Кавказѣ, и

*) Очень вѣроятно, что г. Пашковъ, извѣстный своею филантропическою дѣятельностью, съ одинаковою готовностью помогаетъ какъ сектантамъ, такъ и православнымъ. Дѣлаемъ здѣсь эту оговорку съ цѣлью отклонить отъ себя всякій упрекъ въ желаніи выставить г. Пашкова какимъ-то столпомъ, опорой сектантства.

въ Малороссіи среди штундистовъ, и на Уралѣ, и въ Сибири, — словомъ, всюду, гдѣ только есть сѣнтанты.

Сыновья Сютаева также бывали у Пашкова, но они не вынесли хорошаго впечатлѣнія отъ его толкованій Евангелія. Одному изъ сыновей Сютаева Пашковъ, или кто-то изъ его ближайшихъ послѣдователей, далъ 25 рублей. Молодой Сютаевъ взялъ было эти деньги, но, продержавши ихъ дня два у себя и раздумавши, возвратилъ ихъ обратно, считая себя не въ правѣ получать деньги «дарма».

Самъ Сютаевъ рѣзко нападаетъ на ученіе Пашкова. Онъ лично знакомъ съ однимъ изъ послѣдователей пашковскаго ученія, живущимъ въ Торжкѣ. Особенно же онъ не можетъ примириться съ основной идеей ученія Пашкова, съ тѣмъ, что самое главное — это вѣра, горячая, страстная вѣра, въ то, что Христосъ спасетъ насъ, какъ бы ни были мы грѣховны и каковы бы ни были наши дѣла, наша жизнь...

— Стало-быть по-ихнему, — говоритъ Сютаевъ, — можно все дѣлать: и дѣлаться можно, и торговать можно, — все равно, молю, Христосъ спасетъ грѣшниковъ, только надѣйся крѣпче, вѣруй...

Эта мысль не можетъ не возмущать Сютаева, который учитъ, что главное — «жисть», «жисть надо наблюдать», «жисть надо устраивать», и по ученію котораго самая вѣра есть не что иное какъ любовь къ людямъ... «А какая же любовь безъ добрыхъ дѣловъ?» — говоритъ онъ.

Разговоръ переходилъ съ одного предмета на другой. «Бабы» принимали въ немъ участіе наравнѣ съ мужиками. Между прочимъ, когда зашла рѣчь о духовенствѣ, жена Сютаева рассказала слѣдующій случай.

— Сидѣла я съ дочерью, Домной, въ гостяхъ у Андрея Филиппова (Андрей Филипповъ держалъ въ это время харчевню въ деревнѣ Запольѣ). Входитъ священникъ Никольскій, — входитъ, а самъ чуть на ногахъ стоитъ: такъ его и поноситъ, такъ и пошатывается изъ стороны въ сторону, словно вѣтеръ качаетъ. — «Гдѣ тутъ, говоритъ, у васъ боги?»... Вынулъ крестъ, хотѣлъ было пѣть что-то, только увидалъ дочь — и прямо къ ней. — «Андрей Филипповъ! — говоритъ, — откуда ты, говоритъ, такую краю досталъ?» — «Шевелинскіе, молю, батюга, не ворожь!» — это Андрей-отъ ему говоритъ... Только пошъ не унимается: «Нельзя ли, говоритъ, ко мнѣ на вечерокъ?... Не пожалю, говоритъ, — полтинничекъ дамъ»... Начала я его стыдить: «Вотъ,

говору, такъ наставники ходять!... Вотъ какое отъ нихъ наученье-го!... Ахъ, вы,—говорю,—озорники вы этаніе!... Глядите, молъ, люди добрые!...» А ояъ и ухомъ не ведеть: дѣзеть прямо къ дѣвкѣ... Согрѣшила я, не утерпѣла: ухватила его за волосы и—ку таскать!...»).

Отъ священниковъ разговоръ перенелъ на продажность, будто бы существующую въ православной церкви. По этому поводу Бютаевъ рассказывалъ:

— Дитѣ у насъ умерло. Говорять, надо хоронить, отпѣвать задо,—безъ этото, говорять, на томъ свѣтѣ въ царство небесное не примуть. Ладно, хорошо. Пошелъ я къ попу.—«Похорони, говорю, батюшка...» (Какое слово-то: *батюшка!*)—«Ладно, говорить, давай полтинникъ».—«Нельзя ли, молъ, поменьше?»—Не соглашается. А денегъ у меня въ ту пору всего-на-все тридцать копѣекъ серебромъ было... Не согласился. Ушелъ я домой и думаю про себя: какъ такъ?... За пятьдесятъ можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесятъ примуть, а за тридцать не примуть?... Не можетъ этото быть!... И увидѣлъ я тогда, што грѣшенъ я кругомъ.

— Въ чемъ же ты грѣшенъ?

— Да нешто можно о Божьемъ благословленіи торговлю заводить?... Нельзя покупать, думаю, Божьяго благословленія. Коли самъ не заслужишь, ни за какия деньги его не купишь... Ни за какия тысячи не купишь!... А коли заслужишь, то и безо всякихъ денегъ получишь, што слѣдуетъ... Раздумалъ я все этто, взялъ дитѣ и самъ похоронилъ—безъ попа, безъ дьячка, безо всего... Подъ поломъ похоронилъ!

Немного погодя онъ снова заговорилъ:

— Али опять, бывало, спросишь кого: былъ на духу?—«Нѣтъ, скажеть, не былъ».—«А отчего не былъ?»—«Денегъ не было, съ деньгами не собрался...» Ну, и выходитъ, што у васъ за деньги грѣхи-то отпускають: есть деньги—отпустятъ, нѣтъ денегъ—не взыщи!... Стало-быть вы Божью-то благодать за рубли да за копѣйки покупаете... Видно у васъ поѣтому и въ рай-отъ за деньги пуцають... по такці!

*) Этотъ разсказъ, какъ и все изложенное здѣсь, въ этихъ очеркахъ—голая правда. Съ удовольствіемъ можемъ заявить при этомъ, что священникъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ разсказѣ, въ настоящее время уже уволенъ отъ должности.

Далѣ разговоръ коснулся, между прочимъ, иконъ. При этомъ Любовь, смѣясь, рассказала:

— Какъ-то у насъ старую избу поправляли, такъ мы въ новую переходили. Все вынесли, однѣ иконы остались въ углу. Ребятишки и смѣются: «Ей, вы, боги,—говорятъ,—пойдемъ за нами!... Боли вы боги, перейдите сами!...» Нѣтъ, небось, остались, не пришли.

Такое отношеніе къ иконамъ вызвало протестъ со стороны чернаго мужика,—онъ горячо вступился за иконы. Сютяевъ успѣшилъ успокоить его. Онъ заявилъ (передаю лишь общій смыслъ его возраженія), что отрицаніе или признаніе иконъ есть вещь совершенно несущественная, второстепенная, изъ-за которой отнюдь нельзя людямъ расходиться между собою. Свое возраженіе онъ закончилъ такъ:

— Мы все оставимъ: посты, иконы, все (то-есть оставимъ отрицаніе иконъ, постовъ), но единства не оставимъ, обчаго не оставимъ.

Я постарался навести разговоръ на значеніе семейныхъ отношеній, какъ они понимаются сютяевцами.

— Жена, по Писанію, меньше мужа,—говоритъ Сютяевъ,—поэтому она должна слушать его, повиноваться ему.

Но тутъ у него является сомнѣніе: въ другомъ мѣстѣ Св. Писанія сказано, что во Христѣ Иисусѣ нѣтъ ни мужскаго пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго, а что всѣ люди составляютъ одно и всѣ равны между собою. Итакъ, съ одной стороны выходитъ, что жена—какъ бы «меньше» мужа, а съ другой—равна ему. Это сомнѣніе такъ и остается у него до сихъ поръ не рѣшеннымъ. Онъ только заявляетъ, что «распорядиться надъ женой мужъ не можетъ», не въ правѣ.

Сютяевцы допускаютъ семейный разводъ. Въ случаѣ ссоръ, вражды и несогласій между супругами, они должны разойтись. Но если послѣ развода онъ или она «въ Господа придетъ», т. е. сознаетъ свою вину и раскается, то они должны «соединиться сызнова». При разводѣ дѣти должны оставаться съ вѣрующимъ, т. е. съ правою стороною (съ отцомъ или съ матерью). Для того, чтобы не встрѣчалась необходимость въ разводѣ, чтобы браки были «крѣпче», прочнѣе, нужно, чтобы родители отнюдь не приневоливали своихъ дѣтей выбирать себѣ ту или другую жену, того или другаго мужа. Родители должны съ своей стороны только «совѣтовать» сыну или дочери, но отнюдь не «приневоливать».

Изъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и слышать въ семьѣ Ютаева, для меня было ясно, что всѣ присутствовавшіе при разговорѣ члены этой семьи вполне солидарны между собою въ своихъ воззрѣніяхъ на церковь, на религію, на обязанности чужака и его задачи; видно было, что ученіе Василія Бириллова глубоко запало имъ въ сердце, что оно принято ими, продумано, освоено. Здѣсь не было и намека на ту рознь, какая имѣла, напримѣръ, мѣсто въ семействѣ Ильи Иванова.

— Вы всегда такъ мирно, дружно жили, какъ теперь?—спросилъ я, обращаясь къ «бабамъ».

— Што ты! Прежде всего бывало... Чуть што не до драки доходило... А какъ *познали*, сразу ссорамъ конецъ припелъ. Злобы прежней ужъ и въ поминѣ нѣтъ... Буда и сердце цѣвалось!

Х.

Теорія о добрыхъ и злыхъ властяхъ.

По временамъ, когда разговоръ нашъ съ Сютаевымъ направлялся на такъ-называемые щекотливые вопросы и касался разныхъ темныхъ сторонъ нашего общественнаго строя, въ рѣчи Сютаева слышались нерѣдко такія ноты, которыя какъ-то невольно наводили на мысль: не было ли тутъ какого-нибудь посторонняго вліянія, какой-нибудь посторонней «пропаганды», которая дала бы толчокъ его мыслямъ въ извѣстномъ направленіи.

Мнѣ удалось близко сойтись съ Сютаевымъ и смѣю думать, что онъ былъ вполне откровененъ со мною. Мы разстались съ нимъ, какъ расстаются близкіе друзья. Еслибъ у него были какія-нибудь особенныя встрѣчи съ интеллигентными или иными людьми, которые бы такъ или иначе повліяли на ходъ его мыслей, онъ непременно сообщилъ бы мнѣ объ этомъ. Но этого не было. Только однажды съ нимъ былъ такой случай. Ъхалъ онъ по чугункѣ. Въ вагонѣ зашла рѣчь о «писаніи». Сютаевъ, по обыкновенію, начинаетъ развивать свои идеи о любви и мирѣ. Въ разговоръ вмѣшивается кондукторъ и начинаетъ оспаривать Сютаева.

— Откуда ты это взялъ?—спрашиваетъ онъ Сютаева.

— Почитай Посланіе къ Галатамъ, тогда увидишь, откуда... Тамъ прямо обозначено...

— Да вѣдь это для кого обозначено-то? Вѣдь для *голитовъ*. А ты думалъ для насъ, что ли?

Это возраженіе показалось Сютавву дивнымъ и возмутительнымъ. Онъ рѣзко напалъ на кондуктора и разбилъ его на всѣхъ пунктахъ. Тутъ же, въ вагонѣ, сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ и внимательно вслушивался въ рѣчи Сюталева. Онъ подошелъ къ Василью Бирилову и они потолковали съ нимъ по душѣ. Сюталева спрашивалъ молодого человѣка, который оказался ему очень начитаннымъ: какихъ книгъ слѣдуетъ больше всего придерживаться? Какого онъ мнѣнія насчетъ старинныхъ книгъ, нечитаемыхъ старовѣрами, и изъ какихъ именно книгъ можно лучше всего «истину познать»? Молодой человѣкъ говорилъ, что и свѣтъ развелось много множество разныхъ книгъ, что есть между ними хорошія, но много есть и худыхъ, негодныхъ, что въ старинныхъ книгахъ также «много есть кой-чего напутано», самая же лучшая книга—это Евангеліе. Чтобы не сбиться съ пути, необходимо держаться Евангелія. Но его нужно уметь понимать, толковать и объяснять; поцовское же толкованіе Евангелія не вѣрно... Обо всемъ этомъ уже и ранѣе думалъ Сюталева; слова молодого человѣка только еще больше укрѣпили его въ его мысляхъ о значеніи Евангелія и «старинныхъ книгъ». Помимо этой случайной, мимолетной встрѣчи, у Сюталева не было никакихъ столкновений съ людьми, которые бы задавались цѣлью повліять на его воззрѣнія въ известномъ смыслѣ. Вся его «вѣра», все его ученіе—есть результатъ его собственныхъ думъ, продуктъ его собственной работы мысли, безъ всякой посторонней помощи, безъ всякаго вліянія со стороны кого бы то ни было. Современная жизнь со всѣми ея ненормальными, уродливыми явленіями—вотъ что единственно будило и направляло его мысль; «писаніе» только подкрѣпляло, освящало своимъ авторитетомъ выводы, догадки и заключенія, къ которымъ приводилъ его анализъ общественныхъ отношеній.

Мы уже видѣли результаты этой работы, этого анализа въ области религіозной и въ области соціальной,—посмотримъ же теперь, что думаетъ Сюталева о нашихъ гражданскихъ, государственныхъ порядкахъ и учрежденіяхъ.

— Мы должны почитать высшнюю власть,—говоритъ Сюталева,—а высшняя власть должна заботиться о насъ, о народѣ. Если же власть не заботится о народѣ, то я долженъ сказать ей объ этомъ.

— Да... Такъ вотъ тебя и послушаютъ! — пренически за-
мечаетъ обыкновенно на это кто-нибудь изъ присутствующихъ.

— За это, братъ, какъ бы тебя противъ шерсти не по-
далили!...

— Очень даже просто... Шаровары скинуть, да та-аними уго-
тить горячими!...

— Любовь, братецъ, никто раззорить не можетъ, — возража-
етъ Сютаевъ. — Будемъ добрыми и власть будетъ добра.

Относительно моленія за властей Сютаевъ говоритъ: «въ
Евангеліи сказано, что нужно молиться перва за народъ, а по-
томъ за царя. Теперь въ церквахъ дѣлаютъ неправильно, молясь
сначала за царя, а ужъ потомъ за народъ».

— Властямъ нужно повиноваться... Но власти бываютъ доб-
рыми и злыми. Власти, которыя не внутреннія, въ сердцахъ не
обрыя — это злыя власти. Онѣ дѣлаютъ неправду, поэтому имъ
не слѣдуетъ повиноваться, такъ какъ онѣ запутываютъ насъ,
людей.

— Какую же неправду дѣлаютъ злыя власти? — спраши-
ваетъ я.

— А войну кто дѣлаетъ?... А оброки злые кто дѣлаетъ?...
Платить же въ острогъ кто сажаетъ?... Все отъ ней идетъ, отъ
этой власти!...

О судахъ нашихъ Сютаевъ весьма невысокаго мнѣнія *).

— Въ судахъ правды почитай-что совсѣмъ нѣтъ. Судьи долж-
ны судить по-евангельски, но никто не судитъ такъ. Правды въ
жизни нѣтъ, поэтому и судей такихъ ставятъ: пьяницъ, злыхъ,
здонщевъ... На судѣ должны всякое дѣло рассмотреть, рас-
сказать, а теперь другой разъ на судѣ-то и слова не дадутъ
сказать: «молчать!».

Я попросилъ Сютаева подробно рассказать мнѣ о томъ, что
происходило у него со старшиной, когда тотъ требовалъ уплаты
вдатеи.

— Пришелъ волостной насчетъ оброка. Я и спрашиваю: «кому,
бать, оброкъ? Зачѣмъ оброкъ?» Показываю волостному Еванге-
лю и говорю: «Ты — высшая власть, ты рассуди мнѣ». Волостной
на Евангеліе и глядѣть же не хочетъ. — «Я, говоритъ, не за э-
тимъ пришелъ... Подавай деньги!» — «Я тебѣ деньги отдамъ,

*) Необходимо замѣтить однако, что при критикѣ судовъ Сютаевъ главнымъ
образомъ имѣетъ въ виду свои, крестьянскіе, волостные суды.

мнѣ моль денегъ не жалко, только ты разсуди мнѣ: кому оброкъ?» — «Начальству», говорить. — «Начальство должно быть доброе, говорю. Ты должонъ добрый оброкъ собирать, кроткій, а не то чтобы выколачивать... Грѣхъ насиліемъ оброкъ отдавать... Разсудимъ, говорю, это дѣло: можетъ тогда и оброкъ то не надо будетъ, а?... Разберемъ!...» — «Пошелъ ты, говорить въ лѣшему, есть время мнѣ съ тобой валандаться!» — И началъ меня ругать. — «А коли такъ, — говорю, — коли ты не хочи Спасителевы слова разсудить, нѣтъ тебѣ ни гроша!...» И началъ онъ калитку ломать. — «Пусти!» говорить. — «Не пусти! Коли ты не хочи слова Божія разсудить, ты, стало-быть, и вышняя власть, а воръ, хищникъ, грабитель! Вотъ ты кто!...» — «Ломай, говорить, робята, ворота!... Онъ — бунтовщикъ!» — Разбили ворота. Взяли со двора: корову, лошадь, овцу... Увели, продали съ аукціона, деньги себѣ взяли на оброкъ.

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Нѣтъ, не кончилось, — волостной жалобу подалъ... Слѣдователь Кротковъ разбиралъ наше дѣло.

— Ну, и что же?

— Ну, въ судъ повели... Я взялъ Евангеліе, Тихона Задонскаго взялъ и пошелъ въ судъ. Одинъ судья... какъ бишь его зовутъ?... Товаришъ... про...прокурора говорить: «Въ острогъ его надѣть безпремѣнно, штобы не бунтовалъ...» А я говорю судьямъ: «Вы не меня судите, вы книги судите», — и показываю имъ Евангеліе... Не взяли во вниманіе!... Осудили сперва на три мѣсяца въ острогъ, потомъ перемѣнили — на семь дней... На судѣ волостной былъ, Тихонъ Ивановъ; онъ разсказывалъ, какъ то-есть я его не пушалъ въ домъ за оброкомъ. Я слушалъ, слушалъ, а потомъ и говорю судьямъ: «Дозвольте мнѣ разогъ спросить Тихона Иванова». — «Спрашивай», говорятъ. Я и спросилъ: «А что, Тихонъ Ивановъ, какъ ты живешь: по духу, али по плоти?...» Онъ помолчалъ, а потомъ и говорить: «Я, говорить, по плоти живу». — «Ну, коли по плоти, то тебѣ и вѣры нельзя дать. По книгамъ по плоти живущіе Богу угодить не могутъ, а стало-быть и вѣры имъ нѣтъ никакой!...» Што-жъ ты думалъ? Волостной-отъ былъ врагъ, а теперъ другъ сдѣлался. Теперъ онъ изъ волостныхъ вышелъ и все говорить: «Ужо покаюсь... Невѣрно мы живемъ, — охъ, невѣрно!... Не сегодня-завтра, ужъ покаюсь...» Денегъ мнѣ какъ-то на оброкъ далъ безъ росписки, безо всего... Я ему говорю: «Ты, Тихонъ Ивановъ, воръ... Ищи

«Только нажилъ добра разнаго! Разѣ это не воровство? Все, молъ, пограблено у тѣхъ же крестьянъ...»

— Что-жь онъ?

— Што?—Самъ признается, што воръ.

— Ну, а на другой годъ тоже вѣдь оброкъ собирали,—были тебѣ?

— Какже, были... Я опять говорю: «Сдѣлай милость, разбудимъ, къ чему оброкъ?»—Старшина кричитъ: «Знать ничего не знаю, подавай деньги!»—«А коли такъ,—говорю,—не дамъ...» Силкомъ зашли во дворъ, опять лошадь да корову угнали. А я опять ихъ обозвалъ ворами, хищниками, грабителями.

— Чего же ты добивался-то отъ нихъ?

— Чего?—Онъ долженъ былъ научить меня: куда оброкъ, заѣмъ... Высшняя власть должна быть добрая,—да, а не то штобы послѣднюю корову со двора сводить.

— Теперь же ты платишь, хотя тебѣ и не объяснили?

— Я и теперь то же говорю. Ни одного рубля не отдамъ такъ, штобы не сказать: воры вы, хищники, грабители... Только ужъ теперь меня не гонять.

На мои распросы о томъ, каково вообще живутъ въ ихъ мѣстахъ крестьяне, Сютаевъ обыкновенно отвѣчалъ, что крестьяне у нихъ живутъ весьма «тосшо» (тощо) и скудно, и объяснялъ это явленіе такъ:

— Спервоначалу были обременены господами. Опосля того надѣлъ получили, надѣлъ махонькой. Земли дали худыя, а теперь глядятъ, какъ бы и тѣ оттягать. Въ Запольѣ господинъ двадцать десятинъ у мужичковъ отрѣзалъ,—говорить: это вамъ землемѣръ лишнихъ далъ. Они судиться, хлопотать... Пользы не получили, а въ долги влѣзли. Опять же народъ въ одиночество бросился, въ раздѣлы. А тутъ оброки злые. За подати скотъ продають, этимъ въ остатки раззоряють.

Я спросилъ, часто ли бывають случаи продажи скота за недоимку.

— Ишо бы не часто! Въ Удальцовѣ намеднись кошку съ аукціона продали. Право слово, кошку! Пятнадцать копѣекъ взяли. А все за подати, за оброки.

Какъ-то разъ, послѣ одного изъ подобныхъ разговоровъ, Сютаевъ рассказалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своей жизни.

— Думалъ, думалъ я объ этомъ,—говорилъ онъ,—да и надумалъ: пойду къ царю! Пойду, пойду и—кончено... Напишу ему

прошение (такого человека найду, што напишетъ), духовное прошение, вложу это прошение въ Евангеліе да такъ и подамъ ему!

— Что же ты хотѣлъ написать въ прошеніи?

— Я-то? Хотѣлъ, братецъ... перво-на-перво, што Евангеліи никто не принимаетъ; ни власти, ни хрестьяне;—никто не принимаетъ, да! По Евангелію не поступаютъ... А черезъ то въ народѣ тягота, обиды... Надумалъ, деревню бросилъ, пришелъ въ Питеръ... Што-жь бы ты думалъ?—Не допускаютъ. Не допускаютъ и шабашъ! Хотѣлъ какъ-нибудь инако, да смѣлости нѣтъ... Што хошь, нѣтъ смѣлости да и только!

Извѣстныя событія послѣднихъ лѣтъ не могли, разумѣется, пройти незамѣченными Сютаевымъ. Стремясь разгадать невѣдомый, современнѣй для него смыслъ этихъ событій, Сютаевъ тщетно пытается уяснить себѣ причины всѣхъ этихъ страшныхъ катастрофъ, кровавымъ слѣдомъ прошедшихъ предъ нашими глазами.

— Ино есть люди, особенные, на штундистовъ схожи по названью.. Кто говоритъ—они изъ господъ, кто—изъ поповичей.. По Питеру ходятъ... Какъ бинь ихъ... Да, штунденты!... Вѣрно, вѣрно—штунденты!... Слыхалъ?

Я сказалъ, что слыхалъ, объяснилъ ему, что это за люди и затѣмъ спросилъ его, не зналъ ли онъ кого-нибудь изъ этихъ «штундентовъ».

— Нѣтъ, ни одинаго не знавалъ... Только люди баютъ, што энти самые штунденты говорятъ: царя не надо... Не надо, говорятъ, царя... Кажись, царь ничего худого намъ не сдѣлалъ. Ну, не надо... Ладно... Што-жь тогда будетъ?... Вотъ про меня тоже говорятъ: онъ царя не признаетъ, власть не признаетъ. Только это не вѣрно: я злой власти не признаю, а добрую власть признаю.

Теперь Сютаевъ, вслѣдствіе тѣхъ возраженій, которыя ему приходится постоянно слышать отъ православныхъ о томъ, что «начальство не допустить» до устройства «общей жизни», о которой онъ мечтаетъ,—начинаетъ все чаще и чаще задумываться на тему о начальствѣ и власти.

— Какой тутъ вредъ! — говоритъ онъ. — Было бы за што гнать-то... Начальство должно понять, разсудить все должно. Тутъ вреда нѣтъ никакого. Оброчья пользы нѣтъ ничего. Нужно собраться всѣмъ вѣрнымъ, нужно жить устроивать. Можетъ за это и пострадать придется, только на это не глядѣть.

— Быть тебѣ судиму, Василій, — вслушиваясь въ эти рѣчи и качивая головами, говорятъ ему знакомые мужики.

— Я суда не боюсь!... На суду должны все рассмотреть. Оперники — священники, али другіе какіе народы — должны тутъ же становиться... Желалъ бы я суда! Надо все рассмотреть... Иконъ Задонскій — не спутавши ли онъ какое слово? Али въ Евангеліи — такъ ли все?... Подтвердить надо!

— Ишь что выдумалъ! — возражаютъ ему на это разные «шю-ированные» люди, въ родѣ Ивана Зиновейча. — Какъ же, яди, удеть тебѣ уголовный судъ Евангеліе разбирать!... Вѣдь ишь его захотѣлъ!... Да гдѣ-жь анто слыхано?

— Должно все рассмотреть... Все должно по порядку рассмотреть! — съ жаромъ, съ увѣренностью заявляетъ Сютяевъ.

— Чу-удачъ!... Да коли законъ воспрещаетъ?

— Ахъ, братъ, да вѣдь это перемѣнить должно, все по юридку перемѣнить! Если добрая власть, она должна тебя помухать, должна перемѣнить...

XI.

Иснаніе „правильной вѣры“.

Какъ-то разъ я спросилъ Сютяева, давно ли онъ научился грамотѣ.

— Двадцати лѣтъ я женился и сряду же началъ учиться, — отвѣчалъ Василій Кирилловъ.

— Зачѣмъ же ты надумалъ учиться?

— Хотѣлось Писаніе читать... Нужно, думаю, познать законъ Божій. Невѣрно мы живемъ, — охъ, невѣрно! Надо познать законъ Божій, — не будетъ безъ того спасенія чедовѣку... Ладно. Купилъ азбуку, началъ кое-што разбирать. Пошелъ въ синодальную лавку...

— Гдѣ это было?

— Въ Питерѣ. Купилъ Евангеліе, Тихона Задонскаго купилъ. Началъ читать Евангеліе, — ну, только вижу, все не такъ мы живемъ.

— Кто же тебѣ посоветовалъ эти именно книги купить?

— Священникъ въ Питерѣ. «Купи, говоритъ, ты Библию, Евангеліе...» А я говорю: «Отъ Библии-то, баютъ, люди зачитываются». — «Не вѣрь, говоритъ, этому: мы вѣкъ свой читаемъ да не зачитываемся».

— Ну, и что же, понравилась тебѣ Библия?

— Разныя книги доводилось читать, но только лучше Евангелія не нашель... Тихонъ Задоноскій тоже остро пишетъ... Купилъ Евангеліе, сталъ вникать, вникать и нашель ложь въ церкви, ложь кругомъ, во всемъ ложь!... Сталъ я искать правильной вѣры... Долго искалъ!... Только вижу, христіанинъ дерется, еврей дерется, старовѣръ дерется, православный дерется... Во всѣхъ вѣрахъ раздоръ, убійство идетъ... Нѣтъ ни одной правой!... Языкомъ вси вѣруютъ, а дѣловъ нѣтъ... А вѣра—въ дѣлахъ, вѣра—въ жизни... Въ церковь можно ходить, можно и не ходить, а житье нужно наблюдать... Правда шtbody на всякомъ мѣстѣ была, правда! Правда да любовь,—это пушке всего...

— Въ ту пору я въ Питерѣ жилъ, маглачилъ, деньги наживаль... Довѣріе мнѣ отъ хозяевъ было большое. По четырнадцати тысячъ довѣряли. У Корфа манументъ дѣлалъ... У настлавка была своя на Волковомъ, манументами торговали... Цѣлыны три года торговали, только и думали о томъ, какъ бы прибытокъ приобрести, какъ бы капиталу нажить побольше... Влавкѣ-то у насъ сынъ сидѣлъ, Митрій. Только онъ и говорить «Согрѣшаемъ, отецъ,—охъ, согрѣшаемъ!... Много, говоритъ, грѣхъ въ торговли. Надо, говоритъ, бросить...» Я говорю: «Хоть ишгодокъ поторгуй». — «Нѣтъ, говоритъ, не могу, — *трудиться* поиду...» И пошелъ.

— Что-жь онъ теперь дѣлаеть?

— Камень долбитъ,—каменотесь,—отвѣчалъ Сютаевъ.

Онъ вдругъ замолчалъ и задумался.

— Да, долбитъ... Только и тутъ неладно,—проговорилъ онъ въ раздумьи.

— Отчего же неладно?

— Какъ тебѣ сказать?... На совѣсть работать, безъ ряды,— вмѣсто пятидесяти хозяинъ двадцать дастъ... Наниматься... што о наемникахъ-то сказано? — Наемникъ — хищникъ... Надо шtbody найму не было, шtbody все значить сообча было... Богд найму не будетъ, тогда и злобы не будетъ...

— Какой же грѣхъ въ торговлѣ?—спрашивалъ я Сютаева.

— Обманъ!... Хотъ у насъ, къ примѣру: вещи были дорогія — памятники, манументы... Испортишь бывало, расколешь а бросить жалко. Задѣлаешь, шtbody не видать было, и продаеш такъ... Другой божится, шtbody все хорошо, а у самого... Сютаевъ махнулъ рукой.

На это я возражалъ, что можно торговать «честно», не прибѣгая къ подобнымъ грубымъ обманамъ. Но Сютаевъ не соглашался со мной и доказывалъ, что всякаго рода торговля непременно основана на стремленіи получить «прибытокъ», то-есть возможно большій процентъ... А взиманіе процентовъ (ростъ), по мнѣнію Сютаева, страшный грѣхъ. «Этого» не будетъ со временемъ, не можетъ это остаться. Не можетъ остаться такой порядокъ вещей, при которомъ одинъ живетъ «дарма», не трудясь и не работая, на готовый капиталъ, на проценты, а другой бьется до кроваваго поту изъ-за каждаго буска хлѣба. «Всѣ должны сами трудиться, сообща, —единство должно быть», — «за капиталомъ не гоняться, потому въ капиталѣ—наша гибель».

— Покончилъ торговлю, — рассказывалъ Сютаевъ, — деньги всѣ кой-куда извелъ и домой, въ деревню, поѣхалъ.

Куда и какъ «извелъ» онъ деньги, вырученныя отъ торговли «манументами», Сютаевъ обыкновенно не говоритъ; но люди близкіе къ нему рассказываютъ, что по окончаніи торговли Сютаевъ около 1.500 рублей (все, что у него осталось отъ торговли) роздалъ нищимъ въ Петербургѣ; затѣмъ всѣ имѣвшіеся у него векселя онъ изорвалъ въ клочки.

Освободившись такимъ образомъ отъ ненавистнаго ему «прибытка» и «капитала», Василій Кирилловъ бросилъ Питеръ и отправился домой, на родину.

— Приѣхалъ въ деревню, — говоритъ онъ, — вижу, любви у насъ нѣтъ, — всѣ за мздой гоняемся... И сталъ я разбирать: энтю къ чему, то къ чему... Сталъ съ людьми совѣтоваться, у священника сталъ спрашивать: «Батюшка, говорю, разсуди мнѣ: какъ энтю понять? Какъ намъ добрыми быть, какъ намъ лучшими быть?...» Вижу, много мы исполняемъ, только все пользы нѣтъ... Перво-наперво крестъ носить бросилъ.

— Отчего такъ?

— Лицемерно это: на вороту крестъ носимъ, а въ жизни не несемъ, — за правду не стоимъ, за правду не тершимъ... Къ чему же носить?... Ребенкогъ о ту пору родился. Люди говорятъ: «крестить надо...» Думаю умомъ: зачѣмъ крестить? Мы всѣ крещены, а живемъ хуже некрещеныхъ. Крестились, а грѣхъ дѣлаемъ, —какая польза отъ энтюго?... И бросилъ крестить.

Такъ мало-по-малу отрѣшался Сютаевъ отъ установленій православной церкви, такъ шагъ за шагомъ шло его отпаденіе отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Хотя официально онъ по-преж-

нему продолжалъ числиться въ средѣ вѣрныхъ сыновъ гостствующей церкви, но сердцемъ онъ уже далече отстоялъ от нея; въ этомъ сердцѣ все сильнѣе и сильнѣе назрѣвало чувство полнаго неудовлетворенія, — назрѣвало по мѣрѣ того, какъ одѣлялись его альтруистическіе порывы, какъ постепенно вращалась его мысль. Связь порывалась... Достаточно было самаго значительнаго повода, чтобы вызвать его на окончательный разрывъ съ церковью, отъ которой, ему казалось, вѣяло холодною мертвою формою. И действительно, за поводомъ дѣло не ста-

— На праздникѣ это было, — рассказывалъ Сютаяевъ. — Священникъ по дворамъ съ крестомъ ходилъ. Пришелъ къ намъ въ избу. Посадили его въ большой уголъ и стали спрашивать. Можетъ онъ, по праздничному дѣлу, хмѣлень былъ, только ни синя пороху не могъ мнѣ рассказать — какъ, што... Стали спрашивать его о крещеніи спрашивать: «Какого ишо, говорить, тебѣ крещенія нужно? Палкой окрестить тебя, што-ли?» — Я ему резонно говорить сталъ... — «Зналъ бы, говорить, въ купели тебя упили». И почалъ браниться, — всячески называлъ: и дьявола и чортомъ... Я все молчу... Какъ пересталъ браниться, я ему говорю: «Батюшка! объясни ты мнѣ ишо одно мѣсто, и чюму изъ Посланія къ Евреямъ...

И Сютаяевъ прочелъ 11-й стихъ 10-й главы Посланія къ Евреямъ: «И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи многократно приноситъ однѣ и тѣ же жертвы, которыя когда не могутъ истребить грѣховъ».

— О чемъ, говорю, тутъ сказано? О какихъ жертвахъ? о причастіи ли молъ? — и даю ему въ руки Евангеліе.

Онъ взялъ, прочиталъ, да ка-акъ швархнетъ его на полъ прямо подъ порогъ. — «Яйца курицу не учать!» — говорить...

— Страхъ меня взялъ... — «Што ты, батька, надѣлалъ? говорю... А-я-я-я, грѣхъ какой!.. Вѣдь этто ты слово Божіе Вѣдь оно у тебя въ алтарѣ стоитъ, на престолѣ... этто самъ только што корешокъ въ бархатѣ... Тагъ-то ты почитаешь Христовы слова!... Ну, говорю, съ энтихъ поръ я тебя не приишь!... Не учитель ты, а прямо сказать — волкъ! Слѣпецъ!... слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ... Не надо и тебя!...»

До сихъ поръ Сютаяевъ не можетъ говорить объ этомъ покойно до сихъ поръ въ голосѣ его слышится сильное волненіе каждыиъ разъ, какъ только заходитъ рѣчь объ этомъ случаѣ изъ его жизни

— Съ этой самой поры и въ церковь пересталъ ходить, все бросилъ...

Такъ постепенно совершилось отпаденіе Сютаева отъ церкви. Ни пашковцы, ни штундисты не играли тутъ ровно никакой роли. Сютаевъ оставилъ ѣздить въ Питеръ еще задолго до того времени, какъ Пашковъ впервые выступилъ на сцену въ качествѣ проповѣдника; онъ ни разу не былъ на его проповѣдяхъ и собраніяхъ. Затѣмъ ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ мѣстахъ распространенія штунды Сютаевъ также никогда не бывалъ и ни съ однимъ изъ штундистовъ никогда не встрѣчался. Только годъ тому назадъ узналъ онъ о существованіи на свѣтѣ штундистовъ: сыновья его прислали ему изъ Питера нѣсколько нумеровъ газетъ, въ которыхъ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія о штундистахъ. Онъ читалъ эти газеты и ему очень понравилось ученіе штундистовъ.

— Съ нами сходственны, — говоритъ онъ объ ученыхъ младостунды. — Все праведно, все истинно!

Итакъ, потерявъ надежду добиться съ помощію церкви и ея служителей отвѣтовъ на тѣ сомнѣнія, которыя терзали и мучили его душу и которыя въ сущности сводились къ вопросу о томъ, «какъ намъ добрыми быть, какъ намъ лучшими быть», — Сютаевъ окончательно порываетъ съ церковью и съ ея пастырями, полная нравственная несостоятельность которыхъ во-очію раскрылась передъ нимъ. Съ этихъ поръ онъ уже болѣе не обращается къ нимъ ни за совѣтами, ни за разъясненіями. Онъ еще болѣе, чѣмъ прежде, углубляется въ «писаніе», вникаетъ въ него, и одинъ, самъ съ собою, обдумываетъ вопросъ, который всецѣло овладѣваетъ его сердцемъ, его головой: «какъ сдѣлать, чтобы грѣшники не грѣшили, воры не воровали?»

Результатомъ этого «вниканія» и чтенія, этихъ думъ и размышленій была теорія «общей жизни». Увѣрившись, что это именно то, о чемъ онъ такъ долго и такъ страстно мечталъ, Сютаевъ рѣшилъ немедленно же оповѣстить о своемъ открытіи всѣхъ своихъ «ближнихъ». Это дѣлалось не изъ тщеславія, а единственно потому, что онъ считалъ себя не въ правѣ скрывать отъ людей открытіе, съ помощію котораго, какъ онъ глубоко вѣрилъ, неминуемо должны были водвориться на землѣ и правда, и любовь, и братство. Онъ просилъ своихъ односельцевъ собраться всѣмъ вмѣстѣ. Приемъ, употребленный имъ для убѣжденія своихъ слушателей, чрезвычайно оригиналенъ. Дѣло происходило такъ.

Когда всё собрались, Сютаевъ, обратившись къ одному стоявшихъ подлѣ него мужиковъ, спросилъ:

— Ты, Никита Ивановъ, воръ?

Всѣ не мало удивились такому вопросу, такъ какъ всѣ знали Никиту за хорошаго, честнаго мужика.

— Пока Богъ миловаль, — отвѣчалъ Никита.

— А ты—воръ?—обратился Сютаевъ къ другому сосѣду

— Избави Господи! — отвѣчалъ тотъ.

— А ты какъ, воръ? — спрашивалъ Сютаевъ слѣдующи
Но и тотъ оказался тоже совсѣмъ не воромъ. Такимъ образомъ всѣхъ переспросилъ Сютаевъ и ни одного вора не оказалось.

— И я тоже не воръ, — въ свою очередь заявилъ Сютаевъ окончивши опросъ. — Всѣ мы, выходить, не воры, — продолжалъ онъ, — зачѣмъ же мы живемъ хуже воровъ? Зачѣмъ у насъ зачѣмъ запоры? Отъ кого это мы запираемъ, коли всѣ не воры?... Зачѣмъ у насъ сторожа, зачѣмъ загороды?... Зачѣмъ у насъ межи, али опять участки?... Зачѣмъ мы всякій прудъ раздѣливши?... И пошелъ, и пошелъ.

Нарисовавъ картину всѣхъ тѣхъ не порядковъ, какими, по мнѣнiю, избилуетъ современная жизнь людей, онъ вслѣдъ тѣмъ торжественно указалъ на средство исцѣленiя отъ всѣхъ тѣхъ недуговъ, что удручаютъ людскую жизнь. Мы уже знаемъ въ чемъ именно состояло это средство, а потому я не буду приводить здѣсь его рѣчей, обращенныхъ къ его односельца. Скажу только, что эти рѣчи заставили многихъ изъ нихъ вѣрно задуматься.

Мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться, что у Сютаевъ слово не расходится съ дѣломъ. Разъ онъ убѣдился, что крещенiя «пользы нѣтъ», онъ немедленно же перестаетъ крестить своихъ дѣтей, нисколько не заботясь о тѣхъ послѣдствiяхъ, которыя неминуемо должно было повлечь за собою такое рѣшенiе. Убѣдился онъ, что всякаго рода погребальныя обряды—люди «дустая» выдумка, и онъ тотчасъ же отрѣшается отъ этихъ обрядовъ, тотчасъ же перестаетъ слѣдовать имъ, совершенно пренебрегая тѣми преслѣдованiями, которыя обильнымъ дождемъ сыплются на него за столь дерзкое нарушенiе обычая, всѣми ненаятаго, всѣми исполняемаго. Рѣшилъ онъ, что война — грѣхъ «неправда», и вотъ онъ радъ, когда его родной, любимый сынъ открыто, смѣло заявляетъ, что его языкъ не повернется для слова клятвы, въ которой говорится о «пролитii крови человѣческой»

«рука» его не прикоснется къ оружію; его не смущает даже мысль о томъ, что это геройство дорого обошлось его любимцу. Къ отъ всего сердца «жалѣть» его, какъ сына, а въ душѣ рдится имъ; какъ гордится учитель своимъ достойнымъ, славимъ ученикомъ. Рѣшилъ Сютаевъ, что торговля—грѣхъ, что всякаго рода «прибытокъ», «капиталъ»—тоже грѣхъ, и вотъ онъ юсаетъ торговлю, раздаетъ нищимъ деньги, вырученныя не только отъ этой торговли, сколько добытыя тяжелымъ, упорнымъ, истиннѣ кровавымъ трудомъ каменотеса, рветъ въ клочки вѣкъ, оставшіеся отъ торговли.

Съ тою же самой послѣдовательностью относится Сютаевъ и въ вопросу о реализаціи идеи «общей жизни». Проникшись этой идеей, онъ прежде всего спѣшитъ по возможности провести и ривѣнить ее въ своей жизни. Началъ онъ съ того, что снялъ сніе запоры съ воротъ и калитки, снялъ отовоюду замки и заросилъ ихъ, открылъ влѣтъ, открылъ амбары и сарай, перекралъ городить «загороды». Затѣмъ онъ принялся всюду проповѣдывать эту идею. Ему удалось даже устроить цѣлую братскую общину, основанную на общеніи имущества и труда во имя христіанской любви;—общину, о судьбѣ которой мы уже упоминали въ началѣ настоящаго очерка и о которой когда-нибудь впоследствии мы поговоримъ подробнѣе. Въ это же время Сютаевъ оставилъ всякія занятія по хозяйству и сдѣлался пастухомъ «обчаго скота». У Сютаева начались покражи. Долгое время онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Какъ относился онъ къ этимъ покражамъ, можно видѣть, наприимѣръ, изъ слѣдующаго случая:

Однажды черезъ Шевелино проходила какая-то женщина. Остановилась она у Сютаева. По обыкновенію, ее накормили, напоили и уложили спать. Поутру она встаетъ и видитъ, что влѣтъ стоитъ не запертою, амбары не заперты, сундуки безъ замковъ. Открыла она сундукъ и видитъ платья женскія, платки, юбки,—соблазнилась. Вынула юбку, еще кое-что, завязала все это въ «жгулёкъ» (узель), а затѣмъ тихонько вышла изъ дому и направилась черезъ поля. Но на поляхъ, какъ на грѣхъ, былъ народъ; видятъ—идетъ незнакомая баба, несетъ жгулёкъ съ пестрымъ платьемъ и все оглядывается. Ее заподозрили, спросили, «гдѣ ночевала»,—и когда узнали, что она ночевала у Сютаева, то подозрѣнія еще болѣе усилились, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что у Сютаева все открыто, все «настежь», не заперто. Потребовали, чтобы баба съ жгулёчкомъ вернулась и дошла съ.

ними до Сютаева, съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости ея словъ, но баба не хотѣла этого сдѣлать и попыталась бѣжать; тогда ей связали руки и повели въ деревню, къ Сютаеву. Привели. Кража обнаружилась. Приходить Сютаевъ и говорить:

— Зачѣмъ это вы ей руки-то связали?

— Не воруй!—говорятъ.—Для того воровъ и вяжутъ, чтобы не воровали.

Сютаевъ посмотрѣлъ на всѣхъ, покачалъ головой и говоритъ:

— А мы-то сами кто такіе?... Посмотрите на себя-то,—развѣ мы не воры?

— На судъ ее представить... Тамъ разберутъ.

— Зачѣмъ на судъ?—возражаетъ Сютаевъ.—Судъ въ острогѣ посадить... А окромя этого судъ ничего не подѣлаетъ. Будетъ она сидѣть,—какая польза отъ этого?... Кабы у насъ все общее-то было,—не было бы у насъ тогда воровъ и судъ былъ бы тогда обчій и не такой... не то, чтобы въ заключенье, и—шабашъ!

— Да ты ей хоть по шеѣ-то наклади, чтобы она на предъ будущее время опаску имѣла,—совѣтуютъ Сютаеву.

Жена Сютаева, Марѳа, разбираетъ жгулѣкъ и ворчитъ:

— Ишь какія воровки ходятъ!... Ихъ кормятъ, поятъ, а онѣ только и глядятъ, какъ бы стащить што...

— Полно, Марѳа, браниться,—говоритъ Сютаевъ,—дай ей лучше обѣдать... Накорми и пусть себѣ идетъ съ Богомъ.

Время шло, а кражи изъ двора и дома Сютаева не только не прекращались, а наоборотъ—все усиливались. Чаще всего ворами являлись прохожіе, странные люди; затѣмъ свои шевелинскіе ребята, молодые парни изъ числа не принадлежащихъ къ братской общинѣ, тащили хлѣбъ изъ сютаевскихъ амбаровъ каждый разъ, когда у нихъ являлось желаніе выпить или опохмѣлиться. Въ концѣ концовъ эти кражи заставили Сютаева вернуться къ замкамъ и запорамъ. Но онъ и теперь признаетъ эти порядки не нормальными, сильно тяготится ими и скорбитъ сердцемъ объ уступкѣ, которую вынужденъ былъ сдѣлать.

— Открылъ клятъ,—говоритъ онъ,—меня кругомъ обокрали. Должонъ былъ замки повѣсить... Идите за мной, сичасъ все отопру, всѣ замки заброшу...

Эта неудача однако не прошла для Сютаева даромъ,—онъ извлекъ изъ нея полезный урокъ. Благодаря этой неудачѣ, онъ убѣдился, что отдѣльныя, единичныя попытки переустройства

вни на новыхъ началахъ правды и любви не могутъ привести желанной цѣли, если вся окружающая жизнь будетъ по-прежнему оставаться на тѣхъ же самыхъ устояхъ неправды, злобы, йма», «капитала» и т. п. Теперь онъ мечтаетъ о томъ, что устроить новую «общую» жизнь въ цѣлой деревнѣ, въ цѣль селѣ или въ поселкѣ—въ Шевелинѣ, въ Удальцовѣ, или какомъ-нибудь другомъ—это все равно, но, главное, непременно такъ, чтобы *все* селеніе цѣликомъ вошло въ общину.

Несмотря на фіаско его братской общины, Сютаевъ и до сихъ поръ остается пастухомъ и ничѣмъ больше, хотя теперь ему придется пасти уже только свой собственный скотъ. У него много ста, онъ необыкновенно любитъ его, заботливо ходитъ за нимъ, лить его.

— Мнѣ ихъ жалко, сусѣдей своихъ,—говоритъ онъ,—вотъ къ жалко!... Ругаются промежъ собой, ругаются на животи-, на коней... Пашутъ, а сами на лошадь: «стерва», «прокля-я!»... Ахъ, вы мои желанные! Да какая же она стерва? Ка-я же она проклятая?... Господь даль, отъ нихъ питаемся... емниковъ нанимаютъ пастуховъ, на поруганіе имъ скотину даютъ... Пастуховъ надо выбирать добрыхъ, благочестивыхъ.

Односельцы просятъ его взять пасти и ихъ скотъ, предлага-ютъ ему за это жалованье.

— Не надо мнѣ вашего жалованья,—говоритъ Сютаевъ,— ; хочу я по жалованью... *Жалованье-то наемники берутъ...* *Строимъ жисть по Писанію*, чтобы все было общее, тогда въ радостью буду гонять весь вашъ скотъ безъ всякаго безъ алованья.

Стремленіе «устроить жисть» на новыхъ, справедливѣйшихъ ачалахъ, «по Писанію», «по Евангелію»—до сихъ поръ состав-ляетъ пламенную мечту Сютаева и въ то же время ученіе объ томъ устройствѣ является главнымъ догматомъ его «вѣры».

Меня не могъ, конечно, не интересоватъ вопросъ о томъ, какъ относится окрестное населеніе къ Сютаеву и его ученію. Проѣздя по сосѣднимъ деревнямъ, встрѣчаясь съ мужиками и ба-ами въ полѣ, посѣщая ихъ избы и принимая ихъ у себя въ ачества гостей, за безконечнымъ чаепитіемъ я, такъ или иначе, юти всегда наводилъ разговоръ на Сютаева.

Извѣстная часть населенія относится къ Василью Кириллову трицательно; изъ нихъ одни глядятъ на него такъ сказать свы-

сока, другіе—съ насмѣшкой. Это большею частію наиболѣе богатые, наиболѣе зажиточные или же «полированные» люди. Припоминая ихъ отзывы о Сютаевѣ, я убѣждаюсь, что этихъ людей всего болѣе возмущаетъ то обстоятельство, что вотъ, дескать, простой, сѣрый мужичонко, безъ капитала, безъ достатка, даже безъ «полировки», какую гордыню забралъ въ свою голову, что считаетъ себя умнѣ всѣхъ—и архіереевъ, и начальниковъ разныхъ, и митрополитовъ и т. д., никому не вѣрить, никому не покоряется...

Другіе говорятъ Сютаеву:

— Ты все толкуешь, все толкуешь, а дѣловъ у тебя настоящихъ нѣтъ. Ты возьми да сотвори чудо, тогда мы тебѣ повѣримъ. Коли ты святой, вотъ тебѣ рѣка, перейди ее, тогда мы тебѣ повѣримъ.

— Онъ Библии начитался, а вѣдь это такая книга, что подольше почитать ее, такъ, пожалуй, все бросишь,—даже, говорить, нѣкоторые разсудкомъ мѣшаются... Мы ему смѣемся, говоримъ: ужь ты лучше брось трудиться, *живи дуломъ!*... Ступай въ пустыню...

Но рядомъ съ этимъ можно встрѣтить и такихъ людей, въ которыхъ явно замѣчается склонность представить Сютаева святымъ человѣкомъ, угоднымъ Богу и находящимся подъ Его особымъ покровительствомъ.

— Много ли скота у Сютаева?—спросилъ я однажды молодую дѣвушку, сосѣдку Василья Кириллова.

— Много, — отвѣчала она.—Сколько уводили, уводили со двора, а все много. *Они* уводятъ, а Богъ ему невидимо даетъ, все больше да больше посылаетъ... Ворота ломали, съ укціона продавали, чуть-што не даромъ отдавали... Только хто и купить его скотъ—и тотъ не возрадуется... Борову купили повѣдскіе—пала, лошадь купили—охромѣла, ногу сломала... Извѣстно, ужь энто Богъ посылаетъ.

Приходилось мнѣ толковать о Сютаевѣ со старовѣрами. Тѣ чуть ли не больше всего удивляются урожаю Сютаева.

— Дивное дѣло,—говорятъ они:—Богу не молится,—навѣрное знаемъ, доподлинно знаемъ, што не молится, и креста не несетъ,—а хлѣбъ родится... Чуднде дѣло!

И они разводятъ руками съ видомъ полного недоумѣнія.

Обращался я за справками о Сютаевѣ и къ мѣстному начальству, къ сельскому старостѣ; здѣсь мнѣ пришлось выслушать самую лестную характеристику Сютаева.

— Василій Кирилловъ съ-роду не ругался, — сквернаго слова отъ него никто на вѣку не слыхиваль... Водкой въ жисть свою не напивался... Ото всего (худого) отбѣгаетъ... Всѣмъ, чѣмъ можетъ, помогаетъ... Странныхъ, прохожихъ завсегда принимаетъ, — никому отгаза нѣтъ... Первый, можно сказать, хрестьянинъ по всей деревнѣ! — такъ аттестовало Сютаева его ближайшее, непосредственное начальство.

Далѣе, на мои распросы о Васильѣ Кирилловѣ, слышались такіе отзывы:

— Какъ быть, ничего худого мы отъ него не видимъ... Добру учить.

— Все хорошо дѣлаеть. Одно худо: посты нарушилъ, иконы нарушилъ.

— Кабы онъ ишо сотворилъ постъ да молитву, его дѣло было бы правое.

— Кромѣ добра ничего отъ него не видимъ.

— Ежели бы такъ-то жить, какъ Сютаевъ-то, тогда бы и судовъ не надо.

ХІІ.

„Пропаганта“.

— И хто, это печатаеть, хто это составляетъ! — дивился бывало Сютаевъ, перебирая лежавшіе у меня въ чемоданѣ газеты, журналы и книги. — Обо мнѣ хто-то напечаталъ... Газету сынъ изъ Питера прислалъ... Самъ читаль: «Василій Сютаевъ» — такъ прямо и написано. Только одно понимаешь, а въ другомъ мѣстѣ совсѣмъ не поймешь. Все прочитаешь, и разъ, и другой прочитаешь, — написано много, а не поймешь... Отчего бы это такъ?... Вотъ въ которомъ мѣстѣ обо мнѣ было писано, одного слова не могу крѣпко понять, — што хошь дѣлай, не могу и — кончено!

— Какого слова?

— Стой ужо! — Онъ видимо припоминаль. — Да-да, вспомнилъ: «про...про-па-ганта», — этого самаго слова! Што оно такое? Обозначаетъ што, али такъ? Къ чему оно приведено?... «Про-па-ганта!..» Чудно! «Сютаевъ, — сказано, — пропагантой не занимается».

Я объяснилъ ему значеніе и смыслъ этого слова. Сютаевъ внимательно выслушалъ меня, подумалъ, а потомъ и говорить:

— А вѣдъ это слово неправильно.

— Какъ такъ? Почему неправильно?

— Потому я пропа-гантой занимаюсь. Нельзя безъ этого, нельзя безъ проповѣди, — никакъ невозможно! Надо проповѣдывать людямъ... Надо другъ другу научать. Безъ наученья ничего не будетъ.

По мнѣнію Сютаева, какъ мы уже видѣли, нужно не только проповѣдывать, но и проводить свое ученіе въ жизни; послѣднее какъ нельзя болѣе способствуетъ пропагандѣ ученія. Съ цѣлью доказать справедливость этой мысли, онъ рассказалъ мнѣ слѣдующій дѣйствительно поучительный случай.

Незадолго до моего пріѣзда въ Шевелино, къ нему явился одинъ отпускной солдатъ изъ деревни М. В. (Новоторжскаго уѣзда). Солдатъ этотъ сообщилъ ему, что онъ служилъ рядовымъ въ г. Торжкѣ въ то время, какъ сынъ Сютаева, Иванъ, призывался къ отбытію воинской повинности. Сколько мнѣ помнится, этотъ солдатъ въ числѣ другихъ конвоировалъ Ивана Сютаева, когда этого послѣдняго препровождали въ Свеаборгъ. Какъ бы то ни было, но онъ вволю наслушался рѣчей молодого Сютаева о необходимости новаго «устройства» жизни съ общимъ имуществомъ и общимъ трудомъ. Эти рѣчи какъ нельзя болѣе пришлись ему по душѣ, запали въ сердце. Вернувшись въ отпускъ, домой, въ деревню М. В., солдатъ началъ рассказывать своимъ роднымъ и односельцамъ все то, что онъ слышалъ отъ Ивана Сютаева. Родной братъ его, крестьянинъ деревни М. В., «еще крѣпче ухватился» за слова и ученіе Сютаева; ему еще болѣе, чѣмъ его брату-солдату, пришлась по душѣ мысль объ устройствѣ «общей жизни». И вотъ онъ начинаетъ просить своего брата, чтобы тотъ сходилъ въ Шевелино, розыскалъ тамъ отца Ивана Сютаева и предложилъ бы ему такую дилемму: не хочетъ ли онъ, Сютаевъ, переѣхать со своей родней и всѣми единомысленными къ нимъ, въ М. В., чтобы устроить «жисть сообча», «безъ дѣлежа и найма», или же, въ противномъ случаѣ, они, братья, бросятъ М. В. и переѣдутъ со своими семействами къ нему, Сютаеву, въ Шевелино, чтобы тамъ зажить братской общиной. Вотъ съ этимъ самымъ порученіемъ и приходилъ къ Сютаеву, не задолго до моего пріѣзда, солдатъ изъ М. В.

— Что-жь ты сказалъ солдату?—спросилъ я.

— Сказалъ, штобы на Петровъ день намъ безпремѣнно съѣхаться всѣмъ вмѣстѣ, штобы потолковать да рассудить все хорошенько... А тамъ—што Богъ пошлетъ!...

— Ну, а покоришься сынъ,—продолжалъ подумавши Сютаевъ,—ничего бы этого не было. Сходи онъ къ присягѣ, возьми ружье и руки,—ничего бы этого не было. А теперь, вишь, слухъ пошелъ, разговоръ пошелъ, пересуды, въ газетахъ пишутъ... И такъ оно такъ и будетъ переходить другъ отъ дружки, а тамъ, глядишь, и соберутся вси вѣрующіе вмѣстѣ и устроятъ жисть по писанію, заведутъ все общее и не будетъ никого нуждающагося!

Сютаевъ замолчалъ. Молчалъ и я, обдумывая его рѣчь. Только другъ въ избѣ раздается:

— А сыну-то, чай, за рѣшетками невесело!

Это замѣчаетъ сосѣдъ Сютаева, присутствовавшій при разговорѣ. Въ тонѣ, какимъ брошено это замѣчаніе, слышится явное желаніе уколоть разскащика. И дѣйствительно, цѣль достигнута: Сютаевъ, точно уколотый, вскидываетъ голову, пытливо, пристально смотритъ въ глаза сосѣда и—скорбная, горькая усмѣшка вѣстится въ чертахъ его маленькаго, точно скомканнаго въ кофичикъ, лица.

— Спасителя-то, другъ, — проговорилъ онъ послѣ длинной паузы,—живаго на крестѣ распяли, гвоздемъ приколачивали, по живому тѣлу, копьемъ ребро прободали.

Весьма интереснымъ вопросомъ представляется вопросъ о численности послѣдователей Сютаева. Я уже говорилъ, что слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, производившій слѣдствіе по дѣлу о возникновеніи этой секты, опредѣляетъ число послѣдователей Сютаева въ 1.000 человекъ. Могу съ увѣренностью утверждать, что цифра эта черезчуръ преувеличена,—въ дѣйствительности сютаевцевъ можно считать только десятками. Другое дѣло, если говорить о всѣхъ сочувствующихъ новому ученію, о всѣхъ, кто признаетъ это ученіе «правымъ»,—такихъ можно встрѣтить въ самую густую кучу среди населенія окрестныхъ деревень. Но дѣло въ томъ, что сютаевцы только тѣхъ считают своими, кто на самомъ дѣлѣ стремится устроить свою жизнь сообразно тому идеалу, который они выработали и который считают своимъ долгомъ проповѣдывать вездѣ и всюду. Наконецъ многихъ изъ тѣхъ, которые желали бы открыто присоединиться къ «Сютаевской вѣрѣ», удерживаетъ страхъ предъ гоненіями и преслѣдованіями со стороны властей.

— Многие есть такіе, что на дорогѣ стоятъ познать Христа,—говоритъ Сютаевъ,—и познаютъ другіе; но чтобы исполнить—не могутъ.

— Отчего же?

— Гониму быть не могутъ... Страшатася!

Во время моего пребыванія въ Повѣдской волости, многіе изъ послѣдователей Сютаева находились въ отлучкѣ, въ Питерѣ, на работахъ, поэтому я не имѣлъ, разумѣется, возможности видѣться съ ними. Затѣмъ, — по мотивамъ, понятнымъ, надѣюсь, для каждаго, — я не называю здѣсь и тѣхъ изъ его послѣдователей, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться лично. Единственное исключеніе я сдѣлалъ для Ильи Иванова, и то только потому, что о немъ, какъ я упоминалъ въ началѣ этого очерка, уже возбуждено дѣло мѣстной администраціей. Что же касается до самого Сютаева, то о немъ уже давно прокричали всѣ газеты, да наконецъ и самыя власти давно и хорошо знаютъ его, такъ какъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ постоянно судится, постоянно привлекается къ слѣдствіямъ и дознаніямъ и даже въ настоящее время состоитъ подъ судомъ за уклоненіе въ ересь. Мнѣ могутъ возразить на это, что мой откровенный рассказъ объ ученіи и стремленіяхъ Сютаева если и не отразится на его судьбѣ въ видѣ какой-нибудь экстраординарной крутой мѣры, то во всякомъ случаѣ можетъ заставить судъ и власти строже, суровѣе отнестись къ этому человѣку. Въ отвѣтъ на такое возраженіе я попрошу пробѣжать нижеслѣдующія строки.

Узнавши о томъ, что я пишу въ журналахъ и газетахъ, Сютаевъ не только не сдѣлался скрытнѣе и сдержаннѣе по отношенію меня, но, совершенно напротивъ, видимо еще болѣе расположился въ мою пользу, сдѣлался еще болѣе откровеннымъ и словоохотливымъ со мною. Онъ не только съ полной охотой далъ мнѣ разрѣшеніе описать его ученіе, но даже нѣсколько разъ самъ настойчиво просилъ меня объ этомъ. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить его, что опубликованіе его ученія можетъ навлечь на него серьезныя непріятности и даже, быть-можетъ, строгія преслѣдованія со стороны или мѣстныхъ властей, или духовенства. Но обыкновенно онъ не давалъ мнѣ договорить объ этомъ и каждый разъ съ жаромъ перебивалъ меня:

— Пустое, все это пустое!... Сказано въ Писаніи: «и погонять тебя изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и поведутъ тебя къ царямъ и правителямъ...» Ну, и пусть гонять, пусть гонять!... Я не боюсь, ни капельки не боюсь!... Я радъ буду. Меня куда хотите возьмите!... А ты, Александръ, ужь сдѣлай такую милость, опиши...

Иногда, послѣ своихъ длинныхъ рѣчей о «добрыхъ и злыхъ властяхъ» или безконечныхъ толковъ объ «обчей» жизни всѣхъ людей въ мирѣ и любви,—онъ вдругъ смолкалъ и замѣчалъ мнѣ:

— Я все думаю: помоги тебѣ, Господи, все это написать, чтобы вычитывать потомъ...

Разъ какъ-то онъ, увидавъ у меня въ чемоданѣ оттиски моихъ статей о сектантствѣ, началъ просить ихъ прочесть. Я далъ ему статью о значеніи сектантства, предупредивши, что вѣроятно многое въ этой статьѣ останется непонятнымъ для него. Дня два онъ разбиралъ эту статью, многого, разумѣется, совсѣмъ не понималъ, но онъ все-таки съумѣлъ вычитать въ ней двѣ вещи, которыя необыкновенно понравились ему: это именно ученіе штундистовъ и особенно жизнь общихъ.

— Ну,—сказалъ онъ придя послѣ этого ко мнѣ,—вижу, ты можешь произвести... Ахъ, какъ оно пишется, какъ оно пишется!... Кабы вы пріѣхали, да этакъ передъ народомъ почитали... Ахъ, вѣдь оно видно, видно... ахъ! Обчье-то, а-я-я!... Жизнь-то какая у нихъ!... Ужъ тутъ не куда украсть!... Нѣтъ, братъ, не куда! Да и не къ чему ужъ будетъ,—у *всѣхъ* изобиліе будетъ.

Съ этихъ поръ онъ все чаще и чаще началъ обращаться ко мнѣ съ просьбой описать его ученіе.

— Соверши-ка хорошую газету, Александръ,—говорилъ онъ,—чтобы вси познали истину!...

На слова Сютаева о необходимости проповѣдывать ученіе «обчей жизни», любви и мира, православные его собесѣдники нерѣдко указываютъ ему на то, что подобнаго ученія «власть не потерпитъ».

— Затѣснять,—говорятъ они ему.

— Затѣснять?—переспрашиваетъ Сютаевъ и задумывается.—Этто точно, бываетъ,—говоритъ онъ подумавши.—И у насъ здѣсь были допрежъ люди, въ Соснинкѣ жили, по чугункѣ... Народъ стали учить... Што-жь бы ты думалъ?—заслали вѣдь, да-алече угнали!...

Онъ не могъ мнѣ хорошенько рассказать, чему именно учили эти засланные люди; но изъ его словъ было ясно, что это были какіе-то сектанты.

— Да, заслали,—говоритъ Сютаевъ.—Только надо проповѣдывать, надо научать!... «Собирайтесь и толкуйте Евангеліе», сказано въ Писаніи... Ежели берутъ кого и угоняютъ,—продолжаетъ онъ,—не разсмотрѣвши, кого бы, кого бы, и все это—неправда!... Теперь опять въ острогъ берутъ: сидитъ тамъ,—во-

ромъ выходить оттуда пуще того... Ни одинъ не выйдетъ, шибче бы лучше, а все хуже... Пользы нѣтъ никакой... А сажаютъ все сажаютъ... Высшняя власть, коли она добрая-то, должна этакъ дѣло разсмотрѣть...

— Люди говорятъ про-тебя, што ты по сютаевской вѣрѣ пріѣхалъ... Говорятъ мнѣ: угонять тебя, Василій, возьмутъ...

— Что-жь ты, думаешь объ этомъ?—спрашивалъ я.

— Я не боюсь осужденія (суда). Говорятъ, въ ссылку угонять, въ острогъ запрутъ,—не боюсь. Я боюсь только одну душу загубить. «Въ арестантскія роты тебя»; говорятъ мнѣ люди...

— Чего-жь вы боитесь, ребята? Вѣдь и тамъ люди такіе же. Мало ли загнавши людей!... Иду я вечеръ въ кузницу, мужичкомъ встрѣлся знакомый. Остановились.—«Васъ, говоритъ, этакихъ то, слышно, угонять... Въ одно мѣсто будутъ собирать, на Казань, на поселеніе». — Ну, што-жь, говорю, угонять, такъ ладно. Богъ и тамъ все одинъ. И тамъ люди... Я и тамъ буду то же говорить... И тамъ газеты есть,—будемъ вычитывать. Ребята!—говорю,—што это вы обо мнѣ-то все толкуете, вы себѣ-то поговорите... А я не страшусь!... Вотъ скажите мнѣ: закупаемъ тебя 'въ яму живаго,—не утравшусь!... Пусть гонятъ. Это и должно... Я жду!... Берите меня,—я страдать хочу!...

Наступило время моего отъѣзда изъ Шувелина. Сютаевъ предложилъ довести меня до Торжка на своихъ лошадяхъ. Я принялъ это предложеніе, но спросилъ его, что это будетъ стоить. Мой вопросъ далъ Сютаеву поводъ еще разъ распространиться о томъ, какой грѣхъ, какое зло наниматься, продаваться, брать деньги и т. д. Онъ увѣрялъ меня, что ему предстоитъ какая-то надобность побывать въ Торжкѣ, а потому я не долженъ ничего платить ему; въ заключеніе же онъ на-отрѣзъ отказался брать съ меня деньги. Но когда я съ своей стороны категорически объявилъ ему, что не поѣду съ нимъ, если онъ не возьметъ съ меня платы,—Сютаевъ съ видимой неохотой предоставилъ мнѣ право опредѣлить эту плату, замѣтивши, что для него «чѣмъ меньше получить, тѣмъ лучше».

Рано утромъ пара крѣпкихъ сютаевскихъ лошадокъ вывезла насъ изъ Шувелина. Еще съ вечера испортилась погода, цѣлую ночь шелъ дождь; дорога размякла, колеи наполнились водою; неподкованныя лошади скользили по глинистой почвѣ и наша тележка чуть-чуть подвигалась впередъ. А дождь не утихалъ ни въ

минуту: онъ то сѣлся и моросилъ мелкой водяною пылью, то разражался страшнымъ ливнемъ. Укрытые съ головы до ногъ армягами и полостью, неподвижно сидѣли мы въ телѣгѣ. Черезъ туманъ и дождевую сѣтку скудная природа Тверской губерніи казалась еще болѣе сѣрой, бѣдной, невзрачной... Вдали, черезъ туманъ, показалась какая-то деревнюшка.

— Что это за деревня?

— Ямъ прозывается, — отвѣчалъ Сютаевъ. — Чудная деревня! Тутъ почитай што всѣ перебойкой занимаются...

— Какой перебойкой?

— Муку перебиваютъ. Скупаютъ въ Питерѣ гнилую да подмоченую муку, сушатъ ее, а потомъ за хорошую продаютъ... Много грѣха тутъ! Только они энтимъ издавна живутъ. Сами энтимъ питаются да и дѣтей своихъ тому же научаютъ... Такъ зло и идетъ изъ рода въ родъ.

И помолчавши нѣкоторое время, онъ добавилъ:

— Потомъ, со временемъ, ничего энтото не будетъ... Коли любовь будетъ, то ужъ обману не бывать... Тогда и гнилой-то муки не будетъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы проѣзжали черезъ какое-то большое село. Длинными рядами тянулись маленькія, жалкія крестьянскія избы; среди ихъ рѣзко выдѣлялись два-три дома, выстроенные на городской ладъ, обитые тесомъ, ярко раскрашенные, съ разрисованными ставнями.

— Чьи это дома? — спросилъ я.

— Энти? — Богачей, міроѣдовъ, кулаковъ, по-нашему.

Онъ поправилъ возжами веревочную шлею на пристяжной и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ, старательно подчеркивая слова:

— *Тогда* у всѣхъ такіе дома будутъ.

Я притворился, что не понимаю его намека, и переспросилъ, когда это *тогда*.

— А когда устройство будетъ... Когда все обчее будетъ... Вотъ когда!... А теперъ богачъ-то на бѣднаго и глядѣть не хочетъ... Я имъ говорю, богачамъ-то: забыли, что Христось вьюношѣ сказалъ?... Смотрите, говорю! Капиталы васъ не спасутъ, а только пушке загубятъ...

Сютаевъ глубоко, всѣмъ сердцемъ, вѣрить въ то, что «устройство» рано или поздно непременно водворится на землѣ... Нѣкоторое время мы ѣхали молча. По лицу Сютаева, сидѣвшаго рядомъ со мною, было видно, что онъ обдумывалъ что-то.

— Энто такъ не пройдетъ!—съ увѣренностью сказалъ онъ.—
Бога ли, да' будетъ.

На этотъ разъ я уже не переспрашивалъ его, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «энто»... Въ Торжокъ мы пріѣхали въ черомъ, часовъ въ пять. Остановились въ домѣ какой-то мѣщанки, которая «пускаетъ проѣзжающихъ». Цѣлый вечеръ мы провели вмѣстѣ съ Сютаевымъ, вмѣстѣ ходили по городу; дѣлали закупки; вернувшись домой, пили чай.

— Послѣдній разокъ съ тобой чайку напитокся,—говорилъ Сютаевъ, разливая чай на блюдечко.—Можетъ и вѣкъ не видать ся...—И въ голосѣ его слышалось глубокое, искреннее чувство.

Мы начали говорить о томъ, какъ бы намъ повидаться зимой. Я приглашалъ его пріѣхать въ Москву, куда я рассчитывалъ вернуться къ зимѣ.

— Не пожалѣлъ бы ничего, пріѣхалъ къ тебѣ... Если денегъ не будетъ,—въ долгъ залѣзу, а пріѣду,—говорилъ Сютаевъ. Его мягкая, привязчивая натура такъ и сквозила въ этихъ словахъ.

Приближался часъ отхода поѣзда. Нужно было спѣшить.

— Не опоздай, смотри,—замѣтилъ Сютаевъ.—Давай я чебдань—отъ завяжу...

— Ну, прощай, Василій Кирилловичъ!—сказалъ я и схватилъ его руку.—Прощай! Не поминай лихомъ. Помоги тебѣ Богъ на твою правду.

Старикъ расчувствовался.

— Прощай,—заговорилъ онъ надтреснутымъ, фибрирующимъ голосомъ,—прощай!... Да, надо выискивать правду... Выискивать истину, Александръ!... Выискивай правду,—правду, чтобы всѣмъ было жить хорошо на землѣ... И дай тебѣ, Господи!... Дай тебѣ, Боже!...

Въ голосѣ его слышались слезы. Я видѣлъ, какъ губы его складывались въ трубочку, а шея вытягивалась впередъ. Мы обнялись и поцѣловались. Онъ еще разъ поклонился, еще разъ сказалъ: «прощай»—и, неуклюже повернувшись, направился къ дверямъ. Какъ-то особенно неловко, медленно переступилъ онъ высокий порогъ большими, грязными сапогами, но въ дверяхъ снова остановился и, обернувшись ко мнѣ, проговорилъ несвязнымъ, разтроганнымъ голосомъ:

— Надо дознаваться, придетъ ли Спаситель!

Это были его послѣднія слова...

Москва.

10 ноября 1881 г.

А. Пругавинъ.

Черкъ внутренняго управленія въ Россіи, начиная съ московскаго періода *).

I.

Великія реформы прошлаго царствованія совершенно измѣнили строй нашего внутренняго управленія и указали ему задачи, болѣе сообразныя съ духомъ времени и потребностями страны. Но съ эти реформы подлежатъ дальнѣйшему развитію. Въ этомъ смыслѣ правительство занято въ настоящее время, какъ извѣстно, преобразованіемъ губернской и уѣздной администраціи, или, другими словами, существующаго значенія губернаторской власти и уѣздныхъ учреждений; а потому мы находимъ благовременнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ важномъ вопросѣ.

Всякое преобразование, чтобъ явиться на свѣтъ производительнымъ и устойчивымъ, должно вытекать непосредственно изъ требованій существующаго порядка вещей. Этотъ существующій порядокъ вещей въ свою очередь есть результатъ прошлаго, въ которомъ обнаружилась и живые историческіе элементы, выработанные народною жизнью, и ошибки, навязанныя этой жизни всякимъ неумѣстнымъ вліяніемъ, внѣшнимъ или внутреннимъ, исходитъ ли оно изъ неудачныхъ попытокъ правительства, или вызвано заблужденіями въ средѣ самого общества. Такимъ образомъ существенная задача всякаго преобразования состоитъ въ томъ, чтобы живые элементы отдѣлить отъ ошибокъ и, тщательно устраняя послѣднія, возможно широко и разумно воспользоваться первыми, положивъ ихъ въ основаніе задуманныхъ учреждений.

*) Пособіями при составленіи этой статьи служили: *Н. Хлѣбниковъ*. — «О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи», Спб. 1869 г., и *С. Петровскій* — «О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго». М. 1875 г.

Поэтому читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ, если мы съ этою цѣлью вкратцѣ возобновимъ въ ихъ памяти исторію нашихъ мѣстныхъ учреждений.

Большія государства обязаны своимъ происхожденіемъ закону Дарвина или торжеству сильнаго надъ слабымъ въ борьбѣ за существованіе. Общій ходъ ихъ сложенія таковъ: первоначальныя племена организуются въ маленькія общины, съ княземъ или старѣйшиною во главѣ и съ участіемъ всѣхъ свободныхъ взрослыхъ членовъ общины въ дѣлахъ суда и администраціи. Въчлѣнѣе управление болѣе болѣе, потому что отъ этого управления въ домосковскую эпоху, есть одна изъ самыхъ первоначальныхъ формъ, доступныхъ всѣмъ народамъ по своей легкости и цѣлесообразности. Изъ этихъ маленькихъ государствъ образуется большое государство, когда какой-нибудь болѣе воинственный изъ маленькихъ князей, пользуясь стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, успѣетъ завоевать разрозненные племена и составитъ изъ нихъ одно цѣлое. Когда совершился фактъ завоеванія, тогда начинается привилегированная централизація и постепенное усиленіе княжеской власти. Пренія самостоятельныя государства обращаются въ провинціи новаго государства и теряютъ значительную часть своихъ политическихъ правъ. Но первоначальныя князья не могутъ уничтожить участіе общества въ мѣстномъ управленіи и представляютъ его почти въ томъ же положеніи, какъ оно было въ моментъ завоеванія. Князья ограничиваются тѣмъ, что посылаютъ въ области своихъ представителей, намѣстниковъ, которые управляютъ областями съ участіемъ самого общества, причемъ въ этомъ управленіи преобладаетъ фискальный элементъ въ пользу центральной власти. Дальнѣйшая судьба сложившагося общаго государства бываетъ различная, смотря по характеру и составу преобладающаго племени въ моментъ завоеванія и по вліянію на народъ всѣхъ внѣшнихъ его сношеній съ сосѣдями. Чѣмъ централизація глубже проникаетъ въ народъ и чѣмъ ровнѣе она подавляющее нивелируетъ естественныя историческія особенности мѣстнаго быта, тѣмъ народная сила, проявляющаяся въ смѣлѣ, объединеніе и послушаніе, тѣмъ быстрее распространяются границы государственной области и борьба за существованіе повидимому идетъ успѣшнѣе. Но внутренній червь безсилія уничтоженной общественной самодѣтельности подтачиваетъ широко раскинувшееся государство, если оно во время не измѣнитъ своего строя, необходимаго въ моментъ сплочиванія,

но, вреднаго въ смыслъ постоянною цемента. Длиннымъ путемъ историческаго опыта человечество, пришло къ убѣжденію, что жизнь и ростъ, то-есть нормальное, здоровое развитіе, возможны только при сохраненіи общественнаго самоуправленія. Поэтому если народъ не осужденъ на гибель или старается избѣжать ея, то онъ такъ или иначе достигаетъ ограниченія, централизаціи и извѣстной доли участія въ управленіи страной.

Таковъ общій путь историческаго развитія и часть его прошла наша Россія. Ближайшая къ намъ централизація есть такъ-называемая *московская*. Оттого мы не будемъ говорить о мѣстномъ устройствѣ удѣльно-вѣчевой Руси: въ ту эпоху, отъ которой осталось такъ мало памятниковъ, сохранившихъ извѣстія весьма скудныя и не вполне разъясненныя, мѣстныя учрежденія не успѣли еще развиться и для немногосложныхъ дѣлей полусвѣдлага княжескаго управленія совершенно достаточно было нѣсколькихъ *судисъ*, у которыхъ находились въ завѣдываніи разныя отрасли администраціи. Слѣдовательно, удѣльно-вѣчевая Русь прямо отходитъ на задній планъ. Это тѣмъ естественнѣе, что московскій порядокъ, который сдѣлалъ Россію въ единое, самодержавно-управляемое государство, — уничтожилъ всѣ особенности областно-федеративнаго или земскаго строенія отдѣльныхъ частей удѣльно-вѣчевой Руси и положилъ начало своеобразному строю мѣстной администраціи, который сохранялся непрерывно до нашего времени. Москва начала съ того, что расширила въ присоединившихся къ ней княжествахъ мѣстное самоуправленіе: иначе и быть не могло, ибо этимъ только способомъ прежніе удѣлы могли быть привязаны къ новому центру. Прежде всего общины получаютъ право участія въ судѣ. Иванъ III запретилъ судить безъ сотскаго, дворскаго, старостъ и лучшихъ людей (въ Бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 года). Василий Ивановичъ далъ подобныя привилегіи Новгороду и Пскову. Судебникъ Ивана IV окончательно вводитъ вездѣ старостъ и лучшихъ людей и не дозволяетъ судить безъ ихъ участія. Вообще во второй половинѣ XVI вѣка городскія и сельскія общины значительно расширяютъ свои права. Общины, посредствомъ своихъ старостъ, участвуютъ въ раскладкѣ даней и повинностей; въ 1539 году онѣ получаютъ право суда и казни разбойниковъ, или такъ-называемое губное право *);

*) Любопытны мотивы передачи суда въ руки общины, приведенные въ грамотѣ 1539 года: „били есте намъ челомъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ и животы ваши разбиваютъ и

съ 1550 года общины получаютъ всю судебную власть въ свои руки, а должности намѣстниковъ и волостелей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно исчезаютъ. Но въ древней Россіи не было общей для всѣхъ администраціи и суда и большинство сельскихъ жителей поставлены были въ исключительное положеніе жалованными и торханскими грамотами. Такъ, крестьянъ, жившихъ на земляхъ вотчинниковъ, судили они сами, въ царскихъ подклѣтныхъ селахъ судили ключники, въ церковнымъ, монастырскихъ и архіерейскихъ имѣніяхъ—прикащики, поставленные духовнымъ начальствомъ, въ рыболовныхъ селеніяхъ—волостель-стольнича пути, въ бобровыхъ деревняхъ—ловчіе и т. д. Такимъ образомъ правительство давало самоуправленіе только *черносошнымъ* крестьянамъ. Грозный царь, подобно всѣмъ самодержцамъ, расширяющимъ свою власть посредствомъ quasi-демократическаго нивелированія, причемъ приносились въ жертву всѣ сословія и отдѣльныя личности, въ которыхъ зарождалось или могло зародиться малѣйшее стремленіе къ протесту противъ полного порабощенія общественнаго строя,—подобно первымъ цезарямъ, Людовику XI и пр., безъ всякой видимой причины ссылая и казнилъ бояръ, называя «измѣной» и «крамолою» исконное ихъ право предлагать свои услуги, въ качествѣ служилыхъ людей, излюбленному изъ русскихъ князей. За то Иванъ IV покровительствовалъ низшимъ сословіямъ. Для облегченія перехода крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому, Судебникъ въ точности опредѣляетъ уплату вознагражденія, или *пожилого*, прежнему владѣльцу. Зная, что всего легче терялась свобода посред-

грабятъ, и села, и деревни жгутъ, и по дорогамъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ и убиваютъ многихъ людей до смерти; мы къ вамъ посылаемъ обыщиковъ своихъ и отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы де съ вашими общины лихихъ людей-разбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика, а сами вы разбойниковъ межъ себя, безъ нашего вѣдома, обыскивать не смѣете“ (А. А. Э., т. I, № 187). Въ жалованной грамотѣ переяславскимъ рыболовамъ Иванъ Грозный говоритъ: «прежде этого мы, жалую нашихъ бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, давали имъ въ кормленіе города и области, но мы постоянно получали челобитныя, что наши намѣстники и волостели, сверхъ нашего жалованья, чинятъ продажи и убытки великіе, отъ чего наши села и деревни приходятъ въ заустѣніе и оброки платятся не сполна. А наши намѣстники и волостели жаловались на посадскихъ и волостныхъ людей, что они имъ подя судъ не даются, не платятъ имъ кормовъ, а отъ этого между ними постоянныя тяжбы и поклены великіе. Вслѣдствіе этого мы, желая крестьянство освободить отъ всякихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отставили и за нихъ доходы мы приказали пооброчить волости деньгами“ (А. А. Э., т. I, № 242).

вомъ займа у богатыхъ, когда бѣднякъ оставался жить у кредитора для заработка процентовъ и такимъ образомъ постоянно тягивался, безъ надежды на освобожденіе,—Иванъ IV° положи-
тельно запретилъ должникамъ жить у кредиторовъ, прибавляя,
то въ противномъ случаѣ онъ не будетъ судить, еслибы долж-
ники что-либо украли у своихъ хозяевъ. Иванъ старался затруд-
нить поступленіе въ холопство, грозившее сдѣлаться обществен-
ною язвой. Профессоръ Градовскій говоритъ, что еслибы не было
зѣлостнаго права, то можетъ-быть большая часть крестьянства
шла въ холопы,—такъ туго и безпріютно приходилось уже тог-
да жить русскому человѣку среди его естественныхъ богатствъ.
Законодательство Ивана IV° всѣми силами борется противъ преж-
ней презумпціи, что всякій живущій у барина есть холопъ. Су-
бимъ Ивана IV° объявляетъ, что по тиунству, не холопъ безъ
полной и докладной грамоты; даже если рабъ дастъ на себя эту
грамоту, то дѣти его, рожденныя до рабства, остаются свобод-
ными. Право давать полныя и докладныя грамоты имѣли только
дѣлники съ судомъ боярскимъ, жившіе въ Новгородѣ и Псковѣ;
правыя и бѣглыя грамоты можно было получить только въ
Псковѣ, съ доклада дворецкаго, казначея или даже лицъ цар-
ской фамиліи.

Такимъ образомъ цементомъ, сплачивавшимъ отдѣльныя земли
въ Москвою, служило земское самоуправленіе и уравненіе со-
словій. Но отчего же этотъ цементъ не присталъ къ древней
Руси, а напротивъ, по истеченіи одного столѣтія, совершенно
испарился, какъ нѣчто ненужное и непригодное для ея орга-
низма? Причину тому слѣдуетъ искать съ одной стороны въ са-
мой царской власти, а съ другой—въ историческомъ строѣ тог-
дашняго общества.

Вообще, монархическая власть, если она не вынуждается на
ступки протестомъ со стороны самого общества, какъ всякая
правственная сила, не встрѣчающая препятствія, растетъ непре-
рывно и сглаживаетъ тѣ ограниченія въ пользу общества, кото-
рыя сама она вводила при первоначальномъ своемъ установле-
ніи. Мѣстное самоуправленіе тогда только прочно, когда оно до-
ведено до конца, когда общество получило право извѣстнаго уча-
стія въ самомъ источникѣ власти, когда монархъ призналъ силу
общественнаго мнѣнія и предоставилъ ему извѣстный просторъ
законнаго проявленія. Ничего подобнаго не могла представить
власть московскаго царя, сложившаяся подъ двойнымъ вліяніемъ—

Византии и татарщины. Византийское духовенство подсказало Грозному опасную доктрину, изложенную имъ въ письмѣ къ Курбскому: «истина и свѣтъ для народа — въ познаніи Бога и отъ Бога данаго ему государю», а татарщина ввела въ русскую жизнь кнутъ и понятіе о *казнь*, «которая всюду, ничѣмъ не стѣсняясь, и ни предъ чѣмъ не останавливаясь, ионяла себѣ приобщеніе». Московскій князь, первоначально сборщикъ ордынскаго выхода въ пользу татарскаго хана, остался такимъ же сборщикомъ податей и въ качествѣ независимаго московскаго царя; промѣнялъ уже отъ своего имени и для своей государственной казны. Понятно, что такое представленіе о царской власти не совместно было съ свободнымъ отправленіемъ даже мѣстныхъ самоуправленій. Герберштейнъ говоритъ, что московскіе государя превосходятъ властью всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Предъ нимъ существовало никакого различія: родившій бояринъ, потомокъ древняго княжескаго рода, наравнѣ съ холопомъ, писался къ бишкой Ивашкой, Николашкой и, въ случаѣ мажоритарнаго капризнаго неудовольствія царя, его били батошьемъ, какъ провиннишагося двороваго въ прежней крѣпостное право. Въ своемъ крайнемъ проявленіи, царская власть трюизла одной цѣлой страной въ видѣ *опричины*, чего-то чуждаго и крайне враждебнаго земщинѣ, то-есть цѣлому народу, отрванному отъ царя и вое приближенныхъ органовъ управленія. Могло ли при этомъ выработаться настоящее понятіе о земскомъ выборномъ, такъ скольконибудь огражденномъ и независимомъ представительствѣ мѣстныхъ интересовъ? Если Иванъ IV выдвигалъ впередъ выборныхъ или городскихъ сословій и черныхъ сотенъ, то не думалъ, чтобы уступить какия-либо права обществу, а для того, чтобы модь зоваться новыми и болѣе послушными и исполнительными органами для осуществленія на мѣстѣ царскихъ указовъ и распоряженій. Земскіе выборные, которымъ воруялись административныя обязанности, являлись по преимуществу фискальными чиновниками, сборщиками податей, дѣвшихъ годиваго нещадно на казвивая какъ за то, что они преворывадоны и собирали лишнее, такъ и за то, что они дружили посадскимъ и дворянскимъ недобиницъ. Выборные, присутствовавшіе на судѣ, вмѣстѣ съ правительственными чиновниками, также не были поставлены въ независимое положеніе и приговоры составлялися по усмотрѣнію судьи, а не по большинству голосовъ. Какъ что выборные только присутствовали въ качествѣ *моншмъ*, и ни по большей дѣль

подавали совѣщательный голосъ. Наибольшую самостоятельную пользу пользовались губныя старосты, но индигутъ этотъ менѣе всего привился и неизвѣстно даже, насколько повсемѣстно онъ былъ распространенъ.

Общество того времени представляло деструю, но въ огромномъ большинствѣ не свободную массу, которая, дажь мы видѣли, и не могла воспользоваться начатками мѣстнаго самоуправления. Города того времени, за исключеніемъ весьма немногихъ, были немногочисленны, малонаселенны, бѣдны и почти ничѣмъ не отделились отъ обрुждавшихъ ихъ сель; громадное большинство ихъ имѣло только значеніе военныхъ аванпостовъ, гдѣ жили военные люди, и поэтому наши города самостоятельнаго и сильнаго голоса въ историческомъ движеніи страны приобрести не могли. И тогда, еще болѣе, нежели теперь, настоящая сила Русскаго государства заключалась въ крестьянской массѣ; но масса эта распределялась между различными вотчинниками, отъ которыхъ вполнѣ зависѣла и могла только дерембнить ихъ по произволу, никогда вполнѣ не освобождаясь. Масса при Иванѣ IV раздѣлялась на четыре главныя группы: 1) черносошные крестьяне, 2) крестьяне царскіе, дворцовыя, сель и жившіе на земляхъ монастырскихъ, бѣлаго духовенства и служилого сословія, помѣстныхъ и вотчинныхъ, 3) севоземцы въ самомъ незначительномъ и постоянно уменьшавшемся числѣ и 4) холопы или безправные рабы. Изъ нихъ только черныя волости, впоследствии назывались экономическими, казенными и государственными крестьянами, составляли самостоятельныя общины и пользовались полными внутренними самоуправленіями, выбирая себѣ представителей въ лицѣ выборныхъ головъ, дѣлились между собой земли и повинности и защищали свое право передъ судомъ. Замѣательно, что черныя общины въ то время имѣли право мѣняться своими землями съ другими владѣльцами, выбирали мѣстныхъ священниковъ и причетъ и даже иногда надзирали за монастырскою казною (А. А. Э., томъ I, № 364). Эти именно общины и получили право мѣстнаго самоуправления при московскихъ царяхъ. Но подобныя разрозненность и разнообразіе интересовъ мѣшали прочному развитію общественной жизни. При отсутствіи безопасности и всеобщей экономической бѣдности, массы чернослободскихъ крестьянъ переходили на владѣльческія земли, особенно дворцовыя, монастырскія и знатныхъ бояръ, гдѣ предлагалось пособіе при поселеніи и нѣкоторыя льготы на первое время, такъ что число черно-

сошныхъ крестьянъ не увеличивалось, а скорѣе уменьшалось. Ботошихинъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича считаетъ только 20.000 дворовъ крестьянъ, сохранившихъ свою свободу. Съ другой стороны сильное въ то время духовенство старалось высвободиться изъ общаго строя мѣстнаго управленія, административнаго и финансоваго, чтобы «ни къ сотскимъ, ни къ пятидесятскимъ, ни къ десятскимъ и съ черными людьми нашего тягла не тянуть»; чтобы «тѣ ихъ дворы, полянки и пожни отъ села, отъ посаду опрочъ отписать, а наши бы оброчныя и данныя земли съ тѣхъ дворовъ и поженъ платить самимъ, oprично посадскихъ людей». Что эти разрозненность и несвобода большинства крестьянскаго населенія были одной изъ главныхъ причинъ скорого паденія мѣстнаго самоуправленія, доказываютъ уѣзды, исключительно населенные черносошными крестьянами, какъ, напримѣръ, Важскій и Шенкурскій, гдѣ мѣстное самоуправленіе было дано, привилось и удержалось. Со стороны черныхъ вотчинъ видно вообще стремленіе захватить въ свою среду крестьянъ, жившихъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, въ интересѣ разложенія податей и повинностей; но, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне стремились освободиться отъ связей съ черною общиной, съ которой они могли раздѣлять только повинности, но не могли раздѣлять правъ. Итакъ, главною причиною уничтоженія нашего самоуправления было крѣпостное право. Крѣпостное право и самоуправленіе — это были двѣ формы жизни, которыя не могли существовать вмѣстѣ; а какъ, къ несчастію, историческія и экономическія обстоятельства того времени содѣйствовали расширенію перваго, то оно и убило послѣднее. Только въ наше время уничтоженіе крѣпостнаго права сдѣлало необходимымъ возвратъ къ самоуправленію, обезпеченному отъ тѣхъ опасностей и препятствій, которыя грозили ему со всѣхъ сторонъ въ московскую эпоху.

Періодъ съ 1583 по 1613 годъ г. Хлѣбниковъ совершенно справедливо называетъ временемъ борьбы за крѣпостное право. Первый актъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ принадлежитъ, подъ именемъ Феодора Іоанновича, правителю Борису Годунову, желавшему этимъ пріобрѣсти поддержку духовенства и бояръ. Въ 1597 году царь предписалъ возвратитъ крѣпкимъ владѣльцамъ крестьянъ, переселившихся за пять лѣтъ до изданія указа; а за годъ предъ этимъ была уничтожена всякой службѣ добровольно, безъ крѣпостной зависимости, такъ что прослужив-

ій по найму въ теченіе полугодья обращался въ кабалнаго аба. Послѣдующимъ указомъ этотъ Борисъ дозволилъ переходъ крестьянъ между лицами мелкопомѣстныхъ владѣній, но запрещалъ переходъ изъ монастырей, дворцовыхъ селъ и изъ-за бояръ. Народъ протестовалъ. Голодъ въ 1601 и 1602 годахъ былъ, по сей вѣроятности, пассивнымъ признакомъ этого протеста, такъ какъ закрѣпленіе крестьянъ легко могло вызвать повсемѣстный гвалтъ ихъ отъ работы не только на владѣльческомъ, но и на воемъ полѣ. Пассивный протестъ скоро перешелъ въ активный — разразилась надъ Россіей смутная эпоха, которая чуть не поставила на карту всю ея будущность. Первый Лжедмитрій и тавленникъ боярскій Шуйскій не выходили изъ программы Бориса, опираясь на бояръ и духовенство и не поддерживая интересовъ крестьянства. Лжедмитрій уничтожилъ данное вновь Борисомъ дозволеніе крестьянамъ на переходъ изъ мелкопомѣстныхъ владѣній. Шуйскій, при вступленіи на престолъ, далъ «запись» боярамъ, но въ вопросахъ о срокѣ обращенія въ холопство вольныхъ людей и о возвратѣ крестьянъ на земли старыхъ владѣльцевъ становился то на ту, то на другую сторону. За то новый самозванецъ прямо и открыто заявилъ революціонно-соціальную программу; по крайней мѣрѣ въ царскихъ грамотахъ его цѣли изображаются въ слѣдующемъ видѣ: «а стоятъ тѣ воры подъ Москвой, въ Коломенскомъ, и пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы, и велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, и вѣнъ ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и шнынямъ и безыменникамъ-ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ дать имъ боярство, и воеводство, и окольнічество, и дьячество». Но революціонно-соціальная программа не пришлась по вкусу русскому народу. Самозванецъ долженъ былъ перемѣнить тонъ, которымъ онъ хотѣлъ говорить къ народу. Еще въ декабрѣ 1601 года самозванецъ писалъ суздальцамъ: «мы васъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и козаковъ, и пушкарей, и затинщиковъ, и всякихъ служилыхъ людей пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, деньгами и сукны, а дворянскихъ дѣтей и боярскихъ дѣтей ихъ великимъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ верстать и въ помѣстномъ окладѣ и денежномъ жалованьи прибавку учинить». То же самое самозванецъ повторилъ романовцамъ, когда онъ двинулъ рать для покоренія Ярославскаго и Пошехоньскаго уѣздовъ. Сочиненный боярами

присяжный листъ, на основаніи котораго Владиславъ долженъ былъ присягнуть, содержать между прочимъ: «ка торговымъ пащеннымъ крестьянамъ въ Литву, изъ Руси и изъ Литвы въ Русь выходу не быти, такоже и на Руси промышеть себя выход не быти». 12 сентября 1610 года бояре отмишили все постановленія Шуйскаго о добровольныхъ холопахъ и ввели въ силу законъ Феодора, по которому всякій холопъ, прожившій полгода господина, обращаясь въ вѣдѣстнаго, потому что «господинъ тотъ добровольнаго холопа поимъ и кормилъ». Но въ то время, когда бояре перемоваривались съ Владиславомъ, передавая ему изъ руки въ руки Россію мабомбардируя короля только просьбами о помятыхъ, началось въ Нижнемъ и разрослось на всю Россію редигозно-демократическое народное движеніе, имѣвшее цѣль спарти въру и национальную самостоятельность отъ польскаго боярскаго самоуправства. Въ июнь 1611 года ярославцы писали въ Казань: «а бояре прельстятъ дядю удѣловъ, ка и иные бонемъ людей вѣхъ служилыхъ и съ Москвы разослали; и мы уже брѣныи православные хрестьяне отчаялись, а ни заступающаго, ни помогающаго не было». 10 июля 1611 года отъ ярославцевъ къ царю Грамота 26 июля, призывавшая на смертный бой съ польскими нашествіемъ, написана такъ: «По избравью всѣхъ мичовъ людей Россійскаго государства въ нынѣшнее время отъ того великаго государства многи численнаго войска у ратныхъ и пушечныхъ дѣлъ столыжники, и воевода Дмитрій Пожарскій съ товарищи, и нащаники, и двостольники, и дворяне большіе, и стряпчие и приказныи люди и жильцы, и дворяне изъ городовъ и изъ боярскаго и изъ головъ и стрѣльцкіе, и поестіи и торговые люди и стрѣльцы, и дозакі, и дозакіи городовъ царства Казанскаго и иныхъ всѣхъ городовъ князи, и мурзы, и татарове, и литва, и двѣмцы, и пооднимъ словомъ, а всѣ, и время *болше*. Быдо урѣшено въ Ярославль и в друткіе городахъ, а кто аваснойдеты или аворотитсы, тѣмъ милости не дади» (архивное дело 1661 годъ).

Въ февраль нижегородцы писали: «мы боярамъ московскимъ отказали, и въ онимъ аендомъ писали, что: они, а прельстятся славу вѣка сего, Бога отступили». Ярославцы въ своихъ грамотахъ говорили: «а будетъ на кого пошлютъ съ Москвы бояре и велятъ поляковъ привести къ Москвѣ, или въ которомъ породе разослали, или которую пеню или казнь велятъ учинити, и намъ за тѣхъ людей, стояти другъ за друга все единомышленіемъ; и ни чье выдати, повамѣсть Богъ намъ дастъ на Московскою го»

ударство государя. Религіозный характеръ также ярко высту-
 аетъ во многихъ грамотахъ отъ государя. Такъ 16 февраля нине-
 оредны между прочимъ писали въ Вологду: «дня Бога, суди-
 живыхъ и мертвыхъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего ры-
 адня, будьте съ нами общи, заодно, противъ враговъ нашихъ
 и вашихъ: общихъ, помяните одно: вальновъ коренью основаніе
 рѣдко, то и древо, неподвижно; только коренья не забудеть, къ
 ему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія Матери; вѣчныя заступ-
 ницы, крестьянки, Богородицы елижеповангелисты. Луна напы-
 ладъ, и великіе свѣтильники и хранители: Петры и Америкъ,
 и Дона чудотворцы. Имя вамъ, православнымъ хрестьяномъ, бо-
 ги во что постанитъ. Боже и тлаполати и писати: «Врашны»
 въ другой грамотѣ нижегородной (товарицы и кив)будете только
 канцъ въ соединеніи, обще со всею землею, и горно, будете пла-
 кати, и рыдати, и утѣшнымъ, свѣчнымъ и плечемъ перемѣнна (бу-
 деть) въра хрестьянская, въ латинство ии разворота; божествен-
 ныя, церкви со всею лѣпотю ии дубежъ будетъ илютою смертью
 родъ вашу хрестьянкой, поробятъ ии разведуть въ пѣлю ма-
 терей, и женъ и дѣтей вашихъ. Какимъ словамъ князейнымъ
 вѣрите? Что обѣщаваютъ вамъ все: сладкое и мушнее Михаилъ
 Садтыковъ, и Федоръ Андроновъ со своими совѣтниками? «Въ
 Умиротворилась Русь на Московское государство, съи нѣ
 бранный, всею землею; государь, образныхъ илюновъ люди, стали
 оправдаться, отъ только, что вынесеннаго погрома. Единствен-
 ный классъ общества, который все потерялъ и ничего не вы-
 игралъ, въ смутное время, это были крестьяне. Царская власть
 принесла въ жертву, социальной необходимости, интересы крестья-
 нинъ, потому, что ихъ приврѣлленіемъ, она приобрѣтала въ себя рас-
 положеніе, вохъ мелкихъ, и земельныхъ, и обственниковъ, дворянъ
 и дѣтей боярскихъ, и которые, составляли столь необходимую въ то
 время военную силу, государства. Михаилъ Федоровичъ, въ 1637
 году, удавондъ, иредки, описанія, облыгъ, иредкряны, съ 15 ии 10
 лѣтъ, иреддѣвіа, иоданной, въ 1642, году, дворянами, и дѣтми
 боярскими, иелобившой, еракъ, итотъ, иотносительно, иредкряны, въ
 тиди, ирасильно, ииъ, за, дворянъ, и дѣтей, ииороникъ, облыгъ, ири-
 долженъ, ии, иятинадцать, лѣтъ. Право, *безсрочнаго*, ииъ, облыгъ,
 иредкряны, составляетъ, существеннѣйшую, часть, иредкряны, ири-
 ва, только, оно, истановляетъ, ииолнѣ, иредкряны, ири, ии, до-
 тѣкъ, иоръ, хетя, бы, иаде, ерокъ, иредождася, до, 15, лѣтъ, *юридич-*
иски, иедное, иредкряны, ири, ине, исуществуетъ. Поэтому, иже.

послѣ запрещенія перехода крестьянъ, мы видимъ во все продолженіе царствованія Михаила и въ первые годы царствованія Алексѣя оригинальное явленіе—крестьянъ, добровольно поступающихъ въ помѣстные и вотчинные на основаніи *рядныхъ записей*. Въ 1649 году земскій соборъ, утвердившій Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, окончательно прикрѣпилъ крестьянъ и ввелъ крѣпостное право въ Россіи. Въ Уложеніи было постановлено: всѣхъ крестьянъ или бобылей, которые сами или ихъ отцы были записаны въ писцовыхъ книгахъ, послѣ пожара 1626 года, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ, черныхъ волостяхъ или за помѣщиками и вотчинниками, свозить на старыя жеребья съ женами и дѣтьми, гдѣ бы они въ настоящее время ни жили и хотя бы они поступили въ стрѣльцы, казаки и проч. Уложеніе въ этомъ случаѣ было до такой степени послѣдовательно, что установило: «если у кого-нибудь сбѣжитъ дочь дѣвка и, сбѣжавъ, идетъ замужь за чьего-нибудь кабальнаго человѣка, то онъ самъ, вмѣстѣ съ женой, отдается помѣщику, изъ имѣнія котораго сбѣжала дѣвка». Съ этого времени, во все продолженіе царствованія Алексѣя, идетъ рядъ самыхъ строгихъ мѣръ къ прекращенію крестьянскихъ побѣговъ. Въ 1654 году правительство приняло даже такую возмутительную мѣру: по указу великаго государя тихвинскій архимандритъ приказываетъ тихвинскимъ посадскимъ, «чтобы есте не пускали къ себѣ на подворье пріѣзжихъ и прохожихъ всякихъ чиновъ людей ни откуды, ни которыми дѣлы, и на посадѣ бы имъ не давали нигдѣ приставати» (А. А. Э., т. IV, № 77). Въ томъ же году, вслѣдствіе жалобы, принесенной въ 1654 г. дворянами и дѣтьми боярскими на побѣги крестьянъ, посланы были сыщики во всѣ низовые города для отысканія бѣглыхъ крестьянъ и было приказано воеводамъ и приказнымъ людямъ наказывать крестьянъ за побѣгъ—изъ десяти двухъ человѣкъ—кнутомъ. Въ 1661 году было постановлено бить кнутомъ нещадно государевыхъ приказныхъ людей въ дворцовыхъ слободахъ, а также посадскихъ, ямскихъ и земскихъ старостъ, если они будутъ принимать бѣглыхъ. А если бѣглыхъ принимали сами помѣщики, или ихъ прикащики, по приказанію помѣщиковъ, то взять изъ ихъ помѣстья за каждаго бѣглаго крестьянина по крестьянину изъ его собственнаго помѣстья и отдавать его владѣльцу, изъ имѣнія котораго былъ принятъ бѣглый крестьянинъ. Въ 1663 году прикащикамъ всѣхъ владѣльцевъ за пріемъ бѣглыхъ, кромѣ обыкновеннаго наказанія кнутомъ, было прибавлено

дичное тюремное заключеніе. Въ 1664 году было постановлено брать со всякаго помѣщика по *четыре* его собственныхъ крестьянина за пріемъ каждаго бѣглаго чужаго. Рядомъ съ этимъ правительствомъ въ 1675 году разрѣшило продажу крестьянъ безъ земли. Такимъ образомъ при Алексѣѣ Михайловичѣ крестьяне потеряли мало-по-малу всѣ права свободныхъ людей и совершенно равнялись съ холопами или бывшими дворовыми. Прикрѣпленіе крестьянъ, къ которому присоединился сильный экономическій кризисъ, голодъ, и быстрое паденіе цѣнности мѣдной монеты, привело правительствомъ къ банкротству въ 1663 году, когда оно объявило, что будетъ принимать деньги *по курсу*, — все это не могло не вызвать безпорядковъ въ народѣ. Въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ, который былъ потушенъ только жестокими казнями и сильнымъ напоромъ войскъ на безоружныя толпы народа; но скоро съ жасающею силой распространилось опасное возстаніе, извѣстное подъ именемъ бунта Стеньки Разина.

Впрочемъ, пострадали не одни крестьяне. Народомъ избранный государь съ своими ближайшими преемниками, несмотря на даваемые ими записи при вступленіи на престолъ и на часто созываемые соборы, власть царскую почитали въ смыслѣ Грознаго. Время, начиная съ восшествія на престолъ дома Романовыхъ до Петра, по всей справедливости, должно быть признано шагомъ назадъ, эпохой политической и религіозной реакціи и сильнаго развитія централизаціи и абсолютизма,

Посмотримъ, какъ сложилось въ эту эпоху внутреннее управленіе.

Высшее правительствомъ, подъ непосредственнымъ верховенствомъ царя, составляли боярская или царская дума, приказы и всемскіе соборы.

Въ удѣльный періодъ князь совѣтовался съ дружиной и это было если не опредѣленною для сего закономъ обязанностью, то всеильнымъ обычаемъ, отъ котораго однакоже мало углонялись фактически князья. Точно такъ же въ началѣ московскаго періода продолжала существовать боярская дума. При первыхъ московскихъ князьяхъ, съ Данила и Калиты до Василья Темнаго, когда власть московскихъ князей увеличивалась и расширялась внѣшнимъ образомъ, еще собирая только силы и средства къ своему внутреннему развитію, — бояре играютъ ту же роль, какъ и старшая дружина въ первомъ періодѣ: дружинники, также какъ и прежде, не столько слуги князя, сколько его товарищи; они

по-прежнему *сила*, и поэтому, естественно, князь совѣтуется
 нима: «Безъ воли ихъ ничто не творится», — совѣтуется дѣл
 Дюксской и поворить, что и самъ такъ постоянно поступалъ. К
 жеская дума въ началѣ московскаго періода все такъ же юр
 часки: неопредѣленная, но сильная фактически — обычаемъ и пр
 ностью боярскаго положенія. Но какъ скоро значеніе боярства
 усиленіемъ княжеской власти падаетъ, падаетъ и значеніе ду
 Иванъ III хотя и иначе держитъ себя съ боярами, но все е
 при немъ держится старый порядокъ; при сынѣ же его Васи
 переѣна выступаетъ гораздо рѣче. Василій Ивановичъ вид
 тяготился прежнимъ боярствомъ, его старыми дружинными пр
 заніями; онъ не любилъ думать свою думу съ боярами; о важ
 ныхъ дѣлахъ разсуждалъ запершись самъ-третьей съ любимца
 на любимцы эти — не старые знатные бояре, напр. тверской д
 рецкій Шигоя Поджоинъ, а худородные дьяки — Мансуровъ,
 тятинъ, Цыплаковъ, Курицынъ и др. Надумавшись самъ-трет
 Василій Ивановичъ вносить иногда предметъ разсужденія и
 думу бояръ, но и тутъ терпѣть не могъ, когда бояре, по ш
 ной дружинной привычкѣ, свободно начинаютъ обсуждать и
 творить ему. Бояринъ Иванъ Берсей-Беклемишевъ, внос
 ствѣмъ поплатившійся головой за противорѣчіе великому госуда
 говорить: «государь Василій Ивановичъ встрѣчи противъ о
 не любить: кто ему встрѣчу говоритъ, онъ на того опалает
 а отецъ его, князь великій, противъ себя встрѣчу любилъ и т
 жаловалъ; которые противъ него говорили». Иванъ IV совершен
 преобразовалъ княжескую думу въ царскую и измѣнилъ даже
 составъ: право участія въ княжеской думѣ до тѣхъ поръ всег
 принадлежало старшимъ дружинникамъ, а впоследствии бояря
 и окольничимъ: это было ихъ сословною привилегіей, на котору
 не простирали притязанія ни младшіе дружинники, ни дворяне
 дѣти боярскія. Иванъ IV ввелъ въ думу созданныхъ имъ
 1572 году думныхъ бояръ, не принадлежавшихъ къ знатны
 родамъ, ни царскихъ дьяковъ, происходившихъ также изъ незна
 ныхъ родовъ, а потому любимыхъ слугъ царя. Царская дума,
 время Грознаго, является новидимому учрежденіемъ прочны
 и постояннымъ, имѣющимъ свою опредѣленную организацію и
 являющуюся на присутствіе и канцелярію и получившую въ н
 которыхъ случаяхъ опредѣленный кругъ вѣдомства. Дума бы
 высшихъ судебнымъ и административнымъ учрежденіемъ: см
 и поступали жалобы на неправосудіе и злоупотребленія приказовъ

ни воеводъ; сюда обращались тѣ и другіе въ затруднительныхъ случаяхъ, когда почему-нибудь—по отсутствію ли закона, по противорѣчію ли въ немъ, или по трудности дѣла судьи не могли сами разрѣшить оное. Въ думѣ разбирались, по порученію государя, всѣ мѣстныя и дѣла высшихъ чиновъ, начиная со стольника. Но на самомъ дѣлѣ это высшее учрежденіе не имѣло ни права инициативы, ни самостоятельности, ни точнаго и правильнаго отношенія къ другимъ мѣстамъ и лицамъ управленія: въ думѣ еще преобладалъ характеръ *частнаго необязательнаго совѣта* изъ знатныхъ и приближенныхъ лицъ, которыя собираются у царя въ покояхъ и съ которыми онъ совѣщается о тѣхъ дѣлахъ, которыя ему самому кажутся болѣе затруднительными и по которымъ онъ желаетъ слышать ихъ мнѣніе, точь-въ-точь какъ княжеская дума во все время ея существованія, начиная съ удѣльнаго періода. Обычная формула: «царь указалъ, а бояре приговорили» — показываетъ, что поступленіе дѣла не подчинялось никакимъ опредѣленнымъ правиламъ, а зависѣло совершенно отъ воли царя. На предложеніе царя дума старается «найти способъ», по тогдашнему выраженію, какъ лучше сдѣлать, устроить то или другое; изъ равнобразныхъ мнѣній царь выбираетъ и утверждаетъ, какое ему лучше понравится. Самыя важныя постановленія иногда выходятъ безъ всякаго участія думы, простымъ царскимъ указомъ или *палаткою*. Наравнѣ съ думой держалась простѣйшая форма законодательныхъ актовъ въ такомъ видѣ: «Бояринъ князь Иванъ Федоровичъ Булгаковъ приказалъ дьякамъ Юрію Боженину, да Василью Мелентьеву, а велѣно записать въ тетрадь памяти дѣя, что царь и великій князь приказалъ имъ боярамъ словомъ своимъ» (А. И., т. I, стр. 262). Дни засѣданій думы не были опредѣлены, а приглашались туда, «кого великій государь уважаетъ», и убеждали, что онъ повелитъ. Бояре—члены думы—при Грозномъ уже впали въ совершенную зависимость отъ царя, который могъ по произволу лишить ихъ не только помѣстнаго облада, но «живота» и наслѣдственныхъ вотчинъ. При царяхъ изъ дома Романовыхъ кругъ вѣдомства думы постепенно расширялся. За совѣтомъ въ думу царь прибѣгалъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ внешней политики, законодательства и принятія крупныхъ финансовыхъ мѣръ внутри государства; дума оберегала общество отъ воеводскаго и приказнаго произвола. Но тѣмъ не менѣе дѣйствительное управленіе государствомъ по-прежнему сосредоточивалось въ приказахъ, которые прямо сво-

сились съ самимъ царемъ и отъ него получали распоряженія. Дѣятельность боярской думы парализовалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что засѣдавшіе въ ней бояре и даже думные дьяки вмѣстѣ съ тѣмъ управляли и отдѣльными приказами. Между тѣмъ члены подобной верховной инстанціи сохраняютъ нѣкоторый духъ безпристрастнаго отношенія къ дѣламъ только въ томъ случаѣ, если они не имѣютъ какой-либо особой правительственной должности. Но если всѣ они или большая часть являются въ то же время въ разныхъ вѣдомствахъ чиновниками, которыхъ судьба зависитъ вполне отъ правительства, могущаго лишить ихъ доходаго мѣста, тогда лица эти, ничего не приобрѣтая въ качествѣ чиновниковъ особыхъ приказовъ, много теряютъ какъ члены верховной думы. Бояринъ, окольничій, или думный дворянинъ, выходя изъ думы и становясь начальникомъ приказа, ничѣмъ не разнился отъ всякихъ другихъ чиновниковъ, поставленныхъ правительствомъ. Даже можно сказать, что общій интересъ всѣхъ чиновъ думы боярской, бывшихъ въ то же время и начальниками приказовъ, долженъ былъ повести ихъ къ тому, что они какъ можно менѣе дѣлъ вносили на общее собраніе и тѣмъ давали себѣ болѣе простора, какъ начальники приказовъ. Эту ошибку и съ тѣми же послѣдствіями повторилъ Петръ Великій, образовавшій сенатъ изъ президентовъ коллегій. Между тѣмъ само правительство въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича подѣлило вредъ, происшедшій отъ засѣданія въ думѣ начальниковъ приказовъ, и начало стремиться, чтобы большая часть дѣлъ переходили въ боярскую думу. Въ 1669 году было уже распределено, изъ какихъ приказовъ и въ какіе дни вносить дѣла въ думу. Несмотря на это послѣднее стремленіе, дѣйствительное управленіе государствомъ сосредоточивалось въ *приказахъ* и шло отъ единой воли государя. Приказы были не что иное, какъ многочисленныя канцеляріи при особѣ царя, занятыя всѣми отраслями управленія, по его порученію (приказу), подъ его личнымъ надзоромъ и контролемъ. Дѣйствительная организація приказовъ относится ко времени Грознаго, хотя нѣкоторые изъ нихъ были и при Васильѣ. Развитие этихъ учрежденій происходило историческимъ путемъ и не представляетъ никакой строго опредѣленной системы и правильнаго между ними распределенія государственныхъ дѣлъ и вопросовъ. Приказы сначала были просто передѣлкою прежнихъ княжескихъ центральныхъ отношеній на московскій ладъ. Удѣльнаго князя съ его правами и обязан-

стями замѣнялъ приказъ, гдѣ вмѣсто князя сажался московскій бояринъ, вершившій дѣла съ-вѣдома и доклада московскому великому государю. Но вскорѣ постепенное объединеніе сословій и развитіе новыхъ предметовъ администраціи вызвало потребность новыхъ приказовъ, неизвѣстныхъ здѣшнему управленію.

Чѣмъ болѣе государственная централизація захватывала въ свои руки разныя стороны мѣстной народной жизни, тѣмъ болѣе являлось въ Москвѣ приказовъ. Такимъ образомъ исторія возобновленія этихъ учрежденій даетъ возможность шагъ за шагомъ слѣдить за постепеннымъ ростомъ административнаго вѣдѣнія и въ то же время за паденіемъ мѣстнаго самоуправленія. Путь вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ не былъ строго разграниченъ и не былъ постоянный и опредѣленный. Они путались между собою и въ свою очередь запутывали и рознили отдѣльныя общественныя группы, такъ что то извѣстная общественная группа совершенно выдѣлялась и во всѣхъ отношеніяхъ подчинялась вѣдѣнному приказу, то одно и то же сословіе должно было по каждой потребности своей гражданской жизни «волочиться» между разными разнообразными, по своему первоначальному значенію, приказами.

Тѣмъ не менѣе характеръ русской административной централизаціи выработался вполнѣ еще въ то время. Существеннымъ признакомъ было стремленіе настолько захватить въ свои руки всѣ стороны мѣстной жизни, что приказы, которые должны были служить центральными учрежденіями, въ то же время представляются и учрежденіями областными. Всякое мѣстное дѣло можетъ восходить до московскаго приказа, какъ скоро мѣстная администрація или сами заинтересованные лица найдутъ необходимымъ перенести дѣло туда, не говоря уже о томъ, что всѣ важнѣйшія дѣла и вопросы мѣстной жизни сами по себѣ, словомъ закона, сосредоточивались въ приказахъ. Въ московскомъ періодѣ, съ точки зрѣнія политическаго объединенія, это, пожалуй, было нужно, или по крайней мѣрѣ входило въ программу тогдашней правительственной задачи, и могло найти для себя оправданіе: лучшимъ средствомъ для того, чтобъ установить тяготѣніе всего русскаго населенія къ новому центру въ Москвѣ, было признаніе административной самостоятельности каждой общественной единицы, какъ бы она ни была мелка, и затѣмъ непосредственное ея сношеніе съ Москвой, съ приказами. Этимъ только путемъ могла произойти нивелировка мѣстнаго общества,

уничтоженіе въ ней всякой исторической и экономической іерахіи, — словомъ, всѣхъ условій, при которыхъ создается самобытный складъ и политическое существованіе областей. Такая политика должна была приготовить административное однообразіе заранѣе уничтожить въ Россіи возможность федеративнаго начала и существованія «областей, управляемыхъ на особомъ объ нихъ учрежденіи». Москва достигла этой цѣли, — нивелировка произведена настолько усѣбно, что въ настоящее время русскія губерніи ничѣмъ другъ отъ друга не различаются, несмотря на разность естественныхъ условій ихъ настоящей и историческимъ условій ихъ прошлой жизни. Но, несмотря на то, что условія измѣнились и цѣль вполнѣ достигнута, система сосредоточенія мѣстныхъ интересовъ въ центральныхъ учрежденіяхъ и непосредственнаго сношенія со столичными инстанціями самыхъ мелкихъ единицъ господствуетъ до сихъ поръ. Усовершенствованіе заключается лишь въ томъ, что прежде всякая мелкая единица прямо обращалась въ надлежащій приказъ, а теперь необходимо пройти длинную и сложную лѣстницу посредствующихъ учрежденій до того, чтобы добраться до министерства, напоминающаго прежніе приказы. Въ самомъ дѣлѣ, подобно приказамъ, министерства также представляются и центральными учрежденіями и просто высшею инстанціей самихъ мѣстныхъ учрежденій. Наши министерства не только сосредоточиваютъ въ себѣ важнѣйшіе общегосударственные вопросы, которые должны быть разрѣшены одинаково для всѣхъ мѣстностей Россіи, независимо отъ ихъ особенностей, но и рѣшаютъ, въ смыслѣ окончательной инстанціи самыя мелкіе вопросы изъ обыденной жизни отдѣльныхъ мѣстностей. Казалось бы, теперь московская политика объединенія уж отжила свое время, но атмосфера московскаго приказа не можетъ до сихъ поръ выдохнуться.

Въ общен историческомъ смыслѣ постепенная организанія высшего управленія или взаимнаго отношенія боярской думы и приказовъ шла такимъ образомъ, что сначала большинство важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, преимущественно финансоваго или фискальнаго характера, вѣдались приказами, существовавшими независимо и самостоятельно отъ царской думы и вносившими въ нее дѣла въ рѣдкихъ случаяхъ, по собственному усмотрѣнію. По томъ, наоборотъ, важнѣйшія дѣла изъ приказовъ само правительство стремилось сосредоточить въ царской думѣ и до нѣкоторой

епені подчинить ей приказы и такимъ образомъ само признало всѣ неудобства приказной системы управленія *)).

Какъ отголосокъ вѣчеваго строя, земскіе соборы нерѣдко сошались въ московскую эпоху до Петра. Есть цѣлая школа, которая въ этихъ соборахъ провидитъ какое-то народное, живое рѣшеніе, которое должно стать во главѣ при всякомъ обновленіи Русскаго государства и спасти его отъ конституціонныхъ рѣшѣній, выработанныхъ западною Европой. По ученію этой школы, западно-европейскія конституціонныя формы будто бы оказались несостоятельными для огражденія политической свободы гражданъ и безопасности внутренняго самоуправленія. Если смотрѣть на соборы съ точки зрѣнія принципа, то-есть сознанія необходимости земскаго участія въ управленіи страной, то противъ

*) Окончательную систему устройства предъ реформой Петра г. Хлѣбникъ излагаетъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) Приказы административные, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе большей части городовъ и уѣздовъ Россіи: *четверти*: Костромская (Ростовъ, строма и нѣкоторые другіе города), Галицкая (Галичъ съ уѣздомъ), Владиская, Устюжская (Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ), Новгородская (Новгородъ и Псковъ съ пригородами), Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и вообще поморскіе города; *приказы*: Казанскаго дворца (Казань, Астрахань и низовые города), Сибирскій и Малороссійскій.

2) Приказы финансовыя, собиравшіе большую часть государственныхъ доходовъ и занимавшіеся составленіемъ государственнаго бюджета: приказъ большаго прихода, приказъ большой казны, новая четъ, счетный приказъ.

3) Приказы военныя, завѣдывавшіе всѣми наличными военными силами государства: разрядный, стрѣлецкій, пушкарскій, рейтарскій, оружейный и оный.

4) Приказы судныя, которымъ принадлежало право суда и расправы надъ которыми отдѣльными классами общества. Судныя приказы Московскій и Владимирскій, производя лишь судъ для служилаго сословія, судили приказы областнымъ и разбойный приказъ. Кромѣ того существовало правило, что приказъ, завѣдывавшій отдѣльными сословіями или экономическими группами въ финансовомъ или административномъ отношеніи, занимался тоже въ средѣ съ судомъ и расправой наравнѣ съ судными приказами.

5) Приказы, завѣдывавшіе полицейскими дѣлами: приказъ тайныхъ дѣлъ—ясной и земскій—завѣдывалъ всѣми дѣлами московской полиціи, такъ какъ въ Москвѣ не было особеннаго воеводы.

6) Приказы стоявшіе особнякомъ для различныхъ дѣлъ, которыми правительствомъ интересовалось: посольскій приказъ, приказы съ судебнымъ отношеніемъ — монастырскій, холопій, помѣстный, каменный, богадѣленный, печатнаго дѣла.

7) Приказы дворцовыя, завѣдывавшіе всѣмъ управленіемъ надъ лицами и имуществомъ, относившимся ко двору великаго государя: приказъ большаго дворца и подчиненные ему—казенный дворъ, сытенный, кормовой, хлѣбный, иттенный, конюшенный.

Сюда же относимъ особый *панхидный* приказъ.

такого общаго положенія спорить нельзя. Но оно само по себѣ и къ чему не ведетъ,—на практикѣ все дѣло состоитъ въ *формѣ*, ибо только соотвѣтствіе формы съ вызвавшимъ ее на свѣтъ принципомъ представляетъ исполненіе задачи и достиженіе цѣли. С точки зрѣнія формы, наши древніе соборы, какъ способъ земскаго участія въ управленіи, не представляютъ вполне законченной системы. Прежде всего соборъ, по самому своему значенію, есть учрежденіе экстренное, а не постоянное. Между тѣмъ участіе земства въ управленіи только тогда и можетъ быть полезно, когда оно имѣетъ постоянный органъ съ твердо опредѣленной и установленною программой своихъ дѣйствій и правъ. На Западѣ конституція именно тѣмъ только и отличается отъ прежнихъ западно-европейскихъ соборовъ, что соборы вообще были по преимуществу совѣщательныя учрежденія, созываемыя экстренно, и инициативѣ верховной власти и не имѣющія постоянныхъ органовъ для защиты и проведенія постановленныхъ соборомъ рѣшеній, которыя верховная власть въ весьма скоромъ времени могла измѣнять и отмѣнять по своему усмотрѣнію. Конституція создала въ лицѣ палаты представителей постоянное законодательное учрежденіе, которое не только имѣетъ рѣшающую власть при изданіи законовъ, но ежеминутно охраняетъ ихъ неприкосновенность и исполненіе. Въ практикѣ между этими двумя формами лежитъ цѣлая бездна, перейти которую человечеству удалось только съ величайшимъ напряженіемъ и съ огромными пожертвованіями. Затѣмъ въ большомъ государствѣ существованіе періодически-постоянно созываемаго собора въ смыслѣ законодательной инстанціи становится невозможнымъ часто по *пространственнымъ отношеніямъ*, не только затрудняющимъ, но дѣлающимъ совершенно немислимымъ прибытіе членовъ собора изъ небогатыхъ жителей отдаленныхъ мѣстностей на довольно продолжительный срокъ. Это въ такой степени вѣрно, что народное вѣче, послѣ расселенія племени въ мѣстахъ постоянной осѣдлости, вездѣ пало и уничтожилось вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ расселеніемъ; и тамъ, гдѣ потребность къ самоуправленію сохранилась, вѣче исторически перешло въ представительное собраніе мѣстныхъ депутатовъ, какъ это было, на примѣръ, у англо-саксовъ.

Но этого мало. Не говоря о томъ, что въ соборахъ не участвовала и не могла участвовать вся масса поселеннаго на владѣльческихъ земляхъ крестьянства и что инициатива созыва собора зависѣла вполне отъ самой верховной власти, наши древніе

Соборы по своему составу не могли считаться представителями той страны. Во-первыхъ, на нихъ присутствовалъ—по праву—безъ всякаго отношенія къ числу лицъ, назначенныхъ къ избранію изъ другихъ сословій — весь синелитъ, то-есть высшее духовенство и приближенное боярство. Представители другихъ сословій, въ крайне ограниченномъ числѣ, избирались по указу государя. Въ 1642 г. государь приказалъ выбрать изъ большихъ гатей отъ 8 до 20 человекъ, а изъ меньшихъ—отъ 3 до 6 человекъ. Между тѣмъ на соборахъ, кромѣ духовенства и придворной аристократіи, присутствовало 11 столоначальниковъ, 22 дворянина московскихъ, 125 человекъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ родовъ. Торговые люди представлялись выборными изъ московскихъ сотенъ, а присутствія выборныхъ отъ посадовъ совсѣмъ не видно. Точно также и на другихъ соборахъ выборныхъ изъ уѣздныхъ посадскихъ и отъ черныхъ сотенъ или совсѣмъ не видно, или они присутствуютъ въ чуть замѣтномъ меньшинствѣ. Нѣкоторые соборы (1618 и 1619 гг.) состояли исключительно изъ московскихъ людей; послѣдній соборъ, 1653 года, состоялъ исключительно изъ духовенства и придворныхъ чиновъ. Очевидно, что дѣла на соборахъ рѣшались въ пользу духовенства, бояръ и служилаго класса, которые всегда являлись въ подавляющемъ большинствѣ. Сословія на соборѣ вотиrowали отдѣльно и общаго постановленія не составлялось, такъ какъ наши соборы имѣли исключительно совѣщательный характеръ. Но при этомъ выразилась вполне рознь всѣхъ классовъ общества: на соборѣ дворяне и дѣти боярскіе враждуютъ противъ бояръ и приказныхъ людей; торговля сословія и черныя сотни враждуютъ съ дворянами и дѣтьми боярскими. Центральная власть, озаботившаяся о возможно-приниженномъ нивелированіи людей всѣхъ чиновъ въ отношеніи къ ней самой, не сглаживаетъ, а напротивъ, поощряетъ и поддерживаетъ эту взаимную рознь сословій, ибо только опираясь на нее власть можетъ удерживать всю свою неограниченную широту. Правительство всѣми способами поддерживаетъ высшее и низшее служилыя сословія — бояръ, дворянъ и боярскихъ дѣтей, и вновь сложившееся сословіе приказное противъ остальной массы общества, которую оно старается обратить въ брѣвостную; но въ то же время оно не противодѣйствуетъ исконной враждѣ, которая у насъ всегда разрывала даже самое служилое сословіе. Какъ прежде спорили за власть князь и подыскивались другъ подъ другомъ члены старшей и младшей дружины, такъ впоследствии враждовали

между собою изъ-за верстанія помѣстьями и получения не ского жалованья и наградъ родовые бояре, а впоследствии и дворяная и чиновная аристократія съ дворянами и дѣтьми боярскими, перешедшими потомъ въ сословіе мѣстнаго или низшаго дворянства. Это — коренная, историческая причина, почему у насъ все служилое дворянское сословіе, представлявшее интеллигентное меньшинство, никогда не представляло и теперь не представляетъ корпоративной солидарности, почему и всякая сто-дворянская попытка не только къ ограниченію правительственной власти, но и къ дружному отпору противъ нарушенія собственныхъ, сословныхъ правъ—никогда не удавалась и не могла удасться. Изъ этихъ взаимныхъ отношеній сословій легко уяснить себѣ значеніе нашихъ древнихъ соборовъ. Въ затруднительную минуту, когда разстроенные финансы требовали чрезвычайныхъ налоговъ или когда внутренняя неурядица достигала нетерпимыхъ размѣровъ, царь убѣждался, что одного синклита мало, что необходимо поближе узнать, что дѣлается въ странѣ. Поэтому, дополнение къ своему синклиту, царь призывалъ, сколько ему заблагоразсудится, выборныхъ отъ земли, чтобы выслушать мнѣніе этой нѣскольکو расширенной, чрезвычайной царской думы, которая называлась соборомъ. Развѣ это можно назвать представительствомъ цѣлой страны?...

Но нельзя сказать, чтобы и соборы въ этомъ видѣ проишли безслѣдно и вовсе не исполнили своего дѣла. Для этого стоить только смотрѣть на ихъ дѣятельность не съ современной точки зрѣнія, а брать ихъ какъ они были—представителями тогдашняго общества, стремящимися къ разрѣшенію не отвлеченныхъ прогрессивныхъ, а поставленныхъ жизнію задачъ. Масса того времени была отрѣзана, лишена голоса и подавлена; сословія, которыхъ представители являлись на соборъ, сами боролись и старались поработить другъ друга, и съ ихъ собственной точки зрѣнія имъ необходимъ былъ самодержавный царь, какъ средство достижения своихъ сословныхъ цѣлей. Ни царь не созывалъ, ни сами выборные не приходили отыскивать какой-то для нихъ въ то время непонятной политической свободы и равноправности; они не требовали ограниченія всего простора царской власти, которую сами признавали необходимою, или постоянного участія въ управленіи страной, что представлялось для нихъ только новымъ и крайне обременительною повинностью. Они приносили съ собою правдивый и живой разговоръ о мѣстныхъ злоупотребленіяхъ и

своихъ нуждахъ, хлопотали объ уменьшеніи финансовыхъ тяготей и передавали высшему правительству въ непосредственномъ, изустномъ изложеніи матеріалъ для него необходимый, чтобы на время поправить или зачинить поломки и недостатки въ механизмъ государственнаго управленія. Но и это далеко не все. Союбы, какъ они ни были неполны, несовершенны и зависимы отъ самого царя и окружавшихъ его духовенства и бояръ, сослужили Русской землѣ не малую службу. Только опираясь на нихъ, московскіе государи, несмотря на всю безпредѣльность своей власти, могли спокойно и удобно провести многія весьма важныя реформы, въ тревожную минуту самозащиты отъ виѣшнихъ враговъ вызвать народъ на экстренныя пожертвованія и послѣ смутной эпохи замирить расшатавшуюся внутри и отъсюду угрожаемую извнѣ страну. Сами московскіе государи чувствовали, что для такой задачи мало даже ихъ непримѣрно неизмѣримой власти и что обойтись безъ помощи со стороны самого общества—невозможно. При помощи соборовъ Иванъ Грозный провелъ одну изъ важнѣйшихъ реформъ въ древней Руси—устройство церковнаго управленія при посредствѣ бѣлаго духовенства на выборномъ началѣ. Соборы избирали царей, начиная съ Бориса Годунова до Алексѣя Михайловича; они утверждали важнѣйшіе законодательные акты (Стоглавъ, Уложеніе и т. д.); въ большинствѣ соборовъ (1614, 1616, 1632, 1634 и 1637 годовъ) рѣшено было чрезвычайное обложеніе, въ виду военныхъ издержекъ и для вознагражденія служилыхъ людей. Соборъ 1619 года состоялся по предложенію патріарха Филарета, указавшаго, что послѣ польскаго раззоренія подати и повинности стали ложиться чрезвычайно неравномѣрно; дозорщики, посланные описать настоящее положеніе дѣлъ, изъ корыстолюбія составили неправильныя писцовыя книги, для чего нѣкоторые живутъ въ покоѣ и во льготѣ, а другіе пришли къ конечному раззоренію; воеводы и приказные люди, посланные по городамъ для управленія, раззоряютъ и грабятъ горожанъ. Соборъ, несмотря на то, что онъ состоялъ изъ однихъ московскихъ людей, порѣшилъ слѣдующія мѣры: 1) послать въ города новыхъ дозорщиковъ; 2) посадскихъ людей, которые заложились за бояръ и духовенство, возвратить на прежнія мѣста; 3) сдѣлать точный счетъ всѣмъ наличнымъ суммамъ, которыя остались въ городахъ послѣ раззоренія. Соборъ 1618 года, изъ московскихъ людей, рѣшилъ отразить всѣми силами нашествіе Владислава и разсуждалъ о способахъ защиты Москвы. Соборъ

1621 года опредѣлили стоять противъ Польши. Соборъ 1617 года, по поводу нападенія крымскаго хана, опредѣлили стоять за великаго государя. На соборъ 1642 года внесенъ былъ государемъ вопросъ, возвратить ли туркамъ взятый казаками Азовъ, или защищать его, рѣшившись на войну. Послѣдній соборъ 1653 года, состоявшій изъ духовенства и придворныхъ чиновъ, разрѣшилъ принять подданство Малороссіи. Однимъ словомъ, всѣ важнѣйшіе акты внѣшней и внутренней государственной жизни были закрѣплены соборами и являлись не единоличными мѣропріятіями самодержавной власти; а выраженіемъ народной воли, по крайней мѣрѣ со стороны тѣхъ сословій, которыя въ то время пользовались преобладаніемъ и голосомъ. А это весьма важно, особенно въ трудныя минуты народной жизни. Единоличныя мѣропріятія никогда не бываютъ прочны, зависятъ отъ случайностей успѣха и легко могутъ окончиться чѣмъ-нибудь въ родѣ Седана. Рѣшенія, за которыя стоитъ по крайней мѣрѣ преобладающее въ народѣ меньшинство, защищаются цѣлымъ народомъ и падаютъ только съ полною потерей національной независимости.

Еще смѣлѣе выступили на путь бюрократической централизаціи послѣдніе московскіе цари въ сферѣ чисто-мѣстнаго управленія и устроили его, съ своей точки зрѣнія, съ замѣчательнымъ политическимъ тактомъ. Россія временъ Грознаго еще сохраняла слѣды историческихъ особенностей различныхъ земель, изъ которыхъ она сплотилась. Хотя основу провинціального дѣленія составлялъ уже *уѣздъ*, т. е. городъ, къ которому примыкали волости и станы, но существовало много особенностей, не подходившихъ подъ общее правило. Такъ, Новгородъ и Псковъ еще составляли отдѣльныя области; земли Вятская, Онежская, Двинская представляли нѣкоторыя особенности въ управленіи; инородцы еще не организовались въ волости, хотя, съ другой стороны, были волости съ особымъ управленіемъ, не принадлежавшія ни къ какому городу. При Романовыхъ эти особенности сгладились и вся Россія распалась на отдѣльные уѣзды, не допускавшіе никакого объединенія и образованія крупныхъ и сплотившихся провинцій, наклонныхъ къ сепаратизму. Областное самоуправленіе было уничтожено и вмѣсто него въ городахъ были поставлены воеводы, избиравшіеся правительствомъ и вполнѣ независимые отъ общества. Всѣ уѣздные воеводы были также независимы одинъ отъ другаго и прямо сносились съ приказами или даже прямо писали самому царю. Изъ этого общаго правила было впрочемъ нѣсколько исключеній: при-

города Новгородъ и Пскова подчинены были новгородскимъ и псковскимъ воеводамъ; въ Сибири нѣсколько городовъ—Верхотурье, Пелымъ, Тара, Березовъ, Туринскъ—подчинены были тобольскому воеводѣ; Терекъ и Черный-Яръ были подчинены астраханскимъ воеводамъ.

Власть воеводы, какъ непосредственнаго агента московскаго приказа, была непомѣрна, а какъ самостоятельнаго администратора—совершенно безсильна; воевода всякій разъ приводился въ движеніе указомъ изъ Москвы, въ противномъ случаѣ онъ бездѣйствовалъ. Такая политика создала въ Россіи не вымирающей запасъ тѣхъ мѣстныхъ администраторовъ, для которыхъ интересы управляемыхъ—совершенно чужіе и не существующіе, а вся цѣль состоитъ въ непрекословномъ и часто неумѣломъ исполненіи предписаній начальства. Воеводы не затруднялись привести въ дѣйствіе то или другое распоряженіе начальства, какъ бы оно тяжело ни ложилось на ввѣренную имъ мѣстность, лишь бы сдѣлано было удобное начальству. И съ своей точки зрѣнія они были правы: для нихъ всякая мѣстная служба была переходною ступенью на лѣстницѣ наградъ и повышеній, по которой можно было взбираться только опираясь на «благорасположеніе начальства», а не на заботы объ общественномъ благѣ. Старинный воевода въ своемъ мѣстѣ былъ все,—въ рукахъ его одного сосредоточивались всѣ отрасли военнаго и гражданскаго мѣстнаго управленія. Чѣмъ шире распространялась централизованная правительственная опека, чѣмъ глубже и полнѣе она уничтожала и поглощала остатки прежняго самоуправленія, тѣмъ разностороннѣе и безграничнѣе становилась власть воеводы. Если сравнить изъ года въ годъ напечатанные указы воеводамъ, то въ каждомъ послѣдующемъ можно отмѣтить нѣсколько лишнихъ шаговъ. Но, несмотря на точное и мелочное исчисленіе въ наказахъ обязанностей воеводъ по разнымъ отраслямъ управленія, почти вездѣ говорилось: «дѣлать воеводамъ по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему вымотру, *какъ будетъ пригоже и какъ ихъ Богъ вразумитъ*». Итакъ, исполнительной власти воеводъ предѣловъ не было: лишь бы было пригоже, а пригоже въ то время значило—«лишь бы казнѣ было прибыльно». Контроля никакого надъ воеводами не было: въ отвѣтъ на притѣсненія, несправедливости и обиды можно было пенять только на Бога, зачѣмъ онъ такъ «вразумляетъ» мѣстнаго администратора. Такимъ образомъ Москва, на исходѣ своей объединяющей дѣятельности,

создала такой типъ безпредѣльнаго развитія мѣстной правительственной администраціи, далѣе котораго идти было нельзя. Какъ бы ни была увеличена послѣ того власть мѣстной администраціи, она далеко не дойдетъ до начальнаго своего типа — стариннаго московскаго воеводы. Что-жь, «вольготно» ли тогда жилось на Руси? Приносили ли пользу правительству эти полноправные и безпрекословные мѣстные исполнители его распоряженій?... Одинъ воевода постоянно ходилъ по городу съ батогомъ, въ полтора аршина длиной и въ палецъ толщиной, и билъ людей, кого только встрѣчалъ на улицѣ, приговаривая: «я, воевода (такой-то), всѣхъ изъ-подъ тиха выведу, и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣта не видать и изъ тюрьмы не избывать». Бывали случаи и хуже. Другой воевода вздумалъ вести войну съ товарищемъ въ городѣ, сталъ стрѣлять въ его домъ изъ пушекъ и перебилъ народъ. Въ особенности въ областяхъ, находившихся подальше отъ Москвы, воеводы разнуздывались до такой степени, что теряли всякій человѣческій образъ и превращались въ кровожадныхъ дикихъ звѣрей. Тамъ для вымогательства денегъ въ буквальномъ смыслѣ примѣнялись огонь и желѣзо; въ другомъ мѣстѣ замаривали голодомъ совершенно невинныхъ; для удовлетворенія страстей не щадились ни полъ, ни возрастъ; попирались самыя священныя семейныя отношенія. Воспоминанія русскаго народа всегда краснорѣчивѣе свидѣтельствуютъ въ этомъ случаѣ и сложилось множество пословицъ, гдѣ время воеводскаго управленія поминается какъ самая тяжелая и невыносимая бѣда въ народной жизни... Наказъ тульскаго дворянства своему депутату въ екатериненскую комиссію Уложенія предлагалъ уничтожить самое названіе воеводы, «дабы память многихъ въ семь званіи бывшихъ нарушителей благоденствія загладить». Читая рассказъ о злоупотребленіяхъ воеводской власти, невольно представляется вопросъ, поставленный и совершенно вѣрно разрѣшенный профессоромъ Градовскимъ: какимъ же образомъ, несмотря на повсемѣстное владычество этого узаконеннаго произвола, Россія стояла, крѣпла и разрослась въ то громадное государство, въ которомъ мы живемъ? Что народъ, что общество противопоставляло этому необузданному разгулу административнаго насилія? Какія жизненныя начала, зрѣя въ тайникахъ народной жизни, сохраняли и вырощали здоровые зародыши совершающейся исторической судьбы?—Во-первыхъ, правительство само увидѣло необходимость ограничить произволь и злоупотребленія воеводской власти. Это по-

вело къ системѣ изъятій изъ вѣдомства воеводъ разныхъ отраслей администраціи, что должно было до нѣкоторой степени замѣнить контроль. Такому изъятію подверглись прежде всего многія отрасли финансоваго управленія, такъ какъ свои финансовые интересы московское правительство всегда ставило на первомъ планѣ. Установлены были *вѣрныя должности*, гдѣ земское начало доставляло правительству людей пригодныхъ для казеннаго дѣла, а отвѣтственность падала прямо на избранныхъ лицъ, а иногда на самихъ избирателей. Въ руки этихъ вѣрныхъ должностей, замѣщаемыхъ иногда по назначенію самого правительства, иногда по выбору общины, переходятъ вообще сборы денежныхъ податей и повинностей. Такимъ образомъ, при первомъ же столкновеніи съ злоупотребленіями административнаго произвола, даже централизующее московское правительство, враждебное всякому земскому строю, не могло найти другаго отпора, какъ прибѣгнуть къ гонимому имъ самимъ выборному началу и специализированію, по крайней мѣрѣ въ финансовой сферѣ, администраціи до послѣдней крайности, т. е. для всякой отдѣльной общины.

Вотъ послѣднее доказательство, что жизненное начало мѣстнаго самоуправленія не могло быть окончательно подавлено, — оно неудержимо всплыло на верхъ и требовало для себя подобающаго мѣста. Но и этотъ чистый источникъ московская централизація съумѣла замутить и надолго испортить такъ, что онъ не принесъ плодовъ, которыхъ бы отъ него слѣдовало ожидать. Земскіе выборы, вводимые въ кругъ администраціи въ смыслѣ правительственныхъ органовъ, замѣняющихъ назначенныхъ отъ правительства чиновниковъ, только потому, что земскіе оказываются для правительства дешевле, или надежнѣе и способнѣе, какъ лица тѣсно связанныя съ мѣстностью и потому болѣе свѣдущія относительно ея интересовъ и средствъ, — такіе земскіе начальники еще далеко не являются представителями мѣстнаго самоуправленія въ истинномъ смыслѣ. Мало-по-малу эти выборные входятъ въ свою чиновничью роль и, оттѣсня на задній планъ свое выборное происхожденіе, впереди себя видятъ только одно — правительство, которому они призваны служить, и такимъ образомъ окончательно пропадають въ сплошной массѣ чиновничества. Злоупотребленія со стороны посадскихъ людей, призванныхъ, такъ или иначе, на вѣрныя должности, скоро стали равняться съ воеводскими: народъ не зналъ, что лучше — воевода ли и дьякъ, посланные изъ московскаго приказа,

или сегодня посаженные, изъ своихъ мѣстныхъ посадскихъ, таможенный голова или цѣловальникъ. Эта система введенія выборныхъ должностей въ чисто-правительственную организацію придала чиновничій оттѣнокъ всѣмъ нашимъ сословнымъ и земскимъ должностямъ. Мало того, что и правительство, и сами выборные люди смотрѣли и продолжаютъ смотрѣть на свою сословную и земскую службу только какъ на переходную ступень для полученія болѣе прочнаго назначенія въ правительственной службѣ,—даже тѣ выборныя лица, которымъ нельзя разсчитывать на подобный исходъ по своей личной обстановкѣ и обстоятельствамъ, относятся до сихъ поръ къ своему дѣлу въ смыслѣ прежнихъ выборныхъ людей. Для обузданія воеводъ одной этой системы ограниченія ихъ власти оказалось мало и—общество само давало иногда отпоръ воеводскому насилію.

Въ случаяхъ особенно крайнихъ, гдѣ истощалась мѣра народнаго долготерпѣнія, отпоръ этотъ былъ активный. Посадскіе и крестьяне «чинились сильны», сажали воеводу въ тюрьму и даже выгоняли его. Въ этихъ обстоятельствахъ московское правительство отличалось большимъ тактомъ: оно понимало, что опора правительства—не въ чиновникѣ, который самъ по себѣ ничтоженъ, продаженъ и безсиленъ, но въ народѣ. По этому поводу мы не можемъ не привести замѣчательныхъ словъ профессора Градовскаго: «Московскіе государи отлично сознавали что они—цари самодержавные, и умѣли построить свою политику на этомъ сознаніи. Они не отождествляли своей власти со значеніемъ воеводъ и приказныхъ людей въ уѣздахъ, да и не зачѣмъ имъ было дѣлать это. Ихъ сила была не въ воеводахъ и не въ приказныхъ людяхъ, а въ народѣ, который спокойно тянулъ свое тягло нѣсколько сотъ лѣтъ и стянулъ Русскую землю». Оттого жалобы на воеводъ со стороны посадскихъ людей всегда встрѣчали удовлетвореніе въ правительствѣ. Посадскіе жалуются на злоупотребленія воеводъ по таможеннымъ и кабацкимъ дѣламъ—и правительство запрещаетъ воеводамъ вмѣшиваться въ эти дѣла; общины жалуются на злоупотребленія по мірскимъ сборамъ—и правительство отстраняетъ воеводъ и отъ этихъ дѣлъ. Мало того, правительство прямо обращается къ уѣзднымъ жителямъ съ запрещеніемъ повиноваться воеводамъ въ ихъ незаконныхъ требованіяхъ.

Но активный протестъ противъ воеводъ случался рѣдко; на противъ, все чаще и шире становился протестъ, которымъ такъ

силенъ русскій человѣкъ, протестъ пассивный. Народъ бѣжалъ, бѣжалъ отъ чрезмѣрно-усилившихся податей, неподсильныхъ странъ, раззоренной неурядицей смутнаго времени и безпрестанною борьбой съ сосѣдями, — бѣжалъ отъ насилій и злоупотребленій воеводъ, отъ постепенно-затягивавшей и давившей его централизаціи. Цѣлыя общины и уѣзды пустѣли, обширная Сибирь заселялась бѣглецами и, начиная съ Алексѣя Михайловича, рядъ указовъ о бѣглыхъ безплодно старается положить предѣлъ этому всенародному «шатанію».

Но въ томъ и другомъ видѣ общественный протестъ притуплялся. Правительство становилось сильнѣе и строже относилось къ посадскимъ, которые «учинялись сильны», прогнавъ воеводъ; бѣжать становилось некуда, — вездѣ вслѣдъ за бродниками, колонизовавшими пустыри и подчинившими царской державѣ обширныя царства, являлся воевода и воздвигался острогъ, обнесенный частоколомъ, за которымъ укрывалась приказная изба. Невозможному порядку приказно-воеводскаго управленія приходилъ конецъ, — явился Петръ и началъ великое дѣло преобразованія внутренняго управленія Россіи...

Н. Колюпановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ.

І. Вмѣсто предисловія.—Орловско-Витебская желѣзная дорога.—Неукротимый предводитель.—Директора-анварелисты.—Кынарна.—Тихая баба и ироды.— Народная нищета.— Вырождающаяся раса.— Пѣтухъ замѣсто сына.— Мальцовская платформа.—Господскій домъ.

Въ трехъ уѣздахъ: Брянскомъ, Жиздринскомъ и Рославльскомъ, принадлежащихъ тремъ губерніямъ: Орловской, Калужской и Смоленской, раскинулось въ одной общей межѣ громадное и въ высшей степени оригинальное фабрично-заводское царство, созданное усиліями одного человѣка тамъ, гдѣ убогая земля и отдаленность отъ промышленныхъ центровъ, казалось, ничего не могли дать заскудѣвшему крестьянину. Царство это является оазисомъ среди окружающаго бездорожья и безкормицы. Тутъ работаютъ болѣе ста заводовъ и фабрикъ; на десяткахъ образцовыхъ фермъ обрабатывается земля; по небольшимъ рѣчонкамъ бѣгаютъ пароходы; своя узкоколейная желѣзная дорога соединяетъ между собою окраины этого малоизвѣстнаго уголка Россіи; свои телеграфныя линіи покрываютъ его частою сѣтью; въ своихъ школахъ учатся тысячи дѣтей; свои лѣса оказываются нетронутыми, тогда какъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ отъ старыхъ лѣсныхъ пустынь не осталось и рощицъ; тутъ люди пробуравили землю и, какъ черви въ орѣхѣ, копошатся въ ней, вынося на свѣтъ Божій ея скрытыя богатства; отсюда добрая часть нашего отечества снабжается стекломъ, фаянсомъ, желѣзомъ, сталью, паровозами, вагонами, рельсами, паркетами, всевозможными машинами, земледѣльческими орудіями; развиваются новыя производства и, несмотря на наше экономическое оскудѣніе, на отсутствіе заказовъ, поддерживаются старыя. Начиная отъ хозяина, одѣвающегося крестьяниномъ и ведущаго почти крестьянскую

жизнь, и кончая послѣднимъ рабочимъ, жарящимся у домны, здѣсь ничто не нарушаетъ подавляющаго однообразія сермяжнаго царства. Здѣсь нѣтъ роскоши и излишествъ,—нѣтъ и нищеты, нѣтъ и голодобою. Мнѣ этотъ край представляется примѣромъ того, какъ плодотворны могутъ быть даже и у насъ неутомимая энергія, знаніе и умъ, если они не растрачиваются вмѣстѣ съ наслѣдіемъ предковъ въ столицѣ, а уносятся на дно, въ глубь Россіи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не смущаясь отъ неудачи и переживая всевозможныя невзгоды, дѣлаютъ свое кровное, честное дѣло. Меня давно интересовалъ этотъ своеобразный и оригинальный уголокъ, тѣмъ болѣе, что о немъ носятъ въ Петербургѣ и Москвѣ самыя противорѣчивыя слухи. По однимъ, это—царство небесное, по другимъ—рабочій адъ. Люди, благородно проживающіе свои доходы на интернаціональныхъ публичныхъ женщинъ, на разгулъ столичнаго хамства, проигрывающіе въ карты кровь и потъ народа, чуть не съ ужасомъ говорятъ о Мальцовскомъ краѣ и о самомъ Мальцовѣ: «Помилуйте, это—маніакъ; его мѣсто здѣсь, а онъ, какъ простой мужикъ, забился въ деревню и живетъ тамъ съ крестьянами; это—самодуръ какой-то, социалистъ!» И еще какихъ только эпитетовъ не прибираютъ эти господа. Зачѣмъ онъ самъ работаетъ, кому нуженъ его личный трудъ? Онъ могъ бы тратить милліоны, играть роль при дворѣ, а довольствуется тѣмъ, что даетъ ему сельская жизнь. Онъ трудится такъ, какъ человѣкъ, которому ѣсть нечего... Чистокровныхъ холуевъ, прельщаемыхъ болѣе всего блескомъ ливрей, смущаетъ главнымъ образомъ, какъ это человѣкъ бросилъ карьеру, удовольствія столичной жизни и ушелъ въ народъ. Другой лагерь—и пѣсни другія: «Помилуйте, это край, гдѣ все ушло въ физическій трудъ! Владѣлецъ и все его крестьяне работаютъ какъ ваторжники. Тамъ—однообразіе жизни, скудость потребностей, убожество!...» Короче, упреки, которые имѣли бы значеніе гдѣ-нибудь въ благословенной Богомъ Италіи, гдѣ стбитъ копнуть землю ножомъ, чтобы быть сытымъ. По старой памяти, все эти господа считаютъ еще Россію невѣсть какою богатою страной, точно надъ нею раскинулись не цвѣта сѣраго солдатскаго сукна, а вѣчно голубое небо юга,—точно у насъ каждый годъ урожай и достаточно малаго труда, чтобы все потребности были удовлетворены... Противорѣчивыя слухи, преувеличенные рассказы заставили меня самого заглянуть сюда и провести нѣсколько мѣсяцевъ. Долгое время я не принимался за работу, потому что

все пережитое здѣсь было слишкомъ ново для меня; я не могъ разобраться въ массѣ впечатлѣній, не могъ освоиться съ ними. Да и задача сама по себѣ представляется крайне трудною. Тутъ нужны не одни схваченные на лету факты, не одни наброски наблюдательнаго туриста, но и выводы, и указанія. Если то и другое будетъ у меня не въ должной полнотѣ, — виновать я, а не объектъ наблюденія. Милости просимъ этнографовъ, экономистовъ и организаторовъ, — пусть они сами на мѣстѣ провѣряютъ мои данныя и пополняютъ ихъ. Только у насъ, при нашемъ невниманіи ко всему своему, этотъ уголокъ могъ такъ долго оставаться въ полной неизвѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, исключая нѣсколько жидкихъ газетныхъ корреспонденцій, двухъ рѣденькихъ статей въ *Земледѣльческой Газетѣ*, да трехъ-четырехъ казенныхъ замѣтокъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, объ этомъ край ничего нигдѣ не появлялось. Во всякой иной странѣ цѣлые томы, цѣлыя изслѣдованія были бы посвящены этому краю труда и предпріимчивости. У насъ ему наскоро, точно на бѣгу, удивляются, но остановиться на немъ, всмотрѣться въ него попристальнѣе никому и въ голову не приходитъ. Пополняя этотъ пробѣлъ, я оставляю за собою только заслугу первой попытки. Моя цѣль будетъ достигнута, если эти очерки вызовутъ интересъ къ одному изъ оригинальнѣйшихъ уголковъ Россіи, если они призвуть къ изученію его болѣе талантливыхъ и болѣе свѣдущихъ людей.

Время для посѣщенія этого края я выбралъ самое тяжелое для мѣстнаго населенія. Неурожаи, истощавшіе его, довели цѣну хлѣба до 1 руб. 75 коп. за пудъ. Общій экономическій кризисъ отразился и на заводахъ: заказы прекратились, издѣлія, уже готовые, не находили себѣ сбыта. На заводахъ лежала тяжкая обязанность или распустить рабочихъ, какъ это было сдѣлано въ другихъ мѣстахъ, и такимъ образомъ, при отсутствіи хлѣбопашества или иныхъ заработковъ, обречь ихъ на голодную смерть, или же продолжать производство безъ всякаго на него спроса. Къ этому присоединились еще и другія неблагоприятныя условія. Ввозъ иностранныхъ машинъ черезъ австро-прусскую границу и заграничнаго стекла черезъ порты Чернаго моря дѣлалъ невозможною конкуренцію съ ними. Въ общемъ положеніе дошло до того, что Подбужеская волость, Жиздринскаго уѣзда, не принадлежащая къ Мальцовскому округу, стала исключительно питаться мякиной. Другія сосѣднія волости находились не въ луч-

шемъ положеніи, и толпы рабочихъ являлись на заводы въ то самое время, когда и своимъ съ величайшимъ трудомъ и усиліями отыскивалась какая бы то ни была работа. Крестьянскій скотъ падалъ. Онъ объѣлъ всю солому съ крышъ, гнилье, какое оставалось съ прошлаго лѣта, но, наконецъ, не хватило и этого. Стали его выгонять въ поле, чтобъ изъ-подъ снѣга добывать себѣ старую, высохшую траву. Коня едва держались на ногахъ, — о работѣ и думать нечего было. Народъ тоже «тосковалъ», по мѣстному выраженію. Въ эту-то тяжелую; трудную годину общаго бѣдствія я пріѣхалъ въ заводскій округъ, ожидая и здѣсь наткнуться на тѣ же картины безкормицы и самой безвыходной нужды.

Дѣйствительность не оправдала моихъ ожиданій.

Ни одна труба фабрики не перестала дымиться, ни одна заводская печь не погасла. Какъ изворачивались заводы, какъ они кормили и кормились—для меня долго было загадкой. Населеніе не испытывало крайней нужды. Хлѣбъ, заготовленный по дорогой цѣнѣ, выдавался въ достаточномъ количествѣ, а между тѣмъ положеніе дѣла было критическое. Распрашивать было нечего,—нужно было приглядываться и прислушиваться ко всему совершавшемуся кругомъ. Борьба тутъ шла на жизнь и на смерть. Оскудѣнію и нищетѣ не уступалось ни одной пяди. Выморачивалось одно производство, на смѣну тотчасъ же придумывалось другое; становился убыточнымъ какой-нибудь промыселъ,—задумывались и выполнялись усовершенствованія, удешевлявшія его: проводились новыя желѣзныя дороги, дѣлавшія болѣе выгоднымъ транспортъ кладей; придумывались работы, которыя только могли бы дать хлѣбъ людямъ, безъ всякаго расчета на какой-либо барышъ. Издержки сокращались до минимума.

Такимъ путемъ, среди общаго голода, здѣсь населеніе не видѣло нужды; заработокъ въ данную тяжелую пору уменьшился почти незамѣтно и потомъ снова выросъ. Бѣдствіе прошло, не воснувшись крестьянства.

Какъ это случилось, видно будетъ изъ послѣдующихъ главъ.

Въ Орлѣ я пересѣлъ въ превосходно устроенный вагонъ Орловско-Витебской желѣзной дороги.

Я не знаю мѣстности болѣе бѣдной и менѣ производительной для рельсоваго пути и въ то же время я не встрѣчалъ желѣзной дороги роскошнѣе устроенной: зеркальные вагоны, съ сидѣньями крытыми узорчатымъ бархатомъ, съ потолками и дверями изъ цѣльнаго палисандра, со всевозможными удобствами,

подъ-конецъ даже нѣсколько надождающими. По неволѣ въ головѣ являлись такія соображенія: во сколько обошлась земству и государству эта дорога и на израсходованные-то милліоны сколько сотенъ и тысячъ верстъ можно было бы провести узкоколейныхъ путей съ маленькими пассажирскими вагончиками и прекрасными платформами для перевозки торговыхъ и фабричныхъ грузовъ! Какія бы отдаленныя захоlustья подобнымъ способомъ были связаны съ главными артеріями нашей промышленности! Сколько свѣта и богатства внесли бы такія узкоколейныя дешевыя дороги въ захоlustья, гдѣ нѣсколько сотъ лѣтъ въ ежовыхъ рукавицахъ нищеты и невѣжества тщетно бьется многомилліонное, но маломысленное населеніе!.. Такія дороги, какъ Орловско-Витебская, обогатили только капиталистовъ, тогда какъ тѣ, о которыхъ говорю я, спасли бы голодающихъ... Теперь, когда я пишу эти строки, сближенія такого рода выступаютъ еще определеннѣе, потому что въ Жиздринскомъ, Брянскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ я видѣлъ, что сдѣлали дешевыя дороги, эти рельсовые мужицкіе пути, которыя гораздо болѣе къ лицу нашей бѣдной странѣ, которыя намъ по карману прежде всего. Я съ моими спутниками занялъ одно изъ отдѣленій вагона, какъ вдругъ къ намъ влѣмывается какая-то особа — горластая, нахальная...

— Извольте очистить это отдѣленіе!

— Что такое?

— Тутъ помѣщусь я съ дамами.

— Дамское отдѣленіе — тамъ.

— И безъ васъ знаю... Гдѣ начальникъ станціи?.. Позвать начальника станціи!

Является трепещущая фигура.

— Отчего они заняли это отдѣленіе?

— Они первые-съ...

— Какіе-то прикащики... Это чортъ знаетъ что!...

Почему мы оказались прикащиками и почему прикащики за ту же плату не имѣютъ права садиться куда имъ угодно, я рѣшительно понять не могъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе десяти минутъ мы слушали львиныя рычанія, раздававшіяся то съю, то овамо. Назойливый господинъ, давно усадившій дамъ, не могъ успокоиться.

— Скажите ради Бога, кто же это такое?

— Да свѣже-испеченный к—ій уѣздный предводитель дворянства.

— Чего же ему надо?

— Хочетъ, чтобы дамское отдѣленіе было это, чтобы ему сѣсть сюда вмѣстѣ съ своими дамами...

— Забаллотируютъ они меня, ей-богу забаллотируютъ! — прижался въ уголь маленькій, толстенькій человѣчекъ, точно подмигивавшій намъ однимъ глазомъ. На круглой головѣ его—обвалявшаяся шелковая фуражка, на шеѣ шарфъ, яркость цвѣтовъ котораго привела бы въ изступленіе самаго смиреннаго и захудалаго быка.

— Чего вы беспокоитесь, ваше превосходительство!

— Помилуйте, какъ же не беспокоиться... Вотъ теперь онъ освирипѣлъ и на меня въ числѣ другихъ,—ну, на выборахъ и накатаетъ съ своей партіей черняковъ.

— Авось!...

— Да, вамъ легко говорить... А если меня изъ губернскаго предводителя въ уѣздные выгонять, такъ я и директоромъ отъ земства на желѣзной дорогѣ не буду... А оно, знаете, 5.000 р. въ годъ. Легко сказать, а ну-ка достань... Нашъ братъ-дворянинъ такой суммы нигдѣ не подниметъ... Тяжкое время пришло-съ!...

— А куда вы теперь пробираетесь?

— Въ семейство-съ, въ Ниццу... Ну, и въ С.-Барло—въ Мо-наго.

— Зачѣмъ?

— Играть-съ!... Въ рулетку... У меня каждый годъ...

— Вона!

— Да-съ... Я это съ разсчетомъ-съ...

— Какой же въ игрѣ разсчетъ можетъ быть?

— Какъ кому... Помилуйте... Вы что думаете: у меня положено проигрывать не больше трехъ тысячъ франковъ,—я туда и денегъ съ собой больше не беру,—ну, а выигрывать сколько придется.

— И, разумѣется, проигрываете?

— Отчего же-съ... Нѣсколько уже лѣтъ по 20, а то и по 30.000 франковъ увожу оттуда-съ... Главное-съ характеръ выдерживать... Я на 130.000 франковъ, выигранныхъ въ Ниццѣ, себѣ и виллу купилъ.

Шелковая фуражка сползла на бекрень. Губернскій предводитель самодовольно посмотрѣлъ на меня и фыркнулъ.

— Это значить у васъ какъ правильный промыселъ?

— Что за правильный, помиуйте!... По нынѣшнему дворянскому оскудѣнію лучше и промысла нѣтъ... У меня на все-съ правила. Вотъ вы, напримѣръ, на желѣзной дорогѣ ѣдите?

— Ъдимъ.

— А у меня гигиена. Я съ воскресенья, какъ выѣхалъ, до пятницы только разъ поѣмъ и пью три раза.

Мы рты разинули.

— И чудесно. Въ Динабургѣ — бутылку сельтерской воды, въ Эйдкуненѣ содовой воды и стаканъ пива, въ Берлинѣ чего-нибудь перекушу и вплоть до Парижа такъ... А въ Парижѣ пообѣдаю... Вотъ и все-съ. А потомъ слѣдующій обѣдъ въ Ниццѣ.

Человѣкъ съ правилами меня очень заинтересовалъ. Разговорился съ нимъ: оказался однимъ изъ характернѣйшихъ типовъ оскудѣлаго дворянства. Былъ военнымъ генераломъ, теперь ужъ нѣсколько лѣтъ предводительствуетъ, поддерживая свое благосостояніе счастливой игрой въ рулетку. Сверхъ того по выборамъ служить директоромъ отъ земства на Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ, старается со всѣми ладить и пуще всего на свѣтѣ боится черныхъ шаровъ и желѣзнодорожныхъ буфетовъ съ ихъ яствами. Другіе директора — тоже люди оригинальные: вся ихъ дѣятельность уходитъ на окраску вагоновъ и станцій. Одна изъ нихъ меня особенно поразила. Разные цвѣта выступили на ней точно на картѣ, обозначая различныя племена, населяющія Російскую имперію.

— Что это у васъ?

— А все директора... Живописью акварельной занимаются. Приѣдетъ одинъ: «Что это, говоритъ, за гадость! Выкрасьте станцію и вагоны въ дикій цвѣтъ». — Выкрасили. Приѣзжаетъ другой... «Экая гадость!.. Красьте въ розовое». — Исполнили. Является третій. Не успѣлъ взглянуть, ужъ и кричить: «Чему вы это обрадовались? Что это за сентиментальные колера!» — «Прикажете выкрасить?» — «Разумѣется, сейчасъ же». — «Въ какой же цвѣтъ?» — «Gris-perle!» — Ну, вотъ вамъ въ концѣ концовъ отъ дождей сняло все, да на разное и пошло-съ! А намъ что же-съ? — намъ все равно...

Гораздо интереснѣе былъ третій классъ.

Кажется, изъ Барачева я перебрался туда. Тамъ было набито народу и все это галдѣло, какъ Богъ на душу положить... Одинъ изъ пассажировъ держитъ въ рукахъ, прикрытую плат-

жомъ, птичью клѣтку—и весь путь на вѣсу, точно боится обезпокоить ея обитательницу.

— Птицу везете? — спрашиваетъ у него сосѣдь.

— Не пса, разумѣется!... Псовъ въ клѣткахъ не возятъ, тѣхъ на цѣпи, — мгновенно обижается тотъ.

— Такъ... Чижъ значить?

— Самъ ты чижъ!... Нашель птицу... Экую пѣвицу, какъ чижъ, рази бы я такъ бережно?... Эхъ, ты...

— Не орла же двуглаваго?

— Извѣстно, не орла... Бынарку!... Какая кынарка: иная кынарка и орла превзойдетъ...

— И хороша кынарка?

— Скрипка, одно слово! Умиѣй человекъ кынарка!... Какъ ей только посвисти, она ужъ и разнѣжилась... Сейчасъ—прыгъ, прыгъ и поеть...

— На продажу?

— Да. Очень ужъ деньги надобны... Ну, я ее одну и везу. Тутъ, въ Брянскѣ, есть настоящіе любители.

— А какая ей цѣна будетъ?

— Красенькая бумажка.

— Птица - то малая.

— А ты — дуракъ большой!

— Чего ругаешься-то?

— Да какъ тебя не ругать, сволочь?... Рази птицу по росту судятъ? Ты бы ужъ не любопытствовалъ... А тоже спрашиваетъ, сколько стоитъ... Рази ее на вареве тебѣ?... Малая... Дубина ты стоеросовая!

— А вотъ за эти за самыя слова...

— Ну?

— Отвѣтите.

— А ты зачѣмъ птицу мою трогаешь? Я можетъ за птицу-то больше, чѣмъ за себя... Малая... Музыканты!...

На слѣдующей скамѣ шла бесѣда тихая. Одинъ противъ другаго помѣщались два мастодонта: необычайно толстая бабица и не менѣе тучный купецъ. Первая смиренствовала, ожидая очевидно великихъ и богатыхъ милостей, второй благосклонно внушалъ ей, какъ сиротѣ надо жить...

— Ты подражай, и тебѣ хорошо будетъ.

— Вы ужъ, Степанъ Федосѣичъ, меня уважьте.

— Уважу... Ты — баба тихая... Я тебя уважу...

— Ужь такъ, значить, дворигъ-то за тридцать серебра?

— Пущай... за благородство твое.

— Потому чтобы дракъ этихъ—у меня нѣтъ... У меня дѣвицы смирныя, совсѣмъ монашки которыя.

— Зачѣмъ драка? Лаской нашего брата пуще ограбите. Нашего брата добрымъ-то словомъ какъ ушибить можно!... Вотъ хотъ ты, такъ я тебя за тишину твою полюбилъ!...

— Благодаримъ пожорно.

— Баба ты сочная, а гордости въ тебѣ нѣтъ.

— Ужь и самой сожа эти въ тягость...

— Мясами одержима... А отчего?—оттого, что ты тихая баба, ласковая... Дѣтей у тебя нѣтъ?

— Нѣтъ... Не далъ Господь... Ужь какъ я томсь...

— Будуть... Это будь спокойна... Коли захочешь, чтобъ были, будутъ по желанію твоему.

— И съ дѣтьми тоже нонѣ.

— Безпокойно?

— У иныхъ прочихъ хуже этихъ... бузуковъ. Такіе ироды!

— Ироды?... Ироды младенцевъ больше...

— Вѣрно твое слово!—вмѣшалась старуха рядомъ.—И ироды разные, господинъ купецъ, бываютъ... Которые и младенцевъ, а которые ироды и родителейъ... Особенно промежду мужчиновъ страсть какъ пужаютъ наше дамское сословіе... У меня теперъ Ивашка... это которые ахаль-тегинцы гораздо его смириѣй. Я ужь и то ему говорю: смотри, Иважь, на свою Скобелева наткнецъся, онъ тебя успокоить!...

Два мужика около вели совсѣмъ дѣловой разговоръ.

— Ты какъ барана-то купилъ?... Смотрѣлъ?

— Извѣстно... Ужь я округъ-то ходилъ, ходилъ... Пять цѣлковыхъ!... Ужли же я стану такъ бизо глазу?...

— Ты куда яво, барана-то, щупалъ?

— Извѣстно... Подъ пузай.

— Ты его съ боковъ прошынай... Ежели въ ѣмъ какая хворость есть, она тебѣ сейчасъ—во... на ладони!... Право слово! Потому у насъ дьячокъ, онъ чуть что, сичасъ въ кабагъ, и сколь хошь ты ему ставъ, а онъ все плачетъ, расплачетъ: «Ахъ, сколь я много, гритъ, терплю!... Сколь я терпѣлъ... Господи!... Ежели бы, гритъ, другому кому, давно бы на колокольню и—сверзился...

— Да ты это о чемъ?

— О дьячкѣ...

— Чего о дьячкѣ?... Я—о баранѣ... Говорю, подѣ пузай шу-
паль... Дулдышечка экая махонькая есть, но только ничаво...

Оба нѣкоторое время смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи...

— Поди-жь ты... И съ чего теперича этотъ дьячокъ замѣ-
шался...

— То-то, потому я про барана.

— Точно, а только этотъ дьячокъ—горькій, такой горькій, та-
кой горькій... Ахъ!.. Какъ выпьетъ, сейчасъ водка эта у него
слезой идетъ... Много, грить, я грѣшенъ, Господу моему можетъ
яко извергъ предстою, а только душа у меня во какъ чиста!...

— Мѣста ищете?—обратился ко мнѣ неподалеку одинъ изъ
крестьянъ-пассажировъ.

— Да, куда бы присѣсть вотъ.

— А здѣсь не угодно ли?... Въ какія мѣста теперь?...

— Да вотъ на заводы.

— Тагъ... Которые наши крестьяне тамъ, тагъ съ полгоря,—
ни съ того, ни съ сего объявилъ онъ.

— Это почему же?

— А потому. Оскудѣли мы здѣсь, очень заскудѣли... Самъ
видѣль, какая у насъ земля неспособная... Паши ее, песокъ одинъ.
Ничего не родить она.

— Видѣль, точно.

— Ну вотъ... А въ послѣдніе годы совсѣмъ немочно стало...
Что ни дѣлай, помирать легша. Теперь у насъ запашка—пять
четвертей, а съ пяти-то мы сняли четыре,—себѣ въ убытокъ.
Вотъ у насъ хозяйство какое... Должонъ я подать отдать, да на
земство... И семью прокормить—мнѣ мало-мало двадцать четвертей
надо, а цѣну-то нонѣ слышалъ? Рубь семьдесятъ пять пудъ...
Хорошо это?... Откуда я возьму?... Вотъ я и говорю: которые маль-
цовскіе, тѣмъ чудесно, потому ихъ Мальцовъ кормить при заводѣ.
Имъ что?—они бѣды не знаютъ. Чуть недородъ, сейчасъ въ
контору: «давай работу». — «Нѣтъ работы!» — «Намъ должна быть,
потому мы мальцовскіе». — Ну, и даютъ... И хлѣбъ даютъ, и рабо-
ту даютъ, а намъ не очень-то... Тутъ у Тянилева и Губонина ро-
били мы и деньги хорошія получали, а только неспособно... Пер-
вое—распустили, потому у нихъ дѣла мало нонѣ, а второе—жисть
тамъ больно веселая... Кабаки эти. Что ни заробишь, все уйдетъ.
Теперь мы домой, а только мекаемъ, что и дома намъ робить
ничего... Совсѣмъ мы заскудѣлые!... Скотъ у насъ тоже еле на

ногахъ стоитъ, отоцалъ... Брюхо у него пухлое, а самъ что лѣсинка гнется. Хворость—и тотъ кони-то оглодали... Когда еще на нихъ работать станешь!...

И вездѣ та же пѣсня: нуженъ хлѣбъ и хлѣбъ. Многого не хотѣть, лишь бы не помереть только съ голода, а голодъ подступаетъ настоящій. Прежде къ мироѣдамъ въ кабалу шли, теперь и мироѣды не даютъ ничего,—и безъ того крестьяне у нихъ въ неоплатныхъ долгахъ состоятъ. Теперь даже и урожай лѣтній не особенно поправить положеніе дѣла, потому что ничего не сдѣлано для установленія сколько-нибудь сносныхъ цѣнъ на зерно. Крестьяне даже боятся слишкомъ большаго урожая,—тамъ, гдѣ его ждуть,—потому что при немъ цѣны упадутъ до минимума и весь барышъ уйдетъ въ руки жидовъ и скупщиковъ, на которыхъ сколько уже времени такимъ образомъ безъ устали работаетъ крестьянство. Колебанія цѣнъ таковы, что мужикъ и теперь потерялъ голову совсѣмъ.

— Что же это будетъ? — сокрушался одинъ подъ Барачевомя.— Какъ же это?... Гдѣ же Богъ-то?

— А что?

— Да какъ же, помилуй... Лѣтось сами мы продавали хлѣбъ по 40 коп. за пудъ, а теперича приходится платить за тотъ же хлѣбъ по 1 руб. 75 коп. Какъ же это?...

— А зачѣмъ продавали?

— Какъ не продашь, коли зимой голодъ былъ, займовались,—ну, лѣтомъ и отдавать пришлось.

Были даже мѣстности, отдававшія свой хлѣбъ по 25 коп. за пудъ. Слѣдовательно зимою онѣ же за каждый пудъ хлѣба, купленный ими по 1 р. 75 коп., отдали семь пудовъ своего. Такой невозможный процентъ хоть кого сведетъ съ ума и озлобитъ. Въ будущемъ поселяне ничего хорошаго не видятъ,—земли мало, да и та истощена до послѣдней возможности. Упрекать ихъ за это едва ли основательно. Не виноватъ безграмотный мужикъ, обезплодившій свою землю тамъ, гдѣ такъ хищнически распоряжался землей интеллигентный и богатый баринъ, имѣвшій возможность всему научиться и ничему не научившійся. Почему перваго мы дѣлаемъ отвѣтственнымъ за то, за что втораго только сожалѣемъ?... Результатомъ экономической безурядицы, въ которую поставленъ русскій мужикъ, явилась полная со стороны его неувѣренность въ своемъ положеніи; отсюда и полное нежеланіе прочно устроиться. Онъ сложилъ руки и повторяетъ одно:

— Какъ Богъ!... А мы ужь очень заскудѣли...

Пожалуй, можно негодовать на отсутствіе энергіи и предприимчивости, да вѣдь не на мякинѣ же воспитаешь и то и другое. Кая тутъ изобрѣтательность явится, коли за каждый пудъ хлѣбъ нужно отдать по семи пудовъ, коли подати изъ тебя выбить, не зная какъ получить ихъ иначе!... А тутъ еще тѣ, которые кормились на заводахъ, тысячами возвращаются въ село, мѣняя міръ. И этихъ надо прокормить, потому что и они не новаты,—безработица. Заводы также виѣ упрека: что же имѣвать? Вѣдь, покровительствуя иностраннымъ производителямъ, губиваемъ своихъ. Таможенная система такова, что внутренняя промышленность не можетъ бороться съ заграничной. Заказовъ тѣ ни откуда, слѣдовательно—раззореніе и роспускъ рабочихъ. Знаете ли, напримѣръ, что машину англійскаго издѣлія провезти въ Гулля до Харькова дешевле, чѣмъ русскую туда же хотя бы въ Орловской губерніи? Да еще первую перевезутъ безъ перегрузки, а слѣдовательно и безъ поломки, а вторую чуть не на каждыхъ двухъ верстахъ переволакивай, и, разумѣется, при небрежности шей желѣзнодорожной администраціи и при невѣжествѣ ея это кодится не безъ ломки. Отсюда—отсутствіе предприимчивости:

для будущаго же поколѣнія работать, когда нѣтъ спроса въ вущемъ. слѣдовательно, оборачивайтесь какъ знаете и какъ можете... А какъ можете, ясно изъ слѣдующаго разсчета. Возьмемъ среднюю семью: отецъ, мать, подростокъ—сынъ, дѣвочка еще работающая, при нихъ бабка или дѣдъ, итого—пять душъ. Отецъ зарабатываетъ въ мѣсяць 10 рублей, мать 4 руб. 80 к., подростокъ 3 руб., итого дохода средней семьи въ мѣсяць 17 р. 10 коп., или 213 рублей 60 коп. въ годъ. Податей, повинностей, вскихъ и иныхъ сборовъ они заплатятъ въ годъ около 80 руб. Иная по 3 фунта хлѣба въ день на каждого, имъ понадобится не меньшей мѣрѣ 15 ф. въ день, или 135 пудовъ въ годъ. Въ юдажѣ въ послѣднее время онъ не падаетъ ниже 1 рубля. Значитъ подати и хлѣбъ требуютъ уже 215 рублей въ годъ, т. е. мѣе заработка. А остальные потребности?... Вѣдь нельзя же на шомъ хлѣбѣ сидѣть. Вѣдь нуженъ и овесъ для скота, и тесь для ровли, и платье для себя. Говорятъ: пьютъ. Позвольте, да кто же не запьетъ отъ такой сладкой жизни?...

— У насъ такъ у кого устатощные были отъ прежняго, все рѣбли. Которыя богатые семьи были, тоже, какъ и мы, нуждаются.

И всѣмъ состоятельнымъ когда-то семьямъ пришлось или перейти въ разрядъ кулаковъ и эксплуатировать ближнихъ, или же обнищать. Зачастую по деревнямъ встрѣчаешь громадныя избы въ два этажа, за то, какъ ребра палой лошади, оголившіяся бревна сиротливо торчатъ, потому что тесъ съ нихъ давно снятъ; заборы развалились, сараи откровенно выказываютъ свою пустоту; печи сиротѣютъ, стоятъ холодныя, а если въ нихъ и вѣтрится что, такъ пустая похлебка или мучная подболтка огажаетъ. И тутъ еще рядомъ упреки: нравственность въ народѣ упала, народъ пересталъ вѣрить... Да помилуйте, какіе же каменные хребты надобны, чтобъ остаться людьми при такихъ вовсе не чловѣческихъ условіяхъ! Вѣдь нужда вотъ до чего дошла: есть села, гдѣ на десять дворовъ—одна коровенка, да и та, какъ во старинномъ фараоновомъ, худа и тоща. Вонъ деревня Хохловка: тутъ на одиннадцать дворовъ—одинъ конь, да и того постоянно у землемѣри отнимаютъ, потому что нужно справлять ему разныя натуральныя повинности... Куда же дѣваться народу, гдѣ ему искать спасенія? Отъ чиновниковъ ждать нечего: этимъ лишь бы во время получать жалованье, да отписаться казеннымъ способомъ; чиновникъ къ тому же народа не видитъ и не знаетъ. Въ земствѣ у крестьянства вѣры нѣтъ, потому что хорошихъ людей мало, больше тѣ же кулаки сидятъ, основавшіе на народномъ бездоміи свое благосостояніе. Да наконецъ если и опомнится земство, прежде всего поправить дѣло—деньги нужны, а гдѣ онѣ? Ихъ придется взять у того же крестьянина, да вѣдь у него только и осталась что шкура, если еще ее не спустилъ становой при взысканіи податей и недоимокъ... И на это заскудѣлое населеніе наметѣли въ несмѣтномъ количествѣ вырощенныя въ послѣдніе годы, всевозможныя кузьки и жучки въ образѣ скупищиковъ, факторовъ, коммиссіонеровъ, мироѣдовъ... Облѣпили они крестьянство плотную и ѣдятъ такъ, что пожалуй скоро и имъ ѣсть нечего будетъ. Дошло до того, что, платя сегодня по 1 р. 75 коп. за пудъ хлѣба, онъ завтрашній готовъ продать на корню по 20 коп. за пудъ, потому обезумѣлъ, очумѣлъ, оголодалъ. Лишь бы не помереть къ вечеру, а тамъ будь—что будетъ... Баба идетъ на фабрику: по гривеннику ей дай въ день, рада. Изъ школъ берутъ мальчиковъ.

— Зачѣмъ ты его берешь? Учится онъ отлично. Способный у тебя сынъ-то... Какъ тебѣ не жаль.

— Какъ не жалѣемъ?—Жалѣемъ. А только у васъ безъ харчи. На харчи ужь очень изъяснимся. Пушай же онъ по дому пожить, потому мы тогда евою сестру на фабрику.

А «евоная» сестра на фабрику заработаетъ семь-восемь копѣекъ въ день, или 40—50 коп. въ недѣлю... Луга не дадутъ двѣ, а почему?—Свиньи изрыли ихъ, перепортили. Чего же не дните ихъ?—Нельзя. Гдѣ же свиньямъ питаться?...

— Мы ими живемъ... Намъ безъ свиньи пропасть надо!—объявятъ вамъ.

Скотъ доведенъ до нуля. Удобренія поэтому нѣтъ.

— Зола вывозите на поля!—предлагають умные люди.

— Чудной ты!—смѣются крестьяне.—Если золу вывеземъ, амь парнямъ рубахи-то мыть баба станеть?...

Какъ истощенная нива становится добычей всякой мухи негребной, всякаго жучка прожорливаго, такъ и это обѣднѣвшее населеніе стало вѣчнымъ пристанищемъ тифовъ, лихорадокъ, сентерій, дифтеритовъ и... еще не знаю чего. Борятся съ ими медицинскими средствами, посылають цѣлые отряды сестеръ милосердія, цѣлые отряды врачей—и все ни почемъ. Оно и понятно: пока существуетъ нищета, до тѣхъ поръ и болѣзни будутъ въ немъ гнѣздиться... Лягутъ новыя сотни самоотверженныхъ сестеръ милосердія въ могилы, а все ни на волосъ не уменьшатъ народнаго бѣдствія. Гдѣ же спасеніе?...

Ужь никакъ не въ канцеляріи, ужь никакъ не въ чиновникѣ, оружающемъ проекты о распространеніи по всему лицу земли русской плодородія и благополучія...

Пока это плодородіе распространится,—посмотрите, во что выеждается типъ крестьянства. Орловцы, калужане—да вѣдь это были когда-то цвѣтъ нашего племени! Видѣли ли вы, какъ во время поздней весны, въ безкормицу, оголѣвшій, опаршивѣвшій, весь лохматый, обезсилѣвшій скотъ выгоняють на обнаженные ярныя луга и поля?... Дома и гнилой соломой не стало. Бони едва-едва ходять, шатаются на ослабѣвшихъ ногахъ какъ пьяные, обопрутся о заборъ, понурятся да и стоятъ такъ по цѣлымъ часамъ. Шерсть съ нихъ клочьями летитъ, по тѣлу язвы какія-то, сочится въ нихъ сукровица... Совсѣмъ валяются!... Вотъ то же самое и съ народомъ стало,—разумѣется, не съ пригороднымъ населеніемъ, кое-какъ околачивающимся у большихъ центровъ, а въ глуши, гдѣ-нибудь въ Жиздрѣ или Рославлѣ,—малорослыя, золотушные, съ какими-то пятнами по лицу и по тѣлу, мало-

кровные, слабые. И бабы, которыхъ еще недавно, какъ идеалы красоты, описывали наши беллетристы и поэты,—гдѣ эта мощь славянской женщины, гдѣ эта ея сила, круглыя плечи, высокая грудь, лебединая шея, смѣлый голосъ и вольная пѣсня? Тутъ, въ средней полосѣ Россіи, баба... мякинная стала. Большое, какъ у выкормленнаго на соломѣ коня, брюхо, слабыя ноги, рябое лицо съ безжизненными глазами, чахлая грудь—вотъ вамъ и красота!... Не вырождаемся ли мы?... Въ Москвѣ, да въ Питерѣ этого не видно,—скуда милости просимъ: можетъ-быть и поразить тогда васъ убогая и сѣрая картина русской дѣйствительности... Пора проснуться, если только уже не поздно!..

Разумѣется, у насъ при всѣхъ подобныхъ указаніяхъ есть очень удобное средство къ самоуспокоенію.

Обыкновенно мы останавливаемся на томъ, что авторъ-де преувеличиваетъ... Помилуйте, разумѣется, не все благополучно; но-вый въ этомъ году урожай—и дѣла уладятся, все придетъ къ хорошему концу и народу станетъ полегче... О, Валаамовы ослицы, еслибы вы, наконецъ, поняли, что сама дѣйствительность наша стала столь преувеличенной, что самое яркое воображеніе уже не способно положить на нее болѣе рѣзкіе контуры, болѣе черныя тѣни!... Урожай отдалилъ только на годъ, на два неизбѣжный кризисъ; онъ далъ вамъ время опомниться и взяться за дѣло, а не успокоиваться на лаврахъ, которыхъ вы вовсе не заслужили... Писатель, открывающій глаза обществу на его язвы, во всякой иной странѣ является его другомъ, у насъ—врагомъ. Впрочемъ, это еще очень старая исторія: не обличай безумна, да не возненавидитъ тя; обличай премудра—и возлюбитъ тя. Премудрому дашь вину—премудрѣйшимъ будетъ...

Мы, вообще, въ премудрости неповинны,—напротивъ!...

Въ жизни грустное и смѣшное какъ-то переплетаются вмѣстѣ... Не успѣлъ еще я передать тягостныя впечатлѣнія желѣзнодорожныхъ встрѣчъ съ голодающимъ крестьянствомъ, живо напомнившимъ мнѣ такое же оставленное въ только-что покинутыхъ селахъ и деревняхъ, какъ на станціи Брянской наткнулся я на сцену совсѣмъ противоположнаго свойства...

Городской мѣщанинъ. У него въ пригоршнѣ пѣтухъ сидитъ... Мѣщанинъ его слегка поглаживаетъ. Пѣтухъ зажмурился и съ удовольствіемъ дремлетъ, дуракъ, не сознавая, что въ это самое время рѣшается его судьба.

Пѣтухъ раскормленный, выхолонный, перо къ перу.

— Это вотъ какой пѣтухъ: запоеть—пѣвчихъ слушать не ойдешь!—живописуетъ мѣщанинъ.

— Да мнѣ его ѣсть!—торгуется другой.

— Твое дѣло—хоть ты его вари, хоть жарь... А только первый пѣвецъ. Я его замѣсто сына держалъ—вотъ что!

— Сына-то ты и продаешь?

— По нонѣшнему времени и сына продашь, будь спокоенъ... тца роднаго на поводу выведешь на базаръ, только возьми...

— Времена—точно!...

— А не ежели пѣтуха.

— Такъ бери полтину и чортъ съ тобой.

— Ты погоди. Ивана Петрова знаешь?

— Знаю.

— Хорошь у него голосъ? Слышалъ ты его въ церкви?

— Ну?

— У мого Петьки еще лучше!

А Петька совсѣмъ уже сладострастно зажмурился, покачиваясь на ладони.

— Чиждый?

— Руку-то оттянеть, будь надеженъ.

— Поди кости больше.

— И кость есть. Отчего ей не быть?... Пѣтухъ исправный.

На курей—первый охотникъ...

— Любить?

— Во-какъ!... То-ись, такой пѣтушокъ: сичасъ увидалъ, крылья—фррръ... парусомъ, хвостъ трубой и—почнеть, и почнеть... Самый праведный пѣтушокъ. Съ нимъ, братъ, не проспишь, потому горло у ево отъ Бога!...

— Кабы на охотника...

— На охотника ему цѣны нѣтъ, потому который охотникъ—себя продать за такого пѣтуха... У другаго перо сухое, жесткое перо, а у мово пѣтуха—ты погляди—муаръ-антикъ, атласъ, а не перо...

— Пѣтухъ справедливый, что говорить. Только больше полтины нельзя дать. Ты скинь.

— Не штаны... Скидавать нечего. Это только штаны скидаютъ-то... Ты по-божецки разсуждай. Совѣсть-то есть, не совсѣмъ обмягла-то?... Ты Бога вспомни.

— Я, братъ, Бога завсегда помню. Богъ завсегда при мнѣ состоитъ, въ цѣлости,—будь спокоенъ... У кого Бога нѣтъ, а

у меня его сколько хошь... Съ тобой подѣлюсь еще!... А толь дорого.

— Да говорю я тебѣ, какой пѣтухъ!... Душа въ тебѣ есть. Можеть у меня теперь все сердце злыя собаки на клочки рвутъ потому я его должонъ продать. Подъ ножъ... Сколь это мнѣ сладко ты пойми! Я его ростилъ, поилъ, кормилъ, холилъ... Въ нѣ у меня пѣтухъ выросъ... И какой утѣшительный вышелъ. Те его послушай, какъ запоеть, сколь у ево гордости много.

Такъ и не дослушалъ. Послышался звонокъ.

Иду къ вагону, смотрю—ведуть подъ руки старуху-еврейку. Растерялась совсѣмъ, трясется... Языкъ высунула... Кругомъ евреи галдятъ.

— Что это такое?

— Спужались онѣ... Извѣстно, дамскій полъ. У нихъ замѣсь сердца овечій хвостъ,—все трясется... И въ тихую погоду—тожъ

— Чего это?

— А газетъ начитамшись, какъ жидовъ голошматятъ... Ну и не въ себѣ. Ихъ теперь сродственники въ Вытепскъ отпраляютъ.

Усадили старуху... Закрылась платкомъ и надъ лицомъ еонецъ его опустила... А все-таки дрожить и бормочеть про себѣ что-то совсѣмъ ужъ песообразное.

Чѣмъ дальше отъ Орла на западъ, тѣмъ почва становится все хуже и хуже. Еще до Карачева встрѣчается черноземъ, а дальше, къ Брянску, глина и песокъ заполоняють все доступно глазу. Знаменитые когда-то брянскіе лѣса вырублены сплошь и, по свидѣтельству мѣстныхъ старожилонъ, именно съ той поры какъ топоръ пріобрѣлъ право гражданства въ дѣвственныхъ когда-то чащахъ, началось экономическое оскудѣніе края. Обмелѣли рѣчки, зимы стали суровы и продолжительны, весна и осень начали приходиться неровно, урожаи смѣнились почти постоянными недородами. Съ земли сняли шубу, оголили ее,—понятно, что она вымерзла и обезплодилось. Еще нѣсколько столѣтій назадъ иностранцы посла, въѣзжавшіе въ Россію черезъ эту мѣстность, называли ее яблочнымъ царствомъ. Цѣлые яблочныя лѣса раскидывались здѣсь. Теперь, увы, только сосновые да еловые сохранились у Мальцова и въ казиѣ, причемъ въ послѣдней все-таки меньше. Первый ухитрился сохранить ихъ у самыхъ заводонъ, какъ это будетъ разсказано въ слѣдующихъ главахъ. За Брянскомъ поѣздъ прошелъ невдалекѣ отъ желѣзныхъ заводонъ

вилеева и Губонина и въ трехъ верстахъ отъ города остано-
лся у Мальцовской платформы. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ одинъ
директоровъ здѣшняго товарищества, А. А. Вагнеръ, когда-то,
времена оны, завѣдывавшій всѣми институтами, находившимися
дѣль начальствомъ Принца Ольденбургскаго.

— Дежурка!—крикнулъ Вагнеръ, выходя на платформу.

— Это еще что такое?

— Сейчас увидите...

Бѣ намъ подкатилъ чрезвычайно оригинальный экипажъ, изоб-
рѣтенный С. И. Мальцовымъ. Это родъ дышловаго тарантаса,
съ особеннымъ устройствомъ хода. Бузовъ покоится на двой-
ныхъ дрожинахъ, помѣщенныхъ другъ надъ другомъ на расто-
янн около 4 вершковъ. Продольныя дрожины соединяются нѣ-
сколькими поперечными брусками, въ свою очередь связанными
инѣ съ другимъ короткими столбиками. Подобное сочетанн до-
выхъ и поперечныхъ брусковъ образуетъ очень хорошия дере-
вянныя рессоры, весьма прочныя и покойныя. Впослѣдствн мы
сдѣлали на заводахъ большн и малые экипажи того же типа.
Рессоры эти крайне дешевы,—ихъ можетъ сдѣлать любой плот-
никъ,—причемъ починка ихъ обходится въ грошъ. Специалистъ
Н. Соймоновъ, испытывавшн ихъ не только на шоссе, но и на
ростыхъ дорогахъ, грунтовыхъ, свидѣтельствуетъ, что рессоры
эти особенно хороши на дурныхъ проселочныхъ путяхъ, гдѣ
выбвенныя рессоры часто не выдерживаютъ. Описывая этотъ
экипажъ, Соймоновъ между прочимъ говоритъ: «Мы сперва уди-
вились, почему такое полезное изобрѣтенн г. Мальцова не по-
влялось ни на какихъ выставкахъ и не нашло подражателей,
потомъ же, увидавъ много хорошаго на здѣшнихъ заводахъ, мы
или совсѣмъ изумлены, убѣдясь, что не только такн мелочи,
какъ экипажи, но и самые заводы мало извѣстны въ Россн.
Причина этого—въ необыкновенной скромности владѣльца и всѣхъ
его служащихъ съ одной стороны, а съ другой—въ еще боль-
шей невнимательности и необыкновенномъ равнодушн нашей ну-
блики ко всему русскому».

Мнѣ особенно прнятно привести здѣсь отзывъ специалиста,
потому что мои послѣдующн впечатлѣнн сложились въ ту же
формулу.

Не успѣла подкатить дежурка, какъ на платформѣ разыгрѣ-
лась комическая сцена.

Какой-то носильщикъ схватилъ наши вещи, — другой его трахъ трахъ по уху.

— Ты это чего езопствуешь? — заголосилъ обиженный.

— Какъ ты смѣешь бить его? — вмишался Вагнеръ.

— Господа, будьте свидѣтелями! Я ему этого не прощу.

— За что ты его?

— Не за свое хватается... Я сюда приставленъ багажъ носить, а онъ лѣзетъ.

— Чудака чловѣкъ!... Отчего мнѣ не можно, коли я то ѣсть хочу?... Вижу — господа сугубые, думаю — авось гривеня влетитъ, а за мѣсто того... Ты бей... бей по шеѣ, — она для то и есть, — а то въ морду!... За морду, самъ знаешь, нонѣ...

Дежурка живо доставила насъ въ прекрасно-устроенный сподскій домъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ туристъ высадится на Мальцовской платформѣ, ему заботиться не о чемъ. Ночлегъ, столъ — все ему готово потому что во всѣхъ углахъ этого края устроены господскіе дома съ помѣщеніемъ для пріѣзжающихъ и съ расторопною прислугой. Чистота этихъ домовъ доведена до педантизма; гостепріимство въ нихъ самое широкое. Не успѣли мы присѣсть къ огню, какъ черномазый, цыганскаго типа, лакей уже стоялъ передъ нами.

— Не угодно ли позавтракать?

— Нѣтъ, спасибо, дайте чаю.

— Онъ уже готовъ... Мы всегда къ поѣзду...

Въ огна видны громадныя вѣковыя сосны. Весна запоздала, снѣгъ еще лежитъ на поляхъ, хоть ужъ потемнѣвшій, сдавшійся. Подъ его окрѣпшею корою бѣгутъ ручьи, мало по-малу подтаивающіе царство зимы. Сквозь голыя вѣтви сосенъ привѣтливо сіяетъ намъ безоблачное, свѣтло-голубое, небо. Рано налетѣвшія щеглы уныло перегиблются въ чащѣ совсѣмъ темнаго шиповника...

Когда мы вышли, передъ нами вдали раскинулась чудная картина.

Ея красотѣ даже не могли повредить обнаженные сучья розъ и бѣлыя пятна снѣгу, казавшіяся подъ теплымъ сіяніемъ солнца какими-то опаловыми массама, лежавшими на темномъ бархатѣ на половину оттаявшихъ луговъ. Вдали, за садомъ, картины лѣтомъ отсюда должны быть прелестны: впереди гористый берегъ Десны съ массой скученныхъ надъ нимъ церквей, сверкающихъ поляркимъ блескомъ дня своими куполами, бѣлыми стѣнами, бело

льями и крестами... Городскія зданія Брянска кажутся отско-
выкованными изъ матоваго серебра. Желтыя осыпи песка, уже
крутизнамъ берега освободившіяся отъ снѣга, золотыми языка-
тнутся къ прочному еще ледяному насту рѣки... Подъ свѣ-
тъ утренникомъ тихо колышутся надъ нами красныя сучья
ленъ, этихъ остальныхъ великановъ когда-то стоявшаго здѣсь
гучаго, сказочнаго лѣса... Кажется, будто это не свѣжая кора,
кровь проступила изнутри на вѣтви и корявые стволы ихъ...
за нихъ мерещутся круглыя кровли Сергіево-Радицкаго заво-
Вонъ надъ самою водой какая-то жалкая деревянная клѣ-
шка.

— Это, вы знаете, былъ домикъ, гдѣ жилъ Мальцовъ.

— Какимъ образомъ?

— Когда строилъ заводъ, онъ срубилъ здѣсь себѣ эту из-
бу и не выѣзжалъ изъ нея, пока Сергіево-Радица не была гото-
Внизу шумѣла вода, съ маленькой галлерей отгрывался
ный видъ за Болву и за Десну... А къ суровой обстановкѣ
не привыкать. Случалось, по годамъ живаль съ рабочими и
смился изъ одного котла съ ними...

Пахнетъ смолистымъ здоровымъ воздухомъ, точно весь этотъ
въ на встрѣчу вамъ дышетъ во всѣ свои безчисленныя по-
... Съ юга уже вѣетъ весною, — тою мягкою, нѣжною, какъ
основаніе цвѣточныхъ лепестковъ къ лицу, тою живительною,
кую только и ощущаешь здѣсь, въ этомъ предверіи поэтиче-
ей Малороссіи... Послѣ Петербурга, еще мучившагося родовыми
ыми сѣверной весны, здѣсь и глаза, и грудь отдыхали среди
ростора, полного біеніемъ безчисленныхъ пульсовъ оживающей
роды... Пульсы эти чудились во всемъ: и въ красноватыхъ
вяхъ березъ, трепетавшихъ отъ перваго пробужденія жизни,
въ вздрагиваютъ тонкіе пальцы женщины, возвращающейся къ
знанію послѣ долгаго обморока, — и подъ снѣговыми глыбами, гдѣ
го журчала вода, пронизывая себѣ тонкія жилы, — и въ пер-
хъ робкихъ росткахъ травы, чуть-чуть показавшихся на солн-
тѣ, — и въ тихомъ дыханіи вѣтра, давно потерявшаго свою по-
вистость и грозную силу, — и, главное, въ этомъ голубомъ,
облачномъ небѣ, впервые улыбавшемся медленно открывающей
ои очи землѣ...

Противно даже думать о недавно еще оставленномъ городѣ
въ грязными улицами, съ точно плачущими окнами насквозь
ромокшихъ отъ сырости домовъ, съ душными клѣтками, гдѣ на

непосильномъ трудѣ съ утра до ночи бьются тысячи и сотни тысячъ людей, давно и думать позабывшихъ о безпредѣльномъ горизонтѣ полей, о голубой недосигаемой высотѣ неба, о чащѣ свѣжлѣса и рѣкахъ, что вольно струятся, среди зеленыхъ береговъ не скованныхъ гранитомъ, прозрачныя и чистыя...

Точно изъ тюрьмы выпущенъ на волю!...

— Это что у васъ?

— Наша желѣзная дорога...

— Первый разъ вижу!...

И дѣйствительно, послѣ роскошныхъ вагоновъ, широкихъ платформъ и громаднхъ сооружений — передо мной семь небольшихъ вагончиковъ, каждый человекъ на двадцать пассажировъ, малый паровозъ, бойко поныхивающій дымомъ, узенькая колея и роскопическихъ рельсовъ...

— Какъ разъ для нашего мужицкаго царства!... По нашимъ потребностямъ больше намъ и не надо.

— Есть по ней пассажирское движеніе?

— Еще какое!... Изъ села въ село, изъ завода въ заводъ. Сколько грузовъ перевозится однихъ!

— Наша дорога дешевая, — иное шоссе дороже. Большой путь намъ ни въ жисть не провести, а эта служить вѣрой и правдой по 12 верстъ въ часъ — пыхтитъ себѣ да бѣгаетъ... И, главное со дня основанія, въ 1877 году, и до сихъ поръ — никакихъ несчастій. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: заложил карету, а тутъ разводил пары!

— Вы сочтите, еслибы, вмѣсто всякихъ другихъ, въ самыя отдаленныя мѣстахъ Россіи понастроили побольше такихъ путей что бы было теперь? — Захолустій бы не существовало, да и иностранцамъ не пришлось бы миллиарды должать. Вотъ сейчасъ увидите, какъ побѣжитъ наша чугушка...

— Мы какъ бары, — вмѣшался рабочій около: — по простымъ дорогамъ и ѣздить не желаемъ, а все по этой.

— И чудесно. Сѣлъ, заснулъ, а проснулся, глядишь — Дядьковѣ, либо въ Людиновѣ.

Первое время народъ противъ чугушки былъ, потомъ соразилъ выгоду отъ дешевой дороги.

— Безъ нея примереть бы намъ, а теперь дышемъ.

— Буды бѣднѣе тѣ, которые подалеже отъ дороги жуваютъ.

Рядомъ съ дорогой тянется старое, теперь заброшенное, шоссе. Когда-то и оно здѣсь сослужило свою службу.

— На моей памяти сначала у насъ были здѣсь грунтовыя дороги, потомъ шоссе, потомъ парходъ, а ужь теперь и по чугункѣ стали ѣздить...

Все это дѣлалось на частныя средства и частными людьми, безъ инженеровъ и специалистовъ, а какъ—разскажемъ въ слѣдующей главѣ.

I. Оригинальная желѣзная дорога.—Какъ она строилась.—Кондукторы изъ пѣвчихъ и станціи.—Отъ Сергіева до Дядькова.

Передъ Севастопольскою кампаніей во всей этой мѣстности существовали только одніе грунтовыя дороги. Мальцовъ исправлялъ ихъ постоянно, укрѣплялъ гатями, такъ что во время войны артиллерійскіе парки и батареи направлялись не на прямые пути, а сюда. Пушки изъ Перми везли, напримѣръ, черезъ Мальцовскія владѣнія въ Крымъ.

— Отчего не ѣдутъ по прямымъ дорогамъ?—спрашивали ихъ.

— Потому, что Мальцовскія лучше. Тутъ и путь хорошъ, и мосты исправны. А на казенныхъ дорогахъ только мука одна.

Громадное движеніе къ югу скоро въ конецъ испортило дорогу. А тутъ какъ разъ на мѣстные заводы сдѣланъ былъ громадный заказъ ядеръ и другихъ снарядовъ. Работали изъ патріотизма, себѣ въ убытокъ, бросивъ все остальное производство. Для перевозки всѣхъ этихъ грузовъ старыхъ грунтовыхъ путей было недостаточно,—оказывалось крайне необходимымъ провести шоссе. Сооруженія такого рода обыкновенно совершались правительствомъ, но Мальцовъ предложилъ выстроить самъ, на свой счетъ, за незначительно повышенный шоссейный сборъ съ частныхъ грузовъ. Время было тяжелое, условія эти для казны оказывались выгодными, но Чевкинъ уперся.

— Стройте, какъ казна строить, и берите потомъ обыкновенный шоссейный сборъ. Какъ можно частному человѣку брать дороже казны?

Чтобы помочь дѣлу, пришлось согласиться. Тогда Чевкинъ прислалъ предварительно двухъ инженеровъ. Этимъ и ограничилось участіе правительства.

— Вы зачѣмъ, господа?

— Министръ прислалъ.

— Дорогу строить? Разрѣшеніе дано?...

— Нѣтъ, по обѣимъ сторонамъ будущаго пути, на десять верстъ съ каждой, станціи дѣлать.

— Только-то?... Ну, Господь съ вами, дѣлайте.

— Дайте намъ рабочихъ...—И заломили при этомъ какую-то невозможную цифру. Да кстати и денегъ попросили.

— Ну, господа, не взыщите,—у меня теперь каждая рабочая рука на счету. Въ Севастополѣ стрѣлять нечѣмъ,—мы за отливкой снарядовъ сидимъ и день и ночь...—И, не ожидая разрѣшенія, Мальцовъ самъ принялся за дѣло безъ спросу.

Заготовили массы камня-фосфорита и давай проводить шоссе своими средствами, безъ специалистовъ. Работалъ самъ Мальцовъ, работали крестьяне. Мужицкими руками сооруженное, оно и до сихъ поръ стоитъ и держится какъ нельзя лучше. Несмотря на то, что каменнаго грунта тутъ нѣтъ, маленькій слой фосфорита отлично сохранилъ шоссе, по которому со дня его основанія были перевезены такія массы однихъ мѣстныхъ, своихъ, грузовъ, что всякій, казной сооруженный, дорогой путь давно бы распался или ежегодно требовалъ бы громадныхъ суммъ на ремонтъ. Развитие транспорта показало, что одной этой дороги недостаточно,—пришлось сдѣлать рѣки Болву, Жыздру и Десну судоходными, опять за свой счетъ и скорѣй съ препятствіями отъ министерства путей сообщенія, чѣмъ съ поддержкой его. Оказалось необходимымъ устроить шлюзы. Когда все это было готово, завели пароходы и на помощь къ шоссе пришло водяное сообщеніе. Тѣмъ не менѣе со временемъ и его оказалось мало. Многія мѣстности были слишкомъ удалены отъ рѣкъ, а между тѣмъ тамъ находились руды и кромѣ того всѣ грузы не могли пользоваться шоссе и пароходами съ баржами. Тогда была задумана дешевая узкоколейная желѣзная дорога. Вся она сооружена Мальцовымъ опять-таки безъ специалистовъ, безъ инженерныхъ смѣтъ, безъ помощи со стороны, на свой счетъ, изъ своего исключительно матеріала и своими рабочими силами. Первые полтора ста верстъ ея безъ техниковъ-рядчиковъ устроены менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, считая тутъ же и время, потраченное на изысканія. Приспособленная исключительно къ заводскому дѣлу, линія дороги изгибается во всѣ стороны, захватывая въ свой районъ всѣ нуждающіяся въ правильномъ между собою сообщеніи мѣстности. Обошлась она не дороже 7—9.000 рублей съ версты, и дѣло настолько пошло успѣшно, что движеніе по ней не прекращалось ни разу, хотя водополье иногда смывало ея полотно. Миниатюрные рельсы и не особенно быстрый ходъ дѣлаютъ вполнѣ безопаснымъ сходъ съ рельсъ платформы. За все время существованія дороги можно на-

считать два-три случая легкихъ ушибовъ, причиненныхъ ею; что же касается до крупныхъ несчастій, то желѣзнодорожная хроника убійствъ и бѣдствій ни на одну единицу не обогатилась отъ Мальцовской дороги... Прежде чѣмъ провести дорогу, Мальцовъ верхомъ проѣхалъ по чащамъ стоявшихъ тутъ глухихъ лѣсовъ, намѣтивъ ея направленіе, затѣмъ пробилъ просѣку и началъ земляныя работы... Работа эта продолжается и до сихъ поръ съ замѣчательною быстротою. Еще по сторонамъ пути не убраны куски деревьевъ, сваленныя вершины ихъ, выкорчованные корни, а уже паровозъ работаетъ и платформы съ грузами двигаются по направленію къ рабочимъ. Первые семьдесятъ верстъ были окончены съ особенною быстротою,—на нихъ пошло только три мѣсяца. Чтобы подать примѣръ рабочимъ, хозяину пришлось самому жить съ ними и съ конями въ шалашахъ, мокнуть подъ дождемъ, спать въ снѣгу. вмѣстѣ съ ними онъ клалъ шпалы и рельсы, вмѣстѣ рубилъ и свозилъ лѣсъ. Весь въ поту, онъ садился съ ними къ рабочему котлу. Дѣло иначе нельзя было довести до конца такъ быстро и успѣшно... Значительно удешевило дорогу то обстоятельство, что для нея ничего не приходилось брать у чужихъ по дорогой цѣнѣ. Все—до послѣдняго гвоздя—свое. Рельсы—изъ своей руды, выплавлены и провачены въ своихъ домнахъ и на своихъ заводахъ, веревки сдѣланы на своихъ канатныхъ фабрикахъ, лѣсъ взятъ изъ своихъ лѣсовъ, паровозы построены въ своихъ механическихъ заведеніяхъ, всѣ машины до послѣдняго бандажа сдѣланы и собраны у себя, вагоны—тоже. Въ концѣ концовъ оказалось, что желѣзная дорога не сѣла, не дала ни малѣйшей посадки. На большихъ желѣзныхъ дорогахъ сразу ѣздить нельзя, а тутъ чудесно. Мнѣ самому приходилось проѣзжать, наприм., сегодня по только-что вчера оконченному пути. Дорога эта отъ платформы на Орловско-Витебскомъ рельсовомъ пути близъ Радицкаго вагоннаго и паровознаго завода прошла по Брянскому и Жыздринскому уѣздамъ, огибая стеклянную Радицкую фабрику, сахарную Радицу, Верхи, Доманово, Боровки, Березину, Любохну съ ея большими промышленными учрежденіями, Дядьково съ его хрустальными заводами, Буяеву, Супремьень, Людиново — здѣшній Шеффилдъ и Манчестеръ вмѣстѣ. Отъ Людинова дорога развѣтвляется: одна линія идетъ на Печочное, а другая по руднымъ мѣсторожденіямъ на Устье, также обогнувъ десятки фабрикъ и заводовъ. Сверхъ того на дняхъ окончена постройка вѣтвь отъ Дядькова къ западу верстъ на

тридцать, въ стекляннымъ и бутылочнымъ фабрикамъ. Самая большая высота выемки здѣсь была 9 футовъ, а насыпи 14 фут. Дорогихъ земляныхъ работъ избѣгали, такъ что рельсовый путь тотъ то всползаетъ на незначительныя отлогости, то спускается впередъ, такъ что, оглядываясь назадъ, видишь, какъ рельсы на сравнительно незначительномъ разстояніи проложены волнами, сообразно изгибамъ самой мѣстности. Дорога то и дѣло пересекается рѣками и рѣчками. На нихъ болѣе 250 мостовъ, причеиъ самый длинный, черезъ судоходную Болву, тянется на 400 саж. На дорогѣ употребляются паровозы шести-колесные, поднимающіе до 2.500 п. грузу, и четырехъ-колесные—до 1.100 пуд. грузу. Каждый вагонъ подымаетъ: восьми-колесный—600 пуд. и четырехъ-колесный до 200 пуд. Дѣло здѣсь пошло такъ успѣшно, что въ первые же годы по открытіи рельсового пути по нему было перевезено болѣе 2.600.000 пуд. грузу и около 70.000 пассажировъ. На эксплуатацію дороги и ея подвижной составъ—графы, въ которыхъ другіе большіе желѣзные пути выписываютъ болѣе 60% своего валоваго оборота, здѣсь не идетъ и 20%, если считать за грузы и передвиженіе пассажировъ за первые по $\frac{1}{3}$ в. съ пуда и версты, а за вторыхъ по 1 коп. съ версты. Примѣръ этого рельсового пути оказался такъ очевидно выгоднымъ, что многія земства стали хлопотать о дорогахъ такого же типа. Первое отличнулось обоянское, и Мальцовъ, который смотритъ на это какъ на чисто-патріотичное дѣло, провелъ ему уже узкоколейный путь, взявъ за это свою цѣну и даже, какъ говорятъ, приплатившись. Обоянскому земству каждая верста дороги обошлась въ 9.000 рублей.

Дай Богъ, чтобъ и въ остальныхъ захоlustьяхъ скорѣе за бѣгали по узенькимъ колеямъ эти маленькіе вагончики съ вращечными паровозами!

Маленькій вагончикъ ужъ ждалъ насъ. Сидѣнья устроены вдоль его стѣнокъ довольно удобныя, хотя чуждыя какой-нибудь роскоши. Подушки ихъ и спинки покрыты сѣрымъ солдатскимъ сукномъ. Сквознаго вѣтра—нигдѣ. Огня прилажены лучше, чѣмъ на большихъ желѣзныхъ дорогахъ. Топка, благодаря особенному приспособленію герметически закупориваемыхъ печей, постоянно сохраняетъ одну и ту же температуру.

Вы здѣсь на каждомъ шагу увидите одно и то же: все—для необходимости и ничего для роскоши. Излишествъ нѣтъ. У насъ думаютъ, что Россія—страна бѣдная и рано ей заводить

ишія и дорого стояющія удобства. Такимъ образомъ, несмотря а то, что у насъ заводовъ и фабрикъ болѣе сотни, они помѣщаются не въ монументальныхъ зданіяхъ, а въ старыхъ домахъ, vroшо устроенныхъ. У насъ такъ-называемыхъ дворцовъ промышленности нѣтъ, да и не нужны они. Народу хлѣбъ необходимъ, — дай Богъ прокормиться!...

Дорога идетъ сосновымъ боромъ. Надъ самыми рельсами ковшутся вершины лѣсныхъ великановъ. Изрѣдка въ просвѣтѣ ежду ними мелькнетъ серебристая полоса замерзшей рѣки. На всныхъ полянахъ лежитъ уже проржавѣвшій снѣгъ. Поросль гановится меньше и гуще. Березнякъ затянулъ дали. Вообраю, какая чаща здѣсь лѣтомъ... Только однѣ просѣки ложатся ввозъ это зеленое тогда царство. Въ глубинѣ просѣкъ мерещутся вкія-то избы, вырубленные изъ свѣжаго лѣса; порою мелькнетъ расивая церковь или опять заблеститъ рѣчной ледъ съ темными вймами затянутого имъ по берегамъ и отмелямъ лозняка. Сквозь рохоть маленькой дороги мы слышимъ веселый шумъ весенней вды. Яро и гремуче бѣжитъ она по канавкамъ по обѣ стороны вти, смывая и унося съ собою попадающіяся кое-гдѣ снѣговья вминки. Что-то есть особенно задорное и бойкое въ говорѣ ея втнхъ пока струекъ. Лѣтомъ она гораздо спокойнѣе, точно вбенюкъ, что выросъ и не позволяетъ себѣ распалиться по-веннему...

Мальчонко въ сѣромъ суконномъ армякѣ затормозилъ вагонъ.

— Это кто же у васъ будетъ?

— Кондукторъ.

— Да ему лѣтъ четырнадцать.

— Что-жь, больше и не надо. У насъ кондукторами и машинистами служатъ свои же подростки. Подучатся въ мѣстныхъ училищахъ — и сейчасъ за работу. Они отлично ведутъ дѣло, внимательно, серьезно. О несчастіяхъ не слыхать совсѣмъ. Случается, что вагонъ сойдетъ съ рельсъ или платформа кувырнется, — мигомъ, при помощи домкратова аппарата, поставимъ ее на ноги — и опять въ путь.

Малець-кондукторъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ сознаниемъ своей важности. Сѣрый суконный армякъ — это общій-мундиръ этого заводскаго царства. Такъ одѣваются здѣсь рабочіе, управляющіе, директора, — такъ же одѣвается и самъ Мальцовъ. Просто-та во всемъ перешла въ формальность даже. Исключенія дѣлаются странными, почти неприличными. Въ Петербургѣ это на-

зываютъ маскарадомъ, мнѣ же кажется совсѣмъ иное. Такии же темъ просто достигается принципъ равенства даже въ одеждѣ. Сверхъ того возможны сокращенія потребностей, предупреждающія многія злоупотребленія, ставшія необходимыми въ другихъ мѣстахъ, гдѣ средства не соотвѣтствуютъ вкусамъ... Рабочій и управляющемъ, одѣтомъ такъ же, какъ и онъ, живущемъ одиельно съ нимъ жизнью, видитъ старшаго товарища. Является общеніе о которомъ въ другихъ мѣстахъ и понятія не имѣютъ. Да и знать нельзя,—нѣтъ къ этому даже видимаго повода. Нарочные учителя, учительницы—все это одѣто по-русски. Все дано наружностью не выдѣляется изъ народа и потому живетъ общельно съ нимъ жизнью. При общемъ оскудѣніи болѣе ста тысячъ народа не могли бы здѣсь кормиться, еслибы издержки на администрацію заводовъ были слишкомъ велики. Оклады жалованья здѣсь маленькіе и нѣтъ тѣхъ громадныхъ разницъ, которыя существуютъ вездѣ. Мозолистая рука труженика зарабатываетъ малочѣмъ меньше конторщика или прикащика. Возьмите хотя бы железнодорожную дорогу. Завѣдующій движеніемъ—изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ и всѣ служащіе здѣсь. Въ заводскомъ царствѣ этого пришлаго народа нѣтъ,—все свои: выросли мальчиками, работали на заводахъ, учились въ школахъ и мало-по-малу досрости до «степеней извѣстныхъ». Тамъ завѣдуетъ и движеніемъ нѣкто Хобаровъ. Это—молодой человекъ, очень симпатичный, много читающій и работающій, но живущій въ той же крестьянской средѣ. Онъ получаетъ 480 рублей въ годъ. Начальники станцій—тоже мѣстные крестьяне, кончившіе заводскія школы—оплачиваются по 200 руб. въ годъ каждый, телеграфисты—по 120 р.; машинисты изъ Людиновскаго механическаго училища, съ дѣтства привыкшіе обращаться со всевозможными механизмами, зарабатываютъ 447 руб. въ годъ. Въ этомъ истинно-крестьянскомъ царствѣ нѣтъ никого, кто бы выдѣлялся изъ общей массы особыми преимуществами или заработками. Живи съ рабочими и трудись, какъ они—вотъ принципъ, практикуемый съ верху до низу. Тамъ оклады жалованья, какъ приведенные выше, вездѣ были бы недостаточны, здѣсь же они соотвѣтствуютъ потребностямъ. За то тамъ, гдѣ десятки тысячъ платятся всякому администрирующему «валету», сотни тысячъ народа остаются безъ работы и безъ хлѣба, а здѣсь это вещь неслыханная. Тянутся изъ послѣдняго, сокращаютъ издержки свои до едва ли понятнаго намъ минимума, но населеніе кормятъ и, каковъ бы ни былъ экономическій кри-

зисъ, отказа въ заработкѣ нѣтъ. Самое тяжелое время было тогда, когда заводъ посѣщала я, и все-таки я не видѣлъ здѣсь людей оставшихся безъ труда, — не видѣлъ машинъ прекративших свое движеніе, — печей остывшихъ и потухшихъ, — трубъ, которыя, какъ и въ лучшее время, не выбрасывали бы дыма... Правда, здѣсь все дѣлается для своихъ, но такихъ своихъ — полтора ста тысячъ. Есть большіе заказы — не отказываютъ и постороннимъ. Тѣмъ не менѣе своя рубашка ближе къ тѣлу и необходимо сначала обезпечить мѣстное населеніе, а потомъ уже подумать и о чужихъ.

Правительство хотѣло было навязать желѣзной дорогѣ свою администрацію и едва удалось отборяться отъ нея. Воображаю, какъ къ лицу этой дешовкѣ были бы величественные оберъ-кондукторы и начальники станцій съ наружностями если не министровъ, то министерскихъ швейцаровъ!...

Малець-кондукторъ въ сѣромъ армякѣ повѣрилъ билеты и потомъ, крестясь, принялся уничтожать вяземскій пряникъ.

— Какая слѣдующая станція? — спрашиваю его.

— Первая отъ Раздѣльной — Стекланная Радица. Четырнадцать верстъ.

— Почему *стекланная* Радица?

— Тамъ оконное стекло вырабатываютъ... Вы вотъ все любознательствуете, а не замѣтили, какъ это у насъ устроено, чтобъ уголь не летѣлъ назадъ. На прочихъ желѣзныхъ дорогахъ всего запылить, а то и въ глаза, а у насъ тутъ аппаратъ такой придуманъ.

И малецъ весьма серьезно и обстоятельно началъ мнѣ разъяснять устройство этого полезнаго аппарата. Я опускаю различныя подробности, скажу только, что не мѣшало бы и другимъ, дорогимъ и большимъ, желѣзнымъ дорогамъ позаимствоваться этимъ у Мальцовской дешовки.

— Вы, что же, кончили здѣсь училище?

— Да, я изъ Дядьковской школы. Сначала пѣвчимъ былъ. У насъ всѣ ученики въ пѣвчихъ, — ну, такъ какъ съ ними самъ Сергѣй Ивановичъ постоянно, онъ и видитъ, кто къ чему способенъ, — такъ и опредѣляетъ: кого на заводы, кого въ кондукторы, кого въ прикащики. И управляющихъ много у насъ такихъ, что сначала пѣвчими были. У насъ такъ: при каждой церкви свой хоръ, особливо гдѣ школа есть. Въ Дядьковѣ такъ поютъ, что архіерей былъ — удивлялся!...

Какъ проста желѣзная дорога, такъ же незатѣйливы и ея станціи. Это — деревянные небольшіе дома. Въ одной половинѣ ихъ — телеграфъ, тоже свой, какъ и все зданіе; въ другой — комната для пассажировъ. На станціяхъ можно получить чай и кое-какую пищу по чрезвычайно умѣренной цѣнѣ. Станціи по всему заводскому району одинаковаго типа. Въ пассажирскихъ комнатахъ, очень чистыхъ, можно найти на всякій случай постели съ бѣльемъ. Въ горницахъ для пассажировъ третьяго класса толпятся рабочіе, ожидающіе чугунку. Тамъ шумъ, гомонъ. По всему пути на полотнѣ желѣзной дороги тоже встрѣчались партіи мастеровыхъ, совсѣмъ отличающихся отъ тѣхъ голодныхъ и озабоченныхъ завтрашнимъ днемъ крестьянъ, которые мнѣ попадались около Брянска. Большинство — въ сапогахъ: первый признакъ крестьянскаго благосостоянія, а страсть къ яркимъ цвѣтамъ свидѣтельствуетъ о близости Калужской губерніи. Крестьянки такъ и бьютъ въ глаза смѣшеніемъ желтаго, краснаго, синяго и оранжеваго цвѣтовъ. Къ сожалѣнію, самый типъ народа далеко не красивъ. Очевидно, заводское и фабричное дѣло не дало ему развиваться какъ слѣдуетъ, хотя физическая сила здѣсь довольно замѣтна. Уже въ самомъ началѣ меня поразило отсутствіе пьяныхъ; потомъ я встрѣчаю такихъ только въ Людиновѣ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ, особенно на стеклянномъ дѣлѣ, народъ пьетъ очень мало. Нѣтъ пьяныхъ — нѣтъ и ругани, которая почему-то считается необходимою принадлежностью русскаго человѣка. Въ вагонѣ третьяго класса поэтому можно сидѣть совсѣмъ не рискуя услышать звучныя трехъ-этажныя привѣтствія, облетающія съ конца въ конецъ наше отечество.

— У насъ большая часть грамотные, потому мы этого невѣжества гнушаемся... На заводскомъ дѣлѣ народъ всегда ученый.

Сообщилъ мнѣ по этому поводу спутникъ мой, тоже бывшій рабочій, а теперь управляющій однимъ изъ заводовъ.

— Дѣло съ машиной имѣешь — больше думаешь...

— Простота у васъ большая.

— Потому всѣ изъ одной семьи вышли. Мы чужихъ боимся даже.

— Почему это?

— Потому чужой къ намъ какъ жрецъ какой пріѣдетъ. Носомъ это на все фыркаетъ, по-городскому хочетъ...

— Чужому дико... Тутъ у насъ мужицкое царство настоящее... Одинъ къ намъ пріѣхалъ и говоритъ: какъ это вы безъ

луба можете?.. У насъ,—говорить,—на заводѣ театры играютъ, кавалеры съ барышнями танцуютъ...» А у насъ кавалеровъ нѣтъ. Ваши кавалеры какъ промаятся цѣлый день за машиной, такъ первымъ дѣломъ—домой, да спать. Не залянешь!

Вмѣстѣ съ Хобаровымъ управляетъ линіей желѣзной дороги крестьянинъ Морозовъ. Первый завѣдуетъ движеніемъ, второй—ремонтomъ. Хобаровъ кончилъ Рославльское желѣзнодорожное училище, а Морозовъ—мѣстную школу. Воображаю, во что обошлись бы дорогѣ Богъ знаетъ какихъ денегъ стоящіе инженеры и техники...

— У насъ тутъ инженерамъ и дѣлать нечего.

— Однако...

— Потому у насъ между своими много такихъ, которые могутъ. А чего не знаемъ, Сергѣй Ивановичъ расскажетъ. Онъ у насъ главный инженеръ...

— Онъ все знаетъ!—съ простодушною вѣрой во всеобъемлющія знанія Мальцова пояснилъ другой.

Вотъ потянулись безконечные штабели досокъ и бревенъ. Готовится какая-то постройка. Сотни народу возятся за ней. Пумъ только стоитъ надъ этою поляной. Какіе лѣсные великаны легли подъ топоромъ!.. Пахло смолистымъ запахомъ только-что распиленныхъ сосенъ. Вдали сплошною стѣной стоятъ лѣса и кое-гдѣ изъ-за ихъ вершинъ влубится дымъ. Видимое дѣло—рабочаютъ заводы. Вонъ село вытянулось, отлично обстроенное. Домъ побольше—школа.

— Семьдесятъ учениковъ у насъ здѣсь и двое учителей Орловскую гимназію кончили.

Село на шестьдесятъ дворовъ. Сегодня праздникъ. Дѣтвора—вся на улицѣ; пузатая, рѣзвая, крикливая, она бросилась—было гурьбой за желѣзною дорогой, но, разумѣется, не догнала, остановилась съ разбѣгу и давай орать что-то. Вонъ налѣво выглянула изъ лѣсу превосходная церковь и рядомъ хорошенькій домикъ, огороженный со всѣхъ сторонъ. Оказалось—тоже училище. Въ церкви, какъ и вездѣ, иконостасъ изъ мѣстнаго хрустала, да и образа писаны здѣшними художниками. Школа тоже одна изъ тѣхъ, которыми можетъ щеголять этотъ край.

— Тутъ у насъ гимназистка учить. Дѣтки ее страсть любить,—умѣетъ это она... При всей ея младости Богъ-то ее какъ умудрилъ! И не фурчить...

— Что такое?

— И не фурчить, говорю... Потому иные прочіе, которые изъ городу попадутъ къ намъ на нашъ деревенскій обиходъ, фурчатъ все. Ну, а эта нѣтъ,—эта въ согласіи живетъ. Мы ей, а она намъ подражаетъ.

Тутъ съ нами сѣлъ управляющій стекляннымъ заводомъ. Боротенькіе штаны съ бахромой, порыжелое и точно металломъ покрытое пальто, обвалявшаяся шапчонка блиномъ на круглой головѣ съ круглымъ носомъ и щетинистыми усами. Воображаю, съ какимъ презрѣніемъ на него взглянулъ бы товарищъ его по другимъ, не здѣшнимъ, заводамъ, привыкшій къ мягкимъ рессорамъ, къ бархатной мебели, къ крупнымъ кушамъ. Этотъ какъ сѣлъ, такъ сейчасъ и голову себѣ зачесалъ.

— Что ты?—обернулся къ нему мой спутникъ.

— Да вотъ въ Дядьково... Къ главному нашему мастеру.

— Къ какому это?

— Да къ генералу... Печь у насъ.

— Испортилась?

— Нѣтъ, цвѣтомъ стекло выходитъ не въ ту масть... Ума не приложу, что съ нею такое дѣлается.

— Ты бы хоть приодѣлся.

— Вотъ!... Я прямо съ работы,—куда тутъ еще?... Чѣмъ не хорошо?

— Да ужь очень мундиръ у тебя...

— Мундиръ тутъ у всѣхъ одинаковъ... По нашему дѣлу не пощеголяешь... Не знаю, что съ народомъ дѣлать.

— Съ какимъ?

— Да со стороны. Валомъ валить... Ъсть нечего,—работы просить. На какую хошь идетъ...

— Къ намъ тоже—толпами цѣлыми.

— Что-жь, коли работы нѣтъ? Не своихъ же согнать. Свои ближе.

— Оно такъ... Да нельзя ли потѣсниться какъ. Вѣдь ты самъ знаешь, какая пора—общее горе... Вездѣ безкормица!

— Нужно спросить... Я имъ, признаться, на свой страхъ, велѣлъ отпустить хлѣба... Что будетъ... Тутъ у насъ земляная работа можетъ набѣжить,—поставлю ихъ...

— Сказываютъ, изъ Подбужской волости земство къ намъ тысячу человекъ шлетъ — прокормить просить. Не распахашь всѣхъ-то. Самимъ дорого стоитъ хлѣбъ-отъ... Въ заготовкѣ-то Кочергинъ, сказываютъ, по рублю семидесяти беретъ!..

— Теперь ихъ время пришло. Бушцамъ нонѣ жизнь!... Сколько хочешь, столько и просишь...

Раздвинулся лѣсъ. Солнце ярко бьетъ въ глаза. Изъ-подъ вѣтвѣга обнажились точно бархатныя болотныя кочки и рѣдкіе куски. Даль, переполненная свѣтомъ, слѣпить глаза. По пути встрѣчу все гуще и гуще толпы рабочихъ. Кое-гдѣ маленькія бчонки уже взломали ледъ и шумятъ, и пыжуются въ мертвыхъ ока оврагахъ. Поѣздъ нашъ быстро пробѣгаетъ надъ ними по рутышъ, но прочно устроеннымъ, мостамъ, гремя тамъ, гдѣ по алотну дороги уложены старыя рельсы правительственнаго типа. еперь они уже замѣняются своими, болѣе мелкими, по которымъ оѣздъ везетъ почти безъ шума и безъ тряски. Это тоже изобрѣтеніе Мальцова и впослѣдствіи оно вѣрно будетъ принято всѣми остальными узкоколейными путями. Вонъ вдали, кое-гдѣ вся рячущаяся въ лознякахъ, а въ другихъ мѣстахъ широко развивающаяся, показала главную артерію этого края, р. Болва. Тутъ она течетъ въ крутыхъ берегахъ. Съ первою весеннею ворей по ней двинутся барки съ грузами, побѣгутъ пароходы внизъ въ Десну. Чрезвычайно извилистая, она почти по всему своему теченію судоходна. Окрестности ея въ высшей степени красивы. въ нѣсколькихъ мѣстахъ на ней сдѣланы шлюзы, къ главному въ которыхъ подходит тихо нашъ поѣздъ.

— Сейчасъ будетъ Любохна. Тутъ у насъ пропасть всякихъ заводовъ. Есть чугунно-литейный, пивоваренный, водочный, винокурный, канатный, кирпичный, фаянсовый и пильня. Сверхъ того, изъ стараго сахарнаго завода строится здѣсь писчебумажная юльшая фабрика.

Вонъ у самаго берега свѣжія, только-что срубленныя, баржи изъ желѣза. Надъ косогорьемъ длинный мостъ саженъ въ четыремѣста. Солнце весело играетъ на всей этой, полной кипучаго труда и видимаго довольства, мѣстности. Массы только-что нарубленнаго лѣса свалены въ сторонѣ. Стукъ топоровъ, пѣсни, шумъ воды подъ колесами пильни, пыхтѣніе какого-то паровика—все это охватываетъ меня знакомою музыкой труда. Изъ громадныхъ амбаровъ въ сторонѣ несутся голоса рабочихъ; грохотъ какихъ-то зубчатыхъ колесъ долетаетъ слѣва. Вонъ, постукивая, подходить по боковымъ вѣтвямъ платформы съ хлѣбомъ.

— Хлѣбъ самъ бѣжить!—шутятъ около мастеровые.

— Знаетъ, что нужно, и ползетъ.

Картина отсюда дивная.

Вдали едва намѣчивается синяя полоса лѣсовъ, точно отступившихъ, давая широкій путь Болвѣ. Вся она въ дуга ушла, теперь кажущіеся серебряными подѣлиною еще неподдававшегося весеннему солнцу снѣга. Налѣво большая церковь — красивая, бѣлая, едва-едва различишь ее; ближе — что-то въ родѣ собора съ четырьмя матовыми куполами. Въ любой городъ перенести ее не стыдно... Весь этотъ просторъ дышетъ удивительнымъ мирнымъ спокойствіемъ, — не оторвался бы отъ него. Самая станція полнымъ-полна народу. Мальчики-телеграфисты за работою постукиваютъ себѣ; мальчики-кондуктора суетятся за какимъ-то снѣжнымъ дѣломъ. Вонъ по боковой вѣтви на платформѣ рабочую артель везутъ. Пѣсня откуда-то слышится, которую не можеть заглушить даже порывистое пыхтѣніе маленькаго локомотива, точно уставшаго и озливащагося на людскіе голоса, перекричавшіе его.

— Тутъ у насъ, какъ бы вы думали, телеграфъ есть! — сообщилъ мнѣ А. А. Вагнеръ.

— Гдѣ же это?

— А отъ станціи проведенъ къ селу и заводамъ версты три. Мы и въ этомъ отношеніи старались не отставать...

Хобаровъ даетъ свистокъ и поѣздъ двигается.

Мѣстность вся густо заселена. То и дѣло по сторонамъ дичатся деревни. Мы пробѣгаемъ мимо земледѣльческаго хутора на которомъ пробуются всѣ изготовляемыя и изобрѣтаемыя здѣсь сельско-хозяйственныя машины и орудія: всѣ эти сѣялки, вѣялки, крупорушки, молотилки, — которыя на послѣдней одесской выставкѣ затмили англійскіе аппараты того же рода и чуть не впервые отняли у нихъ большую золотую медаль. Хуторъ точно приклонился къ красивымъ крутымъ берегамъ маленькой рѣчки, которая должна быть особенно хороша лѣтомъ, когда всю ее опуститъ зеленью, когда на нее налетятъ отовсюду цѣлыя тучи крикливой птицы и на тысячи голосовъ зазвучатъ онѣ, будя спокойный сонъ едва-едва всхолмливающихся окрестностей. Вонъ направо прошла узкая колея боковой вѣтви прямо къ чугунно-литейному заводу, каждый годъ изготовляющему до 100.000 пудовъ мелкихъ металлическихъ издѣлій. Оттуда показался дымокъ, — должно-быть платформы бѣгутъ къ Любохнѣ въ ея склады. Сытенная лошадка рядомъ съ желѣзною дорогой торопится куда-то доставить телѣгу, которая какъ ни подпрыгиваетъ, какъ ни подбрасываетъ лежащаго въ ней мужика, а разбудить его очевидно никакъ не можеть. Вонъ налѣво блеснулъ прудъ: точно серебря-

ный кованный щитъ блеститъ его ледяная поверхность подъ солнцемъ. Березовая роща вытянулась надъ прудомъ. Въ причудливомъ узорѣ переплетающихся вѣтвей—черныя шапки какихъ-то гнѣздъ. Гдѣ-то въ шлюзѣ вода гремитъ,—голова идетъ кругомъ. Не хватаетъ глазъ и времени насмотрѣться на эту оживленную и полную интересныхъ деталей картину...

Въ нашъ вагонъ попало нѣсколько пѣвчихъ. Мальчики — чистенькіе, вымытые, въ исправныхъ сѣрыхъ армякахъ. Оказывается, что здѣсь ихъ при каждой церкви человѣкъ по шестидесяти. Занятія ихъ, впрочемъ, не ограничиваются однимъ пѣніемъ: они, сверхъ того, занимаются въ конторахъ, на телеграфѣ, въ чертежныхъ, вообще имѣютъ какое-либо болѣе серьезное дѣло. Впослѣдствіи изъ нихъ выходятъ прикащики, учителя, управляющіе заводами. Каждый изъ нихъ наперечетъ извѣстенъ Мальцову и за каждымъ онъ наблюдаетъ, какъ за близкимъ ему человѣкомъ.

Совсѣмъ Америка... По сторонамъ дороги только-что сваленъ мѣсъ, изъ-подъ рельсъ ключи бьютъ,—просочились сквозь почву,—а нашъ поѣздъ бѣжитъ себѣ и знать ничего не хочетъ... Немного не доѣзжая Дядькова, водопольемъ смыло полотно. Одинъ вагонъ соскочилъ было съ рельсъ. Поѣздъ остановился. Черезъ минуту домкратомъ его поставили опять на рельсы и нашъ локомотивъ запыхтѣлъ опять, унося насъ въ царство крупнаго, Богъ-вѣсть какъ сохранившагося у заводовъ, лѣса... Вонъ въ сторонѣ поселошь. Только дымъ отъ него виденъ.

— Тамъ у насъ десять дворовъ латышей поселилось.

— Какъ они попали сюда?

— Пришли и арендовали землю. Отличные, исправные хозяева! Намъ бы, русскимъ, съ нихъ примѣръ брать!...

III. Первая попытка частнаго телеграфа въ Россіи.—Кто его тормозилъ.—

• Нынѣшнее положеніе.—Оригинальные телеграфисты.

Всѣ здѣшніе заводы соединены между собою телеграфными проволоками. На каждой желѣзнодорожной станціи, почти въ каждомъ селѣ, есть телеграфныя конторы. Вся эта сѣть сдѣлана частнымъ лицомъ, на свои собственные средства. Правительство не помогало ему. Примѣръ такой предпримчивости, какъ въ желѣзнодорожномъ, такъ и въ телеграфномъ дѣлѣ—можно найти развѣ въ Америкѣ, но никакъ уже не у насъ. По крайней мѣрѣ я не знаю

въ Россіи другаго уголка, гдѣ бы на сотни версть тянулись телеграфныя проволоки съ десятками конторъ и гдѣ бы все это было сдѣлано однимъ человѣкомъ безъ казенныхъ суммъ и, главное, безъ мундирныхъ специалистовъ. Въ настоящее время дѣло кипитъ. Съ утра до ночи и ночью со всѣхъ концовъ получаютъ депеши о всякомъ мало-мальски выдающемся событіи, нуждѣ, помощи, и распоряженія приходятъ такъ же быстро. Телеграфистами въ конторахъ и на желѣзныхъ дорогахъ служатъ тѣ же мальчики, кое-какъ обучившіеся этому дѣлу въ мѣстныхъ школахъ. Потому на практикѣ они сдѣлались прекрасными работниками и не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Чтобъ оцѣнить эту предприимчивость, нужно знать, какія усилія были потрачены ранѣе, чѣмъ первая депеша была передана изъ Дядькова по своей проводкѣ, и сколько оказалось необходимыхъ упорства и настойчивости, чтобъ оставить за собою право на это потомъ, когда сѣть уже начала дѣйствовать. Тутъ мало было одной затраты денегъ.

Прежде чѣмъ строить телеграфъ, слѣдовало испросить разрѣшеніе на это. Послали просьбу: ждали, ждали, — ни слуху, ни духу. Мальцовъ — не изъ тѣхъ людей, которые даромъ теряютъ время, особенно на бесплодныя ожиданія. Онъ взялъ да и началъ работы. Онъ самъ и его дочь, княгиня Мещерская, верхомъ на коняхъ объѣхали мѣстности, намѣтили направленіе главныхъ линій; дѣло закипѣло и въ нѣсколько мѣсяцевъ сѣть уже была готова. Вслѣдъ за тѣмъ выписаны были книги, изучено самое производство, подготовлены къ нему мальчики, и аппараты заработали на сотни версть. Все это время просьба о разрѣшеніи построить телеграфъ заносилась въ одни регистры, изъ коихъ переводилась въ другіе, откладывалась, снабжалась справками, опять докладывалась, клалась подъ сукно и вновь выползала оттуда, заслушивалась единолично, обсуждалась коллегіально, — короче сказать, совершала обычное въ Россійской имперіи обращеніе свое вокругъ административнаго солнца. Въ то самое время, когда такимъ образомъ совершалось правильное теченіе дѣла, кто-то и написалъ въ Петербургъ, что телеграфъ у Мальцова уже дѣйствуетъ. Тамъ всполошились. Послѣдовало приказаніе рубить столбы.

Является въ Дядьково исправникъ съ министерскимъ предписаніемъ.

— Что такое?

— Да вотъ маленькое дѣльце тутъ... Приѣхалъ къ вамъ ничтожить телеграфъ.

— То-есть какъ же это?

— А вотъ дайте народу съ топорами,—завтра начнемъ рубить столбы...

— Ну, ужъ это, батюшка, вы сами съ топоромъ усердствуйте!

Начались переговоры. Едва убѣдили законную власть оторвать подписку въ томъ, что телеграфъ, пока не получится разрѣшенія изъ Питера, дѣйствовать не будетъ... Хорошо еще, что администраторъ попался стоворчивый, а то такъ бы и не бывать дѣлу. Пришлось приостановить сообщеніе по проволокамъ, когда вездѣ уже началась корреспонденція и достаточно было подготовленныхъ самимъ Мальцовымъ къ этому дѣлу мальчиковъ-телеграфистовъ. Прошло шесть мѣсяцевъ, а ни слуху, ни духу. Справляются. Дѣло объяснилось по-россійски.

— Не посылаемъ чиновника потому, что не сказано, гдѣ вы его встрѣтите.

— Да вѣдь карта есть!

Наконецъ, является специально командированный изъ Питера мундирный техникъ.

— Слава Богу!... Привезли разрѣшеніе?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы?

— Дайте мнѣ карту, я и уѣду.

— За тѣмъ васъ и послали?

— Именно.

Взявъ карту и отправился въ Питеръ... Опять проходить достаточно времени, чтобы построить еще десять сѣтей. Наконецъ, является второй чиновникъ, важнѣе перваго. Грудь колесомъ, фуражка на затылкѣ. По-русски жуется, а не говоритъ, на Мальцова смотреть свысока.

Здѣсь обрадовались, авось этотъ-де выручить.

— Поѣдте,—предлагаетъ ему Мальцовъ,—покажите моимъ мальчикамъ, какъ надо дѣйствовать. Можетъ-быть у насъ что-нибудь и не такъ.

— Это невозможно!

— Почему?

— Потому, что телеграфъ не должна дѣйствовать!

— Какъ это?

- Она дурно построена.
- Вы вѣдь еще его не видѣли?
- Нѣтъ, не видаль... А только немозна...
- Да какже нужно было сдѣлать?
- Нужна былъ ждать.
- Да вѣдь мы ждали долго.
- И еще подождилъ!
- Чего же?
- Чтобы ми прислалъ къ вамъ свой чиновникъ для постройки.

Видать, что идиотъ, ничего съ нимъ не подѣлаешь, — утвердился на своемъ и никакимъ рошномъ его не свернешь...

— Послушайте, — попробовали еще разъ, — да вѣдь вы же можете дать разрѣшеніе.

— Нѣтъ... Я буду посмотрѣть... Разрѣшеніе должна приходилъ изъ Петербурхъ послѣ мене... Но только не будетъ, потому телеграфъ дѣйствовать немозна!...

Бросили его. Проѣхалъ онъ по линіи и возвратился въ Петеръ... Опять проходить время, а телеграфъ стоитъ.

Въ третій разъ пріѣзжаетъ специально командированный чинъ.

— Ну, что? — бросаются къ нему.

— Привезъ разрѣшеніе.

Дешевы казенныя деньги въ Россіи, а время еще дешевле...

И замѣтте, это продѣлали съ человѣкомъ, имѣющимъ въ Петербургѣ громадныя связи, знакомства, силу. Что же по всему лицу великой земли Русской приходится дѣлать простымъ смертнымъ? И виноваты ли мы, что предприимчивость наша развивается такъ туго? Одни телеграфныя нѣмцы наши могутъ хоть кого довести до одури. А вѣдь у насъ во всякой щели засѣли такія мокрицы и нѣтъ такихъ громовъ небесныхъ, которые могли бы выгнать ихъ изъ этихъ привольныхъ убѣжищъ...

Телеграфъ, проведенный такимъ образомъ, обошелся баснословно дешево. Еще бы!... Проволока своя, столбы изъ своего лѣса, стаканчики сдѣланы на своихъ заводахъ. Казенныхъ строителей и техниковъ не было вовсе, а извѣстно, что одно составленіе смѣты потребуесть больше расходовъ, чѣмъ весь телеграфъ... Проводя его здѣсь, приспособлялись къ мѣстности всюду, гдѣ находили это возможнымъ. Такъ, въ лѣсу столбовъ не ставили, а укрѣпляли проволоку къ крупнымъ деревьямъ. Сверхъ того и приспособленія свои устроены. Стаканчики усажены не на але-

астровую массу, какъ въ казенныхъ телеграфахъ, а на засмоленную пеньку, которая не боится переменъ погоды и той или другой температуры. Въ то время, какъ казенные поэтому частую разрушаются, здѣшніе держатся очень долго.

Финаль этого дѣла всего комичнѣе.

Къ двумъ существующимъ проволокамъ телеграфа, которыя, по словамъ мундирныхъ техниковъ, не должны были дѣйствовать, правительство потомъ попросило у владѣльца позволенія прибавить звоку третью проволоку и пользуется ею. Это ли не комедія!...

Всюду, гдѣ я ни посѣщалъ здѣсь телеграфныя конторы, работающіе въ нихъ телеграфисты въ сѣрыхъ армякахъ производили на меня самое отрадное впечатлѣніе. Осмысленныя лица ихъ и сознательная работа на вашихъ глазахъ невольно подкупали наблюдателя. Видишь, съ какими малыми средствами можеть насъ дѣлать большое дѣло, лишь были бы энергія и предприимчивость, въ отсутствіи которыхъ, разумѣется, не мы виноваты. Въ то же время, видя эти дешовыя дороги, эти ни во что не обошедшіяся телеграфныя сообщенія, невольно задаешься вопросомъ, сколько лишнихъ денегъ—этого вычekanеннаго въ металл народнаго трудового пота—тратитъ казна на свои дороги и, правда, не лучше служащія ей сооруженія. Въ такомъ ли видѣ были бы наши финансы, наше экономическое благосостояніе, еслибы хозяйственные способы, лѣтъ двадцать тому назадъ, смѣнили привольно практиковавшееся и никого не удивлявшее «хищеніе»?... Именно «хищеніе»,—благо хоть терминъ подходящій придумали... Интересно было бы сосчитать, сколько ушло такимъ образомъ милліардовъ и гдѣ, въ чьихъ заgreбистыхъ лапахъ, они находятся теперь,—интересно хоть какъ урокъ для будущаго!...

Кстати привести здѣсь нѣкоторыя цифры, относящіяся къ этому дѣлу.

Первыя 105 верстъ здѣшнихъ телеграфныхъ сообщеній, считая тутъ же и цѣнность аппаратовъ, всего обошлись въ 4.450 рублей. Ежедневное содержаніе телеграфовъ съ ихъ ремонтомъ стоитъ заводамъ около 1.500 рублей.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сельско-хозяйственные очерки Россіи.

I.

Россія — страна земледѣльческая. Это значить, что въ международномъ производствѣ на ея долю выпадаетъ задача снабжать другія государства хлѣбомъ, получая взаменъ продукты мануфактурной промышленности. Дѣйствительно, до недавняго времени наше отечество было главнымъ поставщикомъ хлѣба на иностранныя рынки, такъ что не безъ нѣкотораго основанія оно присвоивало себѣ наименованіе «житницы» Европы. Хотя въ послѣдній періодъ исторіи такая ея репутация сильно пошатнулась и въ международномъ общественномъ мнѣніи земледѣльческія богатства Россіи поблекли передъ производительностью американскаго сельскаго хозяйства; хотя и внутри Россіи господствуетъ мнѣніе, что наша страна утрачиваетъ свой прежній исключительно земледѣльчески-производительный характеръ и становится похожей на другія европейскія государства, съ инымъ распредѣленіемъ труда между земледѣльческой и мануфактурною промышленностью, — тѣмъ не менѣе общій итогъ нашего производства, насколько онъ выражается въ международной торговлѣ, показываетъ, что мы не только не перестаемъ быть земледѣльческимъ народомъ, но можемъ-быть даже становимся еще больше хлѣбонашцами, чѣмъ были раньше.

Такъ въ 60-хъ годахъ вывозъ изъ Россіи всѣхъ продуктовъ (за исключеніемъ лѣснаго) распредѣлялся по вѣсу слѣдующимъ образомъ: хлѣба, продуктовъ льна и пеньководства, скотскихъ продуктовъ вывезено 89,72%, а остальныхъ товаровъ 10,28%; въ 70-хъ годахъ первыхъ вывезено 90,9%, а вторыхъ всего 9,1% *), т. е. отпускъ продуктовъ земледѣлія въ послѣдніе годы

*) Обзоръ вѣшной торговли Россіи за 1879 годъ.

астеть на счет торговли другими товарами. Таково же въ общемъ направленіе обращенія товаровъ и внутри Россіи: мы проимъ читателя припомнить выводы г. Николая—она (*Слово* 1880., кн. X), по которымъ все оживленіе нашей промышленной жизни а послѣднее двадцатилѣтіе произошло главнымъ образомъ благояря усиленію торговли хлѣбомъ.

Слѣдовательно, съ точки зрѣнія капитала (который орудуешь орговлей) или по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія товарнаго производства, земледѣліе въ Россіи не только не утратило своего режняго значенія, но даже приобрѣло еще большую важность, акъ какъ продукты его по преимуществу и составляютъ тотъ оварь, для котораго работаютъ наши банки, суда, желѣзныя ороги,—такъ какъ движеніе именно хлѣба и возбудило ту лихоадочную дѣятельность, какая характеризуетъ капиталистическое бращеніе новѣйшаго періода русской исторіи.

Не меньшую важность получить сельско-хозяйственная дѣяельность, если на нее взглянуть съ иной точки зрѣнія, если мыъ ней отнесемъ руководясь интересами не торговца или капиалиста другой формы, а массы народной. Съ нашей точки зрѣнія, рупное капиталистическое производство въ Россіи всегда будетъ прать крайне подчиненную роль; для его существованія въ разѣбрахъ, какихъ оно можетъ достигнуть по условіямъ мѣста и времени, нѣтъ надобности въ образованіи значительнаго континента специально-фабричныхъ рабочихъ, знающихъ одно только ѣло капитала и ради его разорвавшихъ съ землею. Посему современное обезземеленіе народа есть историческая ошибка, которая рано или поздно должна быть исправлена: крестьянинъ возвратится къ своему исконному занятію, причемъ онъ не перестанетъ трудиться и на другихъ поприщахъ въ свободное отъ земледѣлія время. Слѣдовательно, и съ нашей точки зрѣнія роль земледѣлія въ Россіи въ будущемъ вовсе не уменьшится, а сдѣляется можетъ-быть еще болѣе важной.

Поэтому, какъ бы мы ни отнесли къ переживаемому нами моменту,—взглянемъ ли мы на него глазами народной массы или поглядимъ съвозь очки капитализма,—въ обоихъ случаяхъ главнѣйшею задачей ближайшаго будущаго мы должны признать организацію пошатнушагося земледѣльческаго промысла. Что касается до содержанія указанной задачи, то здѣсь мы встрѣчаемъ съ двумя сторонами, которымъ разныя лица приписываютъ неодинаковое значеніе. Одни говорятъ, что главнѣйшимъ приемомъ,

ведущимъ къ желательной организаціи промысла, должно быть возвращеніе земледѣлію тѣхъ работниковъ, которые порвали свою связь съ хлѣбопашествомъ, ибо этотъ разрывъ произошелъ на половину искусственно, почти насильственно. Достигнуть намѣченной цѣли очень легко, пока еще есть земля, требующая приложенія рукъ человѣка. Другіе утверждаютъ, что суть вопроса кроется не въ положеніи земледѣльца, а въ состояніи его хозяйства, которое должно быть измѣнено сообразно требованіямъ переживаемаго историческаго момента по указаніямъ агрономической науки. Приверженцы втораго мнѣнія, будучи согласны между собой на агрономической почвѣ, расходятся, когда дѣло коснется социальнo-экономической стороны вопроса: наши ланд-лорды всѣ надежды земледѣлія возлагаютъ на помѣщичьи хозяйства; ихъ противники признаютъ право на дальнѣйшее существованіе лишь за мелкою культурой. Но и въ послѣднемъ воззрѣніи нѣтъ полнаго единства, такъ какъ мнѣнія здѣсь опять раздѣляются между приверженцами личнаго мелкаго землевладѣнія, единственно будто бы способнаго повести сельское хозяйство по пути прогресса, и защитниками общинной его формы, какъ обезпечивающей устойчивость не одного только производства продуктовъ, но и ихъ распредѣленія.

Требованіямъ партіи, налегающей главнымъ образомъ на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, удовлетворить сравнительно не трудно, по крайней мѣрѣ для этого не существуетъ препятствій со стороны общественныхъ законовъ: внѣ крестьянскаго землевладѣнія земли не мало; по своей устойчивости крестьянское землевладѣніе не уступаетъ другимъ родамъ земельной собственности; успѣшность мелкаго русскаго хозяйства хотя и отстаетъ иногда отъ помѣщичьяго, но это имѣетъ мѣсто по причинамъ, отъ обоихъ независящимъ (недостатка у крестьянъ луговъ, скота и пр.). Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ научно-основательныхъ доводовъ противъ увеличенія народнаго землевладѣнія на счетъ другихъ его формъ, и задача сводится только на способы, которыми это увеличеніе легче всего можетъ быть достигнуто: организація кредита, переселеній и пр.,—словомъ, дѣло стоитъ за техническою стороною вопроса. Иное мы встрѣтимъ, обращаясь къ противоположному воззрѣнію. Здѣсь, даже соглашаясь съ основнымъ его положеніемъ (о необходимости развитія интенсивнаго земледѣлія), мы однако не избѣгнемъ цѣлаго ряда принципиальныхъ противорѣчій съ точки зрѣнія общественно-экономической: не рѣ-

Вопросъ, какимъ способомъ можетъ быть достигнуть у насъ земледѣльческій прогрессъ—капиталистическимъ или народнымъ, если послѣднимъ, то пойдетъ ли онъ подъ флагъ личнаго землевладѣнія или общиннаго. Рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону опредѣлитъ и направленіе нашего сознательнаго вмѣдательства въ процессъ реорганизаціи земледѣльческаго производства, укажетъ на тѣ мѣры, которыя мы должны будемъ принять для его регулированія. Но это еще не все. Подъ сомнѣніемъ находится и сама агрикультурная сторона вопроса: еще далеко не рѣшено, какія области Россіи достигли того положенія, единственнымъ выходомъ изъ котораго представляется возвышеніе сельско-хозяйственной культуры; еще не выяснено какъ слѣдуетъ въ то обстоятельство, подготовлена ли Россія къ указанному процессу въ социальномъ-экономическомъ отношеніи, если даже и признать, что съ агрономической точки зрѣнія онъ является крайне желательнымъ.

Трудность интересующаго насъ вопроса заключается въ томъ, что для его разрѣшенія требуется соединеніе въ одномъ лицѣ познаній агрономическихъ и общественно-историческихъ, каковое соединеніе встрѣчается не легко. О массѣ общества нечего и говорить: если за социальными науками и признано столь важное значеніе, что знакомство съ ними считается обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка и потому онѣ въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ введены даже въ школьное преподаваніе, то понимать что-нибудь въ сельско-хозяйственной наукѣ для обыкновеннаго смертнаго или даже для нехозяина по профессіи считается совершенно излишнимъ. Поэтому наше общество не можетъ сколько-нибудь критически отнестись къ преподносимымъ ему теоріямъ о состояніи русскаго земледѣлія и его видахъ на будущее, измышленнымъ специалистами-агрономами или публицистами-хозяевами; не можетъ оно и участвовать своимъ коллективнымъ разумомъ въ рѣшеніи столь важнаго вопроса. А между тѣмъ высота развитія, какой достигла агрономія, и сосѣдство образцовъ высоко-интенсивныхъ системъ Запада—соблазняютъ нашихъ ученыхъ и публицистовъ относиться свысока къ русскому земледѣлію, ставить ему въ примѣръ западное, быстро, если и не основательно, разрѣшать нашу злобу дня, игнорируя исторію и социальныя особенности страны. Для примѣра мы укажемъ на публициста вн. Васильчикова, главнѣйшую причину современныхъ экономическихъ затрудненій приписывающаго насту-

пившей необходимости всё практикуемымъ въ Россіи системамъ хозяйства замѣниться болѣе интенсивными,—и на ученаго г. Совѣтова, не находящаго достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеить переложную систему хозяйства, и приписывающаго ей всё бѣдствія и неурюстройства (голодь, бродяжничество населения, закабаленіе народа) даже въ древней Россіи (см. его книгу «О системахъ земледѣлія»). Противодѣйствовать такому пассивному направленію общественной мысли можно лишь распространеніемъ въ массѣ общества агрономическихъ познаній. Указанная благородная дистанція, существующая между массой общества и агрономическою наукою, служить причиной того, что у насъ трудно встрѣтить людей обладающихъ обоими родами познаній въ размѣрахъ, какіе необходимы для научнаго изслѣдованія вопроса, а потому и сужденія объ агрикультурныхъ задачахъ современной жизни, — высказываются ли они специалистами-агрономами, или публицистами, — одинаково отличаются односторонностію и черезчуръ сомнительной основательностію.

Сказаннаго, намъ кажется, достаточно для признанія того обстоятельства, что знакомство съ земледѣльческимъ производствомъ имѣетъ чрезвычайно-важное значеніе для всякаго мыслящаго русскаго, а потому наша попытка побесѣдовать о немъ съ читателемъ должна быть признана вполнѣ умѣстной и своевременной. Мы говоримъ, разумѣется, не о технической сторонѣ дѣла (мѣсто которой не на страницахъ литературнаго журнала), а имѣемъ въ виду главнымъ образомъ его соціально-историческую обстановку. Смѣна различныхъ системъ хозяйства въ прошедшемъ и зависимость той или другой системы отъ скученности населенія, размѣровъ сбыта продуктовъ земледѣлія на сторону, развитія другихъ отраслей промышленности, высоты ренты, высоты рабочей платы и процента, преобладанія крупной или мелкой культуры и проч. — вотъ вопросы, знакомство съ которыми главнымъ образомъ и необходимо для нашего общества. Перечисленные вопросы, однако, характеризуются и тѣмъ, что русскому обществу приходится не только знакомиться съ ними, но, и разрабатывать, ибо въ наукѣ многіе изъ нихъ остаются почти все не тронутыми. Вотъ что, напримѣръ, говорилъ въ 1875 году профес. Людоговскій, въ своихъ «Основахъ сельско-хозяйственной экономіи», остановившійся и на указанныхъ выше вопросахъ: «Основная мысль, проникающая этотъ отдѣлъ, заключается въ историческомъ и географическомъ разсмотрѣніи одновременнаго

мѣнянія на формы хозяйства двухъ крупныхъ моментовъ: а) естественно-историческаго (истощеніе почвы культурою) и б) экономическаго (подъ которымъ разумѣется отношеніе къ рентѣ, рабочей платѣ, росту и цѣнѣ продуктовъ). Такъ какъ авторъ не встрѣчалъ въ литературѣ попытки къ разработкѣ предмета въ такомъ направленіи, то онъ считаетъ отвѣтственнымъ за этотъ отдѣлъ почти исключительно себя какъ относительно плана и основныхъ положеній, такъ и относительно изложенія» (стр. VII).

Но изслѣдованія по указаннымъ вопросамъ кромѣ неполноты имѣютъ и другой недостатокъ: они всѣ основаны на признаніи господствующими въ жизни принциповъ капиталистическаго хозяйства и почти вовсе игнорируютъ народное земледѣліе. А между тѣмъ объ формы культуры относятся весьма неодинаково ко многимъ социальнымъ явленіямъ, опредѣляющимъ характеръ сельскаго хозяйства. Для примѣра укажемъ на роль въ этомъ дѣлѣ въ Россіи высоты процента. Она, въ связи съ другими социальными факторами, опредѣляетъ возможность замѣны экстенсивныхъ системъ интенсивными, и для указаннаго преобразования земледѣлія весьма выгоднымъ обстоятельствомъ является дешевизна капитала. Что же мы видимъ въ Россіи? Обычный нашъ процентъ (7—10) кажется непомерно высокимъ помѣщичьему хозяйству, и этому обстоятельству между прочимъ приписывается низкое состояніе послѣдняго, а возможность его движенія впередъ ставится въ зависимость отъ удешевленія кредита. Что же касается мужика, то указанная нами величина процента, чрезвычайная для помѣщичьяго хозяйства, показалась бы ему чистымъ благодѣяніемъ: вмѣсто 7—10%, теперь онъ обыкновенно платитъ 50—70, даже 100% въ годъ и очень рѣдко 15—20%. Очевидно, что именно то обстоятельство, которое служитъ тормозомъ развитію русскаго капиталистическаго земледѣлія, могло бы сильно двинуть впередъ народное, будь оно только ему доступно. Въ подобномъ противорѣчивомъ отношеніи объ формы культуры стоятъ ко многимъ другимъ социальнымъ факторамъ и потому выводы, сдѣланные по отношенію къ одной изъ нихъ, могутъ быть вовсе не приложимы къ другой. Для Россіи особенную важность имѣло бы изслѣдованіе вопроса съ точки зрѣнія народнаго производства; но такъ какъ наша наука жила возбужденіями извнѣ, то естественно, что она избрала иное основаніе. Мы лично не обладаемъ познаніями, необходимыми для корректированія выводовъ ученыхъ въ указанномъ направленіи, поэтому нами изло-

женное по необходимости будет носить капиталистическій характеръ, присущій и источникамъ, которыми мы пользовались. Однако мы не отказываемся вовсе отъ попытки указать кое-гдѣ на различіе въ отношеніи, въ какомъ стоятъ къ земледѣльческому прогрессу крупное и мелкое производства, а также и отъ заключеній о будущей судьбѣ обѣихъ культуръ въ Россіи, которыя сами собой вытекутъ изъ нашего изложенія.

Изъ всѣхъ социальнo-экономическихъ сторонъ занимающаго насъ вопроса всего лучше выяснена историческая, и для пониманія исторіи земледѣлія нужно составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о главнѣйшихъ особенностяхъ, отличающихъ добывающую промышленность отъ обрабатывающей. Последняя не даетъ человѣку новаго вещества, котораго у него до того не было; она лишь преобразуетъ добытый уже изъ земли матеріалъ въ форму, пригодную для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Единственно это преобразование и составляетъ весь смыслъ и все содержаніе обрабатывающей промышленности, а потому и результаты послѣдней зависятъ исключительно отъ способовъ производства, совершенства орудій и приѣмовъ обработки; количество переработаннаго продукта пропорціонально количеству затрачиваемаго труда; антропологическій элементъ производства является такимъ образомъ всеопредѣляющимъ его принципомъ. Добывающая промышленность представляетъ иныя отношенія. Правда, человѣкъ здѣсь тоже не создаетъ ничего новаго для природы, но для себя онъ добываетъ такія массы, какихъ прежде у него не существовало: четверть онъ превращаетъ въ двѣ, нуль замѣняетъ единицей (добываніе металловъ). Здѣсь уже не преобразование имѣющагося въ рукахъ матеріала, а добываніе новаго. Возможность послѣдняго обусловливается активнымъ участіемъ въ процессѣ, на ряду съ текущимъ и кристаллизованнымъ трудомъ, также и силъ природы; активнымъ элементомъ здѣсь является уже не одинъ антропологическій элементъ производства, но и естественный; количество добываемыхъ продуктовъ поэтому не зависитъ исключительно отъ размѣра прилагаемыхъ къ производству человѣческихъ усилій, но и отъ производительности земли; оно, слѣдовательно, не будетъ пропорціонально труду, затрачиваемому на производство.

Послѣднее мы можемъ разсматривать съ двухъ сторонъ: статической и динамической. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ неизмѣнными способами производства, а во второмъ — старыя

постоянно стремятся замѣниться новыми, лучшими. Въ обоихъ отношеніяхъ добывающая и обрабатывающая промышленность представляютъ различный характеръ. Въ статическомъ моментѣ обрабатывающей промышленности количество получаемыхъ продуктовъ, обуславливаясь исключительно размѣрами затраченнаго труда, будетъ пропорціонально послѣднимъ; если мы пожелаемъ удвоить продуктъ, намъ придется въ тѣхъ же размѣрахъ увеличить и количество фабричнаго или заводскаго труда. Въ добывающей промышленности окончательный результатъ есть производная двухъ величинъ: труда и силъ природы,—почему и количество добываемыхъ продуктовъ не зависитъ единственно отъ размѣра приложенныхъ человѣкомъ усилій. Если мы пожелаемъ удвоить добываемый съ того же пространства продуктъ, намъ придется затратить не двойное количество труда: естественный результатъ измѣненія антропологическаго элемента въ производствѣ—пропорціональное возрастаніе продукта—видоизмѣнится вліяніемъ другаго, естественнаго элемента—почвы. Въ какомъ же направленіи дѣйствуетъ этотъ второй элементъ на результаты перваго: усиливаетъ онъ или ослабляетъ производительную способность труда? Наблюденіе даетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ: земля парализуетъ человѣческія усилія, ослабляетъ производительную силу труда тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе та напрягается,—для удвоенія продукта на томъ же пространствѣ и тѣми же пріемами обработки нужно затратить гораздо больше, чѣмъ двойное количество труда; эта потеря производительности увеличивается еще сильнѣе, если требуется утроить добываемый продуктъ, и т. д. Чтобы сдѣлать понятнымъ эту особенность добывающей промышленности, мы пояснимъ ее примѣрами изъ области земледѣлія. Намъ нужно истребить сорныя травы, для чего мы и пускаемъ въ дѣло экстирпаторъ; одною вспашкой мы не уничтожимъ всѣхъ травъ и когда ея оказывается недостаточно, процессъ нужно повторять два-три раза. Но такъ какъ всякій слѣдующій разъ экстирпаторъ проходитъ по полю частью уже освобожденному отъ травъ, то ему приходится уничтожать ихъ все меньше и меньше, т. е. трудъ паханія каждый разъ оказывается менѣе производительнымъ. Затѣмъ большая часть нашихъ пріемовъ обработки введены не на научномъ основаніи, а эмпирически: мы замѣтили, что удобрение или лишняя вспашка подымаетъ урожай, а почему это происходитъ, мы узнали лишь впоследствии. Въ виду такой «случайности» улучшеній, обыкновенно бываетъ, что послѣднія

вполнѣ удовлетворяютъ какому-нибудь одному условію роста хлѣба, а другимъ способствуютъ лишь отчасти. Поэтому, увеличивая ихъ примѣненіе, мы не достигаемъ пропорціональнаго подъема всѣхъ условій, необходимыхъ для полученія хорошаго урожая, а развиваемъ главнымъ образомъ нѣкоторыя изъ нихъ; другія не пользуются должною поддержкой и потому оказываются недостаточными для полученія желательнаго результата. За то новое улучшение, если оно восполняетъ недостатки, присущіе прежнимъ приемамъ обработки, придаетъ имъ немислимую раньше силу; но и оно съ теченіемъ времени оказывается въ свою очередь одностороннимъ и не оправдывающимъ надеждъ человѣка на возрастаніе урожая пропорціонально росту затраты труда и капитала.

Аналогичное различіе мы видимъ и въ прогрессивномъ движеніи промышленности. Производительность фабричнаго труда растетъ прямолинейно, безъ колебаній и отступленій назадъ, добываніе же продуктовъ изъ нѣдръ земли прогрессируетъ скачками и зигзагами: улучшения технической стороны дѣла позволяютъ преодолѣть естественныя сопротивленія почвы и сразу возвысить количество получаемыхъ продуктовъ при тѣхъ же затратахъ труда на болѣе или менѣе значительную величину. Но вслѣдъ за тѣмъ выступаетъ на сцену регрессивное вліяніе силъ природы. Оно парализуетъ производительность труда, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда явится надобность въ дальнѣйшемъ расширеніи производства на старомъ технологическомъ основаніи; во-вторыхъ— и безъ такого расширенія, вслѣдствіе истощенія почвы. Поэтому, въ періодъ изобрѣтательнаго затишья, когда производительность фабричнаго труда остается только неподвижной, добывающая промышленность по немногу теряетъ завоеванія, сдѣланныя въ предшествующее время: формы этихъ завоеваній остаются нетронутыми, но сущность ихъ исчезаетъ; человѣкъ продолжаетъ будто бы по-прежнему пользоваться указаніями науки, данными ему раньше, но они уже не приносятъ прежнихъ плодовъ и производительность труда падаетъ и падаетъ.

Отсюда вытекаетъ и третье различіе обрабатывающей промышленности и добывающей: прогрессъ первой есть явленіе возможное, движеніе же впередъ послѣдней составляетъ необходимость для общества. Оставаясь при тѣхъ же способахъ обработки продуктовъ, человѣчество можетъ существовать и размножаться неопредѣленное время, не испытывая при этомъ никакихъ неудобствъ

или стѣсненій, какъ бы малопроизводительна ни была форма его труда: не зная лучшаго, оно можетъ вѣчно довольствоваться существующимъ. Но такой консерватизмъ немислимъ въ земледѣліи: здѣсь размноженіе населенія рано или поздно приводитъ къ все болѣе и болѣе растущему упадку производительности труда; общество вынуждается отвлекать постоянно возрастающее число рукъ отъ другихъ производствъ для добыванія хлѣба насущнаго и наблюдаетъ шагъ за шагомъ уменьшеніе производительности земли. Поэтому, тогда какъ въ обрабатывающей промышленности техническіе успѣхи (пока они не дѣлаются прямою задачей науки) могутъ быть достигаемы случайно, безъ сознательнаго преслѣдованія ихъ работающими,—необходимость земледѣльческаго прогресса по временамъ становится для общества очевидной, является вопросомъ, который предстоитъ ему разрѣшить во что бы то ни стало. И если инициатива техническихъ улучшеній въ обрабатывающей промышленности исходить изъ свойствъ критически работающей мысли отдѣльныхъ лицъ или цѣлой группы общества (наука), то стремленіе къ земледѣльческому прогрессу покоится на недостаточномъ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей общества. Изобрѣтенія въ области переработки продуктовъ могутъ совершаться усиліями отдѣльныхъ геніальныхъ личностей, тогда какъ къ прогрессу въ земледѣліи должны стремиться массы обыкновенныхъ людей. Возвышеніе производительности обрабатывающаго труда вырастаетъ до степени общественной задачи при столкновеніи низшей культуры съ высшей, земледѣльческій же промыселъ способенъ сыграть эту роль на всякой ступени развитія общества.

Изъ того закона, что обрабатывающая промышленность развивается быстрѣе добывающей, слѣдуетъ, что стоимость ея продуктовъ сравнительно съ цѣнностью продуктовъ послѣдней съ теченіемъ времени прогрессивно понижается. А такъ какъ золото, служащее мѣриломъ цѣнности, принадлежитъ къ продуктамъ медленно прогрессирующей добывающей промышленности, то понятно, почему цѣна фабричныхъ товаровъ съ теченіемъ времени падаетъ. Колебанія же цѣнъ хлѣба въ исторіи зависятъ отъ того, въ какой отрасли добывающей промышленности быстрѣе совершается развитіе производительности труда: въ рудномъ дѣлѣ или земледѣліи. Обстоятельство это, впрочемъ, имѣетъ для насъ гораздо меньшую важность, чѣмъ относительное измѣненіе цѣнъ хлѣба и фабричныхъ товаровъ, а здѣсь, какъ мы видѣли, со-

вершается постоянное возрастание первой, сравнительно съ послѣдней.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перейдемъ къ описанію измѣненій, совершающихся въ земледѣліи по мѣрѣ развитія цивилизаціи.

Въ судьбѣ земледѣльческаго промысла огромную роль играетъ то обстоятельство, что почва не можетъ давать безконечное число урожаевъ, не теряя своей производительной способности. Поэтому, при всякой системѣ хозяйства, на сцену является и вопросъ объ обеспеченіи плодородія почвы. Это послѣднее въ продолженіе исторіи человечества совершается слѣдующими четырьмя способами: оставленіемъ земли въ залежи, механической ея обработкой, накопленіемъ въ почвѣ органическаго вещества, внесеніемъ питательнаго матеріала со стороны *).

Количество питательныхъ веществъ въ почвѣ колеблется отъ 1 до 10%, остальная ея масса состоитъ изъ непригодныхъ для этой цѣли кремнезема и кремнекислаго глинозема. Но и тѣ 1—10%, которые способны поддерживать жизнь растений, не всѣ находятся въ удобоусвояемомъ состояніи; большая ихъ часть, напротивъ, безъ извѣстной переработки не можетъ служить пищею растеніямъ (такъ-называемый основной фондъ) и лишь незначительное количество (такъ-назыв. оборотный запасъ) находится въ видѣ легко-растворимыхъ веществъ (въ чистой водѣ растворяется не больше 1/4% почвы). Собственно эта послѣдняя часть почвы и обуславливаетъ то, что мы называемъ урожайностью земли, такъ что почвы, обладающія одинаковымъ количествомъ питательныхъ веществъ, могутъ тѣмъ не менѣе отличаться весьма различной урожайностью. Хваленый черноземъ, напримѣръ, характеризуется не столько абсолютнымъ богатствомъ производительныхъ силъ, сколько легкостью, съ какою питательныя вещества превращаются изъ основнаго запаса въ оборотный; и, наоборотъ, тяжелыя глинистыя почвы отличаются богатствомъ содержанія питательныхъ веществъ, но въ форму удобоусвояемаго оборотнаго запаса переходитъ лишь незначительное количество послѣднихъ, а потому онѣ и неспособны давать сразу большіе урожаи.

Отсюда видно, что возстановленіе производительныхъ силъ почвы совершается двоякимъ путемъ: переводомъ питательныхъ

*) Людоговскій: «Основы сельско-хозяйственной экономіи».

ещество изъ основнаго фонда въ оборотный и—внесениемъ ихъ въ почву въ удобоусвояемомъ видѣ извнѣ. Первый способъ—бщеупотребительный и примѣняется человекомъ цѣлыя столѣтія; второй—есть продуктъ послѣдняго періода исторіи и его господство еще впереди.

Переходъ питательныхъ веществъ изъ нерастворимаго состоянія въ растворимое совершается при посредствѣ атмосфернаго воздуха, воды, тепла и естественной растительности. Истощенная почва, предоставленная самой себѣ, подвергается дѣйствию указанныхъ космическихъ силъ, способствующихъ физико-химическимъ процессамъ, въ ней совершающимся; результатомъ этого является накопленіе въ ней легкорастворимыхъ и потому удобоусвояемыхъ растеніемъ веществъ. Трава, растущая на такой землѣ, въ свою очередь способствуетъ ея плодородію, переводя питательныя вещества изъ глубокихъ нетронутыхъ культуурою слоевъ почвы въ истощенныя поверхностныя. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда, благодаря указаннымъ метаморфозамъ, оборотный запасъ почвы достигнетъ прежняго уровня, человекъ прерываетъ естественный процессъ вывѣтриванія почвы и приступаетъ къ извлеченію образовавшагося запаса въ видѣ хлѣба и другихъ растительныхъ продуктовъ. Возстановленіе плодородія почвы описаннымъ способомъ оставленія земли въ залежь требуетъ многихъ лѣтъ для достиженія желательныхъ результатовъ; срокъ этотъ можно сократить до одного года, если способствовать естественному вывѣтриванію почвы искусственной ея обработкой (паханіемъ и пр.), смыслъ которой (кромѣ уничтоженія сорныхъ травъ) заключается въ увеличеніи поверхности соприкосновенія внутреннихъ частей почвы съ главнѣйшимъ естественнымъ дѣятелемъ—воздухомъ и водой. Коль скоро основной фондъ питательныхъ веществъ почвы, вслѣдствіе продолжительной культуры, значительно уменьшится и описанныхъ способовъ становится недостаточно для болѣе или менѣе быстрого превращенія основнаго запаса почвы въ оборотный, мы прибѣгаемъ для этого къ помощи новаго дѣятеля—накопленію въ почвѣ органическихъ веществъ, удобренію ея навозомъ, который до того пропадалъ даромъ. Смыслъ подобнаго удобренія заключается не только въ абсолютномъ пополненіи убылыхъ частей почвы, сколько въ созданіи этимъ путемъ обстановки, благоприятствующей быстрѣйшему превращенію основнаго запаса въ оборотный. Именно, углекислота, накапливающаяся въ почвѣ при разложеніи органическаго вещества, пред-

ставляетъ могущественнѣйшаго дѣятеля въ этомъ направленіи, и указанное вліяніе навознаго удобренія не уступаетъ тому значенію, какое оно имѣетъ вслѣдствіе прямаго возвращенія почвъ отнятыхъ у нея веществъ.

Наконецъ, наступаетъ моментъ, когда и навозное удобреніе не въ силахъ бороться съ постоянно растущимъ абсолютнымъ истощеніемъ основнаго фонда земли. Послѣдній уже такъ ограниченъ, что не можетъ пополнять оборотный запасъ почвы съ быстротой, достаточной для удовлетворенія все возвышающихся требованій, предъявляемыхъ человѣкомъ почвѣ. Теперь наступаетъ моментъ, когда для поддержанія плодородія нужно уже прямо вносить въ почву тѣ питательныя вещества, которыя у нея постоянно отнимаются растениями. Но гдѣ взять этихъ веществъ? Тутъ возможны три случая. Первый: это — «совершенное прекращеніе вывоза продуктовъ земледѣлія за предѣлы имѣнія и исключительное потребленіе ихъ на мѣстѣ съ возвратомъ затѣмъ почвѣ всѣхъ остатковъ. Такой способъ въ дѣйствительности практикуется съ незапамятныхъ временъ и способствуетъ поддержанію земледѣлія на весьма высокой степени совершенства, напримѣръ, въ Китаѣ; но онъ предполагаетъ за то совершенное отсутствіе всякихъ торговыхъ и иныхъ сношеній между земледѣльцами и другими классами населенія, обуславливается такою неподвижностью, мертвенностью страны, которая именно и характеризуетъ Китай и которая, очевидно, несовмѣстима съ высокою культурой и развитымъ обмѣномъ, существующимъ въ странахъ, стоящихъ на высотѣ современной европейской цивилизаціи» *). Второй способъ основанъ на переработкѣ земледѣльческихъ продуктовъ въ такую форму, которая не заключала бы въ себѣ дорогихъ почвенныхъ частицъ и потому безъ ущерба дѣлу могла быть вывезена за предѣлы имѣнія: «Дѣло въ томъ, что большая часть сырыхъ продуктовъ земледѣлія и скотоводства заключаетъ въ себѣ на ряду съ веществами, отнятыми у почвы, и вещества, образовавшіяся на счетъ составныхъ частей воздуха и воды. Вещества эти, принадлежащія къ группѣ такъ-называемыхъ органическихъ соединеній, содержатъ углеродъ, водородъ и кислородъ, иногда съ небольшою только примѣсью азота и минеральныхъ веществъ. Въ то время, какъ сырые продукты земледѣлія и скотоводства: зерно, солома, сѣно, молоко, туша животныхъ, на ряду

*) *Ермоловъ*: „Организація полеваго хозяйства“, т. I., стр. 185.

съ почерпнутыми изъ воздуха веществами, содержать большее или меньшее количество минеральныхъ, отнятыхъ непосредственно у почвы, частицъ, большая часть переработанныхъ продуктовъ, въ родѣ спирта, сахара, масла, сала, волокна прядильныхъ растеній и т. п., минеральныхъ почвенныхъ частицъ въ себѣ не содержитъ вовсе и представляетъ исключительно соединеніе такихъ веществъ, которыя почерпаются изъ воздуха и воды—кислородъ и водородъ, или такихъ, которыми въ изобиліи снабжена и почва, напримѣръ—углеродъ. Понятно, что при организаціи въ предѣлахъ имѣнія такого сельско-хозяйственнаго техническаго производства, которое позволяло бы превращать сырые продукты земледѣлія въ тѣ или другіе изъ названныхъ выше переработанныхъ продуктовъ, является возможность какъ увеличить въ значительной мѣрѣ доходность хозяйства, увеличивая цѣнность отчуждаемыхъ на сторону продуктовъ, такъ въ то же время и вполне обезпечить плодородіе земель и совершенно устранить истощеніе ихъ ежегоднымъ возвращеніемъ почвѣ сполна всѣхъ, отнятыхъ у нея, полезныхъ и необходимыхъ для питанія растеній почвенныхъ частицъ. Почвенныя частицы въ этомъ случаѣ остаются въ предѣлахъ хозяйства въ видѣ отбросовъ или второстепенныхъ продуктовъ сельско-хозяйственнаго производства, какъ барда, мязга, жмыхи и т. п. продукты, которые должны быть въ предѣлахъ же имѣнія скармливаемы скоту и возвращаемы почвѣ въ видѣ навоза» *).

Третій способъ состоитъ во ввозѣ землеудобрительныхъ веществъ со стороны. Способъ этотъ отъ всѣхъ остальныхъ отличается тѣмъ, что здѣсь достигается абсолютное обогащеніе почвы, а не одно только превращеніе ея питательныхъ частей изъ нерастворимаго состоянія въ растворимое; поэтому онъ составляетъ радикальное средство противъ истощенія полей и даже даетъ возможность накоплять въ почвѣ тѣ или другія питательныя части, если это понадобится. Вопросъ только въ томъ, гдѣ въ природѣ искать запаса подобныхъ веществъ. До недавняго времени полагали, что если заранѣе не позаботиться о возвращеніи почвѣ отнимаемыхъ частей и продолжать истощать ее по-прежнему, то человѣчеству въ недалекомъ будущемъ угрожаетъ голодъ. Въ самомъ дѣлѣ, продукты земледѣлія изъ деревень отправляются постоянно въ города, гдѣ, будучи потреблены человѣкомъ и жи-

*) Ibid., стр. 186 и 187.

вотными, сплавляются въ видѣ нечистотъ въ рѣки, а оттуд уносятся въ океанъ и навсегда пропадаютъ для земледѣлія. По этому, въ интересахъ будущихъ поколѣній, нужно теперь жъ принять мѣры для полнаго возвращенія почвъ извлекаемыхъ изъ нея хлѣбомъ веществъ. Этимъ соображеніемъ должны руководствоваться въ своей дѣятельности всѣ солидные хозяева; противное же отношеніе къ дѣлу заслуживаетъ строгаго порицанія. Такъ разсуждали до очень недавняго времени; но теперь мотивы этой предупредительной заботы о судьбѣ будущихъ поколѣній потеряли все свое значеніе: «въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ найдены неисчерпаемо-обширныя залежи фосфоритовъ и стассфуртскихъ солей, представляющихъ громадный источникъ фосфорной кислоты и кали; что же касается всѣхъ остальныхъ питательныхъ веществъ, то минеральная природа изобилуетъ ими въ такой мѣрѣ, которая дѣлаетъ высказанное выше опасеніе совершенно излишнимъ. Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ: 1) что почва можетъ давать удовлетворительные урожаи безъ всякаго возврата въ теченіе долгаго времени и 2) что не существуетъ никакой причины, которая дѣлала бы возвратъ безусловно необходимымъ. Эти два заключенія имѣютъ слѣдствіемъ, что удобрение и возвратъ должны примѣняться въ хозяйствѣ, когда они экономически выгодны» *). Поэтому послѣдній способъ возстановленія плодородія почвы еще далеко не получилъ права гражданства: господствующимъ его можно считать въ такихъ передовыхъ въ земледѣльческомъ отношеніи странахъ, какъ Бельгія и Англія; въ Германіи и Франціи онъ примѣняется далеко не повсемѣстно; о Россіи же и говорить нечего,—время его у насъ еще очень далеко впереди.

Читатель видитъ, что общераспространенные способы поддержанія плодородія земли—отъ первобытной залежи до навознаго удобрения—основаны всѣ на относительномъ обогащеніи почвы (увеличеніе оборотнаго ея запаса) и вовсе не предупреждаютъ абсолютнаго ея истощенія. Напротивъ, чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, чѣмъ тщательнѣе обработка земли и разнообразіе культуры, чѣмъ выше, слѣдовательно, доходъ съ имущества, тѣмъ сильнѣе почва истощается, тѣмъ болѣе хищнически относится къ ней человѣкъ. И весь прогрессъ земледѣлія вплоть до того момента, когда въ общее употребленіе входитъ способъ внесенія

*) Людоговскій: „Основы сельско-хозяйственной экономіи“, стр. 96.

въ почву земледобрильныхъ (главнымъ образомъ минеральныхъ) веществъ извнѣ, есть не что иное какъ болѣе энергичное отнятіе у почвы ея питательныхъ веществъ, уменьшеніе основнаго ея фонда,—то, что многіе публицисты, а пожалуй и агрономы—глеймятъ именовъ «хищничества».

Здѣсь будетъ встать остановиться на одной изъ тѣхъ теорій, о которыхъ мы говорили раньше, какъ о способныхъ только запутать общественное мнѣніе, именно—о теоріи, созданной для разъясненія современнаго кризиса княземъ Васильчиковымъ. Писатель этотъ былъ человекъ съ социологическимъ образованіемъ и къ тому же хозяинъ, слѣдовательно знакомый съ агрономическою наукой. Повидимому, онъ представлялъ въ себѣ то именно соединеніе обоихъ родовъ познаній, какое выше мы считали необходимымъ для правильной оцѣнки переживаемаго нами затруднительнаго момента. Такъ по крайней мѣрѣ думало о немъ общество, а потому проповѣдуемая имъ идеи получили обширное распространеніе. Идеи же его слагаются изъ слѣдующихъ основныхъ положеній: 1) Господствующія въ Россіи системы земледѣлія (лядинная, залежная, трехпольная) суть хищныя, терпимыя до поры до времени только по необходимости и при первой возможности должны быть брошены. 2) Слабая ихъ сторона заключается не только въ маломъ доходѣ отъ земли,—ихъ главный недостатокъ тотъ, что онѣ крайне истощаютъ почву, беря отъ нея много и мало возвращая назадъ. Господство этихъ системъ готовитъ печальную судьбу нашимъ потомкамъ, уничтожая богатства природы, которыя, напротивъ того, «должны быть охраняемы, какъ достояніе не только современнаго, но и грядущаго поколѣній». Отсюда вытекаетъ, 3) что «потворствовать грубымъ стремленіямъ простаго народа къ экстенсивной культурѣ такъ же неразумно и неосторожно, какъ допускать хищническую эксплуатацію частныхъ землевладѣльцевъ», а удовлетвореніе стремленія къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, исключая тѣхъ случаевъ, когда это представляется крайне необходимымъ, и будетъ такимъ потворствованіемъ неразумнымъ хищническимъ инстинктамъ народа, почему и самое это стремленіе неразумно.

Въ этомъ мнѣніи князя Васильчикова нужно различать двѣ стороны: здѣсь, во-первыхъ, констатируется фактъ уменьшенія производительности земледѣльческаго труда въ Россіи и, во-вторыхъ, объясняются причины послѣдняго. Эта причина—пониженіе урожая въ вслѣдствіе истощенія почвы. Изъ вышеизложеннаго видно,

что истощение почвы бываетъ двухъ родовъ: недостаточное пополнение оборотнаго запаса почвы и значительное уменьшение основнаго ея фонда. Съ обѣими причинами неурожаевъ можно бороться однимъ и тѣмъ же средствомъ, которое, обезпечивая пропитание современному поколѣнью, въ то же время сохраняетъ производительныя силы для будущихъ—именно ввозомъ землеудобрительныхъ веществъ извнѣ. Если причиною уменьшения урожаяевъ является истощение основнаго фонда почвы, то это—единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія, и мы должны прибѣгнуть къ нему, несмотря ни на что; но если дѣло можетъ быть исправлено усиленіемъ превращенія основнаго фонда въ оборотный, то у насъ есть и другое средство бороться съ неурожаемъ: это—примѣненіе лучшей обработки почвы, навознаго удобрения и т. д., съ цѣлью увеличить оборотный запасъ питательныхъ веществъ почвы на счетъ ея основнаго фонда. Правда, мы этимъ истощаемъ почву, но иначе нѣтъ смысла и въ ея плодородіи. О сохраненіи урожайности полей могла еще быть забота, когда господствовало возрѣніе, что противоположное къ нимъ отношеніе грозитъ въ будущемъ человѣчеству голодомъ; но теперь, съ расширеніемъ нашихъ агрономическихъ познаній и открытіемъ залежей минеральныхъ веществъ, положеніе радикально измѣнилось и вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: раньше или позже для возстановленія плодородія почвы человѣчеству нужно будетъ обратиться къ залежамъ минеральныхъ веществъ; спрашивается: дѣлать ли это теперь, когда легче обойтись другими пріемами, или предоставить практическое рѣшеніе задачи будущимъ поколѣніямъ? Г. Людоговскій, напримѣръ, даетъ на это, какъ мы видѣли, слѣдующій отвѣтъ: «не существуетъ никакой причины, которая бы дѣлала возвратъ безусловно необходимымъ», поэтому «удобрение и возвратъ должны примѣняться въ хозяйствѣ лишь тогда, когда они экономически выгодны».

Въ самомъ дѣлѣ, пользованіе минеральными землеудобрительными веществами обойдется намъ несомнѣнно дороже, чѣмъ нашимъ болѣе образованнымъ потомкамъ; если это такъ, то зачѣмъ же мы станемъ прибѣгать къ дорогому средству, пока нами еще не исчерпаны болѣе дешевые способы возвышенія урожайности, построенные на истощеніи основнаго фонда почвы? Нѣтъ, прямой экономическій расчетъ учить насъ брать сначала то, что легко дается въ руки, и предоставить будущимъ поколѣніямъ преодолевать затрудненія, которыя къ тому времени выростутъ; а

у современнаго человѣка не мало и своихъ насущныхъ заботъ, и съ ними-то еще не знаемъ какъ справиться. На томъ же основаніи мы не должны пренебрегать и свободными, еще нетронутыми культурой землями; напротивъ, для облегченія неизбѣжнаго перехода къ интенсивному хозяйству нужно сколь возможно пользоваться существующимъ запасомъ болѣе или менѣе плодородныхъ земель. Остроту предстоящаго болѣзненнаго (и по мнѣнію князя) перелома слѣдуетъ по возможности ослаблять, и одинъ изъ приемовъ такого ослабленія мы имѣемъ въ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія. Это тѣмъ болѣе приложимо къ современной Россіи, что, по мнѣнію самого князя, «періодъ реформъ, коренныхъ преобразованій сельскаго и общественнаго управленія, совпалъ съ моментомъ глубокаго переворота въ самой земледѣльческой культурѣ и всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства». И то и другое преобразование требуютъ большихъ расходовъ, оба не могутъ совершаться одновременно съ равнымъ успѣхомъ,—желательно поэтому, чтобы сельско-хозяйственный кризисъ былъ смягченъ обращеніемъ къ еще нетронутому запасу естественныхъ производительныхъ силъ: тогда быстрѣе можетъ идти и преобразование общественнаго быта. Князь Васильчиковъ думалъ, однако, иначе: онъ готовъ затормозить общественный прогрессъ, лишь бы предупредить дальнѣйшее истощеніе почвы. По его мнѣнію, «мы предприняли однимъ разомъ слишкомъ много, не рассчитавъ напередъ нашихъ силъ; мы устроили много наименѣе полезныхъ учреждений, ввели много лучшихъ порядковъ, не сдѣлавъ предварительно смѣты, что они будутъ стоить, и не опредѣливъ источниковъ, изъ коихъ будутъ покрываться расходы; между тѣмъ мы продолжаемъ непрерывно заявлять о новыхъ нуждахъ, возбуждать новые вопросы, предлагать новыя улучшенія, тогда какъ матеріальныхъ средствъ не хватаетъ и на поддержаніе существующихъ порядковъ. Все это дѣлается и предполагается въ виду будущихъ благъ (здѣсь князь поражаетъ и самого себя); при каждомъ нововведеніи рассчитывается, какія большія прибыли и выгоды принесетъ затраченный капиталъ, какіе обильные плоды посыплются на грядущія поколѣнія изъ либеральной политики, изъ образовательныхъ мѣръ, изъ лучшаго устройства управленія (изъ сохраненія естественнаго плодородія почвы, долженъ бы прибавить авторъ, еслибы былъ безпристрастенъ). Но современному поколѣнію отъ этого не легче, и оно имѣетъ полное право требовать, чтобы благія предначертанія были сооб-

ражены съ наличными средствами и чтобы прежде, чѣмъ развивать программы дальнѣйшихъ реформъ, было обращено вниманіе на хозяйственные вопросы, на экономическій бытъ народа» *).

Какъ здѣсь не припомнить безсмертнаго дѣдушку Крылова! Если современное поколѣніе «имѣетъ полное право требовать, чтобы благія предначертанія» въ интересахъ будущихъ поколѣній «были соображены съ наличными средствами и чтобы прежде, чѣмъ развивать программы дальнѣйшихъ реформъ (какъ это дѣлаетъ и гн. Васильчиковъ относительно народнаго земледѣлія), было обращено вниманіе на хозяйственные вопросы, на экономическій бытъ народа», и такъ какъ послѣдній не допускаетъ такой быстрой сельско-хозяйственной реформы, какую проектируетъ авторъ, то пусть же онъ снизойдетъ къ справедливому требованію современнаго поколѣнія, пусть позабудетъ выгоды нашихъ потомковъ, а предоставитъ современникамъ воспользоваться своимъ правомъ эксплуатировать природу тѣми средствами, какія находятся у него въ рукахъ.

Князь Васильчиковъ возстаетъ противъ господствующихъ системъ хозяйства, потому что онѣ хищнически истощаютъ землю въ ущербъ будущимъ поколѣніямъ. Нужно поэтому ожидать, что онъ будетъ настаивать на необходимости перехода къ тѣмъ способамъ хозяйствованія, которые общепотребительны, напримѣръ, въ Англіи или Бельгіи, которыя дѣйствительно не истощаютъ почвы, ибо основаны на ввозѣ землеудобрительныхъ веществъ даже изъ другихъ частей свѣта. Но, ко всеобщему удивленію, оказывается, что мысль князя вовсе не такова. Ввоза минеральныхъ веществъ онъ почти не касается, а хлопочетъ о введеніи травосѣянія, корнеплодовъ, лучшей обработки почвы и проч. Словомъ, онъ предлагаетъ какъ разъ тѣ же пути, по которымъ шла Европа и которые не предупредили истощенія ея почвы, а напротивъ того привели къ необходимости ввоза землеудобрительныхъ веществъ извнѣ. Путь этотъ основанъ на еще болѣе сильномъ истощеніи почвы, чѣмъ это имѣетъ мѣсто у насъ, такъ какъ громадное количество продуктовъ, ежегодно добываемыхъ изъ земли, болѣе и болѣе возрастаетъ, а источникомъ ихъ остается все тотъ же основной фондъ, который мы разнообразными приемами быстро превращаемъ въ оборотный и вовсе извлекаемъ изъ почвы; лишь въ немногихъ мѣстностяхъ или имѣніяхъ, гдѣ бу-

*) „Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“, стр. 145.

деть введено сельско-хозяйственное техническое производство, въ почву можетъ возвращаться большая часть взятыхъ изъ нея веществъ.

Такимъ образомъ если истощеніе полей и послѣ реформы, проектированной кн. Васильчиковымъ, останется общимъ правиломъ, а сохраненіе ихъ плодородія будетъ встрѣчаться какъ исключеніе, то зачѣмъ же было и огородъ городить: къ чему приостанавливать общественныя реформы, заставляя голодать массы народа, рисковать, что большинство крестьянъ не выдержитъ сельско-хозяйственнаго кризиса, обостреннаго искусственными мѣрами, стѣсняющими экстенсивное хозяйство, и превратится въ чужихъ батраковъ? Зачѣмъ все это, если цѣль, къ которой мы стремились съ такою энергіей, — сохраненіе плодородія земли для будущихъ поколѣній — все-таки останется недостигнутою? Зачѣмъ? — Отвѣтить мы не умѣемъ; а *какъ* все это вылилось на страницы произведеній нашего автора — догадаться не трудно.

Какъ видно, князь Васильчиковъ въ послѣднее время своей жизни стоялъ еще на той точкѣ зрѣнія, которая была господствующею 15—20 лѣтъ назадъ и которая нынѣ оставлена наукой. Онъ считаетъ, что въ распоряженіи человѣчества находятся только тѣ питательныя вещества растеній, которыя заключены въ почвѣ, эксплуатируемой населеніемъ; этотъ запасъ долженъ питать какъ настоящее, такъ и всѣ будущія поколѣнія, почему его слѣдуетъ расходовать осмотрительно, извлекать изъ почвы на время и затѣмъ вкладывать обратно въ видѣ удобренія. Современное же воззрѣніе основывается на томъ фактѣ, что въ природѣ находятся неисчислимыя залежи минеральныхъ частей почвы; съ другой стороны, отсталыя земледѣльческія страны съ ихъ экстенсивными культурами истощаютъ свои поля гораздо меньше, чѣмъ болѣе развитые народы, возвысившіе уровень сельско-хозяйственнаго производства, собирающіе съ земли болѣе валовой доходъ, но не приступившіе еще ко ввозу землеудобрительныхъ веществъ извнѣ, и самый прогрессъ земледѣлія, — насколько онъ выражается въ переходѣ отъ переложныхъ системъ къ трехпольной, отъ послѣдней къ многопольной, съ носѣвомъ травъ, корнеплодовъ и такъ далѣе, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ хозяйствъ, которыя имѣютъ у себя техническое производство, — основанъ именно на болѣе энергичномъ отнятіи у почвы ея питательныхъ веществъ, пользуясь для этого всѣми способами, ускоряющими превращеніе составныхъ частей растеній изъ основнаго фонда почвы въ ея оборотный за-

пасъ. И самая интенсивная, плодосмѣнная, система хозяйства не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія: «навозъ, производимый въ хозяйствѣ при этой системѣ, представляется продуктомъ той же земли, не вносить въ нее ничего новаго, а позволять только установить извѣстный круговоротъ питательныхъ веществъ, отнимаемыхъ у почвы растениями и возвращаемыхъ въ нее въ видѣ удобренія, — круговоротъ однако же не полный, такъ какъ часть продуктовъ полевой культуры и скотоводства и даже, *благодаря увеличенію интенсивности производства, большая, чѣмъ прежде, часть продуктовъ* отчуждается на сторону и слѣдовательно безвозвратно пропадаетъ для имѣнія. Значить, потеря происходитъ и въ этомъ случаѣ, — потеря *даже быстрой, чѣмъ прежде.* Плодосмѣнная система представляется, слѣдовательно, въ нѣкоторой мѣрѣ такую же *хищническую* формой хозяйства, какъ и предыдущія *). Поэтому будущую судьбу земледѣлія мы должны предоставить будущимъ поколѣніямъ, сами же позаботимся не о сохраненіи плодородія почвы, но о возвышеніи доходовъ отъ земли. Если этого можно достигнуть только путемъ возвышенія сельско-хозяйственной культуры, приступимъ къ требуемому процессу; если же у насъ есть еще недостаточно истощенныя естественно-плодородныя земли, то мы должны скорѣе воспользоваться этимъ даромъ природы, а не затрачивать излишка силъ на дорогія преобразованія. Намъ слѣдуетъ руководствоваться правиломъ, что «удобреніе и возвратъ должны примѣняться въ хозяйствѣ лишь тогда, когда они экономически выгодны», т. е. когда безъ нихъ обойтись крайне трудно. Если же остроту дорого стоящаго процесса реорганизаціи земледѣлія можно смягчить, на примѣръ, расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, то агрономическая наука будетъ только сочувствовать этому, а не относиться отрицательно во имя фиктивныхъ правъ на производительныя силы почвы будущихъ поколѣній. Если князь Васильчиковъ держится инаго мнѣнія, то это значить, что онъ не достаточно проникся современными теченіями въ агрономіи. Онъ можетъ быть и правъ, игнорируя положенія науки, но эта его правота требуетъ доказательства. Публикѣ же, для которой законы агрономіи — малодоступны, остается только преклониться передъ авторитетомъ любимаго писателя и принять идею не только ложную теоретически, но и ведущую къ очень вреднымъ для народа практическимъ послѣдствіямъ.

*) *Ермоловъ*: „Организація полеваго хозяйства“, т. I, стр. 184 и 185.

Итакъ, въ противность мнѣнію князя Васильчикова, мы должны признать, что вплоть до того момента, когда приступлено будетъ къ ввозу удобренія извнѣ, прогрессъ земледѣлія заключается въ извлеченіи изъ почвы все большаго и большаго количества питательныхъ веществъ. Непрерывное размноженіе населенія требуетъ, чтобы человѣчество въ каждый послѣдующій моментъ добывало съ того же пространства земли больше хлѣба и другихъ продуктовъ. Для этой цѣли ему нужно увеличивать содержаніе въ почвѣ легкорастворимыхъ минеральныхъ веществъ—ввозомъ ли ихъ со стороны, или путемъ усиленія превращенія основнаго фонда почвы въ оборотный при одновременномъ возвращеніи ей только питательныхъ веществъ, взятыхъ растениями, которые не были вывезены за предѣлы хозяйства. Первый способъ въ общемъ есть дитя послѣдняго времени, — всѣ детали его еще не опредѣлились, — поэтому примѣнять его на практикѣ будетъ гораздо затруднительнѣе, чѣмъ пользоваться вторымъ. Развить его до высокой степени въ большинствѣ странъ, въ томъ числѣ и въ Россіи—составитъ задачу будущихъ, болѣе умѣлыхъ, поколѣній, а наши предки и мы сами далеко еще не воспользовались тѣмъ запасомъ производительныхъ силъ, который собрала для насъ въ почвѣ прошедшая исторія земли. Смыслъ измѣненій, совершающихся въ сельскомъ хозяйствѣ въ продолженіе многихъ столѣтій, значеніе лучшихъ способовъ обработки земли, сокращенія пара, введенія въ сѣвооборотъ кормовыхъ растений, корнеплодовъ и проч.—заключается въ полученіи большаго валоваго дохода, т. е. въ извлеченіи изъ почвы большаго количества ея питательныхъ веществъ. И такъ какъ, въ силу господствующей экономической организаціи, въ современныхъ обществахъ все производится для продажи, то-есть продукты земледѣлія отчуждаются на сторону, — такъ какъ лишь немногія хозяйства, расположенныя около большихъ городовъ или построенныя на техническомъ производствѣ, могутъ извлеченныя изъ почвы вещества возвращать ей обратно, то понятно, что чѣмъ болѣе успѣха будутъ имѣть старанія человѣка получать болѣе большой валовой доходъ, тѣмъ въ сильнѣйшей степени развивается истощеніе запаса питательныхъ веществъ почвы. Наступаетъ, наконецъ, моментъ, когда требованія, предъявляемые человѣкомъ землѣ, настолько возрастаютъ, а основной фондъ ея такъ сокращается, что оборотнаго запаса питательныхъ веществъ почвы, ежегодно образующагося изъ послѣдней при помощи разностороннихъ земледѣльческихъ манипуляцій, становится недостаточно для удовле-

творения требованій человѣка, поэтому онъ долженъ прибѣгать къ внесенію минеральныхъ веществъ извнѣ. Но это имѣетъ мѣсто на высшихъ ступеняхъ культуры; пока же онъ еще не достигнуты, человѣчеству остается много сдѣлать по части утилизаціи богатствъ, заключенныхъ въ землѣ, непосредственно имъ эксплуатируемой. Прежде чѣмъ отправиться за богатствами въ далекія страны, нужно умно воспользоваться тѣмъ, что лежитъ подъ носомъ. Эта эксплуатація близкаго оказывается вовсе не простымъ дѣломъ, — чтобы научиться извлекать изъ почвы все, что она можетъ дать, не растрчивая безъ смысла ея производительныхъ силъ, человѣчеству нужно было пройти много столѣтій исторической жизни. Россія, напримѣръ, несмотря на цѣлое тысячелѣтіе своего существованія, достигла въ этомъ отношеніи очень мизерныхъ результатовъ, и хотя въ ближайшемъ будущемъ она не откажется отъ абсолютнаго обогащенія почвы въ тѣхъ случаяхъ, когда это окажется удобнымъ, но главный смыслъ ея дальнѣйшихъ земледѣльческихъ преобразованій будетъ заключаться въ усиленіи и урегулированіи потребленія веществъ, уже собранныхъ въ почвѣ. Ближайшія задачи русскаго хозяйства состоятъ въ практическомъ рѣшеніи вопроса, какими мѣрами можно достигнуть болѣе энергичнаго и цѣлесообразнаго истощенія основнаго фонда земли.

Перейдемъ, однако, къ исторіи земледѣлія.

Наши ученые, излагая исторію земледѣльческаго промысла, рассуждаютъ такимъ образомъ, какъ будто бы капиталистическія отношенія существовали съ самаго младенчества человѣческихъ обществъ и будто бы внѣ ихъ немыслимъ никакой прогрессъ... Системы хозяйства, смѣняющія другъ друга, обуславливаются, по ихъ словамъ, отношеніемъ, существующимъ въ каждый моментъ исторіи между цѣнностью земли, капитала и труда, такъ что не фигурируй эти элементы производства на рынкѣ — и земледѣльческаго прогресса пожалуй не было бы. Привычка относиться ко всему съ точки зрѣнія переживаемой нами формы экономическихъ отношеній до того укоренилась въ мысли ученыхъ, что они примѣняютъ ее даже къ такимъ первобытнымъ эпохамъ, какъ кочевой бытъ. Г. Ермоловъ, напримѣръ, въ своемъ прекрасномъ трудѣ «Организація полеваго хозяйства», приступая къ исторіи земледѣлія, говоритъ:

«Низшей степени развитія сельскаго хозяйства, совпадающей съ тѣмъ моментомъ въ исторіи народовъ, когда они переходятъ

отъ кочевой къ осѣдлой жизни, соотвѣтствуетъ періодъ чистой пастбищной системы, при которой эксплуатируется путемъ скотоводства только естественная травяная растительность земли; при этой системѣ земля служитъ исключительно только какъ выгонъ для скота, который проводитъ на подножномъ кормѣ большую часть года. Если нѣкоторая часть иногда и поступаетъ въ распаху подъ посѣвы хлѣбовъ, то эта часть совершенно ничтожна и ограничивается крайней надобностью въ растительной пищѣ для самого населенія». Хлѣбовашество здѣсь только-что зарождается; народъ питается и торгуетъ продуктами скотоводства; форма быта, соотвѣтствующая разсматриваемой ступени развитія человѣчества, патріархальная; здѣсь если и можетъ быть рѣчь объ эксплуатациі одного человѣка другимъ, то никакъ не въ видѣ найма труда, какъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ, а въ формѣ рабства; земледѣльческій капиталъ заключается въ одномъ скотѣ, что обусловливается практикующимися способами удовлетворенія человѣческихъ потребностей, вполне соотвѣтствующими степени кустарнаго развитія, достигнутой обществомъ. Здѣсь все ясно и безъ приложенія капиталистическаго мѣрила; послѣднее, напротивъ того, будетъ даже не у мѣста. Тѣмъ не менѣе г. Ермоловъ нашелъ нужнымъ дополнить свое описаніе пастбищной системы нѣкоторыми объясненіями капиталистическаго пошиба и потому продолжаетъ: «Наемный трудъ въ этотъ періодъ весьма дорогъ, потому что при обилии земель, не сдѣлавшихся еще предметомъ частнаго владѣнія, и при доступности ихъ для каждаго, каждый представляетъ собою самостоятельнаго хозяина, заботящагося о собственномъ пропитаніи собственными средствами; капиталъ дорогъ, потому что населеніе въ кочевой періодъ не могло сдѣлать значительныхъ сбереженій; послѣднія состоятъ преимущественно въ скотѣ» *). Господствующая система держится здѣсь вовсе не дороговизною труда и капитала,—она обусловливается всею совокупностью обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежитъ рѣдкости населенія.

Той же системы изложенія держится авторъ и въ послѣдующемъ, и методъ этотъ, говоримъ, свойствененъ не одному г. Ермолову; вотъ, наприимѣръ, какъ относится къ дѣлу другой ученый, трудами котораго мы пользуемся,—г. Людоговскій.

Разсказавъ сходно съ г. Ермоловымъ о положеніи сельскаго

*) «Организація полеваго хозяйства», т. I, стр. 65.

хозяйства въ кочевой періодъ исторіи человѣчества, онъ затѣмъ переходитъ къ слѣдующей ступени земледѣльческаго промысла — къ переложной системѣ. Причины, обуславливающія описываемый переходъ, состоятъ, по его мнѣнію, въ слѣдующемъ: «Въ этомъ періодѣ уже выдѣляется значительная часть людей въ общество, которые не производятъ сами средствъ пропитанія, но покупаютъ ихъ за другіе продукты своего труда (города и промышленное населеніе), удовлетворяющіе новымъ отраслямъ развившагося потребленія; выдѣляется большое число работниковъ, имѣющихъ время для воздѣлыванія чужой земли и нуждающихся въ наймѣ. Возросшее населеніе успѣло накопить извѣстный капиталъ, который можетъ быть съ выгодой примѣненъ къ земледѣлію въ видѣ построекъ, орудій, машинъ и проч. Возвысилась цѣна на хлѣбъ, поступили въ обработку худшія земли, возникла и увеличилась земельная рента. Часть хлѣба, за удовлетвореніемъ потребностей населенія, можетъ быть сбываема въ болѣе отдаленныя населенныя страны, такъ какъ значительно улучшились главные пути сообщенія, вслѣдствіе торговли скотомъ въ предыдущемъ періодѣ. Какъ должна теперь измѣниться система хозяйства!... Въ этомъ періодѣ степень интенсивности хозяйства опредѣляется главнымъ образомъ количествомъ работниковъ, которое можно доставить въ мѣстности по выгодной цѣнѣ» и которымъ будетъ опредѣляться размѣръ запашки; остальная же земля будетъ эксплуатироваться прежнимъ способомъ выгоднаго содержанія скота *)).

Итакъ, не выдѣлились въ особую группу промышленное населеніе, не потеряй часть народа земли, не возникни рента и т. п. — и общество вѣчно оставалось бы на ступени кочеваго быта, даже когда послѣдній совершенно пересталъ бы соответствовать потребностямъ размножившагося населенія! И подумаешь, какъ сильно всѣ эти проявленія денежнаго хозяйства были развиты въ древній періодъ русской исторіи, когда у насъ господствовала переложная система земледѣлія.

Всякая послѣдующая ступень развитія земледѣлія отличается отъ предыдущей болѣею интенсивностью хозяйства, т. е. болѣшимъ доходомъ, даваемымъ тою же единицею пространства. Объясняется это тѣмъ, что одинаковое количество земли съ теченіемъ времени должно прокармливать постоянно растущее насе-

*) «Основы сельско-хозяйственной экономіи», стр. 124 и 125.

еніе; почему послѣднее всѣ силы своего ума обращаетъ на улучшение приѣмовъ культуры и пр., развиваетъ ихъ съ цѣлью повысить производительность своего труда. Такая задача предстоитъ человѣчеству и въ томъ случаѣ, когда оно очень рано потеряло первобытную спеціалистическую организацію и приняло многократную капиталистическаго характера; его не избѣжали и общества, сохранившія въ большей или меньшей мѣрѣ первобытные общинные порядки. Поэтому земледѣльческій прогрессъ долженъ найти себѣ объясненіе внѣ извѣстныхъ историческихъ экономическихъ формъ; онъ вытекаетъ изъ положенія, присущаго разнообразнымъ экономическимъ организаціямъ. Попытка же основать его непременно на излюбленныхъ принципахъ капиталистическихъ отношеній, кромѣ историческихъ несообразностей, приведетъ и къ логическимъ противорѣчіямъ. Такъ, въ разсматриваемомъ случаѣ работа автора, пытаясь вывести земледѣльческій прогрессъ изъ развитія капиталистическихъ отношеній въ человѣчествѣ, основываетъ свои заключенія на томъ, яко бы, законъ, что въ исторіи имѣетъ мѣсто постоянное повышеніе стоимости земли и пониженіе цѣнности труда и капитала (вслѣдствіе накопленія послѣднего); если это вѣрно, то простой экономической расчетъ требуетъ отъ общества увеличенія въ земледѣліи затратъ дешевѣющихъ труда и капитала ради относительнаго сохраненія дорогихъ силъ природы, а это и есть возвышеніе интенсивности промысла. Съ этой точки зрѣнія оба автора объясняютъ и появленіе на свѣтъ Божій переложной системы хозяйства. Мнѣніе г. Людоговскаго объ участіи въ этомъ процессѣ накопленія капитала мы приводили выше; почти буквально то же самое говоритъ и г. Ермоловъ: «возросшее населеніе къ этому періоду успѣло уже собрать нѣкоторый капиталъ, который можетъ быть примѣненъ съ выгодой къ земледѣлію» *). Между тѣмъ, разсматривая объ системы хозяйства—скотоводческую и переложную, мы замѣтимъ, что первая требуетъ гораздо большаго капитала, чѣмъ послѣдняя. Въ самомъ дѣлѣ, изъ той же книги г. Людоговскаго мы узнаемъ, что при пастбищной системѣ нужно 4—6 рабочихъ на 1.000 головъ рогатаго скота, т. е. группа въ 4—6 человѣкъ для веденія скотоводческаго хозяйства, поглощающаго всѣ ихъ рабочія силы, должна обладать капиталомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей; между тѣмъ какъ для организаціи земледѣльческаго

*) Ермоловъ, стр. 67.

промысла по правиламъ переложной системы требуемый для 4—6 рабочихъ капиталъ будетъ несравненно меньше (орудія производства, рабочей скотъ, сѣмена для посѣва и т. п.), т. е. система скотоводческаго хозяйства требуетъ, выражаясь капиталистическимъ языкомъ, бѣльшаго накопленія капитала, чѣмъ слѣдующая за ней въ исторіи переложная; послѣдняя поѣтому вытекаетъ не изъ развитія капиталистическихъ отношеній, — капиталистическая схема неприменима къ исторіи земледѣлія въ ея цѣломъ. Да она здѣсь совершенно и излишня, ибо сущность прогрессивнаго движенія этой отрасли труда кроется не въ развитіи капитализма вообще, а въ размноженіи населенія; съ этой точки зрѣнія ея и должно разсматривать.

Итакъ, хлѣбопашество зарождается на кочевой ступени исторіи человечества. Но такъ какъ здѣсь оно имѣетъ крайне второстепенное значеніе и весь образъ жизни населенія опредѣляется другимъ, главнѣйшимъ, его занятіемъ — скотоводствомъ, а послѣднее требуетъ постоянной перемѣны мѣстопробыванія племени, то и само хлѣбопашество пріобрѣтаетъ кочевой характеръ: поля не занимаютъ разъ навсегда опредѣленнаго пространства, а двигаются вмѣстѣ съ населеніемъ; къ тому же находятся незначительныя поверхности, совершенно теряющіяся въ общей массѣ земли, эксплуатируемой въ видѣ пастбищъ. Поѣтому тутъ еще не возникаетъ вопроса объ истощеніи полей, объ обезпеченіи ихъ плодородія: сегодня племя распахало участокъ подъ посѣвъ здѣсь, на будущій годъ въ другомъ мѣстѣ; первый участокъ заброшенъ на неопредѣленное время, второй подвергнется той же участи за долго до того, какъ, вслѣдствіе своего истощенія, онъ перестанетъ давать желательные урожаи. При обиліи земли, незначительности запашки и постоянной перемѣнѣ жительства племени, здѣсь, говоримъ, нѣтъ мѣста ни истощенію полей, ни заботамъ о поддержаніи плодородія земли. И то, и другое появляется на слѣдующей ступени культурнаго развитія общества. Хотя и здѣсь хлѣбопашество сначала играетъ далеко не первую роль, которая все еще принадлежитъ скотоводству, но, съ дальнѣйшимъ размноженіемъ населенія и потребностью имѣть поля ближе къ постоянному мѣстожителству, пространство свободныхъ и годныхъ подъ обработку земель относительно сокращается. Населеніе придерживается участковъ ближайшихъ къ жилью или удобныхъ по другимъ причинамъ; вмѣсто ежегодной почти перемѣны полей, практиковавшейся на предыдущей ступени развитія, здѣсь имѣетъ

мѣсто болѣе или менѣе продолжительная, непрерывная эксплуатация одного участка. А вмѣстѣ съ такой непрерывностью за-
паши является истощеніе полей и, слѣдовательно, забота о под-
держаніи ихъ плодородія. Простѣйшій способъ достигнуть ука-
занной цѣли, это — оставить истощенный участокъ въ повоѣ и
приняться за эксплуатацію новаго. Такъ именно и поступаетъ
общество на описываемой земледѣльческой ступени и соотвѣт-
ствующая система хозяйства оказывается поѣтому переложной.
Формы эксплуатаціи земли здѣсь различны, смотря по характеру
мѣстности: если она лѣсная, то подготовленіе почвы къ посѣву
совершается путемъ сожиганія лѣса и переложная система хо-
зяйства называется здѣсь ядиной, лѣсопольной, огневой; въ
степныхъ странахъ имѣютъ мѣсто другіе приемы обработки. Обѣ
разновидности переложной системы различаются еще тѣмъ, что,
благодаря сплошному разнообразію почвы, въ степи можетъ быть
достигнуто болѣе правильное чередованіе участковъ, обрабаты-
ваемыхъ и оставляемыхъ въ залежь; въ лѣсу же удобныя для
расчистки пространства встрѣчаются разбросанными оазисами, не
допускающими правильнаго чередованія при ихъ эксплуатаціи. Что
касается залежной (степной) системы хозяйства, то здѣсь степь
раздѣляется на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая обрабаты-
вается нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ пустуетъ. «Чтобы, напримѣръ,
послѣ пяти лѣтъ культуры, запустивъ участокъ истощенной
земли на 25 лѣтъ подъ залежь, имѣть возможность одновременно
съ тѣмъ распахать другой, приблизительно ему равный, участокъ,
необходимо общую наличную площадь земли раздѣлить на 6-ть
участковъ, изъ которыхъ въ каждое данное время 5-ть будутъ
пустовать, а одинъ будетъ находиться въ обработкѣ, причѣмъ
смѣна участковъ будетъ производиться черезъ каждыя 5 лѣтъ.
Въ такомъ видѣ мы въ дѣйствительности до самаго послѣдняго
времени залежное хозяйство и встрѣчали, напримѣръ, въ юго-
восточныхъ губерніяхъ Россіи, въ предѣлахъ нашей черноземной,
степной полосы» *). Съ дальнѣйшимъ размноженіемъ населенія,
при появленіи потребности увеличить добываніе хлѣба и невоз-
можности, по причинѣ ограниченности земельныхъ пространствъ,
производству распространяться въ ширь, является необходимость
увеличивать площадь земли подъ хлѣбами и соотвѣтственно умень-
шать размѣры залежи. Вмѣсто 5—6 лѣтъ культуры и 25—30

*) *Ермоловъ*, стр. 97 и 98. Оттуда же мы беремъ и дальнѣйшія выписки.

годовъ залежи, когда, слѣдовательно, подъ посѣвомъ находится $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{6}$ всей площади земли, пространство распашной земли возрастаетъ до $\frac{1}{4}$, потомъ до $\frac{1}{3}$, наконецъ $\frac{1}{2}$ поля, соотвѣтственно чему продолжительность залежи сокращается до 24 л., 12 и 6-ти лѣтъ. «Но на послѣдней степени періоды залежи, по сравненію съ періодами хлѣбной культуры, представляются уже настолько короткими, что благотѣльное вліяніе залежи не успѣваетъ проявиться. Оставленіе поля на столь короткій періодъ времени безъ культуры вмѣсто хорошихъ приводитъ только къ плохимъ результатамъ: вмѣсто утучняющей почву травяной растительности, заброшенное поле успѣваетъ покрыться только сорными травами и бурьянами, заглушающими слѣдующіе за ними посѣвы. Далѣе, очевидно, на этомъ пути идти некуда. Періодъ залежной системы законченъ, — необходима реформа болѣе глубокая и коренная».

Новый порядокъ вещей основывается на томъ фактѣ, что недостаточность короткаго періода залежи для возстановленія плодородія почвы можетъ быть восполнена механической ея обработкой, вслѣдствіе которой увеличивается поверхность соприкосновенія земли съ воздухомъ и другими дѣятелями такъ-называемаго вывѣтриванія. Здѣсь распаханная земля раздѣляется на двѣ части: одна подъ посѣвомъ, другая подъ обработкой (парь), и онѣ ежегодно чередуются. По способу обезпеченія плодородія почвы, эта система полеводства называется паровой, а по преобладанію воздѣлываемыхъ (зерновыхъ) хлѣбовъ зерновой. На первыхъ ступеняхъ своего развитія паровая система является въ видѣ двупольной, въ чемъ выражается ея генетическая связь съ предшествующей переложной системой; но на этомъ моментѣ она остается не долго: «опытъ показываетъ, что, для полученія хорошихъ урожаевъ хлѣбныхъ растений, ежегоднаго чередованія хлѣбовъ и пара не нужно. Тѣ же, или почти тѣ же, результаты достигаются, если оставить одинъ годъ пара за двумя годами хлѣбныхъ посѣвовъ, если, слѣдовательно, перейти отъ двупольной формы полеводства къ трехпольной. Паровая зерновая система принимаетъ при этомъ наиболѣе естественную и распространенную форму трехпольнаго хозяйства: парь, озимь и ярь».

Такимъ образомъ паровая система отличается отъ переложной тѣмъ, что здѣсь значительно возрастаетъ производство собственно хлѣба; затѣмъ большая перемѣна происходитъ въ положеніи скотоводства. При залежной системѣ хозяйства скотъ имѣлъ до-

статочна корма на перелогъ (отдыхающій участокъ), который занималъ большую половину поля; поэтому скотоводство тамъ естественно было важной отраслью хозяйства. По переходѣ къ паровой системѣ на поляхъ скоту уже почти нѣтъ мѣста, потому что двѣ трети ихъ заняты хлѣбами, а свободная треть (паръ) подлежитъ обработкѣ, какъ приготовительному моменту къ посѣву. Поэтому, со введеніемъ паровой формы полеводства, скотоводство, какъ самостоятельная отрасль хозяйства, прекращаетъ свое существованіе, количество скота сохраняется лишь въ такихъ размѣрахъ, насколько это необходимо для новыхъ порядковъ или насколько это допускается послѣдними. Именно, если существующая скученность населенія не требуетъ распашки всей земли подъ посѣвъ, то часть ея (низменные и влажные мѣста, дающія хороший кормъ скоту) выдѣляется подъ луга, которые служатъ источникомъ питанія скота. Когда же размножившееся населеніе потребуетъ включенія въ сѣвооборотъ всей земли, такъ что и луга понемногу распаиваются одинъ за другимъ, тогда скотоводство сокращается до *minimum*'а, опредѣляемаго потребностью въ немъ, какъ въ источникѣ рабочей силы, и тогда оно поддерживается главнымъ образомъ второстепенными продуктами зерноваго хозяйства (солома, мякина и проч.). Но паровая система безъ удобрения возможна только на почвахъ черноземныхъ, плодородныхъ; въ нечерноземныхъ же мѣстностяхъ для восстановленія плодородія земли нужно механическую ея обработку соединить съ удобреніемъ навозомъ. Здѣсь поэтому самое существованіе паровой системы полеводства требуетъ сохраненія скотоводства—хотя и не какъ самостоятельной отрасли хозяйства, но какъ источника удобрения. Во всякомъ случаѣ здѣсь подъ луга и выгонъ отводится значительная часть земли. Впрочемъ, количество кормовыхъ пространствъ не всегда опредѣляется расчетами человѣка,—оно зависитъ отъ энтографическихъ условій мѣстности, а также отъ того, какая часть земли способна дать обильное количество хорошаго сѣна. Поэтому и трехпольное хозяйство съ навознымъ удобреніемъ не вездѣ одинаково выгодно: въ одномъ мѣстѣ, благодаря обильному удобрению, зависящему отъ существованія хорошихъ луговъ, паровая зерновая система настолько правильна и доходна, что «почти не требуетъ перехода къ какой бы то ни было другой системѣ»; но въ большинствѣ случаевъ здѣсь получаютъ только посредственные урожаи, которые съ теченіемъ времени еще уменьшаются, такъ что является настоящая не-

обходимость принять новыя средства для побужденія почвы раскрыть всѣ свои производительныя силы.

При обыкновенномъ трехпольномъ хозяйствѣ съ удобреніемъ плодородіе полей, насколько оно обусловливается удобреніемъ, поддерживается на счетъ луговъ: трава съ послѣднихъ, пройдя черезъ пищеварительныя органы животныхъ, превращается въ навозъ, посвящаемый распашному участку. Такимъ образомъ если поля и получаютъ обратно часть извлекаемыхъ изъ нихъ хлѣбомъ веществъ, то луга находятся въ другомъ положеніи: ихъ задача — понемногу отдавать свои производительныя силы полямъ. Это ведетъ къ прогрессивному ухудшенію сѣнокосовъ, уменьшенію навоза, а съ нимъ и удобренія полей. Но обыкновенно уменьшеніе навознаго удобрения наступаетъ еще раньше истощенія луговъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что потребность въ хлѣбѣ и вообще возвышеніе доходовъ отъ земледѣлія побуждаетъ населеніе обращать подъ пашню и часть своихъ луговъ. Такимъ образомъ поля начинаютъ получать меньше навоза именно въ то самое время, какъ абсолютное ихъ отощаніе требуетъ, напротивъ того, усиленія энергіи дѣятеля, способствующаго превращенію основнаго фонда питательныхъ веществъ въ оборотный. Замѣнить недостаточную энергію навознаго удобрения внесеніемъ питательныхъ веществъ извнѣ въ тотъ историческій моментъ, когда на Западѣ естественныя луга перестали обезпечивать урожайность полей, было невозможно: достаточно сказать, что самыя залежи минеральныхъ удобрительныхъ веществъ открыты лишь недавно. Поэтому *volens-nolens* пришлось обратиться къ тому же средству (навозному удобренію), лишь расширивъ его примѣненіе; а такъ какъ сѣна, получающагося съ естественныхъ луговъ, недостаточно для расширенія въ соотвѣтствующей степени скотоводства, то оказалось нужнымъ прибѣгнуть къ травосѣянію. Легче всего было воспользоваться для этой цѣли паровымъ участкомъ, на которомъ и стали высѣвать траву, чѣмъ была достигнута также утилизація этой непродуцительной части поля. Вскорѣ однако оказалось, что новая, такъ-называемая улучшенная, зерновая система имѣетъ много неудобствъ, а именно: «1) въ умѣренныхъ климатахъ средней Европы послѣ снятія кормовыхъ травъ съ пароваго поля трудно успѣть хорошо подготовить землю для посѣва озимей въ ту же осень; 2) главное кормовое растеніе среднихъ климатовъ, красный клеверъ, требуетъ при повтореніи воздѣлыванія промежутка времени по крайней мѣрѣ

въ 4—6 лѣтъ; 3) при одинаковомъ укосѣ травъ расходъ на ѣмена ихъ падаетъ на одинъ годъ и оказывается слишкомъ значительнымъ; наконецъ, 4) практическія наблюденія показали, что то или иное чередованіе растений относительно другъ друга оказываетъ большое вліяніе на величину урожаевъ и что выгоднѣйшее чередованіе ихъ не можетъ быть достигнуто при трехлѣтнемъ оборотѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ изъ улучшенной зерновой выработалась мало-по-малу система хозяйства, получившая отъ Тэера названіе плодосмѣнной системы» *).

Если гдѣ «хищническое» отношеніе человѣка къ землѣ проявляется особенно рѣзко, такъ это именно при господствѣ всѣми осуждаемой плодосмѣнной системы полеводства. Здѣсь каждый пагъ хозяина рассчитанъ на то, чтобы выжать изъ почвы максимумъ того, что она можетъ дать; и разнообразіе приемовъ этого выжиманія не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ немногочисленностью «первобытныхъ» способовъ предшествующей ступени развитія. Рядомъ съ такимъ напряженіемъ естественныхъ силъ земли плодосмѣнная система крайне скупа на возмѣщеніе истраченныхъ почвою питательныхъ частей растений. На предыдущей ступени развитія, при господствѣ полевого хозяйства съ удобреніемъ, хотя изъ почвы извлекалось много питательныхъ веществъ, но за то существовало и внесеніе въ нее послѣднихъ въ видѣ навоза, полученнаго съ луговъ; здѣсь, слѣдовательно, имѣло мѣсто хотя слабое абсолютное обогащеніе полей на счетъ другихъ угодій, т. е. по отношенію къ полямъ это было внесеніе удобренья со стороны. При господствѣ плодосмѣннаго хозяйства устраняется и этотъ источникъ пополненія убыли въ почвѣ составныхъ частей: требованія человѣка отъ земли въ описываемый историческій періодъ возрастаютъ столь сильно, что онъ не можетъ допустить существованія значительной части земли, не приносящей дохода, а назначенной исключительно для поддержанія плодородія другой части его имущества; поэтому онъ теперь стремится включить и луга въ общій сѣвооборотъ (если это не было сдѣлано раньше), распахать ихъ; новая же система хозяйства, снабжая его и новыми средствами воздѣйствія на природу съ цѣлью побудить ее развернуть весь арсеналъ своей производительности, даетъ ему возможность удовлетворить такому стремленію. Характеристическая черта описываемой системы по-

*) *Людоговскій*, стр. 140 и 141.

леводства, обуславливающая ея огромную производительность и давшая названіе системѣ, заключается въ чередованіи одного за другимъ большаго числа растений, значительно различающихся по своему физическому и химическому вліянію на почву. Производительность системы, насколько она зависитъ отъ указаннаго чередованія, объясняется слѣдующимъ образомъ *):

1) Культивируемыя человекомъ растенія не тождественны по химическому составу, сообразно чему и требованія, предъявляемыя ими почвѣ, не совершенно одинаковы: злаки, напримѣръ, отнимаютъ у почвы главнымъ образомъ кремнеземъ, клеверъ, горохъ, извлекаютъ изъ нея известковыя соединенія, а корнеплоды ищутъ кали. Съ другой стороны растенія различаются и по свойству поглощать азотъ изъ почвы или изъ воздуха. Поэтому если на одномъ участкѣ продолжительное время непрерывно сѣять одинъ и тотъ же хлѣбъ, то почва обѣдняетъ тѣми веществами, какія ей по преимуществу требуются, и урожаи хлѣба понизятся. Если же воздѣлываемыя растенія чередовать въ извѣстной послѣдовательности, наблюдая, чтобъ они не скоро возвращались на старыя мѣста, то періодъ воздѣлыванія одного изъ нихъ будетъ служить почвѣ отдыхомъ по отношенію къ остальнымъ, замѣняя до нѣкоторой степени паръ или даже удобреніе; это даетъ намъ возможность непрерывно пользоваться полемъ, какъ доходною статей, не затрачивая дорогаго времени на возстановленіе ея производительныхъ силъ. 2) Обычныя наши растенія-злаки характеризуются узкими листьями и распространеніемъ своихъ корней въ верхнихъ слояхъ почвы. Благодаря узколиственности злаковъ, не скрывающей почву отъ дѣйствія на нее солнечныхъ лучей, земля подъ этими растеніями легко теряетъ влагу, оплотнѣваетъ и зарастаетъ сорными травами. Если же посѣвъ злаковъ чередовать съ культурой широколиственныхъ растений (гречиха, конопля и проч.), или густо-сидящихъ (корнеплоды), то, благодаря отѣненію послѣдними почвы, въ ней поддерживается рыхлость, способствующая сопрокосновенію большей ея поверхности съ воздухомъ, отъ котораго зависитъ ея вывѣтриваніе и разложеніе, не говоря уже о гибели сорныхъ травъ—неизбѣжномъ результатѣ культуры поименованныхъ растений. Широколиственные растенія обыкновенно характеризуются и другимъ свойствомъ, отличающимъ ихъ отъ злаковъ, именно способностью пускать кор-

*) Основанія плодосмѣнной системы мы излагаемъ главнымъ образомъ по труду г. Ермолова «О сѣвооборотѣ».

глубоко въ подпочву. Поэтому, слѣдую за своими антагонистами, они не только даютъ отдыхъ верхнимъ слоямъ почвы, но и мимо обогащаютъ ихъ на счетъ питательныхъ веществъ подпочвы, которыя сосредоточиваются въ нижней части ихъ стеблей, въ рневомъ междуузліи и пр. 3) Не меньшую важность, чѣмъ составъ почвы, для роста растений имѣютъ и физическія свойства, именно почва должна обладать извѣстною спѣлостію, подъ какимъ званіемъ нужно разумѣть «среднюю степень рыхлости, связности, пористости, водоудерживающей силы и проницаемости». Различныя растенія требуютъ разной степени спѣлости почвы, а продолжительное воздѣлываніе одного растенія, смотря по его роду, влаетъ почву то очень плотной, сухой, то чрезчуръ рыхлой, такъ что для восстановления требуемыхъ свойствъ приходится атрачивать много силъ на обработку земли. А между тѣмъ, ная вліяніе, оказываемое на физическія свойства почвы различными растеніями, чередуя ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, можно самымъ процессомъ воздѣлыванія одного растенія подготовить почву для другаго. То же самое нужно сказать и объ иссушающемъ вліяніи различныхъ растеній на почву. 4) При плодосмѣнѣ съ польвомъ корнеплодовъ, для успѣшнаго произрастанія которыхъ требуется совершенное освобожденіе поля отъ сорныхъ травъ, а рѣдкій рядовой посѣвъ ихъ дозволяетъ пропашкой и другими приѣмами дожидаться этого освобожденія,—мы тѣмъ самымъ очищаемъ поле и для такихъ растеній (колосовые хлѣба), которыя иначе обречены на борьбу съ заглушающими ихъ травами. Однообразная культура способствуетъ размноженію паразитовъ животнаго и растительнаго царства, приносящихъ огромный вредъ нашимъ полямъ (свегловичный жукъ, картофельная болѣзнь и проч.), а вѣрное средство борьбы съ ними заключается въ плодосмѣнѣ. Дѣло въ томъ, что зародыши различныхъ этихъ организмовъ, способные большею частью развиваться на извѣстныхъ только растеніяхъ, при смѣнѣ однѣхъ культуръ другими, не находя благоприятной для своего развитія почвы, замираютъ прежде, чѣмъ вернется то растеніе, для котораго они наиболѣе опасны. Въ противномъ же случаѣ, т. е. если нужное имъ растеніе возвращается достаточно часто, они находятъ благоприятную для своего развитія почву и размножаются съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе».

Таковы свойства плодосмѣна, пользуясь которыми человекъ напрягаетъ производительныя силы земли до такой степени, о ка-

кой не смѣть и мечтать хозяйинъ, не пошедшій дальше трех-поля и потому заслужившій кличку хищника. Правда, здѣсь имѣеть мѣсто и возвращеніе почвъ питательныхъ веществъ; но что значитъ это возвращеніе, если большинство земледѣльческихъ продуктовъ добывается именно съ цѣлью сбыть ихъ на сторону, а для возврата почвъ въ хозяйствѣ остается относительно очень немного? Но за то какъ быстро растутъ требованія человѣка, какъ скоро перестаетъ онъ довольствоваться даже тою массой продуктовъ, какую получаетъ отъ земли, основывая свой промыселъ на правилахъ плодосмѣна! Ему мало того, что онъ можетъ выжать изъ земли, чередуя растенія одно за другимъ въ продолженіе цѣлаго сѣвооборота,—онъ стремится содрать съ вола нѣсколько шкуръ, получить съ поля сразу нѣсколько урожаевъ. На свѣтъ Божій начинаютъ появляться такія системы хозяйства, при которыхъ на одномъ и томъ же участкѣ земли сѣютъ одновременно нѣсколько растеній; здѣсь, слѣдовательно, пытаются «одновременно утилизировать, напримѣръ, различные почвенные слои, одновременно пользоваться различными свойствами различныхъ растеній, совмѣстною культурой растеній съ глубоко и мелко идущими корнями, растеній широколиственныхъ, отѣняющихъ землю, и растеній узколиственныхъ, способныхъ произрастать между ними, напримѣръ, кукурузы и гороха, и т. д.» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пьемонта ведется, напримѣръ, трех-этажная культура: «подъ кронами фруктовыхъ деревьевъ протягиваются отъ одного дерева къ другому виноградныя лозы, а почва внизу занимается какимъ-нибудь хлѣбнымъ или корнеплоднымъ растеніемъ». Эта, такъ-называемая смѣшанная, культура распространена пока очень мало. Главнымъ препятствіемъ ея распространенію служить то, что «она требуетъ совершенно особенныхъ условій, напримѣръ — одновременнаго поспѣванія или возможности уборки одного растенія безъ нанесенія вреда другому; при одновременной уборкѣ необходима и возможность успѣшнаго раздѣленія зеренъ одного растенія отъ другаго, и т. п.». Но вѣдь свѣтъ не клиномъ сошелся, и можетъ-быть не сегодня - завтра человѣкъ справится и съ указанными затрудненіями.

Читатель видитъ, что такъ-называемыя интенсивныя системы земледѣлія истощаютъ почву гораздо сильнѣе экстенсивныхъ, а это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что въ исторіи первыя слѣдуютъ за послѣдними, дѣлаетъ господство описанной плодотворной системы очень непродолжительнымъ; давая хорошіе

доходы хозяину, плодосмѣнъ черезчуръ безцеремонно относится къ производительнымъ силамъ земли. Онъ ихъ растрчиваетъ быстро и окончательно, такъ что въ непродолжительномъ времени человѣку предстоитъ разрѣшить слѣдующую дилемму: или производить питательныя вещества искусственно, или внести въ почву составныя части растений въ размѣрахъ, обусловливаемыхъ требованіями господствующихъ культуръ. Человѣкъ выбралъ помѣднее, и этотъ исходъ ставитъ его въ независимое положеніе относительно химическаго состава почвы; онъ ему дозволяетъ воздѣлывать не тѣ растенія, къ которымъ была когда-то способна земля, а тѣ, которыхъ требуетъ рынокъ и которыя способны произрастать при естественныхъ климатическихъ условіяхъ мѣстности. Земля становится на самомъ дѣлѣ лабораторіей, въ которой человѣкъ, соединяя тѣ или другія, болѣе или менѣе простыя, вещества въ извѣстной пропорціи, получаетъ нужныя ему сложные продукты. Онъ здѣсь въ своей дѣятельности не зависитъ отъ почвы, какъ на предыдущихъ ступеняхъ развитія, и новая система хозяйства по праву носить названіе *вольной*.

Исторія земледѣльческаго промысла имѣетъ не одинъ только научный интересъ. Хотя переходъ отъ переложной системы полеводства къ трехпольной совершился на Западѣ еще въ IX—X вѣкахъ, а въ настоящее время и эта послѣдняя должна быть признана отсталой, такъ какъ плодосмѣнъ тамъ водворился въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, тѣмъ не менѣе экстенсивныя формы хозяйства не утратили своего значенія даже для Европы, — и тамъ перелогъ или трехполье не вездѣ остались только въ области преданій, а представляютъ мѣстами живую дѣйствительность. Даже пастбищная система сохранилась, напри- мѣръ, въ Испаніи и Италіи, гдѣ поэтому должна встрѣтиться и залежная система, какъ переходная ступень отъ пастбищной формы хозяйства къ болѣе интенсивнымъ. Но залежная, какъ менѣе древняя, встрѣчается и въ мѣстностяхъ, гдѣ пастбищная система давно исчезла, именно во Франціи и Германіи; тамъ же, а также въ Австріи и особенно въ Швеціи и Норвегіи, въ лѣсистыхъ частяхъ, распространена ядинная система. Если такія орхаическія формы земледѣлія, какъ пастбищная и переложная, имѣютъ свои образцы на Западѣ, то паровая система (главнымъ образомъ въ формѣ трехполья) можетъ считаться даже довольно распространенной. Мы не говоримъ о такихъ странахъ, какъ Галліція, Венгрія или Богемія, гдѣ трехполье является господствующимъ.

щимъ, но даже во Франціи еще не такъ давно пространство подъ паромъ занимало 12% обработываемой земли, и въ Англіи парь не былъ еще совершенно уничтоженъ въ половинѣ пятидесятихъ годовъ *); улучшенная же зерновая система (съ посѣвомъ травъ) распространена въ крестьянскихъ хозяйствахъ большей части Европы.

Такимъ образомъ историческія формы земледѣлія не утратили для человѣчества своего живаго, практическаго значенія. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если вспомнить, что главнымъ моментомъ, обуславливающимъ замѣну одной системы земледѣлія другой, является скученность населенія и находящееся отъ нея въ зависимости естественное плодородіе почвы. Это до того вѣрно, что съ перемѣной указанныхъ условій въ направленіи, обратномъ историческому, происходитъ обратное движеніе и земледѣлія: населеніе мѣняетъ систему хозяйства, несмотря на то, что это будетъ регрессомъ съ агрикультурной точки зрѣнія. Такъ, англичанинъ, воспитанный на родинѣ въ правилахъ плодосмѣна, поселяясь въ рѣдко населенной и плодородной части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, превращается въ «хищника», эксплуатирующаго землю по переложной или даже пастбищной системѣ. Естественно, что и въ Европѣ первобытныя формы полеводства сохранились во многихъ мѣстностяхъ, ибо не только различныя государства, но и отдѣльныя части одной и той же страны отличаются крайне неодинаковою густотою населенности.

В. В.

*) *Советовъ*: «О системахъ земледѣлія», стр. 132.

Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисъ.

Минувшій годъ останется надолго памятенъ въ лѣтописяхъ Кавказа. Нужно пробѣжать передовыя статьи мѣстныхъ газетъ за время археологическаго съѣзда, чтобы получить понятіе о томъ, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на тифлисское интеллигентное общество. Археологическій съѣздъ «былъ лучомъ свѣта въ нашей сѣрой и невзрачной общественной жизни, вообще бѣдной высшими интересами — научными, художественными, литературными или политическими... Тифлисъ со времени своего основанія, въ теченіе всего 14-ти вѣковаго своего существованія, еще ни разу не видалъ въ своихъ стѣнахъ такого многочисленнаго собранія ученыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ, — въ публикѣ еще ни разу не обнаружилось такого подъема умственныхъ интересовъ, во имя научной истины и знанія, какъ за этотъ, памятный въ лѣтописяхъ нашего города, десятокъ дней» *).

Вотъ какъ выражается мѣстная пресса объ археологическомъ съѣздѣ, и мы, люди сѣвера, болѣе осторожные въ своихъ сужденіяхъ, въ данномъ случаѣ не имѣемъ права объяснять подобныя выраженія впечатлительностью и пылкостью южныхъ натуръ. Дѣйствительно, всё бывшіе на съѣздѣ, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, могутъ засвидѣтельствовать, что ни одинъ изъ прежнихъ археологическихъ съѣздовъ не отличался такою многолюдностью (до 900 членовъ); нигдѣ публика съ такимъ вниманіемъ, или вѣрнѣе увлеченіемъ, не слѣдила за рефератами, иногда крайне сухими и спеціальными; нигдѣ мѣстное общество не относилось съ такимъ сочувствіемъ къ пріѣзжимъ ученымъ гостямъ и не окружало ихъ такою любезностью и предупредительностью.

Объяснить это явленіе не трудно: всякое общество особенно высоко цѣнить то, чего у него нѣтъ. Нужно вспомнить, что прежніе археологическіе съѣзды — московскій, петербургскій, кіевскій, казанскій — происходили въ городахъ университетскихъ, что общество этихъ городовъ привыкло видѣть и слушать «патентованныхъ» ученыхъ, посѣщать всякія засѣ-

*) Газета «Кавказъ» 1881 г., № 222.

данія ученыхъ обществъ, слѣдить за научными дебатами на университетскихъ диспутахъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ Тифлисѣ. Популярная лекція по модному вопросу какого-нибудь изъ мѣстныхъ ученыхъ, рѣчь адвоката въ громкомъ процессѣ и театръ — вотъ все, что можетъ хотя отчасти удовлетворить умственнымъ потребностямъ значительной колонии интеллигенци въ этомъ обширномъ городѣ. Время отъ времени слышатся пожеланія имѣть университетъ въ Тифлисѣ, высказываются надежды, что это учрежденіе внесетъ новую жизнь въ общество, но затѣмъ эти пожеланія умолкаютъ и осуществленіе кавказскаго университета представляется въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ въ отдаленномъ будущемъ.

Археологическій съѣздъ былъ такъ-сказать десятидневнымъ пребываніемъ университета въ Тифлисѣ. Можно ли ожидать отъ этого мимошлаго пребыванія какихъ-нибудь результатовъ въ смыслѣ *поднятія умственныхъ интересовъ* въ обществѣ? Погаснетъ ли этотъ лучъ светла безслѣдно—это покажетъ будущее. Мы должны взглянуть на археологическій съѣздъ съ другой стороны,—спросить себя, насколько онъ достигъ своей непосредственной цѣли, каковы его *научные* результаты.

Цѣль археологическихъ съѣздовъ, происходящихъ періодически развѣ въ четыре года,—изучить въ археологическомъ отношеніи извѣстный районъ Россіи. По окончаніи съѣзда, на послѣднемъ засѣданіи, обсуждается вопросъ о мѣстѣ и времени будущаго съѣзда и въ непродолжительномъ времени начинается свои дѣйствія предварительный комитетъ, имѣющій цѣлью составить программу будущаго съѣзда, снаряжать археологическія экспедиціи, собирать матеріалы, печатать протоколы своихъ засѣданій, сноситься съ учеными обществами и учрежденіями и т. п. На четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани (въ 1877 г.) было рѣшено для слѣдующаго съѣзда избрать Тифлисъ, на что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Мысль сдѣлать Кавказъ цѣлью трехлѣтняго археологическаго изученія была въ высшей степени удачна и своевременна. Едва ли другой край Россіи представляетъ такой интересъ въ археологическомъ отношеніи, понимая археологію въ самомъ широкомъ смыслѣ, и едва ли въ какомъ-нибудь другомъ краю Европейской Россіи было до сихъ поръ такъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Намъ извѣстна исторія завоеванія Кавказа, знакомы хотя отчасти природныя красоты Кавказа, излюбленныя нашими поэтами и описанныя восторженными путешественниками; но мы очень мало знаемъ о прошломъ Кавказа, о его древнихъ памятникахъ, о многочисленныхъ народахъ, его населяющихъ, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, языкахъ и вѣрованіяхъ. Масса предстоящихъ задачъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на воображеніе. Но нужно же когда-нибудь начать разпутать этотъ лабиринтъ народностей, разобраться въ обломкахъ разныхъ историческихъ эпохъ...

Историческое значеніе Кавказа опредѣляется его природою. Почти непроходимый горный хребетъ, простирающійся между двумя морями, пред-

ставляетъ естественную стѣну между южно-русскою равниною и мало-азійскимъ плоскогорьемъ. На сѣверѣ и на югѣ отъ этой стѣны лежалъ въ древности путь народовъ въ ихъ вѣковомъ движеніи съ востока на западъ. Кавказскій хребетъ съ его многочисленными долинами служилъ искони убѣжищемъ для народовъ, шедшихъ на западъ какъ сѣвернымъ, такъ и южнымъ путемъ. Представимъ себѣ, что какое-нибудь племя, прошедши естественныя ворота въ Европу изъ Азіи, вдоль сѣвернаго побережья Каспійскаго моря, очутилось на сѣверѣ отъ Кавказскаго хребта. Пока оно сидѣло въ равнинѣ, оно, такъ-сказать, стояло на торной дорогѣ, преграждая путь другому племени, шедшему съ востока по его слѣдамъ. Въ этихъ мѣстахъ нельзя было останавливаться, потому что натискъ новыхъ и новыхъ переселенцевъ изъ Азіи шелъ непрерывною чередой. И вотъ племя должно было продвигаться дальше на западъ, въ припонтійскія степи, или посторониться съ пути, тронувшись на югъ. Иногда посторониться нужно было, уступая силѣ, или вѣрнѣе нужно было искать спасенія отъ новыхъ «населниковъ». Если тѣснимый народъ придвигался на югъ, ближе къ горамъ, можно было предугадать его дальнѣйшую судьбу. Онъ попадалъ какъ бы въ тупикъ: налѣво отъ него—берегъ Каспія, направо—Чернаго моря, а на югъ—высокіе, параллельные ряды стѣнъ, пересекаемые поперекъ другими стѣнами. И вотъ народъ вступалъ въ горы и уже не выходилъ изъ нихъ. Онъ долженъ былъ привыкнуть къ новымъ условіямъ существованія, выработать изъ себя, бывшаго степняка, горца и отвоевать себѣ опредѣленное мѣсто среди другихъ народовъ и народцевъ, загнанныхъ раньше его въ тѣ же мѣста. Въ такой борьбѣ съ природой и людьми народъ сильно рѣдѣлъ, а иногда и погибалъ безслѣдно. Если же онъ былъ силенъ, выносливъ и многочисленъ, то все-таки, несмотря на значительное сокращеніе въ численности, сохранялъ свою особность, свой языкъ, свои обычаи и могъ довлѣть свое существованіе до нашихъ дней. То, что постоянно въ теченіе вѣковъ происходило на сѣверномъ Кавказѣ, происходило и на южномъ. И съ этой стороны въ международной горной твердынѣ искали себѣ пріюта всѣ угнетенные и стѣсненные. Но природа южнаго склона гораздо болѣе благоприятна для культуры, и здѣсь могли возникнуть государства (Грузія, Армения), которыя, не отличаясь политическимъ могуществомъ, все же достигли въ свое время значительной культуры.

Многочисленность и разноплеменность народовъ Кавказа — избитое мѣсто въ историческихъ сочиненіяхъ. Арабскіе географы называли Дагестанъ «Горою языковъ»; въ классическія времена въ колоніи Діоскурияхъ, для торговыхъ сношеній съ разными народцами Кавказа, служили десятки переводчиковъ. Еще и въ наше время кавказскіе языки и нарѣчія считаются десятками, а между тѣмъ какое число народцевъ повымерло въ теченіе вѣковъ или смѣнило свой языкъ на языкъ болѣе сильныхъ сосѣдей! Конечно, всѣ эти мелкіе народы—не произведеніе кавказской почвы;

конечно, всё они не что иное как обломки болѣе крупныхъ народовъ, жившихъ нѣкогда въ сѣверныхъ степяхъ или въ малоазійскихъ плоскогорьяхъ и загнанныхъ вполнѣдствіи въ горы. Отсюда понятно, какой огромный научный матеріалъ представляетъ Кавказъ для этнографа, лингвиста, историка и археолога.

Этнографъ можетъ наблюдать здѣсь цѣлый рядъ народовъ разнаго происхожденія, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры: одни сохранили въ первоначальной свѣжести такія формы быта, такіе обычаи и обряды, которые у другихъ доживаютъ свой вѣкъ, какъ глухой «survival»; у однихъ первоначальное язычество почти не тронуто вліяніемъ монотеистическихъ религій, у другихъ является удивительная смѣсь возрѣній языческихъ и христіанскихъ, языческихъ и магометанскихъ; у однихъ формы юридическаго быта основаны на обычномъ правѣ, еще свято наблюдаемомъ цѣлымъ обществомъ, у другихъ же замѣтно сліяніе обычнаго права съ мусульманскимъ шаріатомъ то въ большей, то въ меньшей степени. Словомъ, всюду удивительное разнообразіе въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, всюду смѣшеніе древнихъ отживающихъ формъ быта съ новыми. Какъ дорожить этнографъ всякимъ, еле замѣтнымъ, слѣдомъ отжившихъ формъ быта у европейскихъ народовъ, съ какою тщательностью собирать онъ крупичи старины, сохранившіяся въ видѣ «переживаній» гдѣ-нибудь во Франціи, Англіи или Германіи! Здѣсь, на Кавказѣ, этнографъ можетъ черпать старину полною рукой и всюду собирать обширный матеріалъ для своихъ наблюденій.

Не менѣе богатое поле предстоитъ разработкѣ лингвиста. Каковъ строй этихъ многочисленныхъ языковъ Кавказа, изъ которыхъ на однихъ говорятъ сотни тысячъ человѣкъ, на другихъ — два, три аула? Въ какомъ отношеніи между собою состоятъ эти языки, какія они образуютъ семьи, что можно добыть изъ словарей этихъ языковъ для заключенія о раннемъ бытѣ народовъ, на нихъ говорящихъ? Словомъ, не видно конца вопросамъ, и одинъ любопытнѣе другаго, а разработка этихъ вопросовъ едва лишь начата.

Археологъ имѣетъ передъ собою на Кавказѣ массу памятниковъ различныхъ періодовъ, національностей и религій. Одинъ культурный слой смѣняется другимъ, и притомъ въ разное время въ разныхъ частяхъ сѣвернаго и южнаго Кавказа. Армения нѣкогда восприняла нѣкоторое вліяніе ассирійской культуры. Области при Араратѣ и озерѣ Ванъ долго отстаивали свою независимость отъ ассирійскихъ завоевателей. Рядъ царей Урартійскихъ въ Арменіи (Urti) упоминается въ ассирійскихъ клинописныхъ памятникахъ. Въ окрестностяхъ города Вана, построеннаго, по армянскимъ преданіямъ, Семирамидою, сохранились слѣды построекъ ассирійскаго типа и многочисленные клинообразныя надписи, написанныя не по-ассирійски, а на древнемъ языкѣ мѣстнаго населенія; такія же надписи были нахо-

димы въ предѣлахъ русской Арменіи, у Гокчайскаго озера и у Армавира *). За ассирійскимъ вліяніемъ слѣдовало персидское: Арменія (Armina) упоминается какъ одна изъ областей, подчиненныхъ Персіи, въ бегистанской надписи Дарія Гистаспа. Селевкиды, аршакиды, римляне, паряне оставляютъ слѣды своего владычества въ Арменіи. Христіанству, рано занесенному сюда, приходится, въ періодъ владычества сассанидовъ, бороться съ религіей Зороастра, распространявшейся изъ Персіи, и слѣды этой религіозной борьбы, развалины древнихъ храмовъ огнепоклонниковъ, до сихъ поръ сохраняются кое-гдѣ въ Закавказьѣ. Затѣмъ вторгается съ арабами исламъ въ Закавказье, затѣмъ завоевываютъ его татары, затѣмъ турки, персы...

На западѣ, по берегамъ Чернаго моря, не одни преданья о золотомъ рунѣ, но вещественные памятники свидѣтельствуютъ о сношеніяхъ съ греками классической древности. Берега Чернаго моря покрываются греческими колоніями. Не мало походовъ предпринимали римляне, а затѣмъ византійскіе императоры на Кавказъ, чему сохранились яркіе слѣды въ памятникахъ. Не говоря уже про Закавказье, гдѣ византійцы имѣли прочныя владѣнія, которыя имъ приходилось защищать, даже въ горныхъ ущельяхъ Осетіи, гдѣ-нибудь въ аулахъ Галиатъ, Камунтъ, отрываются въ значительномъ количествѣ византійскія монеты 5, 6 и 7 вѣковъ. Мочи всюду на сѣверномъ, въ послѣдствіи омусульманившемся, Кавказѣ сохраняются слѣды ранняго христіанства, занесеннаго сюда изъ Византіи, или изъ Грузіи. Какое богатство всюду памятниковъ христіанскаго зодчества, какая пожива для историковъ искусства!

Въ то время, когда Закавказье подчиняется вліянію персовъ, византійцевъ, арабовъ, на сѣверѣ происходитъ постоянная борьба и смѣна разныхъ азіатскихъ «населенниковъ» большею частью тюркскаго племени. Восточный край сѣвернаго Кавказа входилъ въ составъ Хазарскаго царства; въ извѣстномъ письмѣ хазарскаго царя Юсіфа упоминается рядъ хазарскихъ городовъ на Кавказѣ. О нашествіяхъ хазаръ и болгаръ говорятъ армянскіе историки. Западная часть сѣвернаго Кавказа занята воинственнымъ народомъ аланъ, въ составъ которыхъ вѣроятно входили оссы, уже рано извѣстные грузинскимъ лѣтописцамъ и упоминаемые подъ именемъ яссовъ нашею лѣтописью. Затѣмъ сѣверный Кавказъ подчиняется половцамъ и татарамъ.

Большинство этихъ народовъ оставило вещественные слѣды какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ Кавказѣ: нигдѣ нѣтъ такого разнообразія въ могильныхъ памятникахъ, какъ въ этихъ увлекательныхъ для архео-

*) Монахъ, теперь епископъ, Месропъ Смбалянцъ издалъ въ 1869 году въ журналѣ *Арапатъ* клинообразную надпись, найденную въ окрестностяхъ Армавира; а въ 1880 году въ томъ же журналѣ издана вторая надпись, найденная въ той же мѣстности (Протоколы предварительнаго комитета 5-го археологическаго съѣзда, стр. 441).

лога мѣстахъ; здѣсь встрѣчаются и долмены, и каменные ящики, и склепы, и пирамиды, и курганы, и могильные столбы различныхъ формъ и видовъ...

Въ виду необъятности задачъ, представляемыхъ Кавказомъ для археологiи, было бы конечно слишкомъ смѣлымъ ожидать рѣшенiя ихъ отъ одного археологическаго съѣзда. Все, чего можно было бы желать, состояло бы въ томъ, чтобъ ученые специалисты указали эти задачи, намѣтили главное, на что нужно направить работы, и дали методъ для археологическихкихъ разысканiй.

Предварительный комитетъ V археологическаго съѣзда началъ свои дѣйствiя съ марта 1878 года, но въ виду событiй послѣдней войны археологическiя экспедици на Кавказъ могли начаться не ранѣе лѣта 1879 г. Средства для экспедицiй были обезпечены Его Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, ассигновавшимъ 15.000 рублей для цѣлей съѣзда. Два комитета: тифлисскiй, подъ предсѣдательствомъ генерала А. В. Комарова, и московскiй, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, работали одновременно. Не входя въ подробности, скажемъ только, что результатомъ дѣятельности комитетовъ были — подробная программа для съѣзда, рядъ ученыхъ экспедицiй и печатный отчетъ, болѣе 600 стр. in 4°, содержащiй въ себѣ рядъ материаловъ, статей, замѣтокъ, доставленныхъ комитету нѣкоторыми членами, и рядъ подробныхъ отчетовъ всѣхъ ученыхъ экспедицiй. По предложенiю предсѣдателя московскаго комитета, были прежде всего снаряжены двѣ экспедици, «курганная и пещерная». Первая должна была начать свои дѣйствiя съ сѣверной части Кавказа и Ставропольской губерни и изслѣдовать могильныя насыпи, подвигаясь все далѣе и далѣе къ югу, къ самому хребту. Вторая должна была изслѣдовать пещеры, начиная отъ пещеръ Арарата и подвигаясь все болѣе къ сѣверу, внутрь Кавказа. Результаты курганной экспедици, въ которой принимали участiе въ 1879 году г. Антоновичъ, изслѣдовавшiй нѣкоторыя мѣстности въ Кабардѣ и Осетiи, г. Беренштамъ, изслѣдовавшiй курганы и городища въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кубанской области и Чечни, а въ 1880 году г. Русовъ, ѣздившiй въ Южный Дагестанъ, — напечатаны въ трудахъ предварительныхъ комитетовъ. Эти дневники раскопокъ, особенно дневникъ профессора Антоновича, могутъ служить отличнымъ руководствомъ для мѣстныхъ изслѣдователей — по научности приемовъ, точности описанiя и соблюденiю всѣхъ правилъ, требуемыхъ этою отраслю археологiи. Отъ кавказскаго комитета, съ цѣлью раскопокъ и археологическаго описанiя мѣстностей, ѣздили въ экспедицiяхъ: г. Цилюсани (въ Южный Дагестанъ), г. Эрицовъ (въ Карскую область), князь Церетели (изслѣдовавшiй курганы и могилы въ Рюнской долинѣ), г. Бѣленькiй (дѣлавшiй раскопки въ долинѣ Квирилы), г. Бейернъ и другiе.

Въ пещерной экспедици участвовали гг. Поляковъ (1879) и Штейнъ (1880). Графъ Уваровъ взялъ на себя изслѣдованiе мѣстности, на кото-

рой, по преданію армянъ, стояла древнѣйшая столица Арменіи, Армавиръ, и изученіе съ палеографической и художественной стороны рукописей эчміадзинской бібліотеки. Г. Ольшевскій производилъ раскопки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи и доставилъ комитету описаніе своего замѣчательнаго собранія кавказскихъ древностей. Гг. Мансветовъ (секретарь московскаго комитета), Эминъ, Бакрадзе, генералъ Комаровъ, Пурцеладзе и другіе до ставили рядъ статей, замѣтокъ, свѣдѣній, вошедшихъ въ труды комитета. Гг. Эминъ и Помяловскій взяли на себя изданіе: первый—армянскихъ, второй—классическихъ надписей Кавказа. Всев. Миллеръ ѣздилъ въ Осетію, для изученія осетинъ съ лингвистической и этнографической сторонъ.

Всѣ эти экспедиціи и работы имѣютъ значеніе не потому, чтобъ онѣ исчерпали предметъ, а главнымъ образомъ потому, что знакомятъ съ методомъ и приѣмомъ археологическаго изслѣдованія и доставляютъ значительный матеріалъ для будущей археологической карты Кавказа. Конечно, нельзя требовать, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ Кавказъ былъ изслѣдованъ обстоятельно.

Программа съѣзда состояла изъ восьми отдѣленій, на которыя были разбиты предложенные съѣзду вопросы: 1) Памятники первобытные, 2) памятники языческіе и классическіе, 3) памятники христіанскіе, 4) памятники мусульманскіе, 5) памятники искусствъ и художествъ, 6) памятники письма и языка, 7) лингвистика и 8) историческая географія и этнографія. Программа тифлисскаго съѣзда отличалась большею широтой, нежели программы предыдущихъ: такъ, на примѣръ, въ виду значенія языковѣдннн для изученія Кавказа, лингвистика составляла самостоятельное отдѣленіе. Въ каждое отдѣленіе былъ доставленъ рядъ вопросовъ, по которымъ поставившіе ихъ желали дать отвѣты на съѣздѣ.

Перейдемъ теперь къ внѣшней обстановкѣ тифлисскаго съѣзда. Чтобъ облегчить членамъ переѣздъ изъ Россіи на Кавказъ, комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ правленіями нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ о сбавкѣ провозной платы. Всѣмъ гостямъ изъ Россіи отводилось помѣщеніе во дворцѣ намѣстника, въ которомъ такимъ образомъ нашли немедленно по приѣздѣ въ Тифлисъ готовыя квартиры болѣе 60 членовъ съѣзда. Засѣданія происходили въ обширной и роскошно убранной залѣ дворца. Съѣздъ долженъ былъ открыться 8-го и кончиться къ 21-му сентября. Вечеромъ, 3-го сентября, собрался совѣтъ съѣзда, состоявшій изъ членовъ обохъ комитетовъ и депутатовъ университетовъ и другихъ учреждений, на предварительное засѣданіе, въ которомъ произошли выборы должностныхъ лицъ съѣзда. Предсѣдателемъ совѣта и съѣзда былъ избранъ предсѣдатель тифлисскаго комитета, отличный знатокъ Кавказа, генералъ А. В. Комаровъ, а предсѣдателемъ ученаго комитета съѣзда—графъ А. С. Уваровъ. Затѣмъ были избраны два секретаря съѣзда, восемь предсѣдателей и столько же секретарей отдѣленій. 8-го сентября произошло торжественное открытіе съѣзда. По порученію почетнаго предсѣдателя

съезда, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, съездъ былъ открытъ исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго, генераль-адъютантомъ княземъ Леваномъ Ивановичемъ Мелик-вымъ. Затѣмъ графъ Уваровъ изложилъ исторію возникновенія археологическихъ съездовъ въ Россіи, указавъ причины, побудившія совѣтъ Императора, бывшаго въ Казани, выбрать Тифлисъ мѣстомъ собранія V съезда и кончилъ свою рѣчь предложеніемъ привѣтствовать Высокаго Покровителя съезда благодарственною телеграммой. Далѣе предсѣдателемъ былъ прочтенъ отчетъ о расходѣ суммъ, ассигнованныхъ на экспедиціи, и привѣтственныя телеграммы, полученныя совѣтомъ отъ археологическихъ обществъ, университетовъ и другихъ учреждений и лицъ. На привѣтствіе предсѣдателя депутатамъ, г. Иловайскій отвѣчалъ благодарственною рѣчью, въ которой коснулся историческихъ отношеній Россіи къ Кавказу и богатства кавказскихъ памятниковъ старины.

За открытіемъ съезда въ тотъ же день послѣдовало открытіе перестроеннаго кавказскаго музея. Этотъ музей, получившій начало еще при бывшемъ кавказскомъ намѣстникѣ князѣ Воронцовѣ, значительно разросся, пополнился и упорядочился, благодаря содѣйствію Великаго Князя Михаила Николаевича и неутомимымъ трудамъ и энергіи директора, извѣстнаго естествоиспытателя и путешественника д-ра Г. И. Радде. Въ настоящее время музей состоитъ изъ ряда залъ въ двухъ этажахъ, роскошно и со вкусомъ отдѣланныхъ, наполненныхъ богатыми коллекціями по зоологіи, ботаникѣ, геологіи, минералогіи, этнографіи и археологіи. Тифлисъ можетъ по справедливости гордиться этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ музеемъ, дающимъ посѣтителю вѣрное представленіе во многихъ отношеніяхъ обо всемъ Кавказскомъ краѣ.

Съ вечера 8-го сентября начались засѣданія съезда по отдѣленіямъ. Каждый день было по два засѣданія (утреннее отъ 11 до 2-хъ и вечернее отъ 7 до 10 часовъ), въ которыхъ докладывалось отъ 4 до 6 рефератовъ и происходили пренія.

Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ дать болѣе или менѣе подробный отчетъ обо всемъ, что читалось и говорилось на съездѣ; нѣкоторыя столичныя и мѣстныя газеты помѣщали своевременно объ этомъ отчеты, а подробно можно будетъ познакомиться съ трудами съезда, когда они будутъ напечатаны. Мы должны ограничиться лишь краткимъ обзоромъ вопросовъ, затронутыхъ въ отдѣленіяхъ съезда, и притомъ главнымъ образомъ такихъ, которые касаются древностей Кавказа. Изъ рефератовъ, не посвященныхъ специально Кавказу, мы упомянемъ лишь нѣкоторые.

Отдѣленіе *первобытныхъ памятниковъ* занималось главнымъ образомъ изложеніемъ результатовъ раскопокъ въ разныхъ частяхъ Кавказа и другихъ областяхъ Россіи, рассматривало виды погребеній, орудія разныхъ доисторическихъ періодовъ, находимыхъ въ могилахъ, и т. п. Изъ про-

изведеній *каменнаго* вѣка главное вниманіе остановили на себѣ орудія изъ нефрита, которыя служатъ важнымъ указаніемъ существованія древнѣйшихъ сношеній европейскихъ народовъ съ Азіей. Дѣло въ томъ, что нефритъ, по мнѣнію специалистовъ, минераль исключительно азіятскаго происхожденія, а между тѣмъ въ европейскихъ музеяхъ находятся нефритовыя орудія *неолитической* эпохи, найденныя въ разныхъ странахъ Европы. Слѣдовательно эти орудія въ такъ-называемомъ каменномъ періодѣ заносились въ Европу изъ Азіи—изъ такихъ мѣстъ, гдѣ водится нефритъ. Вопросу о нефритовыхъ орудіяхъ былъ посвященъ рефератъ г. Витковского, доложенный графомъ Уваровымъ со своими замѣчаніями, и докладъ профессора горнаго института г. Мушкетова, который остановился подробно на мѣсторожденіяхъ нефрита въ Азіи. Профессоръ Анучинъ прочелъ обстоятельный рефератъ о варіаціяхъ формъ древнихъ наконечниковъ стрѣлъ. Сдѣлавъ обзоръ формъ наконечниковъ стрѣлъ каменнаго вѣка, извѣстныхъ въ разныхъ частяхъ свѣта, референтъ перешелъ къ бронзовымъ и желѣзнымъ типамъ наконечниковъ. Отмѣтимъ, что въ то время, какъ желѣзные наконечники встрѣчаются почти на всемъ пространствѣ Европы, Азіи и Африки, бронзовыя стрѣлы имѣютъ, относительно, весьма ограниченное распространеніе и попадаются только въ отложеніяхъ извѣстнаго періода и опредѣленной области. Отсюда, а также принимая во вниманіе форму стрѣлъ, можно заключить, что распространеніе бронзовыхъ наконечниковъ шло изъ одного культурнаго центра и продолжалось, сравнительно, ограниченный періодъ времени, тогда какъ желѣзные наконечники распространялись изъ нѣсколькихъ центровъ и въ большинствѣ странъ смѣнили собою непосредственно каменные, костяные и деревянные. Бронзовыя стрѣлы были въ употребленіи только въ Греціи, Египтѣ, въ южной Россіи, на Кавказѣ, въ Пріуральской области, въ югозападной Сибири и въ ближайшихъ къ послѣдней странахъ Средней Азіи; въ западной Европѣ онѣ встрѣчаются только спорадически, въ отдѣльныхъ экземплярахъ; кремневыя стрѣлы тамъ, повидимому, непосредственно смѣнились желѣзными. Г. Анучинъ старался далѣе внести относительно хронологію въ формы бронзовыхъ и желѣзныхъ наконечниковъ, объяснить происхожденіе этихъ формъ, распредѣлить стрѣлы на болѣе и менѣе древніе типы и показать, что желѣзныя стрѣлы по своей формѣ ничего не имѣютъ общаго съ бронзовыми, а скорѣе выказываютъ сходство съ каменными.

Между бронзовыми предметами кавказской древности обратили на себя вниманіе съѣзда бронзовыя орудія и украшенія (кинжики, топоры, идолы, колокольчики, фигуры оленей, лошадей, фибулы, браслеты, пояса, пряжки, ожерелья, серьги и т. п.), находимыя въ значительномъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ преимущественно сѣвернаго Кавказа—въ Осетіи (Казбекъ, Кобань, Камунта), Чечнѣ и—по южному склону—въ Ксанскомъ ущельѣ.

Собрания предметовъ этой бронзовой культуры находятся у г. Ольшевскаго во Владикавказѣ, у гр. Уварова, ген. Комарова, въ тифлисскомъ музеѣ и недавно приобрѣтены—одно французскимъ ученымъ г. Шантромъ для лѳонскаго музея, другое г. Вирховымъ для Берлина. Вещи эти отрываются въ могилахъ въ такомъ количествѣ и составляютъ такіе предметы повседневной обстановки, что, слѣдуетъ думать, были мѣстными издѣліями Кавказа, а не добывались путемъ торговли или набѣговъ. Является вопросъ, къ какой эпохѣ относится эта бронзовая культура Кавказа: къ настоящему ли доисторическому бронзовому вѣку, предшествовавшему желѣзному, или уже ко временамъ историческимъ, причемъ бронзовыя орудія были одновременны желѣзнымъ и только вслѣдствіе какихъ-нибудь условій долго держались на Кавказѣ? Здѣсь мнѣнія археологовъ расходятся: г. Филимоновъ относитъ эту культуру за 1000 лѣтъ до Р. Х.; съ своей стороны гр. Уваровъ, на основаніи своихъ раскопокъ, приходитъ къ убѣжденію, что слѣдовъ настоящаго бронзоваго вѣка на Кавказѣ еще не найдено и что всѣ извѣстные могильники относятся самое большее къ начальной эпохѣ желѣзнаго вѣка. Древнѣйшую культуру представляетъ могильникъ въ аулѣ Кобани, гдѣ однако доказано присутствіе желѣза. Отсутствіе янтаря, золота, нѣкоторыхъ формъ бусъ (изъ стекла) заставляеть отнести кобанскія находки къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ казбекскія, между которыми, кромѣ бронзы и желѣза, встрѣчаются также янтарь и золото. Еще болѣе позднюю стадію представляетъ могильникъ въ Камунтѣ, который, судя по найденнымъ монетамъ, относится къ IV—VIII вѣкамъ по Р. Х. Ко взгляду гр. Уварова присоединились профессора Антоновичъ и Анучинъ. Профес. Самоквасовъ сообщилъ о результатахъ раскопокъ, предпринятыхъ имъ въ минувшемъ году въ окрестностяхъ Пятигорска и Кисловодска. Всего было раскопано до 200 могилъ и добыто болѣе тысячи предметовъ древности изъ камня, кости, бронзы, золота, серебра, стекла и глины. Особенно интересны результаты раскопки кургановъ большей величины, заключающихъ въ себѣ по два и по три яруса каменныхъ гробницъ, съ остатками погребенныхъ въ нихъ покойниковъ, грубою глиняною посудой, бронзовыми предметами, каменными и костяными орудіями. На основаніи состоянія и положенія костей, нѣкоторыхъ признаковъ и показаній Страбона о лютости древнихъ обитателей припонтійскихъ странъ, питавшихся человѣческимъ мясомъ, г. Самоквасовъ рѣшился выдвинуть предположеніе о существованіи въ глубокой древности людоедства въ изслѣдованныхъ имъ мѣстахъ; это предположеніе вызвало оживленныя пренія, въ которыхъ нѣкоторые высказались за, другіе противъ этой мысли. Пока можно, за неимѣніемъ точныхъ уликъ, оставить древнихъ кавказцевъ «въ подозрѣніи».

Кн. Путятинъ сообщилъ о такъ-называемыхъ *чашечныхъ* камняхъ (т. е. камняхъ, которыхъ поверхность покрыта искусственными чашевидными углубленіями), найденныхъ въ Новгородской губерніи. Референтъ

старался объяснить назначеніе такихъ углубленій первобытнымъ способомъ добыванія огня. Г. Шапошниковъ сдѣлалъ докладъ объ орудійныхъ и фигурныхъ издѣліяхъ изъ кремня, найденныхъ въ Валдайскомъ уѣздѣ. Въ контурахъ оббитыхъ кремней референтъ усматриваетъ грубые профили человѣка и животныхъ. Эта догадка о существованіи изображеній изъ кремня въ каменномъ вѣкѣ не осталась безъ возраженій. Г. Кельсиевъ выразилъ увѣренность, что подобныя, такъ-называемыя, изображенія могутъ быть констатированы въ большемъ числѣ въ каждой коллекціи грубо-оббитыхъ кремней и что происхожденіе этихъ «изображеній» должно быть объясняемо нѣкоторымъ случайнымъ сходствомъ кремневыхъ осколковъ, получаемыхъ при изготовленіи орудій, съ дѣйствительными формами профилей человѣка и животныхъ.

Между рефератами по 2-му отдѣленію—*памятникамъ языческимъ и классическимъ*—отмѣтимъ только тѣ, которые касались Кавказа. Маститый арменистъ проф. Эминъ. сообщилъ легенды о Семирамидѣ армянскимъ источникамъ, представляющія значительный интересъ, въ виду того, что онѣ служатъ глухими указаніями на древнее вліяніе Ассиріи на нѣкоторыя части Арменіи, чему болѣе яркими доказательствами служатъ памятники клинообразнаго письма, находимые на почвѣ этой страны. Г. Эрицовъ прибавилъ, что легенды эти находятъ подтвержденіе во многихъ топографическихъ названіяхъ Арменіи и въ связанныхъ съ ними преданіяхъ, причѣмъ онъ перечислилъ названія мѣстностей, содержащихъ имя Шамирамъ. Проф. В. Миллеръ разсматривалъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находятся кавказскія сказанія о прикованныхъ къ горамъ великанахъ къ классическому мѣоу о Прометѣ *). Гр. Уваровъ сообщилъ свои замѣчанія о дербентскихъ курганахъ, весьма важныхъ въ археологическомъ отношеніи, въ виду того, что въ способѣ погребенія покойника замѣчаются слѣды вліянія зороастровой религіи. Трунъ сначала выставлялся на съѣденіе птицамъ, а затѣмъ кости погребались въ могилахъ. Гр. Уваровъ привелъ рядъ свидѣтельствъ объ иранскомъ способѣ погребенія изъ Зендавесты и классическихъ писателей,—свидѣтельствъ, которымъ открытыя имъ дербентскія могилы служатъ какъ бы иллюстраціей. Впрочемъ, о способѣ погребенія въ придербентскихъ мѣстахъ сохранились и болѣе позднія свидѣтельства. Одинъ изъ арабскихъ писателей X—XI вѣка говоритъ о кубачинцахъ, живущихъ на сѣверѣ отъ Дербента, что они не имѣютъ никакой вѣры, трупы умершихъ отдаютъ на съѣденіе птицамъ, мясо отдѣляютъ отъ костей и отдаютъ воронамъ, не допуская коршуновъ, если тѣло мужчины, и наоборотъ—мясо отдаютъ коршунамъ, отгоняя вороновъ, если тѣло женщины. Пространный рефератъ проф. Антоновича о погребальныхъ обычаяхъ на основаніи

*) Эта статья появится въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Русской Мысли*. Ред.

раскопокъ, произведенныхъ имъ въ Осетіи и Кабардѣ, былъ полонъ интереса и можетъ быть названъ образцовою работою въ этой отрасли археологии. Референтъ описалъ всѣ типы могилъ, старался по вещамъ и монетамъ опредѣлить ихъ время и сравнивалъ найденные предметы съ однородными предметами другихъ мѣстностей. Можно сказать, что типы вещей въ осетинскихъ могильникахъ вообще оригинальны, но нѣкоторыя вещи аналогичны съ южно-русскими, причемъ нѣкоторые типы вещей, встрѣчающіеся въ южно-русскихъ раскопкахъ въ качествѣ единичныхъ экземпляровъ, встрѣчаются въ Осетіи, какъ преобладающіе типы. Такъ, напримеръ, единственный изъ найденныхъ въ южной Руси (Кіев. губ. с. Осоты) бронзовый божокъ, съ признаками фаллическаго культа, представляетъ предметъ, распространенный въ осетинскихъ могилахъ. Между другими рефератами этого же отдѣленія, не относившимися специально къ Кавказу, упомянемъ рефераты: профес. Мансветова—византійскія сказанія о двѣнадцати трысавицахъ, г. Бранденбурга—о погребальныхъ обычаяхъ въ курганахъ съ трупосоженіемъ на южномъ побережьи Ладожскаго озера, профес. Антоновича—погребальные обычаи древлянъ и тиверцевъ по раскопкамъ доселѣ произведеннымъ, профес. Штиды—раскопки графа фонъ-деръ-Броель-Платера въ Ковенской губерніи и профес. Богданова: 1) курганные жители Сѣверянской земли, 2) жители древнихъ Болгаръ по краниологическимъ признакамъ и 3) доисторическіе тверитяне.

На засѣданіи 3-го отдѣленія профессоръ грузинскаго языка г. Чубиновъ въ рефератѣ о понтійской эрѣ старался доказать, что начало этой эры, распространенной въ Малой Азіи и принятой между прочими народами и грузинами, слѣдуетъ считать не 297, а 284 годъ до Р. Х., когда, спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Александра Македонскаго, малоазійскія царства—Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ и Виоинія—сдѣлались независимыми. Принимая этотъ годъ исходнымъ, можно устранить цѣлый рядъ доселѣ необъяснимыхъ хронологическихъ затрудненій. Г. Пурцеладзе представилъ описаніе грузинскихъ церковныхъ памятниковъ, находящихся въ Кіевѣ, а г. Эрицовъ сообщилъ любопытныя данныя о тондракской сектѣ армянь, существовавшей отъ VII до XII вѣка. Эти сектанты, названные такъ отъ селенія Тондракъ въ Мушской провинціи, не признавали божественности Иисуса Христа, непорочности Св. Дѣвы, не почитали иконъ и святыхъ, отвергали посты и будущую жизнь. Сверхъ того они имѣли тайныя собранія, гдѣ предавались свальному грѣху. Любопытно, что ересь эта появилась вновь въ 1837 году въ Александропольскомъ уѣздѣ, въ сел. Ареквели, среди армянь, переселившихся изъ Турціи. Сущность ихъ ученія заключается въ слѣдующемъ: Иисусъ Христосъ есть человекъ и сынъ Божій; таинства церкви они не признаютъ, совершаютъ лишь одно крещеніе въ возрастѣ 30 лѣтъ, и притомъ не какъ таинство, а какъ простой обрядъ; отвергаютъ первородный грѣхъ, почитаніе иконъ, посты и всѣ постановленія отцовъ церкви. Ученіе свое они содержатъ въ тайнѣ.

Въ настоящее время послѣдователи этой секты живутъ въ Эриванской губерніи и въ Карсской области; часть ихъ примкнула къ армяно-протестантамъ, часть же сблизилась съ русскими *пригунами*.

Профессоръ Покровскій, въ рефератѣ о брачныхъ вѣнцахъ, указалъ на первоначальное появленіе вѣнцовъ въ христіанской церкви и отношеніе ихъ къ вѣнцамъ языческимъ, затѣмъ прослѣдилъ исторію ихъ и пришелъ къ тому заключенію, что формы брачныхъ вѣнцовъ видоизмѣнялись параллельно съ видоизмѣненіемъ формы царскихъ коронъ. Параллель между тѣми и другими референтъ подтвердилъ многочисленными ссылками на памятники древностей и, въ частности, отмѣтилъ тотъ фактъ, что грузино-армянскіе брачные вѣнцы доселѣ удерживаютъ древнюю форму византійской діадемы съ привѣсками.

На засѣданіи 4-го отдѣленія—восточныхъ древностей—профессоръ Паткановъ сообщилъ обзоръ трудовъ по части изученія клинообразныхъ надписей вообще и такъ-называемыхъ арменіакскихъ (ванскихъ) въ особенности, причеъ онъ представилъ свои соображенія объ историческомъ значеніи ванскихъ надписей. Баронъ Тизенгаузенъ представилъ, на основаніи арабскихъ лѣтописей, очеркъ дипломатическихъ сношеній, происшедшихъ между Египтомъ и Золотою Ордою съ конца XIII вѣка, въ видахъ общаго противодѣйствія завоевательнымъ замысламъ персидскихъ монголовъ или хулагидовъ. Профессоръ Хвольсонъ докладывалъ о находкахъ караима Фирковича, о прежней оцѣнкѣ ихъ научнаго значенія самимъ референтомъ и объ отрицательномъ отношеніи къ нимъ другихъ ученыхъ, считающихъ эти памятники подложными. Затѣмъ г. Хвольсонъ рассказалъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1878 и 1881 годахъ въ Крыму, и о найденныхъ при этомъ зарытыхъ надгробіяхъ. Найденныя надписи г. Хвольсонъ относилъ приблизительно къ VII вѣку по Р. Х., а можетъ-быть даже къ половинѣ III вѣка. Съ другой стороны референтъ убѣдился, что ученые, обвинявшіе Фирковича въ совершеніи подлоговъ, въ пискахъ къ разнымъ кодексамъ и въ надгробіяхъ, были вполне правы. Для того, чтобъ отличать подлинныя надписи отъ подложныхъ, г. Хвольсонъ руководствуется главнымъ образомъ палеографіей и въ этихъ видахъ имъ собрано значительное количество еврейскихъ надписей, большею частью доселѣ неизвѣстныхъ. При этомъ профессоръ Хвольсонъ заявилъ, что уже находится въ печати и скоро выйдетъ въ свѣтъ его обширный трудъ о крымскихъ надписяхъ, гдѣ онъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто всѣ чупуть-кальскія надписи, которыя древнѣе XIII вѣка, подложны. Другой збраистъ, г. Гаркави, высказалъ мнѣніе, что найденные г. Хвольсономъ въ Крыму новые памятники не способны пока внушить ученымъ большаго довѣрія къ себѣ, чѣмъ памятники Фирковича, подложность которыхъ не отрицается и самимъ референтомъ, и что еще преждевременно, по его мнѣнію, строить научное зданіе на еврейской палеографіи.

Въ отдѣленіи 5-мъ, посвященномъ *памятникамъ искусствъ и художествъ*, г. Стояновъ сообщилъ о предпринятыхъ имъ, по порученію тифлисскаго комитета, раскопкахъ въ кутаисскомъ древнемъ соборѣ и объ охраненіи его развалинъ на будущее время. Лѣтомъ 1881 года внутренность собора была расчищена, причемъ найдено до 200 большихъ и малыхъ фрагментовъ, капители, подоконники и пр., рисунки которыхъ были представлены съѣзду. Профессоръ Петровъ сообщилъ о миниатюрахъ греческаго никомидійскаго Евангелія XI—XII в. въ сравненіи съ миниатюрами гелатскаго грузинскаго Евангелія. Сопоставивъ миниатюры этихъ двухъ памятниковъ съ мозаическими и фресковыми изображеніями Кіево-Софійскаго собора, референтъ пришелъ къ заключенію, что византійское вліяніе одинаково простиралось и на Русь, и на Грузію. Гг. Бакрадзе, извѣстный знатокъ грузинскихъ древностей, и Эрицовъ, знатокъ армянскихъ, доложили сущность записки архимандрита Антонина о грузинскихъ и армянскихъ древностяхъ, найденныхъ въ Іерусалимѣ. Генераль Комаровъ говорилъ о нѣкоторыхъ неизданныхъ грузинскихъ монетахъ. Профессоръ Султановъ сдѣлалъ интересное и обстоятельное сообщеніе о русскихъ шатровыхъ церквяхъ и ихъ отношеніи къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ, причемъ пришелъ къ заключенію, что связи, которую можно было бы предполагать между тѣми и другими, не было. Между другими рефератами, не касавшимися кавказскихъ памятниковъ искусства, отмѣтимъ доклады профессоровъ Мансветова—художественныя и бытовыя данныя въ славянскомъ спискѣ лѣтописи Георгія Амартола изъ библіотеки московской духовной академіи и Прахова—о кирилловскихъ фрескахъ въ Кіевѣ.

Въ обзорѣ рефератовъ по отдѣленіямъ VI (памятники письма и языка) и VII (лингвистика), въ виду слишкомъ спеціальнаго ихъ интереса, можно ограничиться самымъ краткимъ перечнемъ. Профессоръ грузинскаго языка г. Цагарели представилъ очеркъ произведеній грузинской литературы и ея научной разработки. Главныя задачи, предстоящія изслѣдователю этой области, сводятся къ тому, что, во-первыхъ, ему должно прослѣдить литературныя формы, проникшія въ Грузію съ Запада и Востока, изъ Византіи и изъ Персіи,—во-вторыхъ, ему предстоитъ указать, въ чемъ выразилась самобытность грузинской литературы. Когда то и другое будетъ сдѣлано, тогда выяснится мѣсто грузинской литературы въ ряду литературъ другихъ народовъ. Изслѣдователю предстоитъ еще приготовительная работа собранія и приведенія въ извѣстность памятниковъ грузинской литературы. Такою работой занять и г. Цагарели и ознакомилъ членовъ съѣзда съ нѣкоторыми изъ ея результатовъ. Другой знатокъ грузинской древности, г. Бакрадзе, сообщилъ свѣдѣнія о недавно найденномъ грузинскомъ четверо-евангеліи. Затѣмъ происходили пренія между спеціалистами (гг. Пурцеладзе, Эрицовымъ, Окромчаделовымъ-Серебряковымъ) о времени происхожденія грузинскаго алфавита, по поводу реферата профессора Окромчаделова-Серебрякова объ этомъ вопросѣ.

Въ лингвистическомъ отдѣленіи г. Загурскій, почтенный мѣстный изслѣдователь кавказско-горскихъ языковъ, прочелъ интересный рефератъ о значеніи лингвистики для кавказской этнологіи и изученія прежняго быта обитателей Кавказа. Г. Загурскій представилъ классификацію кавказскихъ языковъ по группамъ и, пользуясь такъ-называемою палеонтологіей языка, старался показать, что нѣкоторыя данныя языка даютъ возможность дѣлать заключенія о прежнемъ бытѣ того или другаго кавказскаго народа. Свою мысль референтъ подтвердилъ примѣрами изъ области дагестанскихъ языковъ. Профес. Миллеръ сдѣлалъ докладъ о фонетическихъ особенностяхъ осетинскаго языка и о мѣстѣ, занимаемомъ этимъ языкомъ въ иранской группѣ. Референтъ рассмотрѣлъ звуки этого языка по отношенію къ иранскому праязыку, подраздѣливъ ихъ на звуки, унаслѣдованные отъ праязыка, и звуки, вошедшіе въ осетинскій языкъ позднѣе, подъ вліяніемъ сосѣднихъ языковъ, главнымъ образомъ грузинскаго. Рассмотрѣвъ строй языка, онъ старался уяснить значеніе осетинскаго языка для языковѣднія, особенно для исторіи иранской группы индоевропейской семьи языковъ. По мнѣнію референта, осетинскій языкъ есть единственный сохранившійся представитель сѣверозападнаго отдѣла иранскихъ языковъ, къ которымъ принадлежало нѣкогда нѣсколько другихъ, уже вымершихъ, языковъ. Г. Стояновъ представилъ съѣзду собранныя имъ сванетскія пѣсни.

Самое обильное по числу рефератовъ было отдѣленіе VIII—историческая географія и этнографія. Ни въ одномъ отдѣленіи не было такихъ оживленныхъ преній, которыя въ большинствѣ случаевъ не приводили ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Не мало содѣйствовалъ оживленности перваго засѣданія г. Стасовъ, приславшій для доклада на съѣздъ свою статью о «Руссахъ Ибнъ-Фодлана». Разобравъ критически описаніе древнихъ руссовъ у этого арабскаго писателя, г. Стасовъ приходитъ къ выводу, что извѣстія, сообщенныя Ибнъ-Фодланомъ, непригодны для рѣшенія вопроса, были ли руссы славянами или норманнами, что этими свѣдѣніями съ одинаковою убѣдительною (вѣрнѣе неубѣдительною) пользуются наши норманисты и словенисты для подтвержденія своихъ взглядовъ на національность руссовъ. Бытовые черты, приписываемыя Ибнъ-Фодланомъ руссамъ, противорѣчатъ другимъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ какъ норманновъ, такъ и славянъ, и скорѣе приложимы къ быту какого-нибудь финскаго или тюркскаго народа, жившаго въ Поволжѣ. Эта статья, доложенная весьма сжато, подѣйствовала какъ разрывной снарядъ. Немедленно посыпался рядъ мнѣній за и противъ г. Стасова и пренія, въ которыхъ участвовали гг. Костомаровъ, гр. Уваровъ, Иловайскій, Хвольсонъ, Гаркави, Самоквасовъ и друг., затянулись часа на два. Въ другомъ засѣданіи главное мѣсто занялъ излюбленный съѣздами «славескій» вопросъ, хотя выплылъ онъ не подъ своимъ флагомъ, а прикрывшись рефератомъ профес. Самоквасова объ этнографическихъ особен-

ностях славянъ. Г. Самоквасовъ старался доказать, что скиѣны и сарматы въ одинаковой степени съ славянами должны быть причисляемы къ *арійскому* семейству. Г. Иловайскій пошелъ далѣе, стараясь нѣкоторыми данными подрѣпить мнѣніе о ближайшемъ родствѣ славянъ съ скиѣнами. Пренія о народности скиѣновъ опять затянулись, причемъ, конечно, соглашенія не воспослѣдовало. Болѣе интереса и новизны представляли соображенія гр. Уварова и барона Тизенгаузена о существованіи въ древности торговыхъ сношеній между Россіей, или Восточной Европой и Индіей. Находки въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи и Пруссіи вещей несомнѣнно индійскаго типа и монетъ съ кабульскими надписями, которыя были перечислены референтами, служатъ доказательствомъ такихъ сношеній.

Въ слѣдующемъ засѣданіи того же отдѣла главное мѣсто занялъ «гуннскій вопросъ», выдвинутый г. Иловайскимъ въ рефератѣ о народности гунновъ. Г. Иловайскій резюмировалъ свою послѣднюю статью, помѣщенную въ *Журналъ Минист. Народ. Просвѣщенія*. Разбирая показанія о гуннахъ, сообщаемыя Амміаномъ Марцеллиномъ, Юрнандомъ и Прискомъ, онъ старался доказать, что показанія двухъ первыхъ не заслуживаютъ такой вѣры, какъ показанія Приска, который посѣтилъ Атиллу и подробно описалъ свое путешествіе и пребываніе въ столицѣ гунновъ. Черты гуннскаго быта, по мнѣнію г. Иловайскаго, указываютъ въ нихъ славянъ. Подтверждаютъ славянство гунновъ и другія данныя и историческія соображенія, о которыхъ мы здѣсь не можемъ войти въ подробности. Мнѣнія членовъ съѣзда раздѣлились: одни—гг. Костомаровъ, Юрченко и Юшковъ—стояли за славянство гунновъ, другіе—гг. Загурскій, Гаркави и Анучинъ—высказались противъ него. Между другими рефератами этого отдѣленія отмѣтимъ рефераты: проф. Никитскаго—о слѣдахъ востока въ новгородской торговлѣ, г. Жаренцова—археологическая топографія Таманскаго полуострова, г. Циолосани—отчетъ о его раскопкахъ на мѣстности, гдѣ стояла Бердаа, профес. Штиды—объ антропологии евреевъ.

Кромѣ засѣданій по отдѣленіямъ, было одно засѣданіе *внѣ очереди* (séance libre) и два общихъ собранія. Séance libre, въ которомъ доклады происходили на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, было устроено главнымъ образомъ, чтобы дать слово знаменитому Рудольфу Вирхову, привлекавшему къ себѣ вниманіе членовъ съѣзда, всего мѣстнаго общества и особенно тифлискаго медицинскаго общества, въ средѣ котораго есть нѣсколько изъ его бывшихъ слушателей, какъ профессора, въ Берлинѣ. Нечего и говорить, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ была выслушана его рѣчь, длившаяся 1½ часа, и какими оваціями его пріѣтствовала публика. Вирховъ говорилъ о значеніи Кавказа въ антропологическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, о впечатлѣніяхъ своего путешествія, о нѣкоторыхъ своихъ антропологическихъ

наблюденіяхъ, о бронзовой культурѣ Кавказа и о многомъ другомъ, въ живомъ и увлекательномъ изложеніи. Д-ръ Радде въ мастерской рѣчи, исполненной поэтическихъ картинъ природы, сообщилъ свои научныя наблюденія въ путешествіи на Араратъ. Г. Смирновъ сдѣлалъ антропологическій докладъ о цвѣтѣ глазъ и волосъ кавказскаго населенія. Профессоръ Штида говорилъ объ антропологическихъ таблицахъ.

Въ первомъ общемъ собраніи были помянуты добрымъ словомъ нѣкоторые умершіе члены прежнихъ археологическихъ съѣздовъ и кавказскіе научные дѣятели. Профес. Брикнеръ говорилъ о Григоровичѣ, Срезневскомъ и Брунѣ, г. Загурскій — о баронѣ Усларѣ, такъ много сдѣлавшемъ для изученія кавказскихъ языковъ, и о Ханыковѣ, вызвавшемъ къ жизни кавказскій отдѣлъ Географическаго Общества, Эрицовъ — о Талызинѣ, организаторѣ и предсѣдателѣ Общества любителей кавказской археологіи. Затѣмъ профес. Цвѣтаевъ сдѣлалъ мастерской очеркъ исторіи археологическаго института въ Римѣ, праздновавшаго въ 1879 г. свой пятидесятилѣтній юбилей. Изобразивъ въ яркихъ чертахъ судьбу института, показавъ, съ какими препятствіями онъ боролся, какъ энергично преслѣдовалъ свою цѣль и какихъ достигъ результатовъ, профес. Цвѣтаевъ приглашаетъ наши археологическія общества слѣдовать примѣру членовъ института и такъ же энергично и дружно стремиться къ исполненію своихъ задачъ. Этотъ совѣтъ всего болѣе примѣнимъ къ распавшемуся Обществу любителей кавказской археологіи, о необходимости возстановленія котораго и говорилъ въ заключеніе г. Цвѣтаевъ.

Послѣднее общее собраніе, завершившее занятія съѣзда, было посвящено отчетамъ нѣсколькихъ комиссій по разнымъ вопросамъ, затронутымъ на съѣздѣ. Одна обсуждала вопросъ о программахъ для изслѣдованія Кавказа въ археологическ., антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніи, другая—вопросъ о составленіи археологической карты Кавказа, третья—вопросъ о скорѣйшемъ изданіи трудовъ съѣзда. Относительно всѣхъ этихъ вопросовъ были приняты нѣкоторыя мѣры. Затѣмъ гр. Уваровъ выразилъ желаніе, чтобы тифлисскій съѣздъ, возбудившій такое живое вниманіе и сочувствіе жителей Кавказа къ археологіи, вызвалъ къ существованію въ Тифлисѣ такое археологическое общество, которое бы вполне удовлетворяло требованіямъ, предъявляемымъ къ ученымъ обществамъ. Хотя на Кавказѣ и существуетъ Общество любителей кавказской археологіи, но дѣятельность его, никогда не отличавшаяся особенною оживленностью, въ послѣдніе годы совершенно прекратилась. Причина этого лежитъ, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ недостаткахъ самаго устава Общества. Чтобы возстановить павшее общество, гр. Уваровъ предложилъ, чтобы бывшій тифлисскій предварительный комитетъ съѣзда, исполнившій свою задачу вполне научно и добросовѣстно, преобразовался и, слившись съ Обществомъ любителей археологіи, составилъ новое археологическое общество на тѣхъ прочныхъ основаніяхъ, на которыхъ существуютъ у

насъ другія ученыя общества. Положеніе археологическаго общества въ Тифлисѣ весьма удобно. Оно имѣетъ подъ рукою превосходный Кавказскій музей, коллекціи котораго могутъ быть предметомъ изученія и который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ хранилищемъ для дальнѣйшихъ собраній предметовъ древности. Мысль гр. Уварова въ настоящее время уже осуществилась. Затѣмъ генералъ Комаровъ, указавъ на возбужденіе въ край интереса къ археологіи въ послѣдніе годы, обратилъ вниманіе съѣзда на то, что вмѣстѣ съ развитіемъ этого интереса увеличивается, къ сожалѣнію, также и хищничество предметовъ древности. Въ виду этого онъ считаетъ полезнымъ, чтобы съѣздъ ходатайствовалъ передъ намѣстникомъ кавказскимъ о положительномъ воспрещеніи раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ безъ вѣдома и разрѣшенія того ученаго археологическаго общества или учрежденія, которое будетъ учреждено въ Тифлисѣ. Затѣмъ отъ лица прочихъ членовъ съѣзда гг. Майковъ и Самоквасовъ помянули заслуги гр. Уварова, какъ основателя съѣздовъ и вообще научнаго направленія въ археологіи Россіи. Сдѣлавъ очеркъ тридцатилѣтней научной дѣятельности графа и краткую оцѣнку его многочисленныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ археологіи, г. Майковъ прибавилъ въ заключеніе: «Довольно и сказаннаго, чтобы видѣть, что въ лицѣ гр. А. С. Уварова наше общество обладаетъ первокласснымъ ученымъ, который съ пытливостью и проницательностью соединилъ огромныя познанія и неустанное трудолюбіе и тѣмъ поставилъ русскую науку древностей въ ряду самыхъ цвѣтущихъ отраслей нашего современнаго просвѣщенія». Въ свою очередь профес. Самоквасовъ говорилъ о дѣятельности гр. Уварова въ области археологической практики, какъ организатора научныхъ силъ и направителя ихъ къ правильному рѣшенію научныхъ вопросовъ. Благодаря энергіи гр. Уварова, возникло Московское Археологическое Общество, издавшее цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій и матеріаловъ; ему же принадлежитъ всецѣло организація археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, соединившихъ разрозненныя силы русской археологіи въ крѣпкую дружину, вызвавшихъ много новыхъ силъ на путь изученія древностей и породившихъ длинный рядъ ученыхъ работъ, большая часть которыхъ никогда не осуществилась бы безъ посредства и помощи археологическихъ съѣздовъ. Наконецъ, графу Уварову принадлежитъ первое мѣсто въ правильномъ направленіи ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ изученію старины нашего отечества. Гр. Уваровъ собственнымъ примѣромъ учить молодыхъ изслѣдователей, какъ должны быть раскапываемы пещеры, городища, курганы, долмены и другіе памятники древности, какъ должны быть описываемы ихъ устройство и содержаніе. Профес. Самоквасовъ закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ рѣшеніемъ членовъ съѣзда: «Въ виду сказанныхъ заслугъ, научныхъ и общественныхъ, V-й археологическій съѣздъ предположилъ ходатайствовать о разрѣшеніи поднести графу А. С. Уварову золотую медаль съ его изображеніемъ и над-

писью отъ пятаго археологическаго съѣзда». Обѣ рѣчи вызвали продолжительныя и громкія рукоплесканія.

Въ заключеніе предсѣдатель ген. Комаровъ доложилъ телеграмму отъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, полученную въ отвѣтъ на сдѣланное съѣздомъ предложеніе совѣту Новороссійскаго университета принять на себя устройство VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ въ 1884 году. Въ телеграммѣ этой выражено, что совѣтъ университета считаетъ за честь принять на себя устройство одесскаго археологическаго съѣзда.

Конечно, изъ нашего отчета нельзя себѣ составить подробнаго понятія о результатахъ тифлискаго съѣзда. Нельзя требовать, чтобы мы познакомили съ содержаніемъ болѣе 80 рефератовъ, доложенныхъ въ засѣданіяхъ. Полную оцѣнку можно будетъ сдѣлать лишь по выходѣ въ свѣтъ «Трудовъ съѣзда», о скорѣйшемъ изданіи которыхъ не мало было говорено въ общихъ собраніяхъ. Съ своей стороны мы думаемъ, что главное значеніе съѣзда состоитъ въ томъ, что онъ положилъ начало научнаго изслѣдованія Кавказа въ археологическомъ отношеніи. Нужно надѣяться, что нѣкоторые изъ ученыхъ, побывавшихъ на съѣздѣ, составивъ себѣ понятіе о богатствѣ матеріаловъ Кавказа и о предстоящихъ задачахъ кавказской археологіи, увлекутся Кавказомъ и приложатъ свой посильный трудъ къ ихъ разработкѣ. Да и мѣстные дѣятели, ободренные съѣздомъ, какъ уже теперь показываютъ нѣкоторые благопріятные признаки, примутся болѣе энергично за изученіе края. По крайней мѣрѣ, по извѣстію, сообщаемому газетой *Кавказъ*, вскорѣ по окончаніи съѣзда было уже засѣданіе мѣстнаго археологическаго общества и оно возобновило свою временно прекратившуюся дѣятельность.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ *увеселительной* сторонѣ съѣзда. Пользуясь двумя праздниками, распорядительный комитетъ съѣзда устроилъ для членовъ археологическую экскурсію въ Кутаисъ. Спеціальныи поѣздъ останавливался въ Мцхетѣ, гдѣ былъ осмотрѣнъ древній соборъ и произведены раскопки; затѣмъ по дальнѣйшему пути былъ осмотрѣнъ пещерный храмъ близъ Уплисѣ-Цихе, не доѣзжая Гори. Вечеромъ экскурсія прибыла въ Кутаисъ, гдѣ на платформѣ богато иллюминированнаго вокзала была встрѣчена городскимъ головой, думою, представителями цеховыхъ съ ихъ значками и громаднымъ количествомъ кутаисской публики. На другой день состоялась поѣздка въ знаменитый Гелатскій монастырь и осмотрѣны всѣ его богатства. Этотъ монастырь можетъ быть названъ главнымъ хранилищемъ археологическихъ сокровищъ Грузіи. Въ немъ есть всевозможныя и неоцѣненныя коллекціи художественныхъ произведеній церковнаго искусства: эмалевыя работы, образчики средневѣковой живописи, мозаики, барельефы, выпуклыя работы на золотѣ и серебрѣ, ажурные рисунки на кости и металлахъ, драгоценныя ткани, древнія рукописи съ миниатюрами и многое другое.

Послѣ возвращенія изъ Гелата члены съѣзда были приглашены на роскошный обѣдъ, предложенный имъ кутаисскою городскою думой.

Въ Тифлисѣ обѣ первенствующія національности, грузины и армяне, старались почтить прїѣзжихъ гостей археологовъ спектаклями и ужинами. Пресловутое кавказское гостепрїимство показало себя во всемъ своемъ восточномъ великолѣпіи. Лучшіе лезгинеры (*sit venia verbi*) Грузин, какъ намъ передавали, князья и княгини въ національныхъ костюмахъ представили знаменитый танецъ во всей его дикой прелести, подъ звуки *зурны* и другихъ мѣстныхъ инструментовъ. Поэты привѣтствовали прїѣзжихъ ученыхъ стихотвореніями. Рѣчи, тосты на обѣдахъ, данныхъ городомъ и комитетомъ съѣзда, лились такою же неизсякаемою струей, какъ потоки шампанскаго. Не разъ высказывалось въ разныхъ формахъ желаніе мѣстнаго общества, чтобъ осуществилось основаніе университета въ Тифлисѣ. Къ пожеланіямъ мѣстныхъ дѣятелей присоединилъ свое слово и иностранный знаменитый гость съѣзда, Рудольфъ Вирховъ, и въ заключеніе своей рѣчи поднялъ бокалъ за старѣйшаго и славнѣйшаго изъ присутствовавшихъ представителей русской университетской науки, Н. И. Костомарова. Вообще намъ прїятно отмѣтить, какой энтузіазмъ овладевалъ публикой каждый разъ, когда на кафедре всходилъ нашъ маститый историкъ, до сихъ поръ, несмотря на годы и болѣзненность, чуткій и отзывчивый для всѣхъ вопросовъ науки. Упомянемъ и милый поступокъ кутаисской молодежи, учениковъ старшихъ классовъ гимназїи, которые во время экскурсіи въ Гелатскій монастырь, *propter modum*, нарвали по дорогѣ лавровыхъ вѣтвей и поднесли Николаю Ивановичу безыскусственный вѣнокъ.

Всес. Миллеръ.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

I.

Вмѣсто того, чтобъ отрицать извѣстное событіе, лучше приготовиться къ нему.

Фраза, служащая эпиграфомъ къ настоящимъ замѣткамъ, заимствована изъ одной русской газеты, въ статьѣ, касающейся будущей судьбы балканскихъ славянъ и современныхъ поползновеній разныхъ чуждыхъ народовъ на земли, этими славянами обитаемыя. Въ этой фразѣ такъ хорошо выражена программа того, что русскому обществу слѣдуетъ сдѣлать теперь, прежде всего, по отношенію къ восточному вопросу и къ славянамъ (хотя и не къ однимъ балканскимъ только, а ко всѣмъ вообще), что почти невозможно подобрать лучшаго начала для бесѣды съ читателемъ о тѣхъ же предметахъ. Но прежде, чѣмъ начать эту бесѣду, необходимо бросить бѣглый взглядъ на нынѣшнее отношеніе нашего общества къ славянству и на господствующее среди него мнѣніе насчетъ славянскаго вопроса вообще и нашей славянской политики въ частности.

Какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ наше общество казалось всецѣло поглощеннымъ славянскою идеей. Въ газетахъ ни о чемъ иномъ не писали, на гуляньяхъ, въ клубахъ, въ частныхъ домахъ ни о чемъ иномъ не говорили, какъ только о славянахъ. Куда, бывало, ни придешь, съ кѣмъ ни встрѣтишься, а ужъ толковъ о славянахъ не избѣжишь. Это была какая-то славянская горячка, охватившая все общество, которое положительно бредило славянствомъ. Война, жертвы, которыхъ она потребуетъ,—все казалось ни почемъ. Помилуйте, пожалѣемъ ли мы чего-нибудь для братьевъ-славянъ! Рубашку съ себя снимемъ, умремъ до послѣдняго человѣка, а ужъ «братьевъ» освободимъ!... Кто осмѣливался сдѣлать скромное возраженіе, усомниться въ своевременности такой войны, тотъ объявлялся по меньшей мѣрѣ безсердечнымъ человѣкомъ, не любящимъ отечество, а то такъ и прямо измѣнникомъ, продавшимся врагамъ; съ нимъ никто не хотѣлъ и говорить, а если это вымолвила газета, такъ

ее не хотѣли читать. И потомъ вдругъ все это какъ рукой сняло. Увлеченіе прошло такъ же внезапно, какъ и наступило, точно это въ самомъ дѣлѣ была только горячка съ ея болѣзненнымъ, беспорядочнымъ и безсознательнымъ бредомъ. Ни одна женская мода—типъ измѣнчивости—не проходитъ такъ быстро и безслѣдно, какъ прошла наша страстная любовь къ славянамъ. Чѣмъ это объяснить?—Многіе объясняютъ искусственность движенія,—тѣмъ, что оно было вызвано насильственно, муссировано. Но подобныя массовыя движенія искусственно не создаются. И для муссирования нуженъ матеріалъ, потому что изъ ничего и пѣны не произведешь. Начни теперь вся наша печать трубить, сколько ей угодно, о страданіяхъ, положимъ, трансильванскихъ иѣмцевъ, саксонцевъ и мадьяръ,—навѣрное ни одна русская душа не шевельнется. А изъ-за славянъ всѣ расшевелились, хотя далеко не вся печать трубила и барабанила. Наиболѣе распространенные и вліятельные органы этимъ дѣломъ не занимались. Одни вначалѣ держали себя очень холодно и перемѣнили тонъ только тогда, когда война была рѣшена; другіе даже и войной не смутились, а такъ до конца и проигнорировали весь славянскій вопросъ, просто ни словомъ о немъ не обмолвились. Мало говорить въ пользу искусственности движенія и участіе въ немъ вліятельныхъ лицъ. Во время франко-прусской войны Россія поддерживала пруссаковъ, побѣды которыхъ праздновались официально. Общество это знало, но пруссаками отнюдь не увлекалось, напротивъ—негодовало на нихъ болѣе, чѣмъ когда-либо, и оплакивало положеніе французовъ. Значить, не такъ ужъ оно стихійно относится къ вопросамъ дня,—есть въ немъ хоть малость сознанія и того вѣрнаго инстинкта, который всегда присущъ массамъ. Можетъ-быть охлажденіе къ славянамъ произошло отъ того, что ихъ заслонилъ собою болѣе важныя, болѣе непосредственно-близкіе намъ внутренніе вопросы, частію порожденные войной, частію выдвинутые и ускоренные ею въ своемъ развитіи? И это едва ли вполне справедливо, потому что охлажденіе началось гораздо раньше, чѣмъ внутренніе вопросы выступили на сцену. Не только эти вопросы оставались еще скрытыми отъ всѣхъ глазъ, но общество еще тѣшило себя радостными мечтами, что гроза войны очиститъ русскій воздухъ отъ наполняющихъ его міазмовъ, унесетъ съ собой всѣ наши скорби и печали и на ясномъ небѣ взойдетъ солнце общаго благополучія. «Внутренніе вопросы» предстали во всей своей красѣ только тогда, когда участь этихъ радостныхъ надеждъ обозначилась вполне ясно, то-есть когда онѣ рухнули, но въ то время объ увлеченіи славянами не было ужъ и помину,—его замѣнило полное равнодушіе. Дальше внутренніе вопросы оказали вліяніе, а именно: разрушенныя надежды постепенно превратили равнодушіе въ нѣчто похожее на враждебность и на отвращеніе, каковыя чувства и теперь остаются господствующими у насъ по отношенію къ славянамъ. Самыя слова: «славянство, славянская идея, славянская политика»—произносятся болѣею частію какъ бы въ насмѣхъ.

ку, съ злымъ сарказмомъ и ядовитымъ укоромъ. Мы какъ будто не можемъ простить и ненавидимъ славянъ за то, что оказались способными только освободить ихъ отъ турокъ, а къ себѣ привлечь ихъ и самимъ себѣ помочь не сумѣли. Однако, чѣмъ же все-таки обуславливалось охлажденіе, въ чемъ его первоначальный источникъ?—Намъ кажется (хотя это мнѣніе и можетъ съ виду показаться парадоксальнымъ), что источникомъ тутъ послужило то же, отъ чего произошла и упомянутая сейчасъ неумѣлость, за которую мы дуемъ на славянъ,—*недоразумѣніе*, колоссальное недоразумѣніе, которое въ свою очередь проистекало изъ нашего полнѣйшаго незнакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Это недоразумѣніе, вызванное незнаніемъ, какъ и само незнаніе въ значительной степени обуславливались, конечно, «независящими причинами». Признаваемому несовершеннѣйшимъ, обществу нашему не дозволялось заглянуть поглубже ни въ дѣйствительную исторію нашей восточной политики, ни еще менѣе въ то, что въ ней касалось нашихъ отношеній къ славянамъ и ихъ къ намъ. Если сообщалась, да и то не вполне, такъ исключительно одна лишь внѣшняя сторона событій, на манеръ того, какъ въ былыя времена писалось и преподавалось вообще исторіей: въ такомъ-то году такой-то государь взомель на престолъ; при немъ были такіе-то министры и генералы, произошла такая-то война; вотъ тѣмъ-то одержаны блестящія побѣды, а тутъ-то послѣдовалъ легкій неуспѣхъ (о пораженіяхъ, большею частію, не распространялись); предѣлы государства расширены вотъ на столько-то; заключенъ такой-то трактатъ... И все тутъ,—больше ничего. Даже и этотъ поверхностный перечень внѣшнихъ событій доходилъ до свѣдѣнія общества далеко не въ полномъ видѣ,—многое и многое считалось нужнымъ скрывать. А ужъ о внутреннемъ содержаніи событій, о причинахъ тѣхъ или другихъ явленій, особенно же явленій для насъ неблагопріятныхъ, нечего и говорить,—о нихъ даже и вскользь упоминать не полагалось. При этихъ условіяхъ общество, разумѣется, поставлено было въ матеріальную невозможность сколько-нибудь сознательно отнестись къ «своей» политикѣ, уразумѣть и осмыслить ее. Въ этомъ отношеніи вся тяжесть отвѣтственности за недоразумѣніе падаетъ исключительно на «независящія причины». Но вотъ за то, что наше общество такъ же мало, если еще не менѣе, знакомо съ самими славянами, съ ихъ исторіей, съ современными условіями ихъ общежитія, съ ихъ стремленіями и желаніями, съ ихъ экономическими и политическими интересами, съ господствующимъ среди нихъ духомъ,—вина за незнакомство со всѣмъ этимъ въ значительной степени лежитъ на тѣхъ нашихъ партіяхъ или людяхъ, которые игнорировали и продолжаютъ игнорировать славянскій вопросъ. Они легко могли бы въ этомъ отношеніи хотя нѣсколько разсѣять невѣжество русскаго общества, оставаясь вполне въ границахъ «независящихъ причинъ», особенно въ періодъ предшествовавшій послѣднимъ 2—3 годамъ, когда гнетъ этихъ «причинъ» значительно ослабѣлъ

противъ прежняго. Нѣсколько добросовѣстныхъ, популярно изложенныхъ изслѣдованій, нѣсколько хорошо написанныхъ статей, помѣщенныхъ въ распространенномъ, уважаемомъ журналѣ, могли бы много помочь дѣлу. Но этимъ, однако, никто не счелъ нужнымъ заняться. Почему?—это трудно объяснить и еще труднѣе понять; но фактъ тотъ, что наиболѣе выдающіеся и вліятельные писатели абсолютно игнорировали славянство и славянской вопросъ. Изъ либеральнаго, или, какъ у насъ обыкновенно принято называть—западническаго, лагеря только одинъ г. Пыпинъ въ *Вѣстникѣ Европы* занимался этими предметами, съ свойственными этому замѣчательному писателю всесторонностію знаній, глубиною взгляда и правдивостію изложенія. Въ остальной либеральной періодической печати (все, что говорится здѣсь, вообще относится только къ періодической печати, потому что специальныхъ ученыхъ сочиненій публика наша, къ сожалѣнію, не читаетъ и слѣдовательно они не могутъ ни познакомить ее съ предметомъ, ни повліять на ея взгляды)—если о славянскомъ вопросѣ и упоминалось изрѣдка, мимоходомъ, то почти всегда въ ироническомъ смыслѣ, съ цѣлію попрекнуть имъ своихъ литературныхъ и политическихъ противниковъ и выставить самый вопросъ чѣмъ-то намъ совершенно постороннимъ, чужимъ и даже вреднымъ. Вслѣдствіе этого страннаго игнорированія, славянской вопросъ съ теченіемъ времени въ самомъ дѣлѣ сдѣлался вреднымъ, очутившись всецѣло въ рукахъ немногихъ людей известной партіи, которые, частію сознательно, частію бессознательно, постоянно искажали его, сообразно съ собственными своими цѣлями *). Даже ученые изслѣдователи, при-

*) Мы не можемъ оставить безъ замѣчанія эти и дальнѣйшія слова почтеннаго автора, съ которымъ мы, однако, во всемъ прочемъ согласны, о какой-то византійской партіи, въ руки которой будто бы *всѣмъ* перешелъ вопросъ о славянствѣ.

Вслѣдствіе страннаго игнорированія, выражаясь словами автора статьи, западниками славянства, вопросъ о немъ въ ученой литературѣ перешелъ въ руки не какой-нибудь партіи, а такихъ самостоятельныхъ ученыхъ и мыслителей, какъ Бодянский, Гильфердингъ, Хомяковъ, А. А. Майковъ и другихъ, ихъ учениковъ и послѣдователей, которые никакой партіи никогда не составляли и которыхъ не только нельзя упрекать въ приверженности къ византизму, въ желаніи утвердить въ Россіи византійскія политическія и общественныя формы съ цѣлію сдѣлать послѣднюю «наслѣдницею Византии» и противупологать ихъ либераламъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но нѣтъ возможности, читая ихъ сочиненія, не признать ихъ самыми свободными, по ихъ образу мыслей и духу, людьми и непримиримыми врагами всякаго византизма, врагами всякой мысли о насильственномъ господствѣ кого-нибудь, въ томъ числѣ и Россіи, надъ славянами. Если и существуютъ такіе писатели, которые въ своихъ литературныхъ трудахъ и въ своихъ рѣчахъ смѣшиваютъ, отождествляютъ вѣроисповѣданіе съ народностію, или, какъ выражается авторъ, подмѣниваютъ національный вопросъ вѣроисповѣднымъ, и забываютъ при этомъ, что въ образованіи народности вѣроисповѣданіе (въ смыслѣ культа) хотя и имѣетъ великое значеніе, но все-таки составляетъ не единственный факторъ

надлежащія къ этой партіи (а иные славянами не занимались) большею частью грѣшили крайнею тенденціозностію. Они не истину старались раскрыть своими изслѣдованіями, а доказать заранѣе, дома, придуманный и поставленный тезисъ; не факты дѣйствительной жизни изучали и описывали, а подгоняли ихъ подъ свою личную—или своей партіи—предвзятую точку зрѣнія. Не только современное состояніе славянъ, но даже и прошлая ихъ исторія, исторія древности, не избѣгла этого искаженія. И въ ней одни факты тенденціозно группировались и еще тенденціознѣй освѣщались, а другіе, которые ужь черезчуръ рѣзко противорѣчили тенденціи, и совѣщъ опускались. Въ публицистикѣ этой партіи, которая, въ противоположность либеральной, очень дѣятельно занималась славянскимъ вопросомъ, тенденціозность проявлялась, разумѣется, еще рѣзче, такъ что, развиваясь все сильнѣе и больше, наконецъ совѣщъ вытѣснила дѣло. Дѣйствительное славянство, настоящія, не сочиненныя, славянскія начала мало-по-малу вовсе исчезли и замѣнились, вѣрнѣе сказать—подмѣнились, византіиствомъ. Знаменитая, заимствованная изъ-за границы, фраза о «византіискомъ наслѣдствѣ» до того вскружила головы нашихъ поборниковъ славянской идеи, что они, можетъ-быть и сами того не замѣчая, совѣщъ позабыли эту идею. Образовалась даже цѣлая группа людей,—автору этихъ замѣтокъ случалось лично еще знать такихъ субъектовъ,—которые пресерьезно, съ глубокимъ убѣжденіемъ увѣряли, что Россія въ такомъ только случаѣ можетъ сдѣлаться «наслѣдницей Византіи», если сохранить, во всей ихъ неприкосновенности, всѣ заимствованныя въ древности византіискія религіозныя, политическія и общественныя формы. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, нельзя же было сказать, что между этими нужными (предполагалось, въ качествѣ крѣпостныхъ актовъ на право наслѣдія) византіискими формами и формами славянскими нѣтъ въ сущности ничего общаго, — приходилось по неволѣ отождествлять ихъ. Это и дѣлали, между прочимъ, еще посредствомъ подмѣны національнаго вопроса вѣроисповѣднымъ. Такимъ образомъ въ обществѣ русскомъ распространились и укоренились совершен-

и само находится подъ вліяніемъ другихъ элементовъ народной жизни; то такое смѣшеніе понятій лежитъ на личной отвѣтственности того, кто дѣлаетъ эту ошибку, и не можетъ быть отнесено къ убѣжденіямъ или воззрѣніямъ какой-нибудь партіи или группы людей, ничего подобнаго не высказывавшихъ,

Что касается лицъ мечтавшихъ и толковавшихъ о какомъ-то «наслѣдствѣ Византіи», которыхъ приходилось встрѣчать автору, то эти лица составляли единичное, исключительное явленіе и не имѣли ничего общаго съ тѣми, въ рукахъ которыхъ, по словамъ статьи, находился вопросъ о славянахъ.

Если не ошибочно утверждение автора, что тѣ, кого онъ называетъ западниками, смотрѣли на вышепоименованныхъ славистовъ какъ на людей византіи-ской партіи, то такое мнѣніе должно приписать недоразумѣнію, происшедшему изъ того, что гг. западники не приняли на себя трудъ прочитать съ должнымъ вниманіемъ работы тѣхъ, кого они обвиняли.

Ред.

но фальшивыя, фантастическія понятія о славянахъ, что и привело прямымъ логическимъ путемъ къ упомянутому выше колоссальному недоразумѣнію. Не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что именно православное славянство наиболѣе страдало отъ гнета византизма, искони вѣковъ боролось противъ него и теперь возобновляетъ борьбу, какъ только получаетъ возможность сдѣлать свободное движеніе,—тѣ изъ русскихъ, которымъ правилась идея «наслѣдства Византии», естественно должны были, при всякой встрѣчѣ съ дѣйствительными славянами, на каждомъ шагу испытывать массу самыхъ горькихъ разочарованій. Своихъ, т. е. воображаемыхъ, славянъ они не находили, а тѣ, которые были на-лицо, внушали имъ понятное негодованіе, такъ какъ ихъ видимое отвращеніе отъ византийскихъ формъ казалось русскимъ не только черною неблагодарностію, но даже просто грабительствомъ по отношенію къ Россіи. Какъ же не грабительство, помилуйте, когда этимъ образомъ отнимался у Россіи вѣрнѣйшій документъ, обезпечивающій за нею полученіе «наслѣдства»!... Какому же наслѣднику это не покажется обиднымъ?!... Для тѣхъ же изъ русскихъ опять, которые «наслѣдствомъ Византии» не прельщались и византизмъ, какъ идеаль государственнаго общежитія, ненавидѣли, представленіе о славянствѣ отождествлялось съ представленіемъ о русской византийской партіи и стало, поэтому, синонимомъ косности, безправія и невѣжества. Что-жъ удивительнаго, что послѣ перваго инстинктивнаго увлеченія, вызваннаго повѣствованіями о страданіяхъ славянъ, общество наше очень скоро остыло къ «братьямъ», а затѣмъ, когда византийская партія стала все выше и выше поднимать гдось, равнодушіе превратилось въ отвращеніе и ненависть? Какъ могло быть иначе, когда бѣдные, ничего этого не подозрѣвавшіе славяне, оказывается, грозили у каждаго изъ насъ отнять самыя дорогія, завѣтныя мечты и надежды?... Тутъ по неволѣ должно было сложиться въ обществѣ такое мнѣніе, что, дескать, Христось съ ними, со славянами,—не надо намъ ихъ, не хотимъ мы ихъ знать. И дѣйствительно, такое мнѣніе не только существуетъ, но сдѣлалось всеобщимъ. Кто задастъ себѣ трудъ повнимательнѣе прочесть продолжающіяся разглагольствованія византийцевъ о славянахъ, поглубже вникнуть въ суть, скрывающуюся подъ ихъ фразами о неблагодарности воспитавшейся на Западѣ славянской интеллигенціи и неспособности славянскихъ народныхъ массъ къ уразумѣнію истинныхъ интересовъ своихъ, тотъ весьма явственно увидитъ въ нихъ формулированную сейчасъ мысль, только съ такимъ добавленіемъ: «наслѣдство свое добудемъ и безъ славянъ, а понадобится, такъ и противъ нихъ». Что касается до противниковъ византизма, къ каковымъ противникамъ принадлежитъ вся образованная Россія, за исключеніемъ маленькой группы людей, то среди нихъ та же мысль о ненужности славянства формулировалась въ слѣдующія два мнѣнія: 1) что намъ нѣтъ дѣла до славянъ, надо предоставить ихъ собственной ихъ судьбѣ и разъ навсегда выбросить изъ головы вся-

іи попеченія о нихъ, потому что вся наша, несправедливо называемая славянскою, восточная политика отъ начала и до конца была одною продолжительною колоссальною ошибкой; 2) что хотя восточную политику и не слѣдуетъ можетъ-быть безусловно бросать, но что заниматься ею теперь не время, надо подождать, потому что теперь всѣ силы и все вниманіе требуется посвятить своимъ внутреннимъ дѣламъ, а вопросы внѣшней политики, между прочимъ и славянскій, оставить до времени въ сторонѣ. Читателямъ, конечно, приходилось не разъ встрѣчать эти мнѣнія въ печати, автору же этихъ строкъ случалось выслушивать ихъ, сверхъ того, и изъ устъ двухъ-трехъ крупныхъ и по малой мѣрѣ десятка сравнительно мелкихъ дипломатовъ. Къ послѣднему изъ этихъ мнѣній какъ лица не облеченныя никакими правительственными функціями, просто представители интеллигенціи, такъ и дипломаты присоединяютъ еще слѣдующее добавленіе: въ настоящее время не только государственная власть не должна ничего рѣшительно дѣлать по отношенію къ внѣшней политикѣ, но ни о чемъ до нея касающемся не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ упоминать въ печати,—просто надо замалчивать ее, точно бы ея вовсе у Россіи не было. Эта необходимость мотивируется первыми изъ упомянутыхъ лицъ тѣмъ, что разсужденія печати о внѣшнихъ вопросахъ могутъ имѣть весьма вредное вліяніе на общество, отвлекая его вниманіе отъ вопросовъ внутреннихъ; вторые, т. е. дипломаты, мотивируютъ тѣмъ, будто толки печати могутъ ухудшить наши отношенія къ правительствамъ соѣдиненныхъ великихъ державъ и вызвать какой-нибудь политическій кризисъ.

Сейчасъ мы займемся разборомъ приведенныхъ двухъ основныхъ мнѣній, а теперь позволимъ себѣ маленькое отступленіе по поводу послѣдняго, добавочнаго, и въ особенности комментаріевъ къ нему. Исходя изъ противоположныхъ точекъ зрѣнія и стремясь къ противоположнымъ цѣлямъ, представители интеллигенціи и дипломаты сошлись однако въ выборѣ средства: и тѣ, и другіе рекомендуютъ замалчиваніе фактовъ. При всей своей кажущейся неожиданности, такое совпаденіе въ сущности совершенно естественно. Оно необходимо должно было произойти благодаря господствующимъ у насъ нравамъ, одной изъ характернѣйшихъ чертъ которыхъ является эта странная система замалчиванія. Каждая «особа», управляющая какимъ-либо «ввѣреннымъ ей райономъ», каждая общественная партія, каждый литературный кружокъ непремѣнно что-нибудь да замалчиваютъ. И не то, чтобъ отдѣльный фактъ какой пропускали безъ вниманія, а цѣлую категорію фактовъ игнорируютъ, не говорятъ о нихъ ни слова—да и кончено, точно будто молчаніемъ можно сдѣлать ихъ несуществующими. А факты тѣмъ временемъ зрѣютъ себѣ потихоньку, никѣмъ не замѣченные, и въ одинъ прекрасный день нежданно-негаданно сваливаются на общество, какъ снѣгъ на голову. Тогда начинается обыкновенно суетня, беспорядочное киданіе изъ угла въ уголъ, безъ всякой пользы для дѣла, и взаимные намеки, только увеличивающіе общую без-

толочь. Наша внутренняя жизнь представляет такую массу страшных краснорѣчивыхъ иллюстрацій къ этой грустной системѣ, что пора залось бы, убѣдиться въ ея непригодности. А мы вотъ не убѣждаемъ. И что замѣчательно, всё эту систему осуждаютъ въ другихъ, всё оспораиваютъ за нее другъ друга жесточайшими упреками и всё въ то же мое время примѣняютъ ее на дѣлѣ. Тамъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ толстыхъ журналовъ, издаваемый кружкомъ заслуживающихъ всякаго уваженія людей, талантливыхъ, добросовѣстныхъ и честныхъ тружениковъ на пользу народа,—этотъ журналъ игнорируетъ абсолютно всё вопросы вѣшной политики. Нѣтъ ея для него, не признаетъ онъ ея существованія. Мало того, даже и вопросы внутренней жизни,—но такіе, которые имѣютъ хоть отдаленное отношеніе ко вѣшной политикѣ,—тоже игнорируются и о нихъ никогда не упоминается ни единымъ словомъ. Тотъ будто вѣшняя политика и сопринасающіеся съ нею внутренніе вопросы составляютъ нѣчто лежащее совершенно внѣ круга народныхъ интересовъ, не отражаются прежде всего на благосостояніи народа, не ведутъ его же силами и на его трудовую податную копѣйку... Такое отношеніе еще было бы до извѣстной степени понятно, еслибы замалчиваніемъ можно было и государство понудить къ подобной же безучастности въ дѣлѣ вѣшной политики. Но этого нигдѣ во всемъ мірѣ не бываетъ, а у насъ тѣмъ паче. Слѣдовательно единственный возможный (и у насъ дѣйствительно имѣющій мѣсто) результатъ замалчиванія—тотъ, что, незнакомое или знакомое врывъ и вкось съ этими вопросами, настоящее общественное мнѣніе лишается всякихъ средствъ даже и косвенно вліять на такое или иное направленіе вѣшной политики; а гучка тенденціозныхъ кружковъ, смѣло выдающая себя за «общественное мнѣніе», вліяетъ, и очень сильно вліяетъ, способствуя удержанію вѣшной политики на такомъ пути, гдѣ государство можетъ встрѣтить однѣ потери и никакихъ выгодъ. Ужели допускать подобное положеніе вещей—значитъ заботиться объ интересахъ народа, любить его? — Сомнительно. Это, можетъ-быть, значитъ любить свои политическіе и социальныя принципы, свой отвѣченный идеалъ народнаго блага, но не конкретный народъ, которому всегда приходится своею кровью и своимъ трудовымъ грошомъ расплачиваться за политическія ошибки, не имъ совершенныя.

Объ аргументѣ дипломатовъ, опасającychся, какъ бы именно русскія журнальныя статьи не произвели пертурбаціи во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, говорить не стоитъ. Поэтому, прося извиненія у читателей за длинное отступленіе, возвращаемся къ предмету. Итакъ, первое изъ обращающихся у насъ насчетъ славянскаго вопроса мнѣній, которое мы намѣрены разобрать, состоитъ въ томъ, что «намъ нѣтъ дѣла до славянъ, мы должны отнынь предоставить ихъ судьбѣ, потому что вся наша, несправедливо называемая славянскою, восточная политика отъ начала и до конца была одной колоссальною ошибкой».

Во всемъ этомъ безусловно-вѣрнымъ можно признать только одно, именно, что наша политика несправедливо называется «славянской». Дѣйствительно, она никогда не была таковою. Ее можно назвать какъ угодно: восточной, черноморскою, босфоро-дарданелльской, константинопольскою и, наконецъ, православною, но только не славянской, потому что славянство, славянская идея играли въ ней самую второстепенную роль. Они служили средствомъ для достиженія цѣли, а не сами составляли цѣль. Въ этомъ отсутствіи *славянской* національно-племенной идеи заключается принципиальная ошибочность нашей политики, въ этомъ — главная причина ея относительной непригодности для интересовъ Россіи и тутъ же роется корень той неблагодарности къ намъ освобожденныхъ нами народовъ, которая составляетъ предметъ вѣчныхъ, назойливо-неумолкаемыхъ жалобъ. Но допустимъ на минуту, что наша политика — не потому только, что къ ней отсутствовала славянская идея, а вообще сама по себѣ — была дѣйствительно одной большою ошибкой. Такъ все же этимъ не доказано еще, чтобъ ее можно было бросить теперь совсѣмъ. Въ теоріи оно легко кажется. Въ самомъ дѣлѣ, если вовлекся, по неосторожности, въ невыгодную спекуляцію, то чѣмъ скорѣе развяжешься съ нею, тѣмъ лучше, — по крайней мѣрѣ, не запутаешься въ конецъ. Но на практикѣ это оказывается очень трудно. Всякій, опытный въ коммерческихъ дѣлахъ, человекъ скажетъ, что часто бываетъ несравненно выгоднѣе продолжать нѣкоторое время въ убытокъ, чѣмъ сразу прекращать такое предпріятіе, въ которое вложены большіе капиталы и внезапное прекращеніе котораго, бросаясь каждому въ глаза, немедленно отражается на всѣхъ прочихъ дѣлахъ, влечетъ за собой полное крушеніе кредита, а съ нимъ вмѣстѣ и всякой возможности выпутаться съ вѣстью изъ затрудненія. Тѣмъ менѣе возможны подобные крутые повороты въ политикѣ, гдѣ они могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія не только по отношенію къ положенію государства среди другихъ державъ, къ такъ называемому могуществу, — это бы еще съ полгоря, — но и по отношенію ко всему кругу нравственныхъ и экономическихъ интересовъ народа. Политическія ошибки тѣмъ и страшны, что, разъ совершенныя, онѣ потомъ тяготеютъ надъ цѣлыми поколѣніями. Что же сказать о такой ошибкѣ, которая длилась нѣсколько вѣковъ? Уже одни эти вѣка народной жизни, потраченныя на ошибку громадныя жертвы, матеріальныя и нравственныя, принесенныя ради нея народомъ, отнимаютъ у нея характеръ ошибки и дѣлаютъ продолженіе ея нѣкоторымъ образомъ обязательнымъ. Во всѣхъ литературахъ, между прочимъ и въ нашей, есть произведенія, въ которыхъ авторы изображаютъ разныхъ государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей встрѣтившимися на томъ свѣтѣ и задающими другъ другу вопросы о томъ, что каждый изъ нихъ дѣлалъ на землѣ. Представимъ себѣ подобную же фантасію. Вообразимъ, что наше поколѣніе встрѣчается на томъ свѣтѣ съ цѣлымъ рядомъ своихъ предковъ и потомковъ. Что отвѣтили бы мы, еслибы первые, то-есть предки, спросили

насъ: «Какое вы имѣете право рѣшать, что вся наша вѣковая дѣятельность была не чѣмъ инымъ какъ колоссальной ошибкой, и, постановив такое произвольное рѣшеніе, сразу обратить въ ничто всѣ тѣ неисчислимыя жертвы, которыя стояли намъ такихъ трудовъ и лишеній?»—Что привели бы мы въ свое оправданіе, еслибы потомки въ свою очередь задали намъ вопросъ: «По какому праву вы лишили насъ тѣхъ выгодъ, которыя могла бы принести намъ политика вашихъ отцовъ, еслибы вы, исправив то, что было въ ней ошибочнаго, съуждали дать ей правильное направленіе и повести ее далѣе, какъ слѣдуетъ?»—Мы могли бы только молча признавая себя кругомъ виноватыми. Это, конечно, только фикція, и она не такъ абсолютно фантастична, какъ кажется, потому что если и добные разговоры невозможны, то все же существуетъ высшій судебный трибуналъ, передъ которымъ приходится давать отчетъ каждому поколѣнію, какъ и каждому государственному человѣку, въ данное время управляющимъ судьбами народа. Этотъ трибуналъ—исторія, о которой великій нѣмецкій поэтъ сказалъ: «Die Weltgeschichte ist die Weltgericht». И, конечно, этотъ неподкупный, нелицеприятный судъ произнесъ бы надъ нами строгій приговоръ, еслибы мы вздумали теперь бросить вѣковое дѣло нашихъ предковъ, даже не попытавшись довести его до конца. Не бросая восточную политику, но, уяснивъ себѣ хорошенько ошибки прошлаго, исправивъ ихъ и поставивъ всю политику на вѣрную дорогу—вотъ въ чемъ состоитъ наша обязанность. Это мы не только должны сдѣлать, но и имѣемъ права не сдѣлать—какъ изъ уваженія къ прошлому и ради интересовъ будущности нашего собственнаго народа, такъ и ради славянъ, которыхъ мы произвольно втянули въ сферу своей политики. Кто знаетъ, какъ сложилась бы ихъ судьба, еслибы мы не дѣлали ихъ орудіями своихъ политическихъ цѣлей. Можетъ-быть ихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, и совсѣмъ не было бы теперь на свѣтѣ; но также возможно и то, что они постепенно освободились бы отъ окружавшихъ ихъ неблагоприятныхъ условій и жизнь ихъ развилась бы правильно и хорошо. Между тѣмъ теперь, именно благодаря нашей политикѣ, они поставлены въ буквальный смыслъ между жизнью и смертію, и притомъ, — увы!—къ смерти ближе, чѣмъ къ жизни. Это относится и къ славянамъ южнымъ, или балканскимъ, которымъ въ настоящее время грозитъ опасность безъ всякаго сравненія сильнѣйшая, чѣмъ было турецкое владычество; но въ особенности—къ славянамъ западнымъ, изъ которыхъ двумъ, самымъ многочисленнымъ и самымъ культурно-развитымъ, племенамъ нѣтъ абсолютно никакой возможности спастись, если мы не защитимъ ихъ. Есть между нами люди, утверждающіе, что еслибы не мы, не Россія, то большая часть славянъ ужъ давно погибла бы и въ настоящую минуту отъ нихъ не осталось бы и слѣда. Можетъ-быть и такъ; скажемъ больше: это въ значительной степени справедливо. Но въ какой же мѣрѣ фактъ этотъ обуславливаетъ за нами право бросить ихъ теперь

на произволъ судьбы? Скорѣе, наоборотъ, оно налагаетъ на насъ нравственный долгъ продолжать дѣло спасенія и довести его до конца. Не надо забывать, при какихъ условіяхъ производилось нами спасеніе и при какихъ будетъ совершаться готовящаяся окончательная гибель. Въ то время, когда мы, преслѣдуя свои собственные цѣли, такъ-сказать невольно и совершенно безсознательно являлись спасителями, идеи національности еще не существовало. Она, пожалуй, жила и прежде въ каждомъ народѣ, но лишь въ зачаточномъ состояніи, въ качествѣ *инстинкта*, а не въ качествѣ ясно сознанный, точно формулированной и глубоко прочувствованной всѣми *идеи*. Народы сравнительно легко мирились съ чужимъ владычествомъ, если оно не сопровождалось насиліями и религіознымъ гнетомъ, и еще легче принимали чужую культуру. Главный оплотъ національности, ея палладиумъ—языкъ народный, за сохраненіе котораго каждый народъ готовъ теперь сложить свою голову, прежде не игралъ никакой роли. Побѣжденные преспокойно выучивались языку побѣдителей и считали это совершенно въ порядкѣ вещей. Еслибы въ то время пришлось погибать славянамъ, они можетъ-быть и исчезли бы съ лица земли, но постепенно, тихо и незамѣтно, а главное—относительно говоря—безъ страданій, потому что степень страданія обуславливается степенью сознанія, которое присуще страдающему. Кто никогда не имѣлъ случая вкусить такихъ или иныхъ благъ и даже не подозрѣваетъ существованія ихъ, тотъ естественно не можетъ испытывать и лишеній, сопряженныхъ съ отсутствіемъ этихъ благъ. Но въ наше время дѣла стоятъ совсѣмъ иначе. Наполеоновскія войны, грозившія подчинить весь цивилизованный, а отчасти и нецивилизованный міръ исключительному владычеству французовъ, вызвали соответствующую реакцію повсюду. Дремавшій *инстинктъ* національности пробудился съ необыкновенною силой и превратился въ глубокое, напряженное *чувство*. А такъ какъ чувство это вполне естественное, опирающееся на все физическое и моральное существо народовъ, то, разъ пробудившись, оно ужъ и не могло заснуть вновь. Напротивъ, развиваясь и укрѣпляясь не по днямъ, а по часамъ, оно вдохнуло новую жизнь въ такіе народные организмы, которые, казалось, уже умерли, или умирали, и само подверглось новому превращенію въ нѣчто еще высшее: чувство стало скоро *идеей*, явилось *сознаніе* не только національной особыности, но и *права* каждой отдѣльной народности сохранить свою самобытность въ полномъ объемѣ, во всѣхъ мельчайшихъ ея проявленіяхъ. Какъ все живое, идея эта росла непрерывно. Наука, литература, искусство служили ей и разрабатывали ее наперерывъ другъ передъ другомъ, такъ что въ настоящую минуту нѣтъ уголка въ Европѣ, гдѣ національное самосознаніе не било бы могучимъ ключомъ,—нѣтъ человѣка, который не чувствовалъ бы его глубоко, горячо. Вотъ при какихъ условіяхъ приходится славянскимъ племенамъ вступать въ рѣшительную борьбу за существованіе съ народами, далеко превосходящими ихъ какъ числен-

ностию, такъ и культурнымъ и государственнымъ развитіемъ. Однимъ, безъ посторонней—т. е., въ данномъ случаѣ, безъ нашей—помощи эта борьба имъ непосильна. Они заранее, роковымъ образомъ, обречены на гибель, а между тѣмъ не вести ее они, при существующихъ условіяхъ, не въ состояніи, еслибъ и хотѣли. Разъ возникло въ немъ національное самосознаніе, ни одинъ народъ, какъ бы малъ и слабъ онъ ни былъ, не можетъ ни умереть постепенно, незамѣтно для самого себя, ни, тѣмъ менѣе, добровольно наложить на себя руки, какъ дѣлаютъ это отдѣльные люди, которымъ жизнь стала не мила. Они должны по-неволѣ и будутъ бороться до послѣдняго издыханія,—боротся со всею силой отчаянія, тѣмъ упорнѣй и страстнѣй, чѣмъ меньше надежды на спасеніе. Это будетъ не борьба, а тяжелый крестный путь, въ которомъ и весь народъ въ дѣломъ, и каждая отдѣльная личность въ немъ будутъ одинаково испытывать страданія смерти понемногу, по частямъ. Какое мы имѣемъ право обрекать нашихъ братьевъ на подобное страдальческое мученичество? Не падутъ ли на нашу голову ихъ слезы и ихъ кровь? И послужитъ ли намъ при этомъ утѣшеніемъ сознаніе, что они исключительно намъ обязаны тѣмъ, что не умерли раньше, а прозябали кое-какъ до сихъ поръ, когда все это прозябаніе приноситъ въ концѣ концовъ одинъ лишь мученическій вѣнецъ? Скажутъ: это—сентиментальничанье, идеализмъ, а въ политикѣ нѣтъ мѣста ни чувствамъ, ни идеализму; ея единственная здоровая основа—интересы,—ихъ она должна преслѣдовать, ими руководствоваться. Безспорно, государственная политика, заслуживающая этого названія, обязана прежде всего имѣть въ виду интересы собственнаго народа. Подвергать народъ лишеніямъ и жертвамъ, заставляя его вести кровопролитныя и дорого стоющія войны единственно ради «поддержанія принциповъ», или по капризу руководящихъ государственныхъ людей, изъ-за ихъ личной дружбы или вражды, или, наконецъ, хотя бы и для защиты праваго дѣла, но такого, которое не имѣетъ ничего общаго съ насущными интересами народа, не только неразумно, а просто преступно. Но, во-первыхъ, подобная политика отнюдь не можетъ быть названа политикой чувствъ и идеализма, а скорѣе политикой правды; во-вторыхъ, идеализмъ въ политикѣ не всегда стоитъ въ противорѣчьи съ интересами народа и государства. Бываетъ, и весьма нерѣдко, что то и другое вполне совпадаетъ. Такъ это именно и есть въ дѣлѣ нашихъ отношеній къ славянамъ. Мы не потому только обязаны,—хотя бы даже цѣною большихъ жертвъ,—оказать защиту и помощь славянамъ, что чувство справедливости и народной чести не позволяетъ намъ бросить на произволъ судьбы тѣхъ, кто долгое время служилъ намъ орудіемъ и кого мы же сами, главнымъ образомъ, и поставили въ опасное, критическое положеніе,—но еще и потому, что такой противорѣчащій правосознанію поступокъ прежде всего гибельнымъ образомъ отозвался бы на нашихъ собственныхъ интересахъ, и притомъ не временныхъ, не частичныхъ только, а на постоянныхъ, жизненныхъ

интересахъ русскаго народа и русскаго государства. Кто-то сказалъ, что «Россія полезна славянамъ уже тѣмъ, что она существуетъ». Эта мысль вѣрная, но она не досказана. Чтобы выразить ее всю въ полномъ объемѣ, къ ней надо прибавить еще слѣдующія слова: «славяне тоже полезны Россіи и уже оказали ей неисчислимыя услуги однимъ тѣмъ, что они существуютъ». Можетъ-быть многимъ покажется это оскорбительнымъ для нашего національнаго самолюбія, но тѣмъ не менѣе это фактъ, что Россія никогда не достигла бы той степени государственнаго могущества, никогда не заняла бы въ Европѣ того положенія, какое она занимаетъ, еслибы за нею не стоялъ призракъ объединенія славянства,—объединенія, о которомъ у насъ, до послѣдняго столѣтія (вѣрнѣе было бы сказать до второй половины его), никто и не помышлялъ, но который болѣе насъ образованной и умственно развитой Европѣ грезится съ незапамятныхъ временъ. Европа сама же первая, въ лицѣ австрійскаго императора Рудольфа и римскаго папы Климента VIII, и указала намъ на *славянскую* политику, когда въ концѣ XVI столѣтія (1592—1595 года) старалась втянуть насъ въ общую борьбу съ турками. Послы упомянутыхъ государей (австрійскій Варочъ и римскій священникъ Камудей), являшіеся съ этою цѣлью въ Москву, соблазнили царя, выставляя ему на видъ, что Византія есть наслѣдственное достояніе государей московскихъ уже потому, что «народы, угнетаемые невѣрными варварами, родственны русскому племени не только по вѣрѣ, но и по племени и по языку (какъ видитъ читатель, и злополучная мысль о «византійскомъ наслѣдствѣ» принесена къ намъ изъ Европы, а не самостоятельно зародилась на нашей почвѣ). Съ тѣхъ поръ и до нашихъ дней идея панславизма, можно сказать, никогда вполне не покидала европейскихъ государственныхъ людей и натурально сильно увеличивала въ ихъ глазахъ обаяніе Россіи. Нужно замѣтить, что въ одномъ отношеніи мы давно уже сдѣлались фактически наслѣдниками Византіи и затѣмъ «большаго челоуѣка», т. е. Турціи. Отъ послѣдней мы получили незавидное преимущество служить предметомъ ужаса и отвращенія для всѣхъ европейскихъ народовъ. Какъ прежде народы эти страшились, что предводительствуемые турками полчища варваровъ зальютъ всю Европу и уничтожатъ въ ней всякій признакъ культуры и цивилизаци, такъ теперь эти самыя опасенія перенесены на насъ. Представленіе въ высшей степени и слѣпое, и несправедливое, конечно; но оно до такой степени укоренилось въ убѣжденіи всѣхъ европейскихъ обществъ, что даже самыя сильныя и свѣтлыя умы среди нихъ не въ состояніи говорить о возможномъ торжествѣ восточной политики Россіи иначе, какъ съ содроганіемъ, какъ о чемъ-то такомъ, что грозитъ непремѣнно гибелью всему цивилизованному міру. Какъ и почему сложилось такое убѣжденіе, здѣсь не мѣсто разсуждать; но оно существуетъ весьма давно и раздѣляется почти всѣми европейскими государственными людьми, —раздѣлялось, между прочимъ, и тѣми изъ нихъ,

которые наиболѣе пользовались нашими услугами. Имѣя это въ виду, можно съ увѣренностію сказать, что не будь на свѣтѣ славянства, которое бессознательно для себя и для насъ самихъ служило намъ опорой и пьедесталомъ, мы гораздо чаще встрѣчались бы въ своей политикѣ съ veto Европы, и veto это было бы энергичнѣй и дѣятельнѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Славянамъ фикція панславизма принесла мало существенной пользы, а пожалуй, при желаніи, можно не безъ логичности доказать (что многіе изъ славянъ и дѣлаютъ), что она во многихъ отношеніяхъ послужила къ ихъ вреду, такъ какъ безспорно, что отчасти изъ-за нея славяне подвергались усиленному давленію въ Австріи, а на Балканскомъ полуостровѣ Европа старалась удерживать ихъ въ рабствѣ. Но намъ она сослужила весьма реальную службу, увеличивая наше обаяніе и страхъ передъ нами, а вмѣстѣ съ ними и осторожность, и уступчивость нашихъ враговъ. Всего упорнѣе стояла идея славянскаго объединенія передъ умственнымъ взоромъ нѣмцевъ, государственныхъ людей и ученыхъ, которые разработали ее за насъ до мельчайшихъ подробностей. Изъ нихъ первые старались, посредствомъ всевозможныхъ ловкихъ маневровъ и закулисныхъ воздѣйствій, заставить насъ направить свою политику относительно славянъ на ложный путь (что, замѣтимъ мимоходомъ, къ сожалѣнію, почти всегда удавалось имъ). Вторые же изошрялись, путемъ разнообразнѣйшихъ, чисто-научныхъ теорій, изобрѣсти какой-нибудь противовѣсъ для славянской идеи, въ ея примѣненіи къ намъ. Такихъ противовѣсовъ они нашли нѣсколько, и надо сознаться — весьма важныхъ, но всѣ они страдаютъ тѣмъ основнымъ недостаткомъ, что отъ нашей воли зависитъ устранить ихъ во всякое время. Однако, нѣмцы не даромъ же называютъ себя націей мыслителей и вторыми, послѣ грековъ, отцами философіи. Напрягнувши нѣсколько своихъ мыслительныхъ способности, они необходимо должны были сдѣлать такое нужное имъ открытіе и, дѣйствительно, сдѣлали его. Заключается оно въ новой исторической миссіи, которую они для насъ сочинили. По ихъ новѣйшей историко-политической теоріи оказывается, что центръ тяжести русской политики долженъ находиться совсѣмъ не въ Европѣ, а въ Азій, такъ какъ историческая миссія Россіи состоитъ, будто бы, въ перенесеніи европейской цивилизаціи въ среду азіатскихъ народовъ. Въ Азій мы можемъ идти хоть до Индійскаго и до Тихаго океановъ, даже, пожалуй, должны сдѣлать это, потому что преобладающее господство Англіи на морѣ, — господство, въ значительной степени опирающееся на Индію, — становится неудобно для нѣмцевъ, изъ чего ясно слѣдуетъ, что въ нашу азіатскую миссію входитъ и обязанность «освободить» Индію. Но въ Европѣ мы не имѣемъ права подвинуться впередъ, а должны, напротивъ, отступать все дальше и дальше, ибо тутъ намъ дѣлать нечего. Таковъ современный нѣмецкій постуметь относительно насъ, — постуметь, который настойчиво проповѣдуется въ наукѣ и въ публицистикѣ и такъ же настойчиво,

кота съ меньшей откровенностью, проглядываетъ въ практической политикѣ нѣмецкихъ дипломатовъ.

Историческія миссіи не сочиняются произвольно не только посторонними людьми, но даже и самими тѣми народами, которые призваны исполнять ихъ. Но, однако, ихъ, т.-е. эти миссіи, и роковыми назвать тоже нельзя. Какъ въ жизни отдѣльныхъ людей случается, что у человѣка, взявшагося выполнить какое-нибудь порученіе и не сумѣвшаго сдѣлать этого, отнимаютъ это порученіе и сопряженныя съ нимъ выгоды и передаютъ ихъ другому, такъ точно можетъ это произойти и съ цѣлымъ народомъ. Народъ, оказавшійся не на высотѣ возложенной на него исторіей задачи, можетъ въ концѣ концовъ быть вынужденнымъ уступить ее другимъ, болѣе его способнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и потерять безвозвратно какъ всѣ выгоды въ будущемъ, такъ и всѣ жертвы, которыя онъ принесъ въ прошломъ ради оказавшейся ему непосильною миссіи. Что наша политика въ Европѣ всецѣло основана на славянахъ и, при существующемъ положеніи, никакой иной основы имѣть не можетъ, этого не стану отрицать даже и тѣ, кто имѣетъ обыкновеніе часто поднимать на смѣхъ самое это выраженіе—историческая миссія. Слова тутъ ничего не значатъ. Будетъ ли это называться историческою миссіей или культурною задачей, или практическою политикою—политикою матеріальныхъ интересовъ, а все же фактъ—тотъ, что мы въ дальнѣйшемъ своемъ государственномъ и народномъ развитіи на европейской почвѣ не можемъ обойтись безъ славянъ. Съ ними встрѣчаемся мы теперь на европейскомъ востокѣ и они же на западѣ нашего собственного государства служатъ намъ дверью въ Европу. Допусти мы теперь обстоятельства сложиться такъ, чтобы южные славяне сами пожелали раз навсегда и какъ можно надежнѣе отдѣлиться отъ насъ (а они могутъ этого пожелать, хотя такое отрѣшеніе и оказалось бы впослѣдствіи крайне невыгодно имъ самимъ), а въ то же время славяне западные, предоставленные нами на съѣденіе врагамъ, погибли бы въ непосильной борьбѣ съ этимъ врагомъ,—намъ въ самомъ дѣлѣ придется волей-неволей ограничиться изобрѣтенной для насъ нѣмцами азіатскою миссіей. Съ одной стороны новыя государственныя формаціи, сложившіяся помимо нашего участія и подъ влияніемъ условий, которыя мы признаемъ чуждыми, преграждаютъ намъ путь впередъ; съ другой стороны та дверь, которая теперь служить намъ выходомъ, но въ то же время и защитой,—эта дверь, будучи уничтоженной, превратится въ открытую брешь, черезъ которую враждебные элементы будутъ безпрепятственно проникать уже прямо въ нашъ собственный домъ. Все это вмѣстѣ станетъ вначалѣ можетъ-быть медленно и даже почти незамѣтно, но неукоснительно, отодвигать насъ все дальше и дальше по направленію къ Азіи, куда мы и пойдемъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше будутъ исчезать славяне (главное—западные) отъ нападокъ болѣе сильныхъ расъ. Конечно, цивилизованіе Азіи есть тоже

возвышенная и благородная, достойная великаго народа, историческая миссія и если мы сами готовы признать, что она составляет нашу единственную культурно-политическую задачу, тогда никакого спора быть не можетъ. Тѣ изъ насъ, которые утверждаютъ, что мы должны бросить славянскую политику, будутъ вполнѣ и совершенно правы. Но если мы этого не признаемъ, если мы желаемъ остаться европейскимъ народомъ и сохранить свое мѣсто въ Европѣ, мы не ради ихъ только, а ради самихъ себя, въ виду собственныхъ интересовъ, не должны и не имѣемъ права забывать славянъ даже на время. Мы обязаны всѣми силами и средствами поддерживать и защищать каждое изъ славянскихъ племенъ и прежде всего ближайшія къ намъ, потому что они, эти ближайшія племена, по меньшей мѣрѣ такъ же нужны намъ, какъ и мы имъ. Безъ нихъ мы утрачиваемъ и матеріальное прикрытіе отъ враждебныхъ элементовъ, съ которыми становимся непосредственно лицомъ къ лицу, и моральную связь съ остальнымъ, т.-е. съ южнымъ, славянскимъ міромъ, которому ужъ одно естественное чувство самосохраненія не позволить вступить въ тѣсное единеніе съ народомъ-братоубійцей, въ какой бы формѣ это единеніе ни предполагалось. Съ исчезновеніемъ же идеи объединенія славянства изъ сферы политическихъ вѣроятностей для насъ, русскихъ, не останется болѣе ни мѣста, ни дѣла въ Европѣ. Ниже обо всемъ этомъ придется говорить подробнѣе и, надѣмся, читатель согласится тогда, что сообщеніе чисто-славянскаго, *всеславянскаго* характера политикѣ нашей необходимо въ интересахъ самой Россіи. Теперь же посмотримъ на второе изъ занимающихъ насъ въ настоящую минуту мнѣній.

Мнѣніе это, къ которому присоединяются и многіе изъ дипломатовъ, гласитъ, что «хотя восточную или славянскую политику и не слѣдуетъ бросать, но что заниматься ею теперь не время, надо подождать, ибо теперь всѣ силы, все вниманіе требуется посвятить дѣламъ своимъ, внутреннимъ». Прежде всего замѣтимъ, что тутъ ясно проглядываетъ вліяніе того недоразумѣнія, о которомъ было говорено въ началѣ,—недоразумѣнія, происходящаго отъ незнанія нами славянъ. Въ былое время, когда непосредственнымъ объектомъ нашей восточной политики была борьба съ Турціей, она дѣйствительно входила въ область исключительно внѣшнихъ дѣлъ, вліяя на внутреннія и находясь въ причинной зависимости отъ нихъ лишь настолько, насколько это происходитъ и вездѣ, въ другихъ государствахъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ кругъ этой политики вошли славяне уже не въ качествѣ пассивныхъ субъектовъ только, а въ качествѣ активныхъ факторовъ, наши внѣшнія дѣла стали не только неотдѣлимыми отъ внутреннихъ, но слились съ ними въ одно органическое цѣлое. Кто мало-мальски знакомъ съ современными славянами и ихъ стремленіями и у кого мыслительныя способности не отуманены предвзятыми идеями, тотъ, конечно, не рѣшится отрицать вѣрности этого положенія. Основанная на славянахъ, наша внѣшняя политика зависитъ теперь всецѣло отъ того, ка-

кое направленіе приметъ и какъ сложится внутренняя. Останется у насъ дома все по-старому—и результаты внѣшней политики останутся старыми же, т. е. мы по-прежнему поведемъ ее *pour nos amis*. Измѣнятся внутреннія отношенія — и тогда внѣшній успѣхъ навѣрное сбезпеченъ. Такимъ образомъ славянскія дѣла намъ дважды свои. Посвящая все свое вниманіе внутреннимъ вопросамъ, мы менѣе чѣмъ когда-либо должны упускать изъ вида славянскіе, потому что «славяне полезны намъ уже тѣмъ, что они существуютъ». И въ дѣлѣ внутреннихъ отношеній они призваны можетъ-быть исторіей сослужить намъ ту же бессознательную, но великую службу, какую уже сослужили въ дѣлѣ отношеній внѣшнихъ. Благодаря имъ отчасти, мы выросли и окрѣпли физически; благодаря имъ же, можемъ вырасти и нравственно, если съумѣемъ именно теперь вѣрно понять ихъ и свои жизненные интересы.

Но допустимъ затѣмъ, что этой, существующей на дѣлѣ, органической цѣлости нашей внѣшней политики со внутренней нѣтъ. Допустимъ, что это два совершенно различные предмета. Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы можемъ заняться исключительно однимъ изъ нихъ, а о другомъ безусловно позабыть на время? Возможно ли вообще что-нибудь подобное на практикѣ?—Намъ кажется это болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Что такое внѣшняя политика?—Это совокупность такихъ дѣйствій, которыя имѣютъ задачей преслѣдованіе жизненныхъ цѣлей и охраненіе интересовъ государства внѣ его предѣловъ и посредствомъ которыхъ государство старается, путемъ мирныхъ договоровъ, или путемъ войны,—смотря по обстоятельствамъ,—регулировать, сообразно своимъ интересамъ, отношенія свои къ другимъ государствамъ. Совмѣстное и одновременное существованіе многихъ государствъ, интересы которыхъ различны, а иногда и прямо противоположны, дѣлаетъ внѣшнюю политику каждаго изъ нихъ лишь относительно зависимою отъ ихъ единичной воли. Правда, каждое государство можетъ дать такое или иное направленіе, сообщить такой или иной характеръ своей внѣшней политикѣ; но заранѣе постановить, что вотъ тогда-то оно своими внѣшними дѣлами будетъ заниматься, а въ теченіе такого-то времени совсѣмъ устранился отъ нихъ, ни одно государство не можетъ, ибо это опредѣляется, главнымъ образомъ, развитіемъ событій и дѣйствіями другихъ государствъ. Если внѣшняя политика сосѣдей принимаетъ такое направленіе, которое угрожаетъ жизненнымъ цѣлямъ и интересамъ какого-либо государства, можетъ ли оно оставаться равнодушнымъ зрителемъ этого?—Очевидно, нѣтъ. Разъ государство не отдѣлено китайскою стѣной отъ всего Божьяго міра, разъ его интересы сталкиваются съ интересами другихъ,—а таково положеніе всѣхъ европейскихъ государствъ, слѣдов. и Россіи,—оно, при всемъ своемъ желаніи пребывать нѣкоторое время замкнутымъ въ самомъ себѣ, вынуждено будетъ вмѣшаться во внѣшнія дѣла,—событія вовлекутъ его, помимо его воли. Слѣдовательно, имѣя въ виду эти условія, можно ли вообще говорить о «подожданіи» въ дѣлахъ внѣшней по-

литики?... Развѣ историческія событія ждуть? Развѣ кто бы то ни было, даже самый могущественный народъ въ мірѣ, можетъ повелѣть исторіи, какъ въ древности Иисусъ Навинъ солнцу: «Стой, не шевелись! Жди, покуда я изготовлюсь слѣдовать за тобой»? Жизнь развивается и исторія идетъ впередъ безъостановочно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на запоздавшихъ. Она иногда проходитъ мимо ихъ, если они стоятъ въ сторонѣ отъ ея пути, иногда безжалостно раздавливаетъ ихъ въ своемъ могучемъ шествіи, если они становятся ей препятствіемъ поперегъ дороги; но никогда, ни для кого она не замедляетъ своего хода. Частичныя замедленія поступательнаго движенія происходятъ часто въ различныхъ государствахъ (изъ нихъ-то и образовывается контингентъ запоздавшихъ) и такія замедленія причиняютъ обыкновенно тяжелыя потери и горькія страданія; но общій ходъ исторіи отъ этого все-таки не прекращается ни на минуту. Даже еслибы весь Божій міръ, или по крайней мѣрѣ вся Европа, былъ населенъ исключительно одними славянскими племенами и мы, самое могущественное изъ этихъ племенъ, сказали бы остальнымъ: «погодите, братцы, не приставайте! Посидите смирно покуда мы вотъ съ своими внутренними дѣлами управимся, тогда и вами займемся»,—даже и въ такомъ случаѣ сомнительно, чтобы славяне послушались насъ, потому что не въ ихъ власти приостановить теченіе жизни, хотя бы и своей собственной. Но при существующихъ условіяхъ, когда и славяне, и мы окружены множествомъ чуждыхъ народовъ и сильныхъ государствъ, которыхъ прямой интересъ въ томъ, чтобы не ждать насъ, а напротивъ эксплуатировать въ свою пользу невыгоды нашего положенія,—при такихъ условіяхъ говорить о «подожданіи» по малой мѣрѣ странно. Въ политикѣ ждать, когда другіе дѣйствуютъ, значитъ уступать свое мѣсто этимъ другимъ. Иное дѣло—насильственно ускорять ходъ событий, вызывать такія, которыя еще не назрѣли, а иногда и вовсе никогда назрѣть не могутъ, затѣвать борьбу, въ которой нѣтъ никакой надобности, напримѣръ—вести войну съ исключительно завоевательными цѣлями, когда насущные интересы народа требуютъ мира и т. п.,—такія дѣйствія вовсе не представляютъ здоровой государственной политики, а прямо относятся къ области фантазій и произвола, которые никогда не приводятъ къ добру, хотя и именуется часто геніальными. Сохрани насъ Богъ отъ подобной политики *rag force*, и притомъ не теперь только, а всегда. Но совершенно къ той же области произвола относится и не меньшій вредъ приноситъ и полное бездѣйствіе, когда оно проявляется въ такіе историческіе моменты, когда именно жизненные народные интересы предписываютъ дѣятельность. Одинъ изъ такихъ моментовъ переживаемъ и мы теперь. И намъ было бы тѣмъ непростительнѣе вполнѣ безучастно смотрѣть на все совершающееся внѣ нашихъ предѣловъ, что отъ насъ вовсе не требуется, въ сущности, усиленной внѣшней дѣятельности, каковою является война. Въ настоящую минуту восточный вопросъ не на-

ходится еще въ состояніи остраго кризиса, слѣдовательно нѣкоторое «пожданіе» предписывается самими событіями. Но ждать рѣшительной минуты и игнорировать ее—двѣ вещи разныя. Мы не одни заинтересованы въ восточныхъ дѣлахъ, и все ждутъ, никто не спѣшитъ вызвать кризисъ, однако никто и не бездѣйствуетъ вполне, хотя у всехъ внутреннихъ дѣлъ не меньше нашего. Каждое изъ заинтересованныхъ государствъ энергически занимается тѣмъ, въ чемъ собственно только и можетъ заключаться теперешняя дѣятельность,—подготовленіемъ почвы для будущихъ дѣйствій. Если мы одни не послѣдуемъ этому общему благому примѣру, то мы добьемся и можемъ добиться лишь одного, именно: когда мы рѣшимся, наконецъ, или будемъ вынуждены выйти изъ своего созерцательнаго отношенія къ внѣшнимъ дѣламъ, они окажутся настолько предрѣшенными подготовительною работою другихъ, что никакое самое энергическое дѣйствіе съ нашей стороны не въ состояніи будетъ ничего измѣнить. Имѣя въ виду все наше историческое прошлое, можно съ полною достовѣрностію предсказать, что мы ни за что не примиримся съ свершившимися фактами, а пожелаемъ ихъ во что бы то ни стало перевернуть по-своему. И такимъ образомъ ближайшимъ послѣдствіемъ несвоевременнаго воздержанія будетъ то, что мы втянемся въ новую «вѣковую борьбу съ новымъ исконнымъ врагомъ» и будемъ приносить новыя жертвы, дѣлать новыя напряженныя усилія изъ-за тѣхъ же самыхъ цѣлей, которыя и безъ того уже такъ дорого стоили намъ. Желательно ли это?—Думаемъ, на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Разумѣется, это не желательно. Для того же, чтобъ избѣжать этого, есть только одно средство—поступить такъ, какъ совѣтуетъ неизвѣстный авторъ, у котораго мы заимствовали свой эпитафій: вмѣсто того, чтобъ отрицать событія, лучше приготовиться къ нимъ.

Да, намъ необходимо приготовиться къ событіямъ и взяться за это дѣло какъ можно скорѣе, потому что приготовленія требуются сложныя, а времени у насъ мало. Но что значить въ данномъ случаѣ «приготовиться»? Достаточно ли одной боевой готовности войскъ и матеріальной готовности финансовъ, чтобы сказать: «мы готовы»?—Въ этомъ позволительно усомниться. Болѣе того—слѣдуетъ сказать положительно: нѣтъ, недостаточно. *Такая* готовность (которую можно назвать физической) у насъ и прежде, случалось, бывала, да только толку отъ этого не выходило никакого, или очень мало. Мы дрались, жертвовали сотнями тысячъ жизней и сотнями милліоновъ рублей, а въ концѣ всего этого оказывалось, что плодами нашихъ жертвъ воспользовались другіе, и притомъ не близкіе намъ другіе, отъ которыхъ рано или поздно все-таки можно бы ждать вознагражденія, а совсѣмъ посторонніе и даже враги. Большая часть русскихъ писателей (извѣстной школы), въ общемъ или по частямъ разбирающіе исторію нашей восточной политики, объясняютъ этотъ ея—скажемъ, странный—результатъ съ одной стороны

«коварствомъ» и «злокозненностію» нашихъ враговъ (къ которымъ они причисляютъ обыкновенно чуть не все человѣчество), а съ другой—нашими собственными «добродушіемъ», «довѣрчивостію», «честностію», «безкорыстіемъ» и т. п. свойственными намъ прекрасными качествами. Объясненіе очень удобное и ловко придуманное, только, къ сожалѣнію, весьма малодостовѣрное. Во-первыхъ, «добродушіе», «довѣрчивость» и т. п., постоянно повторяемая въ государственной политикѣ, несмотря на то, что они приносятъ очевидный и существенный вредъ и собственному народу, и всѣмъ тѣмъ, кому государство думаетъ покровительствовать, называются обыкновенно совсѣмъ иными именами,—такими, которыми великому народу менѣе всего приличествуетъ гордиться. Во-вторыхъ, даже при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ событіями легко убѣдиться, что мы всѣ эти превосходныя качества проявляли чисто по неволѣ, и именно потому, что никогда не были, какъ слѣдуетъ, готовы къ дѣлу, за которое взялись. Физическая готовность, какъ сказано, иногда имѣла мѣсто, но моральная — абсолютно никогда. Не было же ея потому, что мы всегда «отрицали событія», то-есть представляли себѣ положеніе не такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности, а какимъ мы желали бы его видѣть. Воображая себя необыкновенно сильными и удивительно ловкими, мы игнорировали всѣхъ и все, не хотѣли знать ни духа времени (который у насъ всегда былъ на дурномъ счету), ни характеръ людей; симпатіи и антипатіи свои дарили по вдохновенію минуты; выбирали друзей, ни малѣйшимъ образомъ не справляясь, *могутъ* ли они искренно помогать намъ, есть ли между ихъ и нашими интересами что-нибудь общее, или, напротивъ, ихъ жизненные интересы стоятъ въ такомъ радикальномъ противорѣчій съ нашими, что мнимые друзья роковымъ образомъ *должны* въ концѣ концовъ надуть насъ. Словомъ, мы дѣйствовали всегда такъ, точно будто мы одни въ Божьемъ мірѣ, или по крайней мѣрѣ весь этотъ Божій міръ зависитъ отъ нашего благорасположенія. Въ результатъ такой стихійной политики только и могло получиться, что вынужденное проявленіе прекрасныхъ качествъ. До сихъ поръ, покуда передъ нами была Турція, это приносило безспорно много вреда, но вреда такъ-сказать частнаго и поправимаго. Наша задача по отношенію къ Турціи была такъ же проста, какъ и сама эта злополучная держава. Ее требовалось разрушать (такъ, по крайней мѣрѣ, думали у насъ), а покоренныхъ и угнетаемыхъ ею христіанъ — освобождать. Мы это и дѣлали, хотя, какъ уже замѣчено, главнымъ образомъ въ чужую пользу. Но теперь Турція существуетъ только по имени, на дѣлѣ же ея мѣсто занимаетъ, въ качествѣ соперниковъ нашихъ, цѣлая группа государствъ, во сто разъ превосходящихъ Турцію и матеріальной и, главное, умственной силой своей. Это измѣненіе обстоятельствъ такъ страшно усложняетъ положеніе и придаетъ историческому моменту такое рѣшительное значеніе, что всякая ошибка была бы непоправима и повлекла бы за собой потери,

езвознаградимыя ничѣмъ и никогда. Теперь именно моральная готовность езусловно необходима, — гораздо необходимѣе даже, чѣмъ физическая, ибо при отсутствіи послѣдней мы можемъ, конечно, потерпѣть временное поажение, но въ концѣ концовъ все-таки восторжествуемъ. При отсутствіи те первой, даже и въ случаѣ побѣды, проиграемъ дѣло навсегда. Поэтому о если съ матеріальными приготовлениями можно еще и подождать нѣоторое время, то моральныхъ нельзя откладывать ни на минуту, тѣмъ олѣе, что въ ихъ сферу входятъ и наши внутреннія дѣла.

Первый шагъ приготовлений, которыя мы называемъ моральными, залючается въ томъ, чтобы вполне трезво и сознательно, со всѣхъ стоонъ разсмотрѣть дѣйствительное положеніе вещей, разобрать до мельайшихъ подробностей всѣ многоразличныя отношенія, спутывающіяся на юстохъ, и, главнымъ образомъ, отдать себѣ ясный отчетъ въ интересахъ аждаго народа и государства, съ которыми намъ приходится имѣть тамъ ъло. Последнее важнѣе всего, потому что безъ этого мы никогда не удемъ въ состояніи съ точностію отличить друзей отъ равнодушныхъ и ть враговъ и, слѣдовательно, не можемъ и составить опредѣленный планъ ѣйствій, въ которомъ выборъ союзниковъ играетъ главную роль.

Горькій опытъ многократно училъ уже насъ, что мнимые друзья безъ сякаго сравненія опаснѣе открытыхъ враговъ; слѣдовательно теперь авное вниманіе наше должно быть обращено именно на предполагаемыхъ ррузей и на ихъ интересы. Само собою разумѣется, что при этомъ прежде е всего необходимы полнѣйшія объективность и безпристрастіе, безъ коорыхъ невозможно вѣрно судить ни о фактахъ, ни о людяхъ. У насъ, ть сожалѣнію, эти качества не пользуются уваженіемъ и даже принимаются часто за отсутствіе патриотизма. О дѣйствительныхъ или вображаемыхъ друзьяхъ полагается говорить одно хорошее. Хоть признаельно лги, выдумывая это хорошее, но ни подъ какимъ видомъ не смѣй произнести ни одного слова, которое могло бы мало-мальски неоправитья я фаворитамъ. О тѣхъ же, кто намъ въ данную минуту почему-нибудь иелюбъ, наоборотъ, обязательно говорить лишь одно дурное: они — исчадія ада, дѣти сатаны; ни въ нихъ, ни отъ нихъ никогда не было, нѣтъ и не можетъ быть ничего хорошаго. Тѣ же изъ русскихъ, которые этого мнѣнія не придерживаются и которые, напротивъ, искренно желая добра своему народу, указываютъ ему именно достоинства враговъ и предостерегають: «смотри, вотъ въ чемъ привлекательная сторона тѣхъ, съ кѣмъ ты долженъ бороться; берегись ея, считайся съ нею, потому что она даетъ твоимъ врагамъ силу нравственную, которая для тебя страшнѣе матеріальной силы, ибо ее ты ни пушками, ни кулакомъ сокрушить не можешь, — она и разбитая возьметъ свое», — люди говорящіе такъ признаются антипатриотами, измѣнниками своего отечества и т. д. въ этомъ родѣ. Короче сказать, правда какъ будто не про насъ писана. Между тѣмъ въ политикѣ нѣтъ ничего вреднѣе и опаснѣе лжи. Возможно ли

хотя бы только приблизительно вѣрно рассчитать свои шансы въ борьбѣ, когда имѣешь самое фальшивое представленіе какъ о тѣхъ, съ кѣмъ надо бороться, такъ и о тѣхъ, на кого думаешь опереться? Не забираясь далеко въ глубь вѣковъ, въ исторіи послѣднихъ лѣтъ мы можемъ найти множество крупныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ, и громадныхъ потерь, понесенныхъ нами единственно благодаря той непроглядной атмосферѣ, которою мы искусственно окружаемъ себя. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Въ 1866 году Бисмаркъ всякими льстивыми словами и обѣщаніями великихъ выгодъ убѣдилъ Наполеона III не мѣшать Пруссіи разгромить Австрію. Когда дѣло было сдѣлано, Пруссія не только не выполнила своихъ обѣщаній, но ровно черезъ четыре года этого самаго Наполеона свергла съ престола, разбила и раззорила Францію. Мы всему этому не только помогали, но, начиная войну съ Турціей, были твердо убѣждены, что Пруссія (теперь уже Германія) *изъ благодарности* будетъ насъ «нравственно» поддерживать. Какое, спрашивается, имѣли мы основаніе рассчитывать на «благодарность» того самаго государства, которое только-что передъ этимъ, при обстоятельствахъ совершенно аналогичныхъ, провела другаго своего сосѣда? А мы, однако же, рассчитывали. Почему?—Потому, что о «друзьяхъ» не только въ печати (это уже само собою разумѣется), но даже и въ официальныхъ донесеніяхъ полагается говорить не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Это—наши «вѣковые друзья», слѣдовательно... Въ результатъ получился не С.-Стефанскій, заключенный нами съ разгромленною Турціей, а Берлинскій трактатъ... Еще раньше этого началось герцеговинское возстаніе, затѣмъ Черногорія и Сербія объявили войну Турціи. Генераль Черняевъ, пылая славянскими чувствами, ѣдетъ въ Сербію стать во главѣ ея маленькаго войска. Но, находясь всецѣло подъ влияніемъ огульной лжи, распушенной у насъ насчетъ будто бы воинственнаго настроенія болгаръ, онъ заставляетъ министровъ князя Милана открыть военныя дѣйствія не на боснійской границѣ, какъ они хотѣли, въ видахъ соединенія съ черногорцами, а на болгарской. Результатъ—батокская рѣзня для Болгаріи и страшное пораженіе для Сербіи, которая одну минуту находилась на краю гибели. Мы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мобилизовали войска. Наконецъ война объявлена, мы переходимъ Дунай и смѣло двигаемся за Балканы. Все это съ арміей, сколько помнится, не болѣе (если не менѣе) какъ въ 200.000 человекъ, растянутыхъ на громадномъ пространствѣ. Мы были увѣрены, что турки безсильны, что у нихъ нѣтъ ни войска, ни оружія, ни денегъ и что наша война будетъ военною прогулкой. Въ результатъ такой, ни на чемъ не основанной, увѣренности—гибель нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ и плевенская стоянка. А сколько было въ этой войнѣ мелочей и въ высшей степени трагичныхъ, и до того комичныхъ, что даже теперь при одномъ воспоминаніи трудно удержаться отъ смѣха, хотя и горькаго смѣха. Напримѣръ, кто повѣритъ, что послѣ десяти войнъ съ

Турціей, которую наши арміи исходили всю изъ конца въ конецъ, мы такъ мало знакомы были даже съ физическими свойствами страны, что наше интендантство первымъ дѣломъ озаботилось снабдить войска огромнѣйшимъ запасомъ... квасцовъ (это, кажется, единственный запасъ, сдѣланный въ достаточномъ количествѣ): квасцы эти должны были служить для очищенія *отравленной* воды въ *цистернахъ*! Не говоря ужъ о томъ, что подобныя отравленія вовсе не въ характерѣ турокъ, которые къ нимъ никогда не прибѣгали, что намъ слѣдовало бы знать,—та часть Турціи, гдѣ происходили военныя дѣйствія, именно нынѣшнія Болгарія и Восточная Румелія, вся искрещена горными рѣчками и никакихъ цистернъ тамъ днемъ съ огнемъ не найдешь. Наше интендантство очевидно не имѣло обо всемъ этомъ ни малѣйшаго понятія. И это до дикости нелѣпное явленіе, что наши солдатики чуть не поголовно прониклись глубочайшею ненавистью къ болгарамъ, — что егò произвело, какъ не самообольщеніе? Войска, какъ и все общество, читая рассказы о жестокихъ страданіяхъ болгаръ, часто и преувеличенные, ожидали встрѣтить населеніе нищее, голодное, забитое, въ прахъ склоняющееся передъ русскими, — а на дѣлѣ увидали вездѣ изобиліе, богатство и народъ не только не забитый, но и весьма непокоривый и къ русскимъ почти-что равнодушный. Простому русскому меловѣку еще недоступно понятіе о политическомъ гнетѣ; онъ понимаетъ покуда только гнетъ матеріальной нужды, да всегда простертой надъ каждымъ человѣкомъ «внушающей», «вбивающей» и «выколачивающей» руки мелкаго начальства, въ родѣ становаго. Не найдя ничего, или почти ничего этого, солдаты естественно вообразили, что никакого гнета надъ болгарами и не было, и хотя, по простотѣ своей, не могли осмыслить хорошенько причинъ обмана, но самый обманъ почувствовали тѣмъ сильнѣе и отвѣтственность за него возложили всецѣло на болгаръ, которыхъ не возлюбили поэтому съ перваго шага. Была ли какая-нибудь надобность въ этомъ самообольщеніи? — Очевидно, нѣтъ, потому что ужъ русскаго-то солдата вовсе не требуется настраивать преувеличенными картинами ужасовъ для того, чтобы побудить его къ твердому исполненію долга. А между тѣмъ расположеніе арміи вообще не шутка, а въ данномъ случаѣ оно было особенно важно, такъ какъ взаимныя личныя отношенія русскихъ и болгаръ могли имѣть серьезное вліяніе на все положеніе болгарскаго народа въ будущемъ, т. е. приобрѣтали ужъ значеніе политическаго факта.

Можно бы написать цѣлое многотомное сочиненіе на тему: «Наше политическое самообольщеніе и его послѣдствія», и думается, что такое сочиненіе было бы даже очень полезно. Имѣя въ виду грустный «примѣръ прежнихъ лѣтъ» и то обстоятельство, что теперь предстоитъ дѣйствіе рѣшительное, — панъ или пропаль, — необходимо отложить въ сторону всякія затуманивающія дѣло фразы и трезво, здраво оцѣнить факты. Какъ бы это ни было непріятно нашему самолюбію, какъ бы ни шокировало глубоко укоренившіеся въ обществѣ предрасудки и предубѣжденія, мы должны,

наконецъ, рѣшиться назвать всѣ вещи ихъ настоящими именами и правильно оцѣнить какъ другихъ, такъ и себя. Иначе, если этого не сдѣлать именно теперь, т. е. заранѣе, покуда есть еще время, мы опять и на этотъ разъ будемъ блуждать въ потьмахъ и искать опоры тамъ, гдѣ въ дѣйствительности находимъ только пропасть.

Приготовить государство въ матеріальномъ отношеніи составляетъ задачу исключительно правительственной власти. Ей принадлежитъ управленіе арміей и финансами и общество не можетъ оказать тутъ никакой фактической помощи, особенно въ военномъ дѣлѣ. Но за то въ сферѣ моральныхъ приготовленій общество можетъ сдѣлать многое. Отъ него зависитъ устранить изъ своей собственной среды безчисленные недоразумѣнія насчетъ вопросовъ внѣшней политики и тѣмъ разсѣять, между прочимъ и въ верхнихъ слояхъ нашей государственной атмосферы, тотъ туманъ, который напущенъ, царившею до сихъ поръ безраздѣльно, тенденціозною ложью. Это и составляетъ задачу публицистики. Она, какъ главный и у насъ единственный органъ общественнаго мнѣнія, должна въ этомъ случаѣ придти на помощь государству и народу. Съ этою именно цѣлью мы и рѣшились написать рядъ замѣтокъ о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ. Нашъ голосъ слабъ и мы, конечно, не думаемъ даже и приблизительно исчерпать весь этотъ многосложный предметъ. Но тѣмъ не менѣе мы считаемъ своимъ долгомъ безпристрастно и объективно высказать то, что мы думаемъ, въ надеждѣ, что авось этому примѣру послѣдуютъ и другіе, болѣе насъ сильныя знаніями и талантами, люди.

Н. С.

О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Долгъ. Сочиненіе Самуэля Смайльса. Переводъ съ англійскаго *С. Майковой*.
С.-Пб. 1882 года.

Имя Самуэля Смайльса достаточно извѣстно русской публикѣ. Она знакома съ нѣкоторыми изъ его сочиненій, какъ, напримѣръ: «Характеръ», «Самодѣтельность» и др., которыя представляютъ рядъ поучительныхъ фактовъ изъ жизни извѣстныхъ, прославленныхъ въ литературѣ, искусствахъ или наукѣ лицъ.

Тотъ же компилятивный характеръ и тотъ же наставительно-поучительный тонъ является господствующимъ и въ названной книгѣ Смайльса, гдѣ авторъ приводитъ безчисленное множество изреченій умныхъ людей, — изреченій, наставляющихъ человѣчество быть вѣрными долгу.

Но въ чемъ же состоитъ долгъ каждаго человѣка?—Въ исполненіи ежедневныхъ дѣлъ, пока вы живете, — говоритъ Гёте. «Но такой взглядъ на долгъ, — возражаетъ ему авторъ, — слишкомъ узокъ». Главный регуляторъ долга — это наша совѣсть. «Достигнувъ въ насъ полнѣйшаго развитія, она понуждаетъ насъ дѣлать то, что доставляетъ другимъ счастье, и запрещаетъ намъ дѣлать то, что можетъ другимъ причинить несчастье» (стр. 13).

Всѣ приводимыя авторомъ изреченія, а также и его тонъ напоминаютъ проповѣди или же наставительно-поучительные рассказы изъ хрестоматій. Вотъ для примѣра: «Тотъ, кто добросовѣстенъ въ мелочахъ, будетъ добросовѣстенъ и въ крупныхъ дѣлахъ; недобросовѣстный же въ мелочахъ окажется недобросовѣстнымъ и въ важныхъ дѣлахъ жизни... Доброта вызываетъ доброту, а правда и довѣріе приносятъ обильную жатву правды и довѣрія» (стр. 19). Не правда ли, что эти изреченія очень напоминаютъ слова, какими оканчивается рассказъ: «Щегленокъ», постоянно помѣщаемый въ хрестоматіяхъ: «Довѣріе возбуждаетъ довѣріе, — говорится тамъ дѣтямъ, удивленнымъ, когда вернулась къ нимъ на зиму выпущенная ими весной птичка, — а любовь возбуждаетъ любовь».

Этот сухой, хрестоматически-наставительный тонъ дѣлаетъ до того утомительнымъ и скучнымъ чтеніе книги Смайльса, что намъ, несмотря на искреннее желаніе поучиться у автора, стоило не малыхъ усилій одолѣть его большую книгу. Въ нее, надо замѣтить, входитъ рѣчь обо всемъ: и о фабрикахъ, и о тюрьмахъ, и о рабочихъ, и о миссіонерахъ, и о филантропахъ, и о морякахъ, и о солдатахъ (последнимъ посвящены даже отдѣльныя главы), и о семьѣ, и о мужѣ, женѣ, дѣтяхъ, воспитаніи и т. д. Затрогивая такое множество вопросовъ, авторъ нерѣдко поражаетъ читателя то здравостью своего сужденія, то совсѣмъ неожиданною нелѣпостью.

Вотъ какъ здраво у него говорится,—хотя, правда, и чужими устами,—о воспитаніи или лучше объ отношеніи къ дѣтямъ: «Я ставлю себя въ обязанность,—сказалъ архіепископъ Дюпанлу,—уважать человеческую свободу даже въ самомъ маленькомъ ребенкѣ, и въ немъ даже добросовѣстнѣе, нежели во взросломъ человѣкѣ, ибо этотъ послѣдній можетъ ее защитить противъ меня, тогда какъ ребенокъ не въ состояніи сдѣлать этого» (стр. 27).

Но посмотрите, что этотъ же самый авторъ говоритъ объ образованіи женщинъ и объ ихъ стремленіяхъ выйти изъ закодированнаго круга женскаго безправія: «Бабушка моя,—приводитъ авторъ слова какого-то француза,—соблюдала правописаніе и, кромѣ молитвенника, ничего не читала, тѣмъ не менѣе она была несравненно почтеннѣе и умнѣе нынѣшнихъ женщинъ», которыя уже потому одному заслуживаютъ порицанія со стороны автора, что добиваются «политической власти». Авторъ желалъ бы, чтобы женщина «сидѣла дома и прядла веретена» и ни о чемъ бы выходящемъ изъ домашняго круга не думала. Чтобы окончательно убѣдить женщину идти по этому желанному пути, авторъ говоритъ: «Св. Павелъ отдастъ преимущество тѣмъ женщинамъ, которыя сидятъ дома и работаютъ, ибо онъ признаетъ, что семья есть ячейка общества и что семейная любовь и исполненіе долга—лучшее обезпеченіе для того, что намъ дороже всего на землѣ» (стр. 40—41).

Не правда ли, читатель, что вышеприведенныя слова какого-то француза очень напоминаютъ мудрыя изреченія г-жи Простаковой? Такимъ же, если еще не болѣе возмутительнымъ, характеромъ отличаются разсужденія автора въ главѣ: «Честность—правдивость». Здѣсь онъ очень долго останавливается на современной коммерціи Англіи и доказываетъ, что она не только пришла въ упадокъ, но что ей въ будущемъ грозитъ еще сильнѣйшее паденіе. Вотъ какъ онъ объясняетъ причину этого:

«Громадность конкуренціи и препятствія со стороны правительства на пути свободнаго производства—вотъ что несомнѣнно представляетъ намъ настоящую причину упадка нашей торговли. Стѣснительные законы связываютъ фабриканта по рукамъ и ногамъ (!!)... Но не однимъ закономъ стѣсняется дѣятельность фабрикантовъ, и того болѣе важною для нихъ помѣхою являются стачки.... Очевидно, что тотъ фактъ, что ра-

очие упорно смотрять на своихъ хозяевъ какъ на своихъ злѣйшихъ и ервыхъ враговъ, не только прискорбень, но еще крайне раззорителенъ въ матеріальномъ отношеніи» (стр. 50—51).

Вмѣсто сожалѣнія о раззореніи, вмѣсто соболѣзнованія о фабрикантахъ, не повелѣвалъ ли автору тотъ же долгъ, о которомъ онъ такъ сердно трактуетъ, рассмотреть причину такого отношенія рабочихъ къ хозяевамъ, и не повелѣвалъ ли ему тотъ же долгъ вразумить этихъ хозяевъ и убѣдить ихъ не эксплуатировать рабочихъ? Но авторъ въ своей свинности какъ бы не подозреваетъ, что стачки рабочихъ и вообще ихъ раждебное отношеніе къ своимъ хозяевамъ есть только неизбежное слѣдствіе отношенія самихъ фабрикантовъ къ рабочимъ.

Послѣ вышеприведенныхъ мѣстъ глава десятая «О сочувствіи», полная гуманнаго и глубоко-христіанскаго отношенія ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, поражаетъ своей неожиданностью и заставляетъ читателя соображаться, что вся книга написана однимъ и тѣмъ же лицомъ. Что можетъ быть, напримѣръ, гуманнѣе слѣдующаго разсужденія объ отношеніи къ прислугѣ и объ ея положеніи? «Что утѣшительнаго можемъ мы сказать,—говоритъ авторъ,—относительно домашней прислуги? Потребность становить между ею и хозяевами болѣе или менѣе пріятныя и сочувственныя отношенія окончательно исчезла съ обѣихъ сторонъ; таково положеніе по крайней мѣрѣ въ столицахъ и большихъ городахъ. Происходитъ постоянная и непрерывная смѣна прислуги: одна прислуга заступаетъ мѣсто другой. А между тѣмъ домашняя семейная жизнь не должна не можетъ вестись единственно на принципѣ купли и продажи: за столько-то денегъ столько-то услугъ. Напротивъ, разъ принятая въ домъ прислуга должна въ извѣстной мѣрѣ считаться какъ бы членомъ семьи. Въ настоящее же время такой порядокъ вещей совсѣмъ измѣненъ (?) и къ прислугу, хотя помощь ея существенно необходима для нашего повседневнаго комфорта, смотрять не иначе, какъ на наемное лицо, обязанное а болѣе или менѣе крупную сумму ходячей государственной монеты исполнять то дѣло, для котораго нанята. День она проводитъ на кухнѣ, а ночью спитъ подъ чердакомъ..... Между нанимателемъ и нанимаемымъ не существуетъ ни малѣйшей сочувственной связи и они стоятъ другъ къ другу такъ же далеко, какъ стояли бы, еслибъ обитали разныя страны и говорили на различныхъ языкахъ» (стр. 260).

Удивительно, отчего авторъ, смотря такъ здраво на отношеніе хозяевъ къ нанимаемымъ, не съумѣлъ съ той же точки посмотреть на отношенія фабрикантовъ и заводчиковъ къ рабочимъ и не съумѣлъ усмотрѣть ненормальности отношеній первыхъ къ послѣднимъ?

Глава «О сочувствіи», какъ мы уже сказали, представляетъ прекрасный оазисъ. Здѣсь между прочимъ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о глазговскихъ заведеніяхъ для фабричныхъ дѣтей, гдѣ обучаются и воспитываются 14.000 мальчиковъ и дѣвочекъ,—говорится о тѣхъ англійскихъ

благотворительныхъ обществахъ, которыя устраиваютъ каждую субботу для рабочаго люда музыкальные вечера, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, лишь бы вырвать молодыхъ рабочихъ людей изъ порочной и невѣжественной обстановки ихъ городской жизни. Такъ поступаютъ въ Англіи, чтобъ отвести народъ отъ пьянства и другихъ пороковъ. Мы до такихъ способовъ еще не дошли...

Слѣдующая глава—«Филантропія»—знакомитъ съ положеніемъ арестантовъ въ англійскихъ тюрьмахъ, съ самоотверженной, безкорыстной деятельностью Гоурда объ улучшеніи участи несчастныхъ заключенныхъ и т. д. Странно, что авторъ, останавливаясь въ этой главѣ на дѣятельности многихъ изъ филантроповъ, ни слова не упоминаетъ о не менѣе искреннемъ дѣятелѣ, какъ и Гоурдъ, посвятившемъ свою жизнь на улучшение участи труженниковъ—о Робертѣ Овэнѣ. Умолчаніе о такомъ ловѣкѣ въ данной главѣ можетъ быть объяснено развѣ только той странной антипатіей автора къ фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ, которая какъ видѣлъ читатель, чувствовалась и раньше и которая не вмѣняла автору въ обязанность заботиться объ измѣненіи къ лучшему положенію рабочихъ.

Далѣе идутъ главы: о героизмѣ миссіонеровъ, о гуманномъ обращеніи съ животными и т. д. Но сдѣланнаго обзора совершенно достаточно для знакомства съ сумбурнымъ содержаніемъ названной книги. Что же касается до ея нравственнаго вліянія на читателей, то авторъ самъ въ страницѣ 25-й изрекаетъ ей приговоръ въ слѣдующихъ словахъ: «знакомство съ словами и отдѣльными изреченіями вовсе не имѣетъ той вѣдущей роли, какую придаютъ ему нѣкоторые».

Въ заключеніе мы приведемъ описаніе одной прелестной картины художника Миллэ, которая должна изображать въ книгѣ г. Смайльса символъ терпѣнія и мужества:

«Я чрезвычайно дорожу, — говоритъ Робертъ Коллейеръ изъ Нью-Йорка, — одною небольшою картиною, рисованною художникомъ Миллэ. Въ ней во весь ростъ изображена женщина, привязанная къ столбу, который помѣщается на морскомъ берегу далеко за тою чертой, до которой достигаетъ приливъ. Морскія волны пѣнясь разбиваются объ ея ноги. Мимо нея на вѣсахъ парусахъ проходитъ корабль, не замѣчая ни ея, ни страшной участи, на какую она обречена. Хищныя птицы, кружась, несутся въ воздухъ надъ самой ея головой; но она не видитъ ни птицъ, ни корабля, ни морскихъ волнъ. Глаза ея вперились вдаль, нога ея не дрогнетъ и вы видите, что она, устремивъ взоръ прямо въ небо, говоритъ своѣ душѣ, что эти временныя страданія не заслуживаютъ сравненія съ тѣмъ блаженствомъ, какое скоро откроется передъ нею» (стр. 102).

О достоинствахъ и недостаткахъ перевода данной книги говорить сътаемъ лишнимъ, — они видны изъ приведенныхъ цитатъ; скажемъ только, что переводчица, г-жа Майкова, приводя одну изъ плохихъ басенъ Крылова

«Сочинитель и разбойникъ»—въ заключеніе главы «Объ отвѣтственности» (гдѣ авторъ распространяется о винѣ, которая лежитъ на дурныхъ писателяхъ) напрасно не упоминаетъ, что честь внесенія басни принадлежитъ ей, — не можетъ же быть, чтобы самъ Смайльсъ *догадался*, что его мысли такъ вѣрно выражены дѣдушкой Крыловымъ въ русской баснѣ!

Общепонятная гигиена. Основы здравохраненія общественнаго и личнаго съ указаніемъ на устройство и жизненныя отправления человѣческаго тѣла, происхожденіе и общее теченіе болѣзней и подачу первой помощи въ случаяхъ, угрожающихъ жизни. Съ 98 рисунками и тремя приложеніями. Доктора медицины *Ир. Скворцова*. Сочиненіе удостоено *большой преміи* императора Петра Великаго при пятомъ присужденіи ея въ 1879 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія. С.-Пб. 1881 г.

Общепонятная гигиена г. Скворцова представляетъ громадный томъ, въ 40 печатныхъ листовъ. Написана она ради полученія преміи императора Петра Великаго—и преміи удостоена.

Чѣмъ заслужила она такой награды, что даетъ своему читателю и для кого собственно предназначается?—вотъ вопросы, задавшись которыми, мы рѣшили перелистать всю названную книгу гигиены, чтобы откомендовать ее читателямъ или же предохранить ихъ отъ напрасной затраты хотя бы и на *премированную* книгу.

Первый отдѣлъ—«Общепонятной гигиены»—занятъ анатоміей человѣка. Для нагляднаго знакомства съ ней приложены довольно недурные рисунки. Но замѣчательно, что въ этомъ отдѣлѣ ни слова не говорится о раздѣленіи человѣчества на два пола и о размноженіи. Судя по анатоміи и физиологіи, занимающимъ довольно большое мѣсто въ книгѣ г. Скворцова, его гигиена имѣетъ въ виду не мужчину или женщину, а фиктивнаго человѣка.

Познакомивъ вкратцѣ съ строеніемъ такого человѣка и его физиологическими процессами, авторъ говоритъ, какую роль играютъ въ жизни человѣка воздухъ, вода, почва, климатъ, одежда, пища, жилище и т. д. Тутъ говорится о многомъ, но зато обо всемъ понемножку; тутъ идутъ и названія болѣзней, и раздѣленіе ихъ на внутреннія и наружныя, тяжелыя, легкія, смертельныя,—говорится о лѣкарствахъ со всеми ихъ принятыми подраздѣленіями... Въ отдѣлѣ о пищѣ не только разсматривается все разнообразіе пищевыхъ веществъ, ихъ составъ, но даже говорится о томъ, какъ распознавать, напримѣръ, порченное мясо, порченныя яйца, какъ сохранять ихъ... Мало этого, авторъ настолько предупредителенъ относительно молодыхъ, еще неопытныхъ, хозяекъ, что онъ до подробности разсматриваетъ съ ними коровій стягъ, тутъ же рѣжетъ его на тѣ части, какъ это принято у насъ въ мясныхъ лавкахъ, и записываетъ имъ для памяти принятыя у мясниковъ названія этихъ частей. Говоря объ отопленіи, онъ останавливается подробно на описаніи устройства пе-

чей, указывает на выгоды той или другой формы отопленія, говорить объ одеждѣ—и тутъ только въ первый разъ признаетъ существованіе мужчинъ и женщинъ.

Читатель, можетъ-быть, удивится, что современная гигиена взяла на себя такіа обязанности, которыя заставляютъ доктора медицины отправляться вмѣстѣ съ хозяйкою въ кухню, узнавать качество яицъ, затѣмъ въ мясную лавку за мясомъ, а тамъ въ школу, чтобъ осмотрѣть школьныя скамьи, насколько онѣ приспособлены для сидѣнья учениковъ, въ это же время толковать съ родителями и педагогами, насколько полезны въ гигиеническомъ отношеніи танцы, бѣганье,—учить, какъ подавать первую помощь отъ пораженія солнечнаго удара, удара молніей, отъ отравы, отъ укушенія бѣшеной собаки,—учить каждого, какое платье носить зимою, какое лѣтомъ, какъ его кроить и т. д. Но это лишь слѣдствіе непривычки. Тутъ удивительно только, что всѣ эти знанія должны совмѣщаться въ одномъ человѣкѣ. Послѣднее, дѣйствительно, не только мудро, но и невыполнимо. И если кто возьметъ на себя такой подвигъ, то, разумѣется, онъ выйдетъ не безъ ущерба какъ для дѣла, такъ и для личной совѣсти. Если современная гигиена и является наукой о *счастьи* человѣческомъ, какъ на нее смотрять нѣкоторые,—наукою, которая не пренебрегаетъ никакими годными для этого выводами изъ всего разнообразія человѣческихъ знаній,—то это нисколько не обязываетъ, чтобы трудъ этого сведенія по всѣмъ вопросамъ сосредоточивался въ однѣхъ рукахъ. Полезность раздѣленія труда вполне очевидна и здѣсь. Возьмите названную книгу г. Свворцова, желающую обнять все, и сравните ее съ книгою г. Жука: «Мать и дочь», гдѣ разсматриваются только два вопроса: необходимый уходъ за матерью въ періодъ ея беременности и послѣ родовъ и воспитаніе ребенка съ первыхъ дней его появленія на свѣтъ.

Въ первой книгѣ, какъ уже видѣлъ читатель, трудно сказать, о чемъ не говорится, но зато говорится поверхностно, наскоро. Вотъ хоть бы для примѣра: *Выборъ мѣста для жилища*. «Если есть возможность выбрать,—говоритъ авторъ,—то должно отдавать предпочтеніе *мѣсту сухому*, нѣсколько возвышенному, покату, чтобы дождевыя и снѣговыя воды могли стекать, и ни въ какомъ случаѣ не углубленному, гдѣ бы воды эти могли застаиваться. Крайне важное затѣмъ требованіе заключается въ томъ, чтобы почва избраннаго мѣста была чиста, т. е. не содержала бы въ значительномъ количествѣ разлагающихся органическихъ веществъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ передъ постройкой удалять верхніе перегнойныя и вообще загрязненные слои почвы» (стр. 331). Вотъ и весь вопросъ исчерпанъ. А еслибы хозяинъ будущей постройки затруднялся, какъ поставить свое зданіе относительно рѣки, лѣса и т. д., то на эти вопросы, какъ видитъ самъ читатель, данный параграфъ не даетъ отвѣта. Да и трудно отвѣтить: какъ ни великъ размѣръ 40 печатныхъ листовъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ физическихъ силъ разсмотрѣть *обстоятель-*

во всё вопросы, имѣющіе близкое или отдаленное отношеніе къ человѣ-
ческому счастью.

Зато молодая мать, заручившись книгою г. Жука, можетъ быть спо-
койна, что найдетъ въ ней все, что ей нужно по указаннымъ вопро-
самъ, въ самомъ обстоятельномъ и толковомъ изложеніи.

Послѣ подробнаго знакомства съ книгой г. Скворцова насъ сильно сму-
щала и заставляла недоумѣвать надпись: «удостоена большой преміи им-
ператора Петра Великаго». Но смущеніе и недоумѣніе разсѣялись, когда
припомнился одинъ давно-минувшій фактъ изъ жизни одного изъ рус-
скихъ университетовъ. Разъ было подано въ факультетъ три сочиненія,
писанныхъ на одну тему ради золотой медали. Экспертъ-профессоръ на-
шелъ, что одно изъ нихъ по своему внутреннему достоинству заслужи-
ваетъ золотой медали, другое — серебряной, а третье — никакой. Но это
последнее состояло, какъ помнится, изъ ста писанныхъ листовъ. Оста-
вить безъ награды такой *большой трудъ* профессору было совѣстно, и
онъ присудилъ автору-труженику золотую медаль...

Но на какихъ же въ самомъ дѣлѣ читателей расчитывалъ авторъ,
печатавъ свой многообъемлющій трудъ? Вотъ какъ онъ самъ въ предисловіи
поясняетъ этотъ вопросъ:

«Я писалъ не для народнаго употребленія, а для такъ-называемой
образованной публики, включая въ нее и тѣхъ лицъ, которыя получили
хоть и элементарное, но *дѣйствительное* (?) образованіе. Нѣкоторые,
вѣроятно, найдутъ, что тонъ моего сочиненія нѣсколько высокъ для этихъ
лицъ, но я вижу оправданіе въ томъ, что такимъ лицамъ необходимо
учиться, — а учитель всегда долженъ стоять выше ученика (такъ, чтобы
последній его не понималъ?). — Что касается лицъ, получившихъ полное
образованіе, то я имѣлъ въ виду дать имъ не столько учебникъ, сколько
серьезную книгу для чтенія. Насколько удалось мнѣ *одновременно* дости-
женіе этихъ двухъ цѣлей (вполнѣ несомнѣваемыхъ, прибавимъ мы), т. е.
соединеніе учебника съ книгой для чтенія, судить, конечно, не мнѣ, а
моимъ ученикамъ и читателямъ» (стр. VIII и IX).

Соединеніе несоединимаго, т. е. учебника и книги для чтенія, по-
стоянно даетъ себя чувствовать какимъ-то неопредѣленнымъ отношеніемъ
автора къ читателю: то онъ разъясняетъ самыя простѣйшія вещи, то
употребляетъ безъ всякихъ комментарій научные термины. Возьмемъ для
сравненія страницы 186 и 19.

На страницѣ 186 сказано: «На-
ше тѣло приблизительно на $\frac{2}{3}$ со-
стоитъ изъ воды, т. е. *при вѣсѣ*
его, равномъ 3 пудамъ, въ немъ
около 2-хъ пудовъ воды».

На страницѣ 19 сказано: «Бла-
годаря сухожильямъ, мышцы, во-
первыхъ, увеличиваютъ область
своего дѣйствія, *вслѣдствіе уда-*
ленія точки приложенія ихъ
силъ» и т. д.

Ужь если авторъ рѣшилъ совмѣстить несомѣстимое, то хоть бы, дѣла книгу на отдѣлы, одни предназначилъ для людей образованныхъ, другіе же—только для грамотныхъ. Но у автора такого разграниченія нѣтъ. все равно, какъ нѣтъ строгаго распредѣленія совѣтовъ, хотя бы по параграфамъ, изъ которыхъ одни предназначались бы для крестьянъ, для деревни, а другіе—для лицъ болѣе состоятельныхъ. Для подтвержденія сказаннаго прочтемъ параграфъ, названный: «Помощь во время родовъ и уходъ за новорожденнымъ»:

«Въ тѣхъ же случаяхъ,—говорится въ этомъ параграфѣ,—когда роды, видимо, затягиваются и грозятъ жизни матери и ребенка, *необходимо какъ можно скорѣй обращаться къ акушеркѣ...*»

Для кого данъ такой совѣтъ? Въ городѣ даже самая бѣднѣйшая женщина при родахъ прибѣгаетъ къ помощи акушерки. Ясно, что совѣтъ направленъ для деревни. Посмотримъ, что говорится дальше:

«Послѣ того, какъ первая необходимая помощь родильницѣ будетъ подана и она успокоится, слѣдуетъ немедленно приступить къ обмыванію тѣла ребенка теплою водою *при помощи мягкой губки, чистой, мягкой суколки...* Въ складкахъ кожи слѣдуетъ нѣсколько разъ въ день легонько вытирать и *затѣмъ присыпать плауновое сѣмя, чистымъ крахмаломъ, недушоной рисовой пудрой...*» (стр. 463).

Никто не станетъ, разумѣется, сомнѣваться, что все сейчасъ сказанное предназначается не для крестьянокъ, у которыхъ нѣтъ и не бывало ни «мягкихъ губокъ», ни «недушоной пудры», да и у горожанокъ-то будетъ не у многихъ.

Такъ для кого же предназначаетъ свои совѣты авторъ, для кого онъ назначаетъ свою книгу?... Одно можемъ сказать съ увѣренностью, опираясь на его собственные слова, что его книга предназначена *не для людей*, такъ сильно разнящихся другъ отъ друга по своему развитію и положенію, а для *разума*. Разверните его книгу на страницѣ 78 и онъ самъ вамъ это скажетъ:

«Для собственно же человѣческой жизни,—говоритъ онъ,—остается одинъ сознательный разумъ, *для котораго назначена предлагаемая книга*».

Памяти Пушкина, 6 іюня. Очерки Пушкинской Руси. Виктора Острогорскаго. С.-Петербургъ. 1880 г.

Всякое рѣдкое явленіе въ русской жизни въ силу своей рѣдкости порождаетъ у насъ много шума, толковъ и массу лубочной литературы, неизвѣстно для кого предназначенной,—не годна она для интеллигенціи, не доступна для народа.

Къ числу такихъ исключительныхъ моментовъ относится, какъ извѣстно, и Пушкинскій праздникъ, бывшій въ Москвѣ. Онъ породилъ массу брошюръ «лубочнаго содержанія», которыя были изготовлены ко дню

праздника и продавались на бульварахъ вмѣстѣ съ плохими карточками виновника торжества.

Появленіе брошюры В. Острогорскаго также связано съ названнымъ праздникомъ; но мы желали бы выдѣлить ее изъ груды лубочныхъ изданій, какъ имѣющую ясно опредѣленную цѣль и свой особый кругъ читателей.

Г. Острогорскій въ названной брошюрѣ старается спокойно, безпристрастно посмотреть на Пушкина, какъ на воспроизводителя современной ему русской жизни. «Мы просто хотимъ,—говоритъ авторъ,—попробовать въ общихъ чертахъ напомнить читателямъ, какую представлялась поэту Русь двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, ея природа, положеніе крестьянъ, господа вообще и въ частности русская женщина» (стр. 6).—Согласно этому плану, авторъ дѣлитъ свою брошюру на четыре очерка: «Природа», «Крестьяне», «Господа» и «Русская женщина».

Ни одинъ изъ очерковъ, разумѣется, не представляетъ ничего новаго, такъ какъ даетъ всѣмъ и каждому, читавшему Пушкина, хорошо знакомые факты, сгруппированные изъ разныхъ произведеній поэта, съ цѣлью показать, какъ отразились у него названныя стороны русской жизни. Но ихъ съ большею пользой могутъ прочесть ученики старшихъ и среднихъ классовъ, еще не успѣвшіе ознакомиться вполне съ произведеніями Пушкина и потому не могущіе дать себѣ яснаго отчета, насколько поэтъ отражалъ окружающую его дѣйствительность.

Въ тихомъ омутѣ. Рассказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ: 1. Умалшенный.—2. Кающійся.—3. Куда ни кинь—все клинь.—4. Яшникъ.—5. Паутина.—6. Какъ аукнется, такъ и откликнется.—7. Погорѣльцы. *Н. И. Наумова.* С. Петербургъ. 1881 года.

Отдѣлъ беллетристики въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, до крайности бѣденъ. Старые корифеи изъ ея представителей больше молчатъ; молодые не имѣютъ ни времени, ни «душевнаго покою», чтобъ обдумать и выхолить свои произведенія, какъ ростили ихъ и выхаливали, напримеръ, гг. Тургеневы, Гончаровы... Теперь нѣтъ угла, гдѣ бы спокойно могъ воспитаться писатель, гдѣ бы не захлестывала его жизнь и не душила своею петлей. Помѣщичья среда, дававшая прежде эту возможность, рухнула съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, и теперь ей самой приходится трудиться ради насущнаго. Новая, занявшая ея мѣсто, буржуазія, пока думаетъ только объ единомъ хлѣбѣ, о наживѣ, внѣ которыхъ у нея въ большинствѣ случаевъ нѣтъ ни цѣлей, ни идеаловъ; разумѣется, не въ этой средѣ, занятой своими мелкими и крупными расчетами, зарождаться и воспитываться талантамъ. Уцѣлѣвшая отъ послѣднихъ реформъ аристократія слишкомъ взволнована и обезпокоена за свое будущее, слишкомъ занята борьбой за свое право на существованіе. При такой тревогѣ, и въ этой средѣ не воспитаться писателю. Остается одна, пока менѣе дру-

гихъ всколыхнутая событіями близкаго прошлаго, среда чиновничья, да духовенства, гдѣ погоня за хлѣбомъ обратилась въ привычку: она не только не смущаетъ, а подѣ-часъ даже служить однимъ изъ двигающихъ рычаговъ. Но и отсюда, разумѣется, не выйти писателю-художнику съ спокойнымъ созерцаніемъ жизни, не создать ему картинъ спокойнаго счастья: окружающая его жизнь—бѣдность, нужда, горе—вызываетъ не на спокойное міросозерцаніе, а на борьбу. И много надо имѣть современному писателю нравственной и творческой силы, чтобы при всей развѣдающей его дѣйствительности создать художественные образы, а не положиться только на силу развѣдающей правды. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей потому только и сдѣлались писателями, что стали фотографировать бьющія въ глаза невзгоды. За неизмѣнимъ художественныхъ картинъ мы удовлетворяемся и фотографическими изображеніями. Но и въ фотографіи можетъ быть замѣтна рука фотографа-художника...

Къ числу фотографическихъ изображеній, гдѣ не видно художественнаго штриха, относятся и вышеназванные рассказы Н. И. Наумова изъ быта сибирскихъ крестьянъ. Всѣ они положены на одинъ изъ самыхъ распространенныхъ въ послѣднее время мотивовъ: тяжело живетъ нашему бѣдному крестьянину, сильно давить его разбогатѣвшій кулакъ и нѣтъ выхода ему изъ его положенія. Мотивы, какъ видитъ читатель, почтенные, но они страшно утомляютъ, когда разыгрываются безъ разнообразія варіацій. Однообразіе мотивовъ и отсутствіе занимательности рассказа дѣлаютъ повѣсти и сцены г. Наумова блѣдными и томительными. Легко сказать, тянуть одну и ту же ноту на 429 страницахъ!

Но названная книга содержитъ рассказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ, слѣдовательно въ ней читатель долженъ открыть для себя интересъ помимо беллетристическаго—мѣстный колоритъ, мѣстныя краски. Такъ намъ казалось, когда мы раскрыли книгу г. Наумова. Но изъ всѣхъ семи рассказовъ названной книги (за исключеніемъ еще 3-го: «Куда ни кинь—все клинъ») только «Паутина» вполне переноситъ читателя на далекій сѣверъ, представляетъ ему мѣстныя картины, которыя заставляютъ забыть о беллетристическихъ требованіяхъ и удовлетвориться совершенно для него новыми и незнакомыми картинами и положеніями. Въ этнографическомъ отношеніи «Паутина» даетъ много читателю, незнакомому съ порядками сибирской жизни, а въ особенности съ жизнью и положеніемъ приискаго рабочаго, или, какъ они тамъ называются, «таежниковъ», и съ самымъ типомъ этого рабочаго.

«Приисковый рабочій, какъ говоритъ авторъ, въ большинствѣ случаевъ олицетворяетъ собою, выражаясь народнымъ языкомъ, человѣка «отпѣтаго», которому нечего терять въ жизни и для котораго сама жизнь потеряла свою притягательную силу..... Онъ сжился со всякимъ горемъ, привыкъ къ нему, какъ привыкаетъ человѣкъ къ смертельной болѣзни, подтачивающей организмъ его..... Его не запугаешь никакими наказа-

іями, и это опять-таки потому, что съ большинствомъ ихъ онъ знакомъ весьма основательно. «Бѣлое тѣло и плети ѣло!»— это любимая поговорка таежника.... Таежникъ живетъ только настоящей минутой, не помышляя о будущемъ, не сожалея о прошломъ. Сегодня у него сотни рублей въ карманѣ—и онъ беззаботно шеголяетъ въ плисъ и шелковыхъ рубашкахъ, поить всякаго встрѣчнаго «ямацкимъ ромомъ» и другими винами, кто почуднѣй и позабористѣй, одѣнетъ въ плисъ съ ногъ до головы перваго попавшагося ему на глаза человѣка, отдастъ послѣднюю ассигнацію бѣдному крестьянину на взносъ податей, на покупку коровы или лошади, нисколько не кичась при этомъ своею тароватостью, а завтра замъ надѣваетъ на плечи какую-нибудь рвань, всласть грызетъ поданную ему Христа-ради корку и идетъ на ту же золотую каторгу, съ которой только-что воротился, нисколько не соболѣзнуя о брошенномъ на вѣтеръ заработкѣ» (197—199 стр.). Этотъ самый таежникъ въ минуту азарта можетъ и избу по бревнышку разнести, и на деревню краснаго пѣтуха густить, и человѣка убить,—ему все это ни почемъ; но этотъ же самый таежникъ имѣетъ и свою нравственность, и свою честь. «Разъ мнѣ,—говоритъ авторъ,—довелось слышать отъ лица, служившаго на прискахъ, разсказъ про таежника, который два раза въ своей жизни судился за убійство, не разъ былъ нещадно битъ плетями и кнутаомъ, вынесъ на своихъ плечахъ 20 лѣтъ каторжной работы,—какъ этотъ нищій, всѣми отвергаемый за позорныя клейма на лицѣ, разъѣзжая съ нимъ одинъ-наодинъ по глухимъ мѣстамъ и дебрямъ, свято сохранялъ врученную ему на сбереженіе сумку съ десятками тысячъ рублей» (стр. 200).

Большинство присковскихъ рабочихъ—ссылные поселенцы, не разъ бывавшіе въ острогѣ; попадаютъ между ними и обѣднѣвшіе, раззорившіеся крестьяне, которые идутъ на присковыя работы ради того, чтобы положить заплата на своей безысходной бѣдности. Несмотря на всю тяжесть работы на прискахъ, гдѣ нерѣдко рабочему приходится спускаться въ шахты и работать иногда на глубинѣ ста сажень, несмотря на непомѣрные штрафы, какіе берутъ съ нихъ управляющіе на прискахъ (штрафъ за прогулъ равняется 5 р.),—все же таежникамъ удается вернуться изъ каторги и иногда вынести съ присковскихъ работъ порядочныя суммы, въ особенности если посчастливится въ праздникъ найти самородокъ. Работа на прискахъ происходитъ и по праздникамъ, но за то она уже не входитъ въ условія найма: она оплачивается по количеству добытаго золота. Поэтому если какому рабочему посчастливится въ будни найти слитокъ золота, онъ непременно припрятываетъ его до праздника, т. е. снова зарываетъ въ землю, и въ праздникъ объявляетъ его управляющему. Такой рабочей много денегъ вынесетъ съ присковъ; за это ему обычно отдается почетъ между товарищами и его величаютъ «княземъ».

Когда кончается срокъ найма, то таежники цѣлыми партіями возвращаются съ заработанными деньгами къ себѣ домой; но рѣдко, очень рѣдко

имъ удастся донести деньги до дому. Обычно на ихъ пути въ первомъ же попавшемся селѣ или деревнѣ по ихъ прибытіи устраивается ярмарка, раскрываются лавки съ красными товарами, палатки съ пряниками, орѣхами, постилами, и—кабаки. Здѣсь кулаки-торговцы всѣми силами заманиваютъ ихъ и соблазняютъ. Соблазнить человѣка, намаившагося на торжонной работѣ,—соблазнить водкой, которая на прискахъ совсѣмъ не продается, весьма нетрудно. А какъ только таежникъ подошьетъ, то заставить его раскошелиться и спустить все легко,—для этого есть наготовѣ у кулаковъ десятки способовъ, «умѣнье задѣть струну,—ну, и бабы», которыхъ нарочно для этого случая держатъ для таежниковъ. И у бѣднаго рабочаго высасывается такимъ способомъ въ первомъ же селѣ весь карманъ, подобно тому, какъ высасываетъ паукъ попавшую муху въ прихотливо сотканную имъ паутину. Вотъ откуда и названіе этому разсказу. Онъ представляетъ собственно рядъ отдѣльныхъ сценъ, какъ мы сказали, интересныхъ съ этнографической стороны,—сценъ, изображающихъ этихъ пауковъ-кулаковъ, пьющихъ крестьянскую кровь.

Для образца мы приведемъ два-три отрывка, рисующихъ пауковъ и обреченныхъ на гибель мухъ.

Въ лавку къ одному изъ кулаковъ, Ивану Матвѣвичу, зашелъ мужичокъ, по имени Евсей Макаровичъ, чтобы купить новенькій азамъ. Иванъ Матвѣвичъ сейчасъ съ нимъ тары-бары, чтобы побольше мужичокъ раскошелился.

— «Многосемейный, что-ль?—спрашиваетъ онъ.

— Есть кому жевать-то, только припасай!—отвѣчаетъ мужичокъ, Евсей Макаровичъ.

— Своедѣльщина?—спрашиваетъ Иванъ Матвѣвичъ, подмигнувъ рабочему, молча слушавшему ихъ разговоръ.

— Хе, надоть бы полагать, что своего завода. Баба у меня, другъ, къ слову сказать, тихая и на этотъ обиходъ, если взять, степенная. Стоящая баба! Рази одно вотъ: языкъ, почитай-что, длиннѣе волоса, а касательно иного прочаго—избави Господи!

— Экую бабу цѣнить, братъ, надо, особливо при этихъ качествахъ!—внушительно замѣтилъ Иванъ Матвѣвичъ.

— Цѣню, цѣню, сердечный!... Я руки-то за лѣто вонъ какъ мозолями окуталъ!—произнесъ онъ, показывая ему свои мозолистые пальцы.—Замѣсто рукавицъ теперича пойдутъ на зиму. Да и она, вѣдь, милый, не цвѣла... Тоже горбъ-то поди такъ нагнула, что и за зиму не выправишь,—да-а-а!

— Ну, ты сразу выправишь: мужикъ, чего еще, въ порѣ, особливо какъ ситчику-то прихватишь ей... Такъ чего же, мѣрить, что-ль, ситець-то? Къ экой-то бабѣ и ты съ пустыми руками придешь?...» (стр. 220) и т. д. и т. д.

Если такія сладкія рѣчи кулака не заставляли мужичка раскрыть кошину, тогда дѣйствовалося угощеніемъ и охмѣлѣвшій мужикъ, какъ ни говорилъ, что его достатки малы и ему нельзя тратить денегъ на пустяки, а раскошелывалъ свою казну, покупалъ и ситчику, и шаль. Только не доводилось таежникамъ доносить такіе подарки домой къ своимъ вѣрнымъ женамъ: ихъ поджидали здѣсь же дѣвки, которыя успѣвали своими ласками такъ воздѣйствовать на пьянаго мужичка, что не только шаль и ситець оставались у нихъ въ рукахъ, а и всѣ рубли, добытые на каторжныхъ работахъ.

Когда протрезвится таежникъ, видитъ, что весь обобранъ, что не съ чѣмъ ему идти къ женѣ домой, нечѣмъ дома оброкъ заплатить, то пойдетъ продавать вчера купленный азамъ, сохранившійся на плечахъ, чтобы хоть вырученныя за него деньги донести до дому,—пойдетъ опять къ тому же Ивану Матвѣвичу.

Но тотъ встрѣчаетъ его далеко уже не такъ ласково: вмѣсто угощенія, теперь онъ читаетъ бѣдному таежнику мораль, а за азамъ, за который вчера вмѣстѣ съ шалью и ситцемъ получилъ 27 руб. съ копѣйками, теперь больше 4 руб. не даетъ, и «то по добротѣ своего сердца».

— «Сердечный... Куда-жь я съ ними? Чего они мнѣ?

— Ужь это твое дѣло: куда хошь, туда и дѣвай ихъ.

— Охъ, Господи, Господи!...»

Евсей Макаровича какъ будто пошатывало, «когда онъ вышелъ изъ магазина Ивана Матвѣвича... Сумерки не позволяли видѣть выраженія лица Евсея Макаровича. Пройдя улицу, онъ свернулъ направо въ переулокъ и, подойдя къ дому, въ которомъ стоялъ на квартирѣ, присѣлъ, охвативъ голову руками, на бревно, лежавшее у забора. Сумерки давно смѣнились темною, непроглядною, осеннею ночью, а Евсей Макаровичъ продолжалъ сидѣть на бревнѣ, не чувствуя, повидимому, ни усталости, ни рѣзкаго ночнаго холода» (стр. 354). На другой день его нашли повѣсившимся.

Но не всѣ таежники такъ кончаютъ, какъ Евсей Макаровичъ. Онъ—семейный, онъ пришелъ на приски, чтобы поправить себя и семью; большинство же изъ присковскихъ рабочихъ—бобыли, которые деньгой не дорожатъ и гуляютъ въ ближайшемъ селѣ до тѣхъ поръ, пока пропьютъ до чиста и деньги, и одежду, и останутся на квартирѣ у кулака въ долгъ до пріѣзда довѣреннаго изъ присковъ для найма рабочихъ. Прокутившіеся и задолжавшіе работники такимъ образомъ опять закабалютъ себя на каторгу, берутъ впередъ задатокъ, изъ котораго расплачиваются съ хозяиномъ квартиры, а остальные деньги пропиваютъ и пьяные ѣдутъ снова на приски.

Много интересныхъ мѣстъ можно бы было привести изъ «Паутины», но мы и такъ достаточно оттуда цитировали, потому предлагаемъ читателю самому познакомиться съ этимъ рядомъ сценъ, въ высшей степени интересныхъ въ этнографическомъ отношеніи.

Запросы жизни. Романъ *М. И. Красова* (*Л. Е. Оболенскаго*). Изданіе журнала *Мысль*. Спб. 1881 года.

Не разъ приходилось слышать жалобы, что наша беллетристика не даетъ, подобно хоть бы французской, романовъ съ сложной, интересною фабулой, способной завлекать, манить впередъ; нѣтъ романовъ, которые бы можно было читать на сонъ грядущій, лежа въ постели ради забавы, ради отдыха. Въмѣсто успокоенія, нашъ романъ нарываетъ растравить читателя, возбудить его нервы, — разумѣется, тутъ ужъ не до сна. А все отъ того, что наша беллетристика слита съ нашею жизнью, является ея отраженіемъ, а не уноситъ на крыльяхъ амура въ міръ грезъ и фантазій. Жизнь же такъ захватываетъ, такъ сдавливаетъ въ настоящее время своими желѣзными когтями, что ни автору, ни читателю не до шутки, не до забавы.

Поэтому и романъ г. Красова, «Запросы жизни», нельзя читать на сонъ грядущій ради развлечения и отвлеченія сонъ отгоняющихъ думъ. Онъ задѣваетъ современную жизнь, ея запросы. Каждый знаетъ, какъ мало эта современная жизнь даетъ возможности на удовлетвореніе предлагаемыхъ ею запросовъ, и, разумѣется, названный романъ не даетъ успокоенія. Много лицъ выводитъ онъ въ разныхъ положеніяхъ; жизнь никому изъ нихъ не улыбается, всѣхъ ломаетъ, калѣчитъ и большинство доводитъ до сумасшедшаго дома. Авторъ самъ какъ бы пугается тяжело впечатлѣнія отъ своего романа и оговаривается передъ читателемъ слѣдующею тирадой, которою заканчивается его книжка:

«Тотъ читатель, который бы обвинилъ насъ въ обиліи сумасшедшихъ героевъ, пусть повнимательнѣе присмотрится кругомъ и заглянетъ въ статистику помѣшательствъ за послѣдніе годы» (стр. 221).

Но мы лучше заглянемъ съ читателемъ въ книгу г. Красова, чтобъ убѣдиться, такъ ли безысходны въ самомъ дѣлѣ тѣ положенія, которыя довели большинство изъ его героевъ до помѣшательства, до пьянства? Не лежала ли отчасти причина этихъ болѣзней въ самихъ герояхъ, въ ихъ дряблости, въ отсутствіи энергіи, необходимой для борьбы, безъ которой жизнь почти нигдѣ и никогда не уступаетъ ни пяди?

Въ романѣ г. Красова «Запросы жизни» выведено много героевъ и героинь. Всѣ они люди современные. Аристократъ Худяковъ, окончившій курсъ въ школѣ Правовѣдѣнія и отказавшійся, подъ вліяніемъ одной учительницы, Надежды Николаевны (героиня романа), не только отъ аристократизма, но даже отъ дороги юриста, — поступилъ въ медико-хирургическую академію, когда ему было за 25 лѣтъ (кончилъ ли онъ здѣсь — читатель объ этомъ не знаетъ). Когда Надежда Николаевна, которую онъ крѣпко любилъ, призналась ему, что тоже его любитъ, но что уйти къ нему не можетъ, такъ какъ у нея есть мужъ, человекъ въ сущности порядочный, но въ которомъ она тѣмъ не менѣе сильно разочаровалась, увидавъ, что у него слово скачетъ на почтовыхъ, а дѣло совсѣмъ за

имъ не поспѣваетъ,—Худяковъ уѣзжаетъ въ деревню, всецѣло предается земской дѣятельности, превращаетъ большія комнаты своего стариннаго барскаго дома въ больницу и школу для крестьянъ, затѣмъ создаетъ одинъ проектъ за другимъ—въ интересахъ тѣхъ же крестьянъ—и внозитъ ихъ на разсмотрѣнiе земскаго собранiя. Какъ и слѣдовало ожидать, земское собранiе, во главѣ котораго стоялъ какой-то Делибашъ, отвергло всѣ проекты: «Одинъ изъ нихъ—о банкахъ—былъ не принятъ потому, что найденъ касающимся исключительно нуждъ крестьянъ, а крестьяне, юль, не земство, а сословіе. Другой—о школахъ—не прошелъ за недостаткомъ средствъ, а проекты ходатайствъ почти всѣ были остановлены предѣтелемъ Делибашемъ, по мнѣнiю котораго они выходили за предѣлы земской компетентности. Худяковъ заявилъ, что послѣ всего этого онъ nimmtъ съ себя полномочiе земскаго гласнаго, ибо не можетъ исполнять обязанностей, возложенныхъ на него избирателями» (стр. 220). Вслѣдъ за этимъ онъ падаетъ духомъ,—падаетъ на столько, что запирается въ своемъ кабинетѣ: «Онъ никому ничего не говорилъ, не отвѣчалъ на вопросы; но было видно, что онъ страшно потрясенъ. Онъ похудѣлъ за одинъ день, глаза лихорадочные, красные. Ночью не спитъ и ходитъ по кабинету. Надежда Николаевна (она уже бросила своего мужа, отъ чего послѣднiй спился) рѣшила распорядиться безъ его вѣдома и послала за земскимъ врачомъ» (стр. 219).

Поправившись, Худяковъ вмѣстѣ съ Надеждой Николаевной и ея дочкой переселился за границу, «откуда, кажется, не думаетъ скоро вернуться» (стр. 221).

Положенiе Худякова въ земствѣ есть одно изъ обычныхъ явленiй въ нашей современной жизни, гдѣ еще господствуетъ царство Делибашей. Но развѣ для такихъ порядочныхъ людей, какъ Худяковъ, единственный путь «устраниться» и уѣхать для душевнаго успокоенiя за границу? Отъ такихъ защитниковъ крестьянскаго интереса крестьянамъ, дѣйствительно, легче бы не стало; но дѣйствительность, къ счастью, представляетъ и нечто лучшее, чѣмъ слабые, безсильные Худяковы.

Кромѣ этого главнаго героя, въ романѣ выведены еще два мужскихъ лица, не менѣе важныхъ въ общей суммѣ русской жизни: это народникъ Утроевъ, не кончившiй курса студентъ медико-хирургической академiи, а что-то сосланный административнымъ порядкомъ, и расколникъ Пятецовъ, сынъ мужика. Послѣднiй тихонько отъ отца, подобно Ломоносову, бѣжалъ въ гимназiю, чтобы просвѣтиться и уразумѣть непонятное, но гимназiя не удовлетворила его своей школьною наукою, и потому онъ снова вернулся къ отцу въ деревню, обложился книгами, предался своей философи, которая состояла въ признанiи духа, въ отрицанiи «личной любви къ людямъ, семьѣ, отцу и матери»; его философи требовала «любви къ нимъ—только какъ къ олицетворенiямъ Бога на землѣ,—любви не личной, а всеобщей, братской, для всѣхъ равной: для всѣхъ сословiй и на-

цій, друзей, какъ и враговъ, ибо всё—дѣти одного «Бога, носяція въ душѣ ту же частицу божества» (стр. 179).

У автора оба эти героя кончаютъ сумасшествіемъ. Строевъ доходитъ до нервной горячки отъ своей безмѣрной любви къ народу, которую онъ выражаетъ только въ словѣ, и отъ своего неумѣнья сдѣлать для него что-нибудь; Пименовъ же доходитъ до чортиговъ отъ углубленія въ свою философію.

Мы знаемъ, какую нравственную мощь и какую крѣпость нервовъ представляетъ въ дѣйствительности у насъ тотъ и другой типъ «печальниковъ», что Строевы и Пименовы являются только какою-то пародіей на дѣйствительные образы современной жизни.

Въ параллель къ этимъ тремъ героямъ въ романѣ выведены и три героини. Надежда Николаевна, о которой мы упоминали и которая, какъ общественная дѣятельница, признаетъ: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»,—въ сущности вся погружена въ личную жизнь. Одна изъ обыденныхъ драмъ этой жизни до того захватываетъ ее, слабенькую, что общественная жизнь почти совсѣмъ теряетъ для нея смыслъ. Другая героиня—Желковская. Эта женщина перенесла въ жизни то, что переносятъ немногіе, что оставляетъ на душѣ ничѣмъ неизгладимые слѣды: «ея братъ былъ повѣшенъ, а отецъ сосланъ въ каторгу во время одного изъ польскихъ возстаній..... Говорили, что она безумно любила брата, что она видѣла его казнь и не заплакала, только потомъ едва не умерла отъ нервной горячки..... Рассказывали также, что долго она совсѣмъ не хотѣла видѣть людей, особенно русскихъ; потомъ вышла замужъ и запряталась въ лѣсной глуши, ни съ кѣмъ не знакомясь, никуда не выѣзжая, исключая охоты, на которой она носилась на конѣ рядомъ съ мужемъ въ національномъ польскомъ костюмѣ. Мало-по-малу она стала тосковать все больше и больше» (стр. 50—57). Докторъ посоветовалъ развлеченіе. Она стала принимать гостей... Молодые силы одержали верхъ надъ нервами. «Она опять разцвѣла, но мозгъ уже до конца жизни не могъ выздороветь отъ тѣхъ образовъ, которые въ него запали... Стояло ей на минуту остаться одной, и страшные образы выплывали, какъ живые, и рвали ей мозгъ и сердце до того, что часто ее находили въ обморокѣ или въ тяжеломъ нервномъ припадкѣ» (стр. 71). Но молодая жизнь боролась съ мучительными воспоминаніями прошлаго: ради отдохновенія отъ давящаго кошмара жизни она сама создавала себѣ иллюзіи и отдыхала до тѣхъ поръ, пока завѣса не спала съ глазъ и съ прежнею силой не повторялись давно знакомыя, подавляющія душу, картины.

Авторъ правъ, когда говоритъ, что «люди безпредѣльно несчастные живутъ часто одной иллюзіей, одною мечтой» (стр. 71). Это—ключъ къ загадкѣ: гдѣ берутъ люди силу, чтобы вынести непосильное горе? Нужно нѣчто иное, чѣмъ простыя обыденныя радости жизни, чтобы продолжать жить послѣ «безпредѣльнаго несчастья». И вотъ секретъ: это нѣчто есть

иллюзія. У Желковской тоже была иллюзія, которой она жила: мечта, что что-то случится необыкновенное, что дастъ ей невѣроятную силу забыть прошлое,—мечта, что она услышитъ совсѣмъ новое слово, которое перевернетъ, измѣнитъ ея жизнь, переродитъ ея отношенія къ прошедшему. Вотъ поэтому она такъ пытливо всматривалась въ каждое новое лицо и въ особенности если это новое лицо сразу не поддавалось пониманію. Она быстро шла впередъ на сближеніе съ новымъ лицомъ, мало обращая вниманія на свѣтскія приличія, и все въ надеждѣ найти это гѣчто. Но, вмѣсто «нѣчто», — если неизвѣстное лицо былъ мужчина, — ей преподносилось изліяніе въ любви, — иллюзія разумъ исчезала и она снова впадала въ тоску.

Такъ было съ ней и при встрѣчѣ съ Худяковымъ, который казался ей загадочнымъ. И вотъ, желая какъ можно скорѣе открыть въ немъ это «нѣчто», она устроила компаніей катанье на тройкѣ, а сама вдвоемъ съ Худяковымъ сѣла въ маленькія саночки и поѣхала впередъ.

«Снѣгъ радужными облачками подымался у ногъ скачущихъ лошадей и долго стоялъ искрящимися пылинками по дорогѣ. Полозья гулко скрипѣли по промерзшему снѣгу; парь летѣлъ отъ лошадей; кучера звонко юсвистывали, напоминая Соловья-разбойника.

— Ну, что же хотѣли вы мнѣ сказать?—спросила Желковская у Худякова, когда они успѣли довольно далеко уѣхать отъ дома. — Охъ, да какія же у васъ узенькія санки! Я боюсь упасть. Вы ужъ не церемоньтесь, держите меня крѣпче.

Худяковъ обнялъ ее поверхъ мягкой, пушистой атласной шубки.

— Ну, вотъ такъ! Такъ мнѣ не страшно!—воскликнула она, улыбулась и взглянула близко въ его глаза. Морозъ подрумянилъ ея щеки, обыкновенно блѣдныя, и сдѣлалъ ее какъ-то еще моложе. Глаза ея ярко блестя. Польская мѣховая шапочка, надѣтая нѣсколько на-бокъ, придавала какую-то храбрость; удалъ ея лицу и взглядамъ. Отъ ея глазъ ему сообщалась какая-то юная бодрость и шаловливость.

— А если мнѣ сейчасъ не хочется говорить того, о чемъ я думалъ прежде? Если моя хандра вдругъ прошла?—счастливымъ голосомъ, почти страстно проговорилъ онъ.

— О, значитъ, я хорошій докторъ!—воскликнула она и вдругъ звонко, какъ-то странно засмѣялась» (стр. 70).

Съ этого момента онъ сталъ ей противенъ. Иллюзія исчезла.

Черезъ нѣсколько минутъ съ ней сдѣлался обморокъ. Пришлось свернуть съ дороги и заѣхать къ Пименову, тому юному раскольнику, о которомъ упоминалось выше.

Когда она пришла въ себя, отдохнула, Пименовъ развелъ самоваръ. Всѣ усадились къ столу. Завязался разговоръ. Рѣчи Пименова заинтересовали Желковскую. У нея опять блеснула иллюзія — открыть въ юномъ раскольникѣ то новое, надеждой на что она жила.

Она съ жадностью прислушивалась къ его словамъ, когда онъ говорилъ: «Природа — это мы сами, наше созданіе, наше дитя. Я говорю о видимой природѣ, о той, которую мы видимъ. Эту мы создали и создаемъ каждое мгновеніе нашимъ представленіемъ»... «Значить, наши страданія, — думала въ это время Желковская, — смерть людей близкихъ... тоже мы создаемъ сами... Да... да?... Я не понимаю» (стр. 42). Черезъ нѣсколько дней она уже устроила съ нимъ свиданіе въ лѣсу. Онъ пришелъ, много, долго говорилъ. Ей хотѣлось непремѣнно добиться разрѣшенія на слѣдующій вопросъ: «если уже оно (т. е. страданіе) есть въ душѣ, какъ фактъ, — куда его дѣнешь?»

И вотъ Пименовъ учитъ ее, какъ для этого надо выработать иной взглядъ на міръ, чѣмъ существуетъ у всѣхъ, подняться отъ личнаго къ общему, — подняться до того, чтобы пренебречь единичнымъ, тѣлеснымъ, земнымъ.

«Значить, я все только грѣшила и грѣшила? И когда любила личною любовью исключительно родину, а не все человѣчество?... И когда больше всѣхъ любила брата и отца, ненавидя враговъ?...»

Она почти бѣгомъ бросилась домой, цѣлый день провела, молясь въ своей комнатѣ передъ образомъ... Но на другой день она взглянула на всю эту философію иначе, — она уже видѣла ея ложность, — и снова ее охватила тоска съ еще большею силой... Иллюзія исчезла безъ надежды на возвратъ. Она почувствовала, что больше силъ нѣтъ жить, и взяла револьверъ... Но обстоятельства помѣшали ей покончить съ собой, — она занемогла. Романъ оставляетъ ее въ положеніи при смерти больной. Докторъ, который ее лѣчитъ, не понимаетъ ея болѣзни. «Вообще, — говоритъ онъ, — теперь все какія-то странныя болѣзни: все больше душевныя расстройства. Не то чтобы полное помѣшательство, а что-то необыкновенное, ей-богу! Я ужъ и не знаю, какъ и назвать: *вывихъ душевный*» (стр. 220).

Желковская — это единственное лицо въ романѣ, душевная болѣзнь котораго является неизбежнымъ слѣдствіемъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, несмотря на богатый запасъ энергіи и силъ у этой женщины. Только благодаря этому запасу она могла такъ долго протянуть, несмотря на всѣ ужасныя внутреннія муки. На это лицо авторъ положилъ много любви и симпатіи, потому Желковская обрисована въ романѣ яснѣе, рельефнѣе другихъ и вѣрнѣе.

О третьей женщинѣ, дочери дьячка, кончившей курсъ въ гимназіи и уѣхавшей, благодаря помощи Худякова, въ Петербургъ на какіе-то курсы, мы говорить не будемъ, — не стоитъ: личность вводная, очерчена общими чертами, а вѣрнѣй даже и не очерчена.

Какъ видитъ читатель, весь романъ г. Красова является какъ бы домою умалишенныхъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ здоровыхъ людей: всѣ дѣйствующія лица романа или сходятъ съ ума, или спиваются, какъ, напр.

мужъ Надежды Николаевны — человекъ развитой, нѣкогда имѣвшій громадное вліяніе на своихъ ученицъ, но который не сумѣлъ справиться съ *личнымъ* несчастіемъ, *личнымъ* горемъ. Последнее едва ли кого оглавляетъ въ покоѣ, а между тѣмъ изъ-за него не всѣ же спиваются, не всѣ же гибнутъ въ дѣйствительности... Всѣ лица, выведенныя въ романѣ, люди развитые, добрые, гуманные, честные, съ лучшими запросами на жизнь (исключая мужа Желковской), чѣмъ толпа вообще, и всѣ они оказываются безсильными: падаютъ при первомъ препятствіи, въ которымъ даже и борются не пробуютъ, вслѣдствіе своей трусости и дряблости... Нѣтъ, лучшіе люди такъ скоро не отступаютъ передъ препятствіями, такъ скоро, безъ борьбы, не гибнутъ! Когда требуется борьба, они видятъ въ ней жизнь и борются до потери силъ, но не отступаютъ, не прячутся, не уходятъ искать покоя за границу... Такъ говорить намъ дѣйствительность.

Читается романъ г. Красова или, точнѣе, первая его половина довольно легко: красиво мелькаютъ передъ читателемъ знакомыя картины студенческаго бала, мертвецкой, простыхъ, хорошихъ отношеній студентовъ и студентокъ; не менѣе живо и красиво рисуются деревенскія пошлѣлки съ бойкой солдаткой Машей, съ ея горячими поцѣлуями... Но далѣе, по мѣрѣ того, какъ усложняются отношенія героевъ и вводятся новые лица, авторъ то комкаетъ рассказъ, то неизмовѣрно его растягиваетъ. Такъ растянута болѣзнь Страхова, къ постели котораго, почти въ концѣ романа, введено новое лицо — дочь дьячка; ей Строевъ говоритъ свои длинныя рѣчи и между прочимъ жалуется, что въ теперешней междоусобной войнѣ никакъ не поймешь, кто—свой, кто—чужой.

К.

Сочиненія Н. К. Михайловскаго.

Н. К. Михайловскій, сотрудничающій въ *Отечественныхъ Запискахъ* тринадцать лѣтъ, давно уже занялъ видное мѣсто въ литературѣ. Въ 1879 году предпринято имъ изданіе своихъ сочиненій. Вышло три тома, содержащіе большую часть статей, печатавшихся въ журналѣ съ 1868 по 1875 годъ. Но сюда не вошли самыя крупныя работы автора за этотъ періодъ времени: «Что такое прогрессъ?» и «Теорія Дарвина и общественная наука». Работы эти представляютъ самое полное развитіе соціологическихъ воззрѣній г. Михайловскаго. Такъ понимаетъ ихъ и самъ авторъ, что видно изъ слѣдующихъ строкъ предисловія: «Многое (главнымъ образомъ статьи: «Что такое прогрессъ?» и «Теорія Дарвина и общественная наука») будетъ значительно дополнено и сведено въ одну цѣльную работу. Съ нею именно думалъ я начать изданіе, но текущая журнальная дѣятельность поглощаетъ столько времени и силъ, что я, при всемъ желаніи, не могъ до сихъ поръ сдѣлать это сравнительно небольшое дѣло».

Основное значеніе литературной дѣятельности г. Михайловскаго есть борьба противъ крупныхъ недоразумѣній и ошибокъ въ дѣлѣ перенесенія биологическихъ законовъ въ социальныя отношенія.

Съ половины 18 ст., когда мысль просвѣщенныхъ людей освободилась отъ теологическаго взгляда на общественные порядки, и вплоть до нашихъ дней не прерываясь идетъ въ умственной сферѣ работа созиданія социальной организаціи, долженствующей возможно полно осуществить свободу, гражданское равенство, матеріальное благосостояніе, адътриюстическія отношенія, всестороннее развитіе человѣка. Последнее слово экономической науки выясняетъ, что для реализаціи такого порядка вещей самое важное: реформа въ организаціи производства въ направленіи приуроченія распредѣленія къ количеству труда, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ техническія выгоды крупнаго, машиннаго производства. Проведеніе по мѣрѣ возможности этихъ воззрѣній и стремленій въ жизнь составляетъ девизъ тринадцатилѣтней литературной дѣятельности г. Михайловскаго. Всѣ правительственныя мѣропріятія, общественныя событія, выходящія книги, направленія газетъ и журналовъ разсматривались имъ лишь постольку, поскольку они на пользу или во вредъ исповѣдуемому имъ общественному идеалу. Почти половина содержанія вышедшихъ трехъ томовъ составляютъ «Литературныя обзорѣнія», гдѣ г. Михайловскій является критикомъ и публицистомъ. Но не въ нихъ значеніе его дѣятельности. У г. Михайловскаго нѣтъ того огня, силы слова, какіе необходимы для публициста и критика, чтобъ оказать сильное вліяніе на умы. Г. Михайловскій силенъ какъ мыслитель. Статьи философскаго содержанія—лучшія его работы. Благодаря имъ онъ занялъ почетное мѣсто среди писателей, работавшихъ для выясненія природы социальныхъ отношеній.

Современная биологія установила законъ развитія органической жизни. Законъ этотъ состоитъ въ прогрессирующемъ дифференцированіи формъ. Изъ одной или нѣсколькихъ первичныхъ формъ развилось все разнообразіе теперешней органической жизни. Это поступательное дифференцированіе выражается въ недѣлимомъ—раздѣленіемъ труда между органами. Въ *общемъ правилѣ* организмы постоянно усложняются, или, употребляя формулу физиолога Бэра, «последовательный рядъ измѣненій приводитъ однородное къ разнородному».

Какъ въ организмахъ, по общему правилу, путемъ последовательныхъ измѣненій, увеличивается раздѣленіе труда между органами, такъ точно и поступательный ходъ общественной жизни представляетъ разрастающееся раздѣленіе труда, занятій между классами и индивидами. Отсюда мысль, что законъ развитія недѣлимаго и общества одинъ и тотъ же: законъ прогрессирующаго дифференцированія. Это положеніе составило краеугольный камень социологическаго ученія Спенсера, а за нимъ и большинства биологовъ и социологовъ.

Объяснись мощнымъ положеніе, что поступательный ходъ органической и общественной жизни тождественъ, тогда развиты гуманистическіе идеалы. Идея человѣческаго достоинства, братства, за которыя боролись, страдали и умирали лучшіе, самоотверженные люди со времени величайшаго нравственнаго образа Христа, — идеи эти оказались бы иллюзіей. Торжествуй тогда принципъ — homo homini lupus est!... И чѣмъ рѣшительнѣе проводился бы этотъ принципъ, тѣмъ быстрѣе, полнѣе совершался бы поступательный ходъ развитія общества, ибо тѣмъ самымъ глубже выступало бы общественное дифференцированіе. Но стоило ли бы тогда жить? Большую ли цѣлу имѣть жизнь безъ идеаловъ? Гартманъ раздѣляетъ социологическія воззрѣнія Дарвина и Спенсера и намъ поэтому понятна его пессимистская философія съ «Нирваной» въ конечномъ результатѣ, какъ наилучшемъ и грядущемъ выходѣ для человѣчества. Намъ также понятно, почему книга Гартмана имѣетъ въ настоящее время такой успѣхъ: социологическія идеи Дарвина и Спенсера оказали сильное вліяніе на современную мысль, вѣра въ идеалы пошатнулась, жизнь утратила свою лучшую сторону, публики находятъ у Гартмана приведенными въ систему тѣ безотрадныя мысли и чувства, которыя отвѣчаютъ ея настроенію. Современный кризисъ въ области идеаловъ есть вопль нашего времени. Общественная атмосфера затхлая. Цѣнность жизни понизилась. Количество самоубійствъ небывалое.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ въ настоящее время въ области нравственно-политическихъ наукъ? Большинство біологовъ и социологовъ, вслѣдъ за свѣтилами науки, провозглашаютъ борьбу за привилегированное социальное положеніе верховными нравственными принципами и совѣтуютъ отнять костюмъ у хромого, чтобъ онъ, разбивъ лобъ о тротуары роскошныхъ лондонскихъ, парижскихъ и т. д. улицъ, избавилъ общество отъ себя, слабаго и негоднаго члена. Свѣтило американской мысли, Дрэперъ, отождествляя развитіе организма съ обществомъ, видитъ *прогрессъ*, *возрожденіе разума* въ строеніи общества, подобномъ съ строеніемъ недѣлимаго высшаго типа. Въ его обществѣ, такимъ образомъ, должны быть члены, специально посвятившіе себя нервной дѣятельности: это — головной мозгъ общества. Съ другой стороны, «самая многочисленная часть общества должна посвятить себя работѣ (физической), едва выучиваясь чему-нибудь, не относящемуся къ ея ежедневному труду; всякаго усовершенствованія она достигаетъ простымъ подражаніемъ. Она повинуется своимъ наследственнымъ инстинктамъ, не имѣя никакой идеи ни о прогрессѣ, ни о развитіи. Управляемая внѣшними явленіями и своими собственными побужденіями, она не способна ни къ комбинаціямъ, ни къ обобщеніямъ. Ея движеніе вполне зависитъ отъ скрытаго вліянія внѣшнихъ дѣятелей. Эта обширная масса, подобно облаку, стремится къ своей участи по направленію невидимаго вѣтра». Положивъ, такимъ образомъ, рѣзкую гра-

ницу между трудомъ физическимъ и умственнымъ, Дрэперъ проповѣдуетъ дальнѣйшую спеціализацію труда и новыя его дробленія.

Но неужели и вправду законъ развитія общественной жизни таковъ, какъ его указываютъ большинство дарвинистовъ? Неужели надо отказаться отъ гуманистическихъ идеаловъ?—Вотъ вопросы, которые для человѣка съ развитымъ сочувствіемъ, способнаго переживать чужую жизнь, ея радости и страданія, представляются самыми существенными изъ всей области знаній. Это тѣ первые вопросы, на которые со страхомъ и страстью накидывается такой человѣкъ, какъ только онъ подошелъ къ величественной области научныхъ обобщеній. Отъ того или другого рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ: отказаться ли съ болью въ сердцѣ и съ потерей смысла жизни отъ всякой дѣятельности на пользу обдѣленныхъ классовъ или, напротивъ, укрѣпивъ въ себѣ путемъ научной критики гуманистическіе идеалы, сохранить интересъ къ жизни, работать на подготовленіе условій къ осуществленію идеаловъ и пропагандировать ихъ въ окружающей средѣ. Сознательная, вполне цѣлесообразная общественная дѣятельность невозможна, пока не установленъ смыслъ развитія общественной жизни и не выяснены условія прогресса. Отсюда ясно, что вопросы: *каковъ смыслъ поступательнаго движенія человечества и что такое прогрессъ?*—суть основные вопросы соціологіи и исторіи. Пока соціологъ и историкъ не уяснили себѣ этихъ вопросовъ, до тѣхъ поръ отдѣльныя части соціологіи и исторіи отрывочны, ихъ отношенія неопредѣленны и изслѣдователь не можетъ идти далѣе собиранія и группировки фактовъ, далѣе простаго описанія того, что было и что есть, далѣе полученія кое-какихъ эмпирическихъ законовъ, научный смыслъ которыхъ остается неяснымъ. Словомъ, пока соціологія и исторія не установили смысла поступательнаго движенія и прогресса, до тѣхъ поръ онѣ, какъ цѣльныя и единыя науки, не существуютъ.

Значительное число работъ г. Михайловскаго посвящены вопросу о законѣ развитія общественной жизни. Это самыя лучшія статьи. Написаны онѣ горячо, убѣдительно и при помощи большой эрудиціи. Литература западной Европы за послѣдніе два года начинаетъ понемногу отдѣлываться отъ ошибокъ въ дѣлѣ примѣненія біологическихъ законовъ къ соціологіи, обосновываетъ научно-гуманистическіе идеалы и приходитъ къ выводамъ весьма близкимъ къ воззрѣніямъ, высказаннымъ г. Михайловскимъ.

И. Иванюновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Наступленіе новаго года, послѣ тяжелаго и грустнаго 1881-го, составляетъ само по себѣ пріятное событіе. Хочется думать, что все горькое останется позади, за этою гранью, по ту сторону перваго января 1882 года. Изъ эпохи страшныхъ событій и хаотическаго настроенія утѣшительно вступить въ другую эпоху, когда должны господствовать ясныя цѣли, когда должны исполниться завѣтныя желанія общества. Опытъ отъучилъ насъ отъ наивныхъ упованій на «вѣянія», скоротечность и измѣнчивость которыхъ нигого уже не приводятъ въ изумленіе. Но ничто не заставляетъ насъ отказаться отъ глубокой вѣры въ недалекое свѣтлое будущее, отъ твердой надежды на возможность нравственнаго успокоенія и дѣятельной общественной работы. Ни для кого не тайна, въ какомъ томительномъ состояніи находилась Россія съ несчастнаго дня 1-го марта 1881 года. Повсюду ужасъ, недовѣріе, скрытая или явная злоба, поэтизація насилія, восхваленіе гражданскаго достоинства доноса... Намъ, такъ близко стоящимъ къ этому мрачному году, перестрадавшимъ его, нѣтъ еще возможности взвѣсить его историческое значеніе. Но одно несомнѣнно: за временною путаницей мыслей и чувствъ, за переходящимъ упадкомъ энергіи—уже подымается другая волна. Общественное сознаніе проясняется и либеральное теченіе становится чище и глубже.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что старыя нападки на либерализмъ, избитыя по содержанію, избитыя по формѣ, будутъ продолжаться и въ наступившемъ году. Это въ порядкѣ вещей и даже не бесполезно въ интересахъ правильнаго, здороваго развитія политическихъ идей. Надо только пожелать, чтобы нападки подобнаго рода сопровождались большимъ, чѣмъ это было до настоящаго времени, уваженіемъ къ чужому мнѣнію и къ личности противника. А нападенія на либерализмъ давно уже раздаются въ русской печати. Еще И. В. Кирѣевскій говорилъ: «глупый либерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ». Кто же станетъ защищать *глупый* либерализмъ, да еще въ ущербъ уваженію къ законамъ?! Скромныя

желанія русскаго общества заключаются въ стремленіи достигнуть либеральныхъ законовъ, которые высоко подняли бы авторитетъ власти въ глазахъ всѣхъ образованныхъ людей.

Необходимо разобратся въ массѣ фактовъ, статистическихъ свѣдѣній и мелкихъ подробностей общественнаго быта, овладѣть ими, выдвинуть на первое мѣсто ясныя, точно формулированныя идеи. Нельзя не сочувствовать тому стремленію—изучить народную жизнь, уразумѣть весь складъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, которое съ замѣчательною силой развивается въ послѣдніе годы. *Русская Мысль* съ особенною любовью относится ко всѣмъ изслѣдованіямъ подобнаго рода. Мы всегда и горячо возставали противъ пренебрежительнаго взгляда на народъ, противъ того (въ дѣйствительности мало распространеннаго теперь) воззрѣнія, по которому въ народѣ отрицается все свѣтлое, все самобытное. Мы утверждали, что между образованными людьми и народомъ нѣтъ разрыва, а было только неполное пониманіе другъ друга. Изученіе религіозныхъ движеній, нравовъ и экономическаго положенія народа даетъ всему образованному обществу возможность сознательно относиться къ духовнымъ и хозяйственнымъ потребностямъ массы населенія. Распространеніе начального образованія подымаетъ самосознаніе народа, сближаетъ его образъ мыслей съ образомъ мыслей людей, прошедшихъ высшую школу,—не въ казенномъ смыслѣ послѣдняго слова, разумѣется. Общество, какъ выразился одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ публицистовъ, тотъ же народъ, на второй и высшей, конечно, ступени развитія. Правда, между этимъ обществомъ и народомъ могутъ происходить, и дѣйствительно происходили, недоразумѣнія. Кулаки и мірофды не вѣдаютъ тѣхъ сомнѣній, которыя мучаютъ «либераловъ»: ихъ отношеніе къ народной массѣ ясно и просто и опредѣляется грубымъ расчетомъ на наживу. Но великая задача согласованія того, что принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ завоеваніямъ образованности, съ тѣмъ, что составляетъ вопіющую нужду такъ называемаго простаго народа, не легко дается современному человѣку. Можно утѣшаться въ этомъ случаѣ тѣмъ разсужденіемъ, которое двадцать лѣтъ тому назадъ было напечатано на страницахъ *Русскаго Вѣстника*: «Что оцѣпляетъ и убиваетъ мысль, то все ходитъ торными и удобными путями; что вызываетъ движеніе мысли въ какую-либо сторону, то все должно пробиваться съ неимоверными усиліями, встрѣчая запинки и задержки на каждомъ шагѣ» (*Русскій Вѣстникъ* 1861 г., февраль, «Литературное обозрѣніе»).

Но указанное нами благотворное и постоянно усиливающееся движеніе, которое направлено къ всестороннему изученію народной жизни, грѣшитъ нѣкоторою односторонностью, ибо теоретическая мысль отодвигается на задній планъ, возбуждаетъ недовѣріе или прямое осужденіе. А между тѣмъ было бы совершенно нелѣпностью предположить, что все достигнутое эту мыслью въ теченіе многихъ вѣковъ не заслуживало

глубокаго вниманія. Только при вѣчномъ, безустанномъ взаимодействіи науки и жизни, образованныхъ людей и пробуждающагося народа—возможно накопленіе знаній, идей и благосостоянія...

Часто слышатся упреки въ томъ, что наша литература измелъчала. Но мы ли виноваты?—спросимъ мы словами *Русскаго Вѣстника* за тотъ же 1861 годъ. «Нѣтъ,—говорилось въ этомъ журналѣ:—дѣло въ томъ, что мы находимся на школьномъ положеніи и потому ведемъ себя подобно школьникамъ». А вѣдь въ двадцать лѣтъ русское общество еще выросло, и горькій упрекъ, справедливый тогда, съ большимъ основаціемъ можно повторить въ настоящее время...

Для того, чтобы сѣять, по завѣту поэта, разумное, доброе, вѣчное, чтобы заслужить сердечное спасибо народа, необходима глубокая работа мысли, потому что образованнымъ людямъ нечего сѣять того добраго, которымъ уже обладаетъ народъ. Нашъ общественный строй, явныя и тайныя хищенія, безпросвѣтная жизнь нашей провинціи—давно возбуждали самыя горькія чувства у людей, сознательно относящихся къ государственнымъ вопросамъ. На нашихъ глазахъ происходили крупныя политическія событія въ западно-европейскихъ странахъ, падали однѣ монархіи и грозно усиливались другія. Мы по-неволѣ оставались въ положеніи вѣчныхъ зрителей. Дома было плохо, и стѣсненная мысль радостно отдыхала на явленіяхъ чужой жизни. Когда мы вмѣшивались въ дѣла сосѣдей, то оказывались иногда союзниками неправой стороны; когда мы гордо шли за дѣйствительно прекрасную идею, на великій историческій подвигъ, то наши усилія и жертвы не сопровождались соотвѣтствующими результатами. Не участвуя въ политической жизни сами, мы стали необыкновенно придирчиво относиться къ политическимъ учрежденіямъ и къ государственнымъ людямъ Запада. Одни отъ этой бесплодной критики чужихъ дѣйствій и чужихъ ошибокъ доходили до отрицательнаго отношенія къ конституціонному порядку и на Западѣ; другіе злорадно указывали, какъ шагаютъ черезъ представительныя учрежденія. Понятно, что въ послѣднемъ указаніи звучитъ застарѣлая холопская нотка. А именно съ холопствомъ, на ряду съ хищеніемъ и неправдой, и приходится болѣе всего бороться власти, стремящейся къ просвѣщенію народной массы, къ обезпеченію за нею человѣчески-достойнаго существованія. Государство должно имѣть преданныхъ людей, на которыхъ оно можетъ опираться. Оно располагаетъ войскомъ, полиціей, массою чиновниковъ, находящихся у него на службѣ. Но вѣдь не противъ же собственного народа, не противъ общества должна употреблять правительственная власть эти могущественныя средства. Если общественное мнѣніе развито не достаточно сильно, если оно разсѣяно, не организовано, то утрачивается живая связь между управляющими и управляемыми, и у первыхъ притупляется чуткость къ запросамъ жизни, а у послѣднихъ развивается глубокое недовѣріе и чрезмѣрная требовательность. Такъ какъ у насъ нѣтъ ничего,

то ничто насъ и удовлетворить не можетъ. На самоуправляющемся въ сознаніи уѣздѣ могутъ успокоиться, дѣйствительно, только люди не имѣющіе новыхъ политическихъ идеаловъ. А Россія вступила въ ту эпоху своего историческаго роста, когда провѣрка этихъ идеаловъ является первостепенною и неотложною потребностью.

Быть-можетъ взгляды, нами защищаемые, ошибочны, но вѣдь никакое запрещеніе не отниметъ у насъ самихъ увѣренности въ томъ, что мы говоримъ правду, что общественная нужда указывается нами вѣрно. Мы твердо стоимъ на томъ, что сила и право—не одно и то же, и что въ основу государственнаго и общественнаго строя должны быть положены справедливость и уваженіе къ человѣческой личности. Эту старую и простую мысль, высказанную въ такой формѣ, никто не рѣшится опровергать; но горячія возраженія всегда поднимало и долго еще будетъ поднимать требованіе оградѣній личной неприкосновенности и законности въ управленіи. Въ необходимости этихъ оградѣній мы непоколебимо убѣждены. Въ 1882 году исполнится гражданское совершеннолѣтіе тому поколѣнію русскихъ людей, которые родились послѣ отмѣны крѣпостнаго права. Наступившій годъ принесетъ, быть-можетъ, русскому народу признаніе его общественнаго совершеннолѣтія.

В. Г.

II.

Интересы минуты.

Давно не бывало въ нашей общественной жизни такой пустоты, безсодержательности и томительной скуки, какъ въ настоящее время. Скучно всёми, скука вездѣ и, что всего хуже, некуда бѣжать отъ нея. Отъ этой гнетущей, заѣдающей скуки всё съ жадностью ухватились было, какъ за спасательный якорь, за знаменитую Сару Бернаръ и думали, что высокое наслажденіе искусствомъ поможетъ разсѣять родную скуку. Но видно не время теперь безпечно отдаваться наслажденію искусствомъ. Въ народѣ зародились новые интересы, пробудились страсти, не имѣющіе ничего общаго съ искусствомъ. Едва Сара Бернаръ ступила на Русскую землю, какъ послужила поводомъ и сдѣлалась ни въ чемъ неповинною жертвою вспышки народныхъ страстей среди взволнованнаго рабочаго населенія Одессы. Камень, брошенный изъ толпы въ артистку, былъ сигналомъ для уличныхъ беспорядковъ, которые потомъ нѣсколько дней не прекращались въ Одессѣ; онъ послужилъ началомъ новаго еврейскаго погрома, далеко не перваго и, пожалуй, не послѣдняго въ ряду другихъ подобнаго рода народныхъ вспышекъ. Но и самый одесскій погромъ на этотъ разъ не вызвалъ никакого возбужденія въ обществѣ. Нѣтъ, какъ будто у всѣхъ насъ притупились нервы, какъ будто всё мы нравственно замерли, или заснули. Жизнь идетъ мимо, мелькаютъ люди, быстро проносятся событія, но они не приковываютъ вниманія къ себѣ, не увлекаютъ собою, не захватываютъ общество въ круговоротъ событий, совершающихся въ поверхностномъ слоѣ народной жизни. Такъ бываетъ съ человѣкомъ, когда, послѣ сильнаго душевнаго потрясенія, онъ испытываетъ полное равнодушіе и отчужденность отъ всего, что вокругъ него происходитъ. Что ни говорится, что ни дѣлается вокругъ него, даже въ чемъ онъ самъ принимаетъ дѣятельное участіе—все это какъ будто происходитъ гдѣ-то далеко, далеко, въ другомъ мірѣ, и совершенно чуждо ему. Ничто не западаетъ ему въ душу, не оставляетъ тамъ слѣда, не будитъ на время застывшія мысли и чувства. Это какой-то нравственный сонъ безъ грезъ, тихій и

глубокой, успокоивающей душевныя тревоги и обновляющей на время упавшія нравственныя силы. Тогда происходит въ человѣгѣ нравственный кризисъ и душа пробуждается отъ сна съ освѣженными и обновленными силами, чтобы вновь отдаться на время прерванной, вѣчной, великой борьбѣ за счастье, составляющей весь смыслъ человѣческаго существованія. Не такой ли нравственный кризисъ переживаетъ нынѣ и наше общество? Вѣдь назади насъ, въ нашемъ недавнемъ, такъ-сказать вчерашнемъ, прошломъ была «мечтательная иллюзія», потомъ ужасная катастрофа, а нынѣ передъ глазами — разбитое корыто. Право, есть отъ чего обществу печально склонить голову въ мучительномъ раздумьи надъ самимъ собою, надъ своимъ будущимъ, и въ минуту отчаянной скорби дойти до состоянія нравственнаго обморока.

Да, нужно какъ-нибудь да забыться отъ скуки, отъ этой томительной пустоты и бессодержательности общественной жизни. Во что бы то ни стало и чѣмъ-нибудь да нужно заглушить въ себѣ мучительную боль сердца, обманутаго въ своихъ лучшихъ мечтахъ и стремленіяхъ. Хотя пришлось бы въ потолокъ плевать, лишь бы только на время разсѣять томительную тоску. И люди вдругъ оживляются, горячо набрасываются на ожидаемое удовольствіе отъ плеванья въ потолокъ, шумятъ, давятъ и оттираютъ другъ друга, чтобы скорѣе, какъ можно скорѣе, пустить плевокъ вверхъ. Но вся эта суетня кончается такимъ же точно разочарованіемъ; какъ разочаровалось общество и въ Сарѣ Бернарѣ. Скучно, во всемъ скучно, и ни плевки въ потолокъ, ни Сара Бернаръ не могутъ разсѣять этой скуки, заѣдающей общество. Скука сдѣлала знаменитую артистку героиней дня и та же самая скука была причиной ея неуспѣха въ русскомъ обществѣ, котораго, въ настоящую минуту, ни плевки въ потолокъ, ни Сара Бернаръ удовлетворить не могутъ.

Скучно, скучно!... Гдѣ же искать спасенія отъ этой заѣдающей скуки? Куда обратиться, чтобы разсѣять тоску? Чѣмъ наполнить пустоту, которая зовется у насъ общественной жизнью? Тутъ припоминается минувшее время, когда всѣ съ жадностью хватались за газетныя листы и увлекались, находя въ нихъ неисчерпаемый источникъ самыхъ живыхъ новостей, интересныхъ слуховъ, важныхъ сообщеній, всецѣло поглощающихъ собою вниманіе всѣхъ и cadaго. Тогда газетный равнощикъ былъ самымъ желаннымъ гостемъ, а газета дорогимъ подаркомъ. Теперь не то, — газета обратилась въ какую-то безцвѣтную дрянь, почти-что никому ненужную и едва терпимую въ домѣ. Скука, пустота, бессодержательность въ газетѣ точно такая же, какъ и во всей жизни. Нынѣшняя газета — это выѣденное яйцо, или выжатый лимонъ; это — безцвѣтная и ненужная дрянь, которую остается только выбросить вонъ... И къ чему брать въ руки газету, зачѣмъ читать ее, когда напередъ знаешь, что тамъ не встрѣтишь равно ничего живаго, ничего такого, что бы могло глубоко заинтересовать человѣка. Тамъ одна только пустота и скука. Тамъ утомительно

и надоѣдливо пестрять глаза безконечныя сообщенія, что по такому-то департаменту и по такому-то параграфу такой-то статьи расходной смѣты ожидается экономія во столько-то тысячъ рублей. Всѣ эти сообщенія не связаны между собой, являются въ отрывочномъ видѣ, а газеты не даютъ себѣ труда разъяснить читателямъ, какой смыслъ имѣютъ эти скучныя при своей отрывочности сообщенія. Читаешь въ сотый разъ подобнаго рода сообщенія и съ досадою спрашиваешь себя: какое значеніе въ нашемъ финансовомъ бюджетѣ могутъ имѣть сокращенія расходовъ по отдѣльнымъ статьямъ смѣты, какъ, наприм., на очистку трубъ и ретиранныхъ мѣсть въ какомъ-нибудь департаментѣ? Или, вотъ, не въ первый и не въ послѣдній разъ появляется газетное извѣстіе, что крамола уничтожена, старыя политическія дѣла окончены производствомъ, а новыхъ дѣлъ не возникаетъ. Это ли еще не пріятное извѣстіе? Отъ него ли не успокоиться и не возрадоваться обществу? И однако газетное извѣстіе не производитъ ровно никакого впечатлѣнія, совсѣмъ не останавливаетъ на себѣ вниманія. А отчего?—Все оттого, что въ обществѣ совсѣмъ развита вѣра въ правдивость сообщаемыхъ ему свѣдѣній и полное равнодушіе къ газетнымъ извѣстіямъ поддерживается слишкомъ частыми фактами, доказывающими самую наглую и безстыдную лживость газетныхъ сообщеній. Сегодня газеты сообщаютъ извѣстіе изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, а завтра изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ опровергаютъ его; послѣзавтра первое извѣстіе снова появляется въ газетахъ, а потомъ опять опровергается. Чему же вѣрить и можно ли въ настоящее время въ чемъ-нибудь довѣрять газетамъ?... Нѣтъ, ложь самая чудовищная и безстыдная постоянно появляется въ газетныхъ листкахъ и дѣлаетъ изъ нихъ какую-то гадость, которую не только противно читать, но стыдно оставлять въ домѣ, какъ всякую неопрятную вещь. Вѣчныя противорѣчія, постоянная ложь затуманиваютъ глаза обществу и сбиваютъ его съ толку. Никто не разберетъ, что такое на самомъ дѣлѣ творится у насъ, куда мы идемъ,—и среди окружающаго насъ хаоса ясно только одно, что всѣмъ скучно...

Странныя явленія происходятъ въ обществѣ, гдѣ царствуютъ скука и полное недовѣріе къ извѣстіямъ о положеніи дѣлъ, ежедневно распространяемымъ нашею изолгавшеюся прессою. Кажется, еще никогда ранѣе не ходило у насъ такого множества изустныхъ разназовъ и съ уха на ухо передаваемыхъ слуховъ, какъ въ теперешніе скучные дни. Просто изумляешься, какъ это возможно, чтобы, напримѣръ, въ Москвѣ распространялись и упорно держались принимаемые на вѣру слухи о такихъ событіяхъ въ Петербургѣ, о которыхъ тамъ нѣтъ никакой молвы, по той простой причинѣ, что никакихъ такихъ событій и не было. Сообщение между двумя столицами никогда не прерывается, множество петербургскихъ жителей ежедневно прѣзжаютъ въ Москву и чуть не клятвенно увѣряютъ, что никакихъ событій въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ; но Москва знать ничего не хочетъ и продолжаетъ толковать все о тѣхъ же собы-

тіяхъ, каждый день выдумывая новыя, одно изумительнѣе другаго. И какъ могутъ возникать и поддерживаться подобныя слухи въ странѣ, гдѣ существуютъ газеты? Вѣдь, рассказываютъ о такихъ происшествіяхъ, которыя составляютъ явленія самой крупной величины и о которыхъ газеты обязаны оповѣстить всему міру. Удивительно почти до невѣроятности это недовѣріе общества къ газетамъ съ одной стороны, а съ другой—невниманіе газетъ къ тому, что происходитъ въ глубинѣ общества. Кажется, прямое дѣло всякаго честнаго органа печати опровергать ложныя слухи, успокаивать встревоженное ими общество. Но газеты совсѣмъ молчатъ о слухахъ и продолжаютъ сообщать надобвшія всѣмъ извѣстія о предполагаемомъ сокращеніи расходовъ на очистку дымовыхъ трубъ и ретирадныхъ мѣстъ по департаментамъ. И мало того, что газеты молчатъ о слухахъ, но они молчатъ и о дѣйствительно совершившихся событіяхъ въ то время, когда тѣ извѣстны всѣмъ и каждому. Удивительное сочетаніе лживой болтовни и не встати скромнаго молчанія!

Самый разительный примѣръ отношенія газетъ къ событіямъ, глубоко затрогивающимъ интересы общества, представляетъ собою исторія, случившаяся по поводу покушенія на жизнь генерала Черевина. Какъ извѣстно, покушеніе было совершено 13 ноября, около 2-хъ часовъ дня, и слухъ объ этомъ происшествіи распространился во всемъ Петербургѣ въ тотъ же день. «Въ пятницу, 13-го ноября, — рассказываетъ г. Градовскій въ *Московскомъ Телеграфѣ*, — въ то самое время, когда придворный и чиновный Петербургъ обѣдаетъ и, откушавъ, полудремлетъ, приготавлиаясь къ вечерней, самой родственной ему, наипетербургской, жизни, быстроногій Гермесъ, вѣстникъ боговъ, исполнявшій въ доисторическія времена роль телеграфа, съ быстротою электричества, разнесъ по гостинымъ и кабинетамъ столицы роковую вѣсть, что гидра крамолы ожила и что одинъ изъ борющихся съ нею государственныхъ людей едва не палъ жертвою предательскаго нападенія. Въ театрахъ пропали монологи актеровъ; Марчелла Зембрихъ тщетно выдѣлывала свои фіоритуръ; на всѣхъ петербургскихъ «пятницахъ» никто не хотѣлъ слушать мнѣній и споровъ объ игрѣ Сарасате, только наканунѣ дававшего свой второй концертъ. Даже за карточнымъ столомъ, самые нетерпѣливые и обстоятельные люди, не долюблывающіе, чтобы партнеры «отвлекались отъ дѣлъ», чтобы «пятыя игроки» вмѣшивались «съ посторонними разговорами» и нарушали ихъ священнодѣйствіе, — даже эти солидные и благонамѣренные люди терпѣливо складывали карты и внимательно слушали въ десятый разъ подробности о покушеніи на жизнь генерала Черевина... Въ утро не было во всей столицѣ такого человѣка, который бы не зналъ о происшествіи, а швейцары и дворники, всегда первые узнающіе всякую важную новость, еще съ вечера имѣли должное о ней политическое совѣщаніе на подъѣздахъ и передавали свои заключенія возвращавшимся жильцамъ. Вѣсть, конечно, росла въ ширь и въ глубь. Утромъ въ субботу уже говорили о нѣсколькихъ покушеніяхъ, про-

носили совѣтъ другія имена, перепутывали фамилію преступника. Въ субботу всѣ жадно кинулись къ газетамъ, рассчитывая найти въ нихъ точное описаніе событія и какую-нибудь руководящую нить для сужденія о немъ. Вѣдь, каждое такое происшествіе, по бывшимъ примѣрамъ, можетъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ планы, обратить ни во что вчерашнія надежды, поднять на ноги казавшееся невозможнымъ и опустить въ невидимую таинственную глубь и мракъ считавшееся несомнѣннымъ и окруженнымъ всѣмъ блескомъ теплаго, торжественно, радостно сіяющаго солнца. Вчерашніе кумиры въ подобныхъ случаяхъ легко низвергаются и никто не пробуетъ даже поднять ихъ оттуда. Но расчеты были обмануты. Не только ни одна частная газета не проронила ни одного слова, но даже *Правительственный Вѣстникъ* хранилъ невозмутимое молчаніе о томъ, что волновало всю столицу, о чемъ, безъ сомнѣнія, заговорили уже и въ провинціи, и въ Европѣ. Печать говорила о чемъ угодно, общала всевозможныя новости, но не было на газетныхъ страницахъ только того, чего всѣ отъ нихъ ожидали. Она притворялась глухою и нѣмою, точно ничего не произошло и на такихъ «вещахъ» даже останавливаться странно. Правда, стрѣляли въ одного изъ главныхъ дѣятелей въ обезпеченію общественнаго порядка и государственной безопасности; дѣйствительно, одинъ человѣкъ сдѣлался убійцею, а другой едва не заплатилъ своею жизнью, — но что же изъ этого? Развѣ это въ первый разъ? Развѣ ничего подобнаго не бывало?... Вѣдь вотъ какое впечатлѣніе получалось отъ этого страннаго молчанія печати и презрительнаго невниманія ея къ интересамъ публики.

Обществу извѣстно о покушеніи на жизнь генерала Черевина только изъ двухъ источниковъ: изъ правительственныхъ сообщеній, напечатанныхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, и изъ газеты *Новое Время*, передавшей читателямъ нѣкоторыя подробности покушенія одновременно съ первымъ правительственнымъ сообщеніемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, правительственныя сообщенія отличаются сдержанностью и не могутъ возбудить ни малѣйшаго сомнѣнія въ фактической вѣрности ихъ. Первое, появившееся 15-го ноября, правительственное сообщеніе передаетъ, что «13-го ноября, около двухъ часовъ дня, на подъѣздѣ департамента государственной полиціи явился молодой человѣкъ съ письмомъ, адресованнымъ на имя товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Черевина. По доставленіи письма, заключавашаго просьбу принять подателя по экстренному дѣлу, свиты Его Величества генералъ-майору Черевину, находившемуся въ засѣданіи особаго совѣщанія для пересмотра дѣлъ административно-ссылныхъ, генералъ пригласилъ доставившаго письмо въ пріемную комнату. Здѣсь, на вопросъ о существѣ экстреннаго дѣла, неизвѣстный выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ товарища министра въ упоръ. Выстрѣлъ этотъ, къ счастью, не причинилъ вреда генералу Черевину, который самъ обезоружилъ злоумышленника и приказалъ его аре-

ствовать. Задержанный на допросъ объяснилъ, что онъ—дворянинъ Гродненской губерніи, Николай Санковскій, и прибылъ въ Петербургъ за нѣсколько дней передъ слѣдъ изъ Моршанска, вмѣстѣ съ мѣщаниномъ Мельниковымъ, состоявшимъ тамъ подъ надзоромъ полиціи по прежней судимости за кражу. Изъ показанія Санковскаго слѣдовало заключить, что Мельникову было извѣстно о задуманномъ преступленіи и что письмо на имя генерала Черевина было написано имъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ къ розыску Мельникова, онъ былъ въ слѣдующую ночь арестованъ». Въ дополненіе къ этому, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано второе правительственное сообщеніе, что «при изслѣдованіи покушенія на жизнь генерала Черевина, подтвердилось, что при учиненіи преступленія виновные руководились побужденіями исключительно политическаго свойства. Въ виду этого министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ принять мѣры къ возможно быстрому разрѣшенію дѣла судомъ. Поэтому оконченное петербургскимъ городскимъ управленіемъ дознаніе объ уроженцѣ Гродненской губерніи Николаѣ Мартыновѣ Санковскомъ, оказавшемся брестъ-литовскимъ мѣщаниномъ, и участникѣ его, петербургскомъ мѣщанинѣ Павлѣ Николаевѣ Мельниковѣ, на основаніи 17 ст. Положенія о государственной охранѣ, передано военному суду». Таковы чрезвычайно сдержанныя и строго фактическія правительственныя сообщенія. Совершенно другимъ характеромъ отличается сообщеніе *Новаго Времени*, появившееся одновременно съ первымъ правительственнымъ сообщеніемъ. Правительственное сообщеніе о личности злоумышленника упоминаетъ кратко, что на допросѣ онъ назвался дворяниномъ Гродненской губ. Николаемъ Санковскимъ. Эти слова послужили канвою, на которой *Новое Время* постаралось вывести замысловатый узоръ своего собственнаго издѣлія. «Преступникъ—уроженецъ западныхъ губерній, польскій дворянинъ, имѣвшій состояніе, но промотавшій его, пускавшійся въ аферы, содержавшій, между прочимъ, буфетъ въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ. Всѣ эти аферы привели его къ крайней бѣдности, почти къ невозможности дальнѣйшаго существованія. Онъ намѣревался покончить съ собой самоубійствомъ, но въ эти критическія для него минуты нашелся одинъ изъ поднадзорныхъ. Онъ сталъ обращать кандидата въ самоубійцы въ свою вѣру и убѣждать его перемѣнить намѣреніе убить себя на намѣреніе убить другаго, котораго указать ему,—сдѣлаться не самоубійцею, котораго никто знать не будетъ, а такъ-называемымъ политическимъ преступникомъ, имя котораго узнаетъ на минуту вся вселенная». Выдумка о польскомъ дворянинѣ вполне опровергнута вторымъ правительственнымъ сообщеніемъ, такъ что газетная ложъ здѣсь несомнѣнна. Но заключается ли ложъ только въ сообщеніи *Новаго Времени* о польскомъ дворянствѣ Санковскаго, или же и во всемъ остальномъ, этого общество не знаетъ и склонно думать, что, пожалуй, все цѣликомъ газетное сообщеніе есть не что иное какъ мажоръфрантная выдумка. А между тѣмъ откуда взять

мало-мальски правдивыя свѣдѣнія о происшествіи, возбуждившемъ глубокой интересъ въ обществѣ? Ни одна газета, за исключеніемъ *Новаго Времени*, не сообщила ни строчки ни о личности злоумышленника, ни о подробностяхъ покушенія, ни о ближайшихъ политическаго свойства мотивахъ преступленія. Безъ сомнѣнія, газеты могли сообщить много интереснаго въ этомъ отношеніи, и если ничего не сообщили, то имѣли на то свои причины. Отчего же онѣ молчатъ? Неужели изъ одного опасенія ввести общество въ заблужденіе ложными свѣдѣніями?—Едва ли это было такъ; вѣдь, каждый почти газетный листъ въ послѣднее время до того переполненъ ложью, что, кажется, газеты совсѣмъ потеряли способность краснѣть отъ стыда. Не дана же въ самомъ дѣлѣ *Новому Времени* привилегія лгать не въ примѣръ прочимъ. Коль скоро всѣ газеты ежедневно упражняются во лжи, то едва ли и въ данномъ случаѣ былъ какой реюнь имъ воздерживаться отъ усвоенной привычки лгать безъ зазрѣнія совѣсти. Между тѣмъ для общества все-таки было бы много выгоды, еслибы газеты сообщали побольше подробностей по дѣлу Санковскаго. Тогда, глядишь, въ массѣ лжи все-таки отыскались бы какія-нибудь крупицы правды. А безъ этого общество бродитъ въ потьмахъ, совсѣмъ не зная, гдѣ найти объясненіе такого крупнаго событія, какъ покушеніе на жизнь генерала Черевина. Оставить безъ вниманія это происшествіе невозможно, потому что оно слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза и вызываетъ въ головѣ множество вопросовъ, которые пока остаются безъ отвѣта, и Богъ вѣсть, дождется ли общество, и скоро ли дождется, этого отвѣта.

Общество еще могло ждать хотя бы поздняго объясненія поражающихъ его событій, пока въ немъ жила увѣренность, что отвѣты на запросы его будутъ даны правительствомъ, какъ только представится возможность къ тому. Вѣра въ гласный судъ сдерживала нетерпѣніе общества скорѣе получить отвѣты на интересующіе его вопросы. Но теперь газеты своею ежедневною ложью стараются поколебать и эту вѣру. Не успѣвъ, кажется, замолкнуть выстрѣлъ, направленный въ ген. Черевина, какъ газеты успѣшили сообщить изъ компетентныхъ источниковъ, что «почти всѣ политическія дѣла, возбужденныя въ административномъ порядкѣ департаментомъ государственной полиціи, оконченны теперь разсмотрѣніемъ въ политическомъ отдѣленіи министерства юстиціи. Всѣхъ дѣлъ этого рода поступило въ настоящемъ году около 1.500, изъ которыхъ половина прекращена по заключеніямъ названнаго отдѣленія. Много дѣлъ было возбуждено по доносамъ, нѣкоторые изъ коихъ оказались завѣдомо ложными, произведенными изъ мести и другихъ побужденій. Такихъ дѣлъ оказалось почти 4% всего числа дѣлъ и министерство юстиціи, какъ слышно, настаиваетъ на преданіи суду ложныхъ доносчиковъ. Поступленіе новыхъ политическихъ дѣлъ за послѣднее время стало чрезвычайно ничтожно». Если вѣрить этому извѣстію, то выходитъ, что крамола совсѣмъ подавлена, зло вырвано съ корнемъ. Положимъ, что покушеніе на

жизнь ген. Черевина наводитъ на мысль, что не совсѣмъ-то все подавлено и не всѣ корни вырваны; но, съ другой стороны, сообщеніе о чрезвычайно ничтожномъ поступленіи политическихъ дѣлъ внушаетъ надежду, что быть-можетъ покушеніе Санковскаго было не болѣе какъ единичнымъ проявленіемъ злой воли нравственно погибшаго человѣка. Можетъ-быть Санковскій былъ послѣднимъ корнемъ зла; теперь корень вырванъ, выброшенъ и все обстоитъ благополучно. Да, при сопоставленіи преступленія Санковскаго съ извѣстіемъ о ничтожномъ поступленіи новыхъ политическихъ дѣлъ, пожалуй, не мало найдется людей, которые будутъ самодовольно повторять старые стихи:

Послѣдняя тучка разсѣянной бури!
 Одна ты несешься по ясной лазури,
 Одна ты наводишь унылую тѣнь,
 Одна ты печалишь ликующій день.

«Ликующій день, ясная лазурь»—что за прелестная картина! Тучи разсѣяны, и теперь, того и гляди, на газетныхъ листкахъ, въ массѣ всѣмъ наскучившихъ сообщеній о предполагаемомъ сокращеніи расходовъ, появится извѣстіе, что, въ виду совершеннаго прекращенія всѣхъ политическихъ дѣлъ, штатъ полиціи предположено значительно сократить, отъ чего, конечно, предвидится большая экономія. Но въ томъ-то и бѣда, что никакихъ выводовъ изъ газетныхъ извѣстій мы не можемъ и не должны дѣлать, потому что слишкомъ изолгались газеты и не стало возможности вѣрить печатнымъ строкамъ. Вѣдь это просто изумительно, до какихъ противорѣчій, смѣшныхъ и жалкихъ, можетъ доходить изолгавшійся газетный пустомеля. Одинъ листокъ сообщаетъ, что теперь окончены почти всѣ возбужденныя департаментомъ государственной полиціи политическія дѣла, а поступленіе новыхъ дѣлъ за послѣднее время стало чрезвычайно ничтожно. Въ то же самое время другой газетный листокъ передаетъ, что «послѣ покушенія на жизнь товарища министра внутреннихъ дѣлъ, свиты Его Величества ген.-майора Черевина, по городу распространился слухъ о предполагаемомъ учрежденіи самостоятельнаго министерства полиціи, по примѣру существовавшаго до 1815 г. Слухъ этотъ упорно держится до сихъ поръ и, какъ говорятъ въ высшихъ сферахъ, не лишентъ основанія. Равнымъ образомъ болѣе или менѣе вѣрно передаются и мотивы, которыми вызывается предполагаемое учрежденіе новаго министерства. Какъ извѣстно, теперь органы полиціи подчинены двумъ высшимъ инстанціямъ, причемъ одна часть упускаетъ изъ виду факты, извѣстные другой. Въ видахъ устраненія этого неудобства и предполагается сосредоточить всю полицію въ одномъ учрежденіи. Осуществленіе этой мысли встрѣчаетъ однако, какъ увѣряютъ, нѣкоторыя затрудненія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ вопросѣ о томъ, кому подчинить губернаторовъ: министерству ли внутреннихъ дѣлъ или полиціи. Одни предла-

саяють предоставить назначеніе губернаторовъ сенату, другіе же — комитету министровъ. Но объ эти комбинаціи отвергаются на томъ основаніи, что какъ въ сенатѣ, такъ и въ комитетѣ министровъ назначенія могутъ быть поставлены въ зависимость отъ случайнаго большинства». Третій газетный листокъ, съ видомъ глубокаго знатока правительственныхъ предположеній, рѣшительнымъ тономъ сообщаетъ, что «слухи объ учрежденіи министерства полиціи подтверждаются; въ составъ новаго министерства, какъ передаютъ, кромѣ департамента государственной полиціи и жандармскаго управления, войдетъ еще департаментъ почтъ и телеграфовъ». Если будемъ сравнивать всё эти извѣстія между собою, то мы замѣтимъ въ нихъ такія внутреннія противорѣчія, которыми они взаимно уничтожаютъ другъ друга. Съ одной стороны насъ увѣряютъ, что все обстоитъ благополучно и число вновь возникающихъ политическихъ дѣлъ становится чрезвычайно ничтожно; а съ другой стороны сообщаютъ, что тѣ же самыя вновь возникающія политическія дѣла наводятъ правительство на мысль о необходимости учрежденія новаго министерства полиціи. Чему тутъ вѣрить, и можно ли чему-нибудь вѣрить, или же всё газетныя сообщенія—только одна ложь, вносящая путаницу въ общественное сознаніе?

Задумываясь надъ массой примѣровъ, чуть не ежедневно представляемыхъ нашей изолгавшейся печатью, по неволѣ приходится склоняться къ убѣжденію, что въ газетахъ мы читаемъ одну ложь и что общество ровно ничего не знаетъ ни о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ странѣ, ни о видахъ и предположеніяхъ правительства. Ложь на каждомъ шагу изобличаетъ сама себя и подрываетъ въ обществѣ вѣру въ правдивость газетныхъ сообщеній. Иной разъ газеты сообщаютъ такія нелѣпицы, что удивляешься, изъ какой больницы для душевнобольныхъ добыли они себѣ репортера съ такою разстроенною головою, — гдѣ могъ найтись человекъ съ такимъ неестественно развращеннымъ воображеніемъ, который бы могъ измышлять для газетъ ложныя извѣстія о правительственныхъ проектахъ, явно не существующихъ и невозможныхъ... Напримѣръ, уже полгода въ газетахъ,—то въ одной, то въ другой,—упорно повторяется дикій слухъ, будто въ правительственныхъ сферахъ разрабатывается проектъ колонизаціи отдаленныхъ острововъ административными ссылными. Сначала прошелъ слухъ, будто бы предполагаютъ назначить островъ Сахалинъ мѣстомъ административной ссылки. Черезъ нѣсколько времени другая газета подхватила этотъ же слухъ и, вѣроятно, найдя его не достаточно нелѣпнымъ, измѣнила въ такомъ смыслѣ, что въ настоящее время идетъ вопросъ о колонизаціи, посредствомъ административной ссылки, Новой-Земли на Сѣверномъ океанѣ, этого пустыннаго острова, гдѣ кое-какъ влачатъ несчастное существованіе нѣсколько самоѣдскихъ семействъ и гдѣ неминуемая гибель отъ цынги грозитъ всякому непривыкшему къ полярному климату. Этому слуху тогда не повѣрили, видя въ немъ лишь тонкую насмѣшку надъ дѣйствіями прежней архангельской губернской

администраціи, назначившей особаго урядника для наблюденія за общественнымъ спокойствіемъ и порядкомъ на безлюдной Новой-Землѣ. Но едва стала изглаживаться память о курьезномъ сообщеніи относительно административной ссылки на Новую-Землю, какъ въ другой газетѣ опять появилось сообщеніе, будто въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о сосредоточеніи всѣхъ административно-ссылныхъ на островѣ Сахалинѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобы сократить такимъ образомъ значительный расходъ по наблюденію за административно-ссылными и содержанію ихъ. Почти полгода эти слухи безпрепятственно распространяются газетами, не встрѣчая никакого опроверженія. Да оно и понятно,—кому же можетъ придти охота принять на себя неблагоприятный трудъ—опроверженіе извѣстій, внутренняя нелѣпность которыхъ очевидна для каждаго. Всякій понимаетъ, что сослать человѣка на Новую-Землю, отдать его на вѣрную и неминуемую гибель отъ цыги, да къ тому же еще сдѣлать это не по рѣшенію суда—это такая жестокость, которой нѣтъ даже имени на человѣческомъ языкѣ. Нѣтъ, это невозможно. А съ другой стороны, развѣ не смѣшно читать газетныя измышленія, будто сосредоточеніе всѣхъ административныхъ ссылныхъ на островѣ Сахалинѣ проектируется въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ? Тутъ нѣтъ надобности ни въ какихъ цифровыхъ выкладкахъ, чтобы понять, какъ должны быть значительны расходы по препровожденію ссылныхъ изъ Европейской Россіи, и преимущественно изъ Петербурга, на островъ Сахалинъ сравнительно съ расходами по отправкѣ и содержанію ихъ въ нынѣшнихъ мѣстахъ ссылки. Ясно, какъ Божій день, что газеты лгутъ и вваливаютъ на правительственныя сферы чудовищную нелѣпность собственнаго издѣлія. А ложь безпрепятственно распространяется въ газетныхъ листкахъ, нигдѣ и ни въ чемъ не находя себѣ отпора, истина не восстанавливается и общество, воспитываясь въ недовѣрїи къ газетнымъ сообщеніямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознаетъ только одно, что оно нигдѣ не находитъ правды, что передъ нимъ кривляются лжецы, старающіеся перешеголять другъ друга нелѣпностью вымысловъ, и что никакихъ вѣрныхъ извѣстій изъ правительственныхъ сферъ въ общество не проникаетъ.

Въ то время, когда ложь безпрепятственно распространяется, знать истину становится съ каждымъ днемъ труднѣе. Возьмемъ для примѣра хотя бы то же самое покушеніе Санковскаго на жизнь генерала Черевина. Много ли общество знаетъ объ этомъ, столь сильно взволновавшемъ и заинтересовавшемъ всѣхъ, событіи? Краткое правительственное сообщеніе никого не удовлетворяетъ, не отвѣчаетъ на множество вопросовъ, которые возбуждены въ обществѣ тѣмъ же самымъ сообщеніемъ. Газеты также молчатъ объ этомъ дѣлѣ и не могутъ дать никакихъ отвѣтовъ на запросъ общества. Одно *Новое Время* сообщаетъ кое-какія свѣдѣнія, но тутъ же уличается во лжи правительственнымъ сообщеніемъ. Узнаетъ ли, и когда узнаетъ, общество всю правду и получаютъ ли отвѣты на созрѣвшіе въ

общественномъ сознаніи вопросы? Что, напримѣръ, мы знаемъ по дѣлу о членахъ «чернаго передѣла»: Марья Крыловой, Петръ Тесьменко-Приходько, Иннокентіи Пьянковъ и Переплетчиковъ? Общество узнало только, что это дѣло было назначено къ судебному разбирательству и, вѣроятно, было разсмотрѣно судомъ; но что происходило на судѣ, въ чемъ именно состоитъ дѣло, какія обстоятельства выяснились во время судебного разбирательства— все это осталось тайной для общества и неизвѣстно даже, какой приговоръ былъ постановленъ судомъ. Другое, не менѣе интересное, дѣло разсматривалось въ концѣ ноября также при закрытыхъ дверяхъ и подъ великимъ секретомъ. Это дѣло инженера Мровинскаго, полицейскаго пристава Теглева и начальника секретной полиціи Фурсова. Въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ въ газетахъ было очень много сообщеній по поводу этого дѣла и потому общество съ понятнымъ интересомъ ожидало получить вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о всемъ, что будетъ происходить на судѣ. Но надежды и ожиданія не оправдались. Въместо полнаго и подробнаго отчета о судебномъ процессѣ, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано слѣдующее краткое сообщеніе: «Во исполненіе республикованнаго въ № 52 *Правительственнаго Вѣстника* Высочайшаго повелѣнія, было произведено дознаніе для разъясненія вопроса о виновности должностныхъ лицъ, на обязанности коихъ лежало охраненіе безопасности Высочайшаго проѣзда по Малой Садовой улицѣ, подъ которую, какъ оказалось, былъ произведенъ злоумышленниками подкопъ съ динамитнымъ зарядомъ для произведенія взрыва, съ цѣлью покушенія на жизнь священной особы въ Божѣ почившаго Государя Александра Николаевича. Дознаніемъ симъ собраны данныя, на основаніи коихъ было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ бездѣйствіи власти противъ состоящаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, командированнаго къ исполненію обязанностей старшаго техника Петербургскаго градоначальства, военнаго инженера генераль-майора Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части стат. сов. Теглева и начальника секретнаго отдѣленія канцеляріи петербургскаго градоначальника статск. сов. Фурсова. Лица эти, на основаніи данныхъ произведеннаго предварительнаго слѣдствія, были преданы суду по обвиненію въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, которое имѣло послѣдствіемъ необнаруженіе вышеупомянутаго подкопа подъ Малую Садовую улицу. По разсмотрѣніи означеннаго обвиненія въ судебномъ засѣданіи уголовнаго департамента петербургской судебной палаты, продолжавшемся съ 25 по 30 ноября, присяжные засѣдатели признали названныхъ выше должностныхъ лицъ виновными, почему судебная палата постановила, на осн. 341 ст. Улож. о наказ. и 272 и 273 ст. Воинскаго Устава, какъ военнаго инженера генераль-майора Константина Юсифова Мровинскаго, такъ и статскихъ совѣтниковъ Павла Павлова Теглева и Василя Васильева Фурсова—лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а для Мровинскаго съ послѣдствіями по 23 ст.

Воинскаго Уст. о наказ., и сослать на житье въ Архангельскую губернію съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ихъ жительства, въ продолженіе трехъ лѣтъ». При всей своей несомнѣнной фактической вѣрности, это сообщеніе, по краткости, не удовлетворяетъ общества, не даетъ отвѣтовъ на массу разнообразныхъ вопросовъ, ранѣе возникшихъ и уже высказанныхъ въ печати. Что такое узнало общество изъ правительственнаго сообщенія?—Быль Мровинскій, и нѣтъ Мровинскаго—вотъ и все. Но до личности Мровинскаго и какихъ-то невѣдомыхъ обществу Теглева и Фурсова намъ нѣтъ никакого дѣла,—ихъ личною судьбою никто не интересуется, кромѣ тѣснаго кружка ихъ родныхъ и знакомыхъ. Обществу интересно знать, какую роль играла полиція въ дѣлѣ предупрежденія преступленія 1-го марта,—та самая полиція, объ усиленіи которой такъ заботилось правительство, надѣливъ ее самыми обширными полномочіями. Да и мало ли еще другихъ подобныхъ вопросовъ, имѣющихъ общественный интересъ, возникаютъ въ головѣ, будучи связаны неразрывно съ дѣломъ Мровинскаго! Но отвѣтовъ нѣтъ, и въ обществѣ составилось точь-въ-точь такое же представленіе о дѣлѣ Мровинскаго, какъ еслибы показали одинъ заголовокъ канцелярскаго дѣла и не позволили разсмотрѣть бумагъ, заключающихся въ дѣлѣ. Представьте себѣ картину. Предъ вами обширная комната, уставленная большими, массивными, грубой работы, столами, покрытыми черною клеенкой. За столами сидятъ, согнувшись, чиновники и пишутъ, безконечно что-то такое пишутъ. Около стѣнъ стоятъ запертые шкафы. Въ комнатѣ тишина, изрѣдка прерываемая лишь шорохомъ бумаги, скрипомъ перьевъ, да развѣ кашлемъ какого-нибудь старика, посѣдѣвшаго и сгорбившагося за канцелярскимъ столомъ. Изъ всего виднаго вы выносите точь-въ-точь такое же впечатлѣніе, какъ будто осматриваете фабрику. И вотъ вамъ, какъ почетному посѣтителю, начинаютъ показывать разныя достопримѣчательности осматриваемаго заведенія. Услужливый проводникъ подводитъ васъ къ шкафу и отпираетъ дверцы. На полкахъ въ порядкѣ стоятъ картонны, набитые бумагою. Проводникъ объясняетъ, что бумага въ картонкахъ не просто бѣлая писчая бумага, но дѣла, сфабрикованныя въ осматриваемомъ заведеніи. Любезность проводника простирается до такой степени, что онъ вынимаетъ изъ картонки и показываетъ вамъ одно изъ вложенныхъ туда дѣлъ. Вы видите предъ собою очень толстую, неправильно сшитую тетрадь писчей бумагой въ листъ. На тетради изящная обложка изъ толстой синей бумаги, а на обложкѣ красиво выведенная рукою писца надпись такого рода: «Дѣло такого-то канцелярскаго заведенія о старшемъ технику Петербургскаго градоначальства, военномъ инженерѣ генералъ-майорѣ Мровинскомъ, и другихъ, обвиняемыхъ въ противозаконномъ бездѣйствіи власти, послѣдствіемъ котораго было обнаруженіе подкупа подъ Малую Садовую улицу. Началось такого-то числа и года. Кончилось такого-то числа и года. Въ дѣлѣ столько-то листовъ». Если васъ интересуетъ подобный

Обзоръ канцелярскихъ дѣлъ, те любезный проводникъ вытащить изъ шкафа цѣлый ворохъ тетрадей въ синихъ обложкахъ и позволить сколько угодно любоваться заголовками съ тѣмъ только, чтобы вашъ глазъ отнюдь не проникъ въ бумаги, скрытыя подъ обложкою. Эти бумаги—канцелярская тайна, ихъ нельзя видѣть, онѣ—секретъ фабрики. Что же вы вынесете изъ обзора этого фабричнаго заведенія?—Ничего, или вѣрнѣе скуку, ту самую скуку, которая нынѣ присутствуетъ вездѣ и наложила клеймо на всю общественную жизнь. Когда вы проститесь съ любезнымъ проводникомъ, у васъ невольно вырвется изъ груди восклицаніе: скучно, ахъ какъ скучно!...

Да, скучно, вездѣ скучно и всѣмъ скучно!... А газеты продолжаютъ нести вздоръ, морочать ложью, невѣроятными вымыслами, исполняя обязанности сказочниковъ при старинныхъ боярахъ. Скучно боярину; во что бы то ни стало ему хочется заснуть отъ скуки, или по крайней мѣрѣ въ полудремотѣ развлечься чѣмъ-нибудь и спугнуть изъ головы черныя мысли,—и, вотъ, къ услугамъ боярина готовъ сказочникъ. Сидитъ онъ у боярскихъ ногъ и несетъ всякую околесицу, какая только на умъ взбредетъ, но говорить складно, лжетъ не краснѣя, лжетъ съ увлеченіемъ, завирается до того, что самъ, наконецъ, начинаетъ вѣрить въ дѣйствительность своихъ вымысловъ. Такую же точно роль разыгрываютъ теперь и газеты. Для нихъ было достаточно существующаго ограниченія гласности судопроизводства, чтобы на этомъ основаніи выпустить цѣлую массу невѣроятныхъ по своей нелѣпости извѣстій о существующихъ будто бы въ правительственныхъ сферахъ предположеніяхъ относительно полной реорганизаціи всей существующей системы военнаго судопроизводства. Всѣ газеты наперерывъ другъ передъ другомъ стараются преподнести обществу новую сказку, которая была бы страшнѣе, чѣмъ рассказанная въ другихъ газетахъ. Напримѣръ, одна газета передаетъ, что военнымъ судамъ предписано не обращаться съ ходатайствами о смягченіи приговоровъ, постановленныхъ ими самими. Другая газета перебиваетъ первую и съ азартомъ кричитъ: «Я лучше расскажу! Мнѣ достоверно извѣстно, что военно-судное управленіе намѣрено въ недалекомъ будущемъ упразднить институтъ защиты по всѣмъ воинскимъ дѣламъ. Кромѣ того существуетъ уже распоряженіе по поводу защиты по всѣмъ воинскимъ дѣламъ, рекомендуемое защитникамъ возможную краткость и сдержанность въ рѣчахъ. Мотивомъ къ этому распоряженію, говорятъ, послужило именно то обстоятельство, что нѣкоторые защитники, уклоняясь отъ существа дѣла, позволяли себѣ нападать на военное начальство». Но не успѣла газета окончить свой рассказъ, какъ другая съ важнымъ видомъ прерываетъ ее словами: «Не слушайте ее,—она ничего не знаетъ. Я расскажу лучше,—я все до тонкости знаю. Намъ передаютъ, что въ близкомъ будущемъ организація военно-окружныхъ судовъ подвергнется измѣненію. Нѣкоторые изъ лицъ военно-судебнаго вѣдомства

представили главному военному прокурору объемистые проекты объ измененіи нынѣ существующаго судопроизводства и судоустройства. Суды, по мнѣнію большинства авторовъ проектовъ, должны находиться въ вѣдѣніи и подчиненіи военнаго начальства; прокуратура уничтожается, институтъ защиты—также». Разоглавшись, газеты начинаютъ плести нелѣпицы и объ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по Уставу 20 ноября 1864 года. Начинаются споры, брань. Одна газета рассказываетъ, что съ будущаго года предполагено ввести новыя судебныя учрежденія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи и въ другихъ мѣстностяхъ. Другая газета спѣшитъ опровергнуть первую и утверждаетъ, что введеніе Судебныхъ Уставовъ въ новыхъ мѣстахъ рѣшено отложить на неопредѣленное время. Въмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя газеты, подслушавши толки о томъ, будто введеніе Судебныхъ Уставовъ въ новыхъ мѣстахъ отложено за невозможностью произвести расходы, необходимые для устройства новыхъ судебныхъ учреждений, на этомъ основаніи выдумываютъ и пускаютъ въ обращеніе слухъ, что правительство предполагаетъ сдѣлать правосудіе источникомъ государственнаго дохода. Распускается слухъ, что въ числѣ мѣръ, проектируемыхъ министерствомъ финансовъ съ цѣлію увеличенія государственныхъ доходовъ, обсуждается въ настоящее время вопросъ о значительномъ увеличеніи цѣнности гербовыхъ марокъ. Да и мало ли другихъ ложныхъ слуховъ распускается въ послѣднее время газетами о предполагаемыхъ правительствомъ измѣненіяхъ по судебной части.

Впрочемъ, послѣднее извѣстіе представляетъ собою такую явную, такъ неискусно выдуманную ложь, что наконецъ переполняетъ мѣру довѣрія въ читателяхъ и начинаетъ возбуждать сомнѣніе въ достовѣрности не только этого, но и всѣхъ вообще газетныхъ сообщеній. Помилуйте, возможно ли повѣрить этому, когда тѣ же самыя газеты наперерывъ другъ передъ другомъ рассказываютъ новости о правительственныхъ проектахъ, направленныхъ къ облегченію тяжелаго положенія бѣднѣйшихъ классовъ! Говорятъ, что въ началѣ декабря въ общемъ собраніи государственнаго совѣта окончено разсмотрѣніе вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей. По слухамъ, окончательно восторжествовали предположенія большинства земскихъ экспертовъ. Газеты передаютъ также, что управляющій министерствомъ финансовъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ земельного банка для пособія при покупкѣ крестьянами земли. Къ этому прибавляютъ, что, по выработанному особою комиссіей при министерствѣ финансовъ проекту устройства поземельнаго крестьянскаго кредита для покупки владѣльческихъ земель на мѣстахъ поселенія переселенцевъ, кредитъ этотъ предполагается организовать при главномъ выкупномъ учрежденіи. Ссуды будутъ выдаваться кредитными рублями, а правительство съ своей стороны будетъ выпускать закладныя листы со своею гарантіей. По словамъ другихъ газетъ, въ настоящее время въ высшихъ

административныхъ сферахъ поставленъ на очередь къ обсужденію вопросъ объ организаціи для крестьянъ краткосрочнаго дешеваго кредита, съ цѣлю избавленія ихъ отъ эксплуатаціи мѣстными ростовщиками. Основанія для этого крестьянскаго учрежденія и правила для него должны быть выработаны на новыхъ началахъ, отличныхъ какъ отъ существующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, оказавшихся совершенно неудовлетворительными, такъ и отъ ссудныхъ кассъ, существующихъ въ настоящее время при волостныхъ правленіяхъ. Газеты передаютъ также о готовящемся ко внесенію въ государственный совѣтъ законопроектъ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ. По слухамъ, весь проектъ раздѣляется на двѣ части. Первая часть трактуетъ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и объ обязательномъ ихъ обученіи. Минимальный возрастъ, съ котораго дѣти могутъ поступать на фабрики, принять двѣнадцатилѣтній, причемъ, однако, установлено, что дѣти моложе двѣнадцати лѣтъ, уже работающія на фабрикахъ во время вступленія въ дѣйствіе означеннаго закона, остаются и впредь на фабрикахъ. Рабочій день для лицъ отъ 12 до 18 лѣтъ не долженъ превышать 12 часовъ въ сутки, считая въ томъ числѣ 2 часа для завтрака, обѣда и отдыха. Лица же, достигшія 18-тилѣтняго возраста, самостоятельно распоряжаются своимъ трудомъ и временемъ. Наконецъ, лицамъ, не достигшимъ 18-тилѣтняго возраста, воспрещается ночная работа (отъ 8 часовъ пополудни до 5 часовъ утра). Вторая часть закона говоритъ о надзорѣ за фабриками. Для этой цѣли предположено учредить особую инспекцію. Въ каждой губерніи назначаются инспекторъ и два помощника изъ чиновниковъ и другихъ лицъ. Жалованье инспекторамъ полагается 2.000 руб. и на разъѣзды 500 руб., а помощникамъ инспекторовъ жалованье 1.000 руб. и на разъѣзды 300 руб. Инспекторъ или его помощникъ обязаны осматривать фабрики и заводы не менѣе двухъ разъ въ годъ. Они посѣщаютъ фабрики и заводы во всякое время дня и ночи и требуютъ предъявленія имъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ; на обязанности инспекторовъ и ихъ помощниковъ лежитъ возбужденіе преслѣдованія противъ фабрикантовъ за нарушеніе постановленій закона. Два раза въ годъ инспекторъ представляетъ краткіе отчеты объ осмотрѣ фабрикъ и заводовъ. Законъ предполагается ввѣстись 1 іюня наступившаго года. Кромѣ переданныхъ нами свѣдѣній, въ послѣднее время въ газетахъ появилось много и другихъ извѣстій о правительственныхъ проектахъ, направленныхъ къ улучшенію положенія бѣднѣйшихъ классовъ. Хотя подобнаго рода проекты обѣщаютъ народу не Богъ вѣсть какія обширныя льготы, тѣмъ не менѣе во всѣхъ ихъ замѣчается одно общее направленіе, благопріятное для народа. Но въ прямомъ и рѣзкомъ противорѣчій съ такимъ направленіемъ находится извѣстіе о предполагаемомъ будто бы увеличеніи дѣнности гербовыхъ марокъ. Что такое въ сущности гербовый сборъ?— Это плата за правосудіе, плата совершенно несправедливая въ принципѣ, тяжелая и неравномѣрная при практическомъ примѣненіи ея. Право-

судіе составляет одну изъ главныхъ задачъ государства, правильнымъ выполніемъ которой оправдывается самое существованіе государства. Поэтому правосудіе должно быть въ равной мѣрѣ доступно всѣмъ гражданамъ безъ различія. А для того, чтобы быть общедоступнымъ, правосудіе должно быть бесплатнымъ. Сущестующій у насъ въ настоящее время гербовый сборъ со всей переписки частныхъ лицъ съ правительственными учреждениями, какъ административными, такъ и судебными, очень часто дѣлаетъ совершенно недоступною для бѣднѣйшаго класса населенія страны законную защиту самыхъ дорогихъ каждому интересовъ. Добыть 60 коп. на гербовую марку часто бываетъ такъ затруднительно, что бѣдный человѣкъ совсѣмъ не рѣшается обращаться къ правительственной защитѣ въ случаѣ нарушенія интересовъ его. Обыкновенно же дѣло не ограничивается 60-ю коп. Нужно 60-ю коп. оплатить прошеніе, да заплатитъ 60 коп. впередъ за отвѣтъ на него; а тамъ, глядишь, къ прошенію слѣдуетъ приложить документы и ихъ тоже оплачивать по 60 коп. съ каждаго листа. Затѣмъ пойдутъ новыя прошенія, новыя отвѣты, новыя приложенія, а вмѣстѣ съ ними безконечною цѣпью полѣзутъ изъ кармана 60-тикопѣчныя марки. Правда, у насъ есть законъ о бѣдности, освобождающій отъ уплаты гербоваго сбора и всякаго рода судебныхъ пошлинъ лицъ, представившихъ официальное удостовѣреніе о своемъ недостаточномъ состояніи. Но о существованіи такого закона народъ совсѣмъ не знаетъ, добыть официальное удостовѣреніе о бѣдности трудно, а главное дѣло—не легко въ массѣ опредѣлить, кого слѣдуетъ считать лицами могущими воспользоваться правомъ бѣдности. Возьмемъ, напримѣръ, всю массу крестьянъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ это такая бѣднота и голъ, для которой уплата гербоваго сбора совсѣмъ непосильна, а между тѣмъ почти никто изъ крестьянъ никогда не пользуется правомъ бѣдности. Да и странно было бы предоставить крестьянину это право, когда онъ, правда, волею-неволей и непосильно, но все-таки исправно, платитъ тяжелыя подати. Плательщикъ податей и въ то же самое время лицо пользующееся правомъ бѣдности—это не только курьезъ, но и слишкомъ злая насмѣшка! Однако стоить присмотрѣться къ крестьянамъ,—въ деревнѣ ли, когда они толкуютъ о своихъ дѣлахъ, или въ городѣ, когда робко толпятся у воротъ или на крыльцѣ присутственнаго мѣста,—чтобы понять, какое громадное значеніе въ народной жизни имѣетъ гербовая марка. Впрочемъ, мы не будемъ распространяться объ этомъ, потому что читателямъ, вѣроятно, и самимъ случалось наблюдать, какъ крестьянинъ сначала увлекается мыслию искать правосудія, но потомъ при одномъ воспоминаніи о 60-ти копѣчной маркѣ рѣшимость въ немъ пропадаетъ,—пустота кармана дѣлаетъ недоступнымъ для него это желанное правосудіе,—и онъ бросаетъ мысль о подачѣ прошенія. Таково положеніе крестьянина, когда онъ думаетъ искать защиты отъ нарушенія интересовъ его сильнымъ сосѣдомъ, положимъ, помѣщикомъ или купцомъ. Но положеніе его против-

ника будетъ совѣтъ другое. Въ то время, какъ для крестьянина правосудіе недоступно по своей дороговизнѣ, для противника его оно очень дешево и доступно. Ну, что такое для насъ съ вами, читатель, 60 копѣекъ? Вѣдь мы каждый день платимъ много дороже извозчику, чтобы сдѣлать визитъ къ какой-нибудь пустой головѣ, даже не по пустому дѣлу, а просто такъ, отъ скуки,—отъ того, что намъ съ вами даже плевать въ потолокъ надоѣло... Да, имущественно-состоятельнымъ классамъ правосудіе при существующей системѣ гербового сбора обходится совѣтъ дешево, а бѣднѣйшимъ классамъ оно недоступно по дороговизнѣ. Если же цѣнность гербовыхъ марокъ будетъ повышена еще болѣе, тогда еще сильнѣе сократится кругъ лицъ пользующихся правосудіемъ и бѣднѣйшіе классы будутъ поставлены въ полную невозможность искать у государства защиты своихъ законныхъ интересовъ отъ нарушенія ихъ со стороны имущественно-состоятельныхъ классовъ. Поэтому, коль скоро мы видимъ, что правительство думаетъ принять мѣры къ улучшенію положенія бѣднѣйшихъ классовъ населенія страны, то мы въ правѣ надѣяться, что оно позаботится прежде всего сдѣлать вполнѣ доступнымъ для этихъ классовъ правосудіе и въ этихъ видахъ сдѣлаетъ правосудіе бесплатнымъ, отмѣнивъ существующій гербовый сборъ. Но всѣмъ этимъ соображеніямъ противорѣчитъ газетное извѣстіе о предполагаемомъ будто бы увеличеніи цѣнности гербовыхъ марокъ,—извѣстіе до такой степени странное, что объяснить его можно одною только газетною ложью.

Но газеты не даютъ ни надъ чемъ серьезно задуматься. Онѣ поражаютъ читателей пестрымъ и трескучимъ фейерверкомъ небывалыхъ новостей и ложныхъ слуховъ. Едва вы начинаете серьезно останавливать вниманіе на чемъ-нибудь, какъ газета старается развлечь васъ, разогнать ваши думы. Политическій листокъ тотчасъ принимаетъ совѣтъ несвойственное ему юмористическое направленіе и начинаетъ рассказывать такіа забавныя небылицы, что вы, того и гляди, готовы разразиться хохотомъ. Право, наши газеты иной разъ бываютъ забавны въ высшей степени и умѣютъ проводить въ шуточныхъ выдумкахъ чрезвычайно ѣдкія и злыя насмѣшки. И какъ все это дѣлается изумительно тонко! Припомните, на примѣръ, газета, что давно ужъ нѣтъ никакихъ извѣстій, на чемъ въ настоящее время остановилось, возбужденное ревизіей сенатора Ковалевскаго, дѣло о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ при продажѣ чиновнымъ тузамъ на льготныхъ условіяхъ казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ. Чтобы поддержать въ обществѣ интересъ къ этому дѣлу, газета тотчасъ выкидываетъ такую смѣлую шутку. Объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что, по слухамъ, существуетъ предположеніе, чтобъ остающимся за штатомъ, по случаю сокращенія государственныхъ расходовъ, чиновникамъ давать свободныя казенныя земли на льготныхъ условіяхъ. Вы понимаете, что это сопоставленіе сокращенія государственныхъ расходовъ съ раздачею чиновникамъ казенныхъ земель есть чрезвычайно тон-

кая и въ то же время ѣдная и злая насмѣшка, которая благополучно проходитъ въ газетѣ только потому, что представляетъ собою какаю лжи, которая тонетъ въ морѣ вздорныхъ газетныхъ выдумокъ. Точно такъ же иной разъ въ газетахъ проскальзываютъ совѣтъ не злобныя выдумки, но самая невинная, милая, веселящая душу ложь. Вдругъ какой-нибудь остроумный листокъ, въ видахъ успѣха розничной продажи, пускаетъ извѣстіе, будто въ послѣднее время все чаще и чаще повторяются слухи о предположеніи ввести для гражданскихъ чиновниковъ новую форму и сдѣлать ношеніе ея обязательнымъ для всѣхъ служащихъ. Сообщается даже о томъ, что форма эта будетъ состоять изъ длиннаго казакина съ поясомъ и барашковой шапки. Истинная цѣль такой выдумки достигается съ блистательнымъ успѣхомъ. Розничная продажа идетъ необыкновенно бойко. Чиновники обсуждаютъ газетную утку съ озлобленіемъ, потому что съ одной стороны предвидятъ новый, совѣтъ непроезжительный, расходъ для себя, а съ другой—не чувствуютъ ни малѣйшаго удовольствія рядиться въ какую-то новую форму. Въ кружкахъ нечиновничьихъ тоже идутъ веселые и оживленные разговоры по поводу забавнаго газетнаго сообщенія. Собравшись за семейнымъ столомъ, остряки даютъ волю своему языку, рисуютъ предъ хохочущими слушателями картину посѣдѣвшаго за канцелярскимъ столомъ старца съ согбенною выей и распухшимъ краснымъ носомъ. Вотъ бредетъ этотъ старецъ по улицѣ съ портфелемъ подъ мышкой, въ длиннополномъ темнозеленомъ казакинѣ старо-русскаго покроя, перетянутый шелковымъ поясомъ алаго цвѣта, а на головѣ у него надѣта на бекрень барашковая шапка. Для полноты картины, разряженный старецъ окруженъ кучею уличныхъ ребятишекъ, высовывающихъ языки и показывающихъ кукиши. Слушатели смѣются и рады-радехоньки, что веселая газета хоть на минуту разогнала томительную скуку. Вѣдь за семейнымъ столомъ, въ обществѣ близкихъ знакомыхъ, теперь стало совѣтъ не о чемъ говорить,—такъ всѣмъ скучно, что остается по-неволѣ убивать время попойкой или картами, чтобы забыться отъ этой томительной скуки и пустоты жизни...

А газеты все продолжаютъ лгать и, за отсутствіемъ интереснаго матеріала, наполнять свои столбцы вздорными выдумками. Лгутъ теперь про все и на всѣхъ. Масса лжи рассказывается относительно всѣхъ министерствъ, всѣхъ департаментовъ; всѣ начальники отдѣленій терпятъ отъ газетной лжи и даже столоначальникамъ житья не стало отъ газетныхъ выдумокъ. Газеты дошли до того, что не устыдились сплести небылицы даже о вѣдомствѣ святѣйшаго синода. Вдругъ въ газетахъ появляется извѣстіе, что, въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ, предполагается прекратить выдачу жалованья монастырямъ. Но едва успѣваетъ разойтись въ обществѣ этотъ слухъ, какъ тѣ же самыя газеты слѣдуютъ уже и опровергнуть его. Теперь сообщается, что, въ виду отъѣзда, даннаго хозяйственнымъ комитетомъ при святѣйшемъ синодѣ, на запросъ

государственного контроля объ отзѣнѣ выдававшася до настоящаго времени жалованья монастырямъ,—жалованье будетъ производиться послѣдними и впредь. Всякому понятно, что отзывъ хозяйственнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ есть не болѣе какъ фальшивый флагъ, выкинутый газетою для прикрытія лжи собственнаго издѣлія. Какое значеніе можетъ имѣть подобнаго рода отзывъ, коль скоро вопросъ о сокращеніи государственныхъ расходовъ поставленъ такъ рѣшительно, что даже будто бы на разсмотрѣніи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ находится проектъ о сокращеніи численности мѣстныхъ войскъ, съ замѣною мѣстныхъ командъ ротами резервныхъ кадровыхъ баталіоновъ. Численность войскъ отъ такой замѣны можетъ уменьшиться на 188 офицеровъ и 32.000 нижнихъ чиновъ, отчего въ бюджетъ военнаго министерства получится сбереженія до 3.500.000 руб. Если правительство, въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ, не останавливается даже предъ уменьшеніемъ численности войскъ, то, понятное дѣло, что никакой отзывъ хозяйственнаго комитета не можетъ остановить разрѣшеніе вопроса о жалованьи монастырямъ въ смыслѣ благопріятномъ для сокращенія излишнихъ расходовъ казны. Вѣдь всѣмъ и каждому извѣстно, что монастыри, пользующіеся въ народѣ уваженіемъ, обладаютъ такими громадными богатствами, что ни въ какомъ жалованьи не нуждаются; а монастыри бѣдные, едва поддерживающіе свое жалкое существованіе, оттого именно и бѣдны, оттого и нуждаются въ средствахъ, что не пользуются извѣстностію въ населеніи, и, слѣдовательно, искусственная поддержка ихъ посредствомъ казеннаго жалованья является дѣломъ совершенно безцѣльнымъ и бесполезнымъ. Да, къ тому же, возможно ли допустить такое полное отсутствіе патріотизма въ членахъ святѣйшаго синода, въ этомъ почтенномъ собраніи знаменитыхъ іерарховъ русской церкви, чтобъ они стали отстаивать сохраненіе за монастырями казеннаго жалованья въ то самое время, когда финансовое разстройство въ странѣ настоятельно требуетъ сокращенія государственныхъ расходовъ и когда всѣ вѣдомства, какъ сообщается въ газетахъ, наперерывъ другъ передъ другомъ стараются уменьшить свои расходныя смѣты? Вѣдь прекращеніе казеннаго жалованья никакъ не можетъ повести къ закрытію монастырей, или сокращенію числа монашествующихъ. Въ жалованьи могутъ нуждаться только бѣднѣйшіе монастыри, для поддержанія которыхъ все-таки недостаточно отпускаемыхъ отъ казны средствъ, и эти средства легко и удобно могутъ быть замѣнены выдачею нуждающимся монастырямъ соразмѣрныхъ суммъ казеннаго жалованья пособій изъ доходовъ тѣхъ богатыхъ монастырей, въ которыхъ монашеская братія своею роскошною и праздною жизнью производить одинъ соблазнъ въ народѣ. Все это такъ ясно и такъ просто, что не остается для насъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что газетныя сообщенія по вопросу о прекращеніи казеннаго жалованья монастырямъ должны быть принимаемы за вздорную ложь.

До какой степени изогались наши газеты, это всего лучше видно изъ того, что онѣ постоянно сообщали читателямъ ложныя извѣстія даже по такому дѣлу, которое ближайшимъ образомъ касается ихъ самихъ и потому должно быть хорошо извѣстно имъ. Въ теченіе цѣлаго полугода, начиная съ іюня 1881 года, газеты не перестаютъ сообщать извѣстія о готовящихся будто бы облегченіяхъ для печати, а никакихъ облегченій все нѣтъ, какъ нѣтъ. Сначала былъ пущенъ слухъ, будто министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ выразилъ намѣреніе облегчить тяжелое положеніе печати и въ этихъ видахъ проектировалъ пересмотръ циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати съ тою цѣлью, чтобъ отмѣнить большинство ихъ. При этомъ сообщалось также, что предполагено подвергнуть пересмотру всѣ взысканія, наложенныя до сихъ поръ въ административномъ порядкѣ на періодическія изданія, выходящія безъ предварительной цензуры. Боже ты мой, сколько шуму, сколько ликованій было по поводу этого извѣстія! Одна газета сообщала даже, будто графъ Игнатьевъ представилъ уже Государю Императору проектъ реформы по дѣламъ печати. Въ другой сообщалось, что хотя, по почину графа Игнатьева, и предполагается произвести въ скоромъ времени пересмотръ всѣхъ законовъ о цензурѣ и постановленій по дѣламъ печати, но, къ несчастію, графъ встрѣчаетъ противодѣйствіе въ осуществленіи своихъ благихъ предположеній. Такъ писалось въ газетахъ еще въ іюнѣ прошлаго года и тогда всѣ вѣрили правдивости газетныхъ сообщеній и чего-то ждали. Но мѣсяцъ шель за мѣсяцемъ, вмѣсто отмѣны запретительныхъ циркуляровъ издавались новыя, вмѣсто ожидаемой амнистіи по дѣламъ печати щедро раздавались предостереженія и пріостановки изданій. Такимъ образомъ теперь стало ясно, что всѣ іюньскіе слухи были наглою газетною ложью...

Осенью газеты значительно понизили тонъ въ своихъ сообщеніяхъ объ ожидаемой реформѣ по дѣламъ печати. Лгать въ такомъ же точно направленіи, въ какомъ онѣ лгали лѣтомъ, теперь сдѣлалось невозможно, а привычка ко лжи все-таки осталась. Въ сентябрѣ въ газетахъ появился слухъ, что, по инициативѣ министра внутреннихъ дѣлъ, разрабатывается проектъ измѣненій въ существующемъ порядкѣ административныхъ взысканій по дѣламъ печати. Сущность этого проекта, будто бы, заключается въ слѣдующемъ. Всякому административному взысканію, въ чемъ бы оно ни заключалось, будетъ предшествовать объясненіе представителя обвиняемаго органа печати. Такимъ образомъ докладъ главнаго управленія по дѣламъ печати будетъ представляться на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ, не иначе, какъ съ вышеуказаннымъ объясненіемъ, или, иначе говоря, съ защитительною запиской. Живость этого сообщенія очевидна по самымъ простымъ соображеніямъ. Въ томъ случаѣ, когда главное управленіе по дѣламъ печати будетъ, какъ бывало до сихъ поръ, преслѣдовать повременное изданіе не за прямое нарушенія ясно выраженнаго закона, но за вредное, по его личному убѣжденію, напра-

влѣніе, тогда всякое объясненіе редактора повременнаго изданія будетъ совершенно излишне и неумѣстно. Убѣжденіе о вредномъ направленіи изданія слагается на основаніи того, что было напечатано въ этомъ изданіи, и, значить, можетъ быть разсѣяно не иначе, какъ разьясненіемъ, напечатаннымъ въ томъ же самомъ изданіи. Безъ такого печатнаго разьясненія редакторы своими защитительными записками не могутъ измѣнить фактическаго существа дѣла и могутъ развѣ только по дѣйствовать на членовъ главнаго управленія въ смыслѣ измѣненія ихъ личныхъ взглядовъ на вредъ или благонамѣренность опредѣленно и ясно выраженнаго направленія изданія. Значить успѣхъ или неуспѣхъ защитительной записки редактора будетъ вполнѣ зависѣть отъ личныхъ убѣжденій членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Но вѣдь и въ настоящее время обвиненіе повременнаго изданія во вредномъ направленіи точно также основывается на одномъ личномъ убѣжденіи. А такъ какъ убѣжденія слагаются на всю жизнь и не могутъ мѣняться съ прочтеніемъ каждой записки, составленной въ защиту самыхъ разнообразныхъ направленій, то ясное дѣло, что эти записки ровно ни къ чему не поведутъ и будутъ напрасною тратой времени и труда со стороны и редакторовъ, и членовъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Поэтому выдуманный газетами проектъ разбора главнымъ управленіемъ защитительныхъ записокъ редакторовъ представляетъ собою явную невозможность, очевидную выдумку. И дѣйствительно, толки о немъ скоро замолкли и въ замѣнъ ихъ въ концѣ ноября появилось новое газетное сообщеніе, будто министерствомъ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ о выработкѣ новыхъ правилъ о карательныхъ мѣрахъ по отношенію печати вообще столичной и провинціальной. Разнаго рода воспрещенія и пріостановки изданій на срокъ предполагается, какъ слышно, замѣнить пропорціональными штрафами, чтобы такимъ образомъ подписчики и сотрудники изданія и вообще лица, связанныя съ изданіемъ въ матеріальныхъ своихъ интересахъ, не являлись, какъ теперь, побочными жертвами административной кары. Воспрещенія изданій по новому проекту могутъ быть только окончательныя. Но тутъ лживость газетнаго сообщенія еще яснѣе и очевиднѣе. Смѣшно слушать эти увѣренія о заботливости, чтобы подписчики и сотрудники изданія и вообще лица, связанныя съ изданіемъ въ матеріальныхъ своихъ интересахъ, не являлись, какъ теперь, побочными жертвами административной кары. Чѣмъ же предполагается достигнуть этой доброй цѣли? Газетные лгуны отвѣчаютъ, что цѣль легко и удобно будетъ достигнута, если вмѣсто воспрещеній розничной продажи или печатанія объявленій, а также вмѣсто временныхъ пріостановокъ изданія, будетъ введено окончательное воспрещеніе газетъ и журналовъ, да въ добавокъ къ этому издатели будутъ подвергаемы наказанію пропорціональными денежными штрафами. Мы отказываемся понять, какимъ образомъ при такомъ новомъ порядкѣ матеріальные интересы подписчиковъ и сотрудниковъ по-

временныхъ изданій будутъ обезпечены болѣе, чѣмъ при теперешнемъ порядкѣ наложенія административныхъ взысканій. Ясное дѣло, что, наоборотъ, тогда эти интересы будутъ страдать гораздо болѣе. Такимъ образомъ все газетное сообщеніе является какою-то невозможною нелѣпностью и явно обличаетъ свое происхожденіе изъ головы далеко неудачнаго газетнаго репортера.

Такъ, вездѣ мы видимъ одну только ложь, вносящую путаницу въ общественное сознаніе. Мы живемъ въ области ложныхъ слуховъ, которые останавливаютъ наше вниманіе не болѣе какъ на минуту и затѣмъ пропадаютъ безслѣдно, чтобы новая ложь смѣнила старую. Живя чисто призрачными интересами минуты, мы никакъ не можемъ даже понять, что такое на самомъ дѣлѣ вокругъ насъ дѣлается, а о будущемъ и подавно не имѣемъ, ровно никакого понятія. Мы точно ночью блуждаемъ въ темномъ лѣсу, видимъ какъ будто все знакомыя мѣста, а выбраться изъ лѣсу никакъ не можемъ. Въ головѣ неотступно стоитъ одинъ и тотъ же вопросъ: отчего такъ, что бы это значило? Но отвѣта все нѣтъ, какъ нѣтъ, и лѣзетъ въ голову старая сказка: «Лѣшій водить!»...

Ложь, въ иныхъ случаяхъ бессознательная, а чаще сознательная и систематическая, играетъ громадную роль въ нашей жизни. При помощи лжи у насъ обдѣлываются крупныя дѣла; законъ, правда, человѣческое счастье служатъ игрушкою въ рукахъ лжеца. Возмутительнѣйшая неправда скрывается подъ покровомъ лжи, представляется въ идилическомъ видѣ и честнымъ людямъ бываетъ въ высшей степени трудно сорвать это покрывало, заброшенное на неприглядную русскую дѣйствительность, разрушить идилію, искусно созданную лжецами. До какой степени легко у насъ прикрывать ложью возмутительную неправду и какъ бессильны мы въ борьбѣ съ систематическою ложью — все это рельефно выступаетъ въ яркихъ бытовыхъ картинахъ, которыя даетъ недавній процессъ бывшаго минскаго губернатора тайнаго совѣтника Токарева, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ генераль-лейтенанта Лошкарева, управляющаго государственными имуществами Минской губерніи Савостьянова и минскаго исправника полковника Кашгера, обвиняемыхъ въ превышеніи и бездѣйствіи власти. Изъ дѣла объ этихъ лицахъ, рассмотрѣннаго 26 ноября въ публичномъ засѣданіи 5-го департамента правительствующаго сената, видно, что бывший минскій губернаторъ Токаревъ пожелалъ преумножить свое состояніе пріобрѣтеніемъ у казны на льготныхъ условіяхъ участка земли, причѣмъ заранѣе намѣтилъ и приглянувшуюся ему землю при мѣстечкѣ Логишиннѣ. О желаніи губернатора пріобрѣсти логишинскую землю было извѣстно мѣстнымъ чиновникамъ, да и самъ генераль-губернаторъ Потаповъ 10 декабря 1870 года писалъ министру государственныхъ имуществъ, что Токаревъ ходатайствуетъ о предоставленіи ему въ собственность, на основаніи Высочайше утвержденной 23 іюня 1865 года

инструкціи, участка Логишино. Препятствіемъ къ исполненію желанія губернатора служило то обстоятельство, что приглянувшееся ему землю владѣли на правѣ собственности мѣщане мѣстечка Логишина, какъ это видно изъ указа правительствующаго сената отъ 10 апрѣля 1828 года, за № 5388, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта. Но ловкій губернаторъ очень скоро и легко обошелъ это препятствіе. Быстро закипѣла бумажная работа. Дѣло началось съ того, что въ маѣ 1870 года бывшій начальникъ минской губернской люстраціонной комиссіи Леммергардъ, повидимому, ни съ того, ни съ сего, обратился къ производителю люстраціонныхъ работъ Мѣсняеву съ запросомъ, на какомъ основаніи еще не облюстровано мѣстечко Логишино? — Мѣсняевъ отвѣчалъ, что въ Логишинѣ не было и нѣтъ государственныхъ крестьянъ и что мѣщане мѣстечка Логишина считаются, на основаніи привилегій польскихъ королей, живущими на собственныхъ земляхъ. Отвѣтъ былъ неблагопріятный для Токарева. Чтобы поправить дѣло, Леммергардъ 7-го мая 1870 года обратился къ управляющему государственными имуществами Минской губерніи Савостьянову съ вопросомъ, приняты ли въ казенное вѣдомство и съ какого именно года земельныя угоды, состоящія въ пользованіи мѣщанъ мѣстечка Логишина. Савостьяновъ отвѣчалъ, что логишинскія земли давно уже приняты въ казну. Затѣмъ тотъ же Савостьяновъ въ своемъ сообщеніи временному отдѣлу о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную приписку къ составленному въ канцеляріи тексту: «что же касается мѣстечекъ Логишина и Городно, то послѣднія уже давно приняты въ казну и платили оброкъ по окладному росписанію». Составлявшіе бумагу чиновники управленія государственными имуществами, будучи спрошены на слѣдствіи, показали, что они совсѣмъ не знаютъ, на какомъ основаніи Савостьяновъ сдѣлалъ эту приписку. Да и самъ Савостьяновъ въ своемъ показаніи утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ приписку послѣ личнаго объясненія съ Леммергардомъ, цѣлью же его дѣйствій въ этомъ случаѣ было охраненіе казеннаго интереса; притомъ же онъ полагалъ, что, давая подобный отзывъ, ничѣмъ не рискуетъ, потому что люстраціонныя дѣйствія могутъ быть обжалованы сенату. Такъ, благодаря стараніямъ Леммергарда и Савостьянова, министерство государственныхъ имуществъ приобрьло бумажное основаніе считать логишинскую землю принадлежащею казнѣ, а не собственностью мѣщанъ, какъ было на самомъ дѣлѣ. Въ то же самое время велась другаго рода переписка о землѣ въ мѣстечкѣ Логишинѣ. Генералъ-губернаторъ Потаповъ сообщилъ минскому губернатору Токареву, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, изъ имѣнія Логишина подлежатъ отобранію около 2.000 десят. земли отъ разныхъ лицъ въ казну для образованія продажнаго участка, почему и просилъ представить по этому предмету свѣдѣнія. Откуда Потаповъ получилъ извѣстіе о томъ, что логишинскія земли подлежатъ отобранію въ казну для обра-

зованія продажнаго участка, это осталось неизвѣстнымъ. По дѣлу извѣстно только, что губернаторъ Токаревъ обнаружилъ удивительную торопливость въ доставленіи затребованныхъ генераль-губернаторомъ свѣдѣній. Управление государственными имуществами 25 ноября представило губернатору подробныя свѣдѣнія о томъ, что изъ имѣнія Логишино образованъ участокъ въ 2.631 десят., оцѣненный въ 8.269 руб. Но Токаревъ днемъ ранѣе, а именно 24 ноября, представилъ уже эти свѣдѣнія генераль-губернатору Потапову. Черезъ нѣсколько дней Потаповъ обратился къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Логишинскаго участка въ собственность Токареву, согласно его ходатайству о томъ. 30 января 1874 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи минскому губернатору Токареву въ видѣ награды за службу Логишинскаго участка, пространствомъ въ 2.631 дес., за 14.000 руб. Въ февралѣ того же года была совершена купчая крѣпость на имя Токарева, а въ мартѣ счастливый покупатель былъ введенъ во владѣніе Логишинскимъ участкомъ, причѣмъ самый вводъ во владѣніе былъ совершенъ съ такимъ отступленіемъ отъ установленнаго порядка, что мѣщане мѣстечка Логишино при этомъ не присутствовали и, значитъ, были лишены возможности предъявить споръ. Такъ мѣстный губернаторъ сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ, получивъ въ собственность землю, о принадлежности которой казнѣ были сообщены ни на чемъ не основанныя ложныя свѣдѣнія. Теперь онъ, въ качествѣ землевладѣльца, вступаетъ въ управление приобрѣтеннымъ имѣніемъ. Но самому вести дѣла по управленію имѣніемъ ему нѣтъ времени, — онъ занятъ службою. Между тѣмъ, по обязанности службы, ему подчинено много чиновниковъ и вотъ они-то являются повѣренными по имущественнымъ дѣламъ своего начальника. Членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, статскій совѣтникъ Банчъ-Османовскій, присутствуетъ по довѣренности Токарева при вводѣ его во владѣніе Логишинскимъ имѣніемъ. Вслѣдъ затѣмъ Токаревъ уполномочилъ особенною довѣренностью на управленіе имѣніемъ пинскаго уѣзнаго предводителя дворянства, барона Витте (нужно замѣтить, что предоставленіе должности уѣзнаго предводителя дворянства вполнѣ зависѣло отъ губернатора). Новый управляющій показалъ необычайную заботливость объ интересахъ своего довѣрителя. Первымъ его распоряженіемъ было — потребовать у мѣщанъ, чтобъ они добровольно уступили Токареву $\frac{1}{3}$ урожая озимаго хлѣба, засѣяннаго въ 1873 году. Понятно, что мѣщане отказались исполнить такое требованіе. Тогда губернаторскій управляющій даетъ отъ себя довѣренность полевому сторожу Маціевскому на предъявленіе судебного иска къ логишинскимъ мѣщанамъ. Маціевскій возбуждаетъ въ мировомъ судѣ два дѣла: одно — о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, а другое — о взысканіи съ логишинскихъ мѣщанъ денегъ за самовольную пастьбу скота. Мировой судья выдалъ два

исполнительныхъ листа: одинъ—объ оставленіи полей и сѣнокосныхъ луговъ мѣстечка Логишино во владѣніи Токарева, другой—о взысканіи въ пользу его 474 рубля съ логишинскихъ мѣщанъ за самовольную пастьбу скота. Судебный приставъ, явившись для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія, встрѣтилъ открытое сопротивленіе со стороны мѣщанъ. На помощь ему была выслана пинская уѣздная команда, въ числѣ 53-хъ чело-вѣкъ, но, также встрѣтивъ сопротивленіе, была вынуждена отступить и удалиться.

До сихъ поръ мы видимъ, что личность Токарева скрывается какъ бы въ туманѣ, будучи загорожена цѣлою толпой чиновниковъ, которые усердно работаютъ въ его пользу, но работаютъ такъ, что участіе самого Токарева мало замѣтно. Мы знаемъ только, что мѣстнымъ чиновникамъ было извѣстно о желаніи Токарева приобрести Логишинскій участокъ и что онъ ходатайствовалъ объ этомъ предъ генераль-губернаторомъ, но затѣмъ какое вліяніе онъ оказывалъ на официальную переписку, въ которой принадлежащая мѣщанамъ земля была названа казенною собственностію,—этого мы не знаемъ изъ дѣла. Только послѣ сопротивленія логишинскихъ мѣщанъ воинской командѣ личность Токарева выступаетъ въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ и выдвигается впередъ изъ толпы чиновнаго люда. Но и теперь его нравственная личность до такой степени слита съ предоставленною ему властью по должности губернатора, что отдѣлить ихъ почти нѣтъ никакой возможности. Вездѣ, гдѣ только показывается Токаревъ, онъ является въ видѣ какой-то чисто стихійной силы, которая, на основаніи мотивовъ чисто личнаго свойства, губить и разрушаетъ встрѣчающіяся на пути препятствія предоставленною ему отъ правительства властью. Широкая, почти безграничная власть вездѣ выступаетъ на первомъ планѣ и заслоняетъ собою нравственную личность человѣка. Тутъ человѣкъ какъ будто ни при чемъ, а вездѣ мы видимъ только власть, предоставленную этому человѣку. Притомъ же эта власть принадлежитъ не одному какому-нибудь лицу и не слита съ какою-нибудь одною должностію,—нѣтъ, власть какъ будто разлита повсемѣстно, во всей нашей жизни. Вся жизнь управляется стройною системой власти, въ которой, какъ въ сложной машинѣ, губернаторъ Токаревъ есть не что иное какъ колесо или винтикъ, имѣющій значеніе не самъ по себѣ, но только въ связи съ остальными частями механизма. Пожалуй, власть губернатора совсѣмъ ничтожна, ибо оказывается, что ничего онъ не можетъ сдѣлать безъ помощи съ одной стороны исправника, а съ другой министра. Но и министръ ничего не дѣлаетъ безъ губернатора, а губернаторъ безъ исправника. Въ комъ же изъ нихъ вся сила: въ исправникѣ или въ министрѣ? Съ одной стороны, если не захочетъ министръ, то противъ его воли безсильны всѣ усилія и губернатора, и исправника, а съ другой стороны захочетъ исправникъ и поведетъ дѣло умненько, тогда и губернаторъ, и министръ сдѣлаются простыми исполнителями воли исправника. Словомъ,

мы видѣли предъ собою весьма сложную систему власти, основаніемъ которой служить личный произволъ. Благодаря этой системѣ произвола, логишинскимъ мѣщанамъ пришлось жестоко поплатиться за оказанное имъ сопротивленіе. Прежде всего власти стали отыскивать зачинщиковъ сопротивленія и конечно такіе зачинщики были тотчасъ найдены. Никакихъ фактическихъ данныхъ для доказательства выдающагося участія въ беспорядкахъ никто не собиралъ и никто не требовалъ: просто исправникъ написалъ губернатору, что, «по убѣжденію его помощника Протопопова», главными руководителями беспорядковъ были Высинскій и Петруковичъ. Но губернаторъ, будучи самъ заинтересованъ въ дѣлѣ, еще ранѣе просилъ министра выслать административнымъ порядкомъ тѣхъ же—Высинскаго и Петруковича—да кромѣ того старосту Юшкевича. Министръ съ своей стороны не замедлилъ распорядиться объ административной ссылкѣ, кромѣ Высинскаго, Юшкевича и Петруковича, указанныхъ Токаревымъ, еще Барановича и Четчку. Такимъ образомъ мы видимъ, что всё играетъ судьбою челоуѣка въ силу того лишь, что есть въ рукахъ власть, которою пользуются всё отъ министра до помощника исправника Протопопова, не справляясь ни съ чѣмъ, кромѣ личнаго убѣжденія. Между этими, сильными властью, людьми губернаторъ Токаревъ выдается только потому, что онъ употребляетъ свою власть во вредъ другимъ сознательнѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ настаиваетъ на административной высылкѣ изъ личныхъ цѣлей, имѣя въ виду оградить свои интересы по владѣнію неправильно приобретеннымъ имъ имѣніемъ. Но этотъ чисто-личный мотивъ тщательно скрывается и основаніемъ для ходатайства объ административной ссылкѣ выставляется благовидная бумажная ложь, что «безнаказанность противозаконныхъ дѣйствій неминуемо вредно повліяетъ на сосѣднихъ крестьянъ, слѣдящихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за исходомъ логишинскаго дѣла». Токаревъ не только тщательно скрылъ личный мотивъ своего ходатайства объ административной ссылкѣ, но и постарался сдѣлать заявленіе о своемъ безпристрастіи. Въ концѣ донесенія министру онъ заявилъ, что, «будучи лично заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, просить поручить дальнѣйшее направленіе онаго кому-либо помимо его».

На основаніи такого донесенія губернатора Токарева, министръ внутреннихъ дѣлъ, распорядившись объ административной высылкѣ 5 мѣщанъ, въ то же время командировалъ въ Минскую губернію генераль-лейтенанта Лошкарева для усмиренія мѣщанъ мѣстечка Логишина. Повидимому, слѣдовало бы ожидать, что теперь главнымъ дѣятелемъ явится Лошкаревъ, какъ лицо специально уполномоченное самимъ министромъ. Но въ самомъ дѣлѣ вся дѣятельность его отличается пассивнымъ характеромъ. Это—столичный, петербургскій генералъ, генералъ парадовъ. Самъ онъ ничего не дѣлаетъ и если является въ роли дѣятеля, то не иначе, какъ закрывая своею спиной другое лицо, заправляющее дѣломъ подъ прикрытіемъ петербургскаго генерала. Но за то генералъ Лошкаревъ—вели-

кій мастеръ служить прикрытіемъ. (Онъ живо напоминаетъ собою, бывшихъ нѣкогда въ Москвѣ, свадебныхъ генераловъ, которые жили на жалованьи у кондитеровъ и поставлялись ими на купеческія свадьбы, чтобы генеральскимъ мундиромъ придать больше торжественности и парада свадебной церемоніи.) Исполненіе возложеннаго на него порученія онъ началъ съ того, что, прибывъ 25 октября 1874 года въ Минскъ, распорядился вызовомъ въ Логишино 200 казаковъ и баталіона пѣхоты. Услужливый губернаторъ Токаревъ предложилъ въ распоряженіе Лошкарева минскаго исправника полковника Капгера, какъ «опытнаго и способнаго полицейскаго чиновника». Съ этого времени главная дѣятельная роль въ дѣлѣ усмиренія логишинскихъ мѣщанъ принадлежитъ Капгеру. Отношенія между Капгеромъ и Лошкаревымъ установились въ высшей степени странныя. Официально, на-показъ, Капгеръ находится въ распоряженіи и полномъ подчиненіи Лошкареву, а на самомъ дѣлѣ онъ всѣмъ распоряжается, Лошкаревъ же служитъ въ его рукахъ не болѣе какъ орудіемъ для достиженія ранѣ намѣченныхъ цѣлей въ интересахъ губернатора Токарева. Откомандированный губернаторомъ въ распоряженіе Лошкарева, Капгеръ уѣхалъ впередъ въ Логишино и тамъ занялся заблаговременною подготовкой дѣла, въ которомъ Лошкаревъ долженъ былъ разыграть заранѣе назначенную ему Капгеромъ роль. Первымъ распоряженіемъ Капгера было приказаніе заготовить нѣсколько возовъ розогъ, которыя были сложены сначала при становой квартирѣ, а затѣмъ перевезены въ ратушу. Въ тотъ же день около полудня мѣщане были созваны на сходъ, причемъ судебный приставъ Воскресенскій предъявлялъ имъ исполнительный листъ мирового судьи, а Капгеръ кричалъ, бранился и грозился, что ѣдетъ генералъ съ войскомъ, который ихъ, какъ бунтовщиковъ, можетъ закопать живыхъ въ могилу, засѣчь и разстрѣлять, — словомъ, сдѣлать съ ними все, что вздумается. Выставивъ Лошкарева грознымъ пугаломъ, Капгеръ сталъ совѣтовать мѣщанамъ, чтобъ они покорились и постарались расположить въ свою пользу генерала, а для этого послали бы депутатовъ на встрѣчу генералу съ просьбою о пощадѣ. По совѣту исправника, депутаты были выбраны и на станціи Лыщи была устроена торжественная встрѣча петербургскому генералу, который ѣхалъ въ сопровожденіи губернскихъ чиновниковъ и войска. Здѣсь его встрѣтили — устроитель торжественной встрѣчи исправникъ Капгеръ съ предводителемъ дворянства Витте и тремя депутатами отъ мѣщанъ. При появленіи генерала депутаты упали на колѣни и просили принять хлѣбъ-соль. Генералъ спросилъ: отчего мѣщане не хотятъ платить третьякъ Токареву? Депутаты съ покорностью отвѣчали, что они готовы заплатить рожью или деньгами, какъ угодно будетъ генералу. Въ отвѣтъ на это генералъ внушительно произнесъ, что онъ всѣхъ «расскасируетъ», — и этимъ окончилъ приемъ депутаціи. Вечеромъ состоялся торжественный въездъ Лошкарева въ Логишино. Мѣстечко было иллюминировано и для встрѣчи дорогаго гостя были приготовлены двѣ

депутация: одна отъ христіанъ, другая отъ евреевъ. Генералъ милостиво принялъ хлѣбъ-соль отъ евреевъ, но отъ христіанъ не принялъ и сказалъ имъ: «Вы—бунтовщики. Я отъ васъ не приму, пока вы не смиритесь и не исполните своихъ обязанностей». На другой день въ 12 часовъ состоялся совѣтъ усмирителей подъ предсѣдательствомъ генерала Лошкарева. Совѣтъ былъ торжественно открытъ рѣчью предсѣдателя, который показалъ присутствующимъ и затѣмъ положилъ на столъ бумаги по Логишенскому дѣлу. Между этими документами первое мѣсто занимало полицейское дознаніе, въ которомъ урожай ярового хлѣба, собраннаго мѣщанами съ полей, принадлежащихъ къ имѣнію Логишину, былъ оцѣненъ слишкомъ въ 12.000 рублей. Понятное дѣло, что вся эта оцѣнка, услужливо сдѣланная полиціей въ интересахъ своего начальника-губернатора, не будучи утверждена судомъ, не имѣла ровно никакого юридическаго значенія. Но усмирители знать ничего не хотѣли и чувствовали на своей сторонѣ достаточно власти, чтобы не стѣсняться никакими законами. Генералъ Лошкаревъ положилъ на столъ бумаги и произнесъ слѣдующую рѣчь: «Слѣдуетъ взыскать съ мѣщанъ за забранный ими съ полей имѣнія Логишино хлѣбъ по полицейской оцѣнкѣ онаго, актъ которой имѣется налицо, 12.000 съ чѣмъ-то рублей. Но проѣздомъ чрезъ Минскъ видѣлся я съ помѣщикомъ имѣнія Логишина, г. Токаревымъ, который заявилъ, что онъ простираетъ свои претензіи къ мѣщанамъ-христіанамъ мѣстечка Логишина за забранный ими съ полей его имѣнія хлѣбъ и за скошенное ими на прилегающихъ къ имѣнію лугахъ сѣно въ 5.474 рубля, на что, конечно, согласится и присутствующій здѣсь повѣренный помѣщика, баронъ Витте. Мое мнѣніе такое: предложить мѣщанамъ заплатить означенную сумму 5.474 рубля добровольно; если же они на это не согласятся, то взыскать съ нихъ по оцѣнкѣ полиціи все 12.000 рублей. Согласны ли вы съ этимъ моимъ мнѣніемъ, господа?» Все дали утвердительный отвѣтъ и этимъ совѣтъ окончился. Рѣшеніе совѣта было тотчасъ объявлено депутатамъ отъ мѣщанъ, которые, конечно, согласились лучше заплатить 5.000, нежели 12.000 рублей. На взносъ денегъ былъ назначенъ двухдневный срокъ, а взысканіе поручено Капгеру и пинскимъ исправнику Золотницкому и помощнику его Протопопову.

Лошкаревъ разыгралъ навязанную ему роль и затѣмъ удалился со сцены, предоставивъ Капгеру свободу распоряжаться, какъ тому вздумается. И Капгеръ началъ распоряжаться по-своему, прикрывая свои распоряженія именемъ генерала, который ровно ничего не зналъ, что такое волею его творится. А между тѣмъ въ Логишинѣ происходилъ раззорительный погромъ. Мѣщане должны были въ теченіе двухъ дней внести по 25 рублей съ двора. Все мѣстечко было оцѣплено казаками, чтобы никто изъ жителей не могъ уйти. Денегъ на уплату наложеннаго взысканія у жителей не было, признаться на сторонѣ нельзя было, и мѣщане по неволѣ должны были за безцѣногъ продавать скотину, или занимать

деньги у мѣстныхъ евреевъ, соглашаясь на уплату процентовъ отъ 1¹/₂— до 3 коп. съ рубля въ недѣлю. Всѣмъ взысканіемъ распоряжался Капгеръ. Казаки приводили къ нему мѣщанъ и Капгеръ каждаго спрашивалъ коротко: «есть деньги?» — и если получалъ неудовлетворительный отвѣтъ, то приказывалъ казакамъ: «ведите его въ баню!» Несчастнаго волокли въ ратушу и здѣсь жестоко сѣяли. Видъ тѣлеснаго наказанія доставлялъ какое-то гнусное наслажденіе этому мундирному звѣрю. Какъ только представлялся случай наказанія, онъ бросалъ взысканіе денегъ и самъ уходилъ въ ратушу смотрѣть, какъ сѣдутъ. Въ дѣлѣ находятся слѣдующія свидѣтельскія показанія, ярко характеризующія личность Капгера и заботость, загнанность населенія, страдающаго подъ гнетомъ самаго дикаго произвола: «По показанію депутата Королевича, унтеръ-офицеръ Малоховскій былъ столь жестоко наказанъ, что до сего времени постоянно хвараеть. Тотъ же свидѣтель показалъ, что Капгеръ требовалъ деньги даже отъ слѣпаго нищаго, Адама Татаревича, и когда тотъ отказался платить, то Капгеръ ударилъ его по лицу и хотѣлъ было наказать розгами, но Татаревичъ сходилъ домой и принесъ собранные имъ по міру десять рублей. Викентій Юшкевичъ показалъ, что одновременно съ нимъ вносилъ въ комиссію деньги и мѣщанинъ Михайль Юшкевичъ. Въ послѣднемъ Капгеръ обратился съ словами: «вотъ вы бунтуете, а за васъ долженъ отвѣчать староста, его ушлуть въ ссылку», и когда получилъ отъ Михаила Юшкевича отвѣтъ, что не за что старосту ссылать, такъ какъ они вовсе не бунтуютъ, то Капгеръ ударилъ его такъ сильно по лицу два раза, что онъ отшатнулся къ стѣнѣ. То же самое говорить и потерпѣвшій Михайль Юшкевичъ, добавляя, что послѣ нанесенныхъ ему ударовъ онъ потерялъ память и хотя исполнялъ, какъ депутатъ, данныя ему приказанія, но совершенно какъ бы безсознательно. Отставной унтеръ-офицеръ Выдринъ въ показаніи своемъ изложилъ, что когда онъ пришелъ въ комиссію и на вопросъ исправника Капгера: принесъ ли деньги, — отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ и взять негдѣ ихъ теперь, то Капгеръ ударилъ его по лицу два раза четыре такъ сильно, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Затѣмъ исправникъ послалъ казака взять его вола, стоимшаго сорокъ рублей, который былъ проданъ еврею за двадцать пять рублей и деньги внесены въ комиссію. Съ продажею этого вола свидѣтель лишился послѣдняго достоянія и до настоящаго времени поправиться не можетъ. Отставной рядовой Четевка говоритъ, что ночью, часовъ въ 12, къ нему въ домъ пришли солдаты и казаки и потребовали его въ комиссію. Въ то время, пока онъ одѣвался, казакъ ударилъ беременную жену его такъ сильно нагайкой по спицѣ, что она заболѣла и на слѣдующій день родила преждевременно ребенка, который на другой день умеръ. Въ комиссіи Капгеръ пересчиталъ принесенныя деньги и вида, что недостаетъ пяти рублей, несмотря на его просьбы повременить, приказалъ вести его въ ратушу. Здѣсь его стали было уже раздѣвать, чтобы сѣчь, но бывшіе тутъ сол-

даты, видя, что онъ изъ военной службы, упростили исправника и послѣдній его отпустилъ. Михайлъ Григорьевъ Юшкевичъ, семидесятилѣтній старикъ, показалъ, что когда исправникъ выѣхалъ на сходъ верхомъ и объявилъ, чтобы всѣ шли вносить по 25 руб. со двора, то всѣ мѣщане бросились кто занимать деньги, кто продавать скотъ. Свидѣтель остался на мѣстѣ и заявилъ исправнику, что денегъ у него нѣтъ. За это Капгеръ ударилъ его нагайкой по головѣ и сталъ давить лошадю, требуя, чтобы онъ несъ деньги. Лица, подвергшіяся наказанію розгами въ ратушѣ, передаютъ объ этомъ въ показаніяхъ своихъ слѣдующимъ образомъ. Отст. унт.-офиц. Малоховскій, что когда онъ сказалъ Капгеру, что по позднему времени достать денегъ не можетъ, и просилъ подождать до утра и, наконецъ, что онъ недавно лишь вернулся со службы, очень бѣденъ и не успѣлъ еще обзавестись хозяйствомъ, то Капгеръ сперва было его отпустилъ, но затѣмъ вернулъ со двора и отправилъ въ ратушу, гдѣ его сѣкли съ двухъ сторонъ. Кто сѣкъ и сколько дали розогъ — не знаетъ, но распоряжался самъ Капгеръ. Прекративъ сѣченіе, Капгеръ спросилъ свидѣтеля, внесетъ ли онъ деньги, но, услыжавъ тотъ же отвѣтъ, приказалъ вторично его сѣчь. По прекращеніи этого наказанія, свидѣтель заявилъ Капгеру, что онъ на царской службѣ не подвергался ничему подобному. Послѣ этихъ словъ его въ третій разъ высѣкли, а затѣмъ отпустили домой, но требуемыхъ денегъ онъ такъ и не могъ заплатить, а за него внесло общество. Отставной солдатъ Лукашевичъ, 69-ти лѣтъ, — что когда онъ просилъ Капгера повременить взыскаіемъ денегъ, исправникъ ударилъ его по лицу два раза такъ сильно, что онъ зашатался, затѣмъ приказалъ свидѣтеля вести въ баню, гдѣ его начали сѣчь и клани три раза, причемъ начальникъ говорилъ, чтобы сѣкли сильнѣе, и послѣ каждаго раза требовалъ денегъ. Онъ полагаетъ, что ему дали ударовъ 60; онъ былъ долго боленъ. Гаврила Полѣвскій, — что когда его привели въ комиссію и исправникъ узналъ, что у него нѣтъ денегъ, то крикнулъ: «отсыпать ему полтораста (ударовъ), такъ и деньги будутъ». Затѣмъ свидѣтеля повели въ баню, куда пошелъ и Капгеръ, и стали сѣчь; онъ сначала кричалъ, но потомъ лишился чувствъ; придя въ себя, онъ кланялся въ ноги исправнику, прося подождать до утра, когда кончится еврейскій шабашъ и явится возможность продать что-либо евреямъ и достать денегъ, но просьба его не была уважена. При наказаніи не было ни старосты, ни депутатовъ, ни чиновниковъ пинской полиціи, а распоряжался всѣмъ Капгеръ. Не жаловался свидѣтель ген. Лошкареву потому, что казаки его туда не пустили бы, а самъ генералъ къ нимъ, мѣщанамъ, не выходилъ, а сидѣлъ въ своей квартирѣ. Мѣщ. Кривоустъ, — что когда его сѣкли тысяціе, то Капгеръ сказалъ, что сѣкутъ не такъ, что нужно сѣчь кончиками, и тогда его принялись сѣчь казаки; сколько дали розогъ, не знаетъ, потому что былъ безъ чувствъ. Иванъ Поленовичъ, — что когда его сѣкли, Капгеръ стоялъ на порогѣ и говорилъ, что плохо

сѣкутъ. Сколько дали розогъ, не знаетъ, но помнить, что розги надъ нимъ мѣняли». Для характеристики Капгера слѣдуетъ прибавить еще одну черту. Онъ дѣйствовалъ до такой степени самостоятельно и съ такою увѣренностью считалъ себя полнымъ хозяиномъ всего дѣла, что, отдавая распоряженіе, позволилъ себѣ кричать на становаго пристава изъ другаго уѣзда: «я тебя уволю по третьему пункту!»

Какъ же смотрѣли прочіе чиновники на дикую расправу, которую позволилъ себѣ Капгеръ?... Неужели не нашлось между ними ни одного, кто бы остановилъ разгулъ жестокости этого мундирнаго звѣря, или какимъ-либо инымъ путемъ протестовалъ противъ дѣлаемыхъ имъ насилій?—То-то и печально, что между согнанными въ Логишино чиновниками не нашлось ни одного, кто бы остановилъ расхаживаго Капгера. Ген. Лошкаревъ добросовѣстно исполнялъ навязанную ему роль, которая состояла въ томъ, чтобъ издали пугать народъ генеральскимъ мундиромъ. Онъ не зналъ и не подозрѣвалъ, что такое дѣлалъ Капгеръ его именемъ. Другіе чиновники съ полнымъ равнодушіемъ наблюдали позорныя сцены тѣлеснаго наказанія. Вотъ, напримѣръ, какое характерное показаніе далъ одинъ изъ нихъ, судебный приставъ Воскресенскій: «Проходя по одной изъ улицъ Логишина, онъ замѣтилъ въ одномъ частномъ еврейскомъ домѣ подполковника Золотницкаго и его помощника Протопопова. Зайдя къ нимъ, онъ засталъ тамъ нѣсколько мѣщанъ, вносившихъ къ нимъ деньги. Спустя нѣсколько минутъ пришелъ туда же и Капгеръ, который обратился къ одному изъ находившихся тутъ мѣщанъ съ вопросомъ: «Принесъ деньги?»—и, получивъ отъ него неудовлетворительный отвѣтъ, крикнулъ стоявшимъ тутъ же казакамъ: «Отвести его въ ратушу». Послѣ этого онъ, приставъ, скоро вышелъ, но потомъ встрѣтился на улицѣ съ Капгеромъ, который, взявъ его подъ руку, сказалъ: «Пойдемъ, я покажу вамъ, какъ дѣйствуетъ минскій исправникъ,—не такъ, какъ ваши пинскія бабы». Съ этими и подобными словами, оуждавшими пинскую полицію, онъ, Капгеръ, ввелъ его, свидѣтеля, въ мѣщанскую ратушу, гдѣ два полицейскіе тысяцкіе, Вохоновъ съ Новоселовымъ или Яворскимъ (хорошо не помнить), сѣли одного мѣщанина за то, что онъ, по словамъ Капгера, не внесъ деньги. Фамиліи высѣченнаго онъ не знаетъ. Изъ ратуши онъ сейчасъ же вышелъ, оставивъ тамъ Капгера». Въ этомъ показаніи цѣликомъ въ высшей степени ярко высказалось все нравственное убожество личности Воскресенскаго, вся безхарактерность его и дряблость нравственной натуры. Онъ не способенъ на такія жестокости, какъ Капгеръ, но въ то же время постыдно равнодушенъ къ нимъ, будучи неспособенъ оказать противодѣйствіе. Капгеръ—натура безнравственная, но цѣльная. Онъ сознательно отдается жестокостямъ и съ полною искренностію хващается имъ, потому что убѣжденъ, что всѣ, на нашъ взглядъ безнравственные, поступки его похвальны и благородны. Наоборотъ, Воскресенскій, повидимому, сознаетъ, что жестокости Капгера безнравственны; онъ

не въ силахъ самъ отдаваться такимъ же жестокостямъ и, не вынося вида тѣлеснаго наказанія, уходитъ изъ ратуши. Но сознаніе безнравственности жестокостей Капгера не слилось и не срослось со всѣмъ нравственнымъ существомъ Воскресенскаго. Напротивъ, онъ самъ сошелся съ тѣмъ міромъ безнравственности, представителемъ котораго является Капгеръ. Въ немъ нѣтъ силы оставить этотъ міръ, а тѣмъ болѣе поднять на него руку. Жалкая, слабая, гнилая натура его подчиняется хотя и безнравственной, но сильной и цѣльной натурѣ Капгера. Добрые нравственные задатки побуждаютъ Воскресенскаго бѣжать изъ ратуши, гдѣ происходитъ тѣлесное наказаніе, и въ то же время онъ идетъ туда подъ руку съ Капгеромъ, покорно слѣдуя за нимъ. Жалкіе это люди, для которыхъ вездѣ и всегда нуженъ сильный руководитель и которые ежеминутно готовы безразлично и на добро и на зло, вѣчно подчиняясь постороннимъ нравственнымъ вліяніямъ...

Между тѣмъ, пока Капгеръ производилъ свои жестокія экзекуціи, генералъ Лошкаревъ, ничего не зная объ этомъ, отъ скуки устраивалъ для себя парадные выходы и говорилъ любезныя рѣчи мѣщанамъ и солдатамъ. Какъ только начался сборъ денегъ, Лошкаревъ собралъ всѣхъ мѣщанъ и, при выстроенныхъ солдатахъ, объявилъ имъ, что онъ очень радъ, что сборъ денегъ уже начался, и просилъ ихъ окончить его къ 12 часамъ слѣдующаго дня. Когда на другой день сборъ денегъ окончился и депутаты отъ мѣщанъ съ собранными деньгами и хлѣбомъ-солью пришли въ домъ, гдѣ остановился Лошкаревъ, то генералъ, собравъ войско, вышелъ на дворъ, принялъ деньги, пересчиталъ ихъ, поблагодарилъ и уѣхалъ изъ мѣстечка. Но этимъ его роль не окончилась, а напротивъ только послѣ отъѣзда изъ Логишина онъ долженъ былъ приступить къ выполненію самой главной и трудной части выпавшей на его долю задачи. Онъ былъ генералъ столичный, генералъ парадовъ; онъ былъ мало знакомъ съ дѣйствительною жизнью въ глубинѣ страны. Во всемъ логишинскомъ дѣлѣ онъ видѣлъ только однѣ торжественныя встрѣчи и устроенную въ честь его иллюминацію, поднесеніе хлѣба-соли на колѣнахъ и покорность мѣщанъ, но не видалъ и не зналъ ни дикой расправы Капгера, ни отнятія у мѣщанъ земли, которою завладѣлъ Токаревъ, ни разоренія мѣстечка взысканіемъ денегъ, ни ужаснаго горя жителей, разоренныхъ и поруганныхъ въ самыхъ святѣйшихъ человѣческихъ правахъ своихъ,—словомъ, онъ не зналъ и не видалъ творившагося вокругъ него зла, и потому съ блистательнымъ успѣхомъ выполнилъ доставшуюся на его долю задачу прикрыть зло и неправду—ложью. Въ самый день пріѣзда своего въ Логишино, онъ телеграммою извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что «Логишинскіе мѣщане смирились, сами вносятъ деньги добровольно, но медленно—по беспорядочности, привычкѣ къ своеволю и большинству бѣдныхъ,—и что онъ надѣется кончить безъ строгихъ мѣръ». Затѣмъ, по возвращеніи въ Минскъ, онъ послалъ министру подробное донесеніе, въ

которомъ, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующіе наивные отзывы о Капгерѣ, Токаревѣ и логишинскихъ мѣщанахъ. По словамъ его, «мѣщане, по окончаніи сбора денегъ, объяснили, что сознаются, что заблуждались, считая землю своею, благодарны за вразумленіе и общаются безпрекословно исполнять всѣ требованія закона». О Капгерѣ Лошкаревъ писалъ, что «вмѣнилъ ему въ обязанность предупредить крайнія мѣры со стороны мѣщанъ и вразумить ихъ, въ видѣ приближающихся командъ, обратиться къ послушанію и не доводить до строгихъ мѣръ, которыя могли бы имѣть для нихъ тяжелыя послѣдствія. Капгеръ исполнилъ свое порученіе блистательно и дѣло получило совершенно иной оборотъ». Губернаторъ Токаревъ также нашелъ самую лестную оцѣнку себѣ въ донесеніи Лошкарева. «По оцѣнкѣ, составленной законнымъ порядкомъ,—сказано въ донесеніи,—ко взысканію подлежала сумма въ 12.327 руб. По крайней снисходительности, оказанной во всемъ этомъ дѣлѣ землевладѣльцемъ Токаревымъ, благородно и тонко разграничивающимъ свое положеніе губернатора и помѣщика, повѣренный его баронъ Витте заявилъ письменно, что суммою 5.474 р. его довѣритель ограничиваетъ всѣ претензіи». Въ заключеніе своего рапорта ген. Лошкаревъ присовокупилъ, что «благополучному и скорому исходу настоящаго дѣла много способствовали: примѣрный составъ и поведеніе войскъ, стройный порядокъ губернскаго управленія и усердіе всѣхъ находившихся при немъ лицъ, въ особенности подполковника Капгера, оцѣнивая результаты успѣха дѣйствій котораго, ген. Лошкаревъ считаетъ справедливымъ ходатайствовать о награжденіи его внѣ правилъ». Насколько были справедливы такіе отзывы, мы уже знаемъ изъ судебного дѣла. Въ донесеніи ген. Лошкарева дѣйствительность изображена въ извращенномъ видѣ. Она не была сознательно извращена имъ, а скорѣе этотъ наивный, довѣрчивый генералъ былъ самъ обманутъ и лгалъ съ искреннимъ убѣжденіемъ въ справедливости всего, что писалъ министру. Тѣмъ не менѣе, благодаря его донесеніямъ, истина была скрыта предъ правительствомъ, которое получило совершенно ложное представленіе о всемъ дѣлѣ. И не только ген. Лошкаревъ и министерство были введены въ заблужденіе и не знали правды, но и все русское общество, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ровно ничего не знало о томъ, какая возмутительная неправда творилась подъ прикрытіемъ лжи. А между тѣмъ неправда была сдѣлана открыто, мѣстные жители знали о ней и молчали, не протестуя публично противъ насилія, жертвою котораго сдѣлались мѣщане мѣстечка Логшина. Въ печати ровно ничего не появилось по этому дѣлу, истина не была восстановлена, ложь не была обличена. Что же это значитъ? Неужели наша жизнь, предоставляя такой широкой просторъ для лжи, не даетъ возможности раздаться правдивому протестующему голосу? Неужели намъ и далѣе суждено ходить въ потемкахъ, не зная, что происходитъ вокругъ насъ, и вѣчно быть наивными жертвами обмана, разыгрывая роль генерала Лошкарева?

Грустно, тоскливо... Въ настоящемъ ничто не удовлетворяетъ и не радуетъ общество, но нѣтъ и живой, эпергичной работы для созданія лучшаго будущаго. Мы переживаемъ минуты, когда живая работа въ нѣдрахъ общества пріостановилась и руки опустились подъ ударомъ испытанныхъ неудачъ и разбитыхъ надеждъ; но работа не брошена, общество не свернуло съ прежняго пути въ другую сторону и не отвлекается отъ своихъ прежнихъ стремленій новыми интересами. Нѣтъ, несмотря на всѣ попытки забыться и развлечься чѣмъ-нибудь новымъ, общество не находитъ удовлетворенія въ мелочныхъ интересахъ минуты, не увлекается ими, съ мучительною тоской отвертывается отъ настоящаго и тревожно ждетъ будущаго. Что-то новый годъ скажетъ?

Небывалое ранѣе чувство тревоги охватываетъ душу при встрѣчѣ новаго года. Прежде каждый наступающій годъ представлялся въ строго-опредѣленномъ видѣ. Заглядывая впередъ, въ будущее, мы съ увѣренностью ждали, что тамъ, впереди, ждетъ насъ въ иномъ году счастье, а всего чаще — тоскливые, будничные дни. Но теперь этой увѣренности нѣтъ,—впереди полная неизвѣстность, которая внушаетъ какой-то благоговѣйный страхъ. Новый годъ представляется намъ не въ обычномъ видѣ прекраснаго мальчугана съ безпечною и счастливою улыбкой на устахъ, щедрою рукою разсыпавшаго счастье изъ рога изобилія. На этотъ разъ мальчигъ идетъ тихою, степенною поступью, съ глубокою, тайною думой, отпечатавшеюся въ строгомъ, сосредоточенномъ выраженіи лица. Въ рукахъ у него не рогъ изобилія, но урна, наполненная жеребьями. Подходите и вынимайте свой жеребій: кому вынется, тому сбудется!... Страшно заглянуть въ урну... Рука дрожить, вынимая жеребій. Почему-то кажется, что на этотъ разъ жеребій будетъ вынутъ не на одинъ годъ, но на всю жизнь. Либо выпадетъ намъ счастье, но такое счастье, отъ котораго духъ захватитъ и которое освѣтитъ всю жизнь безъ конца. А если будетъ несчастье, то оно совсѣмъ задавитъ насъ своею тяжестью и убьетъ жизнь. Страшно развернуть роковой жеребій. Рука судорожно сжимаетъ его, а изъ наболѣвшей груди вырывается глубоко-скорбный крикъ: счастья, счастья!...

— снѣй.

Къ вопросу объ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ.

Въ послѣднее время въ періодическую печать проникъ слухъ, упорно поддерживаемый газетами, о томъ, что министерство финансовъ имѣеть въ непродолжительномъ времени внести въ государственный совѣтъ на утвержденіе проектъ преобразованнаго, или видоизмѣненнаго имъ, нынѣ дѣйствующаго Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ, обнаруженнаго въ 1862 году.

Главнѣйшія измѣненія въ дѣйствующемъ уставѣ, какъ излагають органы печати, заключающіяся въ новой редакціи статей Положенія, касаются слѣдующихъ четырехъ вопросовъ, или пунктовъ:

1. Проценты на вклады предполагается вмѣнить банкамъ въ обязанность назначать въ слѣдующемъ размѣрѣ: только на одинъ процентъ выше процентовъ, платимыхъ Государственнымъ банкомъ на вклады.

2. Пропорцію, назначенную нынѣ на приемъ въ городскіе банки вкладовъ, предполагается уменьшить на половину, то-есть допустить приемъ банковыхъ вкладовъ не болѣе какъ въ пять разъ свыше размѣра основнаго капитала банка.

3. Воспрещается банкамъ дальнѣйшій приемъ вѣчныхъ вкладовъ.

4. Предоставляется министерству финансовъ посылать во всякое время своихъ чиновниковъ для ревизіи городскихъ банковъ.

Нѣкоторые органы печати ограничились сообщеніемъ во всеобщее свѣдѣніе, безъ всякихъ коментарій, буквальною передачей текста вышеприведенной новой редакціи статей устава; другіе же попытались объяснить и самые мотивы, побудившіе, будто бы, министерство финансовъ принять пересмотръ и новую редакцію главныхъ статей Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ.

Прежде чѣмъ критически коснуться вопроса о своевременности и цѣлесообразности упомянутаго преобразованія нынѣ дѣйствующаго устава, мотивовъ, вызвавшихъ это преобразование, и сужденій нѣкоторыхъ газетъ, высказанныхъ по этому поводу, по нашему мнѣнію, надлежитъ возстановить въ памяти цѣль, которую преслѣдовало правительство, учреждая городскіе общественные банки, и на сколько въ теченіе двадцатилѣтней дѣятельности учрежденія эти оправдали мысль законодателя.

Только послѣ такого историческаго обзора дѣятельности городскихъ общественныхъ банковъ возможно будетъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ

опытомъ, установить извѣстный критеріумъ при разборѣ по существу какъ новой редакціи видоизмѣненныхъ §§ устава, такъ и тѣхъ мотивовъ къ ихъ измѣненію, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь.

Учреждая городскіе общественные банки, законодатель намѣтилъ двоякую цѣль ихъ учрежденія, а именно: съ одной стороны доставленіемъ легко-доступнаго и дешеваго кредита предполагалось оживить и развить торгово-промышленную дѣятельность городовъ, дать послѣднимъ средство, или воспособленіе отъ банковыхъ прибылей къ ихъ благоустройству — въ широкой и плодотворной области народнаго пресвѣщенія и благотворительности; съ другой же стороны — доставить обывателямъ возможность выгодно и безопасно помѣщать свои сбереженія, цѣлостъ и неприкосновенность коихъ гарантируется солидною имущественною отвѣтственностью всего городского общества, цѣнность коего въ десятки разъ превышаетъ валовую цифру оборотовъ банка.

Нижеслѣдующая хронологическая таблица шестнадцатилѣтней дѣятельности Оренбургскаго общественнаго банка можетъ послужить указаніемъ, на сколько оправдались намѣченныя выше цѣли съ одной стороны, а съ другой — въ какой степени способствовало достиженію этихъ цѣлей нынѣ дѣйствующій уставъ 1862 года о городскихъ банкахъ.

Оренбургскій городской общественный банкъ открылъ свои дѣйствія въ концѣ 1864 года, имѣя основной или оборотный капиталъ въ 50.000 руб. Въ шестнадцать лѣтъ операціи банка выражаются въ слѣдующей прогрессіи.

	Получено чистой прибылью отъ операцій банка.		Изъ этой суммы поступило:					
			Въ основной капиталъ.		Въ запасный капиталъ.		Въ городскіе доходы.	
Въ 1865 году...	15.164	17 ¹ / ₄	3.000	—	3.100	—	9.064	17 ¹ / ₄
" 1866 " ...	10.481	06 ¹ / ₂	—	—	2.000	—	8.481	06 ¹ / ₂
" 1867 " ...	11.355	92 ¹ / ₂	—	—	2.459	20	8.896	72 ¹ / ₂
" 1868 " ...	14.121	10	—	—	2.824	20	11.296	90
" 1869 " ...	17.061	80	4.549	88	3.412	20	9.099	72
" 1870 " ...	18.081	97	7.232	89	3.616	20	7.232	88
" 1871 " ...	30.269	14	11.446	34	7.048	46	11.774	34
" 1872 " ...	27.693	32	11.446	34	7.048	46	9.199	02
" 1873 " ...	30.128	12	11.446	34	7.048	46	11.633	32
" 1874 " ...	26.436	81	11.446	34	7.048	46	7.942	01
" 1875 " ...	29.896	14	11.446	34	7.048	46	11.401	34
" 1876 " ...	31.902	—	11.446	34	7.048	46	13.407	20
" 1877 " ...	34.566	59 ³ / ₄	11.446	34	7.048	47	16.071	78 ¹ / ₄
" 1878 " ...	*) 10.000	—	—	—	—	—	10.000	—
" 1879 " ...	32.055	39	12.092	85	962	54	19.000	—
" 1880 " ...	39.000	—	13.000	—	—	—	26.000	—
ИТОГО.....	378.214	05	120.000	—	67.713	57	190.500	48

*) Въ 1878 году прибылей отъ оборотовъ городского общественнаго банка

Сейчасъ приведенная таблица для всякаго не предубѣжденнаго, безпристрастнаго лица, можетъ послужить фактическимъ, реальнымъ основаніемъ къ получению твердаго убѣжденія въ томъ, что банковскія операціи, подъ контролемъ общества, велись правильно и, внушая къ себѣ общественное довѣріе, прогрессировали изъ года въ годъ въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для репутаціи банка. Казалось бы, что такая благопріятная постановка дѣлъ банка никому не должна была внушать никакихъ опасеній за будущее этихъ кредитныхъ учреждений, ни вызывать желаній, безъ очевидныхъ поводовъ къ тому, искать гадательныхъ причинъ къ урегулированію дѣлъ банка сѣуживаніемъ его операцій и измышленіемъ различныхъ преградъ къ дальнѣйшему его преуспѣванію. На дѣлѣ же, однако, мы видимъ иное. Вопросъ о пересмотрѣ и новой редакціи главнѣйшихъ основъ существующаго устава или Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ занимаетъ министерство финансовъ не впервые.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, а именно въ 1870 году, проектированный въ новой редакціи банковскій уставъ былъ препровожденъ, по опредѣленію государственнаго совѣта, предварительно его утвержденія, на заключеніе городскихъ обществъ (сословныхъ думъ) и правленій банковъ. Эти послѣднія, пользуясь дарованнымъ имъ правомъ, высказались по поводу упомянутаго проекта, и высказались, какъ надо полагать, весьма вѣско и основательно, такъ какъ мысль объ измѣненіи Положенія 1862 года была оставлена министерствомъ финансовъ по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени.

Какъ за это продолжительное время, т. е. съ 1870 года до настоящей минуты или до возникновенія вновь вопроса о преобразованіи устава городскихъ банковъ, дѣйствовалъ Оренбургскій банкъ, мы видимъ изъ вышеприведенной таблицы; но таблица эта знакомитъ насъ лишь съ операціями банка, ничего не говоря о томъ, какими результатами отразилась эта дѣятельность на благосостояніи городовъ и частныхъ лицъ, являющихся въ качествѣ владчиковъ и кредитующихся кліентовъ.

Отвѣтъ на эти поставленные нами вопросы заключается въ слѣдующихъ цифрахъ: а) городское общественное управленіе въ продолженіе шестнадцати лѣтъ банковской дѣятельности получило изъ чистыхъ прибылей банка, въ восполненіе къ своимъ средствамъ, *сто девяносто тысячъ пятьсотъ руб. 48 коп.* Эта почтенная цифра дала городскому обществу возможность, съ небольшимъ ресурсомъ изъ общихъ городскихъ доходовъ, оказать широкую помощь дѣлу общественной благотворительности и народнаго просвѣщенія. Что высказанное сейчасъ заявле-

получено 31.849 руб. 39 к., а по вѣдомости показано только 10.000 руб. потому, что послѣдняя сумма 21.849 руб. 39 к., вслѣдствіе перемѣны системы начисленія % по операціямъ, отчислена въ счетъ прибыли 1879 года, какъ принадлежащая операціямъ этого послѣдняго года.

ніе—не фраза и не игра словъ, а дѣйствительный фактъ, въ томъ можетъ каждый убѣдиться изъ нижеприведенной сравнительной вѣдомости о расходахъ города Оренбурга по народному образованію и на благотворительную часть:

Предметы расходовъ.	За 1864 годъ.		За 1881 годъ.		
	Число заведеній.	Сумма.	Число заведеній.	Сумма.	
А. По народному образованію.					
1) Мужскія приходск. училища	3	1.633 61 ¹ / ₄	6	10.876 —	
2) Женскія приходск. училища	—	— —	4	6.264 —	
3) Ремесленное училище	—	— —	1	6.300 —	
4) Параллельные классы уѣзднаго училища	—	— —	—	840 —	
5) Женская гимназія	1	792 24 ¹ / ₄	1	2.666 52	
6) Женская гимназія	—	— —	—	3.000 —	
Итого по народному образованію .	—	2.425 85 ¹ / ₂	—	29.946 52	Нынѣ болѣе на 27.520 р. 66 ¹ / ₂ к.
Б. Благотворительная часть.					
1) Городская богадѣльня	—	— —	—	5.858 35	} Добавочныя къ спеціальнымъ средствамъ.
2) Александровская больница	—	— —	—	7.797 18	
3) Сирото-воспитательный домъ подкидышей	—	— —	1	3.619 87	
4) Призрѣніе престарѣлыхъ, увѣчныхъ и вообще немущихъ жителей города	—	— —	—	8.000 —	
Итого по благотворительной части .	—	— —	—	25.275 40	
Всего по народному образованію и благотворительной части . .	—	— —	—	55.221 92	Въ общей сложности на обѣ части нынѣ болѣе на 52.796 р. 06 ¹ / ₂ к.

Сопоставленіе городскихъ расходовъ 1864 года на народное образованіе и дѣло благотворенія, выразившихся въ цифрахъ 2.425 р. 85¹/₂ к. съ затратами на тѣ же городскія нужды въ 1881 году, когда городъ расходуетъ на обѣ эти отрасли 55.221 р. 92 к. (въ томъ числѣ на народное образованіе 29.946 р. 52 к. и на общественную благотворительность 25.275 р. 40 к.),—даетъ наглядное доказательство, что благопріятною постановкою банковыхъ операцій городъ сумѣлъ воспользоваться, воплотив оправдавши предусмотрительность законодателя, даровавшаго городамъ столь существенно-полезныя учрежденія для ихъ благоустройства и успѣянія.

Смѣемъ думать, что противъ такой очевидной фактической стороны полезнаго дѣла едва ли кто, руководимый чистыми побужденіями, рискнетъ спорить или обвинять эту записку въ голословіи и бездоказательности: тѣ сотни учащихся и призрѣваемыхъ послушать ей живымъ и не безсловеснымъ доказательствомъ ея правоты.

Но это только одна сторона дѣла. Переходимъ теперь къ другой, т. е. насколько существованіе городскихъ банковъ содѣйствовало, во-первыхъ, посредствомъ легко доступнаго кредита для всякаго благонадежнаго лица, развитію торгово-промышленности въ городахъ и, во-вторыхъ, какой дало дивидендъ вкладчикамъ на ихъ капиталъ. Какъ распредѣлялся кредитъ между общественниками, т. е. въ какой степени равномерно распредѣлялся онъ между сословнымъ городскимъ населеніемъ и какую принесъ выгоду лицамъ, помѣстившимъ въ городскомъ банкѣ свои капиталы, могутъ дать указаніе слѣдующія числовыя данныя за 1880 годъ:

	Число кре- дитующихъ лицъ.	С У М М А.
А) Учтено векселей лицъ разныхъ торгово-промышленныхъ сословій, а именно:		
Купцовъ 1-й и 2-й гильдій	236	1.535.342 р. 98 к.
Мѣщанъ	220	337.450 » 86 »
Дворянъ и чиновниковъ, платящихъ гильдіи	39	115.010 » 05 »
Торгующихъ крестьянъ	37	63.488 » 13 »
Казаковъ торговаго общества	5	7.950 » — »
Нижнихъ воинскихъ чиновъ, занимающихся торговлей	15	9.028 » — »
Иностранныхъ подданныхъ	8	8.221 » — »
Всего	560	2.076.491 р. 02 к.
Б) Выдано банкомъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ:		
Купцамъ	17	103.245 р. — к.
Мѣщанамъ	26	31.600 » — »
Дворянамъ и чиновникамъ	27	70.550 » — »
Крестьянамъ	5	5.900 » — »
Нижнимъ воинскимъ чинамъ	9	7.150 » — »
Иностраннымъ подданнымъ	1	12.500 » — »
Оренбургскому обществен. собранію	1	20.000 » — »
Итого ссудъ подъ залоги	86	250.943 р. — к.

В) Вклады банкъ имѣеть:

вѣчныхъ	—	38.594 р.	— в.
срочныхъ	—	958.007 »	— »
безсрочныхъ.	—	402.677 »	— »

Итого 1.510 1.399.278 р. — »

% вкладчикамъ выдано за одинъ годъ. — 75.726 » 12 »

Г) Торговыхъ помѣщеній на городскихъ рыночныхъ площадяхъ: въ 1864 году до учрежденія городского общественнаго банка было:

Деревянныхъ лавокъ, ларей и балагановъ всего 320.

Нынѣ же въ 1881 году существуетъ:

Каменныхъ лавокъ и магазиновъ 207.

Деревянныхъ лавокъ и магазиновъ 450.

А всего постоянныхъ лавокъ 657.

Не считая ларей и палатокъ, а также лавокъ домашнихъ.

Приводимыя нами данныя, какъ извлеченныя изъ официальныхъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ городской управы и банка, — смѣемъ думать, вполне освѣщаютъ картину дѣятельности банка и тѣхъ благотворныхъ послѣдствій этой дѣятельности, которыми отразилась она на благоустройство города, мѣстной торговли, промышленности и на благосостояннiи частныхъ лицъ, какъ кредитовавшихся, такъ и вложившихъ свои сбереженія, для цѣлости и приращенія %, въ городское кредитное учрежденiе.

Прослѣдя со вниманiемъ всѣ числовыя данныя объ операціяхъ или оборотахъ банка въ теченiе 16 лѣтъ, нельзя не придти къ убѣжденiю, что прогрессивное возрастанiе суммы различнаго рода вкладовъ банка не можетъ быть ничѣмъ инымъ объяснимо, какъ внушеннымъ довѣрiемъ вкладчикамъ, правильностью и осторожностью дѣйствiй банка, лишеннымъ всякаго риска и спекулятивныхъ увлеченiй.

И дѣйствительно, до какой степени правленiя городскихъ банковъ отличались осторожно къ цѣлости и неприкосновенности ввѣренныхъ имъ храненiю капиталовъ, видно изъ того, что съ развитiемъ торговли и расширенiемъ, вслѣдствiе того, кредита сами правленiя и думы, по собственному почину, ходатайствовали объ учрежденiи, для болѣе правильнаго опредѣленiя нормы кредита для каждаго даннаго лица, учетныхъ комитетовъ съ тѣмъ, чтобы послѣднiе раздѣляли трудную обязанность опредѣленiя кредита съ правленiемъ банка, возложенную на эти правленiя ст. 44 прим. Нормальнаго Положенiя о городскихъ общественныхъ банкахъ.

Въ виду вышеизложеннаго, городскiя думы, представляя собою, по ст. 54 Городоваго Положенiя 16 iюня 1870 года, все городское общество,

къ и слѣдовало ожидать, подчиняясь голосу общественнаго мнѣнія, вошли съ представленіемъ о расширеніи круга дѣйствій городскихъ банковъ. Правда, что въ большинствѣ случаевъ подобнаго рода ходатайства министерство финансовъ хотя прямо и не отклоняло, но лаконически отвѣало на нихъ, что заявленныя нужды будутъ имъ приняты во вниманіе при имѣющемъ въ скоромъ времени состояться новомъ изданіи банковаго устава.

Во всякомъ случаѣ, по ходу дѣла трудно было заранѣе предугадать, какой характеръ будутъ носить, возвѣщенные министерствомъ, перемѣны нынѣ дѣйствующемъ Положеніи о городскихъ банкахъ. Такимъ образомъ характеръ редакціи приведенныхъ нами въ началѣ этой записки статей новаго устава, составляющихъ такъ сказать «душу-живу» всѣхъ операцій банка, былъ совершенною неожиданностью для городскихъ обществъ и не могъ не вызвать смущенія среди ихъ и опасенія за будущность столь полезныхъ кредитныхъ учреждений, какъ общественные банки. Чтобы нагляднѣе убѣдиться, въ какой степени проектируемая новая редакція статей предположенныхъ къ изданію банковаго устава отразится гибельными послѣдствіями на судьбѣ банковъ, мы считаемъ теперь умѣстнымъ перейти къ оцѣнкѣ по существу каждаго проектированнаго § новаго устава.

Изъ вводимыхъ въ проектъ правилъ болѣе другихъ обращаютъ на себя сосредоточенное вниманіе слѣдующіе пункты:

1. Предположеніе вмѣнить въ обязанность городскимъ банкамъ—проценты на вклады назначать въ размѣрѣ только на одинъ % выше процентовъ, платимыхъ Государственнымъ банкомъ по вкладамъ.

2. Предположеніе ограничить приѣмъ вкладовъ въ городскіе банки, вмѣсто теперь существующей нормы въ 10 разъ болѣе основнаго капитала банка, суммою только въ 5 разъ превышающею этотъ капиталъ.

Эти оба пункта, имѣя неразрывную и тѣсную связь между собой, совмѣщены въ тѣхъ видахъ, чтобъ удобнѣе было опредѣлить ихъ громадное значеніе не только для операцій банка, но и для самаго дальнѣйшаго существованія его.

Какъ извѣстно, проценты, платимые Государственнымъ банкомъ по вкладамъ, опредѣляются цифрами 3—4¹/₂, слѣдовательно городскіе общественные банки будутъ поставлены закономъ въ необходимость предложить своимъ вкладчикамъ отъ 4 до 5¹/₂% на ихъ капиталъ.

Очевидно, что такой низкій процентъ, платимый городскими банками, повлечетъ за собою перемѣщеніе капиталовъ банка въ конторы и другія кредитныя учрежденія частныхъ лицъ и акціонерныхъ обществъ, которыя, не будучи ограничены никакою нормою, могутъ свободно располагать размѣромъ процента на вклады по своему усмотрѣнію.

Уменьшеніе вкладочнаго капитала городскихъ банковъ несомнѣнно повлечетъ за собою нежелательное сокращеніе ихъ операцій по учету вексе-

лей и даже совершенное закрытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; а это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, неблагопріятно отразится на дальнѣйшемъ развитіи торгово-промышленной дѣятельности, тѣсно связанной съ доступностью недорогого кредита, такъ какъ съ закрытіемъ или незначительной дѣятельностью городскихъ банковъ размѣръ кредита и установленіе % по учету всецѣло перейдетъ въ руки управляющихъ частными банками.*

Дороговизна учетнаго процента несомнѣнно отразится на сокращеніи торгово-промышленной производительности городовъ. А такъ какъ города, будучи центрами такой дѣятельности, привлекаютъ на свои рынки продукты сельскаго хозяйства ближайшихъ къ нимъ селъ и деревень, то упадокъ торговли въ городахъ повлечетъ къ обѣдненію и сельское населеніе, лишшающееся возможности выгодно и въ обширныхъ размѣрахъ сбывать продукты своего хозяйства.

Независимо отъ сего, сами вкладчики, вынужденные помѣщать свои капиталы въ частныхъ и акціонерныхъ банкахъ, могутъ подвергнуться риску потерять эти капиталы въ случаѣ ликвидаціи банковъ, чего никакъ не можетъ случиться съ городскими общественными банками, такъ какъ до сего времени не было ничего слышно о несостоятельности какого-либо городского банка.

Да еслибъ и былъ подобнаго рода невѣроятный случай, то кредиторы банковъ получили бы свой капиталъ полнымъ рублемъ, съ начисленіемъ процентовъ, изъ суммъ, вырученныхъ чрезъ продажу имущества всего городского общества, еслибъ у банка не хватило своего капитала или имущества принадлежащихъ городу *).

Поэтому намъ казалось бы справедливымъ, въ виду обезпеченности городскихъ банковъ, не только не сокращать норму вкладовъ съ 10 до 5 разъ противъ основнаго капитала, но если невозможно ее увеличить, то оставить въ силѣ настоящую норму.

Что общественные банки заслуживаютъ этого довѣрія со стороны правительства, что населеніе сознаетъ ихъ благотворное значеніе, вѣритъ ихъ операціямъ и считаетъ свои сбереженія обезпеченными, въ томъ убѣждаетъ фактъ возникновенія, въ короткое время, до 300 общественныхъ городскихъ банковъ. Этого не могло бы случиться, еслибы банки городскіе вели неправильно свои операціи**), устанавливали пристрастный, неравномѣрный кредитъ и лишены были бы въ глазахъ общества довѣрія къ ихъ солидности.

*) Городскія имущества заключаются въ домахъ, торговыхъ помѣщеніяхъ земляхъ и другихъ т. п. цѣнностяхъ.

**) Насколько осторожно и правильно велись операціи Оренбургскаго банка, можно убѣдиться изъ того, что въ теченіе шестнадцати лѣтъ своего существованія потери его выразились относительно незначительною цифрою въ 18.152 руб. 6 коп.

Сокращеніе или закрытіе дѣятельности городскихъ банковъ не менѣе печально отозвалось бы и на удовлетвореніи городскихъ потребностей въ дѣлѣ народнаго образованія и прizrрнія сырыхъ, убогихъ и немущихъ лицъ *).

Въ виду такихъ неотразимыхъ данныхъ, благоприятныхъ для репутаціи городскихъ общественныхъ банковъ, въ настоящую минуту было бы желательно, чтобы министерство финансовъ обратило на нихъ серьезное вниманіе въ интересахъ пользы самаго дѣла.

3-й пунктъ проектируемыхъ правилъ касается воспрещенія банкамъ принимать впредь вклады на вѣчное время, допускаемые нынѣ дѣйствующимъ закономъ.

Противъ этого пункта мы не имѣемъ въ виду дѣлать какихъ-либо вѣснихъ возраженій, такъ какъ лишеніе городскихъ банковъ права принимать вклады на вѣчное время не можетъ имѣть серьезнаго вліянія на ихъ операци и судьбы. Въ этомъ легко убѣдится всякій, взглянувъ на ничтожное процентное отношеніе, въ какомъ находятся вѣчные вклады къ вкладамъ другихъ наименованій, или категорій. Если же мы коснулись этого параграфа, то съ единственною цѣлью, чтобы указать на то, что воспрещеніе это существеннымъ образомъ задѣнетъ вопросъ объ ограниченіи гражданской правоспособности частныхъ лицъ располагать по своему усмотрѣнію своимъ капиталомъ, что было бы совершенно тождественно съ воспрещеніемъ частнымъ лицамъ учреждать «заповѣдныя имѣнія», такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ имѣлось въ виду вѣчное сохраненіе и неприкосновенность даннаго капитала, заключающагося въ недвижимомъ имуществѣ или деньгахъ. Намъ кажется, что такой вопросъ долженъ имѣть мѣсто при общемъ пересмотрѣ нашихъ гражданскихъ законовъ.

Теперь, обращаясь къ послѣднему пункту законопроекта—объ установленіи контроля надъ общественными банками предоставленіемъ министерству финансовъ права посылать своихъ чиновниковъ для ревизіи городскихъ банковъ во всякое время,—коснемся и состоятельности тѣхъ мотивовъ, которые, по увѣренію нѣкоторыхъ органовъ печати, будто бы послужили поводомъ министерству финансовъ къ существенному измѣненію нѣкоторыхъ статей «Положенія» 1862 года.

Противъ установленія правительственнаго контроля возражать было бы нелѣпностью, ибо, по нашему глубокому убѣжденію, всякій контроль, откуда бы онъ ни исходилъ, отъ общества, или отъ правительства, ровно кромѣ пользы и укрѣпленія общественнаго довѣрія не можетъ ничего инаго принести честнымъ и далеко не сложнымъ операциямъ городскихъ бан-

*) Половину расходуемой городомъ на народное образованіе и благотворительную часть суммы (55.221 р. 92 к.) составляютъ прибыли банка и взносы за право торговли и промысловъ.

ковъ. Желательно было бы только, чтобы, въ интересахъ самого дѣла, контроль этотъ былъ строго согласованъ съ правомъ, дарованнымъ городскому обществу — самостоятельно контролировать дѣятельность своихъ банковъ. Говоря яснѣе, мы желали бы, чтобы чиновники министерства финансовъ вошли въ составъ постоянныхъ, ежемѣсячно контролирующихъ, комиссій, состоящихъ изъ городского головы и членовъ управы и ревизионныхъ комиссій, избираемыхъ думами, для ревизіи годовыхъ отчетовъ банка, съ предоставленіемъ министерскимъ чиновникамъ права, въ присутствіи вышеназванныхъ лицъ, требовать внезапныхъ ревизій банка.

Такой порядокъ участія правительственнаго чиновника въ ревизіи операций банковъ, не нанося никакого ущерба самой ревизіи и не подрывая довѣрія въ обществѣ къ избраннымъ имъ лицамъ въ думу и банкъ, былъ бы тѣмъ справедливѣе, что министерство финансовъ не участвуетъ въ капиталахъ банка, не гарантируетъ ихъ цѣлости и не несетъ никакой отвѣтственности предъ обществомъ за эти банки, ибо послѣдняя всецѣло по закону лежитъ на обществѣ и его избранныхъ.

Мотивами, послужившими, по мнѣнію нѣкоторой части печати, къ столь суровой регламентаціи статей новаго Положенія о городскихъ общественныхъ банкахъ, были, будто бы, признанная несостоятельность контроля городскихъ думъ надъ сложными операциями городскихъ банковъ и тѣ злоупотребленія въ распоряженіи капиталами, которыя являлись какъ логическое послѣдствіе некомпетентности ревизующихъ банки думскихъ комиссій.

Несостоятельность подобной мысли очевидна до поразительной ясности: во-первыхъ, стоитъ только обратиться къ Нормальному Положенію о городскихъ банкахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что операции такихъ банковъ не составляютъ никакой запутанности и осложненій, таковы—ссуды подъ недвижимую собственность, подъ процентныя бумаги, товары и драгоценныя вещи и учетъ векселей. Послѣдній видъ операций безспорно самый трудный, требующій крайней осторожности и дальновидности отъ правленій и членовъ учетныхъ комитетовъ банка; но никто не рискнетъ утверждать того, что именно сфера этихъ учетныхъ операций не особенно хорошо знакома опытному въ дѣлахъ подобнаго рода коммерческому классу, столь близко стоящему, по самой своей профессіи, къ точному опредѣленію нормы кредита каждаго даннаго лица, котораго дѣла и нравственная благонадежность для коммерческихъ людей не составляютъ тайны.

Компетентность названнаго выше класса городскихъ общественниковъ въ этомъ дѣлѣ признана и самимъ министерствомъ финансовъ, которое, отырывая при отдѣленіяхъ Государственнаго банка учетъ векселей, признало за благо образовать учетные комитеты именно изъ тѣхъ самыхъ лицъ, кои ведутъ дѣло опредѣленія нормы кредитующимся въ общественныхъ банкахъ.

При такомъ оборотѣ дѣла становится совершенно непонятнымъ, почему чиновники министерства финансовъ въ этой главной операціи городскихъ

Банковъ являются болѣе компетентными лицами, чѣмъ члены отъ общества учетныхъ комитетовъ отдѣленій Государственнаго банка. И въ самомъ дѣлѣ, не парадоксальна ли такая мысль, что тотъ же самый чиновникъ министерства финансовъ, состоя гласнымъ городской думы и ревизуя дѣятельность городского банка по порученію думы, не разберется осмысленно въ сложныхъ банковыхъ операціяхъ и будетъ компетентенъ, какъ скоро такая ревизія поручается ему не обществомъ, а министерствомъ?...

Разъ усвоивъ себѣ невѣрную точку зрѣнія на некомпетентность городскихъ думъ, будто бы, въ области контроля надъ сложными операціями банка, часть нашей печати задалась неблагоприятною цѣлью объяснить и тѣ злоупотребленія, которыя простекаютъ изъ этой некомпетентности. Такъ, по убѣжденію нѣкоторыхъ газетъ, городскіе банки сдѣлались исключительнымъ фондомъ горсти нѣсколькихъ мѣстныхъ воротилъ, для эксплуатаціи прочаго населенія, которое, будучи лишено кредита, тѣмъ самымъ обречено сдѣлаться жертвою дѣльцовъ, въ родѣ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, послѣдніе же, заслуша-де о задуманной министерствомъ финансовъ реформѣ, имѣющей цѣлью вырвать изъ ихъ рукъ банковскіе капиталы, забили тревогу.

Тако измышленное обвиненіе падаетъ само собой, какъ скоро мы обратимся къ сущности дѣла и посмотримъ на фактъ, отрѣшившись предварительно отъ всякой предубѣжденности воззрѣній, при которой не мыслима правильная, безпристрастная оцѣнка даннаго факта. Приведенныя выше цифры распредѣленія кредита по сословіямъ убѣдятъ cadaго въ томъ, что правленіе Оренбургскаго городского банка и состоящій при немъ учетный комитетъ дѣйствовали вполне справедливо и правильно. Да иначе и быть не могло, чтобы лучшіе городскіе люди, дѣйствуя подъ контролемъ избравшаго ихъ общества, рѣшились помрачить свою репутацію ради угодливости горсти нѣсколькихъ «эксплуататоровъ-кулаковъ».

При всесловномъ характерѣ городскихъ думъ и при относительной развитости городскихъ обществъ, Колупаевымъ и Разуваемымъ въ данное время нѣтъ возможности заправлять городскими дѣлами и капиталами,—время ихъ заправительства миновало. Конечно, въ дѣятельности 300 городскихъ банковъ можетъ-быть, гдѣ-нибудь въ глухомъ углу, и найдутся печальныя исключенія; но, во-первыхъ, «въ семьѣ не безъ урода», говоритъ пословица, и, во-вторыхъ, единичный фактъ былъ бы прискорбною несправедливостью обобщать, бросая неблагоприятную тѣнь на всѣ общественныя городскіе банки.

Въ смыслѣ неравномѣрнаго распредѣленія кредита дѣятельность Разуваевыхъ гораздо легче могла бы найти себѣ обширное поле въ частныхъ акціонерныхъ банкахъ и во множествѣ разсѣянныхъ по лицу земли Русской ихъ отдѣленіяхъ и конторахъ, гдѣ установленіе нормы и распредѣленіе кредита вполне предоставлено усмотрѣнію управляющихъ, за-

частую дѣйствующихъ по степени симпатичности или несимпатичности даннаго лица, нуждающагося въ кредитѣ, лишь бы деньги были даны въ вѣрныя руки, какое бы ограниченное число этихъ рукъ ни было. Для акціонеровъ важно вѣрное возвращеніе позаимствованныхъ капиталовъ и хорошій дивидендъ прибыли, распредѣляемыхъ по ихъ карманамъ, и нѣтъ никакой надобности думать о томъ, правильно ли распредѣлялся кредитъ между нуждающимся въ немъ населеніемъ данной мѣстности или нѣтъ.

Примѣръ ссуднаго московскаго банка можетъ служить указаніемъ на возможность такого злоупотребленія кредитомъ.

Совсѣмъ въ иныя условія поставлены городскіе банки: ихъ главныя заботы—нужды мѣстнаго населенія, а цѣль—удовлетвореніе этихъ нуждъ предоставленіемъ обывателямъ дешеваго кредита, въ видахъ развитія мѣстной производительности, торговли и промысловъ. Получаемыя отъ оборотовъ банка прибыли, какъ мы видимъ, употребляются на удовлетвореніе тѣхъ же нуждъ и благоустройство городовъ.

Чѣмъ же объясняются эти, періодически повторяющіяся, вылазки по адресу городскихъ банковъ, засыпаемыхъ инсинуаціями и клеветами? — Да не инымъ чѣмъ, какъ опаснымъ соперничествомъ городскихъ банковъ съ частными банками и ихъ конторами. Слѣдующій сравнительный обзоръ ихъ дѣятельности убѣдитъ въ этомъ всякаго непредубѣжденнаго читателя.

Изъ практики частныхъ акціонерныхъ банковъ видно, что главнѣйшія ихъ усилія были направляемы къ установленію тѣсной связи съ оффиціальнымъ финансовымъ міромъ или крупными частными финансистами, потому что большею или меньшею прочностью этихъ связей опредѣлялось и самое довѣріе общества къ прочности положенія даннаго частнаго банка. Такъ, когда въ концѣ 1876 г. фонды одного изъ крупныхъ представителей акціонерныхъ банковъ, именно Волжско-Камскаго, готовы были пошатнуться въ глазахъ общества, заправители его поспѣшили, для возвращенія колеблющагося довѣрія, поставить во главѣ своего дѣла г. управлявшаго государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскаго. Фактъ истинѣ знаменательный!...

Теперь перейдемъ къ исторіи городскихъ банковъ. Эти послѣдніе возникли по инициативѣ городскихъ обществъ и получили въ большинствѣ случаевъ средства свои изъ капиталовъ, находившихся въ распоряженіи городскихъ думъ.

Будучи предоставлены самимъ себѣ, руководимые въ своей дѣятельности правилами, преподанными имъ законодателемъ, и указаніемъ городскихъ думъ, банки эти не искали сближеній съ сильными финансоваго міра ни въ оффиціальнымъ, ни въ частныхъ сферахъ и почерпали свои средства и жизненность въ томъ довѣрїи, которымъ почтили ихъ городскія общества.

Съ удаленіемъ Е. И. Ламанскаго акціонерныя банки лишились если не матеріальной, то во всякомъ случаѣ мощной нравственной поддержки

въ своей дѣятельности. Такое удаленіе сильнаго покровителя частныхъ банковъ какъ разъ совпало съ упроченіемъ репутаціи банковъ городскихъ и въ то время, когда общественные городскіе банки вступали на твердую почву, послѣдняя заколебалась подъ ногами гг. учредителей акціонерныхъ финансовыхъ учреждений.

Гг. акціонеры, будучи людьми проницательными, не могли не замѣтить грядущей къ нимъ опасности отъ роста городскихъ банковъ въ общественномъ довѣрїи и, вотъ, чтобы спасти себя, они пустили въ ходъ, путемъ наивныхъ или злонамѣренныхъ публицистовъ, нелѣпыя толки и сплетни о непрочности кассъ городскихъ банковъ, операціи которыхъ, въ огражденіе отъ мнимой растраты хранящихся въ нихъ капиталовъ, слѣдуетъ-де сократить, урѣзать, подчинить строгому правительственному контролю, взаимнъ неумѣлаго и невѣжественнаго контроля городскихъ думъ,— и, наконецъ, издать такой суровый законъ, добавимъ мы отъ себя, продолжая мысль гг. акціонеровъ, который бы повлекъ за собою совершенное устраненіе нежелательной для частныхъ банковъ и опасной конкurreнціи банковъ городскихъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что министерство финансовъ по достоинству оцѣнить эти вождедѣнія гг. акціонеровъ-спекуляторовъ.

Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать мѣсто тревоги и переполоха, а не въ городскихъ общественныхъ дѣтеляхъ, честно поднявшихъ голосъ за правое дѣло!... Вотъ почему было бы желательно, чтобы министерство финансовъ свой законопроектъ о городскихъ общественныхъ банкахъ, предварительно внесенія его въ государственный совѣтъ, разослало на заключеніе городскихъ думъ, преобразованныхъ на началахъ Городоваго Положенія 16 іюня 1870 года. А государственный совѣтъ, при обсужденіи редакціи законопроекта, почтилъ бы вниманіемъ голосъ общественного мнѣнія, имѣющій выразиться въ замѣчаніяхъ на проектируемый законъ городскихъ обществъ.

Вообще мнѣніе людей специально знакомыхъ съ этимъ дѣломъ было бы у мѣста въ такомъ щекотливомъ вопросѣ.

Оренбургскій городской голова Н. Серeda.

Хроника французской жизни.

Дебютъ новаго министерства. — Перемены въ дипломатіи. — Программа министра народнаго просвѣщенія. — Рѣчь министра торговли. — Театръ: «Odette» и «La fille d'un déporté». — Новости литературы: вступъ г. Ириарта объ итальянскихъ кондотьері XV вѣка и «Маркъ Аврелій и конецъ древняго міра» г. Ренана. — Обзоръ періодическихъ изданій.

Гамбетта наслаждается медовымъ мѣсяцемъ своего министерства. Онъ вскорѣ закроетъ сессію палаты, оказывающей ему до сего времени полнѣйшее повиновеніе. Въ числѣ двѣнадцати членовъ кабинета Гамбетты сенатъ имѣетъ только одного представителя, Казо. Лишенный возможности вступить въ открытую борьбу съ Гамбеттой, сенатъ долженъ лавировать, — ему не переселить президента совѣта, опирающагося на огромное большинство въ палатѣ депутатовъ. Въ экстраординарномъ собраніи республиканской лѣвой сената рѣшено согласиться на пересмотръ конституціи, хотя эта мѣра несомнѣнно поведетъ къ урѣзанію правъ, присвоенныхъ себѣ сенатомъ. Двѣ палаты, засѣдающія вмѣстѣ, составляютъ всемогущій конгрессъ. Сенатъ опасается, что его заставятъ постоянно засѣдать одновременно съ депутатами, какъ это было, на примѣръ, въ 1789 году, когда среднее сословіе настояло на томъ, чтобы дворянство и духовенство приняли участіе въ его совѣщаніяхъ. Лѣвая сената хлопочетъ о томъ, чтобы конгрессъ ограничился пересмотромъ лишь тѣхъ пунктовъ конституціи, преобразование которыхъ будетъ принято отдѣльнымъ голосованіемъ обѣихъ палатъ. Правительство дѣйствуетъ въ томъ же направленіи; его предложеніе принято благодушно депутатами и сенаторами, несмотря на бурю, нѣкогда поднявшуюся при предложеніи той же самой мѣры избирателями-демократами своимъ депутатамъ. Пересмотръ конституціи, хотя ограниченный пунктами, назначенными Гамбеттой, встрѣтитъ въ сенатѣ сопротивленіе со стороны Жюль-Симона. Онъ взялъ на себя редакцію газеты «Gaulois» и ведетъ тайную, но ловкую войну съ Гамбеттой. Онъ громко требуетъ свободы даже врагамъ республики и умоляетъ не дотрогиваться до конституціи, опасаясь, что если начнутъ ее передѣлывать, то кончатъ тѣмъ, что ее окончательно уничтожатъ, — предположеніе, не лишенное

основанія. Для французовъ конституція—дѣло непрочное: они утверждали и уничтожали столько конституцій, что врядь ли и на сей разъ устоять противъ соблазна составить новую. Жюль-Симону, ловкому и краснорѣчивому, можетъ-быть удалось бы возбудить въ сенатѣ сопротивленіе Гамбеттѣ, еслибы не были уже приняты предварительныя мѣры къ подчиненію сената правительственной политикѣ. Подбранъ составъ сенаторскихъ избирателей такихъ политическихъ отгѣнковъ, что можно напередъ поручиться за удаленіе въ январѣ по крайней мѣрѣ 15 сенаторовъ-монархистовъ, и тогда перевѣсъ правительства будетъ вполне обезпеченъ.

Возвышеніе Гамбетты повлекло за собой перемѣну въ персоналѣ дипломатовъ. Генераль Шанзи, французскій посланникъ при с.-петербургскомъ дворѣ, подалъ въ отставку. Онъ былъ на ножахъ съ Гамбеттой, который въ органѣ своемъ *République Française* когда-то предвѣщалъ близкій конецъ его служебной карьеры; но Гамбетта-министръ забылъ о неудовольствіяхъ Гамбетты-депутата и Шанзи предложенъ важный постъ въ верховномъ военномъ совѣтѣ. По справедливости, такъ и слѣдовало поступить. Изъ франко-германской кампаніи вышли только два генерала съ безукоризненной репутаціей: генераль Федербъ и генераль Шанзи; первый удрученъ ревматизмомъ и неспособенъ къ службѣ,—неудобно было бы отстранить генерала Шанзи. Сентъ-Валье, посланникъ при берлинскомъ дворѣ, также подалъ въ отставку, не сочувствуя перевѣсу лѣвой въ правительственныхъ сферахъ. Но эта перетасовка безразлична для общаго направленія французской иностранной политики.

Непримиримые не замедлили завести перебранку съ новымъ кабинетомъ. Бароде настаивалъ на крайней необходимости пересмотра конституціи; Гамбетта оспаривалъ эту крайность и, конечно, одержалъ побѣду. Бароде намекалъ на уничтоженіе сената; Гамбетта объявилъ, что онъ не согласенъ содѣйствовать подобному предложенію. Клемансо возсталъ противъ проекта представить конгрессу только тѣ пункты, которые будутъ предварительно назначены обѣими палатами для пересмотра; онъ находить эту мѣру неконституціонной. Гамбетта опирается на заранѣе установленномъ порядкѣ, въ силу котораго на обсужденіе конгресса всегда предлагались вопросы уже извѣстные, при чемъ добавилъ, что все влияніе правительства будетъ направлено на то, чтобы помѣшать конгрессу самовольно расширить кругъ своей дѣятельности. Сенатъ не выказалъ особенной благодарности Гамбеттѣ за заступничество въ его пользу противъ нападокъ Бароде; онъ избралъ несмѣняемымъ сенаторомъ графа де-Ваузенъ-Лаверньера вмѣсто г. Герольда, префекта Сены, котораго поддерживалъ новый кабинетъ; правда, что Герольду не хватило только одного голоса. Этотъ кандидатъ, сынъ композитора «Цампы» и другихъ знаменитыхъ оперъ, возстановилъ противъ себя правую сената тѣмъ, что привелъ въ исполненіе приказъ парижскаго муниципальнаго совѣта о снятіи распятій въ народныхъ школахъ во имя свободы совѣсти.

Гамбетта проявилъ свою власть въ финансовомъ мѣрѣ, назначеніемъ бывшаго министра финансовъ г. Маньянъ директоромъ французскаго банка. Хотя это учрежденіе частное, но оно состоитъ съ государствомъ въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, что каждому новому министру дорого имѣть своего человѣка на столь важномъ постѣ.

Палатѣ пришлось пожертвовать нѣсколькими депутатами; она не утвердила избранія г. де-ла-Виль-Готье и на его мѣсто попалъ епископъ Фрепелъ, за котораго стояло все духовенство. Уклоненіе Бонне-Дювердуа отъ баллотировки въ Лионскомъ округѣ вывело въ кандидаты на депутатскую должность двухъ членовъ бывшей парижской коммуны: Журда и Альфонса Гумберта, вернувшихся съ каторжныхъ работъ въ Новой-Каледоніи. Журдъ былъ министромъ финансовъ во время коммуны; приговаривая его къ каторгѣ, военный совѣтъ отдалъ справедливость его безукорыненной честности. Гумбертъ редактировалъ во время коммуны газету крайняго направленія—*Père Duchesne*. Журдъ, явившись кандидатомъ комитета опортюнистовъ, возбудилъ сильное негодованіе лионскихъ рабочихъ, увидавшихъ въ немъ ренегата, и не посмѣлъ баллотироваться. Комитетъ непримиримыхъ провель Гумберта; онъ—краснорѣчивый ораторъ и будетъ въ палатѣ вождемъ своей партіи.

Альбертъ Гриви, генераль-губернаторъ Алжира, подалъ въ отставку. На его мѣсто назначенъ г. Фирманъ, бывший во время нѣмецкой оккупации префектомъ въ Арденнахъ, а потомъ членомъ государственнаго совѣта; ему поручено управленіе европейскими колоніями. Мѣстности ближе къ Сахарѣ, гдѣ населеніе возстало, подчинены командующему 19 армейскимъ корпусомъ. Въ сущности выходитъ, что теперь въ Алжирѣ два губернатора: одинъ—гражданскій, а другой—военный.

Самый выдающійся министръ кабинета Гамбетты—г. Поль Беръ, получившій портфель вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія. Принимая своихъ сослуживцевъ по управленію вѣроисповѣданій, новый министръ изложилъ свою программу: «Направленіе министерства вѣроисповѣданій,—сказалъ онъ,—должно быть совершенно индифферентное: ни религіозное, ни анти-религіозное; ему нѣтъ дѣла до догматики,—пусть оно будетъ полицейскимъ учрежденіемъ. Подъ словомъ полиція я разумѣю надзоръ за точнымъ соблюденіемъ законовъ, опредѣляющихъ отношенія церквей къ государству». Далѣе въ своей рѣчи онъ указалъ на необходимость вернуться къ строгому исполненію конкордата, заключеннаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія между Наполеономъ и папой. Пункты этого конкордата, по мнѣнію министра, опредѣляютъ всѣ условія, при которыхъ католическая церковь можетъ существовать посреди гражданскаго общества. Впослѣдствіи слабость правительства и внутреннія невзгоды страны повели къ смягченію договора; новые законы, декреты и приказы расширили привилегіи духовенства въ ущербъ гражданскаго общества. Министръ не входитъ въ разсмотрѣніе достоинства и недостатковъ наполеоновскаго конкор-

дата и только предлагаетъ возстановленіе его во всей силѣ; онъ видитъ въ этой мѣрѣ вѣрнѣйшее обезпеченіе для государства отъ захватовъ духовенства, а виѣстѣ съ тѣмъ и тормозъ противъ современнаго движенія, клонящагося къ отдѣленію церкви отъ государства. Онъ предлагаетъ изыятіе изъ конкордата всѣхъ пунктовъ, стѣсняющихъ личную свободу совѣсти. «Вотъ наши убѣжденія,—заключилъ онъ,—а что касается до примѣненія ихъ на практикѣ, скажу, что мы постараемся избѣгнуть крайностей—насилія и придиорокъ: первое ненавистно, вторыя смѣшны. Мнѣніе, составившееся обо мнѣ, мало-по-малу измѣнится и общество убѣдится, что я—не революціонеръ, жаждущій смуть, а человекъ выросшій въ уваженіи къ наукѣ и закону. Какъ бы я ни былъ самъ ничтоженъ, я—уполномоченный народа и съумѣю настоять на томъ, чтобъ его воля была исполнена. Надѣюсь, что мнѣ не придется обращаться къ принудительнымъ мѣрамъ».

Хотя г. Поль-Беръ и видитъ въ строгомъ исполненіи конкордата предохранительное средство противъ отдѣленія церкви отъ государства, но для духовенства его слова отдаются похороннымъ звономъ; впрочемъ Гамбетта, повидимому, подалъ духовенству нѣсколько успокоительныхъ надеждъ. Монсиньоръ Гильберъ, епископъ амьенскій, опровергая слухъ, распространенный въ Парижѣ, о его свиданіи съ Гамбеттой, между прочимъ заявилъ, что онъ считаетъ обязанностью духовенства держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ политическихъ партій. Монсиньоръ Фреппель отстаиваетъ въ палатѣ депутатовъ противоположное мнѣніе, но есть всѣ данныя полагать, что Гильберъ никогда не высказался бы въ такомъ тонѣ, еслибы Гамбетта рѣшился на исполненіе конкордата во всей его строгости. Есть въ этомъ конкордатѣ нѣкоторые пункты, въ настоящее время не примѣнимые.

На дняхъ умеръ депутатъ Ле-Форъ, сотрудникъ Франсе Эмиля Жирардена. Ле-Форъ пользовался репутаціей специалиста въ военныхъ дѣлахъ; онъ отправился въ Тунисъ собирать матеріалъ для своей парламентской рѣчи, заразился тамъ тифомъ и, вернувшись въ Парижъ, слегъ. Наканунѣ своей смерти онъ написалъ въ газету *Телеграфъ* письмо, въ которомъ высказываетъ надежду на выздоровленіе, и, коснувшись своихъ политическихъ взглядовъ, совѣтуетъ республиканцамъ поддержать Гамбетту, иначе власть всецѣло перейдетъ къ непримиримымъ. Духовенство, вѣроятно, опасается того же исхода и потому воздерживается отъ всякихъ непріязненныхъ отношеній къ новому министерству.

Рейнахъ продолжаетъ изданіе рѣчей Гамбетты. На дняхъ явились въ печати третій и четвертый томы; они содержатъ ораторскую борьбу вождя республиканской лѣвой противъ тройной монархической коалиціи, четыре года тѣснившей республику. Это лучший и самый блестящій періодъ дѣятельности Гамбетты, въ который онъ оказалъ дѣйствительныя услуги отечеству; его тогдашнія рѣчи перечитываются съ интересомъ и удовольствіемъ; особенно замѣчательна рѣчь, сказанная имъ при приѣмѣ депутаціи альзасцевъ и лотарингцевъ; онъ не могъ докончить ее отъ

душившихъ его слезъ. Такъ же хороша рѣчь его, произнесенная въ Тоннѣ, объ обязанностяхъ къ отечеству; въ ней много благородства, искренности и неподдѣльнаго краснорѣчія. Въ своемъ отвѣтѣ Руеру, онъ публично сказалъ банапартистамъ, что они—*мерзавцы*, погубившіе Францію, и не согласился взять это выраженіе обратно, а добавилъ, что онъ не имѣлъ въ виду только оскорбить партію, а прямо мѣтилъ на то, чтобы ее окончательно опозорить.

Многіе изъ его ораторскихъ приѣмовъ разсчитаны на эффектъ и вытвержены, но для публики это не всегда замѣтно. Ему лучше чѣмъ кому другому подходитъ эпитетъ «*commediantе*», которымъ г. де-Прадтъ наградилъ Наполеона послѣ его паденія. Фразеологія Гамбетты, хотя исправлена и пересмотрѣна заслуженнымъ литераторомъ, не всегда безукоризненна; онъ оказываетъ предпочтеніе тройнымъ эпитетамъ, по при этомъ рѣдко соблюдаетъ установленную градацію. Отъ его слога нельзя однако отнять оригинальности; онъ придерживается чаще всего общихъ мѣстъ и облакаетъ ихъ въ своеобразную форму; онъ тривиаленъ по уму и по чувствамъ; его громадный успѣхъ основанъ на посредственности окружающаго его общества; онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ современниками. Если направленіе измѣнится и французская нація станетъ выше уровня, на которомъ стоитъ ея любимый ораторъ, онъ удивится своему одиночеству. Пока онъ всемогущъ, управляетъ и царствуетъ. Управление свое онъ началъ съ тунисскихъ дѣлъ и очень ловко ихъ повернулъ. Когда вопросъ коснулся добавочнаго кредита на тунисскую экспедицію, Гамбетта сказалъ слѣдующее: «Теперь нечего спорить о томъ, хорошо ли, дурно ли, что мы вступили въ Тунисъ. Мы находимся въ Тунисѣ,—кто же посмѣетъ предложить намъ отступленіе?» Тутъ послѣдовала тирада, напоминающая ораторскіе приѣмы графа Мирабо: «Это было бы банкротство, ужасное банкротство!». Никто не посмѣлъ предложить отступленіе изъ Туниса. Новый депутатъ г. Камилль Пельтанъ-сынъ, вздвигшій нарочно въ Тунисъ, изложилъ правительству разныя критическія замѣчанія объ экспедиціи, но самъ протестовалъ противъ отступленія. Гамбеттѣ легко было отдѣлаться отъ нападокъ на его предшественниковъ. Крайняя лѣвая раздѣлилась на три группы: девять депутатовъ изъ вновь поступившихъ отказались отъ кредита, десять другихъ вотировали кредитъ, а Луи Бланъ и Клемансо съ остальными воздержались отъ баллотировки. Гамбетта оставилъ за собою портфель иностранныхъ дѣлъ; ему необходимо расположить въ свою пользу европейскія державы въ виду будущаго повышенія, то-есть президентства республики. Во внѣшней политикѣ онъ будетъ продолжать ту же систему заигрываній, которая пригодилаь ему дома. Международнй опортюнизмъ будетъ продолженіемъ національнаго опортюнизма. Гамбеттѣ скоро придется высказаться по дунайскому вопросу. Румыне находятся въ давнишнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ вождями французскаго опортюнизма. Г. Ранкъ, интимный другъ Гамбетты, его *alter-ego*, былъ нѣкогда товарищемъ заклю-

ченія Братіано. République française всегда благоволила Румыніи. Сомнительно, однако, чтобы Гамбетта рѣшился противодействовать великимъ державамъ изъ угоды румынамъ. Г. Барреръ, французскій делегатъ при дунайской комиссіи, вернулся въ Парижъ одновременно съ прибытіемъ г. Ферикиди (Phérykidi), новаго представителя Румыніи въ Парижѣ. Предшественникъ его, г. Когальничано, получилъ большой крестъ почетнаго легіона и пользовался особенною благосклонностью нашего правительства. Онъ горячо стоялъ за свободу плаванія по Дунаю и отстаивалъ ее не далѣе какъ на этихъ дняхъ. Гамбетта, вѣроятно, взглянетъ на румынскія дѣла съ точки зрѣнія Англій и Россіи. Италия, очнувшаяся отъ своихъ австро-германскихъ иллюзій, должно-быть склонится къ тому же воззрѣнію.

Гамбетта упомянулъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что Франціи необходимо придерживаться торговой политики, и этимъ объясняется наплывъ официальныхъ лицъ на открытіе высшаго коммерческаго училища. Г. Рувье, министръ торговли и колоній, коснулся, въ своей рѣчи, свободы, какъ самаго живительнаго начала государственнаго политическаго строя и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшаго двигателя коммерческой дѣятельности. Онъ указалъ на купеческое званіе, какъ на поприще самое достойное благороднаго честолюбія, и заключилъ слѣдующими словами, обратившими на себя особенное вниманіе: «Мы подвигаемся къ тому времени, когда вопросы экономическіе, то-есть торговые, финансовые и промышленные, займутъ болѣе обширное, скажу— даже первенствующее, мѣсто въ заботахъ правительства о благѣ государства». По мнѣнію г. Рувье, «торговля есть одна изъ главныхъ силъ народовъ». Но можно ли согласиться съ тѣмъ, что сила народовъ зиждется на одной торговлѣ? Правдоподобно ли, что идеалъ Франціи сдѣлается вдругъ тождественнымъ съ идеалами Англій и Голландій? Займетъ ли когда-нибудь торговля первое мѣсто въ интересахъ французской націи?... Наши министры лелѣютъ себя этою надеждою. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы имъ покойно жилось, еслибы вся Франція исключительно занялась торгашествомъ!...

Министръ торговли не одинъ превозноситъ достоинство своего вѣдомства, — товарищъ его по службѣ, министръ искусствъ г. Антонинъ Пру, радуется желанію правительства дать искусствамъ принадлежащее имъ мѣсто въ общественной жизни. «Мѣсто скромное, — говоритъ онъ, — не требующее первенства, не стремящееся даже къ независимому существованію». При этомъ онъ однако оговаривается, поясняя, что онъ не имѣетъ въ виду подчиненія искусства министерской власти. Красно говорятъ наши министры: посмотримъ, каковы они окажутся на дѣлѣ.

Перейдемъ изъ областей официального міра къ текущимъ событіямъ дня. Русская колонія въ Парижѣ недавно лишилась одного изъ своихъ самыхъ почтенныхъ членовъ, графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго. Поселившись съ давнихъ лѣтъ въ Парижѣ, онъ сроднился съ парижскою жизнью и ея интересами и близко принималъ къ сердцу

политическія дѣла Франціи. Несмотря на высокое положеніе, занимаемое имъ въ Россіи, онъ былъ крайне простъ и симпатиченъ въ своемъ общеніи и этимъ изумлялъ своихъ французскихъ друзей, не привыкшихъ видѣть это въ своихъ сановникахъ. Онъ умеръ 72 лѣтъ, вслѣдствіе роста въ желудкѣ. На его похоронахъ присутствовали Великій Князь Константинъ Николаевичъ, посланникъ князь Орловъ, русская колонія, французы и поляки и даже члены польской эмиграціи. Графъ Амурскій, занимая постъ генералъ-губернатора Западной Сибири, относился къ политическимъ ссыльнымъ гуманно и справедливо и неутомимо хлопоталъ о помилованіи ихъ и облегченіи ихъ положенія и этимъ заслужилъ ихъ уваженіе и благодарность.

Сарду только-что одержалъ блестящую побѣду своей пьесой «*Odette*», въ которой мы видимъ сліяніе драмы съ комедіей. Общество повидимому задалось цѣлью, разъяснить самому себѣ слабыя стороны учреждений, неудовлетворяющихъ его нуждамъ. Каждый могъ въ былое время разрѣшить тѣ нравственныя затрудненія и недоумѣнія, въ которыя запутывается человѣкъ въ иные моменты своей жизни. Церковь разрѣшала все на землѣ и на небѣ, расторгала союзы, назначала покаяніе виновному. Пожертвованія, богомолья въ святыхъ страны, временное удаленіе въ монастырь — смыслили самыя преступленія. Но въ наше время вѣра ослабла. Церковь утратила — кто говоритъ на время, кто на вѣки — силу, успокоивающую совѣсть. Государство не замѣнило собою утраченнаго значенія церкви. Его законы ставятъ иногда людей въ невыносимыя положенія, а когда жертвы какихъ-нибудь тяжелыхъ, ненормальныхъ случайностей вопіютъ къ государству, оно отвѣчаетъ имъ съ римскимъ стоицизмомъ: «*Dura lex, sed lex!*» (жестокъ законъ, но все-таки законъ). Если они обращаются къ церкви, она гласитъ: «терпите!» Драматурги пользуются этими безвыходными положеніями и возбуждаютъ ими притупленныя чувства публики. Тамъ, гдѣ церковь и государство слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность, драматурги восклицаютъ: «Страдайте и умирайте!» Бѣдняки страдаютъ и умираютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что все-таки долженъ же быть исходъ изъ гнетущихъ ихъ обстоятельствъ. Они жаждутъ этого исхода. Но кто и когда укажетъ его?... Сколько мукъ вынесетъ еще страдающее человѣчество, сколько слезъ прольетъ оно!... Сарду объ этомъ не заботится. Онъ доволенъ тѣмъ, что вызываетъ слезы у зрителей, представляя имъ картину оскорбленій, невольно нанесенныхъ преступной матери собственнымъ ребенкомъ; затѣмъ онъ топчетъ мать, и этимъ дѣло кончается.

Въ драмахъ женщинѣ приходится по большей части выносить на себѣ всю тяжесть человѣческихъ увлеченій; мужчина самъ издалъ для себя законы, по которымъ его проступки прощаются, а женскіе подлежатъ беспощадной карѣ. *Odette* замужемъ за хорошимъ человѣкомъ, но имѣетъ любовника. Замѣтимъ, что очень хорошій человѣкъ можетъ быть пренесноснымъ мужемъ, но этого Сарду не допускаетъ и объясняетъ ее па-

деніе наслѣдственнымъ расположеніемъ: въ этомъ онъ слѣдуетъ общей маніи нашего вѣка. Къ сожалѣнію, во-очію доказано многими примѣрами, что дѣти весьма рѣдко получаютъ въ наслѣдство таланты своихъ родителей, но по законамъ нынѣшней психологіи пороки наслѣдственны. Одетта обречена паденію, потому что мать ея была женщина дурнаго поведенія. Несмотря на эту мало-утѣшительную теорію для потомства обѣихъ грѣшницъ, Сарду представляетъ дочь Одетты идеаломъ чистоты. Мужъ, заставшій Одетту съ любовникомъ, со стыдомъ выгналъ ее изъ дома, вызвалъ соперника на дуэль, былъ раненъ, выздоровѣлъ и занялся воспитаніемъ своей дочери. Отверженная жена, публично обезславленная, стала скитаться какъ авантюристка, ни мало не заботясь о ребенкѣ. Явленіе не правдоподобное,—материнское чувство не такъ легко испаряется даже у самыхъ развратныхъ женщинъ. Беранжера, дочь Одетты, считаетъ мать умершей. Является на сцену влюбленный женихъ; но когда дѣло должно дойти до свадьбы, то отецъ Беранжеры, графъ де-Клермонъ Латуръ, убѣждается, что онъ не женится на его дочери, не желая компрометировать себя обезславленной тещей. Въ свѣтъ, гдѣ люди уважаютъ себя, нельзя жениться на самой идеальной дѣвушкѣ, во-первыхъ, если у ней нѣтъ состоянія равнаго съ женихомъ, во-вторыхъ—если у ней мать съ потерянной репутаціей. Будь мать развратна, это неприятно; но если она, не скрывая своего имени, публично компрометируетъ себя въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится ея дочь, это дѣлается невозможнымъ и влюбленный вынужденъ обратить свои сердечныя чувства на другихъ. По понятіямъ современнаго театра, сердце перекаладывается изъ одного кармана въ другой такъ же свободно, какъ любой бумажникъ. Графъ предлагаетъ женѣ деньги, съ тѣмъ чтобъ она совершила надъ собой нравственное самоубійство. Она отказывается, — ей нѣтъ причинъ дѣлать угодное мужу, котораго она оскорбила, но который безжалостно отомстилъ ей и четырнадцать лѣтъ отстранялъ отъ нея ребенка. Она требуетъ свиданія съ дочерью въ присутствіи отца съ условіемъ не выдавать себя. Въ это свиданіе она старается смягчить сердце дочери, описывая ей несчастія другой женщины, впавшей въ подобное ей положеніе; но дочь не даетъ ей досказать и отталкиваетъ ее тѣмъ холоднымъ презрѣніемъ, которымъ, въ силу свѣтскихъ законовъ, карается прегрѣшеніе, взамѣнъ христіанскаго прощенія, ежедневно повторяемаго въ теченіе 18 столѣтій въ молитвѣ Господней и такъ плохо примѣняемаго на практикѣ. Мать, не нашедшая себѣ отрады въ развлеченіяхъ, отвергнутая мужемъ и понявшая безжалостность дочери, подавляетъ свои чувства и бросается въ море. Мужъ находитъ, что она не могла лучше поступить для счастья дочери. Публика съ нимъ соглашается.

Журналисты объясняютъ, что значеніе пьесы—въ указаніи на необходимость развода; еслибъ Одетта могла развестись, она имѣла бы возможность выйти замужъ и жизнь бы ея сложилась иначе. Нельзя похвалиться

картинами современнаго общества. Мы смѣемся надъ комедіями Плавта, гдѣ отецъ всегда выставленъ скрягой, сынъ—безпутнымъ, а рабъ—мерзавцемъ. Что скажутъ наши потомки черезъ нѣсколько столѣтій, когда будутъ перечитывать наши драматическія произведенія? Сарду перевезъ нѣкоторыя сцены въ Ниццу, чтобы выставить пеструю толпу искателей приключеній и кокотокъ, стекающихся въ этомъ городѣ въ погоню за богачами, которыхъ заманиваютъ туда море и солнечные лучи. Актеры играютъ безъукоризненно. Дюпъ, игравшій долго въ Россіи, очень хорошъ въ роли мужа.

Въ театрѣ «Des Nations» играютъ «La fille d'un déporté» (Дочь ссыльнаго). Это—мелодрама, наполненная проклятіями противъ государственнаго переворота (Coup d'état) 2 декабря 1851 года. Мы теперь не стѣснены театальною цензурой, но у насъ нѣтъ драматическихъ писателей, которымъ было бы по силамъ изображеніе современныхъ событій. Евгений Морель изобразилъ намъ работника, сосланнаго за республиканскія идеи. Семья, лишенная главы, впадаетъ въ нищету. Одна дочь топится, другая продается. Пьеса переполнена тирадами противъ имперіи и акаѣстами республикѣ, но публика остается равнодушной, несмотря на обиліе всевозможныхъ преступленій: самоубійство, убійство, смерть дочери ссыльнаго, убитой пулею, назначенной отцу. Чѣмъ извѣстнѣе публикѣ событіе, выставленное на сценѣ, тѣмъ рельефнѣе выступаютъ всѣ его неточности. Единственное воспоминаніе, которое оставитъ по себѣ «Дочь ссыльнаго», это то, что пьеса исключительно политическая, чего уже давно не было на французской сценѣ. Но, несмотря на политическую тенденцію, ей не посчастливилось. Полиція опасалась бонапартистскихъ свистковъ, но публика ограничилась демократическимъ званіемъ.

Мы быстрыми шагами подвигаемся къ новому году. Декабрь мѣсяць обыкновенно изобилуетъ роскошными изданіями для подарковъ къ Новому году. Въ прошломъ гсду г. Карлъ Ирриартъ преподнесъ публикѣ роскошное описаніе Флоренціи и ея памятниковъ, въ нынѣшнемъ же году онъ занялся эпизодомъ изъ исторіи Римини. Съ тѣхъ поръ, какъ мелкія княжескія владѣнія въ Италіи исчезли, секретныя архивы этихъ отдѣльныхъ городковъ сдѣлались достояніемъ всѣхъ желающихъ съ ними познакомиться. Каждый городъ Италіи имѣетъ свои замѣчательныя памятники, достойныя интереса, но до сихъ поръ мало извѣстныя. Карлъ Ирриартъ изучаетъ по государственнымъ документамъ состояніе наукъ и искусствъ въ Римини при дворѣ князей Малатеста. Это одна изъ династій Condottieri, властвовавшихъ въ Италіи въ XV вѣкѣ и часто тратившихъ болѣе силы и энергіи на покореніе одного города, нежели сколько понадобилось бы на завладѣніе цѣлою страной. Кондотьеры—настоящіе герои романовъ Вальтеръ Скотта, отважные, жестокіе и вѣроломные, какъ шотландскіе бароны временъ Ричарда Львиное Сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ любители роскоши, поэзіи и искусства. Въ этихъ необузданныхъ натурахъ была

странная смѣсь добра и зла. Тотъ же разбойникъ, грабитель на большихъ дорогахъ — оказывался настоящимъ рыцаремъ въ любовныхъ приключеніяхъ. К. Ирриартъ увлекся этими контрастами. «Ничего нѣтъ любопытнѣе, — говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, — какъ прослѣдить похождения этихъ разбойниковъ, не отступающихъ передъ самыми ужасными преступленіями, жертвующихъ плоды добычи и грабежа на построение священныхъ зданій и окружающихъ себя величайшими художниками своего вѣка. Кондотьери — самыя оригинальныя и выдающіяся лица исторіи средневѣковой Италіи. Многіе изъ нихъ, имѣвшіе единственнымъ достояніемъ удалство и шпагу, основали династіи, продержавшіяся нѣсколько столѣтій, нѣкоторые оставили послѣ себя безсмертные памятники искусствъ, всё безъ исключенія были меценатами». К. Ирриартъ преимущественно занялся легендарнымъ властителемъ Римини, Сигизмундомъ Малатеста. По словамъ автора, онъ употребилъ пять лѣтъ на историческія изслѣдованія о немъ. Ирриартъ справедливо говоритъ, что жизнь этихъ атамановъ разбойничьихъ шаекъ представляетъ интересъ романа и волнуетъ читателя какъ драма. Это — сплетеніе всевозможныхъ ужасовъ и неистовствъ, отъ которыхъ тѣ же герои переходили къ идилліи. Сочиненіе Ирриарта украшено двумястами рисунковъ, памятниковъ той эпохи.

Весь Парижъ занятъ только-что появившейся новою книгой Ренана: «Маркъ Аврелій и конецъ древняго міра» («Marc Aurèle et la fin du monde antique»). Ренанъ скептицизмомъ пріобрѣлъ себѣ литературную славу. Онъ съ ловкостью изворачивается изъ всѣхъ историческихъ и религіозныхъ препятствій. Онъ не громитъ духовенства съ пламенною силою убѣжденія, вдохновлявшею Гусса или Лютера, не осыпаетъ церковь ядовитыми стрѣлами Вольтеровскихъ сарказмовъ, не побиваетъ ея тяжелыми камнями нѣмецкой отрицательной философіи, но онъ затуманиваетъ христіанство своими безчисленными гипотезами и жонглируетъ ими, какъ фокусникъ шарами. Если внимнуть поглубже въ его отдѣльныя мысли, онѣ ускользаютъ отъ читателя и у него остаются въ умѣ лишь одни предположенія. Изслѣдованія Ренана объ источникахъ христіанства, которыя заключены послѣднимъ его сочиненіемъ «Маркъ Аврелій и конецъ древняго міра», — суть не что иное какъ длинный рядъ инсинуацій противъ христіанской вѣры, замѣнившей язычество, но инсинуацій до того ловкихъ и краснорѣчивыхъ, что нельзя не подивиться искусству, съ которымъ авторъ ухитрился исказить самыя величественныя явленія первыхъ вѣковъ христіанства, дѣлая видъ, будто онъ до нихъ и не дотрогивается. Въ нашихъ высшихъ классахъ господствуетъ вообще безпокойное желаніе найти оправданіе собственному эгоизму, и Ренанъ угождаетъ имъ тѣмъ, что не вызываетъ ближнихъ на высшіе подвиги, а низводитъ личность самого Христа на уровень удобнѣй для ихъ самооправданія.

Ренанъ, вѣроятно, остановится на Маркѣ Авреліи. Для обсужденія предыдущей эпохи, по его мнѣнію, необходимы: «философскій умъ, жи-

вое созерцаніе достовѣрнаго, возможнаго и вѣроятнаго, глубокое пониманіе жизни и ея метаморфозъ» и т. д. Для изслѣдованія послѣдующаго періода онъ находитъ, что достаточно одной учености. Задача становится недостойной Ренана. Теряясь во тьмѣ вѣковъ, онъ обратилъ свои нападки на еврейскій законъ, но все-таки онъ слишкомъ уменъ, чтобы и тутъ не воздать должнаго нѣкоторымъ великимъ сторонамъ еврейской исторіи. Онъ совершенно вѣрно указываетъ на величіе Исаи и на переворотъ, совершившійся въ Израилѣ при появленіи вдохновеннаго мужа, облеченнаго въ священническую санъ, но дерзнувшаго сказать народу, что жертвы его не угодны Богу, что Богъ отворачивается отъ нихъ,—пусть лучше дѣлаютъ добрыя дѣла... Но Ренанъ заблуждается, утверждая, что «въ сущности Іисусъ только повторилъ, на общедоступномъ и краснорѣчивомъ языкѣ, то, что было сказано 750 лѣтъ до Него на классическомъ еврейскомъ нарѣчій». Странная мысль представить Іисуса простымъ истолкователемъ Исаи. Несомнѣнно, что въ Библии заключаются главные истины, провозглашенныя Іисусомъ, но Онъ показалъ міру, какими путями слѣдуетъ примѣнять эти истины къ жизни.

Несмотря на одобреніе, съ которымъ Ренанъ относится къ характеру Марка Аврелія, онъ не понялъ ни его сильныхъ, ни его слабыхъ сторонъ. Онъ ставитъ ему въ укоръ умѣренность и воздержаніе, отреченіе отъ наслажденій, хотя тогдашнее общество, утопавшее въ удовольствіяхъ, ничуть не пострадало отъ того, что императоръ не признавалъ смѣха и веселья исключительною цѣлью человѣческой жизни. Ренанъ напрасно утверждаетъ, что христіанство и стоицизмъ—двѣ противоположныя тенденціи: духъ христіанства повліялъ и на тѣхъ, которые его не признавали; безконечное благодушіе Марка Аврелія—черта не языческая, не римская, а христіанская; его изреченіе: «лучшій способъ отомстить злому человѣку состоитъ въ томъ, чтобы не сдѣлаться подобнымъ ему»—прямо доказываетъ вліяніе приверженцевъ Христа на духъ Марка Аврелія. Ренанъ утверждаетъ, что своею добродѣтелью императоръ былъ обязанъ престолу; мы же скажемъ, что не будь Маркъ Аврелій императоромъ, онъ перешелъ бы въ христіанство. Ренанъ выражаетъ соболѣзнованіе, доходящее до смѣшнаго, къ тому, что Маркъ Аврелій не отвергалъ возможности сверхъестественныхъ явленій. Сужденія Ренана часто отуманены его полнымъ непониманіемъ христіанства: онъ находитъ, что отреченіе Марка Аврелія отъ всѣхъ мірскихъ суетъ было причиною упадка древняго искусства; онъ не желаетъ усмотрѣть въ этомъ явленіи непосредственныхъ слѣдовъ торжествующаго христіанства. Художники потеряли вѣру въ своихъ олимпійскихъ боговъ,—гдѣ же имъ было искать вдохновенія? Маркъ Аврелій, императоръ-философъ, жилъ окруженный философами, но и эти жрецы прошлаго уже утратили тогда свое значеніе и являлись лишь охранителями древнихъ предрасудковъ. Несмотря на всеобщій и несомнѣнный упадокъ искусства въ этомъ переходномъ періодѣ отъ древ-

ного міра къ новому, уцѣлѣлъ однако одинъ художественный памятникъ той эпохи, который и теперь украшаетъ римскій Капитолій: это—великолѣпная статуя Марка Аврелія на лошади. Польскій писатель Мицкевичъ, бывшій профессоръ славянскихъ литературъ въ Collège de France въ Парижѣ, въ одной изъ своихъ лекцій коснулся этого памятника и, описывая статую, въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно очертилъ характеръ самого Марка Аврелія: «Взгляните на этого любимца народовъ, — говоритъ онъ.—Онъ на первыхъ же порахъ своего царствованія прославилъ свое имя, изгнавъ шпіоновъ и доносчиковъ. Побѣдивъ домашнихъ враговъ, онъ принялся за дикихъ завоевателей, вторгшихся въ его владѣнія, и разбилъ ихъ на берегахъ Рейна и Пактолія, а потомъ вернулся спокойно въ Капитолій. Его чело прекрасно: на немъ лежитъ отпечатокъ кротости, благородства, заботы о счастіи своихъ подданныхъ. Онъ поднималъ руку, какъ будто желая благословить толпы народа, тѣснящіяся вокругъ него; другою рукой онъ придерживаетъ поводья. Конь горячится, глаза его сверкаютъ, но онъ чувствуетъ могучаго сѣдова и ровнымъ шагомъ ведетъ его къ безсмертію». Ренанъ находитъ, что въ этомъ художественномъ произведеніи древняго искусства недостаетъ удалства; онъ желалъ бы найти въ статую Марка Аврелія осанку болѣе надменную, вмѣсто того отпечатка доброты, которою дышетъ вся его фигура. Ренанъ весьма странно относится къ гоненіямъ противъ христіанства въ царствованіе Марка Аврелія; онъ ихъ осуждаетъ только потому, «что настоящій либераль долженъ отказать фанатикамъ въ удовольствіи быть мучениками». Онъ прославляетъ римскую терпимость, не заставлявшую философовъ приносить жертвы богамъ, «зная напередъ, что сами философы легко бы поддались этой пустой комедіи».

Разбирая причины упадка Римской имперіи, Ренанъ говоритъ: «Когда значительная часть гражданъ отклоняется отъ общаго дѣла, то это паденіе отражается на цѣломъ государствѣ и грозитъ ему смертію»; онъ не сознаетъ, что христіанамъ невозможно было иначе поступать, какъ отдѣляться отъ языческаго римскаго общества, чтобы самимъ не заразиться соприсношеніемъ съ нимъ. Ренанъ жалѣетъ бѣдныхъ явчниковъ, окруженныхъ христіанскою средой мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ, «честныхъ, добросовѣстныхъ въ вѣсѣ и мѣрѣ, но вдающихся въ такую крайнюю щепетильность, что они даже отказывались отъ денегъ, пожертвованныхъ ихъ церкви лицами недостойными».

Я считаю лишнимъ подробно передавать изложеніе мнѣній Ренана о христіанскихъ сектахъ; скажу только, что онъ относится крайне враждебно ко всему, что вступаетъ въ область экзальтаціи, пророчества, отреченія.

Многіе восхищаются рассказами Ренана о христіанскихъ мученикахъ. Онъ излагаетъ ихъ съ большимъ талантомъ, но его скептицизмъ постоянно набрасываетъ тѣнь на чистоту первыхъ христіанъ. Онъ видитъ чувствен-

ность въ самомъ цѣломудріи. По его словамъ, «одна изъ самыхъ глубокихъ тайнъ, постигнутыхъ основателями христіанства, есть та, что цѣломудріе—само по себѣ наслаженіе. Мужчины, избѣгающіе женщинъ, очень часто любятъ ихъ болѣе всего». Ренанъ утверждаетъ, что «священный поцѣлуй былъ божественною пищей этихъ цѣломудренныхъ общинъ».

За то онъ питаетъ какую-то бессознательную нѣжность къ періоду упадка Римской имперіи: онъ осуждаетъ «нравственныя и социальныя преобразованія, клонящіяся къ ослабленію военной силы»; видитъ упадокъ имперіи въ утратѣ древняго идеала римлянъ, матеріальнаго владычества надъ цѣлымъ міромъ, переставшимъ въ то время быть цѣлью избранныхъ мужей; варвары, обладавшіе воинскими доблестями, утраченными римлянами, остались побѣдителями и Маркъ Аврелій долженъ былъ уступить потому именно, что имъ овладѣлъ духъ сомнѣнія, навѣянный христіанствомъ о незаконности территоріальныхъ побѣдъ. Ренанъ передаетъ въ доказательство слова самого Марка Аврелія, который писалъ: «Паукъ счастливъ поймавъ муху. Одинъ гордится тѣмъ, что схватилъ зайца, другой—кабана, третій—сармата. Съ нравственной точки зрѣнія это все тѣ же разбойники».

Ренанъ относится съ похвалой къ «Мыслямъ Марка Аврелія». Онъ находитъ, что это сочиненіе не можетъ устарѣть. Онъ очень подробно рассказываетъ о мученикахъ и удивляется ихъ выдержкѣ характера, какъ вратъ, изучающій нервные припадки больнаго. Подъ видомъ, что онъ ими восторгается, скрыта тайная насмѣшка. Онъ просто унижаетъ ихъ своими похвалами, говоря, «что радость и восторгъ общихъ страданій приводили ихъ въ почти безчувственное состояніе,—имъ казалось, что изъ бедра Иисуса истекаетъ божественная вода, ихъ освѣжающая; публичность ихъ страданій поддерживала ихъ силы». Первые сподвижники вѣры являются въ его глазахъ сумасшедшими тщеславцами. Онъ этимъ не довольствуется и проводитъ сравненіе между мучениками и гладиаторами, доказывая, что одно тщеславіе можетъ вызвать самые геройскіе подвиги и дать силу выдержать самыя страшныя мученія. Ренанъ осуждаетъ въ гоненіяхъ не цѣль, а послѣдствія, и какъ будто намекаетъ, что на мѣстѣ Марка Аврелія онъ самъ бы лучше справился. Ренанъ: «Еслибы Маркъ Аврелій вмѣсто дикихъ звѣрей и истязаній пустилъ бы въ ходъ народную школу и рациональное обязательное обученіе, онъ гораздо легче уничтожилъ бы всѣ прелести сверхъестественнаго міра»; но «почва не была еще тогда подготовлена хорошимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія». Не слѣдуетъ ли изъ этого, что будь Ренанъ министромъ просвѣщенія при Маркѣ Авреліи, міръ избавился бы отъ христіанства?

Ренанъ соглашается, что царство философовъ ничуть не сократило общественнаго зла. «Въ сущности,—говоритъ онъ,—преобразованія, достигнутыя Антониномъ и Маркомъ Авреліемъ, были только наружныя. Все ограничивалось лицемѣріемъ, внѣшнимъ видомъ, чтобы подольститься обонимъ

мудрымъ императорамъ. Масса народа была груба, армія ослабла, всюду господствовало уныніе». Никакая древняя философія не могла спасти отжившаго общества. Въ книгѣ Ренана перемѣшаны всевозможныя вѣроисповѣданія съ христіанствомъ; онъ говоритъ, что въ послѣдніе дни своей жизни Маркъ Аврелій «достигъ Нирвана Будизма, т. е. спокойствія Христа». Явное противорѣчіе: Нирвана есть уничтоженіе самаго нравственнаго существа, а спокойствіе Христа—уничтоженіе дурныхъ наклонностей души. Разсказавъ о смерти Марка Аврелія, Ренанъ ставитъ разные вопросы, изъ которыхъ можно вывести заключеніе, что его завѣтная мечта—предоставить новой философіи ту же первенствующую роль, какую занимали нѣкогда философы древняго міра.

Онъ не прочь и отъ новаго Марка Аврелія, окруженнаго на сей разъ мудрецами съ береговъ Сены, Темзы и Спре. Не то, чтобы человѣчеству отъ этого стало легче, — и въ этомъ Ренанъ сомнѣвается, какъ и во всемъ остальномъ,—но это было бы любопытное явленіе и интересный матеріалъ, еслибы кому-нибудь изъ будущихъ Ренановъ вздумалось написать книгу выгодную для спекулятивныхъ цѣлей.

Римская имперія пала, потому что олицетворяла собою принципъ грубой матеріальной силы; этого и самъ Ренанъ не отвергаетъ, несмотря на свое враждебное отношеніе къ живительной силѣ, низвергшей язычество.

Въ концѣ сочиненія, которыхъ Ренанъ заключаетъ серію своихъ изслѣдованій о христіанствѣ, онъ проявляетъ готовность покадить передъ личностью Христа, но въ этомъ кажденіи нѣтъ энїіама. Онъ говоритъ, что были вѣроятно какія-нибудь причины столь сильной привязанности учениковъ ко Христу, «если они даже повѣрили его воскресенію», что онъ мастерски съумѣлъ побѣдить сердца «десятка два людей». Какъ ученый, Ренанъ весьма критически относится къ первымъ письменнымъ памятникамъ христіанства, находитъ ихъ «грубыми, наивными, безграмотными», уподобляетъ Посланія Апостоловъ сочиненіямъ современныхъ социалистовъ-фанатиковъ, вышедшихъ изъ народа, передающихъ свои убѣжденія въ наивномъ нарѣчїи простолюдина. По его мнѣнію, апостолъ Павелъ выражается такъ же плохо на греческомъ языкѣ, какъ Бабикъ, членъ парижской коммуны 1871 года, на французскомъ. «А все-таки,—добавляетъ Ренанъ,—этотъ лепетъ людей вышедшихъ изъ невѣжественныхъ классовъ сдѣлался второй Библіей человѣческаго рода». Итакъ, первый изъ французскихъ софистовъ, ученѣйшій академикъ, утонченный скептикъ, побаивается и ненавидитъ этихъ безграмотныхъ писаекъ и уподобляетъ ихъ произведенія апостольскимъ посланіямъ первоначальной христіанской церкви, пережившимъ всѣ мудрствованія философскихъ школъ.

Ренанъ не мирится съ неспособностью современной философіи къ обновленію міра. Онъ находитъ, что человѣкъ рождается до того ничтожнымъ, что только тогда бываетъ хорошъ, когда замечается. Мечты—это вѣра. «Здравый смыслъ не производитъ мучениковъ. Человѣкъ приноситъ себя

въ жертву только тому, во что вѣрить, а вѣрить онъ только въ неопредѣленное, неразумное; онъ покоряется разсудку, но не вѣрить въ него».

Ренанъ ищетъ утѣшенія въ неудачамъ философіи въ окружающихъ его явленіяхъ. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—ничтожное общество спиритовъ доставляетъ болѣе утѣшенія своимъ членамъ, чѣмъ самая здравая философія». Въ его глазахъ ученіе Иисуса могло быть замѣнено чѣмъ-нибудь другимъ такъ же легко, какъ перехватывается академическое кресло у соперника. «Иисусу особенно посчастливилось,—говоритъ онъ,—Его Евангеліе одержало верхъ и религія, назначенная для утѣшенія малочисленнаго избраннаго кружка, сдѣлалась религіей, исповѣдуемой милліонами». Не менѣе того Ренанъ отрицаетъ полную побѣду христіанства. Исторія Европы не есть въ его глазахъ свидѣтельство въ пользу христіанства: «достоинство религій опредѣляется качествомъ народовъ, ихъ исповѣдующихъ». Ренанъ предвѣщаетъ религіозный кризисъ. Для него разрѣшеніе задачи состоитъ въ церкви, изъ которой изъято все сверхъестественное и превращенной въ нѣчто въ родѣ школы любезныхъ профессоровъ, ратующихъ о добродѣтели съ цѣлью исключить изъ жизни всякую сухость, «особенно въ отношеніи къ женщинамъ», и проповѣдующихъ, что просвѣщенные умы должны смотрѣть на вѣроисповѣданіе какъ на второстепенный вопросъ, «имѣющей значеніе только по тому чувству, которымъ оно одушевлено».

Несомнѣнно, что человѣчество, утомленное философскими распрями, недовольное бездѣйствіемъ своихъ духовныхъ путеводителей, жаждетъ какаго-нибудь исхода, но ученіе, подобное Ренану, только усиливаетъ нравственный хаосъ нашего вѣка, а успѣхъ, достигнутый имъ въ образованныхъ классахъ, доказываетъ жалкое сочувствіе общества къ кошунству, тѣмъ болѣе оскорбительному, что оно облечено въ форму апологіи.

Кромѣ теологическихъ возраженій католическихъ и протестантскихъ духовныхъ лицъ, никто не смѣетъ поднять голоса противъ Ренана. Страшно плыть противъ теченія, но придетъ день, когда несомнѣнно убѣдятся, что сочиненія Ренана не что иное какъ масса противорѣчій, облеченныхъ въ изящную форму; они нравятся невѣрующимъ, которымъ пріятно услышать подтвержденіе собственныхъ мнѣній изъ устъ извѣстнаго ученаго.

Францискъ Сарсе читалъ въ залѣ конференцій, въ Boulevard des Capucines, отзвѣвъ о Маркѣ Авреліи и самомъ Ренанѣ. Одинъ скептикъ критиковалъ другаго. Онъ возсталъ противъ намѣренія Ренана остановиться, въ своихъ изслѣдованіяхъ первоначальныхъ временъ христіанства, на царствованіи Марка Аврелія. Сарсе находитъ, что отрочество христіанства интересно не менѣе его младенчества. Онъ скромно отклонилъ отъ себя разборъ догматическихъ и философическихъ сторонъ произведенія Ренана и преимущественно распространялся о красотѣ его слога и увлекательности разсказа. Самого же Ренана Сарсе сравнилъ съ Маркомъ Авреліемъ, но не вѣришь ли было бы уподобить его разнокалибернымъ философамъ, окру-

жавшимъ императора, благодаря содѣйствию которыхъ великій императоръ остался на точкѣ пониманія отжившаго стоицизма, не позналъ величія христіанства и даже гналъ его. Сарсе восхищается утонченностью пера Ренана и прелестнымъ колоритомъ, которымъ онъ освѣщаетъ самые мрачные предметы. Въ наше время вообще царствуетъ мода переносить читателя въ первые вѣка христіанства и увѣрять его, что онъ совершаетъ сентиментальную прогулку въ областяхъ современной пошлости.

Въ виду того, что разсказъ о страданіяхъ мучениковъ могъ бы болѣзненно подѣйствовать на нервы чувствительныхъ читательницъ, Ренанъ успокоиваетъ ихъ, увѣряя, что вѣра дѣйствуетъ наравнѣ съ хлороформомъ, вслѣдствіе чего руки и ноги отымались у мучениковъ безъ боли. Сарсе сочувствуетъ гипотезѣ Ренана. Она хороша тѣмъ, что извиняетъ палачей, выставляетъ людей вѣрующихъ фанатиками и успокоительно дѣйствуетъ на совѣсть невѣрующихъ людей... Еслибы Маркъ Аврелій предалъ растерзанію дикими звѣрями не христіанъ, а философовъ, отвергавшихъ язычество, насмѣхавшихся надъ богами, но готовыхъ по заказу принести имъ жертвы,—и Ренанъ, и Сарсе заговорили бы другимъ языкомъ и навѣрное усомнились бы въ безчувственномъ состояніи жертвъ царской жестокости.

Во второй ноябрской книжкѣ «Revue Nouvelle» напечатана статья г. Емиля Левель, ратующая противъ проложенія второй желѣзно-дорожной линіи отъ Кале до Марсея. По мнѣнію автора, правительство сдѣлаетъ грубую ошибку, если дастъ свое согласіе на открытіе новаго пути сообщенія, хотя всѣмъ извѣстно, что теперешняя линія завалена товаромъ и не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ массы публики, нуждающейся въ этой важной соединительной линіи. Проектированная дорога сократитъ путь на сто километровъ. Аргументація г-на Левель весьма слаба: онъ, повидимому, опасается убытковъ, ожидающихъ большія желѣзно-дорожныя компаніи, Сѣверную и Лионскую, въ виду угрожающей имъ конкуренціи, и забываетъ о выгодахъ торговли и публики. Журналъ «Revue Nouvelle», стремящійся занять первенствующее мѣсто въ журналистикѣ, придерживается въ политическихъ и экономическихъ вопросахъ тѣхъ же узкихъ взглядовъ, какъ и соперница его «Revue des deux Mondes».

Въ послѣдней книжкѣ «Revue des deux Mondes» Альфредъ Гари помѣстилъ статью, озаглавленную: «Опытъ религіозной реставраціи во времена директоріи». Описывается небольшой кружокъ деистовъ, извѣстный подъ именемъ теофилантроповъ, отрешійся отъ всякихъ религіозныхъ формъ и получившій во время директоріи право гражданства и позволеніе совершать свое богослуженіе въ католическихъ церквахъ, которое состояло изъ чтеній отрывковъ Жанъ-Жакъ Руссо, Платона, Евангелія, Корана и проч. и пѣнія одъ Жанъ Баптиста Руссо. Это общество просуществовало очень не долго. Въ числѣ его членовъ было нѣсколько замѣчательныхъ людей, между прочимъ Бернарденъ де-С.-Пиерръ. Оно уже почти прекратило свое существо-

ваніе, когда Наполеонъ I издалъ декретъ объ его уничтоженіи. Авторъ въ концѣ своей статьи признаетъ, что «лучшая часть ученія теофилантроповъ почерпнута у Иисуса Назарейскаго». Онъ доказываетъ, что религиозные недостатки и сомнѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ общая антипатія къ духовству французскаго современнаго общества—остались тѣ же, какъ были въ концѣ XVIII вѣка.

Въ первой декабрской книжкѣ того же журнала помѣщена статья Фердинанда Лессепса о Тунисѣ и Алжирѣ. Въ отвѣтъ на дикіе вопли нѣкоторыхъ газетъ, требующихъ истребленія арабовъ, Лессепсъ старается доказать, что «лучше успокоить головы, чѣмъ ломать ихъ». Проживъ такъ долго на Востокѣ, онъ ознакомился съ нравами тамошнихъ народовъ и увѣряетъ, что фанатизмъ противъ христіанъ развитъ у турковъ, а не у арабовъ, «соблюдающихъ магометанскую вѣру во всей первоначальной чистотѣ, Коранъ же признаетъ невѣрными однихъ идолопоклонниковъ, а не христіанъ». Лессепсъ приводитъ въ доказательство прекрасный стихъ Корана, гласящій: «Послѣдователи іудейской или христіанской вѣры, вѣрующіе въ Бога и творящіе добрыя дѣла, несомнѣнно удостоятся награды отъ Господа. Насиліе не нужно въ дѣлахъ вѣры,—истина сама собой отдѣляется отъ лжи». Мусульманскій фанатизмъ такъ же мало относится къ Корану, какъ инквизиція къ Евангелію. Абд-Эль-Кадеръ говорилъ объ еврействѣ, христіанствѣ и мусульманствѣ, «что эти три религии составляютъ одну, что онѣ похожи на дѣтей одного отца отъ разныхъ матерей». Лессепсъ совѣтуетъ относиться къ арабамъ съ кротостью и уваженіемъ. Онъ могъ бы сдѣлаться отличныиъ генераль-губернаторомъ Алжира, но республиканцы не прощаютъ ему его добрыхъ отношеній съ императрицей Евгеніей.

Болани, въ статьѣ своей «Талейранъ на вѣнскомъ конгрессѣ», восхваляетъ патріотическія достоинства этого «предшественника Бисмарка». Статьи, написанныя въ такомъ духѣ, показываютъ современный приливъ восторга къ прусской политикѣ, упадокъ патріотическаго нравственнаго чувства и непониманіе судебъ французскаго народа. Такое направленіе для государства опаснѣе потери Меца и Страсбурга.

Въ «Revue des deux Mondes» помѣщена монографія де-Вогье о Мазепѣ, составленная исключительно по русскимъ источникамъ. Тамъ же Максимъ Дюкамъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» переноситъ насъ въ Египетъ. Онъ любитъ путешествія и весьма увлекательно описываетъ пирамиды, Нилъ, Востокъ. Ожесточенный авторъ «Парижскихъ конвульсій» благодушествуетъ въ Африкѣ и Азіи.—Герцогъ Брогли въ ноябрской и декабрской книжкахъ того же журнала разсматриваетъ недавно изданную въ Берлинѣ и Вѣнѣ переписку Фридриха II и Маріи-Терези. Мѣсто не позволяетъ намъ вдаваться въ подробный разборъ этой статьи, представляющей много новаго и интереснаго.

Въ «Revue politique et littéraire», въ статьѣ, озаглавленной: «Вѣрующій революціонеръ», де-Пресансе разбираетъ «біографію Мацини», составлен-

ную г-жею Ашустъ-Вентурини, сестрой Станфильда, товарища Гладстона. Маццини понялъ съ раннихъ лѣтъ, что жизнь человѣка есть миссія; онъ до послѣднихъ дней былъ непоколебимъ въ своей вѣрѣ. «Развратъ и обманъ исчезнуть,—писалъ онъ,—тиранія настанетъ конецъ, Богъ останется всегда. Отъ кого идетъ чувство обязанности, какъ не отъ Бога? Безъ Него у человѣка одна бессознательная сила. Во имя кого, какъ не Его, можемъ мы возставать противъ насилія?». Пресансе — протестантскій пасторъ. Его либеральный взглядъ на Маццини не удивителенъ, но рядомъ съ его оцѣнкой въ ноябрьской книжкѣ католическаго журнала «Le Correspondent» мы находимъ мнѣнiе католиковъ о томъ незабвенномъ патріотѣ. Его вѣра спасаетъ его въ глазахъ клерикаловъ; биографъ его, г. Огюсть Булле, признаетъ его «преданнымъ дѣлу, стойкимъ, чистосердечнымъ, великимъ умомъ и характеромъ». Онъ заключаетъ свой очеркъ слѣдующими словами: «Мы изучили душу человѣка, воспламенявшаго сердца ближнихъ своей вѣрой и патріотизмомъ, указавшаго имъ путь къ высокимъ подвигамъ». Какъ удивился бы Маццини похваламъ «Correspondent», бывшаго нѣкогда органомъ Монталамбера! Для русскихъ читателей ноябрьская книжка этого журнала имѣетъ особенный интересъ. Маркизь де-Сегюръ, котораго мать рожденная графиня Ростопчина, напечаталъ въ ней письма и неизданныя путевыя записки знаменитаго московскаго генераль-губернатора. Это была сильная натура, налагавшая печать оригинальности на свои произведенiя. Сегюръ ссылается на источники, изданные сыномъ графа Ростопчина, недоступные для публики, потому что были напечатаны только въ двѣнадцать экземплярахъ. Онъ цитируетъ замѣчания своего дѣда о характерѣ французовъ, примѣнимыя и къ нашему времени: «У французовъ,—говоритъ онъ,—слово перегоняетъ мысль, дѣйствiе—причину; вся ихъ жизнь—экспромптъ». Письмо о смерти императрицы Екатерины II-й заключается размышленiемъ, достойнымъ Тацита: «Плачь и скрежетъ зубовъ не шли далѣе порога покоя, гдѣ лежало тѣло. Дворецъ былъ наполненъ чиновными и высокопоставленными лицами, которые во всѣхъ случаяхъ жизни, счастливыхъ или несчастливыхъ, исключительно заняты собственнымъ интересомъ. Эта была роковая для нихъ минута, какъ страшный судъ для грѣшниковъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, попадутъ ли они направо или налѣво, будутъ ли они призваны въ царствiе небесное или повержены въ геенну огненную». Его путевыя записки заключаютъ въ себѣ много юмористическихъ и саркастическихъ замѣтокъ. Маркизь де-Сегюръ намѣренъ продолжать изданiе своихъ семейныхъ бумагъ, съ которыми мы, въ свое время, познакоимъ читателей.

W***.

Парижъ.

4¹/₂ дек. 1881 г.

Редакторъ С. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

О П Е Ч А Т К И.

Въ XII кн. 1881 г. ст. «Дѣла Сербіи».

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
60	22 сверху	Миноевичъ	Милоевичъ
66	8 „	либеральная, или правитель- ственная	либеральная или правитель- ственная
—	9 и 10 „	соціалъ - демократическая — Карагеоргиевича, русская— Ристича, Чумича,	соціалъ - демократическая, Карагеоргиевича, русская, Ристича, Ружича,
67	4 „	Румичичей	Ружичей
71	3 снизу	Атула	Антула

Во «Внутреннемъ Обзорѣніи».

162	4 снизу	и основы XIX ст. однѣ и тѣ же?	и основы XIX ст. не однѣ и тѣ же?
166	2 сверху	я не внесу	я не вижу

XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:

I. Новый годъ.—В. Г. 83

II. Интересы минуты. —снаго. 87

XVII. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ НЫНѢ ДѢЙСТВУЮЩАГО ПОЛОЖЕНІЯ О ГОРОДСКИХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ БАНКАХЪ.—Оренбургскаго городского головы Н. А. Середы. . 1 21

XVIII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Дебютъ новаго министерства. — Перемѣны въ дипломатіи. — Программа министра народнаго просвѣщенія. — Рѣчь министра торговли. — Театръ: «Odette» и «La fille d'un déporté». — Новости литературы: Эгюдь г. Ириарта объ итальянскихъ кондотьери XV вѣка и «Маркъ Аврелій и конецъ древняго міра» г. Ренана. — Обзоръ періодическихъ изданій. — W*** 134

Приложеніе: АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—III 3

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничныя—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ часа до трехъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ конхъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемая для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

При этой книгѣ разсылаются всѣмъ подписчикамъ объявленіе объ изданіи въ 1882 году газеты *Земство* и журналовъ *Русская Мысль* и *Юридическій Вѣстникъ*.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1882 годъ (третій годъ изданія):

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 книга:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	} 2 р. 50 к.
Съ пересылк. въ др. гор.	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	
За границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., къ 1 апрѣля 5 руб. и къ 1 іюля остальные 5 руб.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ № 42, въ отдѣленіи конторы—на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской и въ магазинѣ типо-литографіи И. Н. Кушнерева и К^о, на Никольской улицѣ, домъ Чижовыхъ.

Гг. иногородныхъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ дня.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling (510) 642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing books to NRLF
- Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date.

DUE AS STAMPED BELOW

MAY 27 1997

12.000 (11/95)

(H241s10)476B

Berkeley